

A decorative banner with a crown at the top, held by two figures. The banner is red with black text and a black fringe.

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

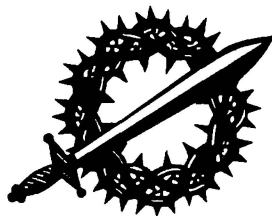
A wide, ornate border with a repeating floral and leaf pattern in gold and black.

ВОЗРОЖДЕННЫЕ
ПОЛКИ
РУССКОЙ АРМИИ
В БЕЛОЙ БОРЬБЕ
НА ЮГЕ РОССИИ

ВОЗРОЖДЕННЫЕ ПОЛКИ
РУССКОЙ АРМИИ
В БЕЛОЙ БОРЬБЕ
НА ЮГЕ РОССИИ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

ББК 63.3(2)-8
В64

Под общей редакцией авторов проекта
членов Российского Дворянского Собрания
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА

Оформление художника И.А. Озерова

В64 **Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарий доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 574 с.**

ISBN 5-227-01764-6

Книга «Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России» представляет собой седьмой том серии, посвященной истории Белого движения в России по воспоминаниям его участников.

За небольшим исключением помещенные в томе материалы никогда в России не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширным комментарием, содержащим несколько сот неизвестных и публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

Книга и вся серия входят в реализуемый издательством «Центрполиграф» издательский проект под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Книги серии, как и всего проекта, рассчитаны на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, составление, предисловие, комментарий, 2002

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-227-01764-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой том серии «Белое движение в России» посвящен участию в Белом движении (в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России и Русской Армии) возрожденных полков российской армии.

Движение за возрождение полков получило распространение прежде всего среди офицеров гвардейских и кавалерийских частей, ибо первые отличались наиболее сильным корпоративным духом, а вторые в наибольшей степени сохранили свои кадры. К тому же офицеры всех этих полков по обстоятельствам происхождения и образования (в большинстве потомственные военные, окончившие кадетские корпуса) отличались наибольшей непримиримостью к большевикам и дали, по сравнению с другими частями, наибольший процент участников Белого движения. Пехотные полки в ходе мировой войны почти полностью лишились своих кадровых офицеров — носителей традиций полка (не говоря уже о том, что абсолютное большинство пехотных частей были сформированы только в годы войны и имели случайный офицерский состав), поэтому их возродить было труднее.

Возрожденный полк сохранял свои традиции, и его офицеры, как правило, стремились служить именно со своими однополчанами, переводясь из других частей армии. Офицеры других полков (в т. ч. и пехотных в кавалерийском полку) считались прикомандированными к полку и после нескольких месяцев (например, в Крымском конном — полгода) службы по подаче соответствующего рапорта и решению собрания офицеров принимались в полк постоянно. В полк производились во время войны поступившие в него вольноопределяющиеся и юнкера, среди которых были обычно младшие братья и сыновья служивших в полку офицеров.

Надо сказать, что возрождение кавалерийских полков встречало на первых порах противодействие командования, опасавшегося распыле-

ния кавалерийских офицеров по мелким формированиям. Но в дальнейшем именно кавалеристы дали наибольшее количество возрожденных полков. Почти все из возрожденных кавалерийских полков были воссозданы на Юге России — в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. На Востоке, в армии адмирала Колчака, кавалеристов вообще было очень мало, так как до Первой мировой войны почти все части регулярной кавалерии были расположены в западных военных округах. Только 5-я кавалерийская дивизия стояла на Волге и Приморский драгунский полк — на Дальнем Востоке. Офицеры этих полков тоже стали кадром кавалерийских полков белой армии на Востоке, но (за исключением Приморского драгунского полка) — под иными наименованиями.

Участниками Белой борьбы было абсолютное большинство офицеров-кавалеристов (от 50 до 90 процентов по каждому полку, не считая тех, что были расстреляны большевиками до того, как смогли пробраться в белые армии), в том числе почти все состоявшие в рядах полка к концу 1917 года. Большинство их воевало в составе своих возрожденных частей на Юге, но многие оказались разбросаны по другим фронтам Белого движения (например, из офицеров 1-го гусарского Сумского полка, помимо полусотни, в Сибири воевали 12 человек, 3 — на Севере, 3 — в Северо-Западной армии). В общей сложности были возрождены в виде эскадронов, дивизионов или даже полков полного состава 17 (из 18) гусарских, все 17 уланских и 15 драгунских (из 22) полков, то есть 49 из 57 полков регулярной армейской кавалерии. Кроме того, кадром соответствующих полков белой армии послужили офицеры некоторых «туземных» конных полков — кабардинских, черкесских и др. В общем виде картину воссоздания кавалерийских полков можно представить в следующем виде.

Полки	Единица	Части и соединения, куда входили подразделения полка
Драгунские: 2-й Псковский 3-й Новороссийский	эскадрон полк	3-й кавалерийский (1 кд) Перекопский отряд, Сводно-драгунский (Отдельной бригады и 2 кд), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (2 кд и 1 окб)
5-й Каргопольский	полк	В Сибирской армии как Казанский драгунский
8-й Астраханский	дивизион	Сводный полк 1-й бригады 8-й кавалерийской дивизии

В БЕЛОЙ БОРЬБЕ НА ЮГЕ РОССИИ

9-й Казанский	полк	Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (1 кд), свой (9 кд), 5-й кавалерийский (2-й конной дивизии), 6-й кавалерийский (2 кд, потом 1 кд)
10-й Новгородский	дивизион	10-й гусарский Ингерманландский (1 кд), 1-й конный (1 кд)
11-й Рижский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (1 окб), 2-й кавалерийский (2 кд), стрелковый (2 кд)
12-й Стародубовский	дивизион	Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (1 кд), 2-й кавалерийский (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
15-й Переяславский	дивизион	Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии (2 кд), Сводно-драгунский (2 кд)
16-й Тверской	дивизион	Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии (2 кд), Кавказский кавалерийский (2 кд)
17-й Нижегородский	дивизион	То же
18-й Северский	дивизион	То же
19-й Архангелогородский	эскадрон	Сводно-уланский (1 кд), 4-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
Приморский	полк	В Сибирской армии под своим наименованием
Крымский конный	полк	Сводно-драгунский (2 кд), свой, 2-й Туземный конный (3-я конная, 2 окб), 9-й кавалерийский (1 окб), 7-й кавалерийский (2 кд), стрелковый 2 кд
Уланские:		
1-й Петроградский	полк	Сводно-драгунский (2 кд), свой, 7-й кавалерийский (2 кд)
2-й Курляндский	эскадрон	1 кд
3-й Смоленский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд), 7-й кавалерийский (2 кд)
4-й Харьковский	дивизион	Чеченская конная дивизия, 2-й Туземный конный (2 окб), 9-й кавалерийский (1 окб), 4-й кавалерийский (2 кд)
5-й Литовский	полк	В Сибирской армии как Симбирский уланский

ВОЗРОЖДЕННЫЕ ПОЛКИ РУССКОЙ АРМИИ

6-й Воынский	эскадрон	1-й кавалерийский (1 кд)
7-й Ольвиопольский	эскадрон	3-й конный (2 кд)
8-й Вознесенский	дивизион	Сводный полк 1-й бригады 8-й кавалерийской дивизии
9-й Бугский	полк	Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (1 кд), свой (9 кд), 5-й кавалерийский (2-я конная), 6-й кавалерийский (2 кд, потом 1 кд)
10-й Одесский	дивизион	10-й гусарский Ингерманландский (1 кд), 1-й конный (1 кд), 1-й кавалерийский (1 кд)
11-й Чугуевский	полк	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), свой (1-й сводной кд Донской армии), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
12-й Белгородский	дивизион	Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (1 кд), 2-й конный, 3-й конный (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
13-й Владимирский	дивизион	Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
14-й Ямбургский	эскадрон	1 кд; в Сибирской армии как Ачинский конно-партизанский отряд
15-й Татарский	эскадрон	Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
16-й Новоархангельский	полк	Сводно-уланский (1 кд), свой, 2-й кавалерийский (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
17-й Новомиргородский	эскадрон	Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
Гусарские:		
1-й Сумский	дивизион	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд), стрелковый (2 кд)
2-й Павлоградский	дивизион	3-й кавалерийский (1 кд), 2-й кавалерийский (2 кд), 4-й кавалерийский (2 кд)
3-й Елисаветградский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (1 окб и 2 кд)
4-й Мариупольский	полк	3-й конный (2 кд), свой (1-й сводной кд Донской армии), 4-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)

В БЕЛОЙ БОРЬБЕ НА ЮГЕ РОССИИ

5-й Александрийский	полк	Перекопский отряд, Запасный кавалерийский полк, свой, 1-й кавалерийский (1 кд); в Сибирской армии как Самарский полк
6-й Клястицкий	полк	свой (1-й сводной кд Донской армии), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд), стрелковый (2 кд)
7-й Белорусский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
8-й Лубенский	дивизион	Отдельная бригада, 7-й кавалерийский (2 кд и 1 окб)
9-й Киевский	полк	Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (1 кд), свой (9 кд), 5-й кавалерийский (2-я конная), 6-й кавалерийский (2 кд, потом 1 кд)
10-й Ингерманландский	полк	свой (1 кд), 5-й кавалерийский (2-я конная), 1-й кавалерийский (1 кд)
11-й Изюмский	дивизион	Сводно-гусарский (1 кд), 1-й конный (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
12-й Ахтырский	дивизион	Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
13-й Нарвский	дивизион	Войска Северного Кавказа, 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
14-й Митавский	полк	2-й Чеченский, Сводно-гусарский (1 кд), 5-й гусарский Александрийский, свой, 2-й кавалерийский (2 кд)
15-й Украинский	эскадрон	2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд); Русская Западная армия
16-й Иркутский	дивизион	13-й пехотный Белозерский, 3-й кавалерийский (1 кд), 4-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд), стрелковый (2 кд); в Сибирской армии под своим наименованием
17-й Черниговский	дивизион	Сводно-гусарский (1 кд), 1-й конный (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)

Несмотря на указанные выше трудности, были возрождены и некоторые пехотные части — все гренадерские и некоторые пехотные полки, сохранившие свои знамена или достаточно заметный офицерский кадр. Гренадеры первоначально были ротой в Марковском полку, а в Южной армии — 2-м батальоном 2-го Сводно-гренадерского полка. Затем осенью 1918 года был сформирован Сводно-гренадерский батальон, вскоре развернувшийся в Сводно-гренадерский полк из 16 рот

(каждого из прежних полков), вошедший в 6-ю пехотную дивизию Кавказской армии. Затем в ее составе были образованы 1-й и 2-й Сводно-гренадерские полки (во 2-й входили офицеры Кавказской гренадерской дивизии, и он был переименован в Сводный полк Кавказской гренадерской дивизии). В сентябре 1919 года 6-я дивизия была преобразована в Сводно-гренадерскую (включая 4 — от каждой дивизии Императорской армии — сводно-гренадерских полка). Из пехотных полков были возрождены прежде всего те, что стояли до войны на территории, занятой белой армией: стоявшие в Крыму полки 13-й и пришедшие туда же из Екатеринослава полки 34-й пехотных дивизий (сначала существовавшие в виде сводных полков этих дивизий), а также 13-й Белозерский, 14-й Олонецкий, 25-й Смоленский, 42-й Якутский, 75-й Севастопольский, 76-й Кубанский, 80-й Кабардинский, 81-й Апшеронский, 82-й Дагестанский, 83-й Самурский, 84-й Ширванский и ряд других (в декабре 1919 года планировалось развернуть 45-й и 47-й полки; целый ряд полков существовал в виде ячеек или рот при других полках). Наконец, в армии существовали сводные полки некоторых дивизий: 4-й стрелковой, 14-й, 15-й, 19-й, 20-й, 31-й (2 полка), 52-й (2 полка) пехотных. Офицеры стрелковых полков были объединены во ВСЮР в рядах Сводно-стрелкового полка, Сибирских стрелковых — в рядах Сводного Сибирского стрелкового полка.

В настоящем издании собраны воспоминания участников боев в составе воссозданных полков: 1-го Сумского, 4-го Мариупольского, 5-го Александрийского, 6-го Клястицкого, 10-го Ингерманландского и 17-го Черниговского гусарских, 1-го Петроградского, 14-го Ябургского и 16-го Новоархангельского уланских, 2-го Псковского, 9-го Казанского, 17-го Нижегородского драгунских, Крымского, Кабардинского и черкесских конных полков, 13-го гренадерского Эриванского, 13-го Белозерского и 42-го Якутского пехотных полков. В разное время они публиковались в русской эмигрантской печати (помещены как фрагменты из книг, так и журнальные и газетные публикации). Почти все эти воспоминания (за исключением мемуаров А. Столыпина и С. Топкова) никогда в России не публиковались.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к теме. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки.

Поскольку в белой армии на Юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

**ВОЗРОЖДЕННЫЕ
ПОЛКИ
РУССКОЙ АРМИИ
В БЕЛОЙ БОРЬБЕ
НА ЮГЕ РОССИИ**

СУМСКИЕ ГУСАРЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ¹

Контрреволюционные организации. Попытка освобождения царской семьи

В начале 1918 года 1-й гусарский Сумский полк², прибывший с фронта в Ярославскую губернию, был расформирован, офицеры и гусары разъехались по всей необъятной России.

Многие офицеры уже вскоре после Февральской, а особенно после Октябрьской, революции стали покидать ряды полка, увидевши бессмысленность пребывания на фронте, и начали собираться в Москве, так или иначе связанные с ней, как с мирной стоянкой полка. Позднее в Москву приехали офицеры, бывшие в командировках и оставшиеся в полку до его расформирования. На новое амплуа свободных граждан все офицеры-сумцы смотрели как на кратковременный отпуск, за которым надо было что-то делать. Что делать? — Ясно, бороться с большевиками. Решением этого вопроса явилось вступление почти всех офицеров-сумцев в контрреволюционные организации, росшие тогда в Москве как грибы.

Из крупных контрреволюционных организаций были: организация, возглавляемая известным социал-революционером Борисом Савинковым³, в которую входили офицеры разных политических оттенков, от левых до монархистов. Эта организация⁴ после зарождения в Казани армии Учредительного собрания⁵ стала вербовать людей для нее и переправлять их в Казань; другая, тоже военная, организация была чисто монархическая, возглавляемая генералом Довгертом⁶, последним командиром Гренадерского корпуса. Организация имела целью борьбу с большевиками и свержение их в самой Москве. После образования на Юге России Добровольческой армии эта организация стала отправлять своих членов на Дон, в Новочеркасск, где находился штаб формирования Добровольческой армии.

Кроме этих военных организаций, были еще организации «штатского» характера, в которые входили лица свободных профессий, духовные лица, общественные и государственные деятели. Цель всех была одна — борьба с большевиками и их свержение.

После Октябрьского переворота в разных кругах и организациях Москвы стали создаваться планы освобождения царской семьи. Единственная реальная попытка спасения Государя и его семьи исходила из кругов одной гражданской организации, возглавляемой московским присяжным поверенным Полянским, монархистом по убеждению, горящим искренним желанием спасти царскую семью.

План Полянского, основанный на сведениях, полученных от агентов, посланных в Тобольск и его районы, заключался в следующем: царскую семью предполагалось вывезти в город Троицк, занятый оренбургскими казаками атамана генерала Дутова⁷. Для разведки (настроение населения, подставы ямщиков, расположение отрядов большевиков и пр.) должны были быть командированы в район городов Екатеринбурга, Тюмени, Троицка и Омска 30 человек под командой ротмистра Сумского полка Лопухина⁸. Отряд по освобождению царской семьи должен был стать ее конвоем при проезде через Оренбургскую губернию. Для выполнения задачи самого освобождения царственных узников должны были прибыть в Тобольск 100 гардемарин под командой полковника Н., командира одного из пехотных полков, который на месте должен был возглавить всю экспедицию.

В отряд ротмистра Лопухина вошли сумцы: штабс-ротмистр граф Борх⁹, штабс-ротмистр Берг¹⁰, штабс-ротмистр Яцинский¹¹, поручики Роменский¹², Водо¹³ и Яффа¹⁴. Отряд должен был отправиться в назначенные города несколько позже отъезда первой разведывательной партии, назначенной в самый Тобольск. Эту разведывательную группу составили трое сумцев: штабс-ротмистр Соколов¹⁵, поручики Дмитрий Головин¹⁶ и Моравский¹⁷. Им было поручено: разведка дома Государя, вхождение в связь с местными монархическими организациями, выяснение численности и боеспособности их, численность охраны Царя, расположение постов, сведения о перевозочных средствах — подставы, настроение населения и выяснение вообще всех способов, нужных для успешного проведения плана освобождения Царя и его семьи.

Во исполнение задачи Соколов, Головин и Моравский выехали из Москвы 6 января и прибыли в Тобольск 14 января 1918 года. До Тюмени ехали по железной дороге, от Тюмени до Тобольска — 269 верст, на ямщицкой тройке. Ехали переодетые солдатами, заранее придав своим лицам и рукам соответствующий вид. Во время путешествия распределили между собой разведывательную работу. Соколов — разведка дома

Государя, численность охраны и расположение постов Головин — разведка телеграфа. Моравский — сведения о перевозочных средствах, места подстав.

По приезде в Тобольск сумцы сразу приступили к исполнению своей задачи. Охрана царской семьи, посланная еще Временным правительством, состояла из солдат Гвардейской стрелковой дивизии численностью в 300—350 человек, дисциплинированных, хорошо выправленных и одетых. Детально было изучено размещение караула в казармах, распорядок дня, число и место постов, выставляемых караулом. Кроме охраны, в городе была местная команда при воинском начальнике, состоявшая из 50 грязных, оборванных, постепенно разбежавшихся солдат, реальной силы из себя не представлявшая. Милиция частью из старых городских с комиссаром из бывших околоточных. В городе из вернувшихся с фронта солдат образовался «Союз фронтовиков», явно большевистского толка и настроенных против стрелков Гвардейской дивизии, «отожравших морду на народных хлебах», и против милиции, занявшей теплые места в ущерб фронтовикам. Желая укрепить свое положение и отвести от себя всякие подозрения, Соколов, Головин и Моравский завязали с «Союзом фронтовиков» близкие сношения и заслужили там полное доверие, чего нельзя сказать про охрану и милицию, с ними приходилось избегать разговаривать и стараться не попадаться на глаза.

Переход власти от Временного правительства в Тобольске произошел безболезненно, комиссар последнего передал власть местному Совету рабочих и солдатских депутатов, состоявшему из социал-демократов меньшевиков, стоявших за созыв Учредительного собрания. Большевистской власти в Тобольске в то время фактически не было.

Отношение населения Тобольска к Царю было не злобное. 6 декабря 1917 года в местном соборе на молебствии диакон провозгласил многолетие Царскому Дому.

Местная монархическая организация состояла из бойскаутов не старше 17 лет и как боевая сила значения не имела.

Выяснили, что телеграф захватить легко, достаточно 5—6 человек. Можно было с уверенностью сказать, что захват телеграфа задержит тревогу на несколько дней, принимая во внимание дальнейшее расстояние Тобольска от железной дороги.

Перевозочные средства, маршрут ямщиков, количество лошадей у каждого в самом Тобольске и далее по пути до Тюмени и Ялоторска были детально изучены и сделана общая сводка всех сведений.

Дом, занимаемый Государем и его семьей, двухэтажный, фасадом на улицу Свободы, окружен большим двором, огороженным забором. Двор выходит на угол улицы Свободы и в небольшой переулок без

названия. Переулок составляет с одной стороны забор двора, за ним видна снежная горка для детей, с другой стороны переулка городской сад. Против дома Государя на другой стороне улицы Свободы — квартиры офицеров охраны. Охрана выставляет четыре поста: два на улице Свободы на углах дома, один в переулке против снежной горки и один с тыловой стороны двора, недалеко от казарм охраны.

Проходя однажды по переулку, сумцы заметили на снежной горке женскую фигуру.

В своих воспоминаниях по этому поводу Соколов в журнале Гессена «Архив Русской Революции», том 17-й, пишет:

«В ней мы узнали Великую Княжну Татиану Николаевну. При нашем приближении она быстро побежала вниз и вернулась в сопровождении Наследника и трех Сестер. Одежды Они были в серые спортивные фуфайки, Наследник в шинели с погонами. Мне приходилось раньше видеть всю Семью. Впечатление теперешней, неожиданной встречи, в присутствии караульного солдата, было иное и тяжелое. Трудно сказать, какие чувства овладели мной и моими друзьями. Молча дошли мы до своей квартиры и до самого вечера не обменялись ни словом. Перед сном Моравский, не одеваясь, вышел и, несмотря на мороз, пробыл на дворе более часа. Заснули мы лишь под утро, проворочавшись всю ночь. Много спустя мы всегда как-то избегали говорить про наше «Святая Святых».

Разведка показала, что приведение плана в исполнение удобнее совершить ночью. Темнота, позволяющая подобраться к постам, сон большинства охраны, мороз, не позволяющий выйти полураздетыми, давали большие преимущества нападающим.

Труднее обстояло дело с размещением гардемарин, прибытие которых ожидалось со дня на день. В самом Тобольске разместить их, конечно, было нельзя, надо было искать помещение в окрестности. Поиски были неудачны, так как вблизи Тобольска ничего подходящего не было. Во время этих поисков неожиданно был арестован поручик Головин, а вслед за ним штабс-ротмистр Соколов и поручик Моравский. Арест произведен по постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов. Им было предъявлено обвинение в попытке ограбления женского монастыря, находящегося недалеко от Тобольска, где они были за несколько дней до ареста, в поисках квартир для гардемарин. Как выяснилось впоследствии на допросе у начальника сыскного отделения — дореволюционного чиновника, конфиденциально сообщившего им, что это обвинение было предъявлено только как повод для ареста, в действительности арест произошел вследствие подозрений в сношении их с Государем.

После допроса все трое были отпущены; у них отобрали документы и взяли подписку о невыезде. Через некоторое время сумцы были снова арестованы и просидели под арестом более месяца. Во время ареста у них возникла мысль произвести с помощью расположенного к ним «Союза фронтовиков» большевистский переворот и стать во главе его, что облегчило бы исполнение главной задачи — спасение Государя. Провести эту идею в жизнь не удалось, постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов сумцам было приказано немедленно покинуть Тобольск.

Отряд ротмистра Лопухина направился из Москвы в назначенный ему район Екатеринбург — Тюмень — Троицк — Омск. Отправлялись небольшими группами. Последняя группа прибыла на место 1 февраля. По прибытии в Челябинск первой группы стало известно, что Троицк еще 25 декабря взят красными. Решено было ждать распоряжений из Москвы, разместившись по указанным районам. Местом назначения сумцев были: Омск (штабс-ротмистр граф Борх, штабс-ротмистр Берг, штабс-ротмистр Яцинский), Екатеринбург (поручик Водо, поручик Роменский, корнет Яффа), в последнем находился и командир отряда ротмистр Лопухин.

Взятие Троицка красными и арест 3 сумцев в Тобольске нарушили первоначальные планы. На сношение с Москвой уходило много времени. Прибытие гардемарин и возглавителя всей операции полковника Н. откладывалось на неопределенное время. Пребывание в Тобольске и его районе значительного количества офицеров было не безопасно как для царской семьи, так и для самих участников экспедиции. Власть большевиков начала обосновываться в Сибири: приехали комиссары и 1-й Северо-карательный отряд, состоящий из матросов броненосца «Гангут». Расчет Полянского на получение денежных средств, нужных на окончательное приведение плана в исполнение — отправку гардемарин, не оправдался, Полянский денег не получил. В конце февраля 1918 года было получено распоряжение из Москвы возвращаться обратно.

Один из участников попытки освобождения царской семьи ротмистр лейб-гвардии Конно-гренадерского полка князь Трубецкой¹⁸ в своих воспоминаниях (журнал «Часовой») говорит:

«Безрезультатна и бесплодна была наша поездка, но не наша тому вина. При основательной и правильной постановке, я и сейчас уверен, что спасение царской семьи было делом вполне осуществимым. Освобождение и вывоз из Тобольска представляли не самую трудную задачу. Главные трудности заключались, конечно, в том, как скрыть и охранить спасенных. Для этого нужна была, во всяком случае, более солидная организация и иной руководитель, а не легкомысленный Полянский,

предпринявший покушение с негодными средствами, при преступной неосведомленности в обстановке. Нужна была большая подготовительная работа, хорошая осведомленность, а главное, как правильно указывает в заключение своей статьи К. Соколов (Попытка спасения царской семьи // Архив Русской Революции. Т. 17), — «деньги, деньги и деньги». В рядовых исполнителях замысла недостатка не было. Наше дело было маленькое. Мы не могли и не должны были входить в критическую оценку плана. От непосредственного начальника — Лопухина мы получили задачу с сознанием важности и конспирации, с доверием основательности постановки дела и данных нам директив. С верой в успех мы пустились в путь. С большим разочарованием мы вернулись, но ни тогда, ни теперь, много лет спустя, никто из нас не жалеет об участии в попытке спасти царскую семью. Осталось хорошее воспоминание о пережитом подъеме духа и сознание, что мы на деле проявили готовность послужить своему Государю и были верны данной ему присяге».

По возвращении из Сибири офицеры-сумцы вступили в военную контрреволюционную организацию, возглавляемую генералом Довгертом. В нее вошли, за малым исключением, все офицеры Сумского полка, бывшие в это время в Москве: подполковник Говоров¹⁹, ротмистры Лопухин, Петрашкевич²⁰, штабс-ротмистры Соколов, граф Борх, Иванов²¹, Токмаков²², Берг, Яцинский, Головин 2-й, поручики Крейтер 2-й²³, Роменский, Водо, князь Церетели²⁴, Моравский, Яффа, Седаков²⁵, Таланов. Большинству участников организации не были известны ее руководители. Организация делилась на десятки, пять десятков сводились в отряд. Каждый рядовой член знал только своего командира десятка, командиры десятков — своего начальника отряда. Боевой группой из шести отрядов командовал Сумского полка ротмистр Лопухин. Связь между всеми подразделениями велась через особо поставленных лиц, бывших в непосредственном подчинении ротмистра Лопухина. Начальником одного из отрядов был штабс-ротмистр Соколов. Начальниками десятков были Головин, Иванов, граф Борх, причем десяток последнего состоял исключительно из сумцев. Казначеем группы был поручик Водо, подчинявшийся непосредственно ротмистру Лопухину. Все должны были быть готовы к выступлению против большевиков в любое время. Денежные средства организация получала частью от торгово-промышленных кругов Москвы и, главным образом, от генерала Довгерта, вывезшего с фронта всю казну Гренадерского корпуса. К сожалению, все же денег было мало.

Несмотря на то что вступающие в организацию офицеры и солдаты были яркими противниками советской власти и принимались под поручительство, все же среди офицеров нашелся предатель, едва не

погубивший всю группу. Это был поручик одного из уланских полков Гайдамакин, своевременно уличенный и ликвидированный. В ликвидации Гайдамакина приняли участие два сумца, А. и С.

В первое время после Октябрьского переворота большевики не проявляли большой активности в вылавливании контрреволюционных элементов. Все обыски и аресты производились, так сказать, самочинным порядком, отдельными лицами, отрядами матросов и солдат или партийными органами. Системы и организации сыска и расследования тогда не было, и контрреволюционные организации жили довольно беззаботно, мало обращая внимание на конспирацию. Когда же была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией (Чека), под главенством Дзержинского, тогда обыски и аресты стали производиться систематически, и большинство арестов кончалось расстрелом. Среди сумцев были произведены обыски у ротмистра Лопухина, графа Борха и Берга. Впоследствии были арестованы и расстреляны Лопухин, князь Меншиков²⁶, Петражкевич, Виленкин. В Петрограде — жорнеты Елизаров 2-й и Панков 2-й, в Екатеринбурге — штабс-ротмистр Бибииков.

Весной 1918 года в Москву стали проникать сведения об образовании на Дону и Кубани Добровольческой армии и белой армии в Казани, которые начали вооруженную борьбу с большевиками.

В июне 1918 года в Москву прибыл из Добровольческой армии генерал Казанович²⁷ для переговоров с местными общественными деятелями. Одновременно генерал Казанович предложил офицерам, входящим в контрреволюционные организации, отправиться в Добровольческую армию, потому что, по сложившейся тогда обстановке, переворот в Москве был обречен на провал.

Офицеры покидали Москву по различным направлениям: на Курск, Воронеж, Харьков, Смоленск, Казань, Архангельск, Мурманск. Граница между Украиной, оккупированной немцами, и Советами проходила тогда около Орши — Харькова — Нового Оскола, где были пропускные пункты. Большинство офицеров ехали нелегально с подложными документами, часто небрежно составленными, так, например, полковник Говоров Борис, направившийся в Сибирь, получил документы, что он уроженец Минской губернии, Нахичеванского (!) уезда.

Проезд совершался с невероятными трудностями, в пути производились обыски, проверки документов, приходилось пробираться через большевистские кордоны и фронты.

Судьба разбросала сумцев по всем белым фронтам. Так, в Сибири оказались: Говоров Борис, Аршаулов²⁸, Литгауэр²⁹, Калачев³⁰, Бибииков, Язвин, Головин Петр³¹, Яффа, Варенцов, Гуковский³², Кулебякин³³,

Вярвьильский³⁴. На Архангельском фронте: Снежков³⁵, Чеботарев, Завалишин³⁶. В Мурманске — Будзко³⁷. На Северо-Западном: Яцинский, Щуровский³⁸, Ипатьев³⁹.

На всех этих фронтах сумские офицеры входили в части, формировавшиеся там, и только в Добровольческой армии Юга России был сформирован сначала эскадрон, а потом дивизион Сумского гусарского полка.

Офицеры-сумцы в 1-м Черноморском полку Кубанского казачьего войска

На призыв генерала Казановича первыми откликнулись офицеры-сумцы: штабс-ротмистры Соколов, Иванов и поручик Крейтер 2-й. Ими был произведен набор желающих ехать в Добровольческую армию. Был собран отряд из юнкеров и кадет, всего 19 человек. Начальником отряда был назначен штабс-ротмистр Соколов. Отряд с подложными документами с Курского вокзала направился в Харьков. Прибыв в распоряжение Добровольческой армии, Соколов и Крейтер были отправлены в запасный дивизион 1-го конного полка⁴⁰ в станицу Грушевскую, Донской области.

Для занятия города Ставрополя, где в июле вспыхнуло противобольшевистское восстание, из Запасного дивизиона был выделен безлошадный эскадрон. Командиром эскадрона назначен штабс-ротмистр Соколов, вахмистром штабс-ротмистр Иванов и взводным 1-го взвода поручик Крейтер. После занятия Ставрополя эскадрон нес там гарнизонную службу. Вслед за эскадроном в Ставрополь прибыл 1-й Черноморский полк⁴¹. Командир полка предложил сумцам (единственным кавалеристам в эскадроне) перейти к нему в полк, на что те и согласились. Один за другим они получили сотни. Соколов — пулеметную, Иванов — 1-ю и Крейтер — 2-ю.

Вокруг Ставрополя беспрерывно велись бои. В одном из них Соколов с пулеметами занимал позицию в кукурузе. Левее его в цепи лежала сотня Иванова. Дальше в лаве стоял рассыпанный полк дивизии Шкуро⁴². Конница большевиков атаковала полк Шкуро, казаки не выдержали и хлынули назад. Два эскадрона красных бросились во фланг пулеметам, спешенные казаки сотни Иванова дрогнули и бросились бежать к коноводам. Положение пулеметов стало критическим. Штабс-ротмистр Иванов заставил своих казаков остановиться, повернул их назад и атаковал два эскадрона большевиков, обратив их в бегство, что и спасло пулеметы.

Впоследствии Ставрополь был занят частями Красной армии Сорочкина⁴³. Кубанской казачьей дивизии генерала Врангеля⁴⁴ было приказано выбить большевиков из города. В подчинение Врангелю входил и Черноморский полк, посланный в обход Ставрополя. Полк выбил большевиков из дома умалишенных, находящегося в версте от города. 1-я сотня штабс-ротмистра Иванова залегла вдоль каменной ограды. Иванов, производивший огромное впечатление на казаков тем, что никогда не ложился в цепи, стоял в воротах ограды без всякого укрытия. Здесь его настигла смертельная пуля (октябрь 1918 года).

После вторичного взятия Ставрополя началось очищение Ставропольской губернии от большевиков. К декабрю дивизия генерала Улагая⁴⁵ и входивший в ее подчинение Черноморский полк подошли к селу Дербетовка на реке Калаус, небольшой, но вязкой и трудно проходимой. 1-я сотня черноморцев под командой штабс-ротмистра Соколова была переправлена через реку в селе Лиман для охраны правого фланга дивизии. 13 декабря утром большевики перешли в решительное наступление. Сотня Соколова, на которую наступал пехотный полк большевиков, была оттеснена сначала в село Лиман, потом вытеснена из села. Соколов получает приказание держаться во что бы то ни стало до подхода к нему Полтавского казачьего полка. Большевики стали выходить из села разными улицами, чем строй их нарушился. Этим решил воспользоваться Соколов и повел сотню в конную атаку. Красные начали бросать винтовки и поднимать руки. Неожиданно из деревни выскочила тачанка с пулеметом и открыла огонь по сотне. Сотня отошла, но и большевики отошли обратно на околицу деревни. Укрыв сотню в овраге, Соколов вышел на пригорок, чтобы выбрать позицию, и был ранен в ногу. Соколов был эвакуирован в Екатеринодар, где ему ампутировали ногу.

Вскоре был ранен командир 2-й сотни поручик Крейтер. За боевые отличия штабс-ротмистр Соколов был произведен в ротмистры, а поручик Крейтер — в штабс-ротмистры. По выздоровлении Крейтер вернулся в полк. Вслед за ним в Черноморский полк прибывают штабс-ротмистр Токмаков и поручик Моравский. Моравский сразу же назначается полковым адъютантом. Во время конной атаки на Маныче Моравский был убит, а Токмаков ранен. После взятия Царицына Черноморский полк был переправлен на левый берег Волги, где в боях Крейтер был вторично ранен. Узнав о прибытии на Кубань Сумского эскадрона, несмотря на уговоры командира Черноморского полка, штабс-ротмистр Крейтер едет в свой Сумский эскадрон.

Командир Черноморского полка полковник Малышенко⁴⁶ высоко ценил сумцев. Вполне разделяя их тягу к своему эскадрону, предлагал

начать формирование их полка при Черноморском полку. То, что в пятисотенном полку (считая пулеметную) тремя сотнями командовали сумцы, и то, что адъютантом был тоже сумец, показывает, на какой высоте стояли гусарские офицеры.

Формирование Сумского гусарского эскадрона в Одессе. Бои в Одесском районе. Отход в Румынию

После зарождения Добровольческой армии на Юге России туда потянулись все, кто хотел принять активное участие в борьбе с большевиками. Поехали и сумцы. Часть из них уезжала прямо в Добровольческую армию, часть — в другие формирования, на Дон, Украину, в общем туда, где начиналась борьба с большевиками.

К концу 1918 года Добровольческая армия, преодолевая сопротивление намного сильнеего врага, освободила от большевиков Кубанскую и Терскую области, Ставропольскую и Черноморскую губернии и продолжала двигаться вперед. В Задонских степях большевики для обороны Маньчга сосредоточили в районе Великокняжеской крупные силы. В каменноугольном Донецком бассейне доблестные полки корпуса генерала Май-Маевского⁴⁷ сдерживали атаки красных, стремившихся вытеснить добровольцев из столь им нужного Донецкого бассейна. Переговоры между генералом Деникиным⁴⁸ и Донским атаманом привели к соглашению. Генерал Деникин объединил командование Добровольческой и Донской армиями, приняв звание Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России. Генерал Врангель был назначен командующим Добровольческой армией.

В Одессе, на пароходе Добровольного флота «Саратов», под командой генерала Гришина-Алмазова⁴⁹ были наскоро сформированы части из офицеров, юнкеров и учащейся молодежи. 8 декабря 1918 года этими частями Одесса была освобождена от петлюровцев. В числе отряда был офицер Сумского гусарского полка, подполковник Швед⁵⁰. При очищении Одессы ему была дана задача занять радиостанцию. С командой в 10 человек радиостанция была им взята. Эти 10 человек, с подполковником Шведом во главе, положили основание Сумского гусарского эскадрона.

Под прикрытием высадившихся в Одессе французских и греческих войск начался период формирования частей Добровольческой армии Одесского района

Французское командование, поддерживая, с одной стороны, связь с Добровольческой армией и не запрещая фактически формирования

Добровольческих частей, с другой стороны, вступало в сношение с различными политическими образованиями в Одессе, как то: Совет Государственного Объединения, Союз Возрождения, Национальный Центр, представители Украинской Директории. Все эти организации осаждали ежедневно французский штаб, представляя французам свои проекты спасения России и Украины, и несомненно имели влияние на французов, не могущих как следует разобраться в решении русской проблемы. Если принять во внимание, что большинство этих организаций недоброжелательно относилось к Добровольческой армии, станет понятно, почему формирование шло неудачно.

В результате была сформирована только одна боеспособная часть — Стрелковая бригада⁵¹ со Сводно-кавалерийским полком⁵² численностью до 6000 штыков и шашек.

Подполковник Швед, получивший от начальника формирования конных частей разрешение, энергично приступил к формированию Сумского эскадрона, под официальным наименованием «Эскадрон 1-го гусарского Сумского полка».

Через четыре дня после начала формирования 10 человек выросло в 60 (полуэскадрон). В первое время офицеров-сумцев, кроме подполковника Шведа, не было никого. Полуэскадрон состоял из офицеров различных родов оружия, юнкеров и невоенной молодежи. Но, услышав о формировании эскадрона, в Одессу стали слетаться офицеры-сумцы. Приехали подполковник Алферов⁵³, штабс-ротмистр граф Борх, штабс-ротмистр Берг, поручик Леман⁵⁴. Подполковник Алферов, как старший, вступил в командование эскадроном. Сумский эскадрон вошел 5-м эскадроном в Сводно-кавалерийский полк.

Началась усиленная строевая и боевая подготовка эскадрона. Ввиду того что в состав эскадрона входило много невоенной молодежи, не имевшей никакого представления о военной службе, занятия производились по группам. В 1-й группе — офицеры и старые солдаты, во 2-й — невоенная молодежь. В наряды, караулы назначались люди из 1-й группы. Эскадрон был пеший, о пополнении конским составом лишь говорилось. Эскадроны Сводно-кавалерийского полка должны были пополняться лошадьми по порядку номеров эскадронов, но, кроме того, каждый командир эскадрона старался раздобыть лошадей для своего эскадрона, так сказать, в частном порядке. Главная же задержка посадки на коней была за седлами. Седел, как правило, не хватало во все время Гражданской войны на Юге России.

6 марта 1919 года все сформированные в Одессе части выступили на фронт под Одессой. Сводно-кавалерийский полк входил в состав Одесской бригады. Состав бригады: Сводно-кавалерийский полк с 4-орудий-

ной конной батареей и два Сводно-стрелковых полка с артиллерией. Бригадой командовал генерал Тимановский⁵⁵, Сводно-кавалерийским полком — полковник Самсонов. При выступлении из Одессы полк имел три эскадрона конных (Рижский⁵⁶, Чугуевский⁵⁷ и Смоленский⁵⁸) и три пеших (Белорусский, Сумский и Елисаветградский⁵⁹).

Вся одесская группа войск заняла фронт от Очакова до железной дороги Одесса — Николаев. Далее по линии Тирасполь — Буялык позиции занимали французские, греческие и польские войска.

Греческие войска, не утомленные войной, политически и морально были вполне устойчивы. Менее благоприятно было состояние французских войск. Мир, демобилизация на родине, стремление к своим семьям, от которых они были оторваны много лет, а главное, перспектива участия в новой, малопонятной им войне вызывали во французских солдатах сильнейшую реакцию. Воевать они больше не хотели. Большевистская агитация, через издававшуюся в самой Одессе подпольную газету «Одесский коммунист» на русском и французском языках, поддерживала это настроение. Неуверенность в своих войсках принудила французское командование сосредоточить свои силы у Одессы, ближе к транспортным, выставив на дальних подступах лишь ничтожные части. Это не представляло опасности, пока перед фронтом были петлюровцы, державшиеся нейтрально, и разрозненные большевистские банды. Когда же на фронте появились большевики (атаман Григорьев), союзные части стали сдавать большевикам одну позицию за другой. Были оставлены Херсон, Николаев, в Вознесенском направлении станция Березовка. И только добровольческие части продолжали упорно оборонять район Очакова. 16 марта генерал Тимановский получил приказание очистить Очаков, отойдя на ближайшие подступы к Одессе.

Кончилось все неожиданно и трагично. 20 марта генерал д'Анзельм, вызвав генерала Шварца⁶⁰, объявил ему, что получен приказ Антанты эвакуировать Одессу, совместно со всеми союзными войсками. На подготовку эвакуации было дано 48 часов.

Принимая во внимание, что положение на фронте было еще вполне устойчиво, это была не эвакуация, а бегство, обрекавшее на гибель десятки тысяч людей. Все расчеты тоннажа были неверны. Французы захватили большинство судов для своих надобностей, и спастись могли, главным образом, лица, связанные со штабом генерала Шварца и правительством. О бригаде генерала Тимановского забыли.

Добровольцы отходили на Днестр, где инженерные части стали наводить понтонный мост между деревней Белявкой и городом Маяки. В последний момент румынские власти запретили пропуск добровольцев в Бессарабию. Добровольческим частям не оставалось

ничего другого, как двигаться на юг, вдоль Лимана, на Ольвиополь и Бургас. Оттуда по косе спустились до Днепровских рукавов, которые перешли по железнодорожным мостам, и были размещены в окрестностях Аккермана. При переходе по железнодорожным мостам без настилов отряд потерял покалеченными много лошадей и бросил всю артиллерию.

30 марта Сводно-кавалерийский полк был погружен на французский крейсер и перевезен в румынский город Тульча.

При отходе от Одессы полк понес небольшие потери — большевики слабо преследовали отступающие части добровольцев. Но все же за время отхода в Румынию все части, в том числе и Сумский эскадрон, сильно уменьшились в своем составе. Все колебавшиеся, не знавшие, что их ждет впереди, не выдержали и разбежались.

В Тульче Сводно-кавалерийский полк был размещен по частным квартирам. Румынские власти потребовали от добровольцев выдачи оружия. После долгих переговоров было достигнуто соглашение, по которому все оружие было сложено в городской ратуше, но охранялось караулом от добровольческих частей.

13 апреля было получено приказание грузиться на пароходы и идти в Новороссийск. Перед отправкой все оружие было возвращено.

Прибытие в Новороссийск. Перевод в Добровольческую армию. Бои в Северной Таврии

По прибытии в Новороссийск Сводно-кавалерийский полк был размещен в Станичке — предместье Новороссийска. Здесь полк получил английское обмундирование. За время стоянки в Новороссийске полк принимал участие в экспедициях против «зеленых» в горах за городом.

29 апреля полк был погружен в вагоны и отправлен в Ростов-на-Дону, где был выделен из состава бригады генерала Тимановского, переведен в Добровольческую армию и переименован в 3-й конный полк⁶¹.

Полуэскадрон, под командой полковника Шведа, был размещен на станции Аксай, неся охрану мостов через Дон; другой полуэскадрон, с полковником Алферовым, оставался в Ростове.

1 мая все Вооруженные силы Юга России были разделены на три армии: Добровольческую⁶², во главе с генералом Май-Маевским, Кавказскую⁶³, под командованием генерала Врангеля, и Донскую⁶⁴ генерала Сидорина⁶⁵.

С мая 1919 года на всех направлениях началось наступление армий Юга России.

Войска Северного Кавказа⁶⁶ выделили отряд для движения на Астрахань. Кавказской армии была поставлена задача взять Царицын. Донской — разбить Донецкую группу противника и, наступая на линию Поворино — Лиски, очистить север области от большевиков и отрезать Царицын от Поворина. Добровольческой армии — разбить силы противника на подступах к Харькову. 3-й корпус⁶⁷ с Акманайских позиций был двинут для освобождения Крыма.

В конце мая 3-й конный полк выступил из Ростова в Бердянск, только что освобожденный от большевиков отрядом полковника Шкуро. В Бердянске полк вошел в отряд генерала Виноградова⁶⁸, общая задача которого была выйти на железную дорогу Таганаш — Александровск, перерезать большевикам путь отступления из Крыма и своим фланговым маршем облегчить 3-му корпусу, наступавшему с Акманайских позиций, уничтожение Крымской армии красных.

9 июня полк получил приказание готовиться к выступлению и в тот же день, к вечеру, погрузившись на транспорты и баржи, вышел в море под конвоем английских и русских военных кораблей в направлении на Геническ, для производства десанта. Эта операция имела важное значение: наши части, удерживающие Акманайские позиции вблизи Керчи, перешли в наступление и стали теснить красных в Крыму. Десант должен был оттянуть силы противника и, чтобы не дать большевикам возможности подвозить по железной дороге резервы и боевые припасы, взорвать железнодорожный мост на перегоне Таганаш — Александровск, у села Ново-Алексеевка.

Подойдя к Бирючьему Мысу под прикрытием огня боевых судов, все эскадроны полка высадились на мыс и, развернувшись цепями, пошли на деревню Юзкуи, лежавшую в 4 верстах от берега. Сумский эскадрон наступал в лоб деревни. Выбив большевиков из деревни, полк имел задачу продержаться в Юзкуях до тех пор, пока конный разъезд в 17 коней взорвет мост и вернется в деревню. Разъезду благодаря его малочисленности пробиться к железной дороге не удалось. Полк был посажен на суда и вернулся обратно в Бердянск. Операция не удалась.

13 июня 3-й конный полк выступил из Бердянска в направлении на станцию Федоровка, обходя город Мелитополь с севера. Из полка был выделен отряд в составе Рижского драгунского и Сумского гусарского эскадронов и взвода пулеметов с направлением на Мелитополь, под командой полковника 11-го уланского Чугуевского полка Геништы⁶⁹.

К этому времени в эскадроне состояло 120 человек. Офицеров на командных и рядовых должностях числилось 43, старых солдат почти не было. Главную массу составляли юнкера, кадеты и невоенная молодежь. Как одно из характерных явлений Гражданской войны, было

постоянное изменение численного состава. Так, состав Сумского эскадрона, большой в Одессе, сильно уменьшился за время отхода в Румынию и опять пополнился в Тульче. В Бердянске эскадрон пополнился молодежью еще не нюхавшей пороха, как это было и в Одессе. Одет и вооружен эскадрон был хорошо, состоял он из трех стрелковых и одного пулеметного взводов и имел уже 9 лошадей — основание будущего конного взвода.

Отряд генерала Виноградова на подводах по беспредельным приазовским степям двинулся на Мелитополь. Население, болгаро-русское, всюду радостно встречало добровольцев. Цены на продукты питания и фураж обычно назначались сельскими управлениями, и при этом баснословно низкие.

Впереди дозорами шли наши скромные конные части. Получен был приказ двигаться вперед как можно энергичнее, ввиду того что большевики отступали по всему фронту.

Шли весь день и всю ночь, имея два привала. По пятам отступавшего противника конный разъезд Сумского эскадрона занял деревню Астраханку, захватив 4 красноармейцев и комиссара-еврея, несколько винтовок и одну оставленную лошадь. В Астраханку пришли две роты пехоты с батареей, которые были подчинены командиру отряда полковнику Гениште — командиру Чугуевского эскадрона. Командиром кавалерийского дивизиона был назначен полковник Алферов.

К вечеру 14 июня сводный отряд получил приказание занять деревню Вознесенку, лежащую под Мелитополем. Когда Сумский эскадрон, рассыпавшись в цепь, подходил к деревне, большевики из Мелитополя открыли по деревне артиллерийский огонь. Всю деревню прошли под огнем, к счастью без потерь для эскадрона. Не задерживаясь в Вознесенке, отряд продолжал наступать на Мелитополь. С мелитопольского моста через реку Молочную большевики открыли по наступающим эскадронам пулеметный огонь, но не выдержали и отступили, очистив Мелитополь, стали отходить на станцию Федоровка.

17 июня Сумский эскадрон вошел в Мелитополь. Городское население цветами и колокольным звоном встретило добровольческие части. Радушию населения не было конца. Добровольцев встретили как избавителей.

В Мелитополе эскадрон еще пополнился добровольцами и брошенными большевиками лошадьми. Ввиду того что в эскадроне было уже 25 лошадей, был сформирован конный взвод, командиром которого был назначен ротмистр граф Борх.

В то время 3-й конный полк подходил к станции Федоровка. Отряд полковника Геништы был расформирован, и командир его полков-

ник Геништа со своим штабом уехал на присоединение к полку. Командиром дивизиона остался полковник Алферов.

16 июня Крым был очищен от большевиков.

19 июня дивизион, на подводах, снова выступил в поход в направлении на село Большие Серогозы. На всем фронте большевики отходили, не принимая боя. Без боя были заняты деревни Петровка, Калча. 20 июня к вечеру дивизион стал подходить к селу Большие Серогозы, которое, по сведениям, полученным от жителей, было занято отрядом анархиста Зубкова, силою до 500 человек. Двигаясь по большому тракту Мелитополь — Каховка, дивизион дошел до перекрестка дорог, откуда ответвлялась дорога на Большие Серогозы. Дивизион остановился. Обстановка была не ясна. Ждали донесения от пехоты, которая должна была занять большое село Ивановку, левее Серогоз. Остановился дивизион потому, что оказался сильно выдвинутым вперед, и наш фланг и тыл были под угрозой обхода. Полковник Алферов выслал конный разъезд для связи с полком, который должен был подходить к Серогозам от станции Федоровка. Разъезд своего назначения не выполнил и, не связавшись с полком, вернулся к дивизиону. Конный взвод под командой графа Борха был выслан для обеспечения нашего левого фланга. Дивизион двинулся вперед, выслав головную заставу. Верстах в двух от села анархисты открыли пулеметный огонь по головной заставе. Пули стали свистеть над сидящим в повозках на дороге дивизионом. Мужики-подводчики в панике стали заворачивать лошадей, налетая друг на друга. Получилась каша. Одна из несущихся подвод дышлом ударила в грудь полковника Алферова, и тот потерял сознание. Лишившись руководства, дивизион замялся. Сумский эскадрон рассыпался в цепь и залег вправо от дороги. Рижский эскадрон почему-то залег ему в затылок, бестолково стреляя через головы сумцев. Принимая во внимание наступившую темноту и не зная сил противника, командир Рижского эскадрона, вступивший в командование дивизионом, приказал отойти. Конный взвод, видя, что дивизион отходит, тоже отошел лавой под огнем противника. Потери в эскадроне — только одна убитая лошадь под корнетом Секаловым. Отойдя на перекресток дорог, дивизион остановился и выставил сторожевое охранение.

Подошедший поздно вечером со стороны деревни Верхние Серогозы 3-й конный полк выбил противника из села. Утром на следующий день дивизион, сконфуженный вчерашней неудачей, вошел в Большие Серогозы и присоединился к полку.

21 июня 3-й конный полк получил задачу взять деревню Рубановку (в 25 верстах от Серогоз). Сумский эскадрон под командой ротмистра графа Борха наступал в голове полка. Верстах в четырех от Руба-

новки полк рассыпался в цепь поэскадронно. Впереди шел разъезд. С разъездом ехали полковые квартирьеры, так как местные жители сообщали, что Рубановка оставлена большевиками. Как только разъезд с квартирьерами подошел к деревне, большевики открыли огонь, убив трех человек из разъезда и двух квартирьеров. Полковник Самсонов развернул полк: вправо от дороги наступали все пешие эскадроны, влево рассыпались в лаву конные. Конные эскадроны бросились в атаку на деревню с юга, захватили южную окраину деревни и, спешившись, открыли огонь по отходившим под натиском наших эскадронов большевикам. Смело шли сумцы, атакуя деревню в лоб. Граф Борх, беспрестанно переходя от одного взвода к другому, лично руководил огнем пулеметов и быстро двигал эскадрон вперед. Подойдя на дистанцию 400—500 шагов, эскадрон, увлекаемый своим командиром, бросился в штыки. Большевики не выдержали атаки и побежали, оставив на месте своих раненых и убитых, побросав винтовки, пулеметы, снаряжение. Эскадрон цепью прошел деревню и остановился на северной околице. Потери эскадрон понес несколькими ранеными гусарами и сделал то, что должны были сделать фланговые эскадроны, так как думалось, что Рубановку взять в лоб нельзя.

В этом бою командир взвода штабс-ротмистр Ралли⁷⁰, руководя огнем своего взвода и ведя непрерывное наблюдение за позицией противника, заставил замолчать пулеметы красных на всем фронте наступающего эскадрона сумцев.

Высланные после занятия Рубановки разъезды донесли, что в селе Лепетиха большевики переправляются на правый берег Днепра.

Перед вечером был получен приказ выступить на село Лепетиха. Разъезды донесли, что Лепетиха очищена большевиками и от полка туда пошли квартирьеры. В Лепетихе нашли много брошенного большевиками скота и лошадей.

Полковник Алферов, оправившийся от полученного ушиба, снова вступил в командование эскадронам.

В Лепетихе эскадрон пополнился лошадьми и имел уже два конных взвода. Взводами командовали штабс-ротмистр Берг и штабс-ротмистр Головин. Полуэскадронам — ротмистр граф Борх.

К чести эскадрона, пополнение лошадьми шло, так сказать, легальным путем. Брались лошади, оставленные большевиками при отходе, и почти не было случая отбирания лошадей у населения. Грабежей и реквизиций тоже не было.

Ощущался большой недостаток в седлах и холодном оружии. Холодное оружие было самое разнообразное: драгунские, казачьи, кавказские шашки, гусарские сабли, английские и французские палаши,

был даже один старинный меч, найденный в брошенном, разграбленном имении.

Под стать холодному оружию были и седла самых разнообразных моделей, до скаковых включительно, казачьи, кавказские, а то и просто одна подушка от казачьего седла, подтянутая чересседельником с перекинутыми через нее стремянами. Интендантство седел не давало, а злой гений Добровольческой армии, начальник штаба Главнокомандующего, генерал Романовский⁷¹, был противником формирования регулярной кавалерии (оказавшейся самой надежной в тяжелые дни осеннего отступления 1919 года — бои под станицей Егорлыцкой с конницей Буденного) и отпускал на каждый кадр старого кавалерийского полка по 5000 рублей для приобретения седел, на что можно было купить только два седла.

Вообще интендантское снабжение отсутствовало. Реализация военной добычи была единственным источником, дававшим возможность эскадронам продолжать формирование и развертывание в соединения, являющиеся преемниками старых славных полков Русской Императорской Конницы.

Полк простоял в Лепетихе дней пять. Регулярно два раза в день большевистская артиллерия из-за Днепра обстреливала село. Эскадрон от обстрела потерь не нес.

Наконец на смену пришла пехота, и полк форсированным маршем, за два дня, возвратился в Мелитополь.

30 июня 3-й конный полк был погружен в вагоны и отправлен на север в район города Харькова.

1 июля полк выгрузился на станции Люботин и был расквартирован в деревне Гиевке.

Общее наступление войск Юга России. «Московская» директива. Наступление на Бахмач. Формирование 2-го Сумского эскадрона

К концу июня армии Юга России, преследуя разбитого противника, вышли на фронт Царицын — Балашов — Белгород — Екатеринослав — Херсон, упираясь своими флангами в Волгу и Днепр.

20 июня, в городе Царицыне, Главнокомандующий генерал Деникин отдал армиям директиву, получившую в военных кругах наименование «Московской». Директива гласила:

«Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов. Сменить на этих направлениях Донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее Нижний Новгород, Владимир, Москву.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева...

5. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач... и блокировать порт Одессу».

Главное командование Добровольческой армии имело целью свести все регулярные конные части в одно целое, и местом сбора была выбрана Харьковская губерния. Таким образом был сформирован 5-й кавалерийский корпус⁷², под командой генерал-лейтенанта Юзефовича⁷³, в составе двух дивизий, 1-й⁷⁴ — под командой полковника Барбовича⁷⁵, с начальником штаба полковником Крейтером⁷⁶ (бывший офицер Сумского полка), и 2-й дивизии⁷⁷ — под командой полковника Миклашевского⁷⁸, с начальником штаба полковником Иорданом⁷⁹.

Состав 2-й дивизии: два Сводно-гвардейских полка⁸⁰, 2-й конный Дроздовский⁸¹ и 3-й конный полки.

Время стоянки в деревне Гиевке было использовано для производства занятий: манежной и полевой езды, владения холодным оружием и стрельбы. Пеший полуэскадрон производил свои занятия и не отставал от конного.

К этому времени полковник Алферов перешел на службу в штаб корпуса и сдал эскадрон полковнику Шведу.

Ввиду того что Сумский эскадрон имел два конных взвода и два пеших, боевая работа эскадрона во многих случаях шла отдельно.

20 июля 3-й конный полк выступил из деревни Гиевки и по железной дороге был перевезен до станции Искровка Полтавской губернии, где собралась вся 2-я кавалерийская дивизия. Отсюда конные части дивизии пошли походным порядком, а пешие эскадроны, за не-

возможностью доставить подводы, были перевезены по железной дороге до станции Кочубеевка и отсюда уже весь полк, конные и пешие эскадроны, последние на подводах, двинулся на Опашню, где ожидался бой, так как, по полученным сведениям, большевики укрепили берег Воркслы и вырыли окопы по возвышенностям этого села. Подойдя к Опашне, разведы донесли, что окопы на противоположном берегу Воркслы не заняты противником. Дивизия вброд перешла реку и без выстрела заняла Опашню.

Опашня — огромное село, и в нем разместились вся дивизия. Здесь дивизию смотрел генерал Юзефович.

Продолжая наступление, 2-я дивизия только в Миргородском уезде Полтавской губернии вошла в соприкосновение с противником. Дивизия расположилась в селе Березовая Лука. Отсюда конный полукэскадрон Сумского полка под командой ротмистра графа Борха вместе с эскадронами Рижского драгунского полка и подрывной командой ходили в ночь на 3 августа взрывать железную дорогу, идущую на город Хорол.

Заняв лежащий в глубокой котловине у железной дороги хутор и выставив вправо и влево заставы на железнодорожных будках, сумцы взорвали железную дорогу. Утром большевики повели наступление на хутор, обстреливая его артиллерийским огнем. Понеся потери ранеными, отряд отошел в село Березовая Лука.

К этому времени обстановка на юго-западном фронте Добровольческой армии сложилась так: большевики под натиском добровольцев отходили на запад и северо-запад. Наступление Добровольческой армии на главном направлении Курск — Орел шло с огромным порывом. Оно прикрывалось с запада 5-м кавалерийским корпусом, направление на Киев, и 3-м отдельным корпусом генерала Шиллинга⁸², направление на Одессу.

1-я дивизия 5-го корпуса шла по шоссе через Зиньков, Гадяч, Ромны, Конотоп.

2-я дивизия наступала левее, проселочными дорогами, захватив на своем пути маленький заштатный город Глинск.

Севернее 5-го кавалерийского корпуса, по линии железной дороги Богодухов — Ахтырка — Ворожба, наступал 1-й армейский корпус⁸³ генерала Кутепова⁸⁴. Южнее 5-го кавалерийского корпуса наступали части генерала Бредова⁸⁵. Десант из Севастополя выбил большевиков из Одессы и гнал их на север.

Продолжая движение на Бахмач, 2-я кавалерийская дивизия наступала двумя колоннами. В правой колонне шел 2-й конный генерала Дроздовского полк, имевший самостоятельную задачу, в левой шли

Гвардейская бригада⁸⁶ и 3-й конный полк. Разъезды доносили, что большевики занимают позицию по железной дороге Гадяч — Лохвицы, имея центром позиции деревню Владиславовку (в 1,5 версты от железнодорожной станции того же названия).

4 августа, при подходе дивизии к железной дороге, большевики открыли артиллерийский огонь шрапнелью. Шедшие впереди конные части гвардии, получив отдельную задачу, ушли на рысях вперед и вправо от Владиславовки. Пешие части 3-го конного корпуса под артиллерийским обстрелом повели наступление на позицию большевиков у деревни Владиславовки.

Пеший полуэскадрон сумцев наступал на центр позиции красных в направлении между деревней и железнодорожной станцией. Левее сумцев наступали рижцы, в резерве находился Белорусский гусарский эскадрон⁸⁷. Наступали по несжатой гречихе, конопле и подсолнухам. Идти было тяжело. Люди стали выдыхаться. Пользуясь складками местности, командир эскадрона, полковник Швед дает гусарам передохнуть и ободриться. Перебежками сумцы подошли к железной дороге и за насыпью полуэскадрон залег, готовясь к атаке позиции противника. До окопов оставалось шагов 600—700. Впереди эскадрона лежало вспаханное поле, тянувшееся до самой деревни. Командир эскадрона видел, что фронт наступающего полуэскадрона был меньше фронта позиции, и выслал вперед разведчиков для определения флангов позиции, находящейся перед сумцами.

Во избежание обхода противником флангов эскадрона полковник Швед стал передвигать цепь вправо к левому флангу позиции большевиков, дабы обеспечить один свой фланг от обхода.

Во время передвижения из деревни появилась наступающая цепь красных, частью обходящая наш правый фланг и открывшая огонь по жидкой цепи сумцев (в полуэскадроне было около 40 человек). Полуэскадрон остановился, залег и открыл беспорядочную стрельбу. Положение становилось критическим. Неприятельская цепь раз в 5—6 сильнее, левый фланг охвачен. Бросив на левый фланг звено пулеметов для отражения обходящих полуэскадрон большевиков, полковник Швед поднимается и с криком «Ура, сумцы, за мной!» бросается вперед. Вся цепь, как один, поднимается за ним. Красные замедлили движение, и вдруг вся цепь красных повернула назад и стала отходить, сначала в порядке, а потом, сбиваясь в кучки, бросилась бежать. На цепь красных, охватывающих левый фланг, пулеметчики, стреляя на ходу из ручных пулеметов Люиса, тоже навели панику. На плечах бегущих большевиков полуэскадрон сумцев ворвался в деревню и прошел ее, после чего был получен приказ от командира полка остановиться.

Одним из наиболее отличившихся в этом бою был младший унтер-офицер Рачек. Храбрый, всегда спокойный, доблестный гусар Рачек отличался силой и выносливостью. «Люис», весивший 25 фунтов, он носил на широком погонном ремне, как винтовку. Во время боя он на ходу, как из обыкновенной винтовки, стрелял из пулемета. Красные под метким огнем Рачека валялись как скошенная трава. Полуэскадрон понес большие потери. Большевики оставили на поле боя больше 50 человек убитыми и ранеными, сумцами были захвачены пленные, полевая кухня, несколько лошадей, артельная повозка с провиантом и хлебом.

Приблизительно в то же время, когда пеший полуэскадрон наступал на Владиславовку, конный полуэскадрон сумцев, под командой ротмистра графа Борха, в конном строю атаковал под артиллерийским и ружейным огнем экономию, опорный пункт красных, сумцы взяли несколько десятков пленных и два станковых пулемета.

Разгром батальона красных, занимавшего деревню Владиславовку, и его бегство явились поворотным пунктом всего боя дивизии и в большой мере способствовали общему успеху боя.

После того как 2-я дивизия опрокинула красную пехоту, Сумский конный полуэскадрон до поздней ночи преследовал поспешно отходящего противника.

Этот тяжелый бой был выигран благодаря решимости полковника Шведа и доблести всех участников

После славной атаки пешего полуэскадрона часа через три через поле боя проходил с разъездом корнет Секалов, который в своих воспоминаниях пишет:

«Мы видели много убитых и раненых, брошенное оружие и снаряжение. Раненный в живот красный командир просил добить его, крича, чтобы обратить наше внимание, что он большевик. Я сказал ему, что мы не делаем так, как они, и послал к нему наших санитаров».

За бой под Владиславовкой сумцы получили исключительную благодарность начальника дивизии, а 7 гусар получили Георгиевские кресты и медали.

По иронии судьбы перед сумцами «белыми» были сумцы «красные». Как показали пленные, они принадлежали к Советскому Сумскому пехотному полку.

После боя под Владиславовкой 2-я дивизия продолжала наступление на Бахмач. Большевики почти повсюду отступали, не принимая боя. Только под Бахмачом красные оказали сильное сопротивление, но после упорных боев очистили и Бахмач, и Бахмачский железнодорожный узел.

Взятием Бахмача закончился стремительный рейд 5-го кавалерийского корпуса и на фронте наступило затишье, продолжавшееся около двух недель.

Большевики частью ушли за реки Сейм и Десну, частью удерживали в своих руках переправы через эти реки у Новых Млын и Великого Устья.

2-я дивизия, оставаясь в Бахмаче и приводя себя в порядок, выставляла в сторону противника конные заставы. Конные взводы сумцев несли тяжелую и утомительную работу охранения и разведки.

Главная забота всех командиров эскадронов была обзавестись седлами, чтобы скорее посадить пешие взводы на коней. Конский состав уже имелся в достаточном количестве, а вот седла достать было очень трудно. Всякими правдами и неправдами все старались заполучить это драгоценное для кавалериста снаряжение.

При взятии добровольцами Киева было захвачено на складах известное количество седел. Узнав об этом, полковник Швед командировал туда корнета Оболенского с гусарами с задачей раздобыть седла. Миссия была выполнена удачно, и весь эскадрон был посажен на коней. К этому времени начал формироваться 2-й эскадрон Сумского полка, пока пеший, под командой штабс-ротмистра Головина Дмитрия. Дивизионом командовал полковник Швед.

Оправившись от своих неудач, большевики в начале сентября крупными силами повели наступление на Бахмач и всю тяжестью навалились на 5-й кавалерийский корпус, особенно на 2-ю дивизию, расположенную в Бахмачском районе, с целью снова овладеть Бахмачским железнодорожным узлом.

Части 3-го конного полка, под натиском сильнейшего противника, стали с боем отходить от реки Сейм, очистив Бахмач и Бахмачский железнодорожный узел. 1-й Сумский эскадрон отходил в арьергарде. В деревне Курень эскадрон получил приказание остановиться и выставить сторожевое охранение.

Большевики, заняв Бахмач, дальше не пошли. В течение двух недель 3-й конный полк занимал деревню Курень, производя все время боевую разведку Бахмача с целью выбить противника из разных занимаемых им пунктов. Иногда попытки были удачны и большевики очищали тот или иной участок фронта.

11 сентября началась атака Бахмачского железнодорожного узла. Большевики держались стойко, и только 12 сентября наступил перелом. Дружным ударом своих частей 2-я кавалерийская дивизия выбила из Бахмача большевиков и очистила от них весь район до Десны и Сейма. 3-й конный полк, брошенный в преследование отступавшего противника вдоль железной дороги Бахмач — Макошин, достиг станции Дочь.

Со вторичного занятия Бахмача началась активная оборона всего Бахмачского плацдарма и его железнодорожного узла

3-й конный полк действовал в направлении Макошинской переправы на Десне, вдоль железной дороги Бахмач — Дочь — Макошин. Севернее Макошина находились наши пехотные части. Полк занимал фронт село Высокое — Церковные хутора — Новые Млыны.

1-й Сумский эскадрон, совместно с другими эскадронами полка, неоднократно высылался в сторону противника с задачей сбить большевиков, занимавших переправы на Десне. Несмотря на то что попытки предпринимались значительными силами по 3—4 эскадрона с артиллерией, сбить большевиков не удалось. Красные упорно держали в своих руках несколько переправ.

После неудачного боя у деревни Прачи, которую было приказано занять 1-му Сумскому и Рижскому эскадронам и где эскадроны понесли значительные потери, сумцы перешли в Церковные хутора. Некоторое время фронт оставался неподвижным, велась разведка на местечко Новые Млыны на реке Сейм. Через несколько дней, под давлением частей 5-го конного корпуса, красные оставили Новые Млыны и отошли за Сейм. Отступая, большевики подожгли мост через Сейм.

Пеший взвод 2-го Сумского эскадрона занял местечко Новые Млыны и починил мост через Сейм в деревне Шебалиново.

Подойдя вплотную к Десне, красные укрепились на правом берегу реки. На этом рубеже установился фронт 5-го кавалерийского корпуса, соприкасаясь с нашей пехотой у Макошинской переправы.

В Новые Млыны пришел 1-й Сумский эскадрон для наблюдения за линией реки Десны в районе деревень Круты, Шебалиново, Пекарево.

В начале октября подошла наша пехота и заняла Новые Млыны и Устье, а Сумский эскадрон был размещен в Шебалинове, где простоял несколько дней, имея стычки с неприятельскими разведчиками, переправлявшимися по ночам на наш берег. Такое положение продолжалось до 8 октября, когда 1-й Сумский эскадрон получил приказание перейти в город Короп, верстах в 15 от Шебалинова, вверх по Десне. До конца месяца эскадрон простоял в Коропе, неся тяжелую разведывательную работу по реке Десне на фронте около 20 верст и в то же время ведя наблюдение за находившимися в ближайшем тылу деревнями, так как имелись сведения, что в них скрывались банды красных. Все время приходилось отражать нападения разведывательных партий большевиков то с одной, то с другой стороны города. От 2-го эскадрона на правом фланге полка была выставлена застава.

Состав 1-го Сумского эскадрона ко времени прихода в город Короп был невелик, всего 45—50 гусар. Конному эскадрону придали

взвод 2-го Сумского эскадрона численностью 15 гусар. Эскадрон выставлял постоянно три заставы, на ночь добавлялась четвертая и высылалась разъезды.

Красные несколько раз занимали село Работин, лежащее в полуверсте от города и представляющее удобный подступ к Коропу с запада. Вследствие недостатка в людях село Работин не могло быть прочно занято эскадронам. Застава занимала село днем, ночью же отходила на окраину села, ближайшую к городу. Большевики ночью занимали Работин, и на следующий день приходилось их выбивать из села, чтобы выставить заставу на прежнем месте. В последние дни пребывания в Коропе заставу в Работине пришлось совсем убрать, так как большевики начали обстреливать село артиллерией. Пытались красные нападать на город и с северной стороны, но нападения удачно отражались благодаря энергии командующего эскадронам штабс-ротмистра Головина и штабс-ротмистра Расторгуева⁸⁸, всегда вовремя поспевавшего с резервом.

Наступление большевиков в октябре 1919 года. Отход Вооруженных сил Юга России. Переход остатков армий в Крым

Советское командование после неудачных августовских боев приняло в середине октября новое общее наступление, нанося главный удар Добровольческой армии, выдвинувшейся к Орлу. Этот удар имел целью разобщение Донской армии от Добровольческой и разгром последней. На 500-верстном фронте от Бахмача до Задонска шли тяжелые бои Добровольческой армии против втрое превосходящего противника.

В последних числах октября красные подвели к Десне свою конницу, ожидая замерзания Десны, чтобы перейти ее по льду. Ранние морозы благоприятствовали им, и к 29 октября лед уже мог выдержать коня. В этот день, с рассветом, большевики повели наступление на Короп, на станцию железной дороги и с северной стороны, но были отбиты и отброшены к Десне, однако удержались на нашем берегу. Оба этих удара были демонстрацией, главный же удар красные решили нанести с запада, то есть от села Работина. Их кавалерия, перейдя по льду Десну, ворвалась в Короп.

Последний резерв эскадрона — пеший взвод под командой штабс-ротмистра Токмакова — выбил красную конницу, которая отошла в село Работин, заняв его окраину, обращенную к городу. Из-за малочисленности эскадрон не мог развить свой успех. Большую помощь

оказал единственный в эскадроне пулемет Максима Корнет Кларк⁸⁹, командир пулеметного взвода, побывал на всех участках боя, пока не расстрелял все патроны. Остальные эскадроны 3-го конного полка, бывшие правее сумцев, были также атакованы противником и отступили еще утром 29 октября, связь с ними была потеряна. Командир эскадрона с наступлением темноты решил отойти и расположиться на ночлег в деревне Былки. Красные ночью заняли город Короп. На другой день, по восстановлении связи с полком, было получено приказание выбить большевиков из Коропа, но это оказалось не под силу сумцам ввиду численного превосходства противника.

Одной из причин наших неудач были банды красных партизан, оперировавшие в нашем ближайшем тылу, для борьбы с ними приходилось отряжать значительные силы. Так, для борьбы с партизанами Шубы был выделен 2-й Сумский эскадрон.

Простояв в деревне Былки день, 1-й Сумский эскадрон получил приказ выставить там заставу, а самому отойти в следующую деревню. Через два дня красные, узнав от жителей место расположения нашей заставы, ночью незаметно окружили ее и всю перекололи. После этого эскадрон отошел в город Батурин на реке Сейме. Большевики, подойдя к Сейму, пытались по мосту перейти на наш берег, но были отогнаны пулеметным огнем и заняли на противоположном берегу деревню против Батурина. В ожидании нападения противника эскадрон выставил три заставы, из которых средняя, около моста через Сейм, была усилена пешим взводом 2-го Сумского эскадрона.

Перейдя ночью оба рукава Сейма, красные повели наступление на город, но были отбиты.

Одновременно противник, переправившись через реку незамеченным, повел наступление против правой заставы и заставил ее отступить. Находившийся между средней и правофланговой заставой, исторический Батуринский замок препятствовал держать связь по фронту между заставами. Командир эскадрона, узнав об отходе правофланговой заставы, приказал и двум другим заставам отойти. Средняя застава отошла беспрепятственно, а левофланговая чуть было не попала в плен к красным. Тем не менее эскадрон удалось собрать, и он стал отходить на присоединение к полку, на ходу с тачанок отражая пулеметным огнем лаву противника. Высланный вперед в направлении к полку развед донес, что неприятельская конница, двигаясь параллельной дорогой, выйдя вперед, перерезала эскадрону путь на присоединение к полку и заставила тем Сумский эскадрон свернуть на Бахмач. Прибыв 4 ноября в Бахмач, командир эскадрона остановился в нем, чтобы дать людям и лошадям отдых, и выставил заставу в сто-

рону противника. Почти одновременно в Бахмач вошел незамеченным эскадрон конницы противника силою до 100 шашек и приблизительно такого же количества пехотная часть на санях

Город был захвачен красными так неожиданно, что сумцам был отрезан путь отступления и 1-му Сумскому эскадрону пришлось отходить на север, то есть в сторону противника, и затем обходить Бахмач с запада и дальше уже идти на юг. Двигаясь к станции Дочь, чтобы перейти железную дорогу, эскадрон увидел приближающийся поезд с отходившим под натиском противника от Макошинской переправы Олонецким пехотным полком⁹⁰. Остановив эшелон, командир Олонецкого полка обсудил с командиром эскадрона положение и решил выбить красных из Бахмача, действуя совместно. Красные от боя уклонились и отошли на Батури

1-й Сумский эскадрон двинулся по пятам отходившего противника и остановился на ночлег в деревне, недалеко от Батурина. Батури был занят подошедшим Белорусским эскадром 3-го конного полка. На другой день белорусцы были вытеснены красными из Батурина. 1-й Сумский эскадрон присоединился к полку, пробыв в отделе около двух месяцев. Олонецкий пехотный полк в Бахмаче продержался долго и был оттуда выбит.

Наступление большевиков, начавшееся в октябре 1919 года, вылилось в катастрофическое отступление Добровольческой армии. Главная масса армии отходила на Ростов, другая, меньшая, действовавшая на Бахмачском и Киевском направлениях, начала отходить на Одессу, так как большевики, врезавшись клином в армию между Полтавой и Харьковом, совершенно разъединили эти группы и связь со штабом армии, отходившей на Ростов, и частью армии, отходившей на Одессу, была прервана. Части под командой генерала Слащева⁹¹, действовавшие против банд Махно, и обозы многих частей отходили в Крым. Такова была в общих чертах обстановка к декабрю 1919 года.

Командир 3-го конного полка решил дать 1-му Сумскому эскадрону отдых, как понесшему наибольшие потери в людях и лошадях, и отправил его в город Конотоп. К вечеру следующего дня в Конотопе собрался весь 3-й конный полк со своей батареей. Вскоре был получен приказ в спешном порядке отходить на Ромны.

1-й Сумский эскадрон к этому времени имел только 40 человек, а 2-й — около 50 пеших (пешие следовали на санях) и 10 конных. Командир Сумского дивизиона полковник Швед уехал из Конотопа в Ростов-на-Дону за седлами для 2-го эскадрона, которые были там заказаны. Конский состав имелся. В командование дивизионом вступил штабс-ротмистр Дмитрий Головин.

Ночью 8 ноября полк выступил из Конотопа и только через три дня, двигаясь очень медленно из-за плохой погоды, метелей и массы снега, прибыл в Ромны и занял ряд деревень севернее города, выставив охранение. На следующий день Сумскому дивизиону было приказано занять станцию Талалаевка, в направлении на Бахмач, верстах в 20 от Ромен, и вести разведку противника. 2-й Сумский эскадрон был расположен на станции, а 1-й — верстах в двух от нее, на хуторах. Разведка в первый же день обнаружила близость противника, разъезды которого приходили в ближайшие деревни за фуражом.

17 ноября высланный рано утром разъезд наткнулся на неприятельскую заставу в одной версте от хутора со стороны города Ромны. Вскоре началось наступление красных на хутор и станцию Талалаевка. Кавалерия большевиков пошла по шоссе на Ромны, пехота наступала севернее. Под сильным огнем, не причинившим потерь только благодаря туману, Сумский дивизион начал отходить вдоль полотна железной дороги на Ромны. О том, что в Ромнах шел бой и что город оставлен нашими частями, командующему дивизионом штабс-ротмистру Головину не было известно. На полустанке между Талалаевкой и Ромнами дивизион ожидала телеграмма командира полка с приказанием отходить в юго-западном направлении на деревню Боцманы, где его будет ожидать полк, которому неприятельская кавалерия тоже отрезала путь отхода на юг, что имело в дальнейшем большие последствия. 3-й конный полк был отрезан от всех других частей 2-й кавалерийской дивизии, отступавших на юг, и должен был отходить в направлении на Одессу.

Полковой обоз, отходивший по Ромодановскому шоссе, был достигнут красными, и только небольшой части удалось проскочить в Ромодан и избежать пленения.

18 ноября 3-й конный полк, имея все время перестрелку с прорвавшимися небольшими частями неприятеля, пришел в Лохвицы и к вечеру расположился на станции Сенча. На другой день вечером полк начал отходить на юг, оставив в селе Юсковицы Сенчанские 2-й Сумский эскадрон с задачей задержать противника. Выполнив свою задачу, эскадрон присоединился к полку.

3-й конный полк отошел к городу Лубны, где связался с нашей пехотой, отходившей вдоль железной дороги на Ромодан. Настигаемый более сильным противником, все время стремящимся охватить фланги полка, последний, не вступая в бой, отошел к Кременчугу.

Кабардинский пехотный полк⁹², понесший большие потери в районе города Лубны, был размещен на окраине города, а 3-й конный полк был отведен за Днепр. На левом берегу реки, на главном пути неприятельского наступления, в селе Песчаны был оставлен 1-й Сумский эскадрон

силою всего в 35 шашек. Правее, на железной дороге, в нескольких верстах стояла конная разведка Кабардинского пехотного полка. Первые два дня неприятель не проявлял активности. На рассвете 7 декабря от Сумского эскадрона были высланы два разъезда, которые натолкнулись на входившего в противоположный край села растянувшегося версты на три противника. По-видимому, имея точные сведения о силе и расположении выставленной эскадроном заставы, красные окружили ее и открыли по дому, где она находилась, огонь. В этот момент к дому подходили наши разъезды. На них бросилась конница противника, и разъездам пришлось карьером по переулкам выскакать из села в поле и там присоединиться к эскадрону. На заставе погибло 8 гусар с юнкером, начальником заставы, и было оставлено 9 лошадей. Неожиданный захват заставы удался красным благодаря помощи жителей.

Выведенный из села эскадрон стал обстреливать село. Противник послал конную часть, силою до двух эскадронов, в обхват правого фланга сумцев. Это заставило командира эскадрона отвести гусар на окраину Кременчуга, откуда началась перестрелка с наступающей от станции Песчаны по шоссе неприятельской пехотой. Тем временем конница красных успела войти в город и двигалась вдоль железной дороги к мосту через Днепр с целью отрезать эскадрону путь к отступлению. Для того чтобы проскочить к мосту, эскадрон должен был перейти в галоп, все же красные успели выйти ему наперерез, и только открытый с тачанок на ходу пулеметный огонь заставил конницу красных повернуть и дал возможность Сумскому эскадрону выйти на мост, по которому уходил Кабардинский пехотный полк.

Еще два дня после оставления Кременчуга мост был в наших руках, и только тогда, когда большевики перешли Днепр по льду, мост был оставлен добровольцами. Под давлением противника 3-й конный полк отошел в город Александрию и, не задерживаясь в нем, двинулся на юг.

В начале декабря положение на западном фронте Добровольческой армии было таково: генерал Шиллинг после оставления Киева объединил командование войсками Киевской⁹³ и Новороссийской групп⁹⁴, имея задачей прикрытие Новороссии и Крыма и скорейшую ликвидацию банд Махно. Во исполнение этого генерал Шиллинг двинул корпус генерала Слащева из Екатеринослава для непосредственного прикрытия Северной Таврии между Днепром и Азовским морем, на высоте Мелитополя. Корпус генерала Промтова⁹⁵ и бывшие Киевские войска, под начальством генерала Бредова, были развернуты на линии Бирзула — Долинская — Никополь.

Отступая к югу от города Александрии, добровольческие части попали в район широкого повстанческого движения. До сих пор бывали

нападения партизан на одиночных солдат-фуражиров, квартирьеров. Были известны некоторые главари этих шаек: Шуба, Хмара, Серко и т. д. В одном из сел был найден отпечатанный на гектографе приказ «Южным повстанческим войскам», где говорилось о захваченных поездах, боях с добровольцами и пр. Видимо, было стремление объединить действия отдельных партизанских отрядов.

Обстрел кавалерийского полка на походе, даже из пулеметов, стал постоянным явлением, в ответ приходилось открывать огонь из орудий, после чего партизаны освобождали путь, убегая в соседние села.

Кроме таких шаек, действовавших более активно, в каждом селе находились большевистски настроенные жители, у которых оружие было спрятано до подходящего случая и которых трудно было отличить от остальных жителей, благодаря чему бороться с ними было почти невозможно. Часто, выждав момент, когда полк выходил из деревни, эти люди обстреливали хвост колонны полка.

В одной из деревень южной части Александрийского уезда едва не погибла застава 1-го Сумского эскадрона, окруженная ночью красными. На этот раз гусары спаслись все, потеряв трех лошадей.

Продолжая отход, 3-й конный полк подошел к городу Кривой Рог, расположившись на железнодорожной станции к северу от города, где простоял около недели, сдерживая натиск противника с северо-востока. Между тем красные, обойдя правый фланг полка, отрезали нам возможность войти в связь со стрелковой дивизией⁹⁶ генерала Шевченко⁹⁷, 45-м Донским и 2-м Лабинским Кубанским казачьими полками⁹⁸.

Отбросив эти части и заставив их отступить к западу, за реку Ингул, красные повели наступление на 3-й конный полк и принудили его отойти к югу от Кривого Рога. Полк стал на ночлег в деревне около железнодорожного полотна.

10 января 1920 года разъезд Сумского эскадрона за железной дорогой встретил наступающую на деревню неприятельскую пехоту. Командир полка приказал 1-му Сумскому эскадрону задержать пехоту красных и дать время вывести полк из деревни. Под командой штабс-ротмистра Головина эскадрон численностью до 30 шашек лавой атаковал пехотную цепь противника, которая не выдержала удара и бросилась бежать, скрывшись в ближайшей деревне.

Продолжая отход, 3-й конный полк подходил к селу Софиевка, где была переправа через реку Ингулец. Важно было подойти к Ингульцу раньше красных, что полку и удалось сделать. Но оказалось, что другие части красных уже достигли Софиевки и в селе стоял обоз одной из их частей. Обоз был захвачен. Захватили несколько пулеметов, провиант, и было взято в плен человек сорок красноармейцев.

Ночью полк, переправившись через Ингулец, двинулся дальше на город Вознесенск. 3-й конный полк шел во главе колонны. Вслед за ним на подводах растянулся Кабардинский пехотный полк и еще другой пехотный, название которого забылось. Оба полка численностью до 300 штыков. За ними шел обоз. Когда вся колонна вытянулась по дороге на несколько верст, сзади послышались выстрелы. Оказалось, что на хвост обоза напали партизаны и захватили часть его, причем мы потеряли все, что было захвачено накануне, а также часть обоза Сумского дивизиона. Преследовать бандитов возможности не было, так как откуда-то слева по колонне был открыт артиллерийский огонь.

На следующий день, 11 января, 3-й конный полк прибыл в город Вознесенск, где стоял Осетинский конный полк, тотчас же ушедший далее.

В Вознесенске 3-й конный полк вошел в подчинение генералу Васильеву⁹⁹ и получил приказание идти вдоль реки Буг в направлении на Николаев. В Вознесенске из полка были выделены подводы с больными и ранеными и отправлены в Одессу, куда и прибыли 23 января. В это время в Одессе были уже остатки полкового обоза, прибывшие незадолго до этого из Николаева, а также хозяйственная часть полка, отступившая из Ромен на Сумы и погрузившаяся в Мариуполе на пароход.

Едва полк выступил из Вознесенска, как в подгородной деревне разезда 1-го Сумского эскадрона был окружен конницей противника и пробился, потеряв одного гусара убитым. Вслед за тем начался бой, продолжавшийся до поздней ночи, после которого полк отошел с большими потерями. Сумский дивизион в этом бою потерял убитыми и ранеными десять человек. Вознесенск был занят красными в ту же ночь.

Начиная с Полтавской губернии в 3-м конном полку начались заболевания тифом, были обмороженные; до станции Березовка их возили с собой, здесь их сдали в санитарный поезд, но большевики так неожиданно обрушились на бывшие там добровольческие части, что после неудачного боя, в котором только что прибывший пехотный полк понес большие потери, санитарный поезд был захвачен красными. Среди больных и раненых были сумские гусары.

15 января 3-й конный полк прибыл в немецкую колонию Волково, она имела еще какое-то немецкое название. Здесь полк подвергся нападению красных, окруживших полк с трех сторон. Отрезанный от Одессы, полк прорвался на запад, потеряв два орудия из четырехорудийной батареи. Полку оставался только один путь отхода на Тирасполь на Днестре. В Тирасполе к полку присоединился обоз 2-го разряда, прибывший из Одессы.

К 19 января 1920 года положение в Одесском районе было катастрофическое: фронт группы генерала Бредова был прорван красными. Связь с Одессой постоянно прерывалась красными партизанами. 2-й корпус¹⁰⁰ генерала Промтова отходил к Одессе. Надежд на эвакуацию морем не было. Войскам Новороссии грозила бесславная гибель. Приняв на себя командование всеми войсками Новороссии, генерал Бредов сосредоточил свои главные силы у Тирасполя и 2-й корпус генерала Промтова у села Маяки. Сам генерал Бредов находился в Тирасполе и вел переговоры с румынами о пропуске его войск в Румынию. Переговоры были unsuccessful; тогда генерал Бредов решил пробиваться на Польшу и отдал приказ о выступлении.

Войска шли тремя колоннами: вдоль Днестра двигались обозы, правее шла пехота, еще правее кавалерия, которая прикрывала все войска.

Трудно сказать, какую силу представляла эта масса войск, говорили, что их было до 50 тысяч, но, вероятно, в это число входили и беженцы, уходившие вместе с добровольцами. Во всяком случае, пехота не представляла собою реальной силы, так как было много штабов, много полков, имевших по несколько десятков штыков. Единственно кавалерия могла оказывать серьезное сопротивление. Кавалерию составляли: 3-й конный полк, 42-й Донской казачий¹⁰¹, 2-й Лабинский Кубанского казачьего войска полк и очень малого состава Осетинский конный полк.

За селом Поповка были встречены отряды галичан Коновальца, большевистски настроенного и не нападавшего на добровольцев только благодаря своей малочисленности.

До пересечения железной дороги Могилев — Каменец-Подольский, движение колонны шло беспрепятственно, но у станции Колбасная Лабинскому полку пришлось вести бой с красными, чтобы освободить путь. Красные были отброшены, и колонна прошла благополучно опасное место.

Вскоре к отряду присоединились 2-й конный Дроздовский полк с батареей, Терская пешая бригада и остатки Волчанского добровольческого партизанского отряда; последний был тотчас же расформирован генералом Бредовым и вошел частью в 3-й конный полк.

По вступлении на территорию Подольской губернии вновь началась деятельность местных банд.

Между тем силы отряда генерала Бредова быстро шли на убыль из-за все увеличивавшегося числа больных сыпным и возвратным тифом. Так, 3-й конный полк к моменту приближения к линии польско-советского фронта насчитывал около 175 шашек и огромный обоз с больными. Соответственно этому было и в других частях.

Боеспособность наших частей сильно упала, но все же когда добровольцы соединились с поляками, то последние, отведя в ближайший тыл обозы с больными, дали добровольцам участок фронта, и добровольцы в течение двух недель успешно справлялись со своей задачей.

Характерно указать, что поляки довольствие как частей, так и больных предоставили производить собственными средствами, и это — в местности, где не принимали добровольческие деньги и где жители уже были обобраны многочисленными реквизициями то большевиков, то поляков.

В марте 1920 года наши части были сменены поляками, сняты с фронта и отведены в тыл в местечко Ярмолинец, где, согласно договору, заключенному между польским командованием и генералом Бредовым, произошла передача лошадей и оружия. После этого части были расквартированы в городе Гусятине и окрестных селах. Больные были размещены по баракам в Гусятине почти без всякого ухода и за малым исключением были обобраны польскими санитарями. Отсюда больных распределили по лазаретам внутри страны. В лазаретах был уже сносный уход и питание, хотя и недостаточное для выздоравливающих после тифа.

В Гусятине добровольческие части простояли до перевода в город Стрый на распределительный пункт, а оттуда по разным лагерям.

Кормили добровольцев отвратительно, выдавая $1/2$ фунта горького хлеба, в котором был и ячмень, и овес с отрубями, два раза в день отвар из поджаренного ячменя — «кофе», затем обед из полуразложившейся кислой капусты или жидкой мамалыги без жиров. Иногда к мамалыге давали немного повидла из свеклы, еще давали седки.

В Сумском дивизионе за время отступления остался больной тифом и, вероятно, умер прикомандированный штабс-ротмистр Расторгуев, в Польше умер штабс-ротмистр Роменский. В начале отступления в Черниговской губернии умер от тифа штабс-ротмистр Крейтер. Скончалось много гусар.

Отношение поляков к размещенным по лагерям добровольцам постепенно ухудшалось. Чинилось много препятствий, притеснений, особенно с выдачей пропусков. Довольствие в лагерях было лучше, чем на распределительном пункте в городе Стрый.

Под влиянием тяжелых условий жизни в лагерях многие, чтобы вырваться из лагерей, стали записываться в разные отряды, формируемые авантюристами, и когда, наконец, поляки разрешили вывоз армии генерала Бредова в Крым, выехало не больше $1/2$ того количества, которое пришло в Польшу.

Отправка эшелонов началась в первых числах августа и продолжалась до конца месяца. 3-й конный полк был отправлен одним из первых, с ним и Сумский гусарский дивизион, который по прибытии в Крым вошел в состав 7-го кавалерийского полка¹⁰², где уже находился полуэскадрон сумцев из собравшихся одиночных гусар и бывших в командировках и выздоровевших офицеров-сумцев.

**Крымский период март—октябрь 1920 года.
Новое формирование Сумского эскадрона. Бои
в Северной Таврии. Наступление большевиков
в сентябре 1920 года. Оставление Северной Таврии
и Крыма. Гибель Сумского эскадрона**

В то время когда Сумский гусарский дивизион отходил в Польшу в составе войск генерала Бредова, часть офицеров и гусар находилась в тылу. Одни по болезни (тиф), другие после ранений и, наконец, третьи, бывшие в командировках и отпусках.

В начале декабря 1919 года в Ростове собралась группа из шести офицеров: ротмистр Соколов, ротмистр граф Борх, поручик Водо, корнеты Юргенс, Елагин и Леман. Как всегда в тылу, в Ростове ходили всевозможные слухи, которые обыкновенно бывали преувеличенными. Считая, что и теперь все не так серьезно, что отступление добровольческих армий не носит катастрофического характера, офицеры-сумцы решили ехать через Харьков на присоединение к своему дивизиону, отходящему, по полученным сведениям, на Ростов. О сдаче Харькова и Ростова сведений еще не было. По приезде на станцию Синельниково они узнали, что Харьков занят большевиками и что Добровольческая армия стремительно отходит. На станцию Синельниково прибыл поезд начальника левофланговой группы Добровольческой армии, в состав которой входила 2-я кавалерийская дивизия. Начальник штаба группы генерал Кусонский¹⁰³ сообщил, что 2-я бригада 2-й кавалерийской дивизии отрезана от других частей 5-го кавалерийского корпуса и, по всей вероятности, отходит на Одессу. Тогда офицеры решили ехать через Крым в Одессу и уже оттуда пробираться к полку. В Синельникове к ним присоединился корнет Секалов, везший с двумя гусарами 105 новых седел для Сумского дивизиона. Седла, с большим трудом и с почти непреодолимыми препятствиями, приобрел в Ростове полковник Швед. Заболев тифом, полковник Швед поручил доставить седла в полк корнету Секалову. По дороге, в свою очередь, заболел тифом корнет Секалов и был сдан в санитарный поезд.

С большими мытарствами добрались офицеры до Севастополя. После долгих хлопот удалось получить разрешение на въезд в Одессу, куда прибыли 8 января 1920 года, привезя седла. На том же пароходе перевозилась в Одессу хозяйственная часть 3-го конного полка для присоединения к полку. С хозяйственной частью ехали бывшие в обозе сумцы — корнет Мамонтов¹⁰⁴, военный чиновник Николаев и 5 гусар.

В Одессе, несмотря на все старания, узнать что-либо определенное о 3-м конном полку не удалось. В штабе генерала Шиллинга была полная неразбериха, все же, по сведениям штаба, войска генерала Бредова отходили на Одессу. Решили ждать полк в Одессе вместе с хозяйственной частью.

Так прожили сумцы в Одессе до 25 января, когда под выстрелами большевиков пришлось грузиться на пароход «Анатолий Молчанов», побросав все седла и не дождавшись полка. Приехали обратно в Севастополь 27 января.

Генерал Слащев, которому генерал Шиллинг поручил оборону Крыма, отдал приказ, что все офицеры и солдаты, прибывающие в Крым одиночным порядком, поступают в его распоряжение и назначаются им в ту или другую часть. Прибывшие из Одессы сумцы решили всячески избежать разъединения, собрать всех уцелевших сумцев и восстановить эскадрон.

Графу Борху удалось устроить всех при Севастопольском сборном пункте. Начальником пункта был полковник Павлоградского гусарского полка Шпилевский¹⁰⁵. Раньше он взял к себе оставшуюся часть 2-го конного Дроздовского полка, и из сумцев и дроздовцев был составлен Эскадрон особого назначения, название довольно туманное, думается, что и сам начальник пункта не определил бы точно смысла существования эскадрона. Главное его назначение было подавлять всякие могущие быть выступления большевиков в городе. В те времена в Севастополе было очень неспокойно. Рабочие почти все были большевистски настроены, общественные круги состояли из социалистов или кадетствующих (городская дума), все еще продолжающих играть в свободу и революцию. Военных частей в городе почти не было, и на Эскадрон особого назначения, как на дисциплинированную и более или менее сплоченную часть, все начальство и комендант города возлагали свои надежды. Постоянно приходилось по ночам патрулировать по городу, в особенности в беспокойное время (как, например, казнь генералом Слащевым представителей рабочих), и выставлять заставы по улицам. Кроме того, несли караул на городской гауптвахте, ездили несколько раз в окрестности Севастополя ловить «зеленых». Служба беспокойная и утомительная.

В начале марта дроздовцев отправили из Севастополя и в эскадроне остались одни сумцы. Благодаря стоянке в Севастополе и, главное, потому, что эскадрон помещался на сборном пункте, через который проходили все прибывающие одиночным порядком люди, удалось собрать человек 60.

14 марта 1920 года последние добровольческие части оставили Новороссийск и на маленький Крымский полуостров пришло все, что осталось от Вооруженных сил Юга России, — 35—40 тысяч бойцов, морально потрясенных. Корпус генерала Слащева, силою около 5000, по-прежнему прикрывал Крымские перешейки. Противник не проявлял достаточной энергии, силы его были невелики, а присутствие в его тылу партизан Махно сдерживало его наступательный порыв. Со стороны Таманского полуострова большевики активности не проявляли.

22 марта приказом генерала Деникина генерал-лейтенант барон Врангель был назначен Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

Тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды Северной Таврии был жизненной необходимостью.

Из Новороссийска в Севастополь приехали полковник Алферов, поручик Дмитриев¹⁰⁶, корнет Оболенский и 5 гусар. Таким образом, Сумский эскадрон имел 80 человек офицеров и гусар. В эскадроне, кроме сумцев, было еще несколько кавалерийских и пехотных офицеров, последние в пулеметной команде. Эскадроном командовал полковник Алферов, его помощником был ротмистр граф Борх. Эскадрон состоял из двух взводов. 1-м взводом командовал поручик Водо, 2-м — ротмистр Жданко¹⁰⁷ (Северского драгунского полка).

Эпидемия тифа продолжалась — заболели поручик Дмитриев, поручик Водо и корнет Оболенский.

В марте 1920 года Эскадрон особого назначения был переименован в полуэскадрон Конвоя Главнокомандующего, куда перешли многие офицеры — не сумцы и человек 35 солдат, последние по приказанию. Оставшиеся офицеры, как сумцы, так и других полков, в числе 15 и 28 гусар составили эскадрон Сумского гусарского полка и были переведены во вновь сформированную кавалерийскую дивизию генерала Барбовича, расквартированную в окрестностях Симферополя. Там Сумский эскадрон был переименован в полуэскадрон и влит в 3-й кавалерийский полк¹⁰⁸ (новая крымская нумерация). Полк состоял из трех эскадронов бывшей 12-й кавалерийской дивизии (стародубовцы¹⁰⁹, белгородцы¹¹⁰, ахтырцы¹¹¹).

Полковник Алферов, приведя сумцев в дивизию, сейчас же уехал в Севастополь. Сказалась контузия, полученная во время Великой войны. Непроходящие головные боли не давали ему возможности продолжать службу в строю. Медицинской комиссией полковник Алферов по состоянию здоровья был зачислен в 4-ю категорию, то есть для службы в тылу.

Ротмистр граф Борх, получив отпуск, уехал в Константинополь для свидания с сестрой, вырвавшейся из Петрограда.

Вернувшись после выздоровления поручику Водо пришлось принимать полуэскадрон при незавидной обстановке. Старшим из офицеров был корнет Юргенс, молодой офицер, с которым начальство мало считалось и которому поэтому было очень трудно сделать что-либо для эскадрона. Кроме него, в полуэскадроне были: корнет Елагин, Мамонтов, Сегалов, военные чиновники Николаев, Терлецкий, 25 гусар и 6 пехотных офицеров, составлявших пулеметную команду. Вначале полуэскадрон в строевом отношении представлял самостоятельную единицу, на довольствии же был при Ахтырском эскадроне. Гусары почти все были плохо одеты. Собственных ни денег, ни имущества не было, казенное обмундирование получить было очень трудно. Будь полуэскадрон еще в хозяйственном отношении самостоятельным, может быть, смогли бы что-нибудь и выкроить. Ахтырцы из своего имущества сумцам ничего не давали. Командир полка полковник Псел¹¹² что-либо сделать для сумцев желания не проявлял.

В мае, после того как полк был сменен с позиций, приказом по полку полуэскадрон сумцев был соединен со Стародубовским эскадронном, который по составу был не больше Сумского полуэскадрона. Хотя полуэскадрон сохранил название Сумского и поручик Водо оставался его командиром, но самостоятельное существование было кончено, и надежды на развитие полуэскадрона в эскадрон и на пополнение людьми уже не оставалось.

Приходилось искать путь для выделения сумцев из 3-го кавалерийского полка. Вскоре нашлась возможность. В 7-м кавалерийском полку, бывшем в составе дивизии генерала Морозова¹¹³, находился дивизион петроградских улан, одновизников сумцев по Императорской армии. Офицеры-сумцы решили обратиться к петроградцам, высказав желание соединиться в одну часть. Поручик Водо написал письмо полковнику Лермонтову¹¹⁴, командиру Петроградского дивизиона, прося его согласия к переводу. Письмо повез корнет Елагин. Полковник Лермонтов от лица всех офицеров-петроградцев выражал свою искреннюю радость о желании сумцев присоединиться к Петроградскому дивизиону. Полковник Псел, к которому обратился поручик Водо, прося его содействия к переводу Сумского полуэскадрона в 7-й кавалерийский полк, сухо отве-

тил, что это зависит от штаба дивизии. Начальник штаба дивизии полковник Крейтер, бывший офицер Сумского полка, обещал переговорить с полковником Пселом и сказал, что со стороны штаба дивизии препятствий не будет. Вскоре перевод состоялся, но полковник Псел отпустил только тех офицеров и гусар, которые были в Сумском эскадроне до Крыма. А таких было 5 офицеров, 2 военных чиновника и 7 гусар, иначе говоря, это был в скрытой форме отказ к переходу сумцев как полужэскадрона. Всякими правдами и неправдами удалось сделать сумцами еще 8 человек, а остальных пришлось оставить в Стародубовском эскадроне. И вот 20 мая отбыли из 3-го кавалерийского полка поручик Водо, корнеты Юргенс, Елагин, Секалов, Мамонтов, военные чиновники Николаев, Терлецкий и 15 гусар.

В Петроградском дивизионе сумцы числились полужэскадроном, хотя фактически представляли собой только взвод. Офицеры решили приложить все усилия и довести число гусар хотя бы до 50 человек.

28 апреля генерал Врангель отдал приказ о наименовании впредь армии «Русской Армией». Соответственно с этим корпуса должны были именоваться армейскими по номерам, казачьи — по войску.

Перед началом наступления Русская Армия численно превосходила противника. Дух войск был превосходный.

Войска были сведены в четыре корпуса:

1-й армейский корпус генерала Кутепова — Корниловская, Марковская и Дроздовская пехотные дивизии, 1-я кавалерийская и 2-я конная (наполовину регулярная, наполовину из донцов) дивизии.

2-й армейский корпус генерала Слащева — 13-я и 34-я пехотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада.

Сводный корпус генерала Писарева — Кубанская дивизия и 3-я конная дивизия (туземцы и астраханцы).

Донской корпус генерала Абрамова — 2-я и 3-я Донские дивизии и Гвардейская Донская бригада.

Боевой состав армии 25 000 штыков и сабель. 2-я конная дивизия и Терско-Астраханская бригада были посажены на коней.

В начале мая был окончательно разработан план летней кампании. Он сводился к следующему:

1. Выдвижение Русской Армии на линию Бердянск — Пологи — Александровск и Днепр.

2. Операции по овладению Таманским полуостровом с целью создать на Кубани новый очаг борьбы.

3. Выдвижение на линию Ростов — Таганрог — Донецкий каменноугольный район — станция Гришино — станция Синельниково.

4. Очищение от красных Дона и Кубани.

5. Бесперывное укрепление Крымских перешейков (доведение укреплений до крепостного типа).

6. Создание в Крыму базы для Вооруженных сил Юга России.

На рассвете 25 мая армия перешла в наступление на всем фронте.

Уланский дивизион выступил в составе 7-го кавалерийского полка. Ввиду того что дивизион был конный, а сумцы пешие, полковник Лермонтов отправил сумцев в базу Петроградского полка в деревню Дорте, в распоряжение командира формируемого 3-го эскадрона петроградских улан, штабс-ротмистра Маркова 1-го¹¹⁵. В начале июня 3-й эскадрон петроградцев выступил на фронт, где временно, до получения конского состава, должен был находиться при обозе 2-го разряда 7-го кавалерийского полка. В эскадроне было три взвода петроградцев, 4-й взвод составили сумцы.

Войдя в Петроградский эскадрон, сумцы только в строевом отношении подчинялись командиру Петроградского эскадрона. Все назначения во взводе делались его командиром. Все лишние, не полагающиеся по штату офицеры тоже числились при взводе. Таким образом, стремление офицеров сохранить ячейку полка осуществилось.

Обоз 7-го кавалерийского полка стоял в деревне Акимовке, эскадрон петроградцев в селе Владимировка, в одной версте от Акимовки. Постепенно стали получать лошадей. Седла сумцы получили от петроградцев. Каждый день производились занятия пешие и сменная езда. Во Владимировку съехались почти все сумские офицеры, не имевшие возможности сделать это раньше по различным причинам: полковник Швед, ротмистр граф Борх, штабс-ротмистр Леонтьев¹¹⁶, поручик Вешняков¹¹⁷, корнет Седаков, корнет Оболенский.

Для сохранения кадра, согласно распоряжению штаба Главнокомандующего, в строевые части назначалось только то число офицеров, которое не превышало штатного состава. Все остальные оставались в резерве. В Сумском эскадроне полковник Швед назначал по порядку офицеров в строй и следил за сменой их.

В начале июля последовал приказ Главнокомандующего, по которому 6-й и 7-й кавалерийские полки были переведены из дивизии генерала Морозова в дивизию генерала Барбовича, последняя была развернута в корпус в составе двух дивизий. 7-й кавалерийский полк вошел во 2-ю дивизию, которой командовал генерал Выгран¹¹⁸.

21 июля командир полка приказал 3-му Петроградскому эскадрону идти на пополнение первых двух эскадронов, понесших большие потери. Из сумцев полковник Швед назначил поручика Водо и корнета Оболенского. Эскадрон повел поручик Водо, так как штабс-ротмистр Марков заболел. Эскадрон вышел в составе 60 шашек.

7-й кавалерийский полк состоял тогда из двух эскадронов петроградцев, одного — лубенцев¹¹⁹ и одного — новороссийцев¹²⁰. Полком командовал полковник Ковалинский¹²¹, сравнительно молодой, в высшей степени храбрый и талантливый командир.

26 июля эскадрон прибыл в полк. Полковник Рубцов¹²², командир Петроградского дивизиона, свел два первых эскадрона в один, а пришедший эскадрон был переименован во 2-й эскадрон. Первым эскадроном командовал улан штабс-ротмистр Марков 2-й¹²³, вторым — поручик Водо.

К июлю 1920 года фронт Русской Армии в Северной Таврии тянулся от села Алешки по Днепру до села Каховка, где фронт загибался на северо-восток, на этом участке был расположен 2-й армейский корпус генерала Витковского, дальше участок фронта от Каховки по линии Дмитриевка — Рубановка — Верхний Рогачик занимал Кавалерийский корпус генерала Барбовича, вправо от него в направлении на Александровск находился 1-й армейский корпус генерала Кутепова.

В общем, наш фронт шел по Днепру почти до Александровска, за исключением некоторых пунктов на нашем берегу, занятых большевиками (Каховка, Любимовка, Лепетиха). Артиллерии, как во 2-м армейском корпусе¹²⁴, так и в Кавалерийском корпусе¹²⁵, было мало. Броневых машин было еще меньше.

2-я кавалерийская дивизия¹²⁶ действовала на Каховском направлении, в районе Каховка — Лепетиха. Полки стояли прямо в степи. Крупных боевых столкновений не было. Большевики все время то из Каховки, то из Лепетихи производили боевые разведки, иногда довольно значительными силами, и полкам 2-й дивизии приходилось отгонять их в исходное положение. Собственные силы были не столь велики, чтобы предпринимать активные действия.

Период боев июнь—август был очень тяжелый не только по условиям несения службы, когда все время надо было быть начеку, но и по климатическим условиям. Жара была невероятная, а, как уже упоминалось, полки стояли в степи. Укрыться от жары и людям и лошадям было некуда. Колодцев было мало. Эскадроны водили на водопой лошадей по очереди и только ночью. До ближайшего колодца было верст десять. Люди спасались от жажды арбузами, которых кругом, к счастью, было изобилие. Лошадей тоже кормили арбузными корками. Так продолжалось до 8 августа, когда большевики повели наступление крупными силами пехоты и кавалерии Буденного, при значительном количестве артиллерии и броневиков. Наступление велось на левый фланг Кавалерийского корпуса, то есть на 2-ю кавалерийскую дивизию. Целью наступления было использовать прорыв, бывший между

2-м армейским корпусом и кавалерийским, выйти на железную дорогу у Ново-Алексеевки и отрезать от Крыма 1-й армейский корпус¹²⁷, ведущий бои с красными на севере.

Весь день 8 августа удерживала 2-я дивизия наступление большевиков, но, когда к вечеру появились броневики, начавшие обстреливать фланги дивизий, командир корпуса приказал 2-й кавалерийской дивизии отойти на Ново-Репьевку и Агайманы. 1-я кавалерийская дивизия¹²⁸ отошла на село Торгаи, служа заслоном 1-му армейскому корпусу.

7-й кавалерийский полк находился у почтовой станции Антоновка и, стоя в лаве на правом фланге пехоты, до самой темноты находился под обстрелом противника и нес потери, в особенности в конском составе. В эскадроне было убито 6 лошадей, а также лошадь под командиром эскадрона поручиком Водо, который, упав с убитым конем, сильно разбил руку и ногу и должен был сдать командование эскадронном поручику Гержабеку (Петроградского полка). С наступлением темноты наступление красных прекратилось, и полк начал отходить к селу Агайманы, куда прибыл на рассвете 9 августа.

В Агайманах было получено приказание всей 2-й дивизии спешиться и передать лошадей в 1-ю дивизию, так как экстренно 2-я дивизия была вызвана идти в десант на Кубань. Сменить дивизию должны были пехота и Дроздовский конный дивизион¹²⁹. Но 10 августа приказание об уходе в десант было отменено, и 2-я дивизия в пешем строю пошла снова в бой. Во всей дивизии, состоящей из 2-го¹³⁰, 4-го¹³¹ и 7-го кавалерийских полков, было не более 1000 сабель.

В село Агайманы прибыл из резерва сумец ротмистр Леонтьев, который принял Петроградский дивизион от улана полковника Рубцова, уехавшего в обоз 2-го разряда.

12 августа утром полки 2-й дивизии, Дроздовский конный дивизион и конная батарея двинулись на село Ново-Репьевка, занятое большевиками. Не доходя 2 верст до села, остановились, выставив охранение. Весь день шел артиллерийский бой, во время которого в полку выбыло из строя 3 офицера и 15 солдат. Простояв до вечера, дивизия ушла назад в Агайманы. Охранение занял конный Дроздовский дивизион. То же повторилось и на следующий день. 14 августа по тревоге дивизия занимает бугры на севере от села. Красные повели наступление густыми цепями из села Ново-Репьевка. В течение боя красные усилили цепи на своем левом фланге, стремясь обойти 4-й полк. Из Ново-Репьевки вылетела батарея красных и снялась с передков, но наша конная батарея двумя удачными попаданиями загнала батарею красных обратно в деревню. На участке 7-го кавалерийского полка бой развивался благоприятно для нас. Под метким огнем эскадронов было

видно, как редуют цепи большевиков и как движение их становится все нерешительнее. Но 4-й полк не выдержал натиска и отошел, открыв фланг 7-го полка. Начальник дивизии, чтобы выйти из-под флангового удара, приказал всей дивизии отходить форсированным маршем. Ночью дивизия собралась в селе Благодатном. 15 августа дивизия продолжала отход, имея задачей занять хутор Тимофеев (вернее, деревню дворов в 50). При приближении к хутору была замечена на горизонте сильная колонна красной конницы, двигавшаяся на тот же хутор Тимофеев. Надо было во что бы то ни стало занять хутор раньше красных, так как в открытой степи оборона была бы невозможна и гибель дивизии была бы неизбежна.

На повозках карьером заскочили все полки дивизии на хутор, забаррикадировались телегами (можарами) на все четыре стороны. Петроградский дивизион занял позицию по западной стороне. Вскоре красные лавами пошли в атаку на хутор с южной и западной сторон. Огнем артиллерии, пулеметным и ружейным огнем всех эскадронов атака большевиков была отбита. Весь день большевики повторяли атаки, но под губительным огнем лавы красных поворачивали, не доходя до хутора. Бой прекратился поздно вечером. Далеко в поле выставили охранение. Дивизия отдыхала до полуночи, когда было получено приказание тихо отходить из хутора на село Петровское. В селе Павловка, находящемся в 4 верстах от Петровского, стоял Запасный батальон Корниловской дивизии. Ввиду угрожающего продвижения большевиков к железной дороге, на поддержку 2-й кавалерийской дивизии были брошены эти части Корниловской дивизии. Соединившись с корниловцами, дивизия перешла в наступление и заняла снова хутор Тимофеев, Агайманы, Ново-Репьевку, Дмитровку. Полковник Рубцов снова принимает Петроградский дивизион, и ротмистр Леонтьев уезжает в Геническ, где сосредоточились обозы дивизии. В Петроградском дивизионе остается взвод сумцев под командой корнета Оболенского.

К 25 августа положение было восстановлено и 2-я кавалерийская дивизия была отведена в Крым для посадки на лошадей. 2-й полк стал в Старом Крыму, 4-й в Алуште и 7-й — в Карасубазаре.

В августе прибыли из Польши части армии генерала Бредова, в том числе бывший 3-й конный полк, в составе которого находился дивизион сумцев. Приехали штабс-ротмистр Токмаков, штабс-ротмистр Головин, поручик Новак¹³², корнеты Малахов, Кларк и 65 гусар.

Прибывшие сумцы вошли в 7-й кавалерийский полк и вместе с бывшим там взводом составили Сумский эскадрон, командиром которого был назначен ротмистр граф Борх. Полковник Швед принял дивизион того же 7-го полка (петроградские уланы и сумские гусары).

Сумский эскадрон не пошел сразу в Карасубазар, а временно был оставлен в Симферополе в распоряжении начальника гарнизона, ввиду недостатка воинских частей в городе, и нес караульную службу на гарнизонной гауптвахте.

В середине сентября эскадрон был освобожден от гарнизонной службы и присоединился к полку в Карасубазаре.

В Симферополе полковнику Шведу удалось хорошо одеть весь эскадрон, нашить всем гусарам красные погоны и петлички полка, так что получился даже щеголеватый вид. Численность эскадрона достигла 115 человек. В Симферополь приехал полковник Соколов, который, несмотря на то что был инвалид (без ноги), не пожелал оставаться в тылу, а хотел быть со своими однополчанами.

Из Карасубазара эскадроны несколько раз ходили в горы в экспедиции на «зеленых». Сумский эскадрон выставлял заставу в горах, в которую посменно ходил один взвод.

В Карасубазаре 7-й кавалерийский полк пополнился еще двумя эскадронами — Смоленского уланского полка и Крымского конного полка¹³³. Таким образом, в полк входили: 1-й эскадрон — петроградские уланы, 2-й — сумские гусары, 3-й — новороссийские драгуны, 4-й — смоленские уланы, 5-й — лубенские гусары и 6-й — крымцы.

2-ю кавалерийскую дивизию получил генерал Шифнер-Маркевич¹³⁴. Полк постепенно, по эскадронам, садился на лошадей. Сумский эскадрон должен был сесть на коней в последнюю очередь, что впоследствии сыграло для него роковую роль.

К началу октября большевики сосредоточили подавляющие силы против Русской Армии. План красного командования сводился к захвату в клещи в Северной Таврии Русской Армии и прорыву в Крым через перешейки. Части противника занимали фронт от Азовского моря до плавней — 4-я и 8-я советские армии; в Никопольском районе — 2-я конная армия Миронова; в районе Береслава — 1-я конная армия Буденного, далее от Ново-Вороновки до Алешек и в Каховском тэт-де-поне части 6-й советской армии. Красному Южному фронту была дана директива: 2-й конной армии форсировать Днепр в Никопольском районе 13 октября. Части 6-й советской армии получили задачу расширить Каховский плацдарм и обеспечить за собой все нижнее течение Днепра до устья. Одновременно 4-я и 8-я советские армии с севера и востока получили приказ выдвинуться на линию Ногайск — Большой Токмак — Васильевка. После этих подготовительных операций все части советского фронта совместно должны были нанести удар для разгрома Русской Армии и прорыва в Крым. Главный удар наносится из Каховского плацдарма частями 1-й конной и

6-й советской армий, причем в то время, как 6-я армия наступала на юг в общем направлении на Перекоп, 1-я конная должна была бить по нашим главным силам в районе Серагоз, стремясь прорваться к Сулькову и Геническу.

9 октября 2-я кавалерийская дивизия со своих стоянок в Крыму была вызвана на фронт, Сумский эскадрон, как и часть Лубенского, не успевшие получить лошадей, были откомандированы в стрелковый кавалерийский полк полковника Аппеля. Погрузились в вагоны в Симферополе и 10 октября, прибыв на станцию Акимовка, пошли в село Торгаи, где стоял стрелковый полк, несший сторожевое охранение.

В это время части 2-го армейского корпуса, теснимые противником, продолжали отходить к Перекопу. Крупные массы конницы Буденного, обтекая правый фланг 2-го корпуса, быстро продвигались на восток в тыл Русской Армии. Сосредоточенная в районе Агайманы, 1-я армия¹³⁵ генерала Кутепова 18 октября стала отходить на линию Отрада — Рождественское, ведя бои с наседавшим противником. Во время этих боев Сумский эскадрон находился в прикрытии артиллерии Конного корпуса. 19 октября стрелковый кавалерийский полк в составе Конного корпуса по Чонгарскому мосту вошел в Крым и, согласно полученному приказанию, занял позиции на Сивашах. 23 октября Стрелковый полк пришел в деревню Мурза-Каяш, и 24 октября Сумский эскадрон занял заставами Литовский полуостров. 25 октября сумцы были сменены Иркутским эскадроном¹³⁶ и ушли в деревню Каранки, где к этому времени был сосредоточен Стрелковый полк, занявший окопы к северо-западу от деревни. 27 октября бывшие в сторожевом охранении Иркутский и Кавказский эскадроны тоже отошли в Каранки и заняли участок окопов для обеспечения левого фланга позиции, вследствие полученных сведений об отходе Конного корпуса от Карповой Балки.

Ввиду прорыва красными Перекопской позиции и угрозы обхода, к Карповой Балке для контрудара был подтянут Конный корпус генерала Барбовича, который 27-го успешной атакой отбросил красных к Чувашскому полуострову, но вследствие тяжелых потерь от мощного артиллерийского огня противника развить успех не мог, и красные вновь перешли в наступление. Конный корпус отошел на Юшунь. Во время этой атаки полковник Швед, командуя дивизионом 7-го кавалерийского полка, был ранен. Ранение было исключительного характера. Полковник Швед, ведя дивизион в атаку, что-то кричал. Пуля прошла рот и вышла через шею, не задев ни языка, ни зубов, ни позвоночника и ни одной крупной артерии, но оставив его на всю жизнь с глухим, хриплым голосом.

29 октября на ближайших хуторах были замечены разьезды красных. Поручик Новак, посланный на рассвете 30 октября для связи с Донским офицерским полком¹³⁷, занимавшим позицию вправо от стрелкового кавалерийского полка, его не нашел. Оказалось, что Донской офицерский полк отошел еще в ночь на 30 октября. Посланная от него связь заблудилась и не дала своевременно знать об отходе. Поручик Новак нашел эту связь и вывел ее из Сивашских болот.

В 8 часов утра 30 октября Стрелковый кавалерийский полк снялся с позиции и двинулся на станцию Джанкой, спустя 8 часов после отхода от Сивашей последней воинской части и на 14 часов позднее отхода на юг войск с Перекопского направления. Другими словами, остался один спешенный кавалерийский полк против всех рвущихся в Крым советских армий.

Двигались под угрозой появления красной конницы, с твердым намерением пробиться на соединение со своими частями, отходящими в глубь Крыма. Порядок и дисциплина в полку были образцовые, дух бодрый. Все сознавали опасность положения, но верили в успех. Особенно выделялись своим порядком и дисциплиной Гвардейский, Сумский и Рижский эскадроны. Шли, минуя деревни и хутора. Во главе колонны шел командир полка полковник Аппель с конными всех эскадронов. Затем следовали эскадроны: Гвардейский, Рижский, Сумский, Кавказский, Иркутский и Клястицкий, пулеметы и повозки за своими эскадронами. К полудню 30 октября стали встречаться отставшие от других частей. Некоторые из них присоединились к полку. От них были получены сведения, что кругом в деревнях красные. Люди, не спавшие всю ночь, не евшие с вечера и томимые жаждой (не встретили со времени отхода с позиций ни одного колодца), начали подбиваться. Около двух часов дня пришли в немецкое имение в верстах 18 от Джанкоя, сделали привал. Хозяева радушно встретили полк, как могли накормили хлебом и молоком.

Выступили с привала немного отдохнувшие, но вскоре появились отставшие. Повозок в эскадронах было мало. Отставших по очереди сажали на них. Часа в три дня появились с разных сторон разьезды красной конницы, а вскоре за ними эскадрон большевиков, который рассыпался в лаву и шел параллельно полку. Огня не открывала ни та ни другая сторона. Сразу весь полк подтянулся, отсталых не стало. Настроение сосредоточенное, но спокойное, нервности не заметно. Командир полка на ходу перестроил полк. Впереди в нескольких верстах лежала деревня Мамут. Командир полка, видя, что в степи вести бой с появившейся конницей красных будет тяжело, решил занять деревню и оттуда отражать противника. Когда полк подошел к деревне

шагов на 600—700, оттуда по ним был открыт сильный ружейный огонь. Полк залег и стал отвечать.

Один из офицеров Сумского эскадрона корнет Секалов, оставшийся в живых, так описывает конец этого боя:

«Открываем огонь залпами. Я ложусь на фланге взвода и стреляю из своей винтовки. Граф Борх и Головин стоят на коленях за эскадроном. Слышу уверенный голос графа: «Эскадрон, пли!» Противник открыл сильнейший пулеметный и ружейный огонь, пристрелялся скоро и здорово. Кипит, как в котле. После нескольких залпов слышу вправо крик, это во взводе Мамонтова ранен гусар Илли. Николаев встает и уводит раненого в «тыл». А тыл ровен, как стол, и обстреливается так же, как и мы, там стоят наши стреляющие с тачанок пулеметы. Николаев вел себя с выдающейся доблестью, под сильным огнем все время перевязывал раненых. Я успеваю выпустить четыре обоймы, вдруг чувствую сильный удар в спину (у меня пуля попала недалеко от головы, в левое плечо и вышла под лопаткой). Оборачиваюсь, чтобы сказать Мите (штабс-ротмистр Головин), что я ранен, пойду перевязываться и вернусь. Мне казалось, что мы сейчас атакуем деревню и пойдем дальше, почему я и боялся отстать, обессилевши от потери крови. В этот момент вижу, как граф, стоящий на колене и командующий, вскрикивает «ай» и хватается рукой за правый бок. Ярko запечатлелась в памяти фигура графа в его коротеньком защитном полушубке с галунными погонами. Я встаю и иду к повозкам, чтобы перевязаться, меня догоняет гусар Садовничий, которого, оказывается, послал Головин, чтобы он помог мне, если понадобится. Этот эпизод я привожу как пример состояния духа и поведения наших гусар в последний момент безысходной и отчаянной борьбы, их можно было поднять под сильнейшим и действительным огнем простым приказанием. Противник положительно заливает нас свинцовым дождем. Поле боя имеет тяжелый гнетущий вид: везде валяются убитые, раненые, все лошади перебиты, большинство пулеметов уже бездействует. Слышу четкие залпы, это эскадрон под командой уже Головина еще отстреливается. Перевязочного пункта я не нашел. Командира полка тоже нигде не было. Началась неразбериха... Пошел на правый фланг. Помню в степи скачущую разомкнутую шеренгу всадников на расположение Клястицев, встающую толпу клястицких «красноармейцев» (бывшие пленные) с поднятыми руками; сзади них неуверенно стреляющий по кавалерии пулемет на тачанке, а за пулеметом сбившихся в кучу клястицких офицеров верхом. Я со встретившимся мне Николаевым спешим к своему эскадрону, решив умирать лучше со своими. Крутом царит хаос. Все сдаются. Противник уже не стреляет. Наш эскадрон застаю поднявшимся и сбившимся в кучу к своим офицерам. Бросилась мне в

глаза фигура Новака с наганом в руке. Сразу не сообразил, что он хочет делать; по его вызывающей позе я заключил, что он хочет отстреливаться. Это было совсем не целесообразно, так как кругом все сдалось. Я прошел по всему полю боя и ясно представлял себе обстановку, и только хотел сказать ему об этом, как он быстро и решительно поднес наган ко рту. Сухо щелкнул одинокий револьверный выстрел, и Новак упал ничком, буквально к моим ногам... Ступил несколько шагов и вижу Головина тоже с револьвером. Хватаю его револьвер здоровой рукой и уговариваю бросить. Митя не дает... Наган в моей руке, и я бросаю его на землю. После, да еще и теперь мучит вопрос, хорошо ли сделал, и нет ответа... Что делать? Соппротивление бесполезно, сдались все эскадроны, кроме нас и рижцев. Сдаемся и мы. Гусарам Головин говорит: «Можете снимать погоны». Начинается тяжелая сцена снятия погон, рвутся документы, некоторые под шумок портят оружие... Николаев начинает делать мне перевязку... Сгоняют в кучу пленных. «Где наш граф?» Кто-то говорит, что он убит, другой перебивает: «Застрелился». О командире полка говорят, что застрелился.

Взятые в плен офицеры штабс-ротмистр Головин, корнеты Мамонтов и Кларк расстреляны. Раненый корнет Секалов был отправлен в госпиталь, как простой солдат. К чести гусар, никто не выдал, что он офицер. По выздоровлении корнет Секалов бежал в Румынию.

Этим трагическим боем закончилась борьба сумских гусар за освобождение родины от большевистского ига в рядах Русской Армии. Большие потери понесли сумцы в неравной борьбе.

Запечатлеть и воздать должное тем, кто бестрепетно отдал свою кровь, страдания и самую жизнь, наш долг перед грядущим поколением.

*А. Шишков*¹³⁸

4-Й ГУСАРСКИЙ МАРИУПОЛЬСКИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ПОЛК. УЧАСТИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ¹³⁹

Настоящая статья написана в продолжение и дополнение статьи о 4-м гусарском Мариупольском Императрицы Елисаветы Петровны полку, помещенной в № 103 «Военной Были».

Она составлена по запискам генерал-майора Петра Владимировича Чеснакова¹⁴⁰, командира Мариупольского полка, и отчасти по личным воспоминаниям составителя настоящей статьи.

Существует громадная литература по Гражданской войне, издано по этому поводу много воспоминаний, ценных исторических справок и трудов, но пусть, надеемся, эта статья послужит скромным дополнением к уже имеющимся в печати историческим данным.

Очерк возрождения полка в Добровольческой армии

В декабре 1917 года, вследствие создавшегося в связи с большевистским переворотом положения, все офицеры 4-го гусарского Мариупольского Императрицы Елисаветы Петровны полка¹⁴¹ разъехались в разные стороны, унося с собою смутные надежды собраться вновь в родной полковой семье. О возможности ехать на юг, где зарождалась Добровольческая армия, никто не знал. Единственный случайно посвященный в это дело ротмистр Леонтий Яновский¹⁴², ушедший из полка еще в сентябре в Ставку, связи с полком не имел, и этим объясняется, почему большинство офицеров сразу же не отправилось на юг. Однако по мере осведомленности о событиях отовсюду и разными путями стали пробираться в Добровольческую армию мариупольские офицеры, и к концу 1918 года в различных частях ее насчитывалось до 23 мариупольцев. У всех было горячее желание положить начало возрождению полка, но формирование регулярных кавалерийских частей командованием Добровольческой армии все еще не определилось, а ходатайства в этом направлении у Донского атамана, генерала А. П. Богаевского¹⁴³, также пока успеха не имели.

Только в начале 1919 года, в связи с разворачиванием частей Добровольческой армии, в рядах 3-го конного полка зародилась ячейка мариупольцев — взвод эскадрона (командир взвода штабс-ротмистр Гордеев¹⁴⁴, офицеры штабс-ротмистр Серов¹⁴⁵, штабс-ротмистр Гирман¹⁴⁶, штабс-ротмистр Пригара¹⁴⁷, поручик Кублицкий-Пиотух¹⁴⁸, корнет Кондубович¹⁴⁹), укомплектованный преимущественно добровольцами. Но разворачивание взвода шло очень туго.

Почти одновременно с этим и в Донской армии зародилась пока скрытая ячейка мариупольцев: верный своему обещанию помочь возрождению полка Донской атаман генерал Богаевский, принимая во внимание доблестную службу в рядах Добровольческой армии полковника Леонтия Яновского, умершего 23 марта 1919 года в Ростове-на-Дону от сыпного тифа, разрешил братьям, ротмистру Михаилу Яновскому¹⁵⁰ (выпуска в полк 1913 года) и есаулу Степану Яновскому¹⁵¹, формирование особой партизанской сотни имени полковника Леонтия Яновского, как ячейки будущих мариупольцев. Сотня эта под командой есаула Степа-

на Яновского скоро закончила формирование и приняла участие в боевых действиях против большевиков. Разбросанные во взводе 3-го конного полка и особой партизанской сотне мариупольцы сознавали необходимость скорейшего соединения и предпринимали к этому всевозможные хлопоты, но пока безрезультатно.

Прибывший в апреле 1919 года в Добровольческую армию бывший командир полка генерал-майор Чеснаков несколько раз обращался к начальнику штаба ВСЮР с ходатайством о восстановлении полка, но ввиду особых соображений высшего командования по развертыванию регулярной кавалерии вообще, — безуспешно. Однако подобное же ходатайство у Донского атамана нашло полное принципиальное сочувствие, и 30 мая в Екатеринодаре генерал Богаевский, обещая помочь восстановлению полка, просил немного подождать и дать ему собраться со средствами.

Вскоре по приказу Донского атамана был сформирован и ушел на фронт Особый эскадрон под командой ротмистра Михаила Яновского на присоединение к особой партизанской сотне, а в июле они были сведены в дивизион Мариупольского гусарского полка, временно командующим которым был назначен подполковник Степан Яновский.

20 июля 1919 года генерал-майор Чеснаков, получивший назначение командиром бригады в 1-ю кавалерийскую дивизию и проезжавший к месту службы через Ростов-на-Дону, был вызван командующим Донской армией генералом Сидориным в Новочеркасск, где ему было предложено вступить в командование начавшим формироваться в Донской армии Мариупольским гусарским полком. Генерал Чеснаков согласился при условии, что генерал Сидорин исходатайствует у Главнокомандующего перемену состоявшегося его назначения, и 23 июля последовал приказ о назначении генерал-майора Чеснакова командиром Мариупольского гусарского полка. С этого дня формирование полка пошло темпом, который допускали предоставляемые к тому средства и возможности.

Формирование штаба полка и эскадронов

Пунктом формирования полка первоначально был выбран Новочеркасск, куда и стали собираться мариупольцы, состоящие в различных частях ВСЮР. Штаб полка сформировался к 6 августа в следующем составе:

Командир полка — генерал-майор Чеснаков, помощник по строевой части — подполковник Яновский (временно на фронте с дивизионом), помощник по хозяйственной части — ротмистр Шаров¹⁵²

(до его приезда из Кавказской армии — штабс-ротмистр Пашкевич¹⁵³), полковой адъютант — штабс-ротмистр Новицкий¹⁵⁴ (литовский улан, прикомандированный к полку), полковой казначей — штабс-ротмистр Соцевич¹⁵⁵, полковой квартирмейстер — поручик барон Шперлинг

Немедленно было приступлено к формированию 1-го лейб-эскадрона под командой ротмистра Пашкевича и 2-го эскадрона — ротмистра Олиференко¹⁵⁶ Дивизион подполковника Яновского переименован в 3-й имени полковника Леонтия Яновского эскадрон, командир ротмистр Яновский Михаил Тогда же было возбуждено ходатайство о присоединении к полку взвода 3-го конного полка, предназначенного для развертывания в 4-й эскадрон Одновременно было приступлено к формированию пулеметного эскадрона, обучение и снабжение которого материальной частью принял на себя представитель Британской миссии при Донской армии За отсутствием свободных кадровых офицеров, знающих пулеметное дело, ко временному командованию эскадронам допущен был поручик Григорьев (Туземного конного полка) Младшим офицером — поручик Бондаренко Начальником команды связи назначен прикомандированный к полку штабс-ротмистр Лавров¹⁵⁷ Трубаческий взвод был сформирован к 20 августа, главным образом стараниями штабс-ротмистра Соцевича, из добровольцев города Ростов-на-Дону, инструменты были куплены на средства, отпущенные Донским атаманом Капельмейстер — чиновник Калужский

Пополнение полка

а) Офицерами К 15 августа в полку числилось коренных мариупольцев — командир полка генерал-майор Чеснаков, полковник Сухин¹⁵⁸ (в командировке в Сочи), ротмистры Шаров, Козубский¹⁵⁹ (в командировке в Крыму), Олиференко, Яновский Михаил, штабс-ротмистры Пашкевич, Гордеев, Зенович¹⁶⁰, Карганов, Пригара, Рудичев¹⁶¹, Серов, Гирман, поручики Черныш, барон Шперлинг, корнеты Мелентьев, Лерхе (в командировке при Ставке), Коренковский (прибыл 12 сентября), Марков (прибыл 18 сентября), поручик Качиони (в командировке во Владикавказе)

Из коренных мариупольцев, бывших в других частях Добровольческой армии, к этому времени умерли полковник Янов¹⁶² (от сыпного тифа), полковник Леонтий Яновский (то же), полковник Балицкий¹⁶³ (убит под Ростовом), штабс-ротмистр Знаменский (умер от сыпного тифа), поручик князь Вадбольский (умер от холеры) и корнет Русецкий (убит)

Переведенные в полк из различных частей в период службы в Добровольческой армии подполковник Степан Яновский, штабс-ротмистр

Соцевич, поручик князь Чегодаев, корнеты Векслер¹⁶⁴, Фельдман, Якубовский и Мазаяв

Прикомандированы к полку до перевода полковник Москвин (Туземного конного полка) 2 августа 1919 года назначен начальником штаба бригады, штабс-ротмистр Новицкий (5-го уланского Литовского полка), Русанов¹⁶⁵ (2-го лейб-гусарского Павлоградского полка), поручик Кублицкий-Пиотух (4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка), корнет Никитин (Туземного конного полка), поручик Кондубович (3-го конного полка), штабс-капитан Лавров (лейб-гвардии Гренадерского полка) и ротмистр Нестеровский¹⁶⁶ (12-го драгунского Стародубовского полка)

Командиром полка было установлено обязательное двухмесячное прикомандирование офицера и перевод его в полк только после этого срока и по удостоению штаб-офицеров и командиров эскадронов Согласно этому, 20 октября были переведены в полк штабс-капитан Лавров, ротмистр Нестеровский, поручики Кондубович и Никитин и штабс-ротмистр Кублицкий-Пиотух Было обращено особое внимание на подготовку молодых людей из добровольцев, имеющих соответствующий образовательный ценз Мера эта дала впоследствии пополнение отличными молодыми офицерами, произведенными за боевую службу

6 сентября прибыл в полк полковник Белевцов¹⁶⁷ (выпуск 1897 года), 10-го полковник Сухин (выпуск 1902 года), 14-го прибыли подполковник Новов¹⁶⁸ (выпуск 1897 года), ротмистр Гречишников¹⁶⁹ (выпуск 1906 года), корнеты Савин (из запаса) и Ильинский (выпуск 1916 года)

Ввиду прибытия старших, были произведены следующие перемещения полковник Сухин был назначен помощником по строевой части, полковник Белевцов и подполковник Новов (предназначенный на должность командира Запасного кавалерийского дивизиона) — штаб-офицерами, подполковник Яновский — командующим 5-м эскадронам, начавшим формироваться 15 октября, ротмистр Гречишников — полковым квартирмейстером, корнет Савин — заведующим нестроевыми эскадронами 20 октября штабс-ротмистр Лавров назначен полковым адъютантом вместо ушедшего из полка штабс-ротмистра Новицкого Команду связи принял корнет Ильинский

б) Гусарами В Ростове-на-Дону, в квартире штабс-ротмистра Соцевича, открыто было бюро для записи и приема добровольцев, отсюда же рассылались вербовщики добровольцев в различные пункты Юга России Временные бюро были открыты в Харькове, Киеве, Елисаветграде и Екатеринославе Благодаря этим мерам в полк прибыло около 400 добровольцев Большие затруднения чинились органами

Добровольческой армии, которые всячески препятствовали посылке укомплектований в полк, формирующийся при Донской армии, нередко направляя партии пополнений в другие части, преимущественно в 5-й кавалерийский корпус

Многие добровольцы, узнав из объявлений о формировании полка, сами являлись в Новочеркасск и вступали в ряды эскадронов.

Из числа мобилизованных в Донской области полк получил пополнения: первый раз в середине августа, со сборного пункта в Таганроге; по выбору командира полка из двух тысяч человек было отобрано 150 иногородних, из них 50 процентов на разные нестроевые должности, другой раз, в конце сентября, из запасных частей Донской армии прибыло около 120 иногородних.

Кроме того, в ряды полка вошел 3-й эскадрон, около 130 человек, и взвод 3-го конного полка, 40 человек. Таким образом, к 10 ноября 1919 года в полку числилось около 850 гусар, из них 60 процентов добровольцев, 30 процентов мобилизованных иногородних и 10 процентов казаков, главным образом оставшихся в 3-м эскадроне. Прибывающие в полк люди немедленно разбивались лично командиром полка и поступали в эскадроны. Прием производился с большим разбором и тщательной сортировкой, вследствие чего процент дезертиров был самый ничтожный и случаев перехода к противнику был только один (гусар 2-го эскадрона в нашей разведке под местечком Уразово 25 ноября 1919 года). Несмотря на то что главный контингент гусар старого полка был из малороссов, уроженцев областей, занятых ВСЮР, из старых гусар в полк никто не явился. В начале сентября прибыл только подпрапорщик Иван Осипович Рожко, воспитанник полка и бывший штаб-трубач. Подпрапорщик Рожко был зачислен ординарцем к командиру полка и командирован в Киев для набора пополнений (привел около 50 человек).

в) Лошадьми. Пополнение лошадьми шло очень туго. Полку был отпущен аванс в 3 миллиона рублей на покупку лошадей, но не было дано право на платную реквизицию, высокие же вольные цены исключали всякую возможность успешной покупки лошадей на месте. Пришлось обратиться в отдаленные зимовники Донской области, и главным образом на Кавказ. Большая часть закупленных там лошадей до полка не дошла: вследствие спешного выступления полка на фронт и расстройств транспорта, лошади эти, находясь более 1,5 месяца в вагонах, частью пали, большинство попало в другие части, и в полк дошло только 10 лошадей из зимовников Королькова (прибыли на Стрелецкий завод) и 40 лошадей на фронте, в деревне Таволжанке 27 ноября. Главным кадром послужило 140 лошадей, прибывших в полк с 3-м эскадронном.

В период стоянки на Стрелецком государственном конном заводе из конского запаса Донской армии было получено всего 30 лошадей. Тогда же по инициативе командира полка, принявшего на себя ответственность, было приступлено к принудительной реквизиции лошадей у населения. Мера эта дала наибольший и наилучший процент поступивших и служивших в полку лошадей, но была сопряжена с большими затруднениями — постоянными разборами недоразумений с жителями, большим расходом офицеров во временной ремонтной комиссии и гусар для привода лошадей. Часть лошадей была куплена на ярмарках в беловодских деревнях, в районе государственных конных заводов. Особое внимание было обращено на офицерских лошадей, платили сравнительно высокие цены, зато офицеры выступили в поход с хорошим конским составом.

Всего к 15 ноября удалось посадить на коней 2 взвода в каждом эскадроне и запрячь минимальный обоз. Пулеметный эскадрон имел всего лишь 30 лошадей под пулеметами и небольшим числом прислуги. За время перехода в Валуйки было куплено еще 40 лошадей.

Необходимо отметить энергию и большую помощь главных ремонтеров полка, полковника Белевцова, проведшего все ремонтное дело в районе конских заводов, подполковника Яновского, покупавшего лошадей в зимовниках Донской области, и корнета Королькова, содействовавшего полку как непосредственно, так и через своих родственников, коннозаводчиков Донской области.

Командующим Донской армией генералом Сидориным полку была подарена отличная лошадь завода Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича, конь Командарм, убитый в бою 8 декабря под командиром лейб-эскадрона ротмистром Пашкевичем.

Первоначальное снабжение полка необходимыми средствами

В отношении снабжения необходимыми средствами полк попал в странное положение: Донское командование охотно и полностью шло навстречу всем требованиям полка, но само, мало получая от снабжения ВСЮР и не успевая удовлетворить казачьи части, а также будучи связано с постоянными запросами в Круте, не могло с этим не считаться, а потому вынуждено было, снабжая полк, прибегать к различным комбинациям, что часто и сильно тормозило дело. Командование Добровольческой армии, вернее — органы снабжения ВСЮР почему-то установили взгляд на регулярную часть, формирующуюся в Донской

армии, как на чужую и решительно во всем полку отказывали. Фактически непосредственно от снабжения ВСЮР полк получил 300 английских палашей и 50 пик, и то лишь потому, что от них отказались части 5-го кавалерийского корпуса. Характерною иллюстрацией может служить следующее: у отправляемого в конце августа на присоединение к полку взвода мариупольцев 3-м конным полком было отобрано все имущество — вооружение, седла, лошади, большая часть обмундирования, полученные им главным образом путем военной добычи у противника. При таких неблагоприятных условиях снабжения приходилось затрачивать много времени на косвенные ходатайства через Донского атамана и на различные комбинации, лишь бы добиться успеха, что значительно задерживало формирование.

Денежные отпуска шли широко и исправно, но за деньги уже не все можно было приобрести.

а) Вооружение. Снабжение винтовками шло успешно, и артиллерийское ведомство Донской армии отпускало их в требуемом числе; несколько стесняло разнообразие их образцов — винтовки были пехотного, казачьего и драгунского образцов; не хватало штыков, шомполов и ружейных принадлежностей. Шашками отпуска не было. Удалось получить 300 английских палашей и облегчить их в своей оружейной мастерской; часть шашек была принесена добровольцами. Пиками — удалось в различных складах и станицах разыскать около 150 пик.

б) Обмундирование. Исключительно вследствие личного приказа Донского атамана полк в половине августа получил 750 комплектов английского обмундирования, со снаряжением, бельем и обувью, и 400 шинелей, что дало возможность одевать прибывающие пополнения.

Большие затруднения пришлось испытать перед выступлением в зимний поход по снабжению теплым бельем и одеждой. С трудом было получено 250 комплектов теплого белья, 150 полушубков и 200 плоских шинелей. Все это прибыло 14 ноября вечером, за несколько часов до выступления. Эти обстоятельства катастрофически отразились впоследствии на санитарном состоянии полка — плохо снабженные теплой одеждой, не имея запасной смены белья, гусары, особенно пешие, отправленные по железной дороге, мерзли, простужались и почти все переболели сыпным тифом, частью погибли, частью попали в госпитали и остались на произвол судьбы, и только небольшой процент их вернулся в полк.

в) Конское снаряжение. Седла натурой не отпускались. На выданный полку аванс в 500 тысяч рублей (по расчету на 1000 седел) надо было приобрести их частной покупкой, но на территории ВСЮР седел

кавалерийского образца было мало, и цены на них стояли очень высокие. Шорная мастерская в Ростове-на-Дону, находившаяся в ведении генерала Копачева, изготовить седла полку отказалась. Пришлось обратиться к случайным покупкам, переделывать казачьи ленчики, приспособивать казачьи седла и таким образом кое-как сесть. За три дня до похода было получено 56 кавалерийских седел английского образца из Константинополя (из общего заказа в 500 седел) и 30 новых казачьих седел от снабжения Донской армии. Оголовья, недоуздки и конские щетки изготовлялись главным образом средствами полка.

г) Особые меры для обеспечения полка различными предметами. Командиру полка удалось путем частных сборов и займа собрать 1 миллион рублей, переданных 24 августа таганрогскому купцу Г.С. Фельдману, который обязался поставить полку из-за границы седла, часть вооружения, материал для белья и обмундирования и др. Из всего этого полком почти накануне зимнего похода было получено 56 седел, все прочее, по заявлению Г.С. Фельдмана, было реквизировано у него военными властями ВСЮР. Удалось приобрести партию желтого сукна, изготовить трафарет, и все гусары носили, как в старом полку, цветные погоны с шифровкой «Е Р.» Заботами штабс-ротмистра Соцевича в Ростове-на-Дону были заказаны полковые нагрудные знаки, которые носили все офицеры и которыми награждались наиболее достойные по службе гусары.

Медицинская часть

Распоряжением санитарного инспектора Донской армии был назначен старший врач полка, на которого были возложены заботы по формированию санитарной части. В ближайшие дни был открыт полковой околоток — 2 фельдшера и 2 сестры милосердия, Наталия Дмитриевна Яновская и Нина Александровна Яффа, переведенные в полк из Передового отряда имени генерала Алексева. Полковой сестрой состояла также Любовь Николаевна Нестеровская, супруга ротмистра Нестеровского, который на Стрельцовском заводе был хозяином офицерского собрания.

В каждый эскадрон был назначен фельдшер, снабженный медицинской сумкой. В начале сентября назначенный доктор заболел тифом и был эвакуирован. 8 сентября прибыл в полк доктор Фишуков, принявший исполнение обязанностей старшего врача до 25 октября, когда он был эвакуирован в Харьков для окончания государственных экзаменов. Прибывший вместо него доктор Когтев вскоре заболел, и дальше, до января 1920 года, полк оставался без врачей. Снабжение медицинскими и перевязочными средствами было достаточное; не хватало санитарной двуколки, ее заменяли простой повозкой.

Ветеринарная часть и ковка

6 сентября прибыл в полк ветеринарный врач и приступил к организации своего дела. Был открыт ветеринарный лазарет, в каждый эскадрон назначено по одному фельдшеру с набором. В лазарете лечилось несколько чесоточных лошадей и около 30 лошадей 3-го эскадрона с набивками. При лазарете была открыта кузница, где работали и обучались эскадронные кузнецы. Кроме того, для обучения кузнечному делу в Новочеркасск было командировано 5 учеников. Обеспечение кузнечными наборами было сравнительно удовлетворительное, но все же не хватало рашпилей и ковочных ножей; подковы и гвозди (фабричного изготовления) были слишком больших номеров — все это не позволяло поставить ковку на должную высоту. Большую помощь по ветеринарной части и ковке оказал полку ветеринарный врач Стрельцовского завода как своими опытом и знаниями, так и средствами завода.

Переход полка в район Чертково

Приказом по Всевеликому Войску Донскому от 26 августа 1919 года за № 1306 окончательно было закреплено формирование полка и утверждено историческое имя его: Мариупольский гусарский Императрицы Елисаветы Петровны полк. Указывалось на то, что номер будет добавлен впоследствии по номеру дивизии, куда полк будет зачислен в состав Российской армии. Приказом по полку за № 10 от 27 августа 1919 года генерал-майора Чеснакова Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский и командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин были занесены в списки полка и зачислены в лейб-эскадрон.

Того же 26 августа полк вместе с клястицкими гусарами¹⁷⁰ был сведен в Отдельную кавалерийскую бригаду. Ввиду того что первый подготовительный период формирования заканчивался и надо было скорей собрать все части полка и приступить к боевой подготовке эскадронов, командир полка решил перевести полк в район станции Чертково, где стояли и формировались клястицкие гусары, 31 августа, одним эшелонном, штаб полка, лейб- и 2-й эскадроны в 7 часов вечера отправились по железной дороге, из Новочеркасска на станцию Чертково. В этот день, впервые после 2-летнего перерыва, мариупольцы услышали свой полковой марш, исполненный своими же трубочами.

Утром 2 сентября эшелон прибыл на станцию Чертково и походным порядком отправился в деревню Стрельцовку, намеченную для расквартирования полка, куда и прибыл к 6 часам вечера. По дороге в деревню Великоуцкое эшелон встречали и чествовали обедом клястицкие гусары.

4 сентября прибыл на присоединение к полку взвод мариупольцев из 3-го конного полка в составе 5 офицеров и 38 гусар и соста-

вил кадр 4-го эскадрона. 5 сентября прибыл с фронта на переформирование 3-й эскадрон — 5 офицеров, 147 гусар и 140 лошадей. После смотра командиром полка часть казаков, пожелавших вернуться в казачьи части, была отправлена по назначению, и эскадрон был уравнен в рядах с другими; часть лошадей переведена в другие эскадроны, негодные к службе выбракованы.

Размещение полка в деревне Стрельцовке оказалось тесным и крайне неудобным как для ведения занятий, так и для поддержания внутреннего порядка вследствие разбросанности гусар по 3—5 человек в крестьянских избах, поэтому 7 сентября полк перешел в расположенный в $1\frac{1}{2}$ версты и почти пустовавший Стрелецкий государственный конный завод. Здесь части полка разместились достаточно широко и удобно, казарменным порядком в приспособленных конюшнях.

С 9 сентября в полку введен был полный внутренний порядок и начались регулярные занятия: в 6 часов утра — подъем, 6—7 часов — уборка, 7—7.30 часов утренний осмотр и чай, 8—11 часов — занятия, 11—12 часов — уборка, 12 часов — обед, 12—2 часа — отдых, 2—5 часов — занятия, 5—6 часов — уборка, 6—7 часов — ужин, 8 часов — переключка, заря и общая молитва, 9.30 часов — тушатся огни.

Строевая подготовка

Занятия велись по утвержденному командиром полка расписанию, до прибытия лошадей — гимнастика, вольтижировка, пеший строй, владение оружием, пешее по конному учение, полевая служба, по мере прибытия лошадей — езда, сначала в манеже, потом преимущественно в поле, и взводные учения — уставные и по полевой службе.

Сильно нарушали планомерный ход занятий большие наряды за приемом и покупкой лошадей и для привоза различных предметов снабжения.

Упражнений в стрельбе пройти не успели. Всем офицерам ежедневно от 11 до 12 часов производилась езда, по субботам — полевая езда по искусственным препятствиям.

Вообще этот период жизни полка был почти схож с нормальным укладом быта кавалерийской части в условиях мирного времени, лишь большие наряды и лихорадочная деятельность во всех эскадронах и командах указывали на то, что полк готовится к скорейшему выступлению в поход.

18 сентября полк посетил Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский в сопровождении инспектора конницы Донской армии генерал-майора Траилина Анатолия¹⁷¹. После небольшого учения и осмотра казарм и конюшен горячо любимый всеми мариупольцами бывший командир полка завтракал в офицерском собрании, и три часа неза-

метно протекли в воспоминаниях о жизни старого полка и надеждах на близкое счастливое окончание борьбы с большевиками. После завтрака генерал-лейтенант Богаевский снимался в группе всего полка и отдельно с господами офицерами.

26 сентября приказом по Донской армии полк был включен в состав 1-й сводной кавалерийской дивизии¹⁷² (полки: Чугуевский уланский, Мариупольский и Клястицкий гусарские, Туземный конный и казачий конно-артиллерийский дивизион — все формировавшиеся в районе станций Чертково и Миллерово).

22 октября, в день бывшего тезоименитства шефа полка, Императрицы Елисаветы Петровны, лейб-эскадрон справлял свой эскадронный праздник. Молебен, парад, улучшенный обед гусарам, после которого в помещении эскадрона — танцы и игры; вечером в офицерском собрании ужин с традиционной гусарской жженкой.

В числе гостей полк посетил старший мариуполец, бывший командир 1-го эскадрона генерал-майор Хартен¹⁷³, горячо приветствовавший возродившийся полк. В этот день телеграммой Донского атамана бывший командир лейб-эскадрона в старом полку подполковник Новов и теперешний его командир штабс-ротмистр Пашкевич были произведены в следующие чины.

Выступление на фронт

4 ноября получено было приказание изготовиться к спешному выступлению на фронт. Приказание это застало полк в следующем положении: еще не была закончена посадка на коней вторых взводов (за исключением 3-го эскадрона, в котором было около 60 шашек), обучение гусар не закончено, лошади в работу совершенно не втянуты, теплого белья и одежды не имелось: шинелей не хватало на 50 процентов; пулеметный эскадрон формирование не закончил и в полк не прибыл; ожидался привод из зимовников и с Кавказа 300 лошадей, бывших уже в пути. Все это указывало на полную несвоевременность срывания несформированной и еще недостаточно сплоченной кавалерийской части прямо в бой. Эти соображения неоднократно докладывались командиром полка командующему армией с просьбой дать возможность дожидаться привода лошадей и более основательно подготовиться к тяжелому зимнему походу, на что требовалось около месяца. Командующий армией, в принципе вполне разделяя эти соображения, все же приказал выступить не позже 15 ноября и к 23-му быть в районе Валук на основании категорического требования Главного командующего, которому все вышеприведенные доводы докладывались.

Действительно, с одной стороны, стратегическая обстановка складывалась для ВСЮР трагически — наступление конных красных армий

требовало полного напряжения сил, с другой — отправление прямо в бой при крайне тяжелой обстановке, без своей артиллерии (конно-артиллерийский дивизион дивизии совершенно не был готов к походу), еще не сформированных частей вряд ли было целесообразно, тем более что примерно через месяц части эти представили бы собой большую силу.

Впоследствии, когда нами были проиграны решающие бои под Ростовом-на-Дону, высшее командование создало свою ошибку, считая, что если бы Сводная кавалерийская дивизия была бы сбережена и формирование ее закончено, то ростовские бои легко могли бы иметь иной исход.

Удалось только исходатайствовать отправление конных частей походным порядком, чтобы втянуть конский состав и попутно утвердить важнейшие отделы полевой службы.

Полк стал спешно готовиться к выступлению. Пешие гусары, подлежащие отправке по железной дороге на Валуйки, были сведены в два сводных эскадрона.

5-й эскадрон, далеко не закончивший формирования, также отправился как запасный эскадрон полка. Часть гусар, около 50, менее подготовленных, была выделена в запасный кавалерийский дивизион.

К этому времени на почве недостатка теплой одежды в полку начались заболевания тифом (сыпным и возвратным); заболели командиры 2-го эскадрона ротмистр Олиференко (тиф) и 4-го эскадрона штабс-ротмистр Гордеев (ревматизм), ротмистр Гречишников (тиф), штабс-ротмистр Карганов (тиф), корнет Каринковский (тиф), старший медицинский врач и до 40 гусар, в том числе вольноопределяющийся Шишков.

Поздно вечером 14 ноября, накануне выступления, в полк прибыло небольшое количество теплого белья, полушубков и шинелей, что дало возможность одеть гусар, идущих походом. Большой процент гусар, отправляющихся по железной дороге, был не только без теплого белья, но даже не все имели шинели.

Гражданская война

15 ноября 1919 года конные части Сводной кавалерийской дивизии двинулись походом на Валуйки, имея в авангарде Мариупольский полк. Состав полка в день выступления в поход:

Штаб полка — генерал-майор Чеснаков, полковник Сухин, штабс-ротмистр Лавров, поручик Черныш, корнет Ильинский, 16 трубачей, 13 шашек (команда связи).

Лейб-эскадрон — ротмистр Пашкевич, поручик Дорошкевич, корнет Пашкевич, 61 шашка.

2-й эскадрон — штабс-ротмистр Рудичев, поручик князь Чегодаев, корнет Золотухин, корнеты Лаврентьев, Московченко, Чабаев, 63 шашки.

3-й эскадрон — ротмистр Яновский, штабс-ротмистр Зенович, корнеты Векслер, Никитин, Амбалов, 72 шашки.

4-й эскадрон — штабс-ротмистры Серов, Кублицкий-Пиотух, корнеты Марков, Кондубович, 54 шашки.

Всего в строю: 23 офицера, 16 трубачей, 263 шашки. В обозе: 12 двуколок, 2 походные кухни, две парные повозки, 1 санитарная повозка при 27 нестроевых гусарах.

Через три дня, 18 ноября, со станции Чертково отправился по железной дороге на Валуйки, под командой полковника Белевцова, эшелон пеших мариупольцев в составе: штаб полка — полковник Белевцов, 1-й сводный эскадрон — штабс-ротмистр Соцевич, 2-й сводный эскадрон — поручик Строев, 5-й эскадрон — подполковник Яновский. Обоз.

Поход и боевые действия конных мариупольцев.

15 ноября, после краткой молитвы, полк выступил в поход и ночевал в Беловодске, пройдя 26 верст при 4-градусном морозе.

16-го — 23-верстный переход в село Евсуг; 3 градуса мороза. По дороге эскадроны вели занятия по дозорной службе.

17-го — 28-верстный переход в город Старобельск; 1 градус мороза. По дороге — полковое учение.

18-го — дневка.

19-го — 32-верстный переход на хутор Бунчужный, гололедица, пурга.

20-го — 33-верстный переход в деревню Тарасовку, хороший солнечный день. Попутные занятия по разведке.

21-го — дневка.

22-го — переход в деревню Павловку (35 верст). Хороший солнечный день. Попутные занятия.

23-го — переход в поселок Уразово (26 верст), пункт сосредоточения дивизии, куда прибыли в полдень.

Всего за 9 дней при двух дневках пройдено 203 версты, в среднем по 29 верст в сутки, при невтянутом в работу конском составе и плохой осенней дороге...

Полк вошел в состав конной группы генерала Мамонтова¹⁷⁴ — 4-й конный корпус¹⁷⁵ (9-я и 10-я Донские казачьи дивизии) и остатки корпуса¹⁷⁶ генерала Шкуро.

В эти дни конная группа под натиском превосходных сил противника медленно отходила от города Валуйки на юг.

24-го и 25 ноября — сторожевое охранение по реке Двуречной от 4-го эскадрона, разведка на Валуйки от 2-го эскадрона. Наши разведчики в 5 верстах от Урзова имели столкновение с эскадромом красных и прогнали его.

25 ноября прибыл из Новочеркасска пулеметный эскадрон под командкой поручика Григорьева и при трех офицерах: корнете Бондаренко, корнете Рихтере и корнете Феофилове (30 лошадей, 6 пулеметов Виккерса).

26 ноября согласно приказу конной группы Сводная кавалерийская дивизия с утра стала отходить на юго-восток на деревню Таволжанку; марш обеспечивался идущими в хвосте 9-й и 10-й Донскими казачьими дивизиями. К 10 часам утра, при переходе через железную дорогу, хвост колонны дивизии был неожиданно атакован двумя полками конницы красных, бросившимися в прорыв, образовавшийся вследствие неисполнения 9-й Донской казачьей дивизией приказа (ушла в другом направлении). Обстановка сложилась крайне тяжелая, но положение было спасено блестящими действиями нашего Мариупольского пулеметного эскадрона. Эскадрон этот, случайно задержавшись вследствие тяжелой дороги при переходе через железнодорожное полотно, быстро построил фронт и открыл удачный огонь по красной коннице. Во время происшедшего у противника замешательства был построен боевой порядок лав идущего в хвосте Чугуевского уланского полка, которые, перейдя в наступление, вместе с нашим пулеметным эскадром отбросили красных.

После 60-верстного перехода полк прибыл на ночлег в деревню Таволжанку, в сторожевке и разведке на север по реке Двуречной — лейб- и 4-й эскадроны.

27 ноября — дневка. Прибыло 40 лошадей из числа закупленных в зимовниках и на Кавказе; большая часть их попала в пулеметный эскадрон.

Поручик Григорьев за отличную боевую работу 26-го переведен в полк и щеголяет в гусарской форме. Пулеметчики горды и радостно возбуждены; как много значит первый успех и как грустно, что полк на боевое крещение попал в обстановку постоянного отступления деморализованных и панически настроенных частей генералов Мамонтова и Шкуро.

28 ноября. Многочисленная красная конница Буденного наступает в двух направлениях — на Купянск и, восточное, — на село Покровское. Генерал Мамонтов решил отбросить первую группу, поручив обеспече-

ние своего правого фланга Сводной кавалерийской дивизии. Предстоят самостоятельные действия, а артиллерии нет.

В исполнение задачи полк должен сегодня совершить переход, ведя разведку на село Покровское. В 8 часов утра генерал Мамонтов объехал части дивизии, сказал приветствие и пропустил церемониальным маршем (играли наши трубачи). В 9 часов утра полк выступил, идя в авангарде; в разведку ушли взводы 2-го и 4-го эскадронов. После 30-верстного перехода красные 4-я и 6-я кавалерийские дивизии обнаружены на походе к селу Покровскому.

29 ноября. Генерал Мамонтов, не обращая внимания на восточную группу красных, оттягивает нас для сосредоточения всей своей конной группы. Продолжая разведку, полк отходит назад и ночует в деревне Константиновке (переход около 33 верст).

30 ноября. Опять движение на село Покровское, которое уже занято красными и откуда они вытягиваются на Сватово. Задача — замедлить их движение и охранять фланг конной группы.

Полк в составе своей дивизии к 6 часам вечера перешел в район 10 верст восточнее Верхней Дуванки. Ясно наблюдается походный порядок красных, выходящих из Покровского, но атаковать их невозможно, — нас разделяет непроходимая речка Красная. Выстроили боевой порядок, открыли пулеметный огонь, но за дальностью расстояния он не действителен, а артиллерии у нас нет... Бесплезное для нас и безвредное для противника занятие, крайне всех удручающее. Передовые эскадроны пробовали переправиться, но не смогли.

Полк ночевал в деревне Богородское и на хуторе недалеко от деревни Покровское, ведя разведку на Покровское, к которому вечером подошла 2-я кавалерийская дивизия красных.

1 декабря. Согласно приказу генерала Мамонтова на рассвете полк выступил для сосредоточения всей конной группы. Сегодня небольшой (15 верст) переход в деревню Верхняя Дуванка, кстати совершенно негодную для ночлега, — почти во всех избах больные тифом. Большая часть полка ночевала под открытым небом, ветер, мороз...

3 декабря. По приказу генерала Мамонтова в этот день конная группа сосредоточивается в районе Стельмаховка—Сергеевка, чтобы оттуда, по обстановке, или атаковать противника, наступающего с севера, или сватовскую его группу. Полк, ведя разведку на Сватово и Меловатку, перешел в деревню Андреевку (36 верст), где и ночевал, имея сторожевое охранение по реке Жеребец.

4 декабря. Сегодня донцы наступают на Сватово, а нашей дивизии приказано выбить красных и занять Меловатку. Задача без артиллерии нелегкая. В 8 часов утра, перейдя реку Жеребец, построили боевой по-

рядок (полк в первой линии, на правом фланге дивизии) и повели наступление. Влево разгорается бой у донцов, у нас пока тихо. Далеко впереди маячат редкие разъезды противника. В 10 часов утра со стороны Меловатки начался довольно беспорядочный артиллерийский обстрел нашей линии, вскоре разъезд 3-го эскадрона донес, что со стороны Кабаньего к Меловатке подходит наш бронепоезд, открывший уже огонь по красным. Пользуясь этим, полк безостановочно идет вперед, и около 11 часов передние части врываются в Меловатку, спешно оставленную большевиками, отступившими на северо-восток. Полк с другими частями дивизии ночует в Меловатке, разведка и охранение от других. За день ранено 4 гусара и 6 лошадей. В этот же день донцы заняли Сватово, и положение наше, казалось, упрочилось.

5 декабря. В этот день конная группа эшелонируется вдоль железной дороги. Донцы остаются в Сватове, терцы переходят в Меловатку, а Сводная кавалерийская дивизия — в Кабанье. Полк к 4 часам дня перешел в Кабанье (13 верст по очень тяжелой — гололедка — дороге), где и расположился, ведя разведку на восток, до Голубова. Вечером получилось известие, что вместо генерала Мамонтова командиром конной группы назначен генерал Улагай, который приезжает завтра утром на станцию Кабанье.

6 декабря. В 7 часов утра полк выступает к ферме, что на большой дороге, на высоте Меловатки, в резерв группы, где и простоял весь день под седлом, бесцельно, без пищи людям и корма лошадям, на 10-градусном морозе, под сильным ветром. Командир полка с утра был вызван к генералу Улагаю, с которым уехал в штаб конной группы, в деревню Удобное.

Поздно вечером по настоянию командира полка, с которым удалось связаться, полк расположился на ночлег в деревне Меловатке. Охранение и разведка — от терцев. Таким образом, и 5-е и 6-е прошли в бесцельном мотании, тогда как противник сосредоточивался и готовился нанести удар...

К вечеру донцы отошли от Сватова на Павловку.

7 декабря. Около 7 часов утра приехал из штаба группы командир полка и сообщил, что сегодня донцы должны вновь занять Сватово, терцы будут в резерве у фермы, а наша дивизия останется в Меловатке для обеспечения правого фланга. Но едва командир полка успел разъяснить обстановку и отдать распоряжения по разведке и связи, как было получено донесение, что донцы вместо наступления на Сватово отходят на Удобное, что терцы уходят из фермы и что в $1/2$ версты от нее показались разъезды красных. Через несколько минут началась оживленная перестрелка на окраине Меловатки и со стороны Сватова

показался неприятельский бронепоезд. По тревоге полк с другими частями дивизии перешел на высоты правого берега реки Красной. Отсюда было ясно видно, как от фермы на рысях отходили терцы, преследуемые лавами красных; вскоре со стороны фермы противник стал обстреливать части дивизии артиллерийским огнем и одновременно от Меловатки открыл фланговый огонь неприятельский бронепоезд.

Не имея артиллерии, дивизия вынуждена была начать отход, прикрытие которого возложено было на наш полк. Построив лавы 2-го и 3-го эскадронов и отстреливаясь из пулеметов от наседавших передовых частей красных, под фланговым огнем бронепоезда полк отходил до высоты села Кабаньего, где удалось привлечь к боевым действиям взвод терской казачьей батареи и огнем его приостановить на некоторое время наступление противника. Под вечер полку было приказано, ведя разведку и оставив охранение у хутора Поповка, отойти в деревню Кременную, куда полк и прибыл около 8 часов вечера (переход с боевыми действиями — 35 верст). Ранены поручик Кондаубович, 11 гусар и 7 лошадей. На хуторе Поповка остался взвод лейб-эскадрона (поручик Дорошкевич¹⁷⁷).

8 декабря. Как потом оказалось, смена начальства, генерала Мамонтова генералом Улагаем¹⁷⁸, в самые критические дни наступления противника 6-го и 7 декабря имела непоправимые последствия. Генерал Мамонтов, имея 5-го и 6 декабря части конной группы сосредоточенными, вместо того чтобы перейти в наступление или, наоборот, оторваться от противника и прикрыться рекой Донец, обиженный назначением генерала Улагая, перестал руководить частями и 7 декабря, когда генерал Улагай фактически еще не вступил в командование группой, бросил свой 4-й конный корпус и всю группу и уехал на станцию Лиман. Отъезд его произвел крайне неблагоприятное впечатление на донцов и на остальные части, и все они, не обращая внимания на приказания, ринулись вслед за генералом Мамонтовым, весьма популярным среди казаков.

Вследствие этого отход 7 декабря принял панический характер, и к вечеру штаб генерала Улагая не знал даже, где какая часть находится. Это послужило прологом к катастрофе, разыгравшейся 8 декабря на берегах реки Донец и лишь случайно не закончившейся гибелью всех частей конной группы.

Генерал Улагай, не отдавая себе отчета в состоянии войск и считаясь только с общей стратегической обстановкой (главным образом с отходом Добровольческой армии), упорно не желал отходить за реку Донец, рассчитывая сосредоточить все части группы в районе местечка Кременная.

К вечеру 7 декабря здесь собрались конные части Сводной кавалерийской дивизии и часть корпуса генерала Шкуро (терцы и кубанцы генерала Науменко¹⁷⁹ и так называемые «волчьи отряды»).

Утомленные и уже сильно расстроенные войска вели только, и то кое-как, ближнюю разведку, и определенных сведений о противнике не было. Обстановка подсказывала необходимость отхода за Донец, чтобы, прикрываясь этой преградой, привести в порядок части, установить связь и разведку и затем действовать по обстоятельствам. Вместо этого генерал Улагай терял время, оставаясь в Кременной и придерживая здесь все части.

На следующий день, 8 декабря, в 8 часов утра из Кременной на переправы через Донец у Рубежной и Несветевич были отправлены «волчьи части» корпуса генерала Шкуро, но почему-то переправ этих они не заняли и ушли в Лисичанск. Только в 11 часов утра старшим начальникам удалось убедить генерала Улагая в том, что дальнейшее удерживание им частей в Кременной более чем безрассудно, и генерал Улагай, не объединив войск ни личным командованием, ни назначением для этого кого-либо другого, отдал приказ отходить на станцию Рубежная, а оттуда на правый берег реки Донец. Вперед на Рубежную им был выслан бронепоезд, который должен был оставаться до перехода за реку всех войск.

В голове ушли терцы, за ними Чугуевский уланский полк и мариупольцы; в хвосте следовали кубанцы и некоторые подошедшие к Кременной донские части; Клястицкий гусарский полк был выдвинут на север для прикрытия направления со стороны Кабаньего.

Вскоре колонну обогнал поезд генерала Улагая, захвативший с собой (о чем мы узнали гораздо позже) со станции Рубежная и бронепоезд. Когда голова чугуевцев прошла около 7 верст и была недалеко от цементного завода (что против переправы через Донец), был получен ряд донесений от разъездов о наступлении противника на Рубежную с севера. Не успели еще выдвинуться вперед и на фланг более сильные охранные части, как со стороны завода по голове колонны начался пулеметный огонь противника. Начальник дивизии генерал Чеснаков (он же и командир полка), шедший в голове с чугуевцами, бросился вперед, чтобы атаковать противника и занять завод, что обеспечило бы переход частей за Донец. Но чугуевцы, невзирая на пример старших начальников — начальника дивизии и своего командира полка полковника Баяковско-го¹⁸⁰, уже спешившихся для удержания за собой окраины завода, — бросились к мосту и только около него были остановлены офицерами и, построив лаву, открыли пулеметный огонь, чем все-таки приостановили наступление противника. Не успевший сесть полковник Баяковский был

изрублен наскочившими красными, а генерал Чеснаков спасся благодаря тому, что сестра милосердия Н.Д. Яновская удержала и подала ему за строениями завода его лошадь (награждена за это Донским атаманом Георгиевским крестом 4-й степени).

С открытием пулеметного огня противником взвод терской казачьей батареи, приданный в этот день полку, обрубил у орудий построики и помчался к берегу Донца; бывший в прикрытии 3-й эскадрон бросился вытаскивать орудия и оттащил их в лес, но дальше вывезти не мог (болото) и, отстреливаясь от наседавших красных, стал отходить к Донцу, где с большим трудом переправился по льду, потеряв несколько лошадей. 2-й и 4-й эскадроны с временным командиром полка полковником Сухиным, не видевшим возможности пробиться вперед, ушли направо в лес и здесь по льду перебрались через Донец. Лейб-эскадрон был увлечен кубанцами, идущими сзади и бросившимися пробиваться через цементный завод, и вместе с ними дошел к переправе. В общем, части, совершенно не ориентированные в обстановке, обманутые не исполненными задачи и не обеспечившими переправ «волчьими сотнями» и не оставшимися на станции Рубежная бронепоездом, попали в крайне тяжелую обстановку случайного боя при весьма неблагоприятных условиях местности, потерялись и действовали вразброд. Все же благодаря тому, что чугуевцам удалось захватить переправу и отбросить первый натиск противника, была предотвращена гибель большей части конной группы на левом берегу Донца. К 2 часам дня на правом берегу собрались все части, перешедшие реку и по мосту, и по льдинам, и была настолько прочно организована оборона на участке Рубежная — Несветевич, что все попытки двух красных дивизий форсировать реку были отбиты. Полк занимал позицию у моста против Рубежной, где и оставался до темноты, отразив несколько атак противника. Около 7 часов вечера полк был сменен казаками и пешими частями корпуса генерала Шкуро и перешел на ночлег на один из заводов у станции Несветевич. За этот день ранены корнеты Ильинский и Лаврентьев, контужен штабс-ротмистр Лавров, ранено 14 гусар, из них очень тяжело — вольноопределяющийся 3-го эскадрона Михайлов, в голову во время рубки с красными; убито 6 гусар, ранено, убито и утонуло 26 лошадей. Корнет Ильинский был захвачен в плен, но ночью убежал и, пройдя около 60 верст по тылам противника, перешел Донец. Взвод лейб-эскадрона поручика Дорошкевича, оставленный на хуторе Поповка, оказался отрезанным от полка, отходил три дня по тылам красных и только 11 декабря перешел Донец и присоединился к полку, потеряв в стычках с красными половину своего состава.

9 декабря. На полк была возложена задача обороны Донца от деревни Установки до Белой Горы и наблюдение за рекой до деревни Нижнее. Полк к 10 часам утра перешел к Белой Горе, потом в деревню Мирная Долина. Наблюдение за рекой вел 3-й эскадрон.

10 декабря. По распоряжению командующего армией Сводная кавалерийская дивизия для пополнения и окончания формирования должна была отойти в район Ростова-на-Дону, оставив на фронте сводный дивизион (по эскадрону от полка). От полка оставлен был 3-й эскадрон ротмистра Яновского, пополненный офицерами и гусарами из других эскадронов (всего 90 гусар и 96 лошадей).

3-й эскадрон продолжал нести службу наблюдения за рекой и с отходом армии от Донца до 15 января принимал участие во всех боевых действиях 4-го конного корпуса, где заслужил прочную репутацию отличной боевой части, и только после ухода наших войск за Дон был прикомандирован к штабу корпуса для службы связи.

С 10-го по 18 декабря полк прошел в переходах свыше 200 верст до Чалтыра, где простоял 19-го и 20 декабря. На пути за Дебальцевом, 12 декабря, к полку присоединился обоз 1-го разряда (поручик Строев), сильно расстроенный большими переходами.

20 декабря командир полка, проехавший с фронта в Ростов, получил приказание перевести полк для доформирования за Дон, в район станции Степная, что вызывалось безнадежным положением Ростова.

21-го полк выступил из района Чалтыр и ночевал в деревне Костогое. 22-го — в Николаевку и 23-го перешел на хутора недалеко от станции Степная. Здесь к полку присоединился обоз 2-го разряда (хозяйственная часть) с полковником Белевцовым. 27 декабря были высланы квартиреры для отвода квартир в Ейске (штабс-ротмистр Рудичев).

Переход в станицу Крымскую. 27 декабря получен был приказ о переходе походным порядком в станицу Крымскую, где на части дивизии возлагались задачи по охране железной дороги на Новороссийск и борьбе с «зелеными».

28 декабря командир полка выехал поездом вперед в Екатеринодар и Крымскую для выяснения различных вопросов по укомплектованию, снабжению и размещению полка, а полк под командой полковника Сухина выступил походным порядком и 17 января 1920 года прибыл в станицу Крымскую, пройдя свыше 300 верст.

Пребывание полка в Крымской. Состояние полка было крайне печальное: большинство офицеров перенесло тиф и было надолго не способно нести строевую службу, здоровые гусары были исключены, многие, заболев в пути во время отступления, попали в различные

лечебные заведения или остались у жителей, и не было даже известно, где кто находится; потери в лошадях были велики; вследствие плохого ухода за недостатком людей, тяжелых переходов по кубанской грязи и тесных стоянок, появилась чесотка; хозяйственная часть во время хаотического отхода растеряла много полковых сбережений и расстроилась; помощник командира полка по хозяйственной части полковник Шаров заболел и был эвакуирован за границу. Боевой состав полка — 10 офицеров, 50 шашек и 30 штыков (не считая 3-го эскадрона), и это — при наличии в полку 46 офицеров, до 500 гусар и более 200 лошадей! Полк с большим трудом нес наряд по внутренней службе и высылал разъезды в горы против «зеленых». Принимались все меры для скорейшего приведения полка в боевую готовность, но развал фронта и тыла, разгоравшийся с неудержимой быстротой, и крайне бюрократические порядки во всех тыловых учреждениях парализовали всякую полезную деятельность в этом направлении. Для получения пополнений были командированы офицеры в Екатеринодар, Ставрополь и Новороссийск (пункт наибольшего призыва мобилизованных), но надлежащее начальство в пополнениях отказывало, направляя их в другие добровольческие части. Несмотря на то что в Крымской были расположены учреждения по ремонту армии и генералу Крамареву¹⁸¹ была известна крайняя нужда полка в лошадях, под предлогом неполучения разрешения Главнокомандующего он полку лошадей не дал; через 1,5 месяца все его конские запасы погибли при отходе к Новороссийску. Так же безуспешно кончались все ходатайства о снабжении вооружением, снаряжением и обмундированием. Пришлось обратиться к системе ухищрений и подкупов, и таким образом кое-что получалось незаконными путями. Только в конце февраля полк случайно получил от англичан, не успевших разгрузить свои запасы на фронте и собирающихся уже покинуть территорию ВСЮР, необходимое количество обмундирования, снаряжения и немного оружия. Для борьбы против продолжающейся заболеваемости был расширен полковой околоток и открыт офицерский лазарет, благодаря чему удалось сохранить при полку и подлечить всех заболевших.

Вместо полковника Шарова помощником по хозяйственной части был назначен прикомандированный к полку полковник Милович.

Всеми принятыми мерами и энергией должностных лиц к середине февраля полк стал понемногу приводиться в порядок и с прибывшим к этому времени 3-м эскадроном имел боевой состав до 250 шашек. 29 января в полк пришло печальное известие о смерти старого мариупольского гусара полковника Семенихина, умершего от сыпного тифа 27 января на станции Тихорецкая.

В начале февраля деятельность «зеленых» значительно усилилась и, помимо большого наряда для охраны станицы, пришлось принимать постоянное участие в экспедициях против «зеленых», совместно с другими частями дивизии.

20 февраля ночью «зеленые» напали на квартиру полковника Сухина и увели его в горы. Высланный для преследования 2-й эскадрон «зеленых» не настиг; на предложение выкупа «зеленые» ничего не отвечали; известно, что в течение нескольких дней они предлагали полковнику Сухину перейти к ним на службу, на что он всегда давал категорический отказ. 23 февраля полковник Сухин был расстрелян, о чем «зеленые» сообщили командиру полка за подписью «Партизанский отряд «Гром и Молния». За всегдашнюю доблестную боевую службу и верность долгу полковник Сухин был произведен в генерал-майоры. 26 февраля вместо ушедшего из полка по болезни штабс-ротмистра Лаврова полковым адъютантом назначен был штабс-ротмистр Соцевич.

Конец февраля и первые дни марта прошли в тревожной работе по охране железной дороги и борьбе с «зелеными», что совершенно исключало всякую возможность вести необходимые занятия по подготовке к походу.

Последние дни на Кубани. 5 марта 1920 года приказом Главнокомандующего полк был включен в состав Добровольческого корпуса¹⁸² генерала Кутепова (Сводная кавалерийская дивизия бригадой вошла в 1-ю кавалерийскую дивизию генерала Барбовича). К этому времени совершенно ярко обрисовался полный развал фронта, и высшее командование, вследствие небоеспособности большинства частей, не могло провести никакого определенного плана. Последняя надежда удержаться за рекой Кубанью исчезла, и теперь предстояло только решить — отходить ли по Черноморскому побережью на Туапсе и дальше в неизвестность или перекинуть все боеспособное в Крым, обороняемый на Перекопских позициях войсками 3-го корпуса генерала Слащева. При такой тяжелой обстановке генерал Деникин, прежде чем остановиться на каком-либо решении, пожелал узнать мнение об этом частей Добровольческого корпуса, с каковой целью 6 марта на станции Крымская, в поезде штаба Добровольческого корпуса, был созван военный совет из старших начальников корпуса.

Совет был открыт заявлением генерала Кутепова, что при создавшейся почти безвыходной обстановке, когда участники борьбы, главным образом офицеры, собравшиеся в Добровольческой армии, попали в самое трагическое положение, Главнокомандующий считает своим главным долгом принять все меры к спасению всех, кто, не оглядываясь и не размышляя, шел за ним, а потому решение, которое окончательно

примет генерал Деникин (по побережью или Крым), будет зависеть от мнения частей Добровольческого корпуса, каковое необходимо высказать для скорейшего о том доклада Главнокомандующему.

После некоторого обмена мнений голоса военного совета разделились: большинство заявило, что борьба проиграна и что надо спасать себя, высказываясь за обязательный отход по побережью и дальше, через Грузию, в Турцию или Персию (мнение это особенно горячо поддерживали генерал Барбович и полковник Захарченко, считавший себя большим знатоком Персии), и только меньшинство (генерал Чеснаков, генерал Скоблин¹⁸³, начальник Корниловской дивизии, полковник Пономарев¹⁸⁴, командир Чугуевского уланского полка, полковник Шишкин¹⁸⁵, командир Клястицкого гусарского полка) высказалось за необходимость продолжения борьбы в Крыму и за переброску туда наиболее боеспособных частей через Тамань. Генерал Кутепов склонялся к мнению большинства (отход по побережью), немедленно отдал соответствующие распоряжения по подготовке к этому движению и уехал в Новороссийск доложить Главнокомандующему это окончательное решение.

Утром того же дня, 6 марта, полк с другими частями своей дивизии выступил на станцию Абинская для прикрытия Крымской с востока и дальнейшего движения по побережью. Задача непонятная — на востоке были еще части Донской и Кубанской армий, с юга, со стороны «зеленых», при наличии в Крымской сильных частей, отходивших с севера, никаких опасений не было. Единственное объяснение этому — по-видимому, предвзятость решения отхода по Черноморскому побережью, для чего явилось необходимым обеспечение неудобного, трудного, но прямого пути Абинская — Геленджик.

С тяжелым чувством узнали мариупольцы от своего командира о результатах военного совета. Ночь прошла сравнительно спокойно; на сторожевых заставах была небольшая перестрелка с партиями «зеленых». Всех угнетала картина ужасного отступления войсковых частей, обозов и бегство населения вдоль железной дороги к Новороссийску.

7-го рано утром командир полка уехал в штаб корпуса, где по настоянию некоторых начальников, не согласных с вчерашним решением военного совета, еще раз собрались старшие начальники и уже почти без колебаний признали необходимость переброски в Крым, а не отход по побережью. Об этом было доложено по телеграфу генералу Кутепову, уехавшему в Троицкое к дроздовцам, и очень скоро последовало одобрение этого решения со стороны Главнокомандующего и были даны распоряжения для отхода на Тамань. Для обеспечения переправ через Кубань у Варениковской туда был выслан Чер-

номорский конный полк¹⁸⁶ весьма слабого состава. Днем 7 марта из Крымской, через Тоннельную — Гостогаевскую, к Варениковской был выслан от 1-й Сводной кавалерийской дивизии сводный дивизион ротмистра князя Черкасского¹⁸⁷ (3-го эскадрона). В этот день 1-я кавалерийская дивизия¹⁸⁸ продолжала оставаться в Крымской, а Сводная кавалерийская дивизия была отозвана в Крымскую из Абинской. Таким образом, 6-е и, особенно, 7 марта, когда было принято окончательное решение, прошли в бездействии и были потеряны, что роковым образом отразилось на дальнейших событиях.

С 7-го на 8 марта полк ночевал в Крымской. Только с утра 8 марта началось движение конницы Добровольческого корпуса на Таманский полуостров для дальнейшей переброски в Крым.

Вследствие весенней распутицы дороги были столь тяжелыми, что пришлось остановиться на более кружном пути через Тоннельную (по полотну железной дороги), куда часть конницы подошла около 5 часов вечера. Полк ночевал в Тоннельной страшно тесно, большинство — под открытым небом. Обоз с больными, под командой полковника Миловича, должен был идти на Новороссийск, но его задержали по распоряжению генерала Барбовича.

9 марта согласно приказу генерала Барбовича авангард конницы под командой генерала Чеснакова (мариупольцы, чугуевцы и клястицкие гусары) должен был перейти в Гостогаевскую, выдвинув прикрывающие части к Варениковской переправе; главные силы (1-я кавалерийская дивизия) — в Нетухаевскую. В 8 верстах южнее Гостогаевской авангард достиг высланный 7 марта дивизион ротмистра князя Черкасского и получил от него первые сведения о противнике. Оказалось, что утром этого дня красная кавалерия, вначале 2 полка, выбила из Варениковской слабые части черноморцев и к 11 часам заняла Гостогаевскую; после этого к Варениковской подошло еще несколько полков конницы, поддержанных пехотой. Как бы в подтверждение этих сведений с перевала легко было наблюдать, как из Гостогаевской на Анапу вытягивалась большая колонна красной конницы, а со стороны Варениковской все время подходила пехота. Первоначально все части, собравшиеся на перевале, были направлены для атаки противника, выходящего из Гостогаевской, но дорога по перевалу оказалась столь тяжелой, что исключалась всякая возможность быстро спуститься и построить боевой порядок (можно было двигаться только по одному и только в поводу, артиллерия пройти здесь не могла). Не являлось возможным задержать движение противника и артиллерийским огнем — путь его движения был вне досягаемости артиллерии. Было ясно, что пройти на Таманский полуостров конница опоздала, что красные прорвались за Кубань и что при тогдаш-

нем настроении наших войск никакие маневры не отвратят наступающей трагедии... Если бы 6-го не было прогульного движения в Абинскую и было бы принято решение идти на Тамань, то 7-го днем наши части могли бы занять Гостогаевскую и прочно обеспечить Варениковскую переправу. Если бы даже части конницы выступили утром 7-го и форсировали свой марш, то и тогда еще обстановка сложилась бы для нас более благоприятно, и надо думать, что большая часть конницы могла бы быть переброшена в Крым на конях, что открывало бы совершенно иные перспективы для дальнейшей борьбы. Колебания в выборе решения и бездействие конницы 6-го и 7-го обрекли ее на гибель — пришлось отходить на Новороссийск и бросить там всех лошадей...

К вечеру 9 марта полк отошел на ночлег в деревню Натухайскую, оставив на перевале дивизион подполковника Яновского (лейб-, 2-й и 4-й эскадроны). Вечером этого дня красная конница заняла Анапу, выбив оттуда Гвардейскую казачью бригаду (лейб-казаков и атаманцев).

10 марта полк с другими частями дивизии оборонял весь день деревню Натухайскую и сдерживал противника, наступающего с севера. Лейб-, 2-й и 4-й эскадроны в боевой линии, а 3-й эскадрон был выдвинут вперед для наблюдения за Анапской дорогой и связи с деревней Раевской, которую занимали части 1-й кавалерийской дивизии. Поздно вечером, ввиду обхода противника с востока, все наши части отошли к Тоннельной, где и простояли ночь на позиции.

11 марта, вследствие охватывающего наступления красных с Крымской, Гостогаевской и Анапы, всей коннице приказано было отойти к Новороссийску, где подготовиться к его обороне.

Около 12 часов дня полк прибыл в Новороссийск, совершив очень тяжелый переход по перевалам почти без дорог, и стал в общий резерв конницы. К этому времени в Новороссийске собрались большие и слабые офицеры и гусары, остатки хозяйственной части и кое-какие запасы — частью по железной дороге, частью походом; согласно приказанию генерала Барбовича весь обоз был брошен в Тоннельной. 11-го и 12 марта заботами отчасти помощника по хозяйственной части, а главным образом командира запасного кавалерийского дивизиона полковника Новова, с большим трудом удалось погрузить на пароходы больных офицеров и гусар; большую часть имущества, как полкового, так и собственного офицерского, пришлось бросить из-за отказа пропустить с ним на погрузку.

Эти дни полк оставался в резерве, располагаясь на мельнице, на северной окраине города. Производилась рекогносцировка позиций для обороны и ознакомление с ними чинов полка.

12-го поздно вечером, около 11 часов, 3-й эскадрон по тревоге выступил в деревню Борисовку (6 верст северо-восточнее города) для прикрытия дороги из Абрау-Дюрсо, так как занимавший Абрау-Дюрсо 3-й кавалерийский полк¹⁸⁹ был выбит оттуда противником и ушел, потеряв с ним соприкосновение и не оставив наблюдения за дорогой.

Новороссийская эвакуация. Согласно приказу, на 13 марта полк с другими частями своей дивизии должен был к 7 часам утра выдвигаться к деревне Борисовке и в случае наступления противника отойти на главные позиции в 1,5 версты от города, которые к 8 часам утра занимались частями Добровольческого корпуса под командой полковника Туркула¹⁹⁰.

В исполнение этого полк к 7 часам утра подошел к деревне Борисовке, которая на рассвете была занята красными. Здесь к полку присоединился 3-й эскадрон. Вскоре было обнаружено наступление противника от Борисовки, отбитое огнем наших частей. В боевой линии — лейб-, 2-й и 4-й эскадроны; 3-й эскадрон обеспечивал левый фланг, располагаясь уступом вперед. К 10 часов утра противник значительно усилился в Борисовке и вновь перешел в наступление с обходом нашего левого фланга двумя полками. Деятельную поддержку для отражения этого наступления оказали наши бронепоезда, открывшие с железной дороги фланговый огонь, и особенно артиллерия английского дредноута «Император Индии»: удачные его попадания навели панику в рядах красных. Благодаря огню «Императора Индии» удалось удержаться на передовых позициях весь день, и это обстоятельство сыграло немаловажную роль: так называемые «главные позиции» полковником Туркулом заняты не были; большая часть пехоты Добровольческого корпуса в этот день спешно грузилась на пароходы; занятие позиции было лишь обозначено слабыми частями, не объединенными единым командованием; достаточных сил в распоряжении генерала Барбовича, начальника обороны северного сектора Новороссийска, не было, — все, что с утра попало в боевую линию, стремилось грузиться помимо разрешения начальства. Так, когда в 11 часов утра по настоятельной просьбе генерала Чеснакова генерал Барбович решил поддержать его полком, то в нем, по докладу командира полка (полковника Ковалинского), вместо должных 400 шашек оказалось 67.

К чести всех чинов нашего полка необходимо отметить, что, верные своему долгу, они стойко переносили очень тяжелое душевное состояние, полное сомнений, как удастся погрузиться, полагаясь исключительно на «слово», данное им старшими начальниками, что все они не будут брошены и что правилами погрузки установлено, что

каждый начальник будет садиться на пароход после погрузки всей своей части.

В 7 часов вечера был получен приказ генерала Барбовича, чтобы с наступлением темноты, оставив на позициях только слабые разъезды, частями отходить на пристань, где бросить лошадей и грузиться на пароход «Аю-Даг». Когда в исполнение этого полк к 10 часам вечера прибыл на пристань и, спешившись и оставив на набережной весь конский состав, с большим трудом прошел к «Аю-Дагу», то оказалось, что на нем мест нет. Пароход собирался отходить и был перегружен частями 1-й кавалерийской дивизии; из Сводной кавалерийской дивизии на него попал только штаб дивизии с офицерским эскадромом, всего около 70 человек, и часть чугуевских улан и клястицких гусар. Таким образом, части, фактически прикрывавшие в этот день Новороссийск, бросались на произвол судьбы!.. Только после настоятельных требований генерала Чеснакова генерал Барбович, бывший уже на «Аю-Даге», послал на рейд к английскому командованию офицера с просьбой помочь оставшимся без места частям Сводной кавалерийской дивизии предоставлением какого-либо транспорта. После долгого, томительного ожидания вернувшийся офицер сообщил, что англичанами будет подан для погрузки пароход, который развезет всех на другие суда. Действительно, около 2 часов ночи подошел пароход, принявший первую партию в 300 человек и обещавший сделать сколько надо будет рейсов. По распоряжению генерала Чеснакова, заведующего погрузкой, в первую очередь ушли чугуевцы, во второй рейс были погружены конно-артиллеристы и часть клястицких гусар; отходя, командир парохода сообщил, что, согласно распоряжению английского командования, он больше не вернется. Оставался непогруженным весь наш полк, около 450 человек, и небольшая часть клястицких гусар. Положение создалось трагическое, все пароходы от пристани отошли, начинало светать, и было несомненно, что утром красные ворвутся в город...

Далеко на пристани, у цементного завода (Восточный мол), виднелся единственный еще не ушедший пароход, и вот туда к нему двинулся полк во главе с командиром. С большим трудом пробираясь через толпу, неся на себе седла, амуницию и пулеметы, подошел полк к Восточному молу, где, оказалось, заканчивает погрузку транспорт «Николай» (Самурский полк¹⁹¹ и др.), но он перегружен и никого больше принять не может... Наступило утро, с гор, окружающих бухту, начался пулеметный огонь красных. В таких трагических обстоятельствах командир полка решил идти в конец мола, уходящего в море, чтобы здесь, имея обеспеченный тыл, возможно дольше сопротивляться красным, и по команде «Мариупольцы, за мной!» полк двинулся по молу к морю.

У конца мола некоторые офицеры заметили небольшой брошенный катер, наполовину залитый водой, но еще с парами в котле. Поручик Векслер, как бывший моряк, определил, что еще около часа пары продержатся, и организовал управление катером, на котором генерал Чеснаков решил идти на рейд, где виднелись суда английской и французской эскадр и наши миноносцы. Полку было приказано оставаться на молу и ожидать возвращения командира. Едва управляясь, катер стал уходить в море, давая тревожные сигналы другим судам. Они были замечены, и к катеру подошел эскадренный миноносец «Пылкий»¹⁹², на котором был штаб генерала Кутепова. Когда генерал Чеснаков попал на «Пылкий» и доложил генералу Кутепову о положении брошенного полка, он получил приказание идти походным порядком на Геленджик, куда к вечеру будут поданы миноносцы. Ввиду явной невозможности исполнить этот приказ, генерал Чеснаков отказался и стал доказывать необходимость немедленно подать наши миноносцы к молу для спасения брошенных частей. Только после этого с «Пылкого» были даны сигналы на «Капитан Сакен»¹⁹³ (штаб генерала Деникина), на миноносце «Беспокойный»¹⁹⁴ и французские канонерские лодки «Дюшафолт» и «Ансень Ру».

Вскоре эскадренный миноносец «Капитан Сакен» с генералом Деникиным подошел к концу Восточного мола и принял группу мариупольцев и клястицких гусар, выстроившихся развернутым фронтом, имея перед собой полковой значок, укрепленный на английской пике. Эскадренный миноносец «Пылкий», на котором находился генерал Кутепов, подошел около 9 часов к Восточному молу, где принял около 300 человек, в том числе значительную часть непогружившихся мариупольцев. Вскоре из города начался пулеметный, а потом артиллерийский огонь красных по молу, на что «Пылкий» отвечал огнем своей судовой артиллерии и, выпустив около 100 снарядов, привел в молчание противника. Принятые пассажиры переводились на «Императора Индии». Во второй рейс «Пылкий» оказал помощь имевшему аварию машины французскому миноносцу «Ансень Ру», выведя его на буксире на рейд. Эскадренный миноносец «Беспокойный», на котором был начальник дивизиона миноносцев капитан 1-го ранга Лебедев¹⁹⁵, вошел утром в порт и, заняв позицию в его середине, обстреливал из своих трех 100-мм орудий красные части, прикрывая своим огнем действия других кораблей. «Капитан Сакен» вывел на рейд баржу, на которую погрузились остатки каких-то пехотных и казачьих частей, и там баржу взял на буксир один из пароходов. В это время Восточный мол был обстрелян с гор над цементным заводом пулеметным огнем. Вошедшая в порт наша подводная лодка

«Утка» огнем своих 3 орудий рассеяла противника и дала возможность французской канонерской лодке «Дюшафолт» подойти к Восточному молу. Французы объявили, что они могут принять 190 человек, хотя по своему водоизмещению смогли бы принять до 300, то есть все остатки дивизии.

Оказавшийся здесь полковник Белевцов не желал грузиться до окончания погрузки всех чинов полка и, только уступая настоянию ротмистра Франка¹⁹⁶ и поручика Ильинского, перешел на канонерку за 2—3 минуты до ее отхода. Никаких вещей, кроме винтовок и шашек, брать с собой французы не разрешали. Канонерская лодка «Дюшафолт» отошла от Восточного мола около 10 часов утра и прибыла в Феодосию около 17 часов того же 14 марта. Большинство оставшихся на Восточном молу мариупольцев принадлежали к пулеметному эскадрону.

На Восточном молу против цементного завода остались непогруженными многие части Донской армии, которые получили приказание эвакуироваться через Тамань, где были сосредоточены необходимые плавучие средства, но стихийно ринулись на Новороссийск, где и без них тоннажа не хватало.

При таких обстоятельствах многочисленная боевая эскадра бросила на произвол красных большое число воинских чинов.

Так закончилась для полка новороссийская трагедия.

Высадка и стоянка в Феодосии. К вечеру 16 марта в Феодосии с разных судов высадились разбросанные эвакуацией части полка и были размещены в бараках Феодосийского элеватора. Всего собралось 40 офицеров и около 370 гусар; недосчитывалось около 100 гусар, по большей части не смогших пробиться на мол. Все полковое имущество, равно как почти все собственные вещи офицеров и гусар, были потеряны; часть седел и пулеметы были брошены на молу за невозможностью с ними пробиться через толпу. Вообще материальное положение полка было катастрофическое.

Но все же полку удалось собрать около 100 человек пополнений (главным образом из казаков), получить немного вооружения и 2 пулемета.

23 марта приказом Донского атамана произведены были за боевые отличия подполковник Яновский в полковники и ротмистр Яновский в подполковники.

За отличную и доблестную боевую службу на офицерских должностях командиров взводов вольноопределяющиеся Албранд¹⁹⁷, Великопольский¹⁹⁸, Шахов-Корчинский¹⁹⁹, Рачинский²⁰⁰ и Парада²⁰¹ были произведены в корнеты.

Все произведенные господа офицеры в марте представлялись генерал-лейтенанту Богаевскому, неизменно сердечно расположенному к своим мариупольцам.

25 марта был переведен в полк и зачислен в списки полка помощник командира полка по хозяйственной части полковник Милович. Того же 25 марта, приказом Главнокомандующего генерал-лейтенанта барона Врангеля, Сводная кавалерийская дивизия была включена в состав 3-го Крымского корпуса и подлежала немедленному отправлению на фронт.

Расформировался запасный дивизион, и полковник Новов вернулся в полк и вступил во временное командование полком, занимая должность помощника командира полка по строевой части.

Отправление полка на фронт к Джанкою. 28 марта, в Страстную субботу, эшелон полка отправился из Феодосии в Джанкою. Праздник Пасхи встретили в вагонах. Состав полка: 45 офицеров, 435 штыков, 2 пулемета, ни одной повозки, ни одной лошади. 29 марта в Джанкое генерал Слащев произвел полку смотр, и в тот же день полк отправился на станцию Воинка, куда приехал и командир полка (он же начальник дивизии) генерал Чеснаков, ездивший к Главнокомандующему исходатайствовать скорейшее снабжение полка всем необходимым и главным образом хотя бы несколькими лошадьми для разведки и связи. Вести, привезенные командиром полка, были печальные: в снабжении полку было отказано за неприведением в ясность запасов, бывших в Крыму и вывезенных из Новороссийска(!), а главное — что в связи с предстоящей реорганизацией армии полку угрожает потеря своей самостоятельности и включение в состав сводного полка по общему плану новой организации регулярной кавалерии.

31 марта, согласно приказу генерала Слащева, на фронт был отправлен сводный дивизион (по одному эскадрону от полка) под командой полковника Яновского, остальные части отводились для реорганизации в район станции Сарабузы. От полка на фронте осталось по 1 взводу от эскадрона под командой ротмистра Гордеева.

Стоянка в районе станции Сарабузы. Последние дни полка как самостоятельной части. 1 апреля 1920 года полк был перевезен на станцию Сарабузы и разместился: штаб полка, лейб-эскадрон, 3-й, 4-й и пулеметный эскадроны в деревне Софиевке; 2-й эскадрон — в Чеконче. 12 апреля 3-й эскадрон перешел в соседнюю деревню. Не допуская возможности расформирования части, имеющей прочную спайку, хозяйственный аппарат и более 400 штыков, командир полка с вновь назначенным помощником по строевой части полковником Нововым деятельно занялись приведением эскадронов в полную боевую готов-

ность для участия в намеченном на 1—2 мая общем наступлении армии. Постепенно получено было недостающее вооружение и обмундирование, с большими усилиями добились аванса на покупку лошадей. За эти деньги к 1 мая каждый эскадрон получил по 5 лошадей (что составило целое событие в жизни полка); наладились хозяйственная часть, довольствие, пополнили хор трубачей (до 12 человек), ежедневно производились занятия, и к маю полк был приведен в хороший порядок. Не хватало лошадей, но все сознавали невозможность скорого их получения и горели желанием идти на фронт в пешем строю, чтобы там добыть себе коней. Всех волновали только упорные слухи о предстоящем скором расформировании полка как самостоятельной части, но никто не хотел верить возможности этого — все были твердо убеждены, что Главнокомандующий этого не допустит, узнав об отличном состоянии и твердой спайке полка. В свою очередь командир полка принимал все меры для доклада об этом Главнокомандующему, для чего несколько раз был в Севастополе у начальника штаба генерала Шатилова²⁰². Тем временем оставленный на фронте наш эскадрон бессленно нес боевую службу на Чонгарском перешейке, участвуя во всех боевых действиях, и зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Были ранены ротмистр Гордеев (2 раза), корнет Великопольский и 17 гусар и убито 6 гусар.

9 мая полк справлял свой полковой праздник. Полковой священник, отец Николай Афонский, рано утром отслужил молебен во 2-м эскадроне, стоявшем сравнительно далеко от Софиевки, а в 11 часов — молебен перед фронтом остальных частей полка; по окончании богослужения командир полка генерал Чеснаков благословил полк иконой святого Николая Чудотворца, покровителя полка, и эскадроны разошлись на обед, а офицеры пошли на завтрак в Собрании.

В числе немногочисленных гостей была приехавшая поздравить родной полк Ольга Сергеевна Шидловская²⁰³, прослужившая в старом полку с 15 июня 1915 года до декабря 1917 года гусаром-добровольцем под именем Олега Шидловского. Скромнен и печален был праздничный гусарский завтрак: то, что казалось невозможным, свершилось — в этот день стало известно, что официальным приказом полк включается в состав 4-го сводного кавалерийского полка 2-й кавалерийской дивизии, что командир полка получает другое назначение, одним словом, что мариупольцы прекращают свое самостоятельное существование...

9 мая, дополнительным приказом Донского атамана от 16 марта, за боевую службу были произведены в корнеты полка вольноопределяющиеся 3-го эскадрона Шишков и Дьяков.

На 16 мая было назначено отправление эскадронов в район станции Воинки для включения в состав новой организации, и последующие дни прошли в сборах к выступлению.

16-го в 6 часов вечера на плацу в деревне Спат был отслужен молебен, и командир полка обратился к полку с прощальным словом, благодарил за службу и напутствовал указаниями беречь традиции мариупольцев и заветы «дедов».

К 9 часам вечера полк погрузился в вагоны и отправился на фронт.

Этим, собственно говоря, заканчивается история Мариупольского гусарского Императрицы Елисаветы Петровны полка за время Гражданской войны. Дальнейшее есть история пребывания мариупольцев, как ячейки, в другой части.

Мариупольцы в составе 4-го Сводного кавалерийского полка. Войдя 5-м и 6-м эскадронами в состав 4-го Сводного кавалерийского полка, командиром которого был назначен Александрийского гусарского полка полковник князь Авалов²⁰⁴, тесно сплоченные мариупольцы свято сохранили свои полковые традиции, свою форму и впредь продолжали отличаться в боевых действиях.

Общее наступление армии было предпринято в конце мая. Оно превзошло все ожидания. Наши части, отбросив противника далеко за Перекоп и Сиваши, после упорных боев овладели местностью, лежавшей на север от Крымского полуострова и ограниченной с северо-запада нижним течением Днепра, от устьев его до Каховки. Противник отступал за Днепр. На правом фланге, заняв город Мелитополь, наши дивизии продвигались к границам Екатеринославской губернии. В середине июня, севернее Мелитополя, корниловцами, поддержанными броневиками, авиацией и 3-й Донской дивизией, был окружен и полностью уничтожен сильный конный советский корпус Жлобы, пытавшийся прорваться в Крым. Были захвачены вся артиллерия этой группы, свыше 40 орудий, до 200 пулеметов, около 2000 пленных и до 3000 коней.

Радостным событием было для нас, что после разгрома конного корпуса Жлобы стала производиться спешная посадка на коней нашей кавалерии, до этого времени действовавшей в пешем строю. После донских дивизий получили коней почти все наши регулярные кавалерийские части, реорганизованные в новые полки и составившие отдельный конный корпус, командиром которого был назначен генерал Барбович. В первых числах июля месяца 2-я конная дивизия, в состав которой входил и наш 4-й Сводный кавалерийский полк, перешла в конном строю в район города Жеребца, верстах в ста севернее Мелитополя, где и вела удачные бои против наступающих красных. 20 июля кубанцы и дроздовцы овладели городом Александровском на Днестре.

Но 25 июля красные под прикрытием сильного артиллерийского огня переправились через Днепр под Малой Каховкой и большими силами повели наступление на юг.

По распоряжению Главнокомандующего корпус генерала Барбовича был спешно двинут в район села Серагозы.

Наша конная дивизия из Большого Токмака прошла в течение трех суток почти 150 верст до деревни Константиновки, верстах в 30 от Каховки.

Переночевав в этой деревне, мы на рассвете 30 июля на окраине ее нашли не только нашу дивизию, но и весь конный корпус генерала Барбовича в его полном составе. На сравнительно небольшом пространстве убранного поля собрались в конном строю кадры почти всех старых кавалерийских полков. В гвардейском дивизионе мелькали фуражки конногвардейцев, кавалергардов, синих и желтых кирасир, дальше ярким пятном выделялся эскадрон изюмских гусар, и по всему фронту обеих дивизий весело пестрели цвета знакомых гусарских, уланских и драгунских полков. Эти кадры хранили в себе залог будущего возрождения старых полков, и в это прекрасное утро невольно чудилось, что над ними, в золотистых лучах восходящего солнца, на фоне безоблачного неба, в лучезарном видении распростер свои крылья русский двуглавый орел...

В тот же день произошла атака конного корпуса против окопавшихся под деревней Черненькой красных. Под пулеметным и артиллерийским огнем противника корпус в развернутом строю лавой пошел в атаку. Наш мариупольский 5-й эскадрон сводного полка с налету захватил неприятельскую полубатарей в полной запряжке и с прислугой. Командиры успели заранее ускакать.

Особых потерь наши эскадроны не понесли, только легко ранен был корнет Албранд и под одним вольноопределяющимся убита была лошадь. На одном участке атаки гвардейских эскадронов была зарублена целая рота латышей, не пожелавших сдаться.

Но все же нашему корпусу, захватившему еще одно орудие, пулеметы и пленных, не удалось отрезать противника от Днепра, так как под Черненькой мы атаковали только арьергарды главных сил красных, успевших отойти на укрепленные позиции у Днепра.

В последующие дни Мариупольский дивизион занимал ряд хуторов в непосредственной близости от красных окопов. Ожидали общей атаки неприятельских позиций. В ожидании ее неминуемости нашему 5-му эскадрону, в составе двух взводов, приказано было атаковать в конном строю лавой один близлежащий хутор. Наши два взвода, доскакав до гумна этого хутора, залегли, но были обстреляны

сильным пулеметным и артиллерийским огнем противника, цепи которого окопались за хутором. За полчаса времени наши взводы потеряли большую часть своих коней. Контужен был поручик Никитин. Предполагавшейся атаки за этот день так и не произошло, и мы, казалось, бесцельно пожертвовали своим конским составом. Как стало известно позднее, общая атака на этом фронте не произошла потому, что на левом фланге армии наша пехота оказалась не в состоянии преодолеть упорное сопротивление противника.

Теперь пехота переходила к обороне впредь до будущих решительных действий, а наш корпус должен был отойти в резерв в деревне Нижние Серагозы.

В середине августа красные опять прорвали фронт, на этот раз где-то севернее деревни Дмитриевки, к которой мы теперь как раз подходили. В Нижних Серагозах мы получили приказание сдать коней и в тот же вечер, уже в пешем строю, были отправлены навстречу противнику. Под Агайманом был ранен ротмистр Пашкевич.

Отступив под натиском красных до села Покровское, мы там на вторые сутки узнали, что наш дивизион назначен в ударную группу, которой поручено лобовой атакой во что бы то ни стало отбросить противника обратно к Каховке.

На следующий день мы без боя заняли деревню Санбури. Затем с помощью других частей заняли деревню Агайман.

20 августа после бессонной ночи, проведенной на неудобных повозках, с трудом вывозимых крестьянскими лошадьми по размытой дождем дороге, мы на рассвете, продрогшие и разбитые, очутились неподалеку от деревни Дмитриевки, перед которой красные понарили окопов.

В пешей атаке на Дмитриевку в первой цепи шли мариупольцы. За ними в некотором отдалении следовали архангелогородцы, а за их цепью держались пулеметные тачанки и обоз с командой связи. Правее мариупольцев, немного поодаль, двигались черноморцы, а еще дальше виднелась какая-то другая часть — должно быть, корниловцы. Мы оказались на левом фланге цепей, а еще левее нас шел конный взвод мариупольцев под начальством ротмистра Зеновича.

Лихой пешей атакой под ружейным, пулеметным и шрапнельным огнем красные окопы были нами взяты. Противник бежал, побросав штыки и все, что могло помешать свободному бегству.

От Дмитриевки до Каховки всего каких-нибудь верст двадцать по прямой линии. Теснимый по всему фронту противник медленно отходил перед нами к Днепру, и уже к вечеру мы вошли в зону обстрела с Каховских заднепровских позиций.

Ночью 21 августа, соблюдая полную тишину, наш дивизион отправился по направлению к Днепру, но тут поутру нарвался на окопы противника. Оказалось, что, куда Каховка штурмовалась нашей пехотой, наш дивизион просто ходил в разведку. Отступив, мы окопались неподалеку при помощи тех ручных лопат, которые достались нам под Дмитриевкой. Затем, когда нас сменила другая часть, мы были отведены на ближайший хутор. С противоположной стороны Днепра красные посылали нам шестидюймовые снаряды. Но в тот же день, 23 августа, мы узнали, что наша дивизия отводится на отдых на южное побережье Крыма и что сегодня же наш дивизион должен быть отправлен на соединение с ней.

Всех нас охватило радостное, праздничное настроение. Но наша надежда на отдых в условиях мирной тыловой обстановки не оправдалась: здесь, в глубоком тылу, нам неожиданно пришлось вновь взяться за оружие, на этот раз на внутреннем фронте.

Действительно, банды «зеленых» скопились в окрестностях курорта Старый Крым и с часа на час можно было ожидать их налета и на Феодосию.

Поначалу нас расквартировали именно в этом Старом Крыму. Правда, «зеленые» притихли, но ясно чувствовалось их присутствие. После недельной стоянки полк отбыл на подводах в Судак, на побережье Черного моря, откуда он должен был наблюдать за действиями «зеленых», облюбовавших эту местность. По дороге эскадроны попали в засаду, устроенную «зелеными». Было убито и ранено несколько офицеров и солдат, но мариупольцы, ехавшие сзади, потерь не понесли.

Вскоре в полк доставили партию только что мобилизованных лошадей. Начались хлопоты по доставке фуража в нашу глухую стоянку. За сеном ездили верст за 30, в Карасубазар, а иногда и в горные аулы. Ожидалась доставка седел и необходимых принадлежностей. Из Феодосии, в предместьях которой остановились наши хозяйственные части, прислали нам и обмундирование. С доставкой нам лошадей полковая жизнь вновь пошла своим чередом, а в первых числах октября мы были вызваны на фронт.

В день нашего выступления из Судака дошла весть о том, что армия, перешедшая в наступление от Александровска и переправившаяся было на правый берег Днепра, отступила с потерями в исходное положение. На левом фланге не удался и штурм Каховских позиций. Тогда же дошли до нас сведения, что Польша заключила мир с большевиками и что красные стягивают значительные силы к Днепру. Никто не сомневался, что в Северной Таврии нас ожидают жестокие, решающие бои.

От Джанкоя, миновав Сальково, эшелон остановился на станции Рыково. Отсюда после короткого привала полк должен был в конном строю идти на соединение с дивизией.

Вскоре за этим под Нижними Серагозами дивизион ходил в бой. Обстрелянные жестоким артиллерийским огнем, атакованные широкими лавами конницы корпуса Буденного, недавно прибывшего с польского фронта, полки были смяты и отступили. Во время боя пропал без вести раненый новый полковой адъютант — мариуполец штабс-ротмистр Кондубович. Дивизия, с трудом сдерживая буденновцев, отступила на юг, по направлению к Рыкову.

События стали разворачиваться с крайней быстротой. Красные заняли Мелитополь, в котором остались невывезенными неисчислимые запасы хлеба, а также большая часть интендантского имущества, бронепоезда и орудия. Часть буденновской конницы прорвалась было к Салькову. Положение получилось угрожающее. К тому же настали сильные морозы, исключительные для Крыма.

Теперь вся кавалерия отводилась в Крым через Чонгарский мост, тогда как пехотные части, отбившие авангарды противника, заняли Сальковские позиции.

Вскоре стало известно, что красные, заняв Сальково, прорвались на Чонгар. Под Перекопом за последние дни происходил настоящий ад, но хуже того — красные ночью переправились через замерзшие Сиваши и прорвались в Крым. Таганашская позиция пала, и Джанкой спешно эвакуировался. Единственным спасением для армии являлась теперь только посадка на суда.

По приказу Главнокомандующего регулярная конница должна была идти на погрузку в Ялту, а донцы — в Феодосию.

В ночь с 31 октября на 1 ноября дивизион мариупольцев в составе 4-го кавалерийского полка погрузился в Ялте на пароход «Русь». 1 ноября «Русь» снимается с якоря и мариупольцы покидают родину. 8 ноября они прибывают в Галлиполи и располагаются в лагере Кавалерийской дивизии в Долине Роз и Смерти. 1 ноября приказом начальника Кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Барбовича дивизион реформируется в 5-й эскадрон 3-го кавалерийского полка с сохранением своего имени. Летом 1921 года эскадрон мариупольцев грузится на пароход «Керасунда» и прибывает через Салоники — Гевгели в Сербию, где отправляется на пограничную стражу (итальянская граница — Адриатическое побережье).

10 июня 1932 года приказом генерала Миллера было учреждено «Единение 4-го гусарского Мариупольского Императрицы Елисаветы Петровны полка», а 2 июля того же года приказом начальника кавалерийского полка

лерии и конной артиллерии Русского Общевоинского Союза генерал-лейтенанта Барбовича полковое единение зачисляется в состав кавалерии РОВС.

Это полковое объединение существует и по сие время в Сан-Франциско, Калифорния, США. В Сербии мариупольская полковая семья была пополнена произведенными в корнеты юнкерами Николаевско-го кавалерийского училища в Белой Церкви. Это были: А. Белевич²⁰⁵, Е. Дмитриев²⁰⁶, Н. Кастелянов²⁰⁷, В. Петичинский²⁰⁸, Я. Прозоров²⁰⁹, Е. Слободчиков²¹⁰, Е. Щелканов²¹¹, Н. Лошунов²¹², М. Подоляко, Г. Стацевич²¹³, А. Стацевич²¹⁴, В. Беланицкий-Бируля²¹⁵, М. Занфиоров²¹⁶, И. Лошунов²¹⁷, С. Мясников и В. Стацевич²¹⁸ (сдал экзамен при училище). Позднее были произведены в офицеры вольноопределяющиеся — мариупольцы И. Рубах²¹⁹, Г. Хижняков²²⁰, П. Гаттенбергер²²¹ и А. Пустовойтенко²²², окончившие Военно-училищные курсы в предвоенное время в Югославии и во время Второй мировой войны.

В обстановке рассеяния мариупольцы продолжают сохранять полковую семью, сберегая свои полковые традиции и заветы своих предков.

Насколько сплочена и жизнеспособна была всегда полковая семья мариупольцев, подтверждается количеством кадровых офицеров, прибывших на Дон в Добровольческую армию и принимавших участие в возрождении родного полка, — в процентном отношении оно было выше, чем во всех других полках кавалерии!

Но не только офицеры, но и гусары горячо любили свой полк. Вот для примера один трогательный эпизод. В 20-х годах кавалерийская дивизия находилась на работах по постройке стратегического шоссе в Югославии. В расположении 3-го офицерского эскадрона Николаевского кавалерийского училища была построена деревянная баня, и сторожем ее был назначен наш гусар-мариуполец Столбов. Про него говорили, что он — бывший каторжник, освобожденный во время революции, и вид его соответствовал этому — он был рябой и действительно похож на арестанта. В одно утро при выходе на работу было обнаружено, что баня ночью сгорела. На камне около места, где она была, сидел Столбов и плакал. Командир эскадрона хотел ободрить его, увидев, как он убивается, и сказал ему: «Ничего, Столбов, не плачь, построим новую баню». Ответ был: «Что мне баня — сгорели мои мариупольские погоны!» — как раз те, что он получил в Стрельцовке и которые сделаны были тогда заботами штабс-ротмистра Соцевича.

Мало осталось теперь кадровых офицеров-мариупольцев. В 1970 году скончался старейший мариуполец, полковник В.К. Данич²²³. Старейшим мариупольцем является теперь полковник А.В. Золотухин²²⁴. Из кадро-

вых офицеров старого полка остались еще полковники Я.Э. Бокшанин и Зенович.

Мало осталось и мариупольцев, принимавших в офицерском чине участие в Гражданской войне: штабс-ротмистр Векслер, поручики Шахов-Корчинский, Назаров, Великопольский, корнеты Марков, Албрэнд, Мазаев и Шишков.

*Н. Станюкович*²²⁵

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ГУСАРЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

(эпизоды)²²⁶

После 1-й Крымской кампании Добровольческой армии, окончившейся ранней весной 1919 года оставлением Симферополя, Севастополя, Евпатории и Феодосии и закреплением на Акманайских позициях, прикрывавших Керченский полуостров, — позициях нашей пехоты, поддерживаемой с моря английским военным флотом, — наш потрепанный Александрийский эскадрон²²⁷ был перекинут на Кавказский фронт.

И тут произошло одно из чудес этой хаотической эпохи: удача частей, на командные должности которых выдвинулись не старшие по производству, но офицеры авантюрной складки, способные действовать при отсутствии денежных средств и интендантского снабжения. Таким исключительным офицером оказался у нас ротмистр, а затем полковник Г-бов²²⁸. Переброшенный со своим полуэскадром под Святой Крест и в дикие степи кочевых калмыков, он умудрился развернуть там полк 6-эскадронного состава, со своей хозяйственной частью и пулеметной командой.

Словом, к осени того же года в наших рядах числилось до двух тысяч гусар. Воскресший из небытия полк был расквартирован в Грозном, в Графском (если память мне не изменяет) предместье. Личный состав полка был весьма своеобразен: у нас были калмыцкие и карногайские эскадроны и исключительные по своему качеству эскадроны ставропольцев — старых солдат кавалерии, с большой прослойкой унтер-офицерского кадра. В 1-й «боевой», как мы любили говорить, эскадрон были сведены почти все вольноопределяющиеся.

Но конечно, помимо гордости полком, мы, таков был наш возраст, пребывали в состоянии постоянной влюбленности... Только вот беда, объекты нашей страсти были нам недоступны — они были «любимыми женщинами» наших офицеров... А в Грозном недостатка в краса-

вицах не было — они пополнялись «подругами» миллионеров «нефтяников» и на нашем жаргоне прозывались «вышками»...

«Вышки» украшали залы шикарных и дорогих ресторанов, куда нам, «вольноперам», доступа не было. Сами понимаете — мы довольствовались швейками и даже «горняшками»...

Вообразите же нашу радость, когда как-то вечером к нашей квартире подкатил парный извозчик с ротмистром П., чудачком необыкновенным, считавшимся только со своей фантазией.

Мы высыпали на крыльцо, чтобы услышать приказание: «По коням! Садись!»

Недоумение было рассеяно выразительным жестом в сторону извозчицкой пары. Их немедленно «осадили», а прочие набились в коляску и даже возлегли на ее крыльях. Одному — не скрою, пишущему эти строки — места все же не хватило, и он, получив указание: «Направление — «Кристалль-Палас», бодрой рысью возглавил экспедицию.

В большой, «сверкающий огнями» зал ресторана мы, вслед за ротмистром, вошли не без робости. Как примут господа офицеры это вторжение?... Однако отказать ротмистру в разрешении «приветствовать наших вольноопределяющихся» полковнику было трудно, и мы с нашим покровителем расположились за длинным столом, рядом с офицерским.

Последовали сперва несколько натянутые тосты, и некоторые из ветреных «вышек» перепорхнули к нам. Среди нас, как нарочно, было несколько красивых мальчиков.

Нельзя сказать, чтобы поручикам и, в особенности, ротмистрам с «красно-сизыми носами», как поется в песне, дамские успехи «вольноперов» пришлось по душе.

Вероятно, поэтому командир решил в деликатной форме наказать нашего сумасбродного ротмистра:

— Ротмистр, съездите в штаб отряда... Нет ли чего нового? И возвращайтесь с докладом. Сейчас того и жди...

Музыканты устало повторяли полковые гимны, и веселье грозило «затянуться до утра»...

Но видно, в этот вечер ротмистру П. суждено было до конца играть особую роль. Не прошло и часа, как он, сияя, появился в дверях:

— Генерал приказывает немедленно привести полк в боевую готовность. Выступаем!

Ответом было единодушное «Ура!» — засиделись в Грозном.

Тут надо сказать несколько слов, поясняющих обстановку на Северном Кавказе в это время.

Жизненно необходимая артерия нашей армии на Северном Кавказе — железнодорожная линия Петровск-порт и далее на Дербент,

вдоль побережья Каспийского моря, была постоянно прерываема постанциями. Они вербовались из горцев ближайших аулов, руководимых турецкими агентами. Горцы-мусульмане объявили нам в это время священную войну — газават. К этим группам примешивались и остатки разбитой нами Таманской армии красных. В этом движении причудливо слились религиозный фанатизм, турецкие поползновения на Кавказ и русский беспринципный коммунизм. Наша задача состояла в защите железнодорожной линии.

Полк выступил ночью, следуя за казачьим авангардом. В непроглядной тьме только местные жители были способны инстинктивно следовать нужному направлению. Мы шли напрямик, пересекая сельские дороги, спускаясь в долины и поднимаясь на взгорья. Рассвет начинал только едва-едва брезжить, когда эскадроны втянулись в необозримое поле кукурузы, скрывавшее коня вместе со всадником. Здесь-то и сосредоточились, по сведениям разведки, вражеские отряды, подготавливая налет на железную дорогу. Полк развернулся лавой, но все же не мог покрыть всю ширину кукурузной посадки. Фланги оставались в руках противника. Это скоро и подтвердилось: по нашему расположению справа и слева открылась частая ружейная стрельба. К характерному треску винтовок примешались выстрелы охотничьих ружей и даже уханье древних шомпольных пищалей — как пришлось убедиться, оружия самого губительного, наносящего разрывные раны... Положение создалось незавидное: видимости никакой, трудное продвижение шагом и полная невозможность передачи приказаний по цепи. Наша конно-горная батарея, продавившая род коридора в лесу кукурузы, оказалась впереди нашей лавы и пала вслепую, а наши фланги обтекались противником, отлично знакомым с местностью. С боковыми казачьими разъездами была потеряна всякая связь.

Однако полк упорно продвигался вперед, имея задачей «прочесать» местность и вытеснить противника в предгорья, смутно обозначившиеся впереди.

Произошли уже и первые схватки холодным оружием. Пешие горцы оказались разбросанными небольшими группами. Сидя спиной друг к другу, они стреляли во всех направлениях и, окруженные, не сдавались. Тут мы понесли много потерь; рубить с коня заслоненных стволами исполинской кукурузы сидящих «тавлинцев» было весьма трудно. Прирожденные воины, они парировали удар шашки своими длинными шомполами и умирали с оружием в руках.

Дело принимало скверный оборот. Ружейный огонь противника нарастал, и наша неосторожно выдвинувшаяся вперед артиллерия, казалось, попала в окружение, орудийные залпы редели, да и в гу-

сарской цепи чувствовалось неблагоприятие. По звукам боя, крикам «Алла!» можно было заключить, что соседние эскадроны отходят Светлело, но видимость оставалась ограниченной. Наступал переломный момент.

В лесу кукурузы далеко не увидишь. И тут, проламывая на ошалелом, с окровавленной головой коне сквозь чашу, на наш «боевой» эскадрон налетел спереди конно-артиллерист.

— Снаряды истощились! Офицеры отстреливаются из наганов, кольцо горцев сжимается. Спасайте пушки!.. — кричал он, задыхаясь.

Старший офицер эскадрона, поэт и храбрец барон Боде взмахнул шашкой.

— Эскадрон, слушай мою команду. За мной в атаку — марш, марш!

Наше неистовое «Ура!» чудом передалось по невидимой линии полка. Пушки были отбиты, и горцы на всем фронте обратились в бегство.

Этот эпизод предшествовал общему наступлению нашего отряда на «немирные» аулы предгорий. Тут нам посчастливилось участвовать в последних кавалерийских боях, теперь, с развитием новых родов орудия — броневых частей и авиации, — принадлежащих военной истории.

А между тем война в действиях кавалерии окрашивалась своеобразной красотой и лихостью, воспетыми в наших песнях...

Всем нам известна доблесть горцев, подчеркиваемая участниками покорения Кавказа, с уважением помнящими героя-врага Шамиля. Но с тех пор прошла целая эпоха замирения, и кавказцы, в своем большинстве, влились в общую судьбу Российской империи и доблестно доказали свою верность на полях сражений. Теперь же, в годы гражданского распада русского единства, естественно возник и откол некоторых групп горцев, вызванный, как мы отметили вначале, разнообразными и даже противоречивыми влияниями.

Вероятно, эта общая неуверенность, колебания и повлияли на боевые качества восставших, что вы и увидите в эпизоде, которым мы закончим наши воспоминания.

Нашему полку было поручено привести в покорность близкие к железной дороге аулы. В зависимости от результата этой операции различалась и дальнейшая тактика: водворение добрососедских отношений с замиренными аулами или уничтожение вражеских гнезд. Другого способа действовать не было. Необходимо было принудить упорствующих врагов удалиться в далекие горы, подальше от нас — «гяуров».

* * *

Раннее, раннее утро — долины лежат во мгле, но горы уже порозовели, а снега вершин вспыхнули под лучами озарившего их солнца. Воздух свеж, и все — седло, повод, винтовка, ножны шашки — пропитано холодной утренней росой. Эскадроны «справа по три» шагом тянутся по едва намеченной дороге. Головной разъезда то появляется над нами, на поворотах поднимающейся к аулу дороги, то скрывается из глаз. Идем потаенно — противник близок, — только кони пофыркивают и кое-где копыто щелкает о камень.

— Ах, как бы поскорее! В бою человек охвачен действием и... не успевает испугаться.

Но минуты перед вступлением в дело — тягостны.

И вот луч солнца прорвался в расщелину гор и упал прямо на холм, увенчанный аулом — целью нашей экспедиции. Аул, как чалмой, прикрывает темя холма. Дворы верхнего кольца строений, окружающие мечеть с минаретом, являются крышами-потолками следующего ряда, ниспадая ярус за ярусом. Надменно смотрела эта крепость ислама на приближение «гяуров», но за дальностью расстояния и неровностью почвы аул казался безжизненным.

Однако сверху нас заметили. Еще две, три петли дороги, и перед полком, заслоня свой дом, рассыпавшись цепью, красовался конный отряд значительной численности. Я сказал «красовался» и не оговорился: под зеленым знаменем Пророка стояли всадники на бесподобных легких конях арабских кровей. Горцы вышли в бой, нарядившись в праздничные черкески, увешанные драгоценным оружием. Кинжалы и гнутые шашки «клынчи» дамасской закалки, в серебряных и золотых ножнах, усыпанных самоцветами. Большинство было вооружено старинными пищалями, но встречались и винтовки турецкого образца. Их возглавляли величественные белобородые старики под зелеными чалмами паломников Мекки. Горцы стояли в полной неподвижности, как бы позируя для потомства. Да, в сущности, оно так и было...

Наша резервная колонна немедленно перестроилась в лаву, и полк пошел рысью — расстояние было еще слишком велико. Численность наша была приблизительно одинакова, но в горных условиях наши калмыцкие степные кони — выносливые, но тяжелые — не могли состязаться с арабами горцев, не говоря уже о том, что полку приходилось атаковать, карабкаясь в гору по трудной местности буераков, заросших колючим кустарником. Но зато наш офицерский состав был хорош, ставропольские эскадроны превосходны, а первый — «боевой»

эскадрон насыщен вольноопределяющимися, готовыми с радостью умереть за славу «Черных гусар».

Горцы открыли огонь с коней, еще не приходя в движение. Они правильно рассудили, что выгоднее дать вымотаться нашим коням и атаковать накоротке — вблизи стен аула, на ровной площади, на которой они регулярно устраивали военно-конные игрища. Ошибка же их расчета заключалась в том, что они недооценили русского упорства, позволившего нам утвердиться на одной шестой части земной суши.

Во время этого предварительного сближения с противником наши потери людьми были невелики, но зато из строя выбыло немало коней, ломавших и калечивших ноги в предательском кустарнике, прикрывавшем ямы и острые обломки стволов сушняка. Но полк равномерно, безмолвно и тяжело надвигался, и в этом движении было что-то стихийное, подавляющее...

Но вот мы вышли на ровное поле. Полковник Г-бов своим знаменитым командным голосом взревел:

— Полк в атаку — марш, марш!!! — и тысяча всадников, обнажив шашки, с места перешла в галоп с таким сокрушающим «Ура!», которое, казалось, вырвалось из одной исполинской груди.

Раздалось ответное «Алла!» — и две конные массы понеслись друг другу навстречу.

Но что это? Горцы, несмотря на поощрения стариков, начинают сдавать, осаживать и вдруг, с такой же стремительностью, поворачивают своих скакунов и уносятся вдоль стен оставляемого аула в надежное ущелье...

Знаменитого шока конницы не происходит. Преследование невозможно, да и не нужно. Инструкции генерала Драценко, командира наших частей, ясны: беспощадно расправляться с упорствующими врагами, но пытаться великодушием привлечь на свою сторону соблазненных, но колеблющихся.

Учитывая это, командир приказывает полку в аул не входить, отойти на ближайший холм и послать парламентеров к противнику.

Все довольны. Все? Недовольны «вольноперы», мечтавшие о «рубке», из которой, признаться, у этих мальчиков с большим сердцем было мало шансов выйти живыми...

Горец родится с «клынчем» в руке, а городской юноша с... приключенческим романом под носом.

Не прошло и двух часов, как на соседнем холме показался наш противник. Белый флаг теперь соседствовал с зеленым, но это нисколько не мешало ни красоте, ни величественности зрелища.

Полковник Г-бов один выехал вперед, жестом предлагая старейшину приблизиться.

Спустившись в пологую долину, около полусотни горцев, возглавляемых своими патриархами, поднялись к нам и остановились в ожидании. Полковник, сопровождаемый одним «толмачом» — переводчиком, двинулся навстречу. Выехал вперед и глава аула. Он неторопливо отстегнул свой драгоценный клынок, поцеловал его и с глубоким достоинством поклонился, говоря на прекрасном русском языке:

— Полковник, дарю тебе мое орудие. Я ошибся — признаю. И пусть наш путь будет впредь общим.

— Верю, — последовал ответ. — Война кончена. Между нами дружба.

На этом церемония сдачи не окончилась. Наши офицеры и горские начальники спешили и сошлись по-дружески, и это оказалось не слишком трудным: большинство кавказских князей прошли русскую выучку и, хотя с акцентом, изъяснялись по-русски.

В заключение командиру полка был подведен ненаглядный жеребец-араб, подседланный изукрашенным седлом, и еще три прекрасных коня — нашим дивизионерам.

По заключении договора мы вернулись в свое расположение, и район этого аула оставался к нам до конца дружественным.

*С. Топорков*²²⁹

АЛЕКСАНДРИЙЦЫ У ГОРОДА СВЯТОЙ КРЕСТ 12 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА²³⁰

Изданный в 1957 году в Москве сборник документов, озаглавленный «Боевые подвиги частей Красной армии (1918—1922 гг.)» и случайно попавший в мои руки, заставил меня взяться за перо, чтобы опровергнуть непростительный вымысел и совершенную неправду, напечатанную на странице 89-й, в документе № 44 этого сборника. Этот вымысел гласит: «В первых числах февраля 1920 года... белые оставили ему (то есть 1-му кавалерийскому полку 28-й стрелковой дивизии. — С. Т.) три горных орудия, 72 пулемета, массу военного имущества, снаряжения, обозы, более 1500 пленных, причем целиком был взят в плен 5-й гусарский Александрийский полк».

На основании имеющихся в моем распоряжении воспоминаний, дневников и переписки участников этого события я позволю себе вкратце описать, что произошло у города Святой Крест 12 янва-

ря 1920 года. Из нижеследующего читатель увидит, насколько указанный сборник опрометчиво, без всяких доказательств приписывает александрийцам то, чего никогда не было и не могло быть. Я буду подтверждать все факты указаниями на соответствующие источники.

С 24 октября 1919-го по 9 января 1920 года Александрийский гусарский полк, шестиэскадронного состава, с конно-пулеметной командой и при трех штаб-офицерах, шести ротмистрах и 21 обер-офицере, победоносно прошел Чечню и половину Дагестана, не зная ни одного неудачного боя. Действия полка, совместно с доблестными апшеронцами²³¹, неоднократно были отмечены похвалами. Полк в это время был укомплектован так: 1-й и 2-й эскадроны, а также пулеметная команда — русскими бывшими стражниками и солдатами из больших и зажиточных сел, расположенных главным образом вблизи города Святой Крест. Для укомплектования остальных эскадронов были использованы инородцы, населявшие Ставропольскую губернию: 3-й эскадрон — нагайцы, 4-й эскадрон — каранагайцы, а 5-й и 6-й эскадроны — калмыки. Во всех инородческих эскадронах унтер-офицерские должности занимали русские.

31 декабря, поздно вечером, было получено приказание полку, в полном составе, идти походным порядком из города Темир-Хан-Шура в Петровск и грузиться там в вагоны. Дальнейший маршрут известен не был. Хозяйственная часть полка должна была грузиться в Шуре и следовать на станцию Минеральные Воды.

«Командующий полком полковник Доможиров²³² созвал командиров эскадронов для обсуждения вопросов, связанных с погрузкой. Обсуждался вопрос также о настроениях и о боеспособности гусар» (рукопись полковника Вахрушева²³³).

К этому его принуждало общее положение, создавшееся к началу января 1920 года.

События развивались быстро.

«На главном Ростовском направлении отходили от г. Ростова на юг, Кавказская армия совершала отход от г. Царицына», «Между трактом Царицын — Ставрополь и Каспийским морем фронт имел прерывчатый характер, кроме нескольких местных очагов зелено-армейского восстания, в этом районе обозначилось наступление частей 11-й советской армии в трех направлениях — на с. Дивное, Святой Крест и Кизляр» (генерал Деникин, т. V, с. 260, 315).

Вскоре красными была захвачена линия реки Кумы: села Величавое, Урожайное, Владимировка и Лвокумское. Их части подходили уже к Святому Кресту.

Таким образом, район укомплектования Александрийского гусарского полка большей своей частью был в руках красных. Некоторые гусары уже не возвращались из командировок и отпусков в эти места; в результате отпуска были прекращены.

Учитывая общее положение и возможность неустойчивости нижних чинов полка, уроженцев Свято-Крестовского района, и взятых в плен красноармейцев, командиры эскадронов обратились к командующему полком полковнику Доможирову с единодушной просьбой довести до сведения штаба войск Северного Кавказа, что район укомплектования полка прочно захвачен красными и что поэтому за боеготовность полка можно поручиться при действии его на всех направлениях, кроме Свято-Крестовского. Делеша была отправлена. Из штаба пришел ответ с извещением, что «полк на Свято-Крестовском направлении использован не будет».

«Пройдя рано утром 7 января станцию Прохладная, в 1 час дня полк прибыл в Георгиевск, откуда шла ветка железной дороги на Святой Крест, и каково наше было удивление, разочарование и огорчение, когда наши эшелоны были от ст. Георгиевск повернуты на север, именно в сторону Святого Креста. Однако долг остался долгом» (рукопись полковника Вахрушева «Суханов», с. 12).

«Штаб войск Северного Кавказа вполне сознавал всю рискованность, в какую ставился наш полк, но как мы узнали впоследствии, другого выбора у штаба не было» (дневник корнета Иванова²³⁴).

Последствия прихода полка в те места, где была произведена мобилизация, сказались тотчас же. Пока красные частично занимали город и окрестности — все шло относительно хорошо, наши гусары отлично дрались, выбивая красных из родных сел, но как только появилась возможность пойти домой из-за отхода красных, так началась тяга по домам. Один просился съездить часа на два в село Покойное, другой в Прасковею или к себе на хутор. Удержать их не было возможно. Всем, конечно, отказывали в отпуске, но уследить было трудно, и за первую ночь дезертировало много гусар. Некоторые к утру явились, а большинства мы больше и не видели. Кроме того, когда полк вечером стоял по улицам Святого Креста, дожидаясь отвода квартир, то появились разговоры о том, что красные теперь стали совсем другими: реквизиции у них отменены, что они хорошо одеты и т. д. Передавалось это якобы со слов местных жителей, но, поскольку можно было заметить, большинство гусар относились к этому недоверчиво. Конечно, все это имело свои последствия, сказавшиеся на следующий день — 12 января 1920 года.

В своем дневнике полковник Вахрушев отмечает:

«12 января с 6 часов утра началась сильная ружейная и пулеметная стрельба со стороны с. Покойное. Мы продолжали спокойно стоять по своим квартирам, не выводя лошадей. Наш 1-й эскадрон оставался все время на месте, потому что от него оставалось не более взвода. Его полуэскадрон с корнетом Позерном²³⁵ был выслан в разведку, и много гусар было в расходе: ординарцы и связь. Поэтому, ввиду его малочисленности, остаток эскадрона находился при штабе полка, который занимал станцию железной дороги. Половина 6-го эскадрона, которым командовал ротм. Вахрушев, занявший накануне с. Чернолесское, утром присоединилась к полку в Святом Кресте».

К этому времени, по приказанию командующего полком, все эскадроны, кроме 1-го, были выдвинуты на восток к селу Покойному. Корнет Иванов, бывший в это время в самом Святом Кресте с частью 1-го эскадрона при штабе полка, заносит в свой дневник следующее:

«Стоя в городе, мы долгое время не знали, что наши части отступают от с. Покойного. Совершенно неожиданно, около 8 часов утра, мы заметили, что по улице поспешно отходят кубанские пластуны. Спросили их — в чем дело? — и они сказали, что с. Покойное сдано и что красные уже входят в город. Мы вывели коней. Сюда стали подходить отступавший наш 5-й эскадрон и части других эскадронов, которым было приказано прибыть к штабу полка. Станция железной дороги находится несколько на отлете, западнее города. От нее железнодорожная линия почти прямоком тянется па юг и приблизительно в версте восточнее ее, так же почти прямо на юг, тянется река Кума, вытекающая из предгорья Кавказа. Таким образом, железная дорога и река Кума образуют коридор, в котором и разыгралась драма. Прибывшие к штабу полка эскадроны передавали, что наше положение становится серьезным и что в 4-м эскадроне полуэскадрон каранагайцев перешел на сторону красных. Это известие, конечно, неприятно было воспринято всеми».

Обозам было приказано отходить на юг, на станцию Воронцово-Александровское. «Эскадроны вышли на площадь, — продолжает корнет Иванов, — и увидели нашу пехоту, которая, сбившись в группы, стояла у домов. Сразу бросилась в глаза какая-то нерешительность и даже растерянность».

«Общая обстановка, — вспоминает полковник Вахрушев, — характеризовалась отсутствием каких-либо сведений о противнике; даже обычных слухов среди населения о передвижении красных не было. Это лишнее доказательство сочувствия населения нашему врагу. Мы действовали как бы вслепую. Из штаба Северного Кавказа ориентировки не было».

Между тем в самом городе уже была слышна стрельба и огонь артиллерии красных был открыт по станции, где стоял наш бронепоезд. На нашем левом фланге, слева от станции, были кабардинцы²³⁶, лава которых ясно нам была видна, а через некоторое время эта лава повернула назад и стала отходить по другой стороне железной дороги; этим отходом сразу был оголен наш левый фланг. За отходящими кабардинцами появилась лава красных и старалась зайти нам в тыл и перерезать линию железной дороги.

Небольшая часть 1-го, 2-го и взвода 5-го эскадронов и одна конная батарея пошли вдоль полотна, стараясь помешать красным зайти нам в тыл. Батарея открыла огонь по лаве красных и со стороны станции вышел наш бронепоезд, но красные в подавляющем большинстве так упорно наступали, что перешли через полотно и, дойдя до реки Кумы, отрезали нам путь отступления.

Положение становилось критическим, оставалось два выхода: идти пробиваться через лаву красных или же отходить в заросли камыша, который тянется вдоль реки Кумы. Полковник Винокуров собрал все бывшие здесь эскадроны, развернул их и повел на красных. Но едва эскадроны успели развернуться и немного прошли вперед, как от нашей лавы почти ничего не осталось. Многие гусары, несмотря на команду и угрозы, поворачивали своих лошадей и уходили в сады, прилегавшие к городу, а оттуда по своим домам. В лаве остались офицеры, вольноопределяющиеся и около 50 старых верных гусар.

«В полуверсте впереди, — пишет полковник Вахрушев, — мы увидели, как справа по одному в поводу наш 2-й эскадрон поднялся перед нами на бугор и, пройдя мимо группы красных, с красным флагом, медленно стал вливаться в ряды наступавшей на нас лавы. Момент был тяжелый. Сердце рвалось на части от сознания своего бессилия. Показательно то, что гусары, прежде чем перейти к красным, предложили офицерам и унтер-офицерам уехать».

Красные упорно приближались и прижимали нас к камышам. Нам оставался последний выход — уходить через реку Куму. Красные уже появились на берегу, когда наши части спустились вниз и переходили изгороди, заборы садов и бесчисленные рукава и притоки Кумы. В некоторых местах приходилось идти чуть не вплавь. Мороз был 15 градусов без снега. Шинели замерзали, лошади увязали в топи и падали. Наконец выбрались на дорогу среди камышей и тут стали присоединять отставшие гусары, артиллеристы и пластуны.

6-й эскадрон, часть 4-го с ротмистром Килениным²³⁷, пулеметная команда вместе с пластунами, при поддержке бронепоезда, прорвались вдоль линии железной дороги и загнали в камыши часть лавы крас-

ных. Что касается 3-го эскадрона (ротмистр Янов²³⁸) и другой части 4-го эскадрона, то им удалось прорываться в юго-восточном направлении на село Праскавя. Весь наш обоз, конечно, погиб.

В полку в этот день был убит лишь один офицер — корнет Кушковский²³⁹ и ранен в голову корнет Карпов. Тело Кушковского было вывезено.

Командир 2-го эскадрона ротмистр Гейне²⁴⁰ пишет:

«Артиллеристы, уже накануне державшие себя ненадежно, перешли к красным, крича: «Товарищи, не стреляйте». Мои гусары также сочли этот выход из положения наилучшим. Я выскочил оттуда только благодаря тому, что мой вестовой, подавая мне лошадь, сказал: «Уезжайте, господин ротмистр». Я поскакал к берегу Кумы. Льда не было, только корочка. На берегу реки я нашел своих и присоединился к ним».

Наконец, с большим трудом, переправились по наполовину разрушенному мосту через главное русло Кумы и вышли к селу Орловка и, не останавливаясь, пошли в село Архангельское, а оттуда на станцию железной дороги Плакетка.

Со станции Плакетка мы перешли в Стародубовку и заночевали, а штаб отряда перешел на станцию Маслов Кут.

Отход по камышам возможен был только небольшими группами, и красные не преследовали.

13 января в село Воронцово-Александровское подошли и другие части, оторвавшиеся от полка. Пришел ротмистр Янов с частью людей его 3-го эскадрона. Присоединился взвод 1-го эскадрона с корнетом Позерном. В 1-м эскадроне осталось лишь 36 гусар, остальные или разошлись по домам, или перешли к красным.

Весь полк тотчас же был сведен в два эскадрона: 1-й составлен из остатков 1-го, 4-го и 6-го эскадронов, а 2-й — из 2-го, 3-го и 6-го. Офицерский состав почти не изменился — был убит один корнет Кушковский. Командующий полком, все штаб-офицеры, шесть ротмистров, эскадронных командиров, 21 обер-офицер, 36 унтер-офицеров и до 300 гусар теперь составили дивизион, приведенный в полный порядок и уже «16 января попытки красных наступать со стороны Святого Креста александрийцами успешно ликвидированы, а 19-го уже высланы разведы — ловили дезертиров» (дневник прапорщика Гринченко).

О каком же пленении «целиком Александрийского гусарского полка» повествует сборник документов Советской армии?

Позже, уже в феврале того же года, полк снова, в шестиэскадронном составе, расположенный в казармах Апшеронского пехотного полка во Владикавказе, принимает участие в усмирении восстания кермелистов, местных большевиков-осетин.

5 марта командование решило оставить Владикавказ без боя, и все понимали, что другого выхода не было, как отходить по Военно-Грузинской дороге в Грузию. Так и случилось.

Привожу выписку из «Записок» ротмистра Авакимова²⁴¹:

«Своим гусарам мы, офицеры, объявили, что уходим в Грузию. Кто хочет идти с нами — пусть идет, кто не хочет — может идти на все четыре стороны. Многие гусары ушли, но все-таки от полка у нас осталось человек 400, считая и всех офицеров. Офицеры не бывшие на командных должностях стали в ряды эскадронов».

Далее — Грузия, лагерь у города Поты, 10 апреля того же года Александрийский дивизион уже был погружен на французский транспорт «Дедерер-Сандор» и 11-го вечером пришел в Феодосию и вновь влился для дальнейшей борьбы в ряды Добровольческой армии.

Где же пленение полка? И можно ли назвать добровольно перешедших на сторону противника и дезертиров взятыми в плен? Я не стал бы возражать, если бы в сборнике документов было бы сказано, что красная конница Буденного разбила Александрийский гусарский полк, но, повторяю, фраза — «полк целиком был взят в плен» — не только неправда, но и неосторожный вымысел.

Д. Франк²⁴²

ИЗ РАССКАЗОВ СТАРОГО КАВАЛЕРИСТА. ДЕТИ — БЕЛЫЕ ВОИНЫ²⁴³

В 1919 году весной я занимал должность инструктора по подрывному классу в школе специалистов инженерного дела. Школа помещалась на Хотунке в Новочеркасске. Летом начались практические работы за городом около рощи, название которой сейчас я уже забыл.

Вскоре мое внимание обратила на себя группа детей и подростков, внимательно наблюдавших за производством подготовительных работ, а также и за взрывами рельс, столбов и фугасов.

Часть мальчиков была одета в скаутскую форму. Вскоре их старший, Вадим Клименко, попросил разрешения подойти поближе и посмотреть на приготовление подрывных патронов и сосредоточенных зарядов. Я не только разрешил, но и отдельно объяснил им производство работ. Таким образом, у меня завязались с ними дружеские отношения.

В конце лета я получил назначение командиром эскадрона Клястицкого гусарского полка²⁴⁴, заканчивающего свое формирование на севере Донской области, и связь моя со скаутами оборвалась.

Не успев закончить формирование, полк, в составе 4 эскадронов, выступил через Старобельск на север и вступил в соприкосновение с конницей Буденного. В непрерывных боях промелькнула осень, и настали дни, когда Добровольческая армия под напором превосходящих сил красных катилась к югу.

В начале декабря заболел командир полка, и я, как старший, вступил в командование полком. В ночь с 8-го на 9 декабря, ведя арьергардные бои, полк был отрезан от переправы через реку Донец у Кременной, прочно занятой красными, и очутился на тридцать верст в тылу у Буденного.

Пришлось меньше чем в сутки сделать с боями 105-верстный переход и переправиться по льду у Славяносербска, где полк соединился с частями генерала Мамонтова и откуда я, с остатком полка, благополучно добрался до Новороссийска. Тут уж была паника, красные ожидали со дня на день, и все, кто мог, уезжали на Кубань.

В штабе Донской армии я получил приказание отходить через Старочеркасск на юг в станицу Крымскую, на присоединение к дивизии генерала Чеснакова. Выступление было назначено на другой день.

Утром, когда мне доложили, что полк готов и построен на площади позади дворца Донского атамана, я вышел на крыльцо дома, где ночевал, и сел в седло на не совсем еще отдохнувшего после похода Ратмира, прекрасного араба Стрелецкого государственного завода.

Холодный и сырой, без солнца день. Настроение тяжелое — с болью в сердце мы расставались с Новочеркасском, с которым было много связано и где у многих из нас оставались близкие, по тем или иным причинам не могущие выехать из города.

Шагом я направился к полку, как вдруг ко мне подбежала группа из 5—6 моих старых знакомых — скаутов. Им было лет по 14—15.

— Господин ротмистр! Возьмите нас с собой, мы не можем здесь оставаться.

И молодые глаза с тревогой и надеждой впелись в меня. Они шли около моего стремени. Я задержал Ратмира.

— Нет, друзья мои, не могу взять вас с полком. Бог знает, что нас ожидает. Вы еще дети и должны оставаться с родителями!

— Ради бога, возьмите нас! Мы все равно здесь погибнем в одиночку, ведь мы же будем бороться с красными! — Молодежь хватала меня за сапоги.

— Нет и нет! Без согласия ваших родителей я вас не возьму!

— Да они согласны, господин ротмистр! Они нас отпустили. Вот видите, и вещи с нами!

Действительно, у некоторых были небольшие узелки.

Но я категорически отказал им. Тогда они взмолились не уводить полк, а подождать минут пятнадцать, пока они приведут родителей. Это им было обещано, и они как горох рассыпались в разные стороны.

Поздоровавшись с гусарами и осмотрев небольшой обоз, я прождал обещанные пятнадцать минут, а для спокойствия совести прождал еще минут десять, и уже хотел скомандовать «По коням!», как увидел несущуюся ко мне молодежь, а позади них нескольких дам. Но ребят было уже теперь больше.

— Господин ротмистр! — обратилась ко мне одна из пожилых дам. — Мы согласны, мы сами просим, возьмите наших детей, спасите их, если это будет возможно. У некоторых из них отцы уже погибли, частью на германском фронте, а частью в Ледяном и Степном походах. У некоторых старшие братья на фронте. Все равно мы не удержим мальчиков, и они погибнут здесь от красных. А вот тут наши адреса — на всякий случай... — И дама сунула мне в руку записку.

Я приказал адъютанту построить мальчиков. Их было двенадцать. Старшему — Вадиму²⁴⁵ — было лет шестнадцать, а остальным по 14—15, — почти что дети. Каждый из них имел одеяло, а верхнее платье было разнообразно. Были гимназические шинели, были солдатские, а были и короткие, теплые куртки.

— Ну вот что, дети! Раз вас отпускают родители, я беру вас с собой, но помните, что с этой минуты — вы добровольцы, солдаты и должны исполнять все, что вам прикажут. Поняли?

— Так точно, поняли! — зазвенели молодые голоса.

— Ну а теперь прощайтесь с родителями. — И я отвернулся, видя, как матери душились в захвативших их слезах и дрожащими руками крестили и ребят, и меня, и наш полк.

Адъютант распорядился назначением заводных лошадей под ребят, а вещи было приказано положить на повозку. Я приказал командиру 4-го эскадрона ротмистру Андюну назначить к ребятам солидного унтер-офицера.

— Полк, по коням — садись! — Заколыхались ряды, озябшие кони тропотили. — Равняйся!

Умышленно затягиваю команды. Чтобы дать возможность ребячьей команде взгромоздиться на лошадей.

— Справа по три, шагом марш!

Гусары снимают фуражки и крестятся на купол Новочеркасского собора.

— Храни вас Христос и Царица Небесная! — слышится из толпы, и множество рук крестят вытягивающиеся эскадроны.

Тяжелый был это поход. То морозы, то распутица. Наконец мы доехали до станции Крымская. Многие из мальчиков от непривычки потерялись в седле и шли часть дороги пешком или садились на подводу. Из них была составлена отдельная команда и назначали их ординарцами и телефонистами.

Хорошо и четко несли службу мои мальчики. Один из них в Крыму был убит, двое ранены и отправлены в лазареты, а девять пришли в Галлиполи. Все они окрепли, возмужали. А когда была открыта в Галлиполи гимназия, их отправили туда доучиваться.

В августе 1921 года мы ушли в Югославию, в пограничную стражу, и я потерял связь с мальчиками, лишь изредка переписываясь с их старшим скаутом — Вадимом Клименко. А потом заглохла и эта переписка.

И вдруг в 1936 году я получаю письмо от одного знакомого полковника, жившего в Германии, в котором он мне сообщает, что меня разыскивает из Испании скаут Клименко. Мы списались, и я узнал, что маленькая группа продолжает держаться вместе. Когда же началась гражданская война в Испании, они сумели пробраться туда, чтобы продолжать борьбу с исконным красным врагом, борьбу, которой отдали всю свою молодую жизнь.

Жизнью своей они оправдали завет: «Будь готов!» — и протянули руку помощи борющимся против сил зла и лжи.

А. Аристов²⁴⁶

КИЕВСКИЕ ГУСАРЫ²⁴⁷

Еще в сентябре 1918 года группа офицеров-киевцев²⁴⁸, под председательством полковника А.Ф. Пушина²⁴⁹, обсудив современное положение, постановила: захватить сданный на хранение в Васильковский собор штандарт Киевского гусарского полка и под ним начать формирование Киевского полка в Добровольческой армии, для чего ехать на Дон.

Во исполнение этого постановления, в ближайший день, штабс-ротмистром Авдеевым и старшим медицинским врачом доктором Макиевским-Зубок²⁵⁰, после службы в городском соборе, когда настоятель храма показывал присутствовавшим офицерам достопримечательности храма, штандарт был спешно отнят от древка и вынесен, а через не-

сколько дней тем же штабс-ротмистром Авдеевым благополучно доставлен на Дон.

Одновременно разными путями туда стали стекаться киевцы, старший из которых был полковник А.Ф. Пушин. Одновременно прибыло 13 офицеров-киевцев, и Главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин разрешил формировать дивизион 9-й кавалерийской дивизии. Прибывший штабс-ротмистр Киевского гусарского полка приказано было сдать на хранение в штаб Главнокомандующего, что и было исполнено.

Для формирования дивизиона был указан город Ставрополь. На формирование дивизиона поступали молодые люди, частью призванные по мобилизации из станиц и сел, занятых Добровольческой армией, а частью добровольцами, бежавшими из Советской России: юнкерами военных училищ, вольноопределяющимися и учащимися высших и средних учебных заведений. Уже через несколько недель, стараниями офицеров, дивизион 9-й кавалерийской дивизии представлял собой вполне сплоченную и дисциплинированную часть.

В дивизион вошли три эскадрона: Киевский гусарский, Казанский драгунский²⁵¹, Бутский уланский²⁵². Командиром дивизиона стал полковник Пушин.

В начале 1919 года дивизион был переброшен в район города Мариуполя, где принимал участие во всех боях с повстанцами, махновцами и подошедшими к этому времени большевистскими войсками. Под давлением противника дивизион вынужден был отступить в город Мариуполь, а оттуда пароходом был перевезен в город Таганрог.

Надо заметить, что, бывший до того пешим, дивизион отныне располагал уже лошадьми, частью поступившими от ремонтных комиссий, а частью отбитых в боях у противника. Из Таганрога дивизион вновь был переброшен на борьбу с бандами Махно и большевиками. Киевский эскадрон, под станцией Кальчик, захватил большевистский бронепоезд «Красин» в полном порядке, а в атаке у колонии Клефельд взял два орудия красных, 6 повозок со снарядами и 200 пленных.

В июне 1919 года Киевский эскадрон, переброшенный под Харьков, развернулся в дивизион из трех эскадронов, двух конных и одного пешего, и вошел в сводный полк 9-й кавалерийской дивизии²⁵³, который, в свою очередь, вошел в конный корпус генерал-лейтенанта Юзефовича.

В составе указанного корпуса киевцы участвовали во всех боях, которые велись корпусом при общем наступлении Добровольческой армии летом 1919 года, в частности под городом Гадячем, станцией Беловоды, станцией Рубановка, селами Галенка, Самбор и Сосновка. 18 августа киевцы участвовали во взятии с боем города Нежина, а в

20-х числах вели бои по ликвидации конного корпуса красных «товарища Крапивнянского».

В сентябре состоялась переброска Сводного полка из-под города Севска (Орловской губернии) на образовавшиеся вновь банды Махно в районе города Александровска. Из многочисленных столкновений, которые имели с противником киевцы, особенно надлежит отметить бой 28 октября в районе Кичкаса, что на реке Днепре. Здесь было захвачено много пленных, и в руки гусар попало около 40 исправных пулеметов, много винтовок и снаряжения.

В декабре 1919 года Сводный полк, ввиду общего отступления Добровольческой армии по всему фронту, отошел в Крым, ведя постоянно арьергардные бои с наседавшим противником.

В Крыму, по приказанию генерала Слащева, Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии был развернут в 9-ю кавалерийскую дивизию²⁵⁴, и таким образом снова стал существовать 9-й Киевский гусарский 4-эскадронного состава полк.

Всю зиму с 1919-го на 1920 год 9-я дивизия вела тяжелые бои с советскими войсками около города Перекопа, удерживая за собой Перекопский вал. В это время единственными защитниками Перекопского вала были 9-я кавалерийская дивизия и Донская дивизия генерала Назарова. Эта конная группа носила название — конницы генерала Морозова.

Когда, после общего отступления всех частей Добровольческой армии, произошло ее сосредоточение на Крымском полуострове, по приказанию нового Главнокомандующего генерала Врангеля, 9-я кавалерийская дивизия, ввиду больших потерь, понесенных ею, была упразднена и все чины ее были сведены в один полк. Новый полк получил название 5-го кавалерийского²⁵⁵, численный состав около 1500 сабель. Киевские гусары в нем составляли особый дивизион.

В составе 5-го полка киевцы принимали участие в общем наступлении армии в начале лета 1920 года и в боях на протяжении от Перекопа до Александровска. В этот период времени заслуживает быть отмеченным боевое столкновение нашей кавалерии, в котором живое участие принял и дивизион киевских гусар, с советским конным корпусом Жлобы. Корпус Жлобы по своей численности (свыше 5000 сабель) являлся очень серьезным противником. Дружными усилиями разных частей Добровольческой армии корпус Жлобы был разбит наголову, и лишь незначительные остатки корпуса и сам Жлоба прорвались на север, к своим.

В упорных боях 17 июля 1920 года 5-го кавалерийского полка с большевиками у села Камышеваха киевцы понесли большие потери.

В жестокой конной атаке был зарублен любимец киевцев, временно командовавший полком полковник А.А. Трушевский²⁵⁶, тяжело ранен командир Киевского гусарского дивизиона В.В. Берестовский²⁵⁷ и попал в плен краса и гордость дивизиона корнет М.А. Драгомиров.

Я знал корнета Драгомирова с его юношеских лет, когда он был еще кадетом, душевно скорблю об его утрате и в память его, этого юного героя и патриота, решил посвятить свой труд.

Бой у села Камышеваха породил тяжелое чувство в большинстве из его участников. Каждому из них уже было ясно, что из борьбы в настоящем ее виде выйти победителем невозможно, всякая надежда на успех была потеряна. Армия с каждым днем заметно таяла, крупные соединения сводились во все меньшие и меньшие боевые единицы, а пополнения не поступали. Советское же командование, закончив войну с Польшей, перебросило для ликвидации Крымского фронта свои свободные корпуса, которые и навалились на изнемогавшую под тяжестью неравной борьбы армию генерала Врангеля.

28 октября 1920 года от Главнокомандующего всеми Вооруженными силами Юга России последовал приказ прекратить боевые действия на всем фронте борьбы и всем частям в полном порядке отходить в порты Черного моря для посадки, по детально разработанному плану эвакуации воинских частей и населения, на пароходы, военные корабли, транспорты и прочие плавучие средства.

Армия грузилась в портах Севастополя, Ялты, Феодосии, Евпатории и Керчи. Коннице для посадки была назначена Ялта, киевцы погрузились в 11 часов 2 ноября и вышли в море. Погрузкой лично руководил генерал Врангель, который под громовое «Ура» с мола и кораблей был на руках внесен на пароход.

Стоя на борту и отдав приказание отходить, генерал громко крикнул: «Покидая последний кусок нашей земли, крикнем нашей бедной, страдавшей Родине громкое русское «Ура»!» Со всех кораблей и с мола под звуки русского гимна разносилось долго не смолкавшее «Ура»... Многие рыдали... Корабли медленно отплывали в неизвестность...

Совсем иное происходило с погрузкой больных и выздоравливающих офицеров и солдат-киевцев, а также их семей. Все они находились на своей постоянной базе в колонии Кианлы и, не будучи своевременно уведомленные об эвакуации, а узнав о ней случайно, бросились к Феодосии, так как в Ялту поспеть вовремя было уже невозможно. После долгих пререканий кое-как удалось втиснуться на переполненный пароход «Аскольд», стоящий в Феодосийском порту.

Посадка в Феодосии, по словам участников ее, не блистала тем порядком, которым сопровождалась она в других портах Черного

моря. Ветеринарный врач 5-го кавалерийского полка был толпой свален с ног перед самым пароходом и задавлен. Таких случаев, к сожалению, было несколько. Люди цеплялись за канаты, лезли по ним, срывались, падали в воду и тонули. Посадка сопровождалась криками, истерикой, бранью, стрельбой и, наконец, взрывами снарядов на расположенных невдалеке складах.

В ночь со 2-го на 3 ноября 1920 года части 5-го кавалерийского полка, находившиеся на полковой базе в колонии Кианлы, отплыли в Константинополь. Нет слов описать все те ужасы, которыми сопровождалось плавание по Черному морю набившихся до рискованного для плавания предела беженцев в течение пяти суток.

С Божьей помощью стараниями капитана 7 ноября вечером «Аскольд» подошел к Константинополю и, пройдя Босфор и Золотой Рог, остановился в Мраморном море. Здесь уже в полном порядке стояли в линии колонн все вышедшие из различных портов Черного моря военные корабли, транспорты и пароходы, и их объезжал, стоя на борту своей яхты «Лукул», генерал Врангель, всюду при проезде встреченный восторженными криками «Ура!».

В ближайшие дни все воинские части, кроме казаков, были размещены в Галлиполи, казачьи же части на острове Лемнос. Киевцы, таким образом, очутились в Галлиполи, войдя в состав корпуса генерала Кутепова. Конница в это время была сведена в дивизию²⁵⁸ из 4 полков под командованием генерала Барбовича.

Киевцы вошли в 3-й эскадрон 2-го кавалерийского полка. Командиром эскадрона был назначен доблестный полковник В.В. Берестовский, кавалер ордена Святого Георгия, Георгиевского оружия и многих боевых офицерских орденов. Офицеров-киевцев в эскадроне было 25 человек.

После долгих хлопот генерала Врангеля вся конница была отправлена из Галлиполи в Сербию на службу в сербскую пограничную охрану. Эскадрон, в котором числились киевцы, был направлен на Албанскую границу. Офицеров-киевцев теперь числилось только 16 человек, остальные разъехались по разным странам, где и осели, найдя себе работу или занятие.

13 сентября 1921 года эскадроны разошлись по постам для несения службы по охране границы. Служба была пешая и в гористой местности нелегкая.

В 1923 году пограничная стража была упразднена, а вместо нее был учрежден финансовый контроль. Кавалеристы, в том числе и киевцы, разбрелись по разным местам Сербии, и главным образом в Белград и город Скопле. Ввиду того что многим пришлось делать непривычно для

них тяжелую работу, главное командование решило снять таких с работы и вновь определить их на службу в финансовый контроль на болгарскую границу.

Снова собралась довольно значительная группа киевцев в городе Скопле — месте формирования отряда или, точнее, «граничной группы». Всего киевцев, считая офицеров и солдат, собралось около 100 человек. Служба была не тяжелой и уже не новая. Материально все офицеры и солдаты были обставлены хорошо.

Служба в финансовом контроле и на этот раз продолжалась недолго. Русские части стали сниматься с границы одна за другой, и последним, оставившим в конце 1923 года службу в финансовом контроле, был эскадрон Киевского гусарского полка, направленный на работу по сооружению шоссе. Условия работы были сравнительно хорошие.

7 апреля 1924 года работавших проведаль генерал Врангель, восторженно встреченный Киевским эскадроном.

15 августа 1924 года киевцы, из-за сокращения работ, были переброшены на другое место работ, на железный рудник, причем работа здесь была очень тяжелая, однако случай помог им избавиться от нее. Дело в том, что проживающий в городе Белграде бывший правитель Албании Ахмет-бей Зогу, поддерживаемый верными ему албанцами, решился на переворот в Албании, где в управлении страной были просоветски настроенные политические деятели.

Обратившись, конечно неофициально, за поддержкой своей операции к русским частям, Ахмет-бей Зогу нашел живой отклик в эскадроне киевцев, согласившихся помочь ему овладеть Албанией с целью изгнания оттуда большевиков.

В 24 часа эскадрон киевцев снялся с работ на руднике и отправился в город Дебар на албанской границе, где происходило формирование отряда для похода в Албанию. Русский отряд, в котором главную часть составляли киевцы, имел горную батарею и пулеметную команду.

Оба отряда, русский и албанский, из сторонников Ахмет-бея Зогу, численностью до 2000 человек, перешли границу и в тяжелом бою наголову разбили противника и при ликовании населения вошли в город Тирану. Большевики из Албании были изгнаны.

С тех пор эскадрон киевских гусар, перенесший тяжелые бои с советскими войсками на Юге России, пройдя через страду эвакуации и Галлиполи, отбыв службу охраны границ Сербии, вкусив горькой доли на тяжелых земляных и рудниковых работах в Сербии и затем ставший снова на борьбу, но уже в Албании, был зачислен на албанскую службу. Отряд имел блестящий вид, сплочен, хранил традиции и находился в

твердых руках своего любимого командира, полковника Берестовского. По заверению правителя Албании, короля Ахмет Зогу, данному им в феврале 1926 года, вскоре после завоевания им страны, русский отряд может пребывать на албанской службе сколько пожелает.

Такова краткая история жизни и деятельности киевских гусар.

Сгруппировавшиеся в большом количестве в Париже офицеры-киевцы образовали «Объединение киевских гусар», находившееся в прямом подчинении начальнику всей русской кавалерии, а через него председателю Русского Общевоинского Союза за границей.

Трудность собирания деталей эпизодов войны в условиях нашего рассеяния, частая противоречивость в поступающих ко мне материалах вынуждали меня, для достижения исторической правды, изображать события так, как они мне представлялись истинными, на основании веденного мною дневника войны, приказов и официальных описаний и только в редких случаях — личных воспоминаний.

Эта трудность усугублялась и из-за полной гибели в 1918 году очень ценного полкового архива и полкового музея в 5-м запасном кавалерийском полку, который был расположен в городе Балаклаве Харьковской губернии. Туда с объявлением мобилизации в 1914 году были отправлены на хранение архив и музей полка. Весной 1918 года, при занятии этого города большевиками, ими были сожжены все хранилища 5-го запасного кавалерийского полка.

Погибли труды старейшего гусара-киевца полковника И.Ф. Фомицкого²⁵⁹, 27 лет прослужившего в полку, создателя, собирателя и хранителя полкового музея Киевского гусарского полка.

*С. Ряснянский*²⁶⁰

10-Й ГУСАРСКИЙ ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ПОЛК²⁶¹

К концу 1917 года совершенно ясно определился полный развал Русской армии. Кавалерия держалась дольше благодаря наличию большого количества старых офицеров и кадровых вахмистров, унтер-офицеров и солдат. В конце января 1918 года дивизионный и полковые комитеты 10-й кавалерийской дивизии постановили: «Полкам самоопределиться по национальностям и разойтись». Незадолго до этого полковой комитет выразил командиру полка полковнику Барбовичу «недоверие». Временно полк²⁶² принял подполковник Пальшау²⁶³, но вскоре сдал на-

значенному командиром полка полковнику Синегубу²⁶⁴ (одесскому улану), при котором полк окончательно «разошелся». К этому времени в полку, сведенном в 4 эскадрона, оставались: подполковник Пальшау, подполковник Селиванов²⁶⁵, полковой адъютант поручик Эсипов²⁶⁶, его помощник поручик Слезкин 2-й²⁶⁷, командиры эскадронов: 1-го — штабс-ротмистр Влесков²⁶⁸, 2-го — штабс-ротмистр Васецкий²⁶⁹, 3-го — ротмистр Луговой²⁷⁰ и 4-го — штабс-ротмистр Слезкин 1-й²⁷¹, младшие офицеры: поручик Яновский²⁷², поручик Миклуха-Маклай, корнеты: Кравцов²⁷³, Лопырев²⁷⁴, Линицкий 1-й и Линицкий 2-й, Дунин-Жуховский 2-й²⁷⁵, Спришевский²⁷⁶, Борщов, Науменко и Субанов 2-й.

К началу февраля из полка выделились поляки и украинцы, а остальны́е гусары, взяв своих казенных лошадей, стали группами и в одиночку расходиться по домам. Тогда часть офицеров во главе с полковником Синегубом, взяв с собой штандарт, отправилась по железной дороге в Чугуев, где еще оставались семьи большинства офицеров и еще были в целости полковая церковь, офицерское собрание и другое полковое имущество, а другая, в составе штабс-ротмистра Влескова, штабс-ротмистра Слезкина 1-го, поручика Слезкина 2-го и корнетов Лопырева, Кравцова, обоих Линицких, Дунина-Жуховского 2-го, Спришевского, Борщева и Науменко с 3 вестовыми, двинулась верхами на город Елизаветград с целью пробраться на Дон в Добровольческую армию. Но на 4-м переходе, в деревне Роги Киевской губернии, на рассвете на них напали дезертиры солдаты и матросы с группой крестьян. Во время схватки корнет Науменко был убит, штабс-ротмистр Влесков, поручик Слезкин 2-й и корнет Линицкий 1-й были тяжело ранены, — первые жертвы полка в Гражданскую войну, — все были схвачены и 3 дня находились в руках этой банды, а затем были перевезены в Умань, где значительно позже были освобождены, и в полк, на Дон, из этой группы прибыли только штабс-ротмистр Слезкин 1-й и корнет Лопырев.

Летом 1918 года офицеры полка, собравшиеся в Чугуеве (тогда Гетманская Украина), не пожелали служить на украинской службе и решили пробираться на Дон, где в это время находилась Добровольческая армия, вернувшаяся из 1-го Кубанского (Ледяного) похода²⁷⁷, под командой генерала Деникина, чтобы принять участие в борьбе против большевиков под русским национальным флагом. Первая группа в составе ротмистра Тихонравова²⁷⁸, ротмистра Васецкого, штабс-ротмистра Слезкина, штабс-ротмистра Яновского, корнета Лопырева и трех гусар, уезжая по железной дороге, решила взять из полковой церкви Петровский штандарт, что в той обстановке было не так просто сделать, а еще труднее было провезти полковую святыню через те

многочисленные рогатки, которые нужно было преодолеть по пути. Выполнить эту трудную задачу было поручено штабс-ротмистру Яновскому, который задержался для этого в Чугуеве и при помощи полкового священника протоиерея отца Василия Копецкого штандарт получил и благополучно доставил его в Добровольческую армию.

Ко времени приезда этой первой группы офицеров в Екатеринодар там, в штабе Главнокомандующего Добровольческой армией генерала Деникина, находились Генштаба полковник Ряснянский²⁷⁹, коренной ингерманландец, и его младший брат, корнет полка, участвовавшие в 1-м Кубанском походе. Прибывших в начале августа однополчан полковник Ряснянский направил в 1-ю конную дивизию²⁸⁰ генерала Врангеля, который, узнав, что ингерманландцы привезли свой штандарт, разрешил им сформировать отдельный эскадрон, под командой ротмистра Тихонравова, назвав его Разведывательным эскадром при штабе дивизии.

Первое боевое крещение этого эскадрона было под станицей Константиновской, за освобождение которой от красных казаки станицы поднесли ротмистру Тихонравову звание почетного казака станицы. Эскадрон участвовал потом во всех боях этой дивизии к югу от реки Кубани, под Армавиром, при взятии Ставрополя, у Предтечи и пр. Генерал Врангель, оценив действия этого эскадрона, развернул его в дивизион, а по ходатайству офицеров-ингерманландцев, поддержанных им, генерал Деникин приказом 30 октября 1918 года разрешил дивизиону именоваться Ингерманландским гусарским дивизионом, возродив этим историческое имя старого полка, лишь на короткий срок, по вине губителей России, прервавшего свое более чем 200-летнее служение России.

В то время когда первая группа наших офицеров создавала свой гусарский дивизион в дивизии Врангеля, вторая группа, несколько задержавшаяся в Чугуеве, в составе полковника Барбовича, полковника Пальшау, полковника Селиванова, подполковника Трегубова 2-го²⁸¹, подполковника Гурского²⁸², поручика Эсипова, поручика Газадинова и корнетов Николенко и Щербанова и 65 гусар под командой полковника Барбовича, выступила ночью из Чугуева и походным порядком двинулась в Добровольческую армию. По пути, у станции Краматорская, гусарский отряд встретил 2-эскадронный Белгородский отряд, который присоединился к гусарам и поступил под команду полковника Барбовича. Этот конный отряд, продвигаясь на юг, на Дон, вел бои с бандами Махно у сел Гуляй-Поле, Волноваха и др.

В ноябре Ингерманландский дивизион под командой ротмистра Тихонравова был переброшен с Кубани в Таврическую губернию, и в Мариуполе к нему влился отряд полковника Барбовича, а он сам был назначен командиром 2-го офицерского конного полка.

Позже в Мариуполь стали поодиночке прибывать и другие наши офицеры: подполковник Лихолет²⁸³, подполковник Булацель²⁸⁴, подполковник Волохин²⁸⁵, поручики Чужа, Двигубский²⁸⁶, Ващенко²⁸⁷, Козлов²⁸⁸ и Кравцов, корнеты Спришевский, Тончик, Ряснянский. Там же, в Мариуполе, из части наших офицеров и присоединившегося к дивизиону конного офицерского Мариупольского отряда был сформирован, под командой подполковника Гурского, офицерский эскадрон.

В ноябре и декабре гусарский дивизион участвовал в боевых столкновениях у сел Стародубовка, Берестовль, Андреевка, Таврической губернии. В январе 1919 года оборонял участок Гусево — Марфополе, вел бои у Мижирича, отбил у красных станцию Ново-Карловка, села Пологи и Михайловка Екатеринославской губернии. С января по апрель вел упорные бои в районе Юзовка, где 4 февраля атаковал бронепоезд у Красно-Горловки. С апреля по май вел бои у Иловайской — Моспино, Донской области, у станции Мандрикино, на берегах реки Донца у города Славянска. Захватил обоз красных у села Поповка и у станции Гончаровка. Продвигаясь вместе с частями Добровольческой армии к северу, вел в июне бои у станции Булацеловка и города Белгорода, у Борисовки, Томаровни, Готни и монастыря Тихвинского.

1 июля Ингерманландский дивизион был развернут в полк под своим историческим именем, в коем было 4 гусарских эскадрона и по одному эскадрону одновизников — новгородских драгун²⁸⁹ и одесских улан²⁹⁰. Командиром полка был назначен произведенный в полковники Тихонравов.

С июля полк, действуя в составе конного корпуса генерала Юзефовича, вел бои у Готни, совершил рейд в тыл противника, вел бои у Димирки, участвовал в освобождении Киева и в преследовании красных, отходивших от него. (В Киеве погиб от руки украинских коммунистов доблестнейший генерал Келлер²⁹¹, бывший командир 3-го конного корпуса, всегда высоко ценивший боевые действия полка.)

20 августа один из эскадронов в конном строю атаковал и взял батарею красных. В сентябре дивизион брал Конотоп, атаковал позиции красных на реке Сейме, брал Глухов, Ямполь, вел бои на реке Десне, участвовал в освобождении Севска, в октябре вел бои у станции Бровары и города Сумы.

Ввиду отхода Вооруженных сил Юга России к югу, полк, ведя бои у Мерёфы, в Каменноугольном районе и перед Ростовом, отходил в составе остатков Конного корпуса, сведенного в 3-ю полковую бригаду²⁹² под командой генерала Барбовича. Ингерманландский полк, ввиду большой убыли в людях и лошадях, был также сведен в дивизион и включен в 1-й конный полк, командиром коего был назначен полков-

ник Тихонравов. Эта бригада к началу января 1920 года отошла вместе с другими частями Добровольческой армии за Дон и стала в Батайске. Красная конная армия Буденного, перешедшая также через Дон выше Ростова, двинулась 6 января к Батайску с целью отрезать находящиеся там части Добровольческой армии, но, атакованная бригадой генерала Барбовича и сводным Кубанско-Терским конным корпусом, в большом расстройстве отступила за Дон у станицы Аксайской. Ингерманландскому дивизиону в составе бригады приходилось все время быть в боевой готовности, передвигаясь по фронту для противодействия все растущей активности красных. В конце февраля дивизион участвовал в большом кавалерийском бою у станицы Егорлыцкой, где на нашей стороне участвовали Донской конный корпус генерала Павлова²⁹³, Кубанско-Терский генерала Агоева и кавалерийская бригада генерала Барбовича, а у красных конные группы Буденного и Думенки.

Главная тяжесть боя легла на бригаду генерала Барбовича, понесшую большие потери. Из ингерманландцев были убиты поручик Левицкий и корнет Баринов-Широков.

После боя у станицы Егорлыцкой гусары вместе с остальными частями армии отступали через Кубанскую область к Новороссийску. Наступившая весенняя распутица до крайности затруднила и без того тяжелый отход.

В Новороссийске оказался большой недостаток в судах для перевозки войск в Крым, благодаря чему посадка на суда сопровождалась трагическими сценами, пушки сбрасывались в воду, всадники пристреливали своих лошадей. Часть конницы вообще не смогла сесть на суда и двинулась в конном строю вдоль моря на юг. Кавалерийской бригаде генерала Барбовича приказано было прикрывать посадку, и она выдержала упорный бой, в коем принимали участие и ингерманландцы, с наседавшими красными у Тоннельной. Под огнем красных, бросив лошадей на пристани Новороссийска, ингерманландцы, вместе с остальными частями бригады, погрузились 22 марта 1920 года на пароход «Аю-Даг», задержанный для бригады полковником Гурским, и отплыли в Крым.

При отходе к Дону в декабре 1919 года часть полка попала в Крым, где ротмистр Яновский сформировал отдельный Ингерманландский дивизион, вошедший в донскую группу генерала Морозова. В январе—марте дивизион участвовал в боях на Сиваше, у деревни Таганай-Кирей, у Гюп-Джанкоя и Чонгарского моста, взял аул Карт-Казак-Татарский и деревню Карт-Казак. 1 марта дивизион вел большой успешный бой у города Перекопа и Армянска и взял атакой Перекопский вал. За это

дело все офицеры дивизиона, бывшие в тот день в строю, были произведены в следующие чины. В середине марта, после двухнедельной обороны Перекопского вала, дивизион произвел набег в тыл красных, взял Чаплинку и вел бой у села Преображенского.

По прибытии в Крым с Кубани бригады генерала Барбовича этот дивизион влился в первый дивизион и вошел 3 эскадронами в состав 5-го кавалерийского полка²⁹⁴ полковника Тихонравова.

Через несколько дней после прибытия воинских частей с Кубани в Крым произошла смена высшего командования. Генерал Деникин отказался от поста Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России и вместе со своим начштаба генералом Романовским и несколькими приближенными к нему офицерами выехал за границу, назначив, по предложению старших чинов армии, Главнокомандующим генерала Врангеля. Со свойственной ему энергией и талантом влиять на своих подчиненных генерал Врангель вдохнул в усталых белых бойцов веру в победу и деятельно принялся за реорганизацию и пополнение собравшихся в Крыму воинских частей, переименовав Добровольческую армию в Русскую армию.

Кавалерийские полки, прибывшие с Кубани в пешем строю, были сведены в кавалерийскую дивизию, на командных должностях которой оказалось 4 ингерманландца: начальник дивизии генерал Барбович, командир Сводно-гвардейского полка Генштаба полковник Ряснянский, командир 5-го, переименованного позже в 1-й кавалерийский полк²⁹⁵, полковник Тихонравов и командир пешего полка (несколько позже сформированного) полковник Пальшау. Первоначально полки кавалерийской дивизии несли сторожевую службу вдоль Сиваша, постепенно пополняясь людьми, лошадьми и вооружением. К началу майского наступления большая часть эскадронов была уже посажена на коней.

К концу мая части Русской армии пополнились, отдохнули, и генерал Врангель решил двинуться из Крыма на север, ставя своей первой задачей разгром красных, запиравших выходы из Крыма, и овладение Северной Таврией.

Ингерманландцы, в составе кавалерийской дивизии, были подведены к Перекопу для развития успеха после прорыва укрепленной позиции красных нашей пехотой и артиллерией.

25 мая 1920 года пехота, после артиллерийской подготовки, прорвала позицию у Перекопа, и конница ринулась в прорыв. Ингерманландцы в конном строю атаковали латышскую бригаду у деревни Чаплинки, разбили ее и овладели селением. В этой атаке было ранено 9 гусарских офицеров.

2-го вновь конная атака на пехоту красных и взятие деревни Перво-Константиновки. С 29-го по 31 мая происходили встречные бои у деревни Натальинки и конная атака на конницу красных.

С 31 мая по 7 июня шло преследование отходивших за Днепр красных и выход к Днепру. С 7-го по 18 июня ингерманландцы участвовали в активной обороне участка Чокрак — Эристовка — Хохгейм, а затем вновь вели бои у Токмака, 20-го приняли участие в разгроме конной группы Жлобы, а 24-го были переброшены в составе дивизии к Каховке, для ликвидации прорыва красных, что и было удачно исполнено после упорных боев в течение целой недели. В июле ингерманландцы участвовали в боях под Теремем, Гольбштатом, участвовали в лихой атаке на бригаду красных коммунаров Урала. Во второй половине июля принимали участие в разгроме Александровской группы красных и во взятии города Орехова. Войдя в состав Конного корпуса генерала Бабиева, ингерманландцы вели бои при переброске конницы вдоль фронта для заполнения прорывов, участвовали в Заднепровской операции в район Никополя, когда коннице пришлось переправиться через Днепр, переходить через многоверстные плавни и драться, имея их в тылу. Во время этой операции был убит командир Конного корпуса генерал Бабиев²⁹⁶, и в командование корпусом вступил генерал Барбович. Под его командой корпусу, в августе и сентябре, пришлось вести почти ежедневные бои в районе между Мелитополем и Каховкой. В это время Польша заключила мир с Советским правительством, и части Красной армии, в частности конная армия Буденного, были переброшены против Русской армии генерала Врангеля, превосходя ее численностью почти в десять раз. Красные повели наступление с нескольких сторон, сдавливая Русскую армию к перешейку.

Ингерманландцам в конце сентября пришлось драться в районе прорыва у Грушевки, а после прорыва у Каховки конной армии Буденного наш конный корпус, между 16-м и 23 октября, столкнулся с ее частями к северу от Чонгарского моста.

Видя невозможность удержаться в Северной Таврии, генерал Врангель приказал армии отойти в Крым, заняв позиции к югу от Сиваша у Чонгарского моста и у Перекопа. Неожиданно ударили сильные морозы, и Сиваш замерз, что дало возможность красным перейти через него, и 29 октября в районе Юшунских позиций и у Карповой Балки, ночью, пехота красных обошла Перекопский перешеек, и нашей коннице пришлось выдержать с ней ночной бой, а на следующий день всей армии было приказано отходить к портам для эвакуации из Крыма. При отходе сильно пострадал пеший полк под командой полковника Пальшау, и он сам был убит. Дивизион ингерманландцев отошел в составе Конного

корпуса на Ялту, где погрузился на пароход «Крым». Запасная часть дивизиона под командой полковника Гурского погрузилась в Феодосии.

1 ноября пароходы, переполненные эвакуировавшимися войсками, отошли от берегов Крыма. Взоры всех были обращены на удаляющиеся берега родины. На «Крыме» трубачи одного из полков заиграли русский гимн, как бы прощаясь им с родной землей и как залог верности ей в будущем. Столетиями служил Родине наш родной полк и покидал ее после жестокой трехлетней Гражданской войны, во время которой понес не меньшие потери, чем в Великую войну. За проявленную доблесть Ингерманландский дивизион был представлен к Николаевским трубам (получил).

За бой 26 мая штабс-ротмистр Яновский получил орден Святого Николая Чудотворца.

Простояв две недели на рейде Константинополя, остатки Русской Армии высадились у турецкого городка Галлиполи и разбили лагерь в Долине Роз и Смерти. Ингерманландский дивизион вошел в 1-й кавалерийский полк, сведенный из 1-й бригады; командиром полка был назначен Генштаба полковник Попов²⁹⁷, а полковник Тихонравов — старшим штаб-офицером полка. Наравне с прочими частями Русской армии ингерманландцы перенесли все тяготы галлиполийского сидения, не потеряв ни бодрости духа, ни желания во всякое время вновь сразиться с красными захватчиками нашей Родины. Во время пребывания в Галлиполи генерал Врангель, по ходатайству офицеров-ингерманландцев, принял форму полка и разрешил включить себя в списки ингерманландцев.

В конце августа 1921 года генералу Врангелю удалось выхлопотать прием на службу в пограничную стражу королевства Югославии наших кавалерийских и части казачьих полков. 1 сентября полки Кавалерийской дивизии под командой генерал-лейтенанта Барбовича погрузились на пароход и отплыли в Салоники, а оттуда по железной дороге прибыли на пограничную югославянскую станцию Джевджели, где наши полки были встречены представителями военных властей Югославии и пограничной стражи. Здесь части оставались несколько дней, живя почти все под открытым небом, пока происходило распределение полков по частям пограничной стражи. Ингерманландцы получили участок вдоль греческой границы от Джевджели до города Битоля. Пограничная стража, созданная по русскому образцу, была смешанная русско-сербская. Начальниками были сербские офицеры, а при них в качестве «инспекторов» — русские старшие офицеры. Младшие же офицеры попали на солдатское положение и носили сербскую солдатскую форму. Участок границы, где стояли ингерманландцы, был дик, сильно пересечен, горист

и мало населен. Жить пришлось в примитивных условиях, а служба в горах была трудна.

Через год пограничная стража была уничтожена и заменена чисто сербской финансовой стражей, гораздо малочисленнее первой, так как финансы Югославии не позволяли иметь такие многочисленные пограничные войска.

Кавалерийским частям предложено было стать на государственные работы. Ингерманландский дивизион был направлен на постройку шоссе между городами Вальево и Лозница.

В мае 1923 года Ингерманландский дивизион был вторично поставлен на пограничную службу вдоль болгарской границы, в район местечка Крчова-Паланки, так как через эту границу проникали из Болгарии в Македонию четники. На этой службе дивизион оставался до января 1924 года, когда по политическим соображениям русские были сняты с пограничной службы. С болгарской границы дивизион был снова направлен на работы по постройке шоссе Велес — Штип — Кочане, которую закончил в апреле 1927 года. Общественных работ дивизиону больше предоставлено не было, и ингерманландцам пришлось каждому в отдельности искать работу и лично устраивать свою жизнь. Перед роспуском дивизиона было создано, для поддержания связи между чинами, полковое объединение с древним девизом полка «Тобой гордые в потомках». Большинство офицеров и гусар осело в Югославии, часть переехала в другие страны Европы, главным образом во Францию и Бельгию, поддерживая, по мере возможности, между собою связь и где только возможно собираясь группами в день полкового праздника 27 ноября (ст. ст.).

Во время Второй мировой войны отдельные ингерманландцы встали в ряды славного Русского Корпуса, сформированного в Сербии в 1941 году, и Российской Освободительной Армии генерала Власова для продолжения борьбы с коммунистами. В рядах этих антибольшевистских русских формирований ингерманландцы понесли потери убитыми и ранеными. По окончании войны, в 1945 году, немногим уцелевшим ингерманландцам пришлось пройти через мытарства беженских лагерей и всякого рода комиссий и нередко, как и другим белым воинам, быть под угрозой выдачи красным на расправу. С начавшимся расселением беженцев из Германии и Австрии разъехались по всему земному шару и ингерманландцы, переживая общие всем нам русским тяготы изгнания, но с любовью вспоминая свой родной полк, гордясь своей принадлежностью к нему, его былой славой и доблестью в боях и красотой в мирное время, молитвенно вспоминая память убитых и умерших однополчан.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ²⁹⁹

К началу февраля 1918 года развал бывшей Императорской русской армии достиг своей кульминационной точки, захватив даже дольше других устоявшие кавалерийские части. Из 10-го гусарского Ингерманландского полка, находившегося в то время в Киевской губернии, начали «самоопределяться» и выделяться поляки, грузины и «украинцы». Остальные же гусары, забрав своих лошадей и винтовки, стали группами и поодиночке расходиться по домам. Тогда одна группа офицеров полка во главе с командиром полка полковником Синегубом (б. одесский улан), взяв полковой штандарт, направилась по железной дороге в город Чугуев (стоянка полка в мирное время).

Другая же группа из 12 офицеров (в числе которых находился и пишущий эти строки) двинулась походным порядком (верхом) на город Елисаветград, намереваясь из него пробиваться на Дон в Добровольческую армию. Но, сделав всего лишь четыре перехода, на рассвете 4 февраля 1918 года подверглась внезапному нападению большой банды солдат-дезертиров и крестьян, которыми предводительствовал однорукий матрос. Во время схватки один из офицеров (корнет Науменко) был убит, 3 офицера тяжело ранены, а остальные схвачены и лишь только чудом спаслись от самосуда.

С началом лета 1918 года офицеры Ингерманландского гусарского полка начали постепенно съезжаться в город Чугуев, где к тому времени еще сохранилось полковое собрание, офицерские квартиры и кое-какое полковое имущество. Чугуев (как и вся Украина) находился тогда под германской оккупацией, и там намечалось формирование «украинской» кавалерийской дивизии. Но офицеры полка старались уклониться от этого формирования, имея целью пробраться в Добровольческую армию, которая находилась в это время на Дону.

В начале августа 1918 года первая группа офицеров полка, в составе ротмистров М.И. Тихонравова, П.П. Васецкого, Ю.А. Слезкина, штабс-ротмистра Ю.В. Яновского и корнета П.П. Лопырева, получив документы и прогонные деньги в секретном бюро Добровольческой армии в Харькове у Генерального штаба полковника Штейфона³⁰⁰ (будущий генерал и командир Русского Корпуса³⁰¹), устроилась в поезд, направлявшийся к границе Донской области. С собой было решено взять полковую святыню — старый Петровский штандарт. Задача изъятия штандарта была возложена на штабс-ротмистра Яновского.

При содействии полкового священника, отца Василия Копецкого, штабс-ротмистр Яновский проник ночью в полковую церковь, где находился штандарт, и, сняв его с древка, скрытно вынес из церкви.

Соблюдая все меры предосторожности и скрывая цель своего путешествия, офицеры в конце конюзов добрались до первой пограничной станции Донской области и, наконец, вздохнули с облегчением, когда увидели на перроне станции храбрых рослых донских жандармов с погонами на плечах. В Новочеркасске находилась Ставка генерала Деникина, возглавлявшего после смерти генерала Корнилова Добровольческую армию. В штабе генерала Деникина ингерманландцы встретили своего однополчанина — Генерального штаба полковника С.Н. Ряснянского, участника 1-го Кубанского похода, от которого узнали о прибытии в Добровольческую армию генерала барона Врангеля, назначенного начальником 1-й конной (Кубанской) дивизии, расположенной на Кубани

Имя генерала Врангеля — героя конной атаки под Каушеном в 1914 году — было хорошо известно во всей коннице, и потому офицеров-ингерманландцев потянуло к нему. При содействии полковника Ряснянского им удалось получить назначение в дивизию генерала Врангеля, и они отправились в Екатеринодар, а оттуда, передвигаясь в тачанках от станицы до станицы, добрались до станицы Петропавловской, в которой был расположен штаб 1-й конной дивизии. Генерал Врангель очень приветливо принял прибывших, сказав, что у него ощущается недостаток в офицерах.

Высокий стройный молодой генерал Врангель, овеянный славой своих лихих конных атак, сразу произвел чарующее впечатление на ингерманландских офицеров, и это впечатление сохранилось до самого последнего дня его жизни. В своих частых душевных беседах генерал Врангель высказал им свою заветную мысль — создания в Добровольческой армии, наряду с казачьими, и нескольких полков регулярной кавалерии. (До того в Добрармии существовали только 1-й и 2-й конные полки, довольно пестрого состава). Генерал Врангель предложил ингерманландцам приступить к формированию своего полка при его дивизии, обещав для этого свое полное содействие. Генерал Врангель исполнил свое обещание и действительно оказал самую широкую помощь, давая разрешение на реквизицию в отбиваемых от красных станицах лошадей, седел и оружия и направляя к ингерманландцам всех прибывших к нему добровольцев — не казаков.

Первоначально при дивизии был сформирован «разведывательный эскадрон 1-й конной дивизии», командиром которого назначен ротмистр Тихонравов. К этому времени стали прибывать в эскадрон и дру-

гие офицеры полка, вызванные письмами. Участвуя во всех боях 1-й конной дивизии и все время пополняясь, «разведывательный эскадрон» был развернут в дивизион, двухэскадронного состава, сохранив свое название «разведывательного». Командиром этого дивизиона был назначен ротмистр Тихонравов, а ротмистры Слезкин и Васецкий — командирами 1-го и 2-го эскадронов. Свое первое «боевое крещение», будучи еще эскадронном, ингерманландцы получили под станицей Константиновской, за освобождение которой от красных казаки поднесли ротмистру Тихонравову звание «почетного казака станицы».

В дальнейшем дивизион участвовал во всех боях 1-й конной дивизии к югу от Кубани, под Армавиром, и, наконец, в составе конного корпуса генерала Врангеля принял участие во взятии Ставрополя, получив самостоятельную задачу: наступая со стороны женского монастыря, очистить от упорно сопротивлявшихся красных предместье города Ставрополя. После взятия Ставрополя депутация офицеров-ингерманландцев отправилась к генералу Деникину с ходатайством о получении дивизионом, насчитывавшим в это время около 200 шашек, при 12 кадровых офицеров-ингерманландцев и полковом штандарте, — его старого исторического имени. Ходатайство это горячо поддержал генерал Врангель. Приказом Главнокомандующего Добровольческой армии от 30 октября 1918 года дивизион получил наименование «Ингерманландский гусарский дивизион».

Это возрождение родного, овеянного боевой славой старого полка, хотя бы и в масштабе отдельного дивизиона, было с ликованием и чувством глубокого удовлетворения воспринято офицерами-ингерманландцами! С этого дня Ингерманландский гусарский полк вновь стал на службу России! В ноябре 1918 года Ингерманландский гусарский дивизион был взят из конного корпуса генерала Врангеля и переброшен с Кубани в Таврию, к городу Мариуполю. С грустью расстались ингерманландцы со своим горячо любимым начальником, со стороны которого всегда видели столько внимания и готовности помочь (Впоследствии, уже в Галлиполи, в ознаменование этой тесной связи с ингерманландцами, генерал Врангель дал свое согласие быть записанным в списки полка, и ему были поднесены погоны полка. Еще позже, уже в эмиграции, генерал Врангель записал в Полковое объединение Ингерманландского гусарского полка своего старшего сына.)

В Мариуполе в дивизион вошел Мариупольский конный офицерский отряд и прибыла еще группа офицеров полка. В январе 1919 года Ингерманландский гусарский дивизион был переброшен в Каменноугольный район под город Юзовку для действий против махновцев. В этот период части дивизиона часто придавались к Самурскому пехотному полку,

маневрировавшему в этом секторе. На почве совместной тяжелой боевой деятельности родилось искреннее боевое братство этих доблестных частей Добрармии. 1 июля 1919 года Ингерманландский гусарский дивизион был развернут в полк, носящий свое старое историческое имя. В состав полка в это время входило четыре гусарских эскадрона конных и один эскадрон пеший. Кроме того, при полку было сформировано по одному эскадрону однодивизников — новгородских драгун и одесских улан, в дальнейшем сформировавших еще по 1 эскадрону. Командиром полка был назначен Тихонравов, произведенный к этому времени в полковники.

Доблестно служа России, Ингерманландский гусарский полк участвовал в 1919 году во всех боях Добрармии. В конце этого года, вследствие больших потерь, полк был свернут в дивизион (3 эскадрона Ингерманландских) и вместе с другими кавалерийскими единицами включен в 1-й кавалерийский полк под командой полковника Тихонравова. После тяжелых боев против превосходивших в несколько раз численно красных в январе 1920 года ингерманландцы вместе с другими частями Добрармии были вынуждены отойти на Дон, а после через Кубань в Новороссийск, где 22 марта 1920 года погрузились на пароход для переброски в Крым.

Еще при отходе к Дону, в декабре 1919 года, часть ингерманландских гусар оторвалась от полка и попала в Крым, где ротмистр Яновский сформировал из них отдельный Ингерманландский гусарский дивизион, который доблестно сражался в рядах корпуса генерала Слащева, защищавшего Крым. За одну блестящую конную атаку все офицеры, бывшие в этот день в строю, были произведены в следующие чины. В Крыму обе группы ингерманландцев соединились и вошли дивизионом в 5-й кавалерийский полк, командиром которого был назначен полковник Тихонравов. Впоследствии полк опять получил нумерацию 1-го. До самого конца, то есть до ноября 1920 года, ингерманландцы в рядах Белой армии боролись за этот последний клочок русской земли и, наконец, сломленные физически, должны были разделить горькую чашу Белой армии и оставить родную землю. За свои боевые действия Ингерманландский дивизион был награжден Николаевскими трубами.

1 ноября 1920 года уцелевшие ингерманландские гусары, погрузившись вместе с другими кавалерийскими частями в Ялте на пароход «Крым», отплыли навстречу своей неизвестной судьбе. Взоры всех с тяжелым чувством были обращены к удалявшимся берегам Крыма, где еще вчера развевался трехцветный русский флаг. На палубе трубачи одного из полков заиграли русский национальный гимн «Боже, Царя

храни», как бы прощаясь им с Россией. Головы всех благоговейно обнажились, и мысли обратились к Ней — навсегда покидаемой Родине. Среди этих изгнанников была маленькая группа ингерманландских гусар. Это было все, что оставалось от полка.

Свыше 200 лет Ингерманландский гусарский полк служил России, вписав в свою историю много славных страниц, и вот, после трехлетней жестокой Гражданской войны, он должен был покинуть Родину. Ингерманландский гусарский полк перестал существовать... вероятно, навсегда. Но его слава пережила полк, и ныне душа его, в лице последних уцелевших ингерманландских гусар, живет в полковом объединении под сенью старого Петровского штандарта с древним девизом полка: «Тобюю гордые в потомках».

Ю. Слезкин

ЛЕТОПИСЬ ПЕРЕЖИТЫХ ГОДОВ³⁰²

Конец полка

Ко времени моего возвращения в полк в нем произошли значительные перемены. Еще перед самой революцией временно заменивший заболевшего генерала Алексеева начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Ромейко-Гурко³⁰³ провел реформу во всех армейских кавалерийских полках, приведя их к четырехэскадронному составу (вместо шестиэскадронного). Таким образом, и в Ингерманландском гусарском полку было 4 эскадрона, а гусары 5-го и 6-го эскадронов были влиты в другие эскадроны.

Бывший при мне командиром полка полковник Чеславский³⁰⁴ был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 2-й бригады нашей дивизии. Назначенный после него командиром полка полковник Барбович недолго командовал полком, так как, вследствие независимого поведения в отношении «полкового комитета» (солдатского), ему было выражено «недоверие» и он покинул полк. Когда я вернулся в полк, им временно командовал полковник Пальшау Позже командир корпуса — генерал Крымов³⁰⁵ назначил командиром Ингерманландского гусарского полка полковника Синегуба (бывшего одесского улана). В мой, 4-й эскадрон были влиты гусары из расформированного 6-го эскадрона, которым я раньше командовал, так что там было много людей, знавших меня, что облегчало несколько мое положение среди еще мне неизвестных гусар 4-го эскадрона.

Как я уже говорил, положение офицера, при растлевающем влиянии Приказа № 1, было очень трудное и все время надо было быть начеку, чтобы поддерживать хотя бы относительную дисциплину и порядок.

После Октябрьского переворота (в 1917 году) новый «Главком-верх» прапорщик Крыленко издал приказ о введении в войсках «выборного» начала. Нас — командный состав полков 10-й кавалерийской дивизии — поначалу этот приказ не коснулся, и по просьбе самих же солдат все офицеры были оставлены на своих командных должностях. Единственное исключение представил собой Новгородский драгунский полк, в котором под влиянием разлагающей большевицкой пропаганды был смещен командир полка — полковник Казаков³⁰⁶ и на его место избран «митинговый демагог» — кузнец из обоза Первым же «деянием» этого, с позволения сказать, «командира» было вынуть из полкового денежного ящика имевшуюся там сумму казенных денег и скрыться с ними. Сконфуженному «полковому комитету» пришлось с «покаянной головой» обратиться к смещенному командиру полка — полковнику Казакову и просить его вновь вступить в командование полком

Вот в таких условиях проходила служба офицера в «самой демократической армии мира», и жизнь его, при старании выполнить свой долг, была сплошным мучением.

В конце 1917 года, по постановлению «комитетов», от офицеров отобрали денщиков и вестовых, и офицер, наряду с солдатами, должен был убирать свою лошадь и водить ее на водопой, что, разумеется, способствовало уменьшению его авторитета. Все больше и больше распускаящиеся солдаты мешали офицеру исполнять свои обязанности и во все его распоряжения вмешивались «комитеты» (полковые и эскадронные), которые, как правило, состояли из худших элементов. В большинстве случаев денщики оставались преданными своим офицерам и, вопреки приказаниям «комитетов», чем могли старались облегчить положение своим бывшим «баринам».

С теплым чувством вспоминаю своего преданного денщика Лазаря Нинуа, который тайком пробирался ко мне, чтобы почистить сапоги и чем мог помочь.

Нечего говорить, что и питался офицер из «эскадронного котла». К началу 1918 года развал в армии достиг своей кульминационной точки и, при полной разрухе и бесхозяйственности, «полковые комитеты» постановили постепенно «саморасформировываться», первым шагом к чему было распоряжение «самоопределяться» по национальностям.

С грустью простился я со своим верным Лазарем Нинуа, который уезжал с грузинской группой. За ними потянулись украинцы, поляки и татары, и в полках остались лишь великороссы.

В этот период времени полки 10-й кавалерийской дивизии (как и другие кавалерийские части, считавшиеся «более сохранившимися») несли службу охраны заводов и других важных объектов от разграбления «разгулявшейся вольницы», а также им вменялась в обязанность ловля и водворение в свои части дезертиров, которые тысячами покидали фронт.

К этому времени 10-я кавалерийская дивизия была отведена в тыл, в Киевскую губернию, и для выполнения своей задачи — охранения заводов — была поэскадронно разбросана по разным населенным пунктам.

Я со своим 4-м эскадронном был поставлен в маленьком городишке Новая Ушица, где охранял какой-то завод.

В январе 1918 года Ингерманландский гусарский полк или, вернее, то, что от него оставалось, был стянут в одно место — село Кашланы Киевской губернии. В это время шла комедия «украинизации», и при полной разрухе и неразберихе полк перестал получать из казны деньги и какое-либо продовольствие. Видя это, «полковой комитет» в середине января постановил «всем расходиться по домам». Каждый гусар мог взять свою лошадь, винтовку и снаряжение и уходить на все четыре стороны. Разумеется, и все казенное полковое имущество было «братски» поделено. Этим самочинным актом был положен конец 200-летнему существованию доблестного Ингерманландского гусарского полка.

Видя такой конец и сознавая полную невозможность что-либо сделать и исполнять свои обязанности, начали, наконец, разъезжаться и офицеры. Одна группа офицеров с командиром полка, несколькими старшими офицерами и полковым адъютантом поручиком Эсиповым, взяв полковой штандарт, направилась по железной дороге на место штатной стоянки полка — город Чугуев (Харьковской губернии).

Другая же группа (12 офицеров) среди которых были я и мой брат Сергей, решили походным порядком, верхом пробираться на Дон, где, по доходившим слухам, формировалась антибольшевистская Добровольческая армия.

1 февраля 1918 года эта группа офицеров в конном строю, при винтовках, сопровождаемая повозкой с нашими чемоданами, при которых было два денщика, выступила из села Кашланы в свой «поход».

Чтобы не обращать на себя внимания и смешаться с общей «серой массой», мы были в солдатских шинелях и без погон. Ввиду холодного зимнего времени, переходы мы делали небольшие и, пройдя

20—25 верст, останавливались в какой-нибудь деревне на ночлег. В целях предупреждения внезапного нападения (вся местность кишела дезертирами, идущими с фронта и разными вооруженными «до зубов» бандами, грабившими все на своем пути) мы для ночлега выбирали какое-нибудь отдельно стоящее строение или крайнюю хату. На ночь всегда выставляли часового.

Таким порядком мы благополучно сделали три перехода. На четвертый день пути, 4 февраля 1918 года (день, ставший мне памятным на всю жизнь), сделав длинный переход около 30 верст по сильному морозу, под вечер мы пришли в деревню Роги Уманского уезда Киевской губернии, где наметили ночевать. Обратившись к «сельскому комитету», мы попросили разрешения переночевать на стоящем отдельно, по-видимому пустом, помещицьем дворе. Но находившаяся там банда, во главе с сельским комитетом, приняв угрожающее в отношении нас положение, отказала в разрешении расположиться в усадьбе и потребовала сдать им оружие.

Конечно, мы наотрез отказались исполнить это требование и двинулись дальше, но, пройдя две-три версты, решили заночевать на маленьком хуторке, так как наши лошади совершенно пристали после длинного перехода по плохой, обледенелой дороге.

На следующий день, чтобы дать передохнуть лошадям, мы сделали дневку. Хуторок, в котором мы расположились, не только дал нам возможность удобно поместиться, но и позволил поставить всех лошадей под крышу в длинной хуторской конюшне. 6 февраля рано утром мы позавтракали и пошли в конюшню, чтобы поседлать лошадей для продолжения нашего пути следования. Тут мною (как старшим по чину) была допущена оплошность, которой я никогда себе не прощу: для ускорения седловки лошадей я снял с наблюдательного поста очередного часового, чтобы он одновременно со всеми поседлал свою лошадь. Войдя в конюшню, мы для удобства седловки сняли с себя винтовки и положили их в сторонке. Когда лошади были уже поседланы и оставалось их вывести из конюшни, внезапно в открытые двери раздался залп из винтовок и в конюшню ворвалась озверелая толпа в 80—90 человек крестьян и солдат (вероятно, дезертиров). Не успев схватить своих винтовок, мы выскочили в противоположные ворота. Корнет Науменко, успев сделать один выстрел из маузера, тут же упал убитый. Пятеро других офицеров (в их числе и мой брат) получили тяжелые ранения. Остальные все были схвачены нападшими. Оказывается, на рассвете организованная банда дезертиров и крестьян, возглавляемая одноруким матросом, прошла незамеченной по оврагу и, выждав, когда мы все вошли в конюшню, сделала неожиданное на-

падение, которым мы были захвачены врасплох. Лишь один корнет Спришевский, успевший вывести свою лошадь, ускакал (что нас, в конечном итоге, спасло от самосуда). Подстрекаемая матросом толпа хотела тут же нас прикончить, но под влиянием более умеренных элементов с самосудом задержалась, а поволокла нас назад в деревню Роги и втокнула в какую-то хату, занявшись грабежом наших чемоданов.

Истекавших кровью наших раненых сперва отказались перевязать, крича, что все равно добивать будут. Но в деревне оказался самоотверженный фельдшер, вопреки запрещению и угрозам, перетащил раненых в свою хату и перевязал. Мой брат был тяжело ранен в голову пулей и несколько дней лежал без сознания и просто чудом выжил.

Пять дней мы находились в руках этой озверелой банды, и жизнь наша висела на волоске. Несколько раз под влиянием настояний матроса, который кричал, что, даже если сход решит нас пощадить, он «своей единственной рукой всех перестреляет», — нас тащили «к стенке», но в конце концов голос «умеренных» нас спас от немедленной расправы. Пять дней вокруг нас бесновалась толпа, решая, что с нами делать. В течение этих дней хотя я и считал, что у меня мало шансов выйти живым, но я все же дал себе слово, что если только каким-нибудь чудом выскочу из этой передраги, то поставлю задачей своей жизни рано или поздно расквитаться с бандитами.

Не раз в течение нашего «плена» какая-нибудь сердобольная баба подходила ко мне и говорила: «А брат-то твой помирает!» Когда же я просил, чтобы мне дали хоть проститься с братом, — меня не пускали.

Бог знает, чем бы это все кончилось, если бы не спас положение корнет Спришевский. Как я уже сказал, он один успел вскочить на лошадь и ускакать. Прискакав в соседнее большое село Тальянка, он обратился к местным «властям». Комиссар хоть и большевик, но оказался полупорядочным человеком и отправился в деревню Роги произвести «следствие». Его приезд образумил бандитов, напавших на нас, и они побоялись кончать с нами самосудом. Комиссар распорядился отправить наших раненых в ближайший город Умань и положить в госпиталь, а через день и нас, уцелевших, под конвоем отправили в тот же город и сдали городскому комиссару. Этот последний тоже оказался приличным человеком и через несколько дней отпустил нас на свободу. С разрешения старшего врача госпиталя, где лежали наши раненые, и мы расположились в пустой палате этого госпиталя.

В Умани в это время царило очень тревожное, напряженное настроение, и среди тамошней интеллигенции и «буржуев» ходили зловеющие слухи о якобы ожидавшейся «Варфоломеевской ночи» для всех

«врагов народа». Наше положение осложнялось тем, что мы были связаны своими ранеными, которые еще не были в состоянии двигаться и которых мы, конечно, не могли оставить одних.

И вот когда, как казалось, «тучи над нашими головами особенно сгустились», вдруг, проснувшись в одно прекрасное утро, мы узнали, что к Умани подходят немцы и все комиссары и чекисты бежали из города. Слух этот подтвердился, и в город действительно вошла какая-то германская часть и была открыта немецкая комендатура.

Используя свое знание немецкого языка, я явился в комендатуру и заявил о бывшем на нас зверском нападении банды крестьян и дезертиров и о нашем ограблении, предупредив также немцев, что в деревне много оружия, вплоть до пулеметов.

В комендатуре мне было предложено подать письменное заявление, составив список ограбленного у нас имущества, обещав, что мое заявление будет направлено в штаб германского оккупационного корпуса, находящийся в Киеве.

Прошла неделя или две, и я был вызван в комендатуру, где мне было сообщено, что в связи с моим заявлением по распоряжению германских военных властей в деревню Роги будет направлена карательная экспедиция. При этом любезный комендант дал мне разрешение сопровождать экспедицию для опознания ограбленного у нас имущества.

На следующий день рота германцев с пулеметами подошла к деревне Роги и, заняв входы и выходы из нее, начала стогнать все мужское население на площадь посередине деревни. Начальник отряда в ультимативной форме приказал снести на площадь все имевшееся в деревне оружие и ограбленное у нас имущество.

Узнав с моих слов, что среди оружия должно быть и мое Георгиевское оружие, которое является у нас высоким знаком отличия, начальник отряда приказал найти его и вручил мне.

Еще находясь в «плену», я узнал имя возглавителя банды — матроса Анания Бондаря и других подстрекателей нападения. Понятно то чувство, которое я испытал, когда увидел между двумя дюжими германскими солдатами приведенного одорукого матроса! Тут же на месте состоялось заседание полевого суда, и матрос Ананий Бондарь и физический убийца корнета Науменко (кажется, по фамилии Белосов) были приговорены к расстрелу. Приговор тут же был приведен в исполнение.

Прожив в Умани, кажется, два или три месяца и выждав, когда наши раненые настолько поправятся, чтобы быть в состоянии перенести путешествие по железной дороге, мы распрощались с Уманью, где успели приобрести много друзей, и отбыли в город Чугуев (сто-

янка полка в мирное время), куда начали съезжаться многие офицеры Ингерманландского гусарского полка.

Чугуев, как и вся Украина, был под германской оккупацией. В созданной ими «Гетманской Украине» под их опекой шло формирование «украинской» армии, в том числе и нескольких кавалерийских полков, для чего привлекались русские офицеры.

В Чугуеве должен был формироваться «Штаб 3-й кинной дивизии» и один из ее полков: «12-й кинный Пилтавский», куда привлекались бывшие чины Ингерманландского гусарского полка. Но ингерманландские офицеры всячески уклонялись от поступления в «украинскую» армию, имея намерение пробираться на Дон в Добровольческую антикоммунистическую армию.

Летом 1918 года, когда о Добровольческой армии получены были более конкретные данные, наше решение окончательно созрело и была намечена отправка офицеров на Дон небольшими группами, чтобы не привлекать внимания немцев, чинивших препятствия Добровольческой армии, как придерживавшейся «союзнической» ориентации.

В начале августа 1918 года тронулась из Чугуева первая группа офицеров полка (в числе пяти человек), среди которых был и я.

Таким образом, лишь в августе я смог продолжить свое следование в Добровольческую армию, прерванное в феврале бандитским на нас нападением.

Но об этом в следующей главе.

Отъезд на Дон в Добровольческую армию

К началу 1918 года города Харьков и Чугуев (равно как и вся Украина) были оккупированы Германией и Австро-Венгрией, и под их эгидой было создано марионеточное государство «Независна Украина» под управлением ставленника Германии — гетмана Павла Скоропадского³⁰⁷ (потомка гетмана Петровской эпохи).

Под охраной немецких штыков на Украине существовал относительно порядок и безопасность от произвола разложившихся революционных элементов страны. С одобрения немцев на Украине формировалась Гетманская украинская армия, конечно «прогерманской» ориентации. К формированию же Добровольческой армии, упорно державшейся «союзнической» ориентации, немцы, естественно, относились отрицательно и чинили ей всяческие препятствия. Исключение делалось для так называемой Астраханской армии³⁰⁸, которая была скорее германской ориентации.

Таким образом, отправка офицеров и добровольцев на Дон и Кубань (где была база Добрармии) встречала затруднения, и если и происходила, то нелегально. Но тем не менее в Харькове существовало секретное бюро Добровольческой армии, которое вербовало добровольцев и, теми или другими способами, направляло их по назначению.

Заведовал этим бюро Генерального штаба полковник Борис Александрович Штейфон (впоследствии генерал, командир Русского Корпуса во время Второй мировой войны).

Как я уже упоминал, офицеры Ингерманландского гусарского полка всячески уклонялись от вступления в «украинскую» армию, намереваясь пробраться в Добровольческую армию, чтобы бороться против большевиков. Глубоко почитая своего бывшего начальника дивизии — генерала графа Келлера, проживавшего после революции в Харькове, группа офицеров-ингерманландцев посетила его, чтобы узнать его мнение о Добровольческой армии

Весной 1918 года граф Келлер в сопровождении ротмистра Тихонравова побывал на Дону, чтобы на месте ориентироваться в идеологии Добрармии, но, будучи бескомпромиссным монархистом, верным памяти своего Государя, он нашел для себя неприемлемым вступать в Добрармию, так как последняя не вынесла на своих «знаменах» открыто монархических лозунгов, а потому предполагал в дальнейшем формировать чисто монархическую (Южную) армию. Но, отказавшись вступить в Добровольческую армию, он нас, офицеров своей дивизии, благословил идти в Добрармию с тем, чтобы, когда он нам кликнет «клич», мы бы незамедлительно собрались к нему. (Увы, этого «клича» мы так и не дождались, ибо в декабре 1918 года этот благороднейший человек был подло убит бандой петлюровцев у памятника Богдана Хмельницкого в Киеве.)

В начале августа 1913 года первая группа офицеров Ингерманландского гусарского полка в составе ротмистров М.И. Тихонравова, П.П. Васецкого, Ю.А. Слезкина (то есть меня), штабс-ротмистра Ю.В. Яновского и корнета П.П. Лопырева, получив в секретном бюро полковника Штейфона проездные документы и прогонные деньги, нелегально села в поезд, идущий в направлении границы Донской области. Предварительно было решено выкрасть из бывшей полковой церкви в Чугуеве находящийся там наш старый Петровский штандарт, чтобы увезти его с собой в Добровольческую армию.

Задача вынести скрытно из церкви штандарт была возложена на штабс-ротмистра Яновского, который при помощи бывшего полкового священника, отца Василия Копецкого, у которого были ключи от церкви, проник в церковь (находившуюся уже в распоряжении

«украинцев»), снял с древка полотнище штандарта и, спрятав его под шинелью, вынес.

Преодолев благополучно все «рогатки» на своем пути, переименованная группа офицеров-ингерманландцев достигла границу Донской области для дальнейшего следования в город Екатеринодар (Кубанской области), куда перешел штаб Добровольческой армии.

В штабе армии мы встретили своего однополчанина — Генерального штаба полковника С.Н. Ряснянского (Георгиевского кавалера и первоходника) и при его посредничестве получили направление в штаб 1-й конной (Кубанской) дивизии, которой командовал незадолго до того прибывший в Добрармию генерал барон Врангель. В ожидании этого назначения мы пробыли несколько дней в Екатеринодаре и успели побывать на балу, устроенном дочерью генерала Корнилова в пользу Добровольческой армии. Был этот бал в здании Екатеринодарской 1-й женской гимназии, в которой в то время училась моя будущая жена (о существовании которой я тогда и не подозревал!).

Штаб 1-й конной дивизии находился в станице Петропавловской, недалеко от Екатеринодара. Имя генерала Врангеля — героя конной атаки под Каушеном, когда он со своим эскадром взял, во время Первой мировой войны, германскую тяжелую батарею, — очень нам импонировало, а потому мы были очень удовлетворены этим назначением.

В штабе дивизии, куда мы явились, нас приветливо встретил молодой, высокий, стройный генерал с волевым лицом и энергичным взглядом — это был генерал Врангель, к которому мы так стремились попасть. По видимому, и генерал Врангель был обрадован прибытием к нему кавалерийских офицеров и отнесся к нам очень дружелюбно, часто делясь с нами в задушевной беседе своим заветным желанием — создать в Добрармии, наряду с казачьими, несколько регулярных кавалерийских полков (в то время в Добрармии было только два конных, не казачьих полка довольно смешанного состава).

Узнав, что при нас находится наш полковой штандарт, генерал Врангель предложил нам сформировать при его дивизии наш полк, обещав полное свое содействие в этом. Это предложение нас, конечно, очень воодушевило, и мы сейчас же разослали письма всем своим однополчанам, на приезд которых можно было рассчитывать, извещая их о начале формирования полка при дивизии генерала Врангеля.

Имея обещание генерала Врангеля помочь нам, мы приступили к формированию сперва одного эскадрона, получившего наименование «Разведывательного эскадрона штаба 1-й конной дивизии». Генерал Врангель выполнил свое обещание и всячески способствовал нашему

формированию, направляя к нам всех офицеров и добровольцев (не казаков), прибывающих в дивизию, и давая нам разрешение на реквизицию отбитых у красных лошадей, седел и оружия.

По формировании эскадрона командиром его был назначен ротмистр Тихонравов. В первую фазу формирования, принимая в ней участие, мне пришлось в то же время принять, по предложению генерала Врангеля, должность старшего адъютанта дивизии, как офицер, окончивший ускоренный курс академии Генерального штаба. Впрочем, на этой должности я долго не оставался, с прибытием в штаб дивизии назначенного адъютанта — офицера Генерального штаба.

По мере пополнения эскадрона добровольцами и несколькими прибывшими офицерами нашего полка, эскадрон развернулся в дивизион двухэскадронного состава, и под тем же названием «Разведывательного дивизиона», командиром которого стал ротмистр Тихонравов, я принял 1-й эскадрон, а ротмистр Васецкий — 2-й. Формирование дивизиона происходило, так сказать, «на ходу», в непрерывном движении и в боях, которые вела дивизия генерала Врангеля с красной армией Сорокина.

В этот период (лето 1918 года) дивизион, как отдельная воинская часть, принимал участие в боях дивизии к югу от реки Кубань, под Армавиrom у Предтечи и других местах, а также принял непосредственное участие при взятии конным корпусом генерала Врангеля города Ставрополя. В Ставрополь прибыла еще группа офицеров нашего полка и среди них — мой брат Сергей (поручик), назначенный адъютантом дивизиона.

Возрождение Ингерманландского гусарского полка в Добровольческой армии. Новороссийская эвакуация

После взятия конным корпусом генерала Врангеля, в октябре 1918 года, Ставрополя, в котором, как я сказал, принял непосредственное участие «Разведывательный дивизион», наступавший на город со стороны женского монастыря, депутация офицеров Ингерманландского гусарского полка, во главе с ротмистром Тихонравовым, отправилась к Главнокомандующему Добрармией генералу Деникину с ходатайством о присвоении дивизиону (насчитывавшему в то время около 200 шашек, при 16 кадровых офицерах полка и полковом штандарте) своего исторического имени. Ходатайство это было горячо поддержано генералом Врангелем. Приказом Главнокомандующего от 30 октября 1918 года дивизион получил наименование «Ин-

германландский гусарский дивизион». (Кажется, это был первый случай в Добрармии.) Командный состав дивизиона остался тот же, что в «Разведывательном дивизионе».

Это возрождение родного, горячо любимого полка в Добрармии (хотя бы и в масштабе дивизиона) вызвало у нас — офицеров полка — громадное воодушевление и подъем. Добровольцы же с радостью приняли имя старого, доблестного полка и надели его форму (голубые фуражки и погоны). Хотелось верить, что «воскресший» полк будет «жить» и выполнит свой долг перед Родиной в борьбе с красными ее поработителями.

27 ноября (ст. ст.) 1918 года в Ставрополе торжественно был отпразднован полковой праздник — первый полковой праздник в Добрармии. Наш праздник совпал с праздником славного Нижегородского драгунского полка, с офицерами которого мы объединились. Много было выпито вина и произнесено горячих тостов!

В то время как первая группа офицеров Ингерманландского гусарского полка возродила в Добрармии свой дивизион (позже полк), другая группа офицеров, во главе с полковником (впоследствии генералом) Барбовичем, задержавшись в Чугуеве до падения власти гетмана Скоропадского на Украине, выступила в конном строю в поход, с целью пробиться через банды большевиков на Кубань, в Добровольческую армию. Часть офицеров (более молодых) вошла в Ингерманландский гусарский дивизион, сам же полковник Барбович был назначен командиром 2-го конного Дроздовского полка.

В ноябре 1918 года Ингерманландский гусарский дивизион был взят из конного корпуса генерала Врангеля и переброшен в Таврию. С грустью расстались мы с генералом Врангелем, которого, во время пребывания под его начальством, успели оценить и полюбить и которому были так много обязаны в возрождении полка. Но и уйдя из-под его непосредственного начальства, мы до конца Белой борьбы не теряли духовной связи как с генералом Врангелем, так и с его супругой — глубокоуважаемой баронессой Ольгой Михайловной, чье неизменное внимание и исключительную заботливость обо всех ингерманландцах мы глубоко ценили, будучи ей искренне преданными.

Связь эта сохранилась и на протяжении долгих лет в эмиграции.

В начале 1919 года, по прибытии дивизиона в город Мариуполь (Таврия), в него влился сформированный в этом городе конный офицерский эскадрон, имевший в своем составе не только офицеров разных полков, но даже и разного рода оружия. Эскадрон этот вошел 3-м эскадроном в Ингерманландский дивизион, а командиром его был назначен подполковник Г.П. Гурский (ингерманландец).

В конце января 1919 года дивизион был переброшен в каменно-угольный район Донецкого бассейна в окрестности города Юзовки и размещен в поселке Лидневского рудника. Задачей дивизиона была борьба с сильно разросшимися в этом районе бандами «батьки» Махно, тревожившими тылы Добровольческой армии. Дивизион был временно оперативно подчинен командиру Самурского пехотного полка, действовавшего против банд Махно

В январе—феврале 1919 года дивизион, совместно с Самурским пехотным полком, вел бои с крупными, хорошо вооруженными махновцами в районе села Пологи (главное гнездо махновцев) и села Михайловка (Екатеринославской губернии). Для совместных действий с Самурским полком эскадроны ингерманландцев поочередно придавались отдельным батальонам самурцев. Я забыл указать, что еще перед переброской дивизиона в Таврию из него были откомандированы все казаки (кубанские), составлявшие значительную часть рядовых чинов дивизиона. Это, конечно, сильно ослабило численный состав дивизиона и в эскадронах насчитывалось по 40—50 шашек.

В апреле 1919 года дивизион вместе с самурцами вел бои с махновцами у станции Иловайская — Моспино (Донской области) 5 мая 1919 года Самурский пехотный полк оборонял участок у железнодорожной станции Моспино. В распоряжение командира Самурского полка был придан мой эскадрон, поставленный им в резерв боевого участка. Красные большими силами повели наступление на станцию Моспино, которую Самурский полк, очень слабого состава, защищал.

Около полудня натиск красных усилился, и самурцы, понесшие большие потери, с трудом удерживали свой участок. Наконец, после яростных атак во много раз превышавших силами красных, поредевшие цепи самурцев не выдержали и начали отходить. Казалось, что им не удастся сдерживать натиск красных и удержать за собой станцию Моспино...

В самый критический момент сзади показалось большое облако пыли, в середине которого мы увидели быстро приближающуюся колонну повозок, на которых сидели доблестные кубанские пластуны, брошенные на помощь самурцам. Соскакивая на ходу с повозок и рассыпаясь в цепь, лихие пластуны повели энергичное контрнаступление, задерживая натиск красных.

Наблюдая в бинокль все моменты этого боя, я почувствовал психологический перелом его и, скомандовав укрыто стоявшему эскадрону «Садись!», развернув его, стремительно атаковал замывшихся красных, рубя и гоня их перед собой.

В самый момент атаки, когда я уже был в нескольких шагах от красных цепей, подо мной, на полном скаку, была убита лошадь. Пе-

ресев на лошадь моего вестового, я довел атаку до конца, взяв два действующих пулемета и около 50 пленных. Атака эта, предпринятая по моей личной инициативе, заслужила благодарность командира Самурского полка полковника Звягина и была отмечена в сводке штаба Главнокомандующего. В июне 1919 года дивизион вел бои на подступах к Харькову, под Белгородом и у станции Томаровка.

1 июля 1919 года дивизион, получив пополнение, развернулся в полк под своим старым историческим именем — «Ингерманландский гусарский полк». В состав полка входило четыре конных эскадрона (5-й, в ожидании получения лошадей, был пеший). Кроме того, при полку была дана возможность сформироваться по одному эскадрону наших однодивизиоников по 10-й кавалерийской дивизии — новгородских драгун и одесских улан, которые тоже входили в боевой состав Ингерманландского полка.

Командиром полка был назначен М.И. Тихонравов, произведенный к этому времени в полковники. Полковник Гурский занял должность помощника командира полка по строевой части. Я был назначен командиром 1-го дивизиона (1-й и 2-й эскадроны), а ротмистр Васецкий — командиром 2-го дивизиона (3-й и 4-й эскадроны) Новгородским эскадронам командовал, если не ошибаюсь, ротмистр Валуйев³⁰⁹, а Одесским — ротмистр Хвостиков³¹⁰ (впоследствии новгородцы и одесцы имели по два эскадрона). Наш 5-й (пеший) эскадрон принял штабс-ротмистр Яновский. Мой брат Сергей занял должность полкового адъютанта.

Во время нашей стоянки у станции Томаровка (недалеко от Белгорода), в большом селе под тем же названием, я пережил неприятное приключение: во время нашего обеда в офицерском собрании полка к железнодорожной станции Томаровка подошел из Белгорода наш бронепоезд «Офицер»³¹¹, легкого типа, вооруженный двумя трехдюймовыми орудиями. Командовал им полковник Лебедев³¹² — отличный энергичный офицер. Для ориентировки он зашел в штаб полка и, разумеется, был приглашен в офицерское собрание пообедать.

После сытного обеда с соответствующим «возлиянием» полковник Лебедев сообщил, что сейчас пойдет на своем «Офицере» к станции Готня, чтобы обстрелять станцию и расположение красных. Будучи не занят, я попросил его взять меня с собой в эту экспедицию. Подойдя к станции Готня, занятой красными, «Офицер» выпустил по ней несколько снарядов.

В это время издалека, из-за поворота железнодорожного пути, показался большевистский бронепоезд тяжелого типа с дальнобойными орудиями (кажется, шестидюймовыми). Находясь на недостига-

емой для наших снарядов дистанции, он издали обстрелял «Офицера» тяжелыми снарядами, продолжая подвигаться вперед. Одним из первых снарядов у нас была повреждена площадка с орудиями. Следующий снаряд угодил в наш паровоз, вызвав взрыв парового котла, причем хлынувшим кипятком были сильно ошпарены наш машинист и кочегар.

Этим попаданием наш бронепоезд потерял способность движения и остался беспомощно стоять под обстрелом красных. Вспомогательный наш поезд, следовавший позади «Офицера», сделал несколько попыток подойти, чтобы взять нас на буксир и вытащить из нашего беспомощного положения, но сам пострадал от снаряда, разбившего вдребезги один из вагонов, и сильный огонь красного бронепоезда не позволял ему приблизиться к нам.

Наконец вспомогательному поезду все же удалось подойти и взять нас на буксир и полным ходом вывести из-под огня. Доставленный сперва на станцию Томаровка поезд дальше был отправлен в Белгород для полного ремонта.

После этого случая я «закалялся» совершать такие «увеселительные прогулки» — в чистом поле, на коне чувствуешь себя увереннее.

С июля 1919 года полк вошел в состав 5-го конного корпуса генерала Юзефовича, в котором были две кавалерийские дивизии из регулярных кавалерийских полков (1-я и 2-я кавалерийские дивизии). Ингерманландский гусарский полк входил в 1-ю кавалерийскую дивизию.

Все лето полк, в составе 5-го конного корпуса, вел бои в Курско-Орловском направлении, а также принял участие в операции по освобождению Киева.

14 ноября 1919 года, как окончивший ускоренный курс Академии Генерального штаба, я был отозван из полка и назначен старшим адъютантом штаба 1-й Терской казачьей дивизии³¹³, которой командовал генерал Владимир Агоев³¹⁴ (его младший брат Константин Агоев³¹⁵ в той же дивизии командовал бригадой). В декабре 1919 года начальник штаба этой дивизии — Генерального штаба полковник Аметистов³¹⁶ — был куда-то командирован и я вступил в исполнение должности начальника штаба, в каковой должности и оставался весь тяжелый период неудач Добровольческой армии (и казачьих частей) почти до самой Новороссийской эвакуации. В конце февраля 1920 года я по своему желанию был откомандирован в свой полк, который нагнал на пути к Новороссийску.

В период, предшествовавший отходу Добровольческой армии к Новороссийску, ввиду наступивших неудач и понесенных больших потерь Добрармии как людьми, так и в конском составе, 5-й конный корпус,

ряды которого сильно поредели, был сведен в одну трехполковую бригаду, командиром которой был назначен генерал Барбович (ингерманландец). В свою очередь, и Ингерманландский гусарский полк был сведен в трехэскадронный дивизион, который вошел в 1-й кавалерийский полк, командиром которого стал полковник Тихонравов.

В январе 1920 года Кавалерийская бригада генерала Барбовича отошла за Дон и стала в Батайске. В это время красные большими силами перешли в решительное наступление, угрожая жизненным центрам Донской области. 5 января 1920 года были получены сведения о движении к Батайску конной армии «Красного Мюрата» — Буденного, и поднятая по тревоге бригада генерала Барбовича была направлена на угрожаемый пункт переправы через Дон — у станицы Ольгинской.

6 января 1920 года бригада генерала Барбовича совместно с Терско-Кубанским корпусом генерала Агоева стремительно атаковала переправившиеся у станицы Ольгинской части Буденного и наголову разбила их, причем сам Буденный еле спасся, ускакав на тачанке.

В конце февраля 1920 года под станицей Егорлыцкой произошел самый крупный (за всю войну) конный бой нашей конницы с красной конницей Буденного и Думенко, в котором с обеих сторон участвовало до 20 000 конницы. В этом бою с нашей стороны был собран «кулак» из Донского корпуса генерала Павлова, Терско-Кубанского корпуса генерала Агоева и бригады генерала Барбовича. В этом столкновении двух крупных масс конницы первоначальный успех был на нашей стороне, и стремительной атакой бригады генерала Барбовича и нескольких казачьих полков красная конница была отброшена за реку Егорлык. Но успех не мог быть развит вследствие начавшегося разложения у казаков (особенно кубанских), не желавших больше воевать и покидавших ряды своих полков. Хотя это разложение коснулось не всех казачьих частей, но казачий дух был уже подорван и начался наш отход к Новороссийску.

Добровольческая армия сделала еще попытку взять инициативу в свои руки, но успеха не имела, и наше оставление Новороссийска с целью переброски в Крым было уже предрешено. В этом последнем бою под Егорлыцкой я еще был в штабе 1-й Терской дивизии.

Оглядываясь на пройденный Добровольческой армией тернистый путь в борьбе за Кубань, Дон, Юг России или на путях к Москве (Курск — Орел), я не могу не вспомнить с теплым чувством нашу жертвенную русскую молодежь, оставившую светлый, немеркнущий след на этом пути защиты чести России!

Какой страны история знает пример такого стихийного массового героизма юношей и мальчиков, добровольно отдавших свои жизни за

Родиной?! Разве можно забыть этих мальчиков — партизан Семилетова или Чернецова, своею грудью защищавших подступы к Новочеркаску или Екатеринодару от наступавших большевиков в то время, как возвращавшиеся в свои станицы «фронтовики» митинговали или держали «нейтралитет»? Разве можно забыть те сотни кадет и гимназистов, которые бежали из дома на Дон или Кубань, чтобы встать в ряды легендарных корниловцев, марковцев и дроздовцев или в ряды добровольческих кавалерийских полков?! Перед моим мысленным взором проходят, один за другим, эти герои, мальчишки-воины... Я не помню их всех по именам, но и сейчас, после 55 долгих лет, стоят они перед моими глазами, как будто видел я их только вчера.

Вот маленький кадетик Сумского корпуса, звали его, кажется, Миша... Вытягиваясь, чтобы казаться выше, и стараясь говорить баском, он просится, чтобы я принял его в свой эскадрон.

— Да сколько же тебе лет?

— В будущем году пойдет семнадцатый!

(При раскрытии скобок оказывается, что сейчас-то ему всего пятнадцать лет!)

Когда я отказываюсь его принять, глаза Миши наполняются слезами.

— У меня никого нет. Мне некуда идти!

Скрепя сердце беру его в эскадрон, стараясь упрятать куда-нибудь побезопаснее. Увы, большевистская пуля его все же нашла. Маленькая могила его осталась где-то в кубанских степях.

А вот славный, немного застенчивый шестнадцатилетний гимназист Коля. Несмотря на кажущуюся неповоротливость, это храбрый и толковый «солдат». Помню, когда конный корпус генерала Врангеля брал город Ставрополь, мой эскадрон получил задание — наступая со стороны женского монастыря, очистить предместье города от засевших в домах большевиков. Медленно двигаясь по улице, мой спешенный эскадрон с боем выбивал отстреливавшихся из окон и дверей красных. Под сильным перекрестным огнем цепь эскадрона должна была залечь поперек улицы. Коля лежал в нескольких шагах левее меня, служа мне связным для передачи приказаний. Какое-то движение правее меня привлекло мое внимание. Не глядя на Колю, я ему что-то сказал. Ответа не слышу. Поворачиваюсь к нему и вижу, что мой Коля лежит уткнувшись в землю, а из головы его течет струйка крови. Подбежавшие санитары вынесли его из цепи. Позже какой-то очевидец рассказал, что на перевязочном пункте Коля скончался на руках перевязывавшей его сестры милосердия.

Жалко мне было этого славного мальчика, и с тяжелым сердцем вычеркнул я его из списка эскадрона.

Проходит пять-шесть месяцев, и в один прекрасный день является в эскадрон не кто иной, как Коля! Как всегда застенчиво улыбаясь, докладывает, что под Ставрополем он не был убит, а только тяжело ранен, и просит зачислить его в родной эскадрон. Оказывается, как это часто бывает, очевидец перепутал и преждевременно «похоронил» Колю. Впрочем, через пару месяцев вторая пуля догнала бедного Колю и он пал смертью героя. Лежит он где-то под Харьковом.

А вот другие два храбрых кадета Полтавского корпуса. Один ростом повыше, а другой маленький и очень живой. Сердце обливалось кровью при виде того, каких усилий стоило этому малышу поднимать тяжелое кавалерийское седло, чтобы по тревоге быстро поседать свою лошадь! Но малые годы и небольшой рост не препятствие для подвига: посланные с важным донесением, мои полтавские кадетики с боем пробиваются через кольцо красных и доставляют донесение по назначению.

И много еще было их — этих сильных духом мальчишек-героев. Одни из них, исполнив до конца свой долг, лежат там — далеко, под родной, русской землей. Другие же, уцелев и украшенные Георгиевскими крестами, стали впоследствии отличными унтер-офицерами и даже офицерами, пополнив собой ряды выбитого командного состава...

Но я отвлекся от постепенности событий.

Как я уже сказал, бой под Егорлыцкой был последней попыткой командования Добровольческой армии отнять у красных инициативу в боевых операциях. Потерпев неудачу, Добрармия продолжила свой безостановочный отход к Новороссийску для эвакуации в Крым.

В Новороссийске сразу же обнаружился недостаток в плавучих средствах для перевозки такой массы войск. Вследствие этого пришлось не только бросить в порту в море всю артиллерию и броневые машины и оставить весь конский состав, но не хватало места, чтобы погрузить всех людей на пароходы, а потому большая часть казаков двинулась в конном строю вдоль берега моря на Туапсе и далее, к границам Грузии. Но Грузия отказалась пропустить их на свою территорию, и часть казаков вынуждена была капитулировать перед красными.

Более счастливыми оказались регулярные полки Добровольческой армии. Корниловцы, марковцы и дроздовцы успели обеспечить себя необходимым тоннажем и своевременно погрузиться. В то время как происходила их погрузка, кавалерийская бригада генерала Барбовича получила приказание задержаться на подступах к Новороссийску и прикрывать посадку на суда пехоты, и ей пришлось с боем удерживать красных, наступавших от Тоннельной. По получении известия, что

большевики заняли Абрау-Дюрсо (место производства русского шампанского), в непосредственной близости от Новороссийска, бригада генерала Барбовича была брошена туда, чтобы выбить красных, угрожавших посадке частей Добровольческой армии на пароходы. По выполнении этой задачи бригада генерала Барбовича опять заняла оборонительную позицию, прикрывая погрузку.

Лишь когда посадка пехоты на суда была закончена, кавалерийские полки генерала Барбовича (в том числе и ингерманландцы) начали отходить к порту и, бросив на молу своих лошадей, погрузились на небольшой пароход «Аю-Даг» и уже под артиллерийским обстрелом большевиков, занимавших Новороссийск, 22 марта 1920 года вышли из порта и взяли курс на Крым. Часть людей, не поместившихся на пароходе, погрузилась на баржу, которую вел на буксире «Аю-Даг».

Громадный английский сверхдредноут «Король Индии», который должен был своими мощными, дальнобойными орудиями прикрывать эвакуацию Добровольческой армии, не дав ни одного выстрела, поспешно первый покинул порт, бросив на произвол судьбы не попавших на пароходы добровольцев и в том числе и множество больных и раненых.

Жуткую, кошмарную картину представлял собой в этот день порт покидаемого Добрармией Новороссийска: множество брошенных артиллерийских орудий и броневиков валялось на всех улицах, прилегавших к порту... Тысячи брошенных, голодных лошадей, понутив головы, стояли на молах, тщетно ожидая своих хозяев... Раздирающие сцены отчаяния тех несчастных, которые, опоздав на погрузку, скопились на молах и, глядя вслед отходящим пароходам, потрясали кулаками им вслед...

Много последовало после того событий, но забыть весь ужас Новороссийской эвакуации в марте 1920 года — невозможно.

Крым. Таврия. Оставление Белой армией последнего клочка русской земли

В конце марта 1920 года эвакуированные из Новороссийска части бригады генерала Барбовича прибыли в Крым и высадились в порту города Феодосии.

С подорванным от военных неудач духом, потрепанные и безлошадные кавалерийские полки были расположены в татарских деревнях в окрестностях города Феодосии в ожидании своей реорганизации, пополнения, вооружения и посадки на лошадей. Ингерманландцев было

три эскадрона слабого состава, при которых был штандарт Ингерманландского гусарского полка.

Еще до Новороссийска, при отходе Добровольческой армии за Дон, в декабре 1919 года часть ингерманландских гусар, оторвавшись от своего главного ядра, отошла в Крым, защищаемый корпусом генерала Слащева. Старший из офицеров, ротмистр Яновский, сформировал из них (с поступлением новых добровольцев) трехэскадронный дивизион, вошедший в бригаду донского генерала Морозова.

За блестящие боевые действия этого дивизиона, взявшего конной атакой Перекопский вал, занятый большевиками, все офицеры, бывшие в этот день в строю, были генералом Слащевым произведены в следующий чин. Этот дивизион долго был в отделе от главного ядра полка и лишь в апреле 1920 года был к нему присоединен.

По соединении обеих частей ингерманландцев и реорганизации их они были сформированы в трехэскадронный дивизион, вошедший в состав 5-го кавалерийского полка, командиром которого был назначен полковник Тихонравов.

Перед этим соединением, в период вынужденного бездействия, в ожидании посадки на лошадей, произошла моя личная драма: столкновение мое с Ю.В.Я., имевшее своим результатом получение мною вызова на дуэль. Конечно, во время войны, когда жизнь каждого офицера нужна России, дуэль является актом недопустимым, но чувство собственного достоинства и самолюбия заставило меня принять вызов. Несмотря на попытки старшего штаб-офицера — полковника Гурского нас примирить, дуэль все же состоялась, и мы обменялись двумя выстрелами (я стрелял в воздух, а Ю.В.Я. намеренно промахнулся, стреляя в меня). На этом инцидент был официально ликвидирован, но наше фактическое примирение последовало значительно позже, уже в Галлиполи.

Через несколько дней после прибытия в Крым из Новороссийска частей Добровольческой армии произошла смена высшего командования: Главнокомандующий — генерал Деникин отказался от своего поста и на последовавшем совете старших начальников решено было передать эту должность находившемуся «не у дел» в Константинополе генералу Врангелю. Чтобы это назначение не имело характер «выборного начала», генерал Деникин перед своим отъездом из Крыма утвердил генерала Врангеля в должности Главнокомандующего армией.

После этого генерал Деникин на английском военном корабле отбыл в Константинополь, а оттуда, по приглашению английского правительства, — в Англию. С генералом Деникиным покинул Крым и

его начальник штаба — генерал Романовский (павший в Константинополе от руки какого-то фанатика).

Со свойственной ему энергией и талантом влиять на подчиненных, новый Главнокомандующий генерал Врангель, принявший также обязанности правителя Крыма, приступил к реорганизации армии, сумев вновь вдохнуть в дезорганизованных, павших от неудач духом белых воинов веру в конечную победу и волю к продолжению вооруженной борьбы с поработителями нашей Родины. С вступлением генерала Врангеля в командование Добровольческой армией она была переименована в Русскую Армию.

К концу мая 1920 года Русская Армия, успевшая отдохнуть, пополниться и реорганизоваться, была приведена в готовность к новым боевым действиям. Безлошадные кавалерийские полки постепенно были посажены на коней и встали в строй. Кавалерийские части, прибывшие из Новороссийска, <...> были сведены в четырехполковую дивизию, с нумерацией полков от 1-го до 4-го (ингерманландцы вошли в состав 1-го кавалерийского полка). Начальником дивизии был назначен генерал Барбович. Таким образом, в составе этой дивизии четыре ингерманландца заняли командные должности: начальник дивизии — генерал Барбович; командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка — полковник Ряснянский; командир 1-го кавалерийского полка — полковник Тихонравов и командир пешего полка кавалерийской дивизии — полковник Пальшау. Позже была сформирована и 2-я кавалерийская дивизия. Генерал Барбович стал командиром Сводно-кавалерийского корпуса, а 1-ю кавалерийскую дивизию принял полковник Сабуров (черниговский гусар), а позже его сменил генерал Выгран (бугский улан).

Согласно распоряжению генерал-квартирмейстера Главного штаба, 1 июня 1920 года я был откомандирован от полка в штаб Главнокомандующего как офицер, окончивший сокращенный курс Академии Генерального штаба. В Севастополе, где находился Главный штаб, я нес дежурства по Генеральному штабу. Приказом Главнокомандующего все офицеры, проходившие курс Академии Генерального штаба и состоявшие в армии, были «причислены к Генеральному штабу».

Приказом Главнокомандующего от 13 июля 1920 года я был за боевые отличия произведен в чин подполковника (со старшинством с 3 сентября 1919 года), а позже в чин полковника. Конечно, мое самолюбие — надеть в 29 лет штаб-офицерские погоны — было удовлетворено.

10 августа 1920 года я был назначен старшим адъютантом штаба 1-й кавалерийской дивизии (фактически как штаб-офицер — помощ-

ником начальника штаба дивизии). Командовал дивизией полковник Сабуров (а позже его сменил генерал Выгран), начальником же штаба был Генерального штаба полковник Фукс³¹⁷. Как с генералом Выграном, так и с полковником Фуком (оба бывшие питомцы Елисаветградского кавалерийского училища) у меня сразу же установились хорошие, дружественные отношения, и служить с ними было легко и приятно.

Еще в конце мая 1920 года генерал Врангель наметил операцию вторжения из Крыма в Северную Таврию. Главным побуждением генерала Врангеля было расширить территорию, занимаемую армией, так как небольшая площадь Крыма создавала затруднения в смысле прокормления армии и населения Крыма.

25 мая, после сильнейшей артиллерийской подготовки, наша доблестная пехота перешла в энергичное наступление и, прорвав позиции красных у Перекопского вала, отделявшего Крым от Таврии, вторглась на плечах у разбитого противника в пределы Таврии. Наша же конница стремительной атакой разбила сильные латышские части красных у Чаплинки и овладела их позицией у этого населенного пункта.

С 31 мая по 7 июля шло успешное продвижение Русской Армии по Таврии и преследование в беспорядке отходивших красных, что позволило нам овладеть почти всей Северной Таврией до самого Днепра. Это сильно облегчило генералу Врангелю разрешение трудной проблемы питания большой армии и населения Крыма природными, богатыми ресурсами этого края.

В ходе этой операции в бою под селом Константиновка (Северная Таврия) 20 августа 1920 года я был ранен осколком гранаты в правую руку (кисть), но остался в строю до конца боя. На следующий же день, вследствие наступившего осложнения раны (в которой началось нагноение), я был эвакуирован в Севастопольский военный госпиталь. После излечения, 18 сентября 1920 года, я вернулся на свою должность.

До самого сентября 1920 года Русская Армия удерживала за собой почти всю территорию Северной Таврии, несмотря на попытки красных вытеснить ее оттуда. Но в сентябре, с заключением Польшей мира с Советской Россией (с которой она была в состоянии войны), положение сразу изменилось не в нашу пользу, так как большевики смогли перебросить всю свою армию с Польского фронта против армии генерала Врангеля, что поставило ее в крайне тяжелое положение, так как соотношение сил сразу стало 1 к 10 (в пользу большевиков). Особенный перевес большевикам дала переброска на «Врангелевский фронт» огромной конной армии Буденного.

В конце сентября 1920 года красные повели энергичное наступление с нескольких сторон, сдавливая армию генерала Врангеля к «гор-

лышку» Крымской «бутылки». Видя невозможность дальше удерживать за собой Таврию и боясь, что Русская Армия сможет быть отрезана от Крыма, генерал Врангель приказал армии отходить в Крым на заранее укрепленную позицию, надеясь успешно отбиваться в Крыму, имея перед собой узкий перешеек, по обеим сторонам которого были водные Сиваши, что облегчало оборону Крыма даже и от во много раз сильнейшего противника.

Но в этот фатальный 1920 год даже сама природа вооружилась против нас, и в октябре ударили такие морозы, непривычные для Южного Крыма, что даже никогда не замерзавшие Сиваши покрылись толстым слоем льда, позволявшим переходить по нему.

29 октября 1920 года, ночью, отборная пехота красных обошла по льду с двух сторон Перекопский перешеек в районе Юшунь и Карповой Балки и атаковала части армии генерала Врангеля, оборонявшие Перекопский перешеек.

Целый день 30 октября большевики густыми цепями, не считаясь с громадными потерями от нашего огня, вели яростные атаки на жидкие цепи белых, занимавших окопы на перешейке. В ожесточенном бою, доходившем до штыкового удара, окопы переходили несколько раз из рук в руки. Несколько раз наша доблестная конница стремительной атакой выбивала красных из захваченных ими окопов и красные волны откатывались назад...

Но и для героев есть невозможное... потеряв почти 50 процентов убитыми и ранеными, обескровленные остатки белых полков начали отходить. За нашей спиной было море... Гибель Белой армии, прижатой к морю, казалась неминуемой...

В этот момент полной, казалось, безнадежности и обреченности был передан приказ генерала Врангеля: «Оторваться от красных и спешно отходить к морским портам для погрузки на пароходы!»

Обессиленные огромными потерями, красные преследовали отступавшие части Белой армии крайне вяло.

Форсированными маршами 31 октября части армии генерала Врангеля, оторвавшись на целый переход от большевиков, успели достигнуть Севастополя, Феодосии, Керчи и Ялты, согласно указанному в приказе распределению, где их ждали приготовленные пароходы, снабженные запасом угля, достаточным для перехода Черного моря.

Кавалерийский корпус генерала Барбовича (в составе которого находился и я), пройдя форсированным, ночным переходом расстояние до Ялты, прибыл в порт этого города и не только успел в полном порядке погрузить на пароходы весь личный состав корпуса (бросив, конечно, лошадей), но и предоставить возможность сесть на пароход

«Крым» и тем лицам гражданского звания, которые не могли и не хотели оставаться в красном Крыму. В числе таковых мы с моим братом Сергеем помогли погрузиться на пароход «Крым» (на котором поместились ингерманландцы) и нашей близко знакомой семье Лесевицких, живших в Ялте.

К моему успокоению, мне удалось получить известие, что моя мама заблаговременно успела покинуть Россию, погрузившись несколько месяцев тому назад на какой-то пароход в Новороссийске (позже я узнал, что она эвакуировалась в Египет). Об отце же, который оставался в Петрограде, я по-прежнему не имел никаких сведений и очень беспокоился за него. (Уже находясь в эмиграции во Франции, до меня дошли сведения, что еще в 1919 году он умер в Петрограде от голода и холода и, конечно, ограбленный.)

В отличие от Новороссийской эвакуации, при которой, из-за отсутствия подготовленного плана и организованности, не было заготовлено достаточного тоннажа и целые части не могли быть погружены на пароходы и частично погибли, частично капитулировали, — Крымская эвакуация явила пример блестящей подготовки и выполнения и не только позволила погрузить в порядке весь личный состав Белой армии с ее госпиталями, ранеными и больными, и даже частью интендантских складов, но и дала возможность значительному числу лиц гражданского звания и их семьям сесть на пароходы и покинуть охваченный красным пламенем Крым. В этом сказался талант и заботливость генерала Врангеля, предвидевшего возможность необходимости эвакуации.

С тяжелым чувством покидали мы политую кровью Русскую землю и шли в полную неизвестность, о чем говорил и предупреждал последний приказ генерала Врангеля на Русской земле: «Дальнейшие пути наши полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет...»

1 ноября 1920 года целая флотилия перегруженных людьми пароходов всех видов и размеров собралась в Севастопольском рейде. Это было все, что оставалось от Белой армии после трех лет ее героической борьбы за честь России! Но даже сломленная физически, она не была побеждена морально и отошла с оружием в руках, увозя с собой свои овеянные славой боевые знамена и штандарты. Это была еще грозная для врагов армада!!

Вот на легкой яхте «Лукулл» показался на рейде генерал Врангель, объезжавший корабли со своими боевыми соратниками... Восторженное, громовое «Ура» своему обожаемому вождю потрясло воздух рейда, и, вытянувшись в длинную кильватерную колонну, флотилия с Белой армией взяла курс на Константинополь.

На палубе парохода «Крым», на котором я находился, трубачи одного из кавалерийских полков заиграли гимн «Боже, Царя храни», как бы прощаясь им с Россией, как залог верности ей... Головы всех благоговейно обнажались и мысли обратились к ней — горячо любимой Родине... Со слезами на глазах смотрел я на удалявшийся город Ялту и душа была переполнена тоской по покидаемой России.. Мой брат Сергей стоял рядом со мной и не отрывал глаз от исчезающих берегов родимой Русской земли.

Все дальше и дальше отходят очертания Крыма, где еще вчера гордо развевался русский трехцветный флаг... Вот они еще чуть видны... Еще несколько минут, и последняя скала окончательно скрылась из виду, и кругом, сколько глаз хватает, видны лишь одни мутные волны Черного моря...

Прощай навсегда, родная, забываемая Россия!

Высадка частей Белой армии в Галлиполи. Приезд генерала Врангеля

В пасмурный, холодный день 22 ноября 1920 года пароходы с частями Белой армии (сведенными в 1-й армейский корпус генерала Кутепова) стали около унылых берегов Галлиполийского полуострова и бросили якорь против города Галлиполи. От одного из пароходов отвалила лодка, и из нее на берег вышел моложавый, коренастый генерал с небольшой черной бородой — это был герой Белой борьбы, генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов — командир 1-го армейского корпуса Русской Армии. Он был встречен комендантом французского гарнизона, расположенного в Галлиполи — полковником Томассеном. (В Галлиполи стоял батальон черных сенегальских стрелков.) Французский комендант был предупрежден о прибытии в Галлиполи контингентов Белой русской армии и предоставил в распоряжение генерала Кутепова верховую лошадь, на которой генерал Кутепов сейчас же отправился, в сопровождении французского офицера, осмотреть место, отведенное для русского лагеря. В 6—7 километрах от города, среди пустынных холмов, покрытых колючим кустарником, полным ядовитых змей, тарантулов и скорпионов, открывалась широкая долина, перерезанная посередине небольшой речкой, впадавшей в Дарданелльский пролив. Ни каких-либо жилых помещений, ни дерева, на котором мог бы остановиться глаз, не было на этой унылой местности, недаром носившей название «Долина Смерти» (вероятно, по причине большого количества находившихся там ядовитых гадов).

Это и было место, отведенное французами для поселения остатков Белой армии. По приказанию генерала Кутепова, на следующий же день вверенные ему части выгрузились и прибыли на место будущего лагеря. Распоряжением французского коменданта им были выданы брезентовые бараки двух типов (большие — на несколько десятков человек и малые — на двух-трех человек). Это было все, что было получено от «щедрых» бывших союзников, удержавших в возмещение своих расходов на содержание Русской Армии, почти все русские пароходы, привезшие русских воинов и кое-какой интендантский груз, бывший на них.

С большим трудом, при отсутствии самых необходимых инструментов, поставили новые поселенцы на места эти громоздкие бараки и приступили к устройству своего спартанского лагеря. Вспоминается мне первый период нашей суровой «Робинзонады», когда единственными нашими постелями были собранные в ближайшей роще опавшие сухие листья, одеялами же нам служили старые, истрепанные в боях шинели (лишь у немногих счастливых были кавказские бурки). Скучный французский паек, выдаваемый для нашего пропитания, составлял нашу неприхотливую пищу, которая готовилась или на кострах, или в примитивных очагах, сложенных из больших камней. Но с течением времени изобретательность и природная сметка русского человека внесла некоторые «усовершенствования» в наш быт, и кровати начали строить из сплетенных в решетку веток деревьев, положенных на шесть кольев, воткнутых в землю. Что касается кухонного «инвентаря», то он «эволюционировал» при помощи приспособляемых для этого консервных банок.

Конечно, бараки наши из старого брезента не давали защиты от холода и сырости, столь ощутимых в это время года (ноябрь—декабрь), а потому от невзгод климата в лагере появились простудные болезни...

Но, как говорится, ко всему можно в конце концов привыкнуть и приноровиться, и вот прошло каких-нибудь два-три месяца, и вместо голого, унылого, пустынного поля по обе стороны маленькой речки раскинулись в порядке вытянутые бараки, в которых заботами и «соревнованием» между собой полков появились всевозможные усовершенствования и даже украшения, ласкавшие глаз, сделанные искусными руками домашних мастеров. Змеи, тарантулы и скорпионы были постепенно изгнаны, а кустарники с малярийными комарами выжжены. Что же касается появившихся в большом количестве черепах, то они нашли себе место в котелках, служа дополнением к голодному французскому пайку.

Как я уже сказал, по лагерной долине протекала маленькая (можно было перепрыгнуть) речка. Она разделяла лагерь на две части: пехотную (корниловцы, марковцы, дроздовцы) и кавалерийскую. Нельзя было узнать и жителей этих лагерей — вместо оборванной, измученной и утратившей всякий воинский вид толпы, высадившейся в Галлиполи, вновь предстали подтянутые, дисциплинированные воинские части, верившие своим начальникам и преданные им. Все слабое духом, павшее морально и утратившее свое воинское достоинство, отселялось и ушло в беженские лагеря, а оттуда — «на родину» или на бразильские плантации.

Скоро начались в полках и строевые занятия, чтобы не угасал воинский дух, а сохраненные и не сданные французам винтовки заставляли чувствовать, что мы не толпа беженцев, а воины, в любой момент готовые продолжать вооруженную борьбу. Во всем была видна рука «железного генерала» — Кутепова, сумевшего вдохнуть в своих подчиненных необходимость добровольной, сознательной дисциплины. И не только иностранцы, но и русская левая, либеральная «общественность», отсиживавшаяся в Париже или Праге, никак не могла понять, что толкало этих, казалось бы, все потерявших людей так упорно сохранять свою воинскую организацию и добровольно поддерживать дисциплину в суровых условиях галлиполийского сидения и давать отпор всем проишкам и усилиям социалистического французского правительства, добивавшегося покончить с этой опасной «игрой в солдатики», чтобы угодить новым «друзьям» — советчикам?!

А моральной силой, толкавшей белых воинов и вдохновлявшей их, было ясное понимание своей миссии — сохранить свои заветы и принести, если Бог позволит, в Россию свои старые, овеянные славой знамена, ибо они твердо верили, что «коммунизм умрет, Россия же — вечна». Это был наш лозунг тех дней, и во имя него можно было принести любую жертву.

С Галлиполи тесно связано имя последнего Главнокомандующего Русской Армией — генерала Врангеля. Хоть и оторванный от 1-го армейского корпуса (Галлиполи), генерал Врангель, находясь в Константинополе, всей душой, всем сердцем был со своими соратниками, а его редкие приезды в Галлиполи, когда ему удавалось вырваться из Константинополя, были для войск генерала Кутепова большим праздником.

Через туман далекого прошлого в моей памяти ярко встает картина одного такого приезда генерала Врангеля в Галлиполи. Такие приезды обыкновенно ознаменовывались смотрами и парадами войск корпуса генерала Кутепова.

Накануне смотра, по приезде генерала Врангеля, который на этот раз приехал в сопровождении старых английского и французского генералов, полки начали старательно готовиться к смотру. Каждый из нас сознавал все значение этого смотра, который должен был наглядно показать прибывшим иностранным генералам, что Русская Армия за рубежом — это не дезорганизованная толпа беженцев, потерявших всякий воинский вид (как они себе представляли), а стройная войсковая часть, повинующаяся своим начальникам, готовая в любой момент возобновить боевые действия против красных поработителей их Родины.

Приведя за ночь в порядок свое сильно потрепанное обмундирование, «освежив» краской отличительные части его (околыши фуражек, погоны и т. п.), полки рано утром вышли на большой плац между пехотным и кавалерийским лагерями и построились для встречи Главнокомандующего. День был хмурый и сырой...

Вдруг послышался шум идущих из города нескольких автомобилей. Не доезжая правого фланга выстроенных частей, автомобили остановились, и из переднего вышел генерал Врангель в сопровождении своего начальника штаба — генерала Шатилова. Их сопровождали английский и французский генералы со своими адъютантами, несколько греческих офицеров и десятков иностранных журналистов.

Корпус замер, пожирая глазами своего Главнокомандующего... Оркестр правофлангового полка грянул встречный марш и отчетливо послышался рапорт генерала Кутепова...

Стройная, высокая фигура генерала Врангеля с тонкой талией, затянутой в серую черкеску, его гордая посадка головы, орлиный взгляд — все обличало в нем «вождя Божьей милостью»... Под лучами проглянувшего в этот момент солнца генерал Врангель вышел перед серединой строя и поздоровался с полками: «Здорово, орлы!»

Не успел замолкнуть ответ, как воздух огласило громовое «Ура» доблестных полков, которое долго не умолкало. Приехавшие иностранные гости с удивлением смотрели на эту восторженную встречу, которой они не ожидали...

Обойдя все части корпуса, генерал Врангель опять встал перед серединой корпуса и обратился к своим соратникам с приветственным словом. Генерал Врангель ничего им не обещал — будущее по-прежнему оставалось туманным, но самое его появление среди нас наэлектризовывало и наполняло чувством обожания и веры в своего вождя. Вновь громовое «Ура» было ответом на слова генерала Врангеля.

Перейдя с прибывшими гостями на край поля, генерал Врангель приготовился пропустить полки церемониальным маршем.

Раздались громкие команды, грянул оркестр бравурный марш, и, твердо выбивая шаг, с выравненными как по линейке штыками винтовок проходят перед генералом Врангелем легендарные корниловцы с черно-красными погонами и белыми черепами на рукавах черных рубах; за ними черно-белые марковцы, бело-малиновые дроздовцы, синие алексеевцы, юнкера военных училищ...

Их сменяют идущие легким, эластичным шагом лихие кавалеристы: николаевские юнкера в алых бескозырках; желтые кирасиры Его Величества, голубые ингерманландские гусары, алые изюмцы, желто-коричневые ахтырцы и другие, с обнаженными шашками у плеча...

Это не были уже рожденные в условиях Гражданской войны добровольческие части — это были не уступавшие по выправке старым частям Императорской армии полки Русской Армии...

С нескрываемым изумлением и восхищением смотрели старые английский и французский генералы на это не поддающееся описанию зрелище и сами невольно вытянулись, отдавая честь проносимым старым, овеванным славой русским знаменам...

Вспоминается мне еще одного глубокого значения парад, состоявшийся по случаю открытия в Галлиполи памятника умершим за время галлиполийского сидения белым воинам.

Для постройки этого символического памятника каждый из нас — от генерала до рядового — принес из лагеря по большому камню, из которых и был сложен этот памятник. Он имел форму большой пирамиды с железным крестом наверху.

Мое назначение преподавателем военных наук в Кавалерийское училище. Отъезд частей корпуса из Галлиполи

Приказом по корпусу 1 июня 1921 года я был откомандирован от штаба Кавалерийской дивизии и назначен в Кавалерийское училище³¹⁸ для преподавания военных наук.

Кавалерийское училище было сформировано в Крыму, в Симферополе, полковником Генерального штаба Шукевичем³¹⁹ (бывшим питомцем Елисаветградского училища) из вольноопределяющихся кавалерийских полков, если не ошибаюсь, получивших среднее образование.

Юнкера училища были разбиты на два эскадрона. Ко времени эвакуации училища из Крыма начальником его был Генерального штаба генерал Прохоров³²⁰ (бывший ингерманландский гусар). По прибытии училища 22 ноября 1920 года в Галлиполи, оно было размещено в

городе, в старой, полуразвалившейся турецкой мечети, где юнкера едва не пострадали от обвалившегося потолка, после чего были переведены в другое здание, немного более сохранившееся.

Учебную часть возглавлял Генерального штаба генерал Линицкий³²¹ (инспектор классов). Ко времени моего назначения в училище в нем был некомплект преподавателей-офицеров Генерального штаба, так как среди старых офицеров Генерального штаба, находящихся в частях корпуса, не было желающих посвятить себя неблагодарному труду преподавания наук, при полном отсутствии не только учебников и учебных пособий, но и просто самой обыкновенной писчей бумаги и карандашей, да еще в условиях существования на полуголодном французском пайке. Поэтому незанятые места преподавателей были пополнены молодыми офицерами, причисленными к Генеральному штабу, то есть так же, как я, окончившими во время войны ускоренный курс Академии Генерального штаба.

Кроме меня, на преподавательские должности в Кавалерийское училище были назначены: полковники Козубский и Петельциц³²² и ротмистр Шульгин³²³ (все кавалерийские офицеры). Мне было предложено преподавание юнкерам военной топографии.

С энергией, свойственной молодости, мы взялись за создание учебной части, и скажу без излишней скромности, что вся тяжесть по составлению (за неимением учебников) записок по разным предметам, всевозможных таблиц и чертежей и т. п. легла исключительно на наши плечи. Полковник Козубский, помимо своих функций преподавателя тактики, исполнял также и обязанности помощника инспектора классов.

Как я уже упомянул, в нашем распоряжении не было никаких учебников, а потому каждому из нас пришлось основательно напрячь свою память, знания и способности, чтобы составить по своему предмету хотя бы краткие записки, снабдив их соответствующими чертежами и схемами. (Впоследствии, уже в Югославии, учебная часть напечатала наши записки и размножила их с помощью шапирографа)

Не скрою, мне нелегко дался этот труд — восстановить в своей памяти и изложить на бумаге, в доступной для юнкеров форме, курс военной топографии, прослушанный мною еще в бытность мою самого юнкером. Между прочим, в дальнейшем, в Югославии, нас хорошо «отблагодарили» за наш жертвенный труд: как я уже сказал, при тяжелых условиях преподавательской деятельности (без всякого вознаграждения) в Галлиполи, желающих посвятить себя ей среди старых офицеров Генерального штаба не нашлось. Когда же в Югославии у генерала Врангеля от продажи части пароходов образовались

некоторые материальные средства, чтобы платить небольшое жалование преподавательскому составу, то сразу нашлись охотники на эти должности из старых офицеров Генерального штаба, в результате чего мы, причисленные к Генеральному штабу, были смещены со своих преподавательских должностей под предлогом, что мы, не прослушав полного курса Академии Генерального штаба, «не имеем права преподавать». Циничнее всего было то, что наши «заместители» продолжали вести преподавание по нами составленным запискам.

Строевая часть в училище тоже была поставлена очень основательно, благодаря отличному составу сменных офицеров — хороших строевиков. Большинство сменных офицеров были бывшими питомцами Елисаветградского кавалерийского училища.

Приказом Главного командующего — генерала Врангеля — 3 августа 1921 года Кавалерийскому училищу было присвоено имя старейшей нашей кавалерийской школы — «Николаевского кавалерийского училища». Конечно, о блестящей форме гвардейской школы, с ее красивым мундиром, кивером и «шассерами» с генеральским лампасом, не приходилось и мечтать! Единственно, что напоминало форму Николаевского кавалерийского училища, — это были перекрашенные в «алый» цвет бескозырки да домашними средствами сфабрикованные черно-красные «владимирские» пояса и желтые «этишкетные шнуры».

Бедные наши юнкера, воодушевленные славным именем гвардейской школы, из кожи лезли вон, чтобы походить на былых лихих юнкеров-николаевцев, и надо признать, что своей старательной выправкой и отчетливостью они искупали дефекты своего потрепанного обмундирования. Что же касается их внутреннего быта и соблюдения старых юнкерских традиций, то и тут, в меру своих возможностей, они были достойными наследниками своих славных «предков». Конечно, «тон» давали несколько старых юнкеров, поступивших в сформированное в Крыму училище. Было трогательно (и в то же время грустно) видеть, как эти юноши, почти дети, героически переносили условия своей более чем примитивной галиполийской жизни, при вечном недоедании, и находили в себе силы не терять бодрости духа, учиться и щеголять своей подтянутостью и выправкой. А ведь «французский паек», на котором мы все сидели, был только-только чтобы не умереть с голоду.

Если память мне не изменяет, наш дневной рацион состоял из одной маленькой баночки мясных консервов на пять человек, одного маленького хлеба — тоже на пять человек, одной столовой ложки фасоли и одной чайной ложечки сахару. Нужна была особенная изобретательность «кашевара», чтобы из этих скудных пайков изготовить

какое-то подобие «обеда». Правда, были при этом «мертвые души», на которых незаконно получалось несколько пайков. Они шли, главным образом, на больных и нуждающихся в добавочном питании из-за слабости (после болезни).

Первое время нашего пребывания в Галлиполи у генерала Врангеля была еще какая-то возможность выдавать каждому чину корпусу (без различия чинов) по одной турецкой лире в месяц. Это позволяло хоть раз в месяц поесть немного сытнее, купив себе экмек (турецкий хлеб), халвы или еще что-нибудь поскромнее. Последнее время галлиполийского сидения мы были лишены и этой лиры, так как средства генерала Врангеля иссякли.

Стоявшее в то время у власти во Франции социалистическое правительство, приняв попечение о нас «в наследство» от предыдущего правительства, более благожелательно к нам относившегося, по-видимому, тяготилось этим «наследием», якобы ложившимся тяжелым бременем на французскую казну (забывая, что они сделали выгодный «бизнес», получив в уплату за содержание армии генерала Врангеля почти все прибывшие из Крыма пароходы и кое-какой бывший на них интендантский груз высокой стоимости, как, например, кожаный товар на сапоги и т. п.). Поэтому французское правительство всячески старалось избавиться от этой «обузы» и принимало все меры, чтобы «распылить» контингенты армии (отчасти, конечно, и в угоду советской власти).

Меры эти сводились, главным образом, к широкой пропаганде «возвращения на родину» (якобы гарантируя «прощение») или же к отправке на работу на плантациях Бразилии и в другие места. Как средство принуждения к этому «распылению», были угрозы прекращения выдачи продовольственного пайка, якобы «обременяющего» французское интендантство.

Но все попытки воздействовать на психику изголодавшихся людей не дали сколько-нибудь значительных результатов, и попала на их удочку лишь незначительная горсточка малодушных.

На одну такую недвусмысленную угрозу коменданта Галлиполи — прекратить выдачу продовольствия — генерал Кутепов очень спокойно ответил, что это, конечно, дело французов — выдавать или не выдавать продовольствие, но он считает своим долгом предупредить французские власти, на что могут быть способны двадцать тысяч голодных людей, представляющих большую угрозу для французских складов и французского гарнизона (который, кстати, как огня боялся сохранившихся винтовки русских воинов!).

После этого разговора всякие дальнейшие намеки на прекращение выдачи питания прекратились. И действительно, слова генерала Кутепова

не были пустой угрозой: двадцать тысяч прошедших огонь и воду галлиполийских русских воинов, которым «море было по колено» и которые по первому приказу своих начальников пошли бы куда угодно, — была угроза немалая для бедного коменданта — полковника Томассена!

Вспоминаю те решительные меры, которые были разработаны генералом Кутеповым и его штабом, когда до нас дошло известие, что генерал Врангель, находившийся в Константинополе, лишен «союзниками» свободы.

Намечен был план внезапного ночного марша через перешеек и стремительного удара на Константинополь. При полной своей неожиданности такой удар мог бы иметь успех (хотя бы временный). К счастью, слух об аресте генерала Врангеля не подтвердился и поход был отставлен.

Вот в какой нервной обстановке протекала наша жизнь в Галлиполи в 1920—1921 годах и складывались наши взаимоотношения с французскими властями. В сущности, реальной властью в Галлиполи был не французский комендант с его жалким батальоном черных сенегальцев (как их почему-то называли «Сережами»), а генерал Кутепов — «Кутеп-паша», как его почтительно называли галлиполийские турки, с двадцатью тысячами его отборных соратников. Нужно сказать, что и порядок в городе поддерживался, главным образом, комендантом корпуса генерала Кутепова — генералом Штейфоном, и за все время пребывания русских в Галлиполи местное население не имело повода пожаловаться.

После долгих месяцев беспокойства за судьбу своих родителей наконец в Галлиполи пришло, через Красный Крест, письмо моей мамы, из которого я узнал, что она из Новороссийска попала в Египет, где благодаря своему прекрасному знанию иностранных языков (французского и английского) сперва давала уроки языков, потом устроилась воспитательницей в семье тогдашнего премьер-министра Египта — Сидки-паша, у которого было две дочери; позже, по рекомендации Сидки-паши, моя мама устроилась на место «*dame de compagnie*» к пожилой принцессе Махмуд-Шамди — вдове брата египетского короля Фуада. Принцесса очень полюбила мою маму и очень хорошо к ней относилась. В свою очередь и я сообщил маме о нашем с братом благополучном прибытии в Галлиполи (брат мой Сергей со своей женой раньше меня уехал из Галлиполи сперва в Константинополь, а потом в Париж). Об отце же ни мама, ни мы с братом ничего не знали, и лишь позже, в эмиграции, я узнал о его смерти в 1919 году.

В память пребывания Русской Армии в Галлиполи (а также на острове Лемнос и в Бизерте) 15 ноября 1921 года был установлен нагрудный знак (черный крест с белым ободком) с надписью: «Галли-

поли 1920—1921 гг.» (для Лемноса и Бизерты — соответствующая надпись). Грамота на право ношения этого знака гласила: «В ознаменование безграничной любви к Родине и верности Русской Армии и величия духа...»

Как я уже упомянул, в последнее время нашего пребывания в Галлиполи скудный французский паек (еще уменьшенный) сильно изнурил чинов корпуса, а особенно нашу молодежь — юнкеров, которым, конечно, не могло хватать питания при таком голодном рационе. Люди от недоедания стали болеть, и не одна могила прибавилась на русском кладбище!

Все чаще вставала в нашем сознании мысль, что мы так долго не протянем и что нужно искать какой-то выход из этого положения... И этот выход был найден генералом Врангелем.

Еще в начале нашего поселения в Галлиполи, на Лемносе, в Чаталдже и в Бизерте, в заботах о своих соратниках, генерал Врангель неустанно энергично хлопотал о расселении контингентов армии, казаков и флота по братским, славянским странам.

После долгих его усилий хлопоты эти увенчались успехом, и Сербия и Болгария дали свое согласие на принятие нескольких десятков тысяч белых воинов в свои пределы, а Чехословакия согласилась дать возможность нескольким сотням русских юношей закончить свое образование в чешских университетах.

С середины 1921 года начался разъезд из Галлиполи частей 1-го армейского корпуса: пехоты — в Болгарию, а кавалеристов — в Сербию (в дальнейшем королевство Югославия), управлявшуюся испытанным другом России — королем-рыцарем Александром Карагеоргиевичем.

Кавалерийское училище, в котором я служил, получило свою очередь отправки в Сербию значительно позже, одним из последних. Но наконец настал и день нашего отъезда из Галлиполи — 9 декабря 1921 года училище погрузилось на пароход «Керосунд» и покинуло хоть и «голодное», но ставшее родным Галлиполи.

Провожать «руссов» собралось на пристани чуть ли не все греко-турецкое население города Галлиполи, во главе с греческим епископом, турецким муллою и мэром города, которые трогательно простились со своими «гостями», которых за год с лишним пребывания у себя успели полюбить, а к генералу Кутепову — «Кутеп-паше» — преисполнить-ся глубочайшим уважением и почитанием

Прибыл проводить русских и французский комендант Томассен со своими офицерами, которым генерал Кутепов, не желая «помянуть старое», выразил несколько слов благодарности.

Еще одна страница моей жизни — Галлиполи — перевернулась.

Генерал Кутепов, уезжая, стоя на корме парохода и глядя на уходящий город, так выразился, обращаясь к стоявшим с ним офицерам: «Закрылась история Галлиполи. И могу сказать, закрылась с честью».

Белая армия должна была прекратить свою вооруженную борьбу и ушла в изгнание. Но и сложив временно оружие, она не отказалась от непримиримой, бескомпромиссной войны с красными поработителями нашей Родины. Она лишь от борьбы оружием перешла к борьбе идеологической Галлиполи — это первый этап этой борьбы. Это школа, в которой выковался несломливый дух Белого воина, которого не смогли поколебать ни перенесенные тяжелые испытания и лишения, ни соблазны, ни угрозы.

Будем же верить, что не даром были принесены наши жертвы, что не погасла искра огня, зажженная Белым движением, и солнце истинной Правды и Свободы рано или поздно засияет на нашей, сбросившей свои позорные красные цепи Родине — коммунизм умрет — Россия же вечна!

Г. Куторга³²⁴

ЧЕРНИГОВСКИЕ ГУСАРЫ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ³²⁵

В начале декабря 1917 года в Ростов, в распоряжение генерала Алексева прибыли поручики Ростовцев³²⁶, Романовский³²⁷, Зборомирский³²⁸ и Языков³²⁹, корнет Чиж³³⁰, Эйхгольц³³¹ и Лозовский³³², принявшие участие в Первом Кубанском походе Добровольческой армии. Весной 1918 года в Добровольческую армию прибыл полковник Сабуров³³³. Все офицеры Черниговского полка вошли в состав 1-го конного генерала Алексева полка рядовыми всадниками.

После освобождения Малороссии от большевиков и оккупации ее немцами в Киев стали пробираться офицеры из Великороссии. Таким образом, летом 1918 года в Киеве собралось еще несколько офицеров Черниговского полка. В это время от гетмана поступило предложение сформировать полк в составе гетманских войск в память о Черниговском охочеконном полку. Предложение это было офицерами отклонено ввиду уже ясно наметившегося течения самостийной «Вильной Украины». Большинство офицеров состояло на службе в сформированном в Киеве Русском Корпусе под командой графа Келлера, а потом — князя Долгорукова³³⁴. О Добровольческой армии сведения в Киеве были очень неопределенные, но осенью 1918 года было получено предложение от

полковника Сабурова, занимавшего в это время должность старшего офицера 1-го конного полка, всем офицерам прибыть в 1-й конный полк Черниговские офицеры стали собираться при 5-м эскадроне названного полка, и, по мере их прибытия, приказом инспектора формирований кавалерии № 57 разрешено было сформировать при 1-м конном полку Черниговский гусарский дивизион 22 марта 1919 года был сформирован 1-й эскадрон (приказ по 1-му конному полку № 278), 20 апреля 1919 года был сформирован 2-й эскадрон и приступлено к формированию 3-го эскадрона.

Весь период формирования дивизион находился на позиции, выполняющая боевые задачи. С 23 марта 1919 года дивизион принимал участие в боях в Каменноугольном районе: у деревни Новая Орловка, под станцией Рассыпная, у Уразова, Покровского, Мандрова и в боях под Корочей, у деревень Погореловка, Поповка, Сафоновка, Голенький, Шутов, Кашеево, Емельянец, Скоредное и при обороне левого фланга Короченской позиции у хутора Долгий.

В это время представлялись две возможности формировать полк: при 1-м конном полку, что требовало больших усилий ввиду бедности Добровольческой армии и недостатка во всем, как в людском, так и в конском составе, и при Донской армии, что было бы значительно легче, так как Донская армия, нуждаясь в офицерах, давала уже готовый полк. Но черниговскими офицерами было решено держаться Добровольческой армии, бывшей в это время символом России

Для пополнения дивизиона была произведена мобилизация людей и лошадей в немецких колониях Большая и Малая Орловка (район станции Рассыпная). Люди шли очень охотно и показали себя впоследствии хорошими и надежными солдатами, особенно в пешем строю. Кавалеристами же были они среднего качества — мало было «сердца». Таким образом, первые два эскадрона состояли на $\frac{3}{4}$ из немцев-колонистов

8 мая 1919 года дивизион имел первое самостоятельное столкновение супротивником у деревни Малая Орловка 13 мая был серьезный бой у деревни Рассыпной, в котором был убит корнет Граве, похороненный в селе Матвеев Курган. В июне дивизион получил английское обмундирование, ручные пулеметы Люиса и новые винтовки До 1 августа дивизион оставался при 1-м конном полку, входя в состав конного отряда полковника Сабурова из 1-го конного полка Черниговского и Изюмского дивизионов и батареи из двух орудий. За этот период дивизион имел большие бои у станции Рассыпная, города Славяносербска, села Мандрова и города Корочи. С 1 августа Черниговский и Изюмский дивизионы были сведены в Сводно-гусарский полк

(командир — полковник Гаевский³³⁵), вошедший в состав 1-й кавалерийской дивизии генерала Чекотовского. В августе в полк прибыл ротмистр Романовский с эскадронам черкес, переведенных на пополнение дивизиона из 1-го Черкесского полка.

Сводно-гусарский полк имел большие бои у городов Севск и Купянск. Крайним северным пунктом продвижения дивизиона было 40 верст к югу от города Брянска. В день полкового праздника было получено сообщение о занятии города Орла. В октябре к полку присоединился (после ранения у Корочи) ротмистр Скуридин³³⁶, приведший с собой из Орловской губернии 100 человек добровольцев. Таким образом, в октябре 1919 года дивизион состоял из четырех эскадронов и пулеметной команды и был поднят вопрос о выделении дивизиона в отдельный полк.

При отходе за Дон дивизион был сведен в один эскадрон и вошел в состав 1-го конного полка бригады генерала Барбовича, приняв участие в боях у Ростова и Батайска.

Крымский период

В составе 1-го конного полка дивизии генерала Барбовича эскадрон был эвакуирован в Феодосию. При посадке на суда дивизия была принуждена оставить конский состав в Новороссийске. Выступив на фронт в пешем строю, эскадрон принимал участие в прорыве укрепленной позиции противника у Перекопа. В апреле 1920 года черниговцы были переведены в 3-й кавалерийский полк³³⁷ и сведены в один эскадрон с изюмскими гусарами³³⁸, все еще в пешем строю. В районе села Маячки, у Днепра, будучи в сторожевом охранении, эскадрон опрокинул в Днепр переправившиеся пехотные части красных. В этом бою был ранен пулей в живот штабс-ротмистр Ковалевский³³⁹. В конце мая был получен конский состав.

В составе 3-го кавалерийского полка отдельным эскадроном черниговцы принимали участие в боях у городов Жеребец, Орехов, Малый Токмак, во взятии города Александровска, а также и в рейде за Днепр. Командовал эскадроном полковник Нестеренко³⁴⁰, заместивший раненного в бою у села Аул-Белицкий полковника Субботина³⁴¹. Следует отметить блестящее дело у села Малый Токмак, где дивизия генерала Барбовича разбила две дивизии красных и взяла 15 орудий из 16, и также конную атаку против броневоего поезда у села Большой Токмак. Эскадрон принимал участие и в последних боях у Перекопа.

При эвакуации часть офицеров и гусар была погружена на пароход «Крым» и благополучно прибыла в Галлиполи. Другая часть находилась на миноносце «Живой»³⁴², шедшем на буксире другого корабля. Во время бури миноносец «Живой» оторвался и погиб, и на нем погибло 16 офицеров-черниговцев.

После трехнедельного пребывания на «Крыме», из которых две — на рейде Константинополя, почти без воды и без еды, остатки дивизии генерала Барбовича, в составе 1-го армейского корпуса генерала Кутепова, были выгружены в Галлиполи. Строевые части были расположены в палаточном лагере в 7 верстах от городка, штаб корпуса, учреждения и госпиталя — в городе. По прибытии в Галлиполи части были в самом плачевном состоянии, но вскоре дух взял верх, и под влиянием железной воли генерала Кутепова корпус вновь принял воинский вид. Черниговский эскадрон вошел в состав 2-го кавалерийского полка. Материальная сторона жизни была очень тяжела (палатки зимою), и было голодно. Продовольствием снабжало корпус французское интендантство.

Осенью 1921 года вместе с дивизией генерала Барбовича эскадрон прибыл в Сербию, где часть офицеров была назначена на службу в сербскую пограничную стражу, часть — в резерв (женатые). Печальный инцидент с ротмистром Добровольским³⁴³, убитым в ссоре сербским офицером, заставил наших офицеров покинуть сербскую службу. Полковник Нестеренко, не бывший в непосредственном подчинении сербским офицерам, остался с гусарами.

Югославия

В конце 1921 года, в Белграде, собрание офицеров образовало Общество объединения чинов 17-го гусарского Черниговского полка под председательством генерала от кавалерии Кауфмана-Туркестанского³⁴⁴ и при исполняющем должность председателя полковнике Иосифе Ивановиче Хакольском³⁴⁵. В русской церкви в Белграде хранился и наш штандарт. Объединение ставило своей целью объединять чинов полка, хранение традиций полка, хранение штандарта и сбор всех реликвий и документов, относящихся к полку.

В 1922 году на общем собрании офицеров полка и с письменным согласием полковника Нестеренко были приняты в число офицеров 12 молодых корнетов выпуска Николаевского кавалерийского училища в Белой Церкви. В это время эскадрон был снят с пограничной стражи и переведен на работы по постройке шоссе Кральево — Раш-

ка, где молодые офицеры слились с эскадронам. Затем эскадрон был переброшен на работы в рудник «Любия», в Словении. В течение этого периода началось распыление эскадрона, так как каждый искал и старался устроиться лучше и, как тогда говорилось, уходил «на беженское положение». Несколько человек присоединилось к полковнику Берестовскому, составлявшему отряд для отъезда в Албанию. В конце концов эскадрон был расформирован, и все разъехались по разным городам и странам, но связи с Обществом не теряли.

Приказом генерала Миллера № 42 от 1930 года Объединение чинов Черниговского гусарского полка было зачислено в состав Русского Общевоинского Союза с утверждением в должности председателя полковника И.И. Хакольского. В это время в Обществе состояло 65 членов и 8 прикомандированных (нежинских гусар). Обществом были заказаны полковые знаки уменьшенного размера для ношения в петлице пиджака.

12 июля 1930 года в Белграде состоялась перебивка 15 полотнищ штандартов на установленном образце древки, в том числе и нашего. В декабре 1931 года Обществом, согласно разрешению генерала Миллера, получены для хранения исторические грамоты: 1) грамота на Георгиевские штандарты, 2) грамота на серебряные трубы, 3) грамота на знаки отличия на головные уборы, 4) копия нагрудного знака, утвержденного военным министром, 5) положение об офицерском капитале, 6) положение о солдатском капитале (все грамоты за собственноручной подписью Императора и Великого Князя Михаила) и 7) списки убитых, умерших и без вести пропавших в Великую войну. В 1936 году Обществом была получена одна из 13 серебряных труб, возвращенная югославским офицером полковником Шкриньяром, который, будучи молодым офицером австрийской конницы в 1-ю Великую войну, захватил в плен нашего трубача и отобрал у него трубу. Начиная с июля 1931 года всем членам Объединения периодически рассылались «Извещения» и этим поддерживалась связь со всеми членами. Таких «Извещений» было разослано до июля 1939 года 28 номеров.

Начавшаяся война прервала жизнь нашего Общества. Связь с большинством его членов была потеряна. В одну из бомбардировок Белграда англичанами на первый день Пасхи была разрушена квартира председателя Общества полковника И.И. Хакольского и он сам был убит. Многие из архива погибли там. Судьба предметов, находившихся в Кавалерийском музее, мне тоже достоверно неизвестна. Знаю только, что из ящиков, в которые были упакованы штандарты и знамена для отправки, кажется, в Вену, полковником Нестеренко был

изъят наш штандарт и вместе с ним прибыл в Аргентину. Трагическая смерть всей семьи Нестеренко в руднике чуть не лишила нас этой святыни, и только благодаря энергичному вмешательству госпожи Бенкевич штандарт был переправлен в Лос-Анджелес, в Америку, а теперь находится в Сан-Франциско.

После окончания войны, приехав в Сан-Франциско и связавшись с черниговцами, адреса которых я знал, мы опять образовали путем переписки наше Объединение под председательством полковника Клейна³⁴⁶. Всего по списку оказалось 17 человек. Для связи опять были возобновлены «Известия» и до сегодняшнего дня таковых было разослано 44 номера.

Председателями Объединения за рубежом были: генерал от кавалерии Кауфман-Туркестанский, полковник И.И. Хакольский, полковник Клейн, ротмистр Д.В. Данилов³⁴⁷ и ротмистр Г.А. Турчинов³⁴⁸.

Отмечая 300-летний юбилей полка, Обществом сооружается образ Покрова Пресвятой Богородицы, который будет водружен в Казанской церкви — храме-памятнике по убиенной царской семье — в городе Сан-Франциско, в память всех чинов 17-го гусарского Черниговского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полка.

И. Рубцов³⁴⁹

ПЕТРОГРАДСКИЕ УЛАНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ЮГЕ РОССИИ. 1918—1920 годы³⁵⁰

Основанный Петром Великим в 1707 году полк верой и правдой служил Отечеству в продолжение более двух веков, овеянный славой и лаврами.

Менялись названия полка, формы, вооружение: из Лейб-режима он переименовывался в драгунский. Из 2-го драгунского становится 1-й уланский Санкт-Петербургский генерал-фельдмаршала князя Меншикова полк, и закончил свои дни 1-й уланский Петроградский полк³⁵¹ на чужбине, в Галлиполи.

История одного из старейших полков Российской армии составлена полковником И.И. Рубцовым, коренным офицером полка.

Фамилии действующих лиц, как и во всех остальных мемуарах тома, приводятся автором по памяти и могут отличаться от их написания в «Комментариях».

Начало нового формирования полка в Добровольческой армии

Большевистское правительство заключило с немцами мир, или, как его называли, «похабный мир». Растерзанная революцией Россия находилась в полном хаосе. «На Россию мне наплевать», — сказал присланный немцами в запломбированном вагоне для «углубления» революции вождь большевиков Ленин.

Горячо любя свою стоящую на краю гибели Родину, офицеры Петроградского уланского полка включились в борьбу с ненавистными интернациональными захватчиками власти, вступая в тайные антибольшевистские организации или пробираясь на Дон и Волгу, где зарождались Белые армии... Многие из них отдали свою жизнь в этой беспощадной борьбе. Полковник Бирон, подполковники Постарнаков и Соколов³⁵², штабс-ротмистры Лимонт-Иванов, Булатов, фон Эссен, поручик Курмаков и многие другие погибли под пулями чекистов. Один из офицеров полка участвовал в организации по освобождению несчастного мученика Царя, заключенного в Тобольске. Попытка, из-за плохой организации и недостатка средств, успеха не имела.

В армии адмирала Колчака были: ротмистр Ковалевский, ротмистр Ошанин³⁵³, штабс-ротмистр Арнгольд 1-й³⁵⁴, корнет Арнгольд 2-й³⁵⁵.

После захвата власти большевиками на окраинах России стали образовываться правительства — одни с целью борьбы с захватчиками и восстановления порядка в стране, другие с целью отделения от России. Так, на Юге России, в Крыму, было образовано Крымское краевое правительство, а в Малороссии-Украине — Украинская Рада. Главную роль в ней играл народный учитель Петлюра, профессор Грушевский, галичане и другие «самостийники» австрийской школы. В конце февраля 1918 года красные банды легко освоили Украину и заняли Киев. Правительство Петлюры бежало в Галицию. В Киеве красные начали массовые расстрелы русских офицеров. Здесь были расстреляны два отличных офицера Петроградского уланского полка — штабс-ротмистр Эссен и поручик Курмаков.

В марте немцы оккупировали весь Юг России до Дона. Петлюра со своим правительством вернулся в Киев, но уже в мае с помощью немцев власть перешла к генералу Скоропадскому, провозглашенному гетманом Украины. До прихода к власти гетмана в Киеве никто точно не знал, что делается на других окраинах России. Большевистские газеты трубили о победах Красной армии и об уничтожении «белобандитов» Дроздовского под Мелитополем красными партизанами Маруши Спиридоновой.

Только по приходе к власти гетмана Скоропадского, завязавшего сношения с Доном, картина вооруженной борьбы с большевиками, поднятой маленькой героической армией генерала Корнилова и донскими казаками, стала ясна.

В августе 1918 года в Киеве встретились 4 офицера полка: полковник Папчинский³⁵⁶, ротмистр Рубцов и поручики Марков 1-й³⁵⁷ и Марков 2-й. Было решено отправиться на Дон. Непредвиденные обстоятельства задержали это решение. Одним из них была встреча полковника Папчинского с Бермонтом³⁵⁸. Это был тот Бермонт, который вскоре под именем князя Бермонта-Авалова, командующего Русско-Немецкой добровольческой армией, стал известен и всей России. Капельмейстер Приморского драгунского полка, участник Русско-японской войны, заработавший своею храбростью всех степеней солдатские Георгиевские кресты, Бермонт за боевые отличия был произведен в корнеты. По окончании войны, при представлении Государю особенно отличившихся, на вопрос Государя, где бы он хотел служить, корнет Бермонт выразил желание служить во 2-м драгунском Санкт-Петербургском полку, куда по Высочайшему повелению и был назначен. Своей наружностью и Георгиевскими крестами он производил впечатление бравого офицера. В полку он прослужил недолго. В конце 1909 года ему пришлось оставить полк.

В Киеве Бермонт был представителем Астраханской добровольческой армии генерала Иванова³⁵⁹ для вербовки в нее добровольцев. Бермонт уговаривал полковника Папчинского избрать не армию генерала Деникина, а Астраханскую, доказывая все ее преимущества. Осторожно относясь к словам Бермонта, решено было сначала послать поручика Маркова 2-го «на разведку» в Астраханскую армию. Время шло, но вестей от поручика Маркова 2-го не было. Было решено отправиться в Добровольческую армию генерала Деникина.

В это время Первая мировая война закончилась победой союзников. Побежденные немцы принуждены были очистить от оккупации Юг России. Гетманская власть пала. Петлюра, опираясь на штыки галичан, стал правителем «Самостийной Украины». Гонения на русских, а в особенности на русских офицеров, мало чем отличались от большевистских. Путь в Добровольческую армию был через Одессу, занятую союзниками-французами. И этот путь был опасен. На пограничной с районом, занятым французами, станции Вапнярка петлюровцы обыскивали поезда и всех захваченных русских офицеров расстреливали. Все же всем трем офицерам-петроградцам, ехавшим порознь, удалось благополучно достигнуть Одессы.

В Одессе формировался Сводно-кавалерийский полк, в составе которого был эскадрон сумских гусар. Узнав от своих бывших одноди-

визников о возможности формирования своего полка, решено было ехать в город Екатеринодар и просить разрешения генерала Деникина на формирование Петроградского уланского полка.

По дороге морем в Новороссийск поручик Марков 1-й должен был остаться в Севастополе, так как его жена и грудной ребенок заболели от сильной качки.

Разрешение на формирование полка от генерала Деникина было получено, но только своими средствами, так как Добровольческая армия не могла дать ни одного добровольца, ни одной лошади, ни одного седла. Место формирования было назначено в Крыму при сформированном там Сводно-гвардейском дивизионе. Полковник Папчинский, хорошо знакомый с Кавказом, решил ехать туда для набора добровольцев из горцев. Ротмистр Рубцов отправился в Крым.

На Кубани узнали о смерти первого добровольца от петроградских улан, отличного офицера штабс-ротмистра Надеина, примкнувшего к кубанским казакам и убитого в атаке под Царицыном.

Прибывши в запасную часть Сводно-гвардейского дивизиона, ротмистр Рубцов скоро увидел, что рассчитывать на помощь формирования здесь нельзя. Только накануне немногочисленный дивизион понес большие потери, а командир дивизиона полковник Гершельман³⁶⁰ был убит. Задача формирования была трудноразрешима.

Силы Добровольческой армии в Крыму тогда были очень малы. Генерал Корвин-Круковский³⁶¹, командующий частями добровольцев, мог выделить только небольшой отряд на Перекопский перешеек — ключ обороны Крыма. Отрядом командовал полковник Лермонтов, бывший в мирное время офицером Санкт-Петербургского уланского полка. Окончив Академию Генерального штаба и откомандовав 6-м эскадронам в полку, ротмистр Лермонтов был назначен штабс-офицером в 16-й уланский Новоархангельский полк.

Связавшись телеграммой с полковником Лермонтовым, ротмистр Рубцов прибыл в Перекоп. Полковник Лермонтов был рад помочь формированию полка, в котором раньше он служил. 12 человек кавалеристов, 7 лошадей, 2 седла и одна повозка — вот все, что мог дать полковник Лермонтов, но все же это было начало формирования не только на бумаге.

В Перекопский отряд входили дивизион новороссийских драгун и эскадрон александрийских гусар. Распоряжением полковника Лермонтова ротмистр Рубцов с людьми и лошадьми прикомандировывался к новороссийским драгунам для дальнейшего формирования. Место — отдельный маленький хутор за Сивашами недалеко от Перекопа.

Недолго на хуторе продолжалось обучение новых улан. Дня через три проезжающий мимо хуторка казак кричал: «Што вы здесь делаете? Большевики перешли Сиваш, и их цепи недалеко отсюда!» Пришлось поспешно уходить к большой дороге от Перекопа на Юшунь, по которой уже отступал Перекопский отряд. Была вторая половина февраля, дорога превратилась в непролазную грязь, лошади батареи не в силах были вытащить орудия и зарядные ящики. Пришлось дать 5 лошадей, не имевших седел, в помощь артиллеристам.

Под давлением многочисленного противника все войска Крыма отходили к городу Керчь на Акманайские позиции, где и закрепились. Формирование опять стало проблематичным. Уланы стали в ряды новороссийских драгун, не теряя все же своего наименования и прав на формирование. Заняв Крым, красные Акманайских позиций освоить не могли. Так продолжалось до мая месяца, когда началось общее наступление армии генерала Деникина. Крым был очищен от красных, для развития успешного наступления требовалось увеличение конницы.

Ротмистр Рубцов получил приказание прибыть в город Севастополь для формирования Петроградского уланского полка при Сводно-драгунском полку³⁶², в который вошли Крымский конный дивизион и новороссийские драгуны. Командиром полка был назначен Крымского конного полка полковник Туган-Барановский³⁶³.

В сводных казармах Брестского пехотного полка в Матросской Слободке Севастополя закипела работа формирования первых эскадронов петроградских улан. Полковник Лермонтов, находившийся при штабе генерала Корвин-Круковского, старался помочь формированию. В штабе и на станциях были расклеены плакаты, зовущие в полк офицеров-однополчан и добровольцев. Первым откликнулся штабс-ротмистр Меньшиков³⁶⁴ — петроградский улан. На него, как на отличного инструктора, была возложена подготовка унтер-офицеров и обучение прибывающих добровольцев. Явился и бывший петроградец, вахмистр Чупринко. Прибывали офицеры и других кавалерийских полков: штабс-ротмистр Пеленкин³⁶⁵, поручик Соколов, корнеты Рубан и Василевский³⁶⁶. Через месяц был сформирован 1-й эскадрон и приступлено к формированию 2-го. Вернулся полковник Папчинский и вступил в командование дивизионом. Его поездка за добровольцами на Кавказ успеха не имела (холостяк полковник Папчинский чеченцев не нашел, но зато нашел подругу жизни — жену). Состав 1-го эскадрона ротмистра Рубцова доходил до 80—85 человек, а 2-го эскадрона штабс-ротмистра Меньшикова был еще вдвое меньше, когда Сводно-драгунский полк, не закончивши формирования, был вызван на фронт военных действий.

Занятие Одессы. Петлюровский фронт

В конце марта оставленная французским десантом Одесса была занята красными, страшным террором наводившими ужас на местных жителей. Многочисленные застигнутые большевиками в Одессе офицеры организовали тайный союз и, связавшись с добровольческим командованием в Крыму, настойчиво просили освободить Одессу, обещая всю возможную помощь. Им удалось сформировать Одесский конный дивизион, готовый при занятии Одессы перейти на нашу сторону. Ввиду успешного наступления всей армией генерала Деникина, командование решило послать десант в Одессу. Свободных войск не было, и для этой цели был назначен не закончивший еще свое формирование Сводно-драгунский полк. На транспорте «Маргарита», сопровождаемый двумя крейсерами, русским и английским, 1 августа 1919 года Сводно-драгунский полк поплыл к Одессе. Подойдя к Одессе, крейсера открыли огонь. В красном гарнизоне Одессы началась паника. Высадившийся на косе десант к вечеру занял предместья города Большой и Малый Фонтаны, выставив на ночь сторожевое охранение. Только на станции Одесса большевики, преимущественно набранные ими китайцы, оказали небольшое сопротивление. Туда были посланы крымцы, как более многочисленные и имеющие уже один конный эскадрон. На следующее утро петроградским уланам было назначено занять центр города. На одной из площадей, на пути уланского дивизиона, выстроились находившиеся в Одессе георгиевские кавалеры и в конном строю Одесский конный дивизион. Поблагодарив за помощь тех и других, полковник Папчинский обратился к конному дивизиону, предложив всем желающим вступить в борьбу с красными выехать вперед и стать в ряды улан. Ни один не выехал... «Дивизион, слезай! — коротко командовал Папчинский. — Уланы, разберите лошадей!» Лошади и седла были в отличном порядке. Уланы в конном строю входили в центр города.

Восторг освобожденных жителей города Одессы был неопишем. Толпы народа, с криками «Ура», забрасывали улан цветами. Некоторые бежали, чтобы обнять и расцеловать улан. Многие семейные дамы приглашали офицеров приходить в их семьи, как в свои.

Пройдя город, уланы остановились на северной его окраине — Пересыпи.

В Одессе Петроградский уланский дивизион закончил свое формирование. Каждый день прибывали офицеры, добровольцы, лошади, седла, оружие. Из офицеров полка прибыли штабс-ротмистр Станкевич, поручик Марков 2-й, корнет Протопопов, произведенный

за боевые отличия в одном из казачьих полков Добрармии, бывший в полку в мировую войну мальчишкой-добровольцем, Московского драгунского полка поручик Кеденко³⁶⁷, гвардии улан штабс-ротмистр Келеповский³⁶⁸, поручик Рутковский и др. Явился добровольцем пожилой человек в очках — еврей барон Гинзбург. Командир 1-го эскадрона хотел назначить его эскадронным писарем. «Нет, — сказал Гинзбург, — я хочу с оружием в руках бороться с красными». Его желание было исполнено, и он стал в ряды строевых улан. За три-четыре недели пребывания в Одессе дивизион петроградских улан был окончательно сформирован и имел блестящий вид.

В это время эскадрон новороссийских драгун занимал станцию Перекрестовка, севернее Одессы. Командир драгунского эскадрона ротмистр Ляшков выяснил, что следующая станция занята украинцами под командой бывшего ротмистра — сотника Аркаса. В Киеве сотник Аркас был известен своими предательскими действиями в пользу Петлюры. Аркас заверил ротмистра Ляшкова, что петлюровцы, имея одну и ту же цель борьбы с большевиками, являются союзниками Добровольческой армии. Доверчивый ротмистр, поверив Аркасу, не предпринял надлежащих мер охранения. Ночью Аркас своею сотней окружил и обезоружил застигнутых врасплох драгун. Ротмистр Ляшков был прекрасным офицером и, сознавая свою ошибку, застрелился.

Петроградским уланам было приказано выступить из Одессы и занять станцию Перекрестовка. Так в районе Одессы открылся новый «Петлюровский» фронт.

От станции Перекрестовка началось наступление. Задача: разбить Петлюровскую армию и войти в соединение с войсками Добровольческой армии, занимавшими Киев, действуя в направлении железной дороги Одесса—Киев. Первое столкновение с петлюровцами произошло у станции Балта. Петроградские уланы, в составе Сводно-драгунского полка, выбили противника со станции. Главным трофеем этого боя был петлюровский бронепоезд. В Балте Сводно-драгунский полк соединился с отрядом генерала Розеншильда-Паулена и был подчинен последнему. При согласованных действиях с трофейным бронепоездом под командой капитана Карклина³⁶⁹ уланы ночью вошли в местечко Балта. Высланный вперед квартирными корнет Василевский нашел все дворы на запоре и окна в домах заколоченными. Население Балты, главным образом еврейское, терроризованное петлюровцами, не хотело впускать квартиреров в дома, и только убедившись, что добровольцы не причиняют зла мирному населению, оказало им и всему подошедшему уланскому дивизиону радушный прием. Скоро все местечко

было освещено, и евреи отказывались принимать деньги за приготовленный офицерам ужин

На другой день выступили в направлении станции Шепетовка. Петлюровцы отступали при небольшом нажиме. Высланный вперед разъезд штабс-ротмистра Пеленкина ворвался на рассвете в одну деревню, занятую бригадой петлюровской пехоты. Этот смелый налет произвел панику среди петлюровцев. Младший унтер-офицер Афанасьев вырвал у ожидавшего у крыльца штаба вестового уже посаданную лошадь петлюровского командира бригады, захватив притом еще и значок штаба бригады. Под беспорядочным огнем, открытым петлюровцами, уланы благополучно выскочили из села, увозя с собой трофеи. Не доходя станции Шепетовка, деревню Лабода-Луга пришлось брать с боем. Деревня была взята. Полковник Папчинский выслал два разъезда. После их отбытия к петлюровским «гайдамакам» подошли части галичан — старых солдат австрийской армии. Под натиском превосходящих сил перешедших в контратаку гайдамаков и галичан полковник Папчинский с уланами вынужден был отойти от деревни.

Разъезд корнета Василевского двигался в указанном направлении, захватив трех пленных, неприятельских фуражиров, отправленных им в дивизион. Возвращаясь по выполнении задачи в деревню Лабода-Луга, разъезд имел головным дозором унтер-офицера Лосева с двумя уланами. Подъезжая к деревне, Лосеву показалось что-то подозрительным, и он, спешившись, пошел один на разведку деревни. Войдя в нее, Лосев установил, что деревня занята галичанами. Этот смелый поступок Лосева спас разъезд от возможных больших потерь. Только на рассвете разъезд присоединился к своим. Лошади были так переутомлены, что корнет Василевский посадил унтер-офицера Лосева на круп своей лошади, так как конь последнего вскоре пал. Один улан в разъезде был ранен. На другой день деревня Лабода-Луга снова была занята уланами и подошедшим отрядом генерала Розеншильда-Паулина³⁷⁰.

Заняв станцию Шепетовка, отряд генерала Паулина быстро продвигался, имея впереди себя дивизион петроградских улан в непрерывной разведке и стычках с петлюровцами. Папчинский сделал все, что было в силах улан, для быстрого преследования противника, не считаясь с утомлением людей и лошадей. Потери в боях и разведке за время наступления от Одессы до Жмеринки были сравнительно невелики, но люди и лошади находились в крайне утомленном состоянии. Крымский конный дивизион, развернувшийся в полк, был выделен из Сводно-драгунского полка и действовал отдельно; дивизион новороссийских драгун имел свою задачу в этом наступлении. Вся тяжесть действий конницы в отряде генерала Розеншильда-Паулина пала на Петроград-

ский уланский дивизион. Подходили к станции Жмеринка, когда был получен приказ о разворачивании дивизионов петроградских улан и новороссийских драгун в полки. Местом формирования назначалась Одесса. Ожидали назначения полковника Папчинского командиром полка. Генерал Розеншильд-Паулин, не ожидая решения командующего войсками Одесского района, назначил командиром петроградских улан своего сына, полковника одного из гвардейских полков. Полковник Папчинский уехал в штаб командующего войсками генерала Корвин-Круковского.

Между тем на подступах к Жмеринке петлюровцы решили дать бой. Ротмистр Рубцов, заменивший командира дивизиона, сдав командование 1-м эскадронном поручику Рутковскому, явился к прибывшему перед самым началом боя полковнику Розеншильду-Паулину. Новый командир заявил ротмистру Рубцову, что такая малая часть, как малочисленный дивизион, слишком мала для его командования, и предложил ему самому вести в бой уланы... Под сильным огнем петлюровцев уланы продвигались вперед... Петлюровцы и на этот раз не выдержали натиска отряда и частью сдались, частью быстро уходили с пути Добровольческой армии. Сильно поредевший дивизион был отправлен в начале октября в Одессу на формирование полка. Генерал Корвин-Круковский назначил командиром полка полковника Лермонтова. Полковник Папчинский, ссылаясь на свои ранения и контузии, подал рапорт о зачислении его в резерв. С сожалением ставались уланы со своим лихим командиром.

Формирование полка. Оборона Крыма

Приняв командование, полковник Лермонтов энергично приступил к формированию полка. Дивизион был развернут в 4-эскадронный полк с пулеметной командой. Из офицеров полка, участников Первой мировой войны, прибыли штабс-ротмистр Станкевич, поручик Жуковский³⁷¹ и корнет фон Миквиц; московские драгуны подполковник Криушенко и штабс-ротмистр Смирнский³⁷², поляк поручик Яцынич и корнет Мирович, а также немало пехотных офицеров. Некоторые из них, умевшие ездить верхом, были зачислены в эскадроны, остальные несли службу в пулеметной команде. Помощниками командира полка были назначены подпоручик Криушенко и представленный в подполковники ротмистр Рубцов. Представление последнего затерялось в канцелярской волоките, и ротмистр Рубцов исполнял штаб-офицерскую должность в чине ротмистра до сентября месяца 1920 года, когда представление разыскалось

и последовало его производство одновременно с производством в чин полковника. Полковым врачом был назначен доктор Дубинский.

К декабрю месяцу положение на фронте Добровольческой армии круто изменилось. После успешного наступления, заняв большую территорию юга и центра России, растянувшаяся на огромное пространство, ослабевшая от потерь, не получающая подкреплений Добровольческая армия под натиском больших сил красных принуждена была с тяжелыми боями отступать, неся большие потери Петроградскому уланскому и Новороссийскому драгунскому полкам приказано было выступить походным порядком в Крым.

20 декабря петроградские уланы, не имея еще достаточных рядов в эскадронах, выступили через Херсон и Николаев в Крым. Подполковник Криушенко, вследствие болезни туберкулезом, по прибытии в Крым был отправлен в санаторию в Ялту, где и умер.

Вечером 4 января 1920 года полк подошел к Перекопскому валу. Был сильный мороз. Уланам было приказано занять вал. Ночью два Донских казачьих полка, отступающие от станции Синельниково в Крым, прошли через вал. Это были Атаманский³⁷³ и 42-й Донские казачьи полки под командой выдающегося генерала Морозова. Через несколько дней к бригаде петроградских улан и новороссийских драгун был присоединен стоявший в Крыму запасный эскадрон лубенских гусар. Командиром бригады был назначен генерал Сахно-Устимович³⁷⁴. Бригада была подчинена генералу Морозову, составив с казачьей бригадой дивизию, названную конным отрядом Морозова. На конницу генерала Морозова возлагалась защита Перекопского вала. Красные не заставили себя ждать долго, и вскоре начались бои за удержание Крыма. Уже 9 января петроградские уланы в составе конного отряда генерала Морозова участвуют в отражении атаки красных на Перекоп. Конный отряд, сдержав сильный натиск красных, спас Крым от захвата большевиками, так как, кроме него, ни одной части войск на Перекопском перешейке не было. Генерал Морозов, опытный начальник, не держал много людей на валу. В Перекопе вблизи валов дежурная часть, лошади поседланы, остальные в окрестных хуторах у Армянска и Юшуни. Люди и лошади напрасно не изматывались. Пехота занимала позиции вдоль Сивашей и на Чангарском перешейке. В случаях особенно сильного нажима красных пехота спешно направлялась из резерва в Перекоп. Почти всегда это были юнкера военного училища. Оборона Крыма была вручена энергичному, молодому генералу Слащеву, прославившемуся уже своей храбростью, энергией и решительностью. Войска Добровольческой армии в Крыму были немногочисленны, но имели хорошего начальника.

Как ни старались красные занять валы, их попытки были неудачны. В крайнем случае защитники валов отходили на тыловую позицию у деревни Юшунь и, перейдя в контратаку, занимали валы вновь.

Перекопский вал, сооруженный еще турками, протягивался от Сивашей до залива Черного моря, с несколькими переходами через вал. Высота вала 8 метров, ширина 15 метров. Впереди вала ров глубиной 10 метров, шириной 20 метров. Проволочных заграждений впереди рва не было. Часто приходилось уланам стоять на валу, занимая его жиденькой цепью.

Петроградские уланы были много обязаны полковнику Лермонтову в формировании своего полка в Добровольческой армии. Формирование «своими средствами» было очень нелегко. Придя в Крым, полковник Лермонтов приступил к формированию запасного эскадрона. Эскадрон был сформирован в Феодосии. При запасном эскадроне была создана учебная команда, начальником которой был назначен штабс-ротмистр Меньшиков, а также находилась вся хозяйственная часть полка.

Всю оборону Крыма с января до конца мая 1920 года полк провел в боях на Перекопском перешейке. Уланы эскадронов несли потери. У вала был убит штабс-ротмистр Реми. К весне начал свирепствовать тиф. И без того немногочисленные эскадроны таяли с каждым днем и, наконец, дошли до 30—35 человек в каждом. Несмотря на это, полк продолжал оставаться на фронте. Сменить было некому. В феврале атаки красных на вал становились все чаще и сильнее. Их лучшие латышские части были брошены на Перекоп. Красные занимают вал, несмотря на упорное сопротивление. Конный отряд Морозова отходит к Юшунь. Красные, перейдя Сиваши восточнее Перекопского вала, начинают распространяться к югу. Конная бригада генерала Сахно-Устимовича и 52-й пехотный Виленский полк³⁷⁵, находящийся на правом боевом участке, ведут непрерывные бои с красными.

При отходе генерала Морозова от Перекопского вала на тыловую позицию петроградские уланы стояли в Юшунь. На ночь на дорогу к Сивашам был выслан эскадрон в заставу. Простояв всю холодную ночь на дороге, держа лошадей в поводу, на рассвете застава обнаружила густые цепи красных, обходящие ее справа идвигающиеся на Юшунь. Быстро отойдя к Юшунь, застава подняла тревогу, дав возможность остальным эскадронам встретить противника огнем и задержать его до подхода подкреплений. Атака была отбита, и красные поспешно отступили, понеся большие потери.

Петроградские уланы выбивают в конном строю лавой превосходящих численностью красных из хутора Пятихатка. Застава улан на хуторе Черкашино, имея частые стычки с красными, старавшимися по

ночам выбить ее оттуда, две недели удерживает хутор, и только отряд красных, в три раза сильнее заставы улан, заставляет их 24 февраля отойти от хутора, но уже 27 февраля уланы атакуют красных и снова занимают хутор Черкашино.

25 февраля красные, сбив сторожевое охранение нашей пехоты, повели наступление на хутор Тархан. Спешенные уланы задерживают противника, чем дают возможность подтянуться нашей пехоте и отбить атаку красных. За все эти боевые действия начальник правого боевого участка письменно благодарил командира бригады генерала Устимовича, особо подчеркивая самоотверженность и лихость петроградских улан.

29 февраля наша пехота переходит в наступление и выбивает красных из Крыма за Перекопский вал. Положение восстанавливается, и конный отряд генерала Морозова снова несет службу по защите Перекопского вала.

Тяжелое отступление Добровольческой армии закончилось к концу февраля оставлением всей занятой территории и эвакуацией остатков частей в Крым. Во время этой эвакуации запасный эскадрон полка в Феодосии пополнился людьми. Ротмистр Файвишевич³⁷⁶ привел с собой часть расформированного ординарческого эскадрона, в котором он служил. Туда же прибыли и офицеры Петроградского полка, бывшие в Добровольческой армии в других частях: штабс-ротмистры Шестаков, Скальский³⁷⁷, Гарнич-Гарницкий³⁷⁸ и поручик Жуковский. Из других частей — поручик Гержабек. Из них штабс-ротмистры Шестаков и Скальский были инвалиды Первой мировой войны. Полковник Лермонтов назначил командиром запасного эскадрона ротмистра Файвишевича, а старшим офицером в эскадроне штабс-ротмистра Скальского. Эскадрон из Феодосии был переведен в деревню Дорте. Запасный эскадрон, переименованный полковником Лермонтовым в «Базу Петроградского уланского полка», был организован отлично. Царил образцовый порядок, были организованы мастерские и даже отличный лазарет. Но пополнение на фронт еще долго не приходило, и на Перекопских валах эскадроны полка численностью всего по 25—30 человек отражали атаки красных...

В одну ночь последних чисел марта остатки полка при двух пулеметах, под командой ротмистра Рубцова, стояли на валу. Воспользовавшись густым туманом, красная латышская бригада ночью перед рассветом без выстрела подошла к валу. К счастью, в этот момент туман рассеялся, и уланы вдруг увидели первую цепь красных у самого рва. Густые цепи противника шли за нею. Открытым ружейным и пулеметным огнем первая цепь красных была срезана, а доскакавший

до резерва улан поднял тревогу. Стоявшая на позиции за валами наша батарея открыла огонь, а прискакавшие налетом из резерва казаки вмиг были на валу. Не сделав ни одного выстрела, латышская бригада бросилась назад, устилая все поле трупами.

После эвакуации Добровольческой армии в Крым Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал Деникин передал командование армией генералу Врангелю. Упорная оборона Крыма малочисленными частями войск генерала Слащева закончилась. Все части, участвовавшие в обороне Крыма, были награждены надписями на головные уборы: «За оборону Крыма».

В Русской Армии генерала Врангеля. Выход из Крыма

В половине апреля бригада генерала Сахно-Устимовича была отведена на отдых в район южнее Перекопского перешейка. Здесь полковником Лермонтовым было получено письмо от сумского гусара — поручика Водо, — в котором он от имени группы офицеров-сумцев высказывал желание соединиться в одну часть со своими однодивизионниками по Императорской армии. Петроградские уланы были рады видеть в своих рядах старых боевых друзей. Вскоре состоялся перевод их из 3-го Сводно-Кавказского полка, в котором они до того состояли. Поручик Водо привел с собой трех офицеров, двух военных чиновников и 15 гусар. Полковник Лермонтов направил их в Дорте для формирования полускадрона сумских гусар в «базе» полка.

Вступив в командование, генерал Врангель приступил к приведению в порядок и переформированию Добровольческой армии, переименовав ее в Русскую Армию. Малочисленные боевые единицы были сведены в более крупные части. Вся регулярная конница была сведена в 8 сводно-кавалерийских полков. Отдельная бригада генерала Сахно-Устимовича — петроградцы, новороссийцы и лубенцы — образовала 7-й Сводно-кавалерийский полк. Петроградские уланы, сведенные в дивизион, вошли в полк 1-м и 2-м его эскадронами. 5-й, 6-й и 7-й Сводно-кавалерийские полки составили отдельную бригаду. Полковник Лермонтов был назначен командиром стрелкового кавалерийского полка, сформировавшегося из безлошадных эскадронов полков бригады, но скоро был зачислен в резерв чинов. Командиром Петроградского уланского дивизиона в 7-м Сводно-кавалерийском полку назначен ротмистр Рубцов. Командиром 7-го Сводно-кавалерийского полка — полковник Коваинский.

Расставаясь с переформированной бригадой, в своем последнем приказе генерал Сахно-Устимович писал: «Полки Отдельной кавалерийской бригады, новороссийцы и петроградцы, несмотря на свою малочисленность, слабую подготовку и зимнюю стужу, несмотря на свирепый тиф и плохую одежду, честно и доблестно исполнили свой долг, вынеся на своих плечах всю тяжесть беспримерной зимней кампании в условиях исключительной трудности...»

Сведенные в один полк, петроградцы, новороссийцы и лубенцы только в строевой части подчинялись командиру сводного полка, имея свои хозяйственные части. Запасные эскадроны были сведены в один запасный полк. Производя инспекцию запасных частей, назначенный инспектором кавалерии генерал Юзефович был поражен образцовым состоянием и богатством «базы» петроградских улан, но, так как устройство «баз» полкам не было разрешено, генерал Юзефович, по его словам, «хотя и с болью в сердце», приказал базу расформировать, а все ее имущество передать по назначению. Все труды полковника Лермонтова по устройству «базы» пропали даром. Все находившиеся в базе офицеры, уланы и лошади были влиты 4-м эскадронам в запасный полк для пополнения 7-го Сводно-кавалерийского полка. Хозяйственная часть и обоз Петроградского уланского дивизиона оставались в Дорте. Ротмистр Рубцов назначил начальником хозяйственной части и обоза штабс-ротмистра Жуковского.

Получив пополнение, отдохнувший и приведший себя в порядок Петроградский дивизион был готов к новым боям с красными.

Закончив переформирование армии, генерал Врангель, согласно выработанному плану, перешел в наступление в Северную Таврию с целью очищения ее от красных. В это время силы Русской Армии в Крыму, по опубликованным позже данным, насчитывали приблизительно около 27 тысяч штыков, около 4500 сабель, 108 орудий, 600 пулеметов, 24 броневых автомобиля, 12 танков, 4 бронепоезда и 24 авиона. Численность красных на подступах к Крыму (до заключения мира с Польшей), по их же данным, превышала наши силы не меньше чем в четыре раза.

Армия генерала Врангеля была сведена в четыре корпуса: 1-й армейский корпус генерала Кутепова — Корниловская, Марковская и Дроздовская пехотные дивизии, 1-я кавалерийская дивизия генерала Барбовича, 2-я кавалерийская дивизия генерала Морозова в составе Отдельной кавалерийской бригады (5-й, 6-й и 7-й Сводно-кавалерийские полки) и Донской казачьей бригады; 2-й армейский корпус генерала Слащева — 13-я и 34-я пехотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада; 3-й Сводный корпус генерала Писарева³⁷⁹ —

Кубанская дивизия и 3-я конная дивизия из астраханских казаков и туземцев; Донской корпус генерала Абрамова³⁸⁰ — 2-я и 3-я Донские дивизии и Гвардейская Донская бригада.

На рассвете 25 мая Русская Армия перешла в наступление на всем фронте. На пехоту 1-го армейского корпуса была возложена задача овладеть выходом из Крыма через Перекопский перешеек, а на дивизию генерала Морозова — развитие успеха и преследование противника.

В ночь на 25 мая конная дивизия генерала Морозова была подтянута к Перекопскому валу. Бой начался артиллерийской подготовкой. Наша пехота пошла в атаку...

Дивизия генерала Морозова стояла длинной колонной у прохода за валом. Настроение отдохнувших после зимних невзгод улан было бодрое. С нетерпением ожидали условного знака — ракеты. Зеленая — успех, красная — неудача. Наконец зеленые ракеты над впереди лежащими селами Преображенка и Перво-Константиновка взвились в воздух... Укрепленные позиции красных прорваны корниловцами и марковцами!.. После катастрофы Добровольческой армии и долгой и тяжелой обороны Крыма первое наступление и первый успех сразу подняли дух и уверенность в победе. Дивизия с места тронулась рысью, выходя за вал и беря направление между Григорьевкой и Перво-Константиновкой.

Пройдя 25 верст в направлении Каховки, генерал Морозов получил доставленное аэропланом приказание командира корпуса генерала Кутепова, в котором сообщалось, что красные, подведя сильные резервы, перешли в контр наступление и вытеснили нашу пехоту из села Перво-Константиновка. Дивизии давалась новая задача. Генерал Морозов повернул дивизию назад.

Не доходя 10—12 верст до Перво-Константиновки, на ночь остановились в степи, отпустив подпруги, держа лошадей в поводу. Все было тихо... Лошади мирно жевали траву... На рассвете двинулись для выполнения задачи...

В это утро Дроздовская пехотная дивизия должна была атаковать село Перво-Константиновка с фронта, дивизия генерала Морозова — с фланга и тыла. Село Перво-Константиновка было занято частями 1-й красной латышской дивизии, превосходящей числом нашу Дроздовскую дивизию.

Для атаки правого фланга противника генерал Морозов выслал 5-й и 6-й Сводно-кавалерийские полки бригады полковника Выгрна. Один из казачьих полков шел к Сивашам в направлении западнее села Владимировка. Правее его, в центре дивизии, для атаки с

тыла был направлен 7-й Сводно-кавалерийский полк. Другой полк донцов шел уступом правее 7-го полка.

Перед рассветом дивизия тронулась вперед. 5-й и 6-й полки отделились для выполнения поставленной им задачи. Полковник Ковалинский вел полк скрытно, укрываясь лощинами и балками, пересекающими степь во многих местах... Еще совсем не рассвело, когда вышли на ровное место. Вдали была видна Перво-Константиновка с еще не потушенными редкими огнями... Сделав небольшую остановку, полковник Ковалинский разомкнул полк лавой для атаки на пехоту. Петроградские уланы шли на правом фланге полка, левее — лубенцы и новороссийцы. Рассвело... Подана команда, и полк, переходя в галоп, бросился вперед... Беспорядочный ружейный и пулеметный огонь с тыловых позиций красных... Пули свистят над головами атакующих... Трудно взять верный прицел по несущейся в атаку коннице!. Потери небольшие — несколько лошадей скачут без всадников... Справа из села выбегают латыши-пехотинцы, торопливо строясь для встречи конной атаки... Еще несколько секунд, и с криком «Ура» полк врзался в линии красных. Вот лубенец вынесся вперед и скачет к пулемету. Короткая очередь пулеметной ленты, лошадь шарахается в сторону, гусар взмахивает шашкой... Уланы скачут, окружая пулемет... Пулемет взят ими... Красные пехотинцы, втыкая винтовки штыками в землю, кричат скачущему впереди командиру дивизиона: «Ваше высокоблагородие! Прикажите не рубить! Мы мобилизованные — прикажите не рубить!» — «Не рубить сдающихся!» — приказывает ротмистр Рубцов. Уланы окружают толпы пленных... Из села что есть сил уже бегут дроздовцы... Уланы сдают им пленных для отвода в тыл. В это время левее казачий полк, смяв красных, рубил бегущих, загоняя их в Сиваш. Путь спасения для красных был отрезан. Правофланговый полк донцов ворвался в село, не давая пощады латышам.

5-й и 6-й полки, действуя отдельно на правом фланге позиции красных, встреченные сильным огнем латышей, продвинуться вперед не могли. 6-й полк понес большие потери. В распоряжение полковника Выграна из Перекопа были направлены 4 танка, выбившие залегшие цепи латышей. Следуя за ними лавой, 6-й полк вошел в село, преследуя бегущих красных.

Атака дроздовцев с фронта и лихая конная атака 7-го Сводно-кавалерийского и двух Донских казачьих полков с тыла решили успех боя. Красные латыши были разбиты наголову. Остатки их, около двух тысяч человек, были взяты в плен. Артиллерия красных и пулеметы попали в наши руки...

Путь в Северную Таврию был открыт!..

Когда конная атака была уже закончена, казаками из резерва был схвачен конный, посланный в Перво-Константиновку командиром красной бригады, стоявшей в нескольких верстах от боя. В своей записке бригадный спрашивал, что происходит в Перво-Константиновке и почему такая сильная стрельба... Генерал Морозов послал донцов к указанной деревне, но бригады красных уже и след простыл. Она ушла поспешно к северу.

Бои в Северной Таврии. Разгром Жлобы

Русская армия, выйдя из Крыма, развивая успех, теснила красных к северу. Дивизия генерала Морозова шла в направлении села Рубановка, имея стычки с отступающим противником. Подходя к деревне Христовке, было выяснено, что деревня занята красными. Был послан аэроплан бомбить деревню. Между тем идущие в авангарде уланы выбили из деревни красных и заняли ее. Несмотря на условные знаки, летчик принял улан за красных и сбросил бомбу. Штабс-ротмистр Смирнский, его вестовой и их лошади были убиты. Сильно были опечалены уланы насмерть этого прекрасного офицера.

Село Рубановка занято красной пехотой с артиллерией. Генерал Морозов обходит Рубановку с востока и, двигаясь с дивизией на Рогачики, оставляет 7-й полк для демонстративной атаки Рубановки с юга. Полковник Ковалинский, рассыпав полк в лаву и сам идя впереди полка, подходит близко к селу. Красные открывают сильный огонь. Их артиллерия бьет на картечь... Лава отходит, чтобы вновь приблизиться. Несколько улан и лошадей ранено, картечь срывает с пики флюгер-значок петроградских улан, ранен трубач командира дивизиона Замковой... Новороссийцы и лубенцы также несут потери... Так, повторяя демонстративные атаки, полк приковывает красных к месту в течение нескольких часов. В это время генерал Морозов, принудив красных у Рогачиков к отходу, высылает Донскую бригаду генерала Клочкова³⁸¹ для атаки Рубановки с тыла. Донцы атакуют... Красные быстро очищают Рубановку, поспешно отходя на Белозерку, из которой их выбивают на другой день.

Так, с боями, в начале июня дивизия подходит к большому селу Жеребец, вытянувшемуся кишкой на протяжении двух верст. Придя ночью и остановившись в нем на ночлег, полки занимают только один конец этого огромного села. Крепко спят усталые люди в эту ночь. Рано утром обнаруживается, что красная конница также ночует в этом

же селе, расположившись на другом его конце. По тревоге наши быстро вскакивают на лошадей и выходят из села. Красные, узнав о неприятном соседстве, также поспешно покидают село. Под селом Жеребец завязываются упорные бои с подошедшей сильной красной конницей. В одном из них 7-й кавалерийский полк стоял на правом фланге дивизии. Лава красной конницы то подходила к стоявшему в резервной колонне 7-му полку, готовому принять их конную атаку, то отходила, не решаясь атаковать. Их артиллерия открыла огонь по колонне полка... Одним снарядом, разорвавшимся у ног лошади командира 1-го эскадрона штабс-ротмистра Станкевича, лошадь была убита, а штабс-ротмистр Станкевич сильно контужен. Его заменил штабс-ротмистр Марков 2-й.

В боях под селом Жеребец люди и лошади были приведены в крайнее утомление, и дивизия генерала Морозова была отведена на отдых в село Большой Токмак. При отходе на отдых в Токмак полковником Ковалинским были высланы в сторону противника две заставы от улан — поручика Василевского и корнета Романенко. Первая на перекресток дорог, а вторая в малую деревню. Люди были утомлены до отказа и с трудом боролись с одолевающим их сном. Утром к заставе поручика Василевского стала подходить лавой сотня красных донских казаков. Посадив заставу на коней, поручик Василевский стал медленно отходить. Из лавы красных выделились два казака и стали махать фуражками, как бы приглашая подъехать к ним. Предполагая, что красные хотят перейти на нашу сторону, поручик Василевский выслал им навстречу двух улан. Переговоры улан с казаками кончились ничем. Казаки, оказавшиеся оставшимися в Новороссийске при эвакуации Добровольческой армии с Кубани и перешедшими к красным, уговаривали перейти к ним, а уланы казаков — перейти к нам. «Парламентеры» мирно разъехались, а сотня донцов пошла по направлению заставы корнета Романенко. Корнет Романенко был хорошим офицером и, вероятно, не допустил бы окружения, если бы часовые на постах не заснули от крайнего переутомления. Из окруженной заставы только одному улану удалось вырваться, а другой, бежавший в тот же день из плена, сообщил, что корнет Романенко был расстрелян там же, в деревне. Через 5—6 дней предполагавшийся достаточно долгий отдых в Большом Токмаке был прерван угрожающим положением на фронте.

Красное командование, обеспокоенное успехами наступления армии генерала Врангеля, выработало план контр наступления для захвата вновь Северной Таврии. Согласно этому плану, действующая в Таврии 13-я советская армия повела одновременно наступление на Ка-

ховку и в Александровско-Ореховском направлении, бросив сюда конный корпус Жлобы с целью прорыва на город Мелитополь. 13-я советская армия насчитывала 25 тысяч штыков и 12 тысяч сабель, не считая артиллерии, бронепоездов и авиации. Почти вся конница этой армии была сведена в корпус Жлобы, и ему придана 40-я советская стрелковая дивизия. Генерал Врангель исчислял силу корпуса Жлобы около 12 тысяч конницы и 7 тысяч пехоты.

20 июня вся конница Жлобы обрушилась на Корниловскую дивизию. Однако стойкость доблестных корниловцев при содействии нашей авиации в двухдневном бою не только отбила все конные атаки красных, но и нанесла им огромные потери. Жлоба решил дать передышку своим частям, расположив их в немецких колониях юго-восточнее Верхнего Токмака. Генерал Врангель решил окружить конный корпус Жлобы. Во исполнение этого плана Дроздовская дивизия была направлена с северо-запада, Корниловская — с запада, донцы генерала Абрамова — с юго-запада и юга. Дивизии генерала Морозова приказано выступить из Большого Токмака в направлении на Черниговку. Не успевшая достаточно отдохнуть и пополнить поредевшие ряды дивизия двинулась в указанном направлении, выступив из Большого Токмака поздно вечером 3 июля. В этот день с утра Жлоба вел яростные конные атаки на нашу пехоту. Доблестные корниловцы и дроздовцы отбивали все атаки и постепенно продвигались вперед, замыкая кольцо. Казаки частей генерала Абрамова и авиация много способствовали успеху. По рассказам пленных, Жлоба носился в броневике от одной своей части к другой, с неистовой руганью посылая вновь и вновь свои полки под жестокий пулеметный, ружейный и артиллерийский огонь во всех направлениях, и, наконец, потеряв управление своими частями, решил с остатками своего корпуса прорваться из окружения на Вальгейм — Черниговку.

Рано утром 4 июля дивизия генерала Морозова подошла к Вальгейму и, переправившись через небольшую речку, остановилась у дороги, ведущей к мосту, шагах в 500 от него. Полки дивизии стояли севернее этой дороги, имея 7-й кавалерийский южнее ее. Сзади, на железнодорожном полотне у деревни Черниговки, находился наш бронепоезд. Задача, данная дивизии, была преградить путь остаткам отступающего корпуса Жлобы и его обозам.

Около 10 часов утра дозорные донесли о приближении конницы красных. Посадив на коней, полковник Ковалинский развернул полк сомкнутым строем. В полку оставалось не больше 300 сабель при 4 пулеметах. Показавшаяся близко на бугре колонна красных, раз в 8 превосходящая числом полк, стала на галопе строить фронт. Впе-

реди строя развевалось кроваво-красное знамя, а перед ним шел броневик. Красные взяли направление на полк.

«Шашки к бою! Пулеметы вперед!» — скомандовал полковник Ковалинский, и как раз в это время наша казачья бригада открыла огонь из всех своих пулеметов. Наша батарея была на картечь. Красные дрогнули, а броневик стремительно понесся на мост и скрылся из виду Жлоба, спасая себя, бросил остатки своего конного корпуса. Не меньше 2500 красных всадников, потеряв строй, понеслись беспорядочной толпой к мосту и, перейдя речку вброд, попали под огонь нашего бронепоезда, а повернув назад — опять под пулеметы и картечь дивизии Морозова. В полной панике, наскакивая друг на друга, металась красные. Дивизия Морозова бросилась в преследование. Не больше чем 100 красным удалось на хороших лошадях уйти карьером. Обоз 1-го разряда дивизии, подходивший к Вальгейму, перемешался с обозами красных. Ехавшим в повозке с обозом штабс-ротмистру Жуковскому и корнету Миквицу из несущихся обозов красных кричали: «Рано одели белогвардейские погоны, товарищи!» Надежда на спасение этих оптимистов была напрасна — все обозы красных попали в наши руки. Разгром корпуса Жлобы был полный.

Продолжение боев. Отдых в Карасубазаре

На походе из Большого Токмака к Вальгейму полковник Ковалинский, ввиду малочисленности полка, отправил ротмистра Рубцова немедленно привести маршевый эскадрон петроградских улан штабс-ротмистра Маркова 1-го, стоявший при обозе 2-го разряда 7-го кавалерийского полка. При этом эскадроне был сформирован один взвод сумских гусар поручика Водо. Всего в эскадроне было 60 шашек. 1-я кавалерийская дивизия, не имевшая лошадей, оставившая их за невозможностью погрузить в Новороссийске при эвакуации, после разгрома конного корпуса Жлобы села на коней и, вместе с регулярной бригадой дивизии генерала Морозова, составила 2-ю дивизию конного корпуса под начальством генерала Барбовича. Генерал Морозов и его казачья бригада были переведены в Донской корпус генерала Абрамова. Память о своем боевом начальнике генерале Морозове надолго сохранилась в 7-м Сводно-кавалерийском полку.

Корпус генерала Барбовича занял боевой участок на фронте между 1-м армейским корпусом генерала Кутепова и 2-м армейским корпусом генерала Витковского³⁸² слева. Петроградский уланский дивизион

в составе 7-го кавалерийского полка выступил к месту нового назначения на левый фланг конного корпуса генерала Барбовича.

8 июля красные на фронте, занимаемом 2-й кавалерийской дивизией, повели наступление крупными силами пехоты и кавалерии при сильной артиллерии и броневиках. Цель их наступления — прорвать фронт между 2-м армейским и кавалерийским корпусами и отрезать 1-й армейский корпус. Весь день дивизия удерживала красных, и только когда ее фланги начали обстреливаться броневиками, генерал Барбович приказал отходить на деревню Ново-Репьевку и Агайманы. Весь этот день 7-й кавалерийский полк, до наступления темноты стоя рассыпанный в лаву на левом фланге дивизии, находился под сильным обстрелом противника и нес потери, особенно в конском составе. В уланском дивизионе было убито 6 лошадей. Под поручиком Водо, заменившим заболевшего командира 2-го эскадрона штабс-ротмистра Маркова 1-го, также была убита лошадь, а сам он сильно разбился при падении. Поручика Водо заменил поручик Гержабек.

Придя в Агайманы, 2-я кавалерийская дивизия получила приказание спешиться, передав всех лошадей для отправляемого десанта на Кубань. Лошади были оставлены только командирам дивизионов и начальникам старше. Передвижение дивизии совершалось на подводах, а бои велись в пешем строю. Десант на Кубань успеха не имел. 12 июля дивизия была направлена выбить красных из занятой ими деревни Ново-Репьевки. 13 июля у села шел артиллерийский бой. Полк нес потери. 14 июля на левом фланге дивизии 7-й кавалерийский полк успешно отражает красных, но соседний справа полк под натиском густых цепей противника отходит. Генерал Выгран вынужден вывести дивизию из боя.

15-го, продолжая отход, дивизия, подходя к большому хутору Тимофееву, заметила сильную колонну красных,двигающихся к тому же хутору. Начальник дивизии решает, ввиду превосходящих сил красных, занять прежде них хутор, как опорный пункт. Подводы скачут изо всех сил... Хутор — небольшая деревня — занимается полками на все четыре стороны и баррикадируется телегами. Петроградские уланы занимают позиции на западной стороне хутора. Красные разворачивают лавы и идут в атаку с западной и южной сторон... встреченные метким огнем винтовок, пулеметов и батарей, отходят, но вновь и вновь бросаются в атаку. Так продолжается весь день. Атаки красных все отбиты, и ночью дивизия отходит на село Петровское. На поддержку дивизии были брошены запасные батальоны пехоты, и дивизия перешла в наступление, заняв опять Агайманы и Ново-Репьевку, причем у деревни Дмитровки красные оказали упорное сопротивление. Атаку-

ющий деревню батальон марковцев деревню взять не мог и понес большие потери.

7-му Сводно-кавалерийскому полку было приказано атаковать Дмитровку. Полковник Ковалинский замещал в этот день отсутствующего командира бригады, передав командование полком командиру Петроградского уланского дивизиона. Ротмистр Рубцов послал улан атаковать деревню с фланга. Уланы были встречены сильным ружейным огнем. Штабс-ротмистр Тухшерер³⁸³ ранен. Атака петроградцев была стремительна. Корнет Протопопов бежал впереди всех. Красные не выдержали, прекратили огонь и начали уходить из деревни. Почти без выстрела уланы ворвались в западную половину деревни. Шедшие с фронта новоросийцы и лубенцы, видя прекращение огня красными и улан, уже ворвавшихся в деревню, не рассыпались цепью и в колонне двинулись в деревню. Между тем последние из отходящих красных открыли по ним ружейный огонь. Новоросийцы и лубенцы понесли потери. Подоспевший из резерва 6-й Сводно-кавалерийский полк выбил остатки красных. Петроградские уланы в своей лихой атаке почти не понесли потерь.

К августу положение на этом участке фронта было восстановлено, и 2-я кавалерийская дивизия была направлена в район Каховки, занятой красными при их общем наступлении. До 20 августа крупных боев не было, и эскадроны полка стояли по малым, близким один к другому хуторкам. Жара была страшная. От жажды спасало изобилие арбузов, так как воды в этих местах было мало.

19 августа предпринята операция с целью овладения переправой через Днепр у Каховки. Ночью выступили в направлении Каховки. Петроградскому уланскому дивизиону было приказано, соблюдая полную тишину, подойти к деревне Любимовке впереди Каховки и внезапной атакой выбить передовую часть красных из деревни. Дивизион двинулся для исполнения задачи в полной темноте, стараясь не делать никакого шума. Подошли близко к деревне... Чуть забрезжил рассвет... Неожиданно увидели себя у трех рядов колючей проволоки заграждений, за которой шагах в 500 стоял пулемет. Залегли перед проволокой, укрываясь небольшими буторками и канавками. Было ясно, что без артиллерийской подготовки позицию красных взять невозможно. Заработал пулемет красных, и уланы открыли огонь... Над цепью начали рваться шрапнели красных... Начались потери... Первым шрапнельной пулей был ранен в шею ротмистр Рубцов. Несмотря на сильный огонь, уланы вывели командира на пулеметной тачанке на перевязочный пункт... Бой под Каховкой был безуспешным. Переправа через Днепр осталась в руках красных.

25 августа 2-я кавалерийская дивизия сменена на фронте и отправлена в Крым для пополнения и посадки на лошадей. 7-й кавалерийский полк был направлен в город Карасубазар. Наконец-то можно было отдохнуть в мирной обстановке, не слыша свиста пуль и разрывов шрапнелей. Придя в Карасубазар и получив в первую очередь лошадей, петроградские уланы занялись приведением себя в порядок. Начались занятия по мирному времени, прерываемые иногда посылкой эскадронов в горы в экспедицию на скрывавшихся там «зеленых».

Дивизион был прекрасно размещен и встретил радушный прием населения. Подошла хозяйственная часть, заработала канцелярия по запущенным в боях делам. Все офицеры, пробывшие положенный срок в боях на фронте, представлены к следующему чину. Офицеры награждались чинами за боевые отличия или за положенные сроки пребывания на боевой линии фронта, но часто эти производства заваливались в штабах. Ротмистр Рубцов в сентябре месяце наконец получил затерявшееся производство в подполковники одновременно с производством в полковники. Представленные к следующему чину штабс-ротмистры Станкевич, Меньшиков, Кеденко и Марков 2-й, поручик Василевский и за боевые отличия в корнеты старший унтер-офицер Лосев узнали о своем производстве только после эвакуации Крыма.

За время борьбы с петлюровцами и большевиками в рядах Добровольческой армии офицерский состав часто менялся. Поступившие в полк офицеры старой Императорской армии находили свои формирующиеся полки и уходили к своим, другие были непригодны к службе в полку или не соответствовали по своим моральным качествам. С созданием Русской Армии в Крыму эта текучесть офицерского состава в полку прекратилась. В дивизионе установился постоянный офицерский состав из числа офицеров старого полка и вновь в него принятых. За это время в постоянный состав полка были приняты: из других полков Императорской армии — штабс-ротмистр Кеденко, Чапиковский и Тухшерер, поручики Рутковский, Василевский, Яцынич и корнет Мирович; из пехотных частей — несшие безупречную службу в конных эскадронах на фронте поручики Лукашевич, Лопушинский, Гержабек, подпоручики Кузнецов и Добрянский.

1 октября, в день полкового праздника, после парада офицеры дивизиона, полковник Ковалинский и другие их гости собрались на обед, затянувшийся до вечера. Было оживленно и весело. Еще никто не знал, что этот полковой праздник петроградских улан был последним их праздником на родной земле.

Отступление из Северной Таврии. Эвакуация Крыма

3 октября 1920 года Польша заключила мир с большевиками, а недалёковидные правительства наших «союзников» Франции и Англии делали все для прекращения борьбы армии генерала Врангеля с большевиками. Учитывая создавшееся тяжелое положение, генерал Врангель срочно подготовил план для возможно скорой эвакуации армии. Красные сосредоточили подавляющие силы против маленькой Русской Армии, насчитывающей в своих рядах к этому времени не больше 35 тысяч человек. 4-я, 6-я и 13-я советские армии и 1-я и 2-я конные армии общей численностью до 130 тысяч начали наступление по всему фронту Северной Таврии. Им была поставлена задача во что бы то ни стало, не допустив отхода войск генерала Врангеля в Крым, окружить их и уничтожить. Тяжелые бои завязались по всему фронту, начиная с 15 октября.

Во время стоянки в Карасубазаре к 7-му Сводно-кавалерийскому полку были присоединены один эскадрон смоленских улан и два эскадрона Крымского конного полка. Сумцами был сформирован эскадрон. Сумский гусар полковник Швед был назначен штаб-офицером в 7-й кавалерийский полк. В первых числах октября месяца, ввиду создавшегося положения, полк был отправлен на фронт. 2-й эскадрон крымцев и эскадрон сумцев, не успевшие получить лошадей, были отправлены в стрелковый полк 2-й кавалерийской дивизии, который весь погиб в неравном бою с красными при оставлении Крыма.

Петроградский дивизион (1-й эскадрон ротмистра Станкевича и 2-й эскадрон штабс-ротмистра Гарнич-Гарницкого) в составе полка выступил из Карасубазара. Численность полка в конном строю была невелика — приблизительно 400 шашек. Полк был направлен в село Серогозы, где полковник Ковалинский получил новое назначение командиром Сводно-гвардейского кавалерийского полка. 7-й кавалерийский полк принял полковник Попов. Через несколько дней стало известно, что талантливый, храбрый, так смело водивший полк в атаке полковник Ковалинский убит.

Конная армия Буденного, прорвав фронт, двигалась своими массами в направлении на Аскания-Нова мимо села Серогозы. Задержать ее нашими, по сравнению с ней ничтожными силами конницы, стоящей у Серогоз, не представлялось возможным. 7-й кавалерийский полк ограничился обстрелом колонн и обозов красных, под их артиллерийским огнем и наседающими конными частями отходил на Агайманы и Рождественку вместе с другими отступавшими в этом направлении частями.

17 октября конница Буденного прорвалась в Сальково и Ново-Алексеевку. Другая ее часть подошла к Перекопу. Путь отступления наших войск в Крым был отрезан. В этом году рано наступили морозы, настолько сильные, что командир полка полковник Попов отморозил ноги и принужден был ехать на повозке. Скопившиеся в селе Рождественка наши войска продолжали отход на юг, отбивая атаки преследующих их красных.

Заняв Ново-Алексеевку и станцию Сальково, Буденный, расположившись спокойно в этом районе, был неожиданно атакован двумя Донскими дивизиями корпуса генерала Абрамова под командой генерала Гусельщикова³⁸⁴, разметавшими конницу Буденного и нанешими ей огромные потери. Путь отступления в Крым через Чангарский перешеек был открыт.

Отходя от Рождественки, от Петроградского уланского дивизиона был выслан разъезд для отвода квартир в селе Ново-Троицком. Оказалось, в селе были красные, и наши дроздовцы выбивали их оттуда. Поздно вечером, войдя в село, начальник разъезда поручик Василевский заметил отъезжающие от дома священника две тачанки. По словам священника, в них были Буденный и Ворошилов, находившиеся перед тем у него в доме. Поручик Василевский бросился с разъездом за ними, но в полной темноте догнать их не мог.

Не успев расположиться на ночлег, дроздовцы и бригада 2-й кавалерийской дивизии были подняты по тревоге. Буденновцы двигались на село... Кавалерийская бригада заняла позицию с восточной стороны села. Впереди тачанки с пулеметами, за ними артиллерия, за орудиями эскадроны в конном строю — шашки к бою.. Был мороз и темная-темная ночь... Услышали приближающееся «Ура» идущих в атаку красных. Навстречу им пулеметы и орудия на картечь открыли сильный огонь, длившийся четверть часа... Настала гробовая тишина... На рассвете выступили, идя тремя колоннами к Чангарам. Кавалерия между двух колонн пехоты, все время готовая встретить атаку конницы красных. Сзади и параллельно с боков шли их колонны, обстреливая нас пулеметным огнем с тачанок, но атаковать не решались. Поручик Василевский был ранен. Проходя Сальково, увидели массу трупов красных, изрубленных нашими донцами генерала Гусельщикова, лежавших на протяжении нескольких верст. 19 октября вошли в Крым.

В 20-х числах октября красные овладели Перекопскими позициями, угрожая обходом левого фланга наших войск в Крыму. Конный корпус генерала Барбовича был направлен к Перекопу, и 27 октября конной атакой отбросил противника, но из-за мощного артилле-

рийского огня и больших потерь не мог развить успеха и отошел к деревне Юшунь. И в этой атаке петроградские уланы принимали участие.

Удержать Крым не представлялось больше возможным, и генерал Врангель приказал частям войск отходить в указанные им порты для погрузки на пароходы. Конница генерала Барбовича была направлена в Ялту. Красные шли по пятам... Огромный транспорт «Крым» уже стоял у пристани, ожидая погрузки. С болью в сердце уланы расседывали лошадей, прощаясь навсегда со своими верными четвероногими друзьями. Спускаясь с гор, красные вели перестрелку с последним, отходящим в арьергарде эскадром крымцев. Эскадрон понес большие потери, а командир эскадрона поручик Лихвинцев был ранен. Это были последние жертвы, принесенные конницей в неравной борьбе за спасение родины.

Нагруженный до отказа «Крым», убравши сходни и отдав концы, стоял, готовый к отплытию, когда со стороны Севастополя подошел миноносец и причалил к молу. С него, в сопровождении только одного адъютанта, сошел генерал Врангель, встреченный несмолкаемым «Ура» с транспорта. Обожаемый армией Главнокомандующий, вождь и правитель последней территории национальной России, генерал Врангель, как бы прощаясь с уходящими, подал знак к отплытию, сам оставая клочок родной земли последним.

Транспорт отошел, унося с собой в неизвестность остатки русской конницы. Вдали скрывался берег горячо любимой Родины, где разнужданная свобода Керенского заковывалась интернациональной властью коммунизма в цепи еще неслыханного рабства.

Галлиполи (1920—1921 годы)

Вынужденные оставить последний клочок родной земли, погруженные на все имеющиеся суда Черноморского флота, остатки Русской Армии на другой день прибыли в Константинополь, занятый нашими союзниками, где на рейде Босфора должны были выдержать 20-дневный карантин в тяжелых условиях перегруженных людьми судов.

Франция, имея в виду спасение Польши, обещавшая поддержку генералу Врангелю, забыв все жертвы, принесенные Русской Императорской армией для победы союзников над мощным врагом и спасение Парижа русской кровью в 1914 году, предъявила требование генералу Врангелю о разоружении армии, но, встретив твердое сопротивление Главнокомандующего в этом вопросе, ограничилась сдачей

пулеметов, оставив остальное огнестрельное и холодное оружие в руках русских частей. В уплату за продовольствие французам должны были быть переданы все русские суда, пришедшие с армией из Крыма. Места для размещения армии генерала Врангеля были назначены: для корпуса генерала Кутепова — Галлиполи; для казачьих частей генерала Абрамова — остров Лемнос; флот шел в Бизерту.

23 ноября петроградские уланы вместе с другими частями высадились в маленьком, разбитом во время войны городке Галлиполи. Был холодный дождливый день. Нагруженные большими, тяжелыми палатками-бараками войска уныло двигались по грязной, размытой дождями дороге для устройства лагеря в 7 километрах от города, в Долине Роз и Смерти. Так была названа эта долина стоявшими там при окончании войны англичанами. О розах не могло быть и речи, так как в долине они никогда не росли, но смертью действительно угрожали изобилующие в ней скорпионы, скалапендры, тарантулы и ядовитые змеи. Ночью тишина нарушалась воем близко подходивших к лагерю голодных шакалов. В первую ночь, установив полотняные бараки, утомленные и голодные офицеры и солдаты спали, тесно прижавшись друг к другу, на покрытой тощим слоем лозы голой, сырой земле. Пробивавшийся через плохо пригнанные слюдяные окна первый мокрый снег покрывал спящих...

На другой день и впредь их ожидал голодный, скудный паек из оставшихся после войны, залежавшихся французских запасов консервов, кусочков недоброкачественного хлеба и других продуктов, почти в микроскопических дозах.

Казалось, в таких условиях подавленные духовно войска должны были бы неизбежно превратиться в дезорганизованную толпу беженцев, но этого не случилось. Вера в своего Главнокомандующего, твердость, энергия и железная воля генерала Кутепова, непримиримость к коммунистам — захватчикам власти и горячая любовь к Родине сделали чудо — «Чудо Галлиполи». На другой же день закипела работа по устройству образцового лагеря. Нашлись мастера плести мебель из лозы, сооружать печи из глины, украшать линейки-дорожки клумбами-рисунками из разного цвета камешков. Начались занятия мирного времени. Дисциплина и выправка стали на должную высоту. Не прошло и двух месяцев, как на пустынном полуострове Галлиполи вновь возродилась небольшая, но сильная духом армия, готовая двинуться в бой по первому слову Главнокомандующего.

Прибывшие в Галлиполи части Русской Армии были сведены в две дивизии — пехотную и кавалерийскую. Последняя — в 4 сводно-кавалерийских полка. Петроградский уланский дивизион, сведенный в один

эскадрон, вошел 2-м эскадронам в 4-й кавалерийский полк (1-й эскадрон был офицерский).

С поправившимся после ранения полковником Рубцовым в Галлиполи прибыло около 90 офицеров и улан, из числа бывших на фронте при оставлении Крыма. Из этого числа несколько офицеров были зачислены в офицерский эскадрон и пулеметную команду, начальником которой был назначен ротмистр Кеденко, бывший в этой должности и в 7-м кавалерийском полку. К Петроградскому уланскому эскадрону были присоединены остатки эскадрона крымцев в числе 4 офицеров и 22 всадников. Семейным офицерам было разрешено остаться в городе Галлиполи. В строю эскадрона петроградцев в лагере Галлиполи были следующие офицеры: полковник Рубцов (командир эскадрона), ротмистр Марков 2-й, штабс-ротмистр Чапиковский, поручик Микиц и корнет Кузнецов, а в городе Галлиполи — штабс-ротмистр Рутковский, штабс-ротмистр Тухшерер и поручик Яцынич; Крымского конного полка в строю эскадрона: ротмистр Эммануэль, ротмистр Глинявский, штабс-ротмистр Петрушкевич и штабс-ротмистр Ватель; а в городе — семейный ротмистр Дмитриев.

Нахождение боеспособного Русского Корпуса вблизи Константинополя шло вразрез с политикой социалистического правительства Франции, и оно старалось всеми мерами разоружить его и распылить, превратив его в беженцев, но твердость генерала Врангеля и всех чинов корпуса не позволяли ему привести свой план в исполнение.

Первая попытка была попытка запугивания или, может быть, попытка разоружения. Французский комендант города Галлиполи предупредил генерала Кутепова о том, что стоявший в Галлиполи полк сенегальских стрелков ночью произведет маневры, и просил его «не беспокоиться». Генерал Кутепов ответил, что и он этой же ночью выводит свой корпус также на маневры и просит коменданта-француза также «не беспокоиться». Вооруженный только одними винтовками с небольшим количеством патронов корпус выступил из лагеря в направлении города на ночной маневр. Прекрасно вооруженный полк сенегальцев с большим количеством пулеметов из казарм не вышел.

Французы прибегают к другим способам. Предлагают суда для отправки всех желающих поступить на работы на кофейные плантации в Бразилию или для возвращения в Совдепию. Несколько человек — ни одного из петроградских улан — уезжают в Бразилию и никто — в Советский Союз. Французы плакатами призывают русских выйти из подчинения генералу Врангелю и обратиться в «свободных» беженцев, что вызывает только смех у всех в корпусе. Плакаты с воззванием охраняются вооруженными сенегальцами, но с неграми, которых русские всех

окрестили «Сережами», устанавливается своеобразная дружба. Вот неразлучные друзья Марков и Кузнецов подходят к плакату. Один из них, хлопая сенегальца по плечу, спрашивает: «Сенегаль бон?» — «Бон», — отвечает негр. «Мадам Сенегаль бон?» — «Бон», — отвечает расплывшийся в улыбке сенегалец. В это время другой пишет на плакате неслестные для французов примечания.

Французы сокращают скудный паек — русские затягивают туже пояса и, весело шутя, спокойно смотрят в будущее. Когда французы хотели вовсе лишиться корпус продовольствия, командование составило план движения на Константинополь. В это время братские страны — Югославия и Болгария — согласились принять к себе галлиполийцев. Пехота шла в Болгарию на работы, кавалерия — в Югославию для несения службы в пограничной страже.

Так прошел голодный год пребывания Русской Армии в Галлиполи, полный надежд на возобновление борьбы на Родине за освобождение ее от ужасов террора интернациональной власти коммунизма.

С переходом на службу и работы в иностранные государства Русская Армия, как таковая, закончила свое существование, а с нею и последний эскадрон петроградских улан закончил последнюю страницу многолетней истории Петроградского уланского полка.

*В. Марков*³⁸⁵

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПЕРВОПОХОДНИК»³⁸⁶

Только сегодня друзья переслали мне ваш уважаемый журнал № 6. В нем я нашел «воспоминания» полковника Рубцова (в прошлом; ныне — мистер Джон Русинг), воспоминания о 1-м уланском Петроградском полку периода Гражданской войны. В этих воспоминаниях я обнаружил некоторые неточности, на которые и хочу указать.

Начну со встречи в Киеве, в августе 1919 года, господ офицеров, пробиравшихся в Добровольческую армию. Среди этих офицеров ротмистра Рубцова не было. Позже мы узнали, что Рубцов служит в Украинской армии гетмана Скоропадского. Поручик Марков 1-й по поручению полковника Папчинского, узнав адрес Рубцова, отправился к нему. Рубцов встретил своего однополчанина на пороге дома, но дальше не пригласил — не знаю, из каких соображений. А на предложение присоединиться к нам (во главе с полковником Папчинским) на предмет возможного формирования нашего полка он ответил, что он останется в Украинской армии, чтобы потом «волить» под царя московского.

Следующая неточность: пресловутый Бермонт не был капельмейстером Приморского драгунского, правильнее 21-го драгунского Приморского полка. В полку я слышал, что Бермонт был сын капельмейстера одного из Сибирских стрелковых полков, доброволец в отряде генерала Мищенко в Японскую войну. Отличившись и получив, как говорили, все Георгиевские кресты, был произведен в офицеры. По окончании Японской войны Высочайшим соизволением был прикомандирован к 1-му уланскому Санкт-Петербургскому полку. В Киеве полковник (?) Бермонт не был представителем Астраханской армии, он был начальником контрразведки Южной армии, которую возглавлял генерал Иванов Николай Иудович. Бермонт нас, своих однополчан, встретил очень радушно. По его предложению мы решили формироваться при Южной армии. Я, тогда поручик Марков 2-й, был командирован в штаб Южной армии на станцию Миллерово для приема людей, лошадей, седел и пр. и пр. Попав в распоряжение, если память мне не изменяет, генерала Алексеева (однофамилец основателя Добровольческой армии) и ничего не получив за неимением, был прикомандирован к 1-му конному полку Южной армии, формировавшемуся на станции Чертково, в имении господ Чертковых. Полк располагал полувзводом в конном строю, который вскорости погиб в разведке, а прапорщику (не помню фамилии), попавшему в плен, по живому были вырезаны погоны, а гвоздями были обозначены звездочки. Этот полк возглавлялся полковником Якобсоном с группой своих офицеров (13-го драгунского Орденового полка), недурно проводивших время в господском доме.

Через месяц я «дезертировал» в Донскую армию, в Новочеркасск. В Новочеркаске я встретил однополчанина ротмистра Потапова³⁸⁷, вместе с ним мы явились к генералу Абрамову Ф.Ф., начальнику тогда 1-й казачьей дивизии постоянной армии (детище генерала Краснова³⁸⁸). Генерал Абрамов в прошлом командовал 1-м уланским Санкт-Петербургским полком. Он сразу спросил: «Где еще офицеры?» — «В Киеве». — «Один из вас отправляйтесь в Киев и направляйте всех сюда, будете формироваться при моей дивизии». Потапов сразу направился в Киев, но до Киева не добрался — бандит Григорьев уже хозяйничал на путях к Киеву. Поэтому «от поручика Маркова 2-го не было вестей».

Генерал Абрамов прикомандировал меня к 4-му казачьему полку своей дивизии. Только в 1919 году я узнал о формировании нашего полка в Севастополе. С разрешения генерала Абрамова я отбыл в Севастополь. Догнал я петроградцев уже после десанта на Одессу на петлюровском фронте. Полковник Папчинский командовал дивизионом

(слабеньким по количеству) улан, работавших отдельно от конной группы полковника Туган-Барановского, с которой уланы выступили из Севастополя в десант. Там, на петлюровском фронте, мы встретились с ротмистром Рубцовым. Он расстался с Украинской армией после краха всего украинского государства. Простите за обширность настоящего письма, короче не сумел. Написал я его не для «сведения личных счетов» — только для исправления неточностей.

С. Афанасьев³⁸⁹

ЛИХОЙ НАЛЕТ УЛАН 1-ГО УЛАНСКОГО ПЕТРОГРАДСКОГО ПОЛКА³⁹⁰

В начале августа из Севастополя отплыл транспорт «Мечта», на который погрузились кадровый эскадрон 1-го уланского Петроградского полка, Крымского конного, драгунского Новороссийского и гусарского Елисаветградского. Выгрузились в Люстдорфе и прямым путем, через Большой Фонтан, двинулись на Одессу. С моря нас поддержал английский крейсер «Карадок» и наши лихие миноносцы. Морские суда обстреляли станцию Сортировочная и внесли панику среди товарищей, а мы — «грозная» сила в 400—500 человек — наступали, и враг, около 30 тысяч, позорно бежал. Смелость города берет! Тут не было даже смелости, а просто нахальство — занять город в 800 тысяч населения. Мы превратились в кусты хризантем, которыми утыкали нас благодарные жители. На тревожные вопросы: «Сколько вас?» — мы важно отвечали: «Сорок тысяч». При виде нашей тонкой цепочки возникал второй вопрос: «Да где же они?» — «Идут вокруг города!» Так свершилось — и почти без выстрела «Одесса-мама» из красной стала белой...

В Одессе мы развернулись в дивизион и вскоре выступили на петлюровский фронт уже в конном строю. Был конец октября 1919 года. Сбив противника и идя по пятам, полк занял деревню и стал на ночлег. Мне, как взводному унтер-офицеру, надо было позаботиться о питании для улан и корме для коней. Все было налажено, а тут приказ — первому взводу выслать два разъезда. Служба не дружба! «Подтянуть подпруги» — а мне пришлось подтянуть и собственный пояс, ибо не успел поесть. Разъезд повел штабс-ротмистр Пеленкин, офицер лейб-гвардии Псковского полка³⁹¹, с 11 уланами. Задача была выследить противника и остаться в сторожевом охранении до утра, вернуться в полк и доложить. В темноте мы подошли к большой деревне

Обжила-Березовка. Противник был явно обозначен, ибо в селе играл духовой оркестр. У меня в желудке играл собственный духовой оркестр и властно требовал лопать. Ротмистр предложил пойти в село на разведку двум уланам. Я с радостью вызвался, чтобы подкормиться. Со мной пошел немец-колонист Зебальд, который прекрасно говорил на «ридной мови», я же был слабоват.

Сняли погоны, обмотали околыш фуражки белой полоской, и два «щирых» были готовы. Отправились пешим порядком с оружием. Дойдя до моста, отклонились вправо, чтобы не натолкнуться на заставу. Перешли речку вброд, благо воды было по пояс. Потолкавшись по селу и полюбовавшись, как лихо пляшут гопака, напились молока и отправились восвояси, придерживаясь пословицы «В гостях хорошо, а дома лучше».

Перешли речку и нашли место, где оставили разъезд. Нет ни разъезда, ни наших коней. На «военном совете» Зебальд настаивал, чтобы вернуться в полк. Идти пешком верст семь с полным желудком мне никак не улыбалось. Я стал доказывать, что ротмистр с разъездом долго нас ждал, они поехали по направлению к селу и там ночуют. Зебальд предложил возвращаться в полк, но до утра никому не докладывать. Я решительно двинулся по направлению к селу, тогда и он пошел со мной. Приблизились к первым хатам. Ночь была лунная, с небольшими облаками. Я приказал ему идти за мною шагах в двухстах и, если со мной что случится, вернуться в полк. Услышал ржание коней и звяканье стремян. Пополз по придорожной канаве и подполз к месту стоянки. Стал елико возможно разглядывать коней. У меня был жеребец Индеец Одесского пивоваренного завода, махина хоть куда, а у Зебальда серый жеребец. Ни одного, ни другого не видно. Ходит часовой, кашляет, и кашель незнакомый. Что за чертовщина? Решил выяснить — зажал гранату и встал.

Передо мной джентльмен в черном пальто клеш. Такого чучела у нас не было. Схватил винтовку на изготовку и кричит: «Кто?»

— А ты кто? — Началась торговля

Загнул я крепким словцом (очень помогает в таких случаях):

— Говори, или брошу гранату!

— Я Подгурский... — Действительно, к нам в тот день прибыл такой вольноопр.

На всякий случай я спросил:

— Кто командир полка и командир эскадрона?

Получив правильные ответы, выбрался из канавы. Свистнул Зебальда. Оказалось, наши жеребцы были по другую сторону скирады.

— Где ротмистр?

— Все спят под другой скирдой.

Разбудил ротмистра, доложил и получил благодарность за хорошую разведку. Я не утомился и стал доказывать, что деревня полна петлюровцами, что здесь стоит вторая дивизия и часть первой.

— Трусишка, ложись спать и не мешай мне.

— Слушаюсь.

Крепко меня зацепило слово «трусишка». Снял мокрые рейтузы и невыразимые. Стало совсем неуютно, ночь была прохладная. В моем гардеробе запасных рейтуз не числилось. Вот невыразимые были в неприкосновенном запасе. Только больно сердцещипательные. Черт надоумил шить невыразимые для красноармейцев из головных женских платков. Когда захватили интендантство, то мне выдали красоту красот неопишемую: и розы, и ромашки, и экзотические цветы всех цветов. Полюбовался я собой, и луна спряталась от зависти, но я человек скромный и, отторочив свою шинель, прикрыл свое великолепие. Очень мне не хотелось, чтобы ротмистр и ребята меня взяли в работу. Завалился спать.

На рассвете часовой разбудил. Подтянули подпруги и взнуздали коней: «Садись!»

— Афанасьев, возьми Подгурского, ты знаешь деревню, рысью на другую сторону, и там нас ждать! Покажи Подгурскому, как надо идти в дозоре. Снять винтовку, вогнать патрон в ствол и держать на бедре! Рысью марш!

Покатили, а на сердце кошки скребли: как прокатить деревню, полную врагов? Побоявшись получить вновь «трусишку», смолчал. На мосту не оказалось никого. Был легкий предутренний туман, видимость слабая. Поднялись по улице в гору и выехали на площадь. В конце церковь, а на площади масса подвод распряженных, а на подводах добра — не перечесть. Все навалено: сахарные головы, папиросы, чемоданы. Картина весьма приятная для уланского сердца.

— Подгурский, скачи и доложи, что обоз захватили, и быстро сюда. Я буду сторожить.

У ближайшей подводы стал набивать карманы папиросными коробками. Возле лежал в голубом французском шлеме добродий; проснулся и стал ругаться. Я вытащил револьвер и приказал: «Спи!» Заснул и стал храпеть.

Прискакал весь разъезд, стали будить и запрягать подводы. Все безропотно подчинялись, возможно, и не разобрались в тумане, что не свои. Напомнил ротмистру о том, что здесь целая дивизия.

— Ничего, запряжем и удерем с обозом! Пока поезжайте и посмотрите, что делается в селе.

Подгурский — за мной. Визави церкви справа был большой дом, возле ворот пика с голубым флагом, развернул: «П.2.Д.». Подумал, что это штаб дивизии. Перерубил шашкой провода полевого телефона. Сорвал флаг, отбросил ворота и въехал. Двор от улицы был закрыт постройками, во дворе стояли два экипажа и распряженные кони. Спешился и дал повод Подгурскому, поднялся на ступени крыльца. Там в сладком сне спал часовой, нежно обняв винтовку. Вырвал винтовку. Он вскочил и стал оправдываться. Я дал ему по уху и пинка ногой в одно место. Удрал. Попробовал дверь, была закрыта. Ударил прикладом винтовки часового, дверь раскрылась, и я очутился в прихожей. В углу стояла вешалка и было три двери. Самая близкая была дверь справа, я подошел и только взялся за ручку, как она распахнулась, и я увидел шестерых красавцев в белье, но, к моему глубокому сожалению, с пистолетами. Стало не по себе. Дело табак! Бежать и спастись — не убежишь, изрешетят. Сдаться? Нет, ни за что. Сердце нырнуло ниже шпор. В руках дурацкая винтовка, а я и не знал, заряжена ли она. Мое вооружение было солидное: карабин, шашка, револьвер и две ручные гранаты (на такой короткой дистанции — ни к чему). Двинь только пальцем, когда шесть дул смотрят на тебя весьма неодобрительно. Но у хозяев их вид растерянный и открытые рты.

Во время этой мертвой паузы раскрылась средняя дверь, и оттуда выскочила молодая женщина с распущенными волосами, в расстегнутом халате и бросилась ко мне с криком: «Не убивайте их!» За ней выскочил дядя с бородой (священник), схватил за руку и утащил в комнату. Положение все то же. Чудесное видение это был ангел-хранитель, а дядя с большой черной бородой показался исчадием ада, утащившим моего ангела.

Я очнулся от столбняка, и у меня мозги стали лихорадочно работать: как выкрутиться?

Незнакомка просила не убивать их — следовательно, сила на моей стороне. Просьба дамы — это закон, и его надо выполнить. Я недаром учился в Одесской 5-й гимназии. Мелькнула мысль: «Возьму на арапа!» Эта мысль подняла у меня дух, а у них произошло обратное. Я приветливо улыбнулся, отбросил мешавшую мне винтовку и сказал:

— Сопротивление бесполезно. Бронемашины на улице и эскадрон во дворе. Сдавайтесь!

Без церемоний забрал пистолеты у первых двух, заткнул за пояс, и там же очутились остальные. На душе стало весело и беззаботно. Наша взяла. Ура! Всю жизнь вспоминаю моего невольного ангела-спасителя.

В особенности волновался начдив, несколько раз спрашивал:

— Нас расстреляют?

Я его утешил, что Добровольческая армия не расстреливает, а придется ему послужить у нас рядовым, и за выслугу ему могут вернуть чины.

— Я подполковник Императорской армии.

Тогда я ему задал вопрос:

— Я предполагаю, что вы не разучились говорить по-русски?

— Нет, конечно нет.

Перешли на русский. Все та же забота: расстреляют или нет?

— Как вы нас забрали?

— Все спали.

— Заставы тоже?

— Конечно.

— Вот и войой с такой сволочью!

Я им приказал одеваться, и побыстрее. В этот момент появился Подгурский и, увидев у меня за поясом целый арсенал, пристал: «Дайте мне револьвер». Мне было неудобно его попрошайничанье, и, выйдя в прихожую, я ему дал наган. На столе лежал толстый портфель, а в углу стояло шелковое желто-голубое знамя с трезубцем и надписями. Мне было некогда любоваться им, я его сорвал с дровка, сложил и, вместе с портфелем, — за португеею. Слышу, во дворе кричит ротмистр:

— Афанаська, давай их сюда!

Вывел и представил: начдив был мужчина небольшого роста, довольно плотный, с брюшком, но выправка офицерская, лет 45, остальные были молодые. Все шло прекрасно, и ротмистр попросил начдива подарить ему на память большую украинскую кокарду на белой папаче.

— Она вам больше не понадобится.

Тот испугался: «Меня расстреляют?»

— Что вы! Я просто собираю коллекцию революционных аномалий. Спасибо, у меня много комиссарских звезд, а вот такой великолепной украинской нет.

Вдруг ротмистр стал хохотать как сумасшедший:

— Ой, не могу! Ну и пистолет улан! Ха-ха-ха! Какого полка рейтузы?

Я, к своему ужасу, увидел мою распахнутую шинель и мои слишком выразимые. К счастью, ротмистр отдал распоряжение:

— Подгурский и Зебальд — запрягать для господ офицеров экипажи. Афанасьев — по селу в разведку.

— Слушаюсь!

Вскочил на жеребца. Пока одевались и шло представление и распоряджения, прошло несколько минут. Выехав со двора на улицу, я ахнул — на улице фронтом к дому стояло 40—50 солдат в две шеренги, а возле меня стоял пан в синем жупане и черной шапке с длинным красным шлыкком и с шашкой. Пехота — с винтовками. Мелькнула мысль: «Попались, все кончено!»

Опереточный пан повернулся ко мне и разинул рот, протер глаза кулаком и еще больше обалдел. Из штаба дивизии выехал во всей красе доброволец на коне Ильи Муромца. Видя растерянность, я выхватил из моего арсенала пару pistols и ору не своим голосом:

— Бросай винтовки!

Черти — не бросают. Даю несколько выстрелов над головами. Стоят. Тогда мне помог пан и кричит.

— Хлопци, кидайте рушници! — Рушници дружно упали. Пан вскрикнул: — Хлопци, вийна скинчилася, и я иду до жинки у Киев.

Пустился в гопака так, что пыль поднял столбом. Выскочил ротмистр: «В чем дело?» — «В плен взял». — «Молодец!» — «Рад стараться!» — а сам скомандовал пану:

— Веди своих хлопцев на площадь!

Тот скомандовал, и хлопцы в ногу зашагали. Все было как сон. Второй раз в это прекрасное утро мне улыбнулось счастье.

— Афанаська, посмотри, не поднялась ли тревога после твоей пальбы.

Все казалось мне — море по колено. Доскакал до угла и увидел налево стоящих группами и курящих солдат. Подъехал и, умея уже командовать, ору:

— Кидайте, хлопци, рушници!

Хлопцы стоят и смотрят. Вид не испуганный, а любопытный. Я pistolет из-за пояса — и огонь. Хлопцы врассыпную, за хаты и плетни. Рушници на дороге не валяются. Дело дрянь. Думаю — надо драпать. В это время по мне стали стрелять, да так, что обжигало. Я думал, что мой Индеец может только шагом или рысью, а тут вдруг он взвился на задние ноги, повернулся кругом и дал такого стрекача, что я едва усидел в седле. Доскакал до поворота, повернул направо и поскакал к штабу. Вдоль по улице засвистели пули и стал строчить пулемет. Выскочил ротмистр, ему без слов было все ясно. Стрельба началась по всему селу, и палили друг в друга, не зная, где враг. Село кипело, как котел. Ротмистр выскочил во двор и крикнул:

— Уланы, за мной!

Мы поскакали на площадь к уланам, собрали их, и марш-марш. Артиллерия открыла ураганный огонь. Куда — неизвестно, но только

не по нас, хотя мы выскочили из села. Поднялись на бутор и пересчитались — нет Подгурского и Зебальда. Ранены, убиты? Я скакал последним, никто не упал.

Я соскочил с жеребуа и внимательно осмотрел его — ни малейшей царапины, я тоже без дырок. Поднялись вновь на бутор и увидели, что из села скачет всадник на гнедом коне. У Зебальда был серый жеребец, а у Подгурского вороная кобыла. Не наш. В это время за ним выскочила группа с шашками и гнала его. Шашки вон — и мы пошли в атаку. Те стали и бросили преследовать. Всадник подскакал, и оказался Зебальд. Он переседлал коня, так как его жеребец был отвратительный тем, что снимал с себя седло и рвал его.

— Где Подгурский?

— Я его видел, он бежал и держал за шиворот одного из штабных, и в руках у него был револьвер. Я проскакал мимо.

Делать было нечего. Построились и размашистой рысью пошли в полк. Стрельба в селе продолжалась, и артиллерия била. Прибыли в деревню, где полк стоял на опушке. Ротмистр доложил о происшествии, и я передал командиру полка полковнику Папчинскому шелковое знамя, значок дивизии, портфель с бумагами штаба и пять револьверов (шестой у Подгурского). Попросил и получил разрешение оставить себе испанский браунинг начдива. В Константинополе на рейде променял турку на пару экмеков (хлеба) и связку инжира. Голод не тетка!

Когда через час мы входили в село Обжила-Березовка, было спокойно и еще были видны подводы, удиравшие из села. Идя с песнями, смотрим — с чердака хаты в слуховом окне кто-то усиленно машет. Оказался Подгурский, который бросил штабного и спрятался на чердаке. Крестьяне рассказывали, что масса оружия была брошена и петлюровцы собирали и грузили на подводы. Паника была полная.

Так закончился налет на штаб 2-й пехотной дивизии пана Петлюры.

Уже здесь, в США, мне пришлось встретиться с одним из участников противной стороны, и, по описаниям моим наружности начдива, это был генерал петлюровской армии пан Пузицкий³⁹², который в Польше вспоминал этот случай. Он был кадровым офицером Российской Императорской армии в чине полковника, окончил Академию Генерального штаба. До сих пор я не знал его фамилии, ибо мы не обменялись визитными карточками.

Очень мне хотелось заехать к моей спасительнице и извиниться за переполох в ее доме, но посмотрел на эскадрон, сидевший в гимнасттерках, и на себя, который один маячил в шинели... Отложил свой визит до тех пор, пока мой гардероб будет в полном порядке.

ИСТОРИЯ АЧИНСКОГО КОННО-ПАРТИЗАНСКОГО
ОТРЯДА³⁹⁴

В феврале 1918 года, тогда штабс-ротмистр Ямбургского уланского полка³⁹⁵, Э.Г. Фрейберг³⁹⁶, укрывшись от большевистских преследований в Красноярске и оказавшись с формирующимися по линии Сибирской железной дороги отрядами атаманов Анненкова³⁹⁷, Красильникова³⁹⁸, Семенова³⁹⁹ и генерала Каппеля⁴⁰⁰, Белова⁴⁰¹ и полковника Пепеляева⁴⁰², решил приступить к организации и формировать из местных учеников гимназии, реального училища, добровольцев студентов и воспитанников Омского кадетского корпуса⁴⁰³ партизанский отряд численностью в 78 человек. В конце февраля отряд этот, собравшись на окраине Красноярска, в пешем строю, ночью, ушел в тайгу. Началось тяжелое время, обучение на поход, добывание пищи и оружия. В походе к отряду примкнули старший унтер-офицер Елисаветградского гусарского полка Марченко, который был назначен вахмистром, и венгерский военнопленный (бывший сельский учитель) Бако Бела, оказавший отряду впоследствии массу ценных услуг. К концу марта месяца отряд, делая налеты на совдепы в треугольник Красноярск — Минусинск — Ачинск, отлично вооружился, добыл даже пулемет и в полном составе сел на коней. Крестьяне хорошо относились к отряду, где могли помогали, скрывали раненых и выдавали комиссаров. Отряд стал грозой для большевиков этого района и благодаря содействию крестьян неуловимым для крупных сил большевиков. В непрерывных боях и походах прошло время до июня месяца — чешского восстания. Ко времени занятия авангардом чехов отряда полковника Пепеляева станции Мариинск Ачинский конно-партизанский отряд вышел на железную дорогу под Ачинском, взорвал железнодорожный путь и атаковал большевиков с тыла, чем способствовал продвижению отряда полковника Пепеляева дальше на восток. Вместе с Сибирскими войсками и чехами, Ачинский конно-партизанский отряд дошел до Байкала. В Иркутске генерал Эллерц-Усов⁴⁰⁴ переименовал отряд в Ачинский эскадрон. Отряд с выходом из тайги отлично обмундировался, отличительные знаки его были белые лампасы, белые нашивки, отличаясь от других беспогонных частей Сибирской армии⁴⁰⁵ того периода — белые погоны и старые кокарды вместо бело-зеленых ленточек других частей. В Иркутске часть коренных партизан воспользовалась предложением и ушла в Читинское военное училище⁴⁰⁶, откуда они через год вышли молодыми, в боях крещенными офицерами. Ачинский эскад-

рон же принял штабс-ротмистр Попандопуло и повел его снова на западный фронт, где эскадрон, войдя в состав кавалерийской дивизии, неоднократно отличался. Ротмистр Фрейберг — отец эскадрона — получил в командирование более крупную часть. Ныне кадр Ачинского эскадрона объединен в Харбине. Эскадронный праздник — 3 марта (день первого боя с большевиками). Эскадронный знак — белый мальтийский крест в терновом венце с мечами и датой 3.III.18.

Девиз отряда был: «За Веру, Царя и Родину».

Дополнение Э.Г. Фрейберга

Подтверждая сведения поручика Тимофеева, хочу их дополнить нижеследующим. До выхода из тайги, то есть до июня месяца, отряд мой состоял исключительно из гимназистов, реалистов, студентов и кадет. Кадровыми военными были только я и вахмистр Марченко. Венгерец Бако Бела исполнял обязанности курьера, поддерживая связь с остальными отрядами и чехословаками. Молодежь моя в кратчайший срок великолепно обучилась, дисциплинировалась и храбро дралась. По выходе из тайги отряд мой носил мое имя и стал называться Ачинским конно-партизанским в приказах по Сибирской армии — по месту боя и соединения с ней.

*Князь Н. Голицын*⁴⁰⁷

КОННАЯ АТАКА НОВОАРХАНГЕЛЬСКИХ УЛАН В ОКТЯБРЕ 1919 ГОДА⁴⁰⁸

В 1919 году два эскадрона Новоархангельского уланского полка⁴⁰⁹ с новомиргородскими⁴¹⁰ и смоленскими уланами составляли Сводно-уланский полк⁴¹¹, которым командовал полковник Апрелев⁴¹².

Сводно-уланский и Сводно-гусарский⁴¹³ (л.-гв. Гродненский⁴¹⁴, Изюмский и Черниговский) полки были 2-й бригадой под командованием генерала Оленича⁴¹⁵. Сводные полки 9-й и 12-й⁴¹⁶ кавалерийских дивизий составляли 1-ю дивизию (начальником которой был генерал Чекотовский) 5-го кавалерийского корпуса.

Командиром Новоархангельского дивизиона Сводно-уланского полка был полковник Кадьян⁴¹⁷. 1-м эскадронам командовал штабс-ротмистр Вилямов; 2-м — ротмистр Кирсанов⁴¹⁸; начальником пулеметной команды полка был новоархангелец корнет Капора. В но-

ябре 1919 года благодаря энергии и способностям полковника Кублицкого⁴¹⁹ (георгиевского кавалера) был сформирован Новоархангельский полк в составе 6 эскадронов, пулеметной и конно-саперной команд.

В 1919 году зима наступила рано. Снег выпал 18 октября, но морозы были еще небольшие. 1-я дивизия 5-го кавалерийского корпуса находилась в районе города Дмитриева и, по приказу командира корпуса, отходила на Глухов, Путивль, Ворожба.

В конце октября Сводно-уланский полк, после нескольких стычек с шайкой бандита-партизана Шубы, находился между городом Путивлем и железнодорожной станцией Ворожба. Имея столкновения с наступавшей пехотой Красной армии (365-м советским пехотным полком), дивизион новоархангельцев шел в арьергарде 1-й кавалерийской дивизии.

В последних числах октября полковник Кадыян получил приказ остановить своим дивизионом наступавшую пехоту красных, которая обходила станцию Ворожба с северо-востока, с намерением перерезать железнодорожную линию Ворожба — Белополье.

Еще ночью оба эскадрона вышли из села Бурын, где они ночевали, и на восходе солнца подошли к большому лесу, за которым, как выяснил разъезд, находилась пехота противника, силою в батальон. Несмотря на то что у полковника Кадыяна было в 1-м эскадроне только 40 шашек, а во втором — 60, он решил атаковать батальон красных в конном строю.

Пулеметная команда заняла позицию на опушке леса и открыла огонь по цепи противника, которая залегла и стала продвигаться перебежками.

Пулеметы корнета Капора стреляли очень метко, и много перебежавших красноармейцев оставались на месте. До них было около версты.

Оба эскадрона стояли развернутым фронтом за лесом, слышали ружейную и пулеметную стрельбу, но еще не видели противника.

Полковник Кадыян скомандовал: «Дивизион, шашки вон, пики к бою, слушай!» (первые шеренги были вооружены тяжелыми деревянными пиками).

Командиры эскадронов повторили эту команду своим эскадронам: «Дивизион, рысью марш!»

Выйдя за край леса, уланы увидели противника, до которого было с полверсты. Командиры эскадронов скомандовали: «Стой, равняйся!» Полковник Кадыян перекрестился, вынул шашку и крикнул: «С Богом!»

Командиры эскадронов скомандовали: «Правое плечо вперед, в атаку, карьер, марш-марш. Ура!»

Уланы подхватили «Ура» и дали шпоры.

Поле было ровное, снег неглубокий, что не затрудняло атаки.

Стреляя на ходу, красноармейцы стали сбегаться в кучу для отражения атаки, но не успели, как на них налетели уланы.

Многие пехотинцы становились на одно колено, выставляли перед собой, уперев приклад в землю, винтовку со штыком, на который напарывались уланские лошади.

Во время Гражданской войны почти вся регулярная кавалерия была вооружена английскими палашами, очень неудобными для рубки, так как у них был очень широкий обух и узкий клинок. Но офицеры и кадровые нижние чины научили молодых добровольцев пользоваться этим оружием.

Во время атаки около 25 лошадей были ранены штыками, столько же приблизительно улан. Тяжелораненых — 4, убит 1 — улан первого эскадрона Попивненко.

Под штабс-ротмистром Вилламовым убита штыком лошадь. Он первый налетел на противника, обогнав свой эскадрон и полковника Кадыяна, под которым лошадь была ранена пулей в голову.

Около 150 красноармейцев были убиты и ранены. Остальные, около 300, бросились бежать к другому лесу на северо-восток.

В это время полковник Кадыян закричал: «Пленных не брать, это китайцы!» Это действительно были китайцы, но не простые.

Еще в 1918 году военный нарком Троцкий стал формировать «интернациональные бригады», состоявшие из коммунистов и бандитов разных стран.

Китайское правительство Сун Ятсена прислало «добровольцев», выпущенных из тюрем, — убийц и грабителей, ожидавших смертной казни. Они зверствовали по отношению к русскому населению, и уланы видели, как они расправлялись с крестьянами в районе Глухова (не лучше их были венгры).

Китайцы бежали к другому недалекому лесу, а уланы носились по полю, коля их пиками и рубя палашами. Все же было взято в плен 3 китайца, хорошо одетых и вооруженных пистолетами «маузер». По всей вероятности, они были начальниками.

Ввиду того что они по-русски не говорили (или не хотели), а среди улан никто не знал китайского языка, они были отправлены в штаб дивизии. Проходя на следующий день через город Белополье, уланы увидели, что они были повешены перед железнодорожной станцией.

Трофеями этого боя было два пулемета Максима, три Люиса, винтовки, ручные гранаты и большое количество патронов, которых в Добровольческой армии всегда не хватало.

В то время как уланы носились по полю за китайцами, из другого леса, к которому бежали китайцы, вышла пехотная цепь противника, но, увидев уничтожение китайцев, она пошла обратно в лес и открыла редкий огонь, который никакого ущерба нам не приносил.

Благодаря этой атаке, остановившей наступление красных на станцию Ворожба, был погружен воинский поезд, который мог беспрепятственно отойти.

Настроение в полку было всегда бодрое. Любое наступление красных всегда бывало отбито, а теперь, после боя с китайцами, настроение стало еще более приподнятое. «Теперь пойдём опять в наступление».

Но вместо этого пришлось идти на Белополье, Сумы... Харьков... Новороссийск.

*Ф. Крамарев*⁴²⁰

ЭПИЗОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ПРОИЗВОДСТВО⁴²¹

В этот достопримечательный для меня день не все было так, как еще гимназистом в Петергофе я представлял себе мое производство. Вместо Петербурга — село Торгаевка в Северной Таврии; вместо первого поздравления Царя-Батюшки, производившего юнкеров, — мрачный ротмистр Маркевич⁴²², который пробасил: «Поздравляю К., писарь принес из штаба полка приказ о вашем и Бемянского производстве, идите надевать новые погоны». Вместо поздравления родных и знакомых — правда, сердечные, но однообразные поздравления кавказцев моего взвода: «Паздравляю гаспадынь корнэт, дай тэбэ Бог до гэнэра-ла дослужиться». Вместо красивой парадной формы — случайно сбереженные синие штаны, сделанные к этому дню новая гимнастерка и новые георгиевские ленточки к крестам.

Наконец, вместо хорошего ресторана — четверть самогона с горячим «корн-бифом» в офицерской хате. Но все же это был мой самый счастливый день за время Гражданской войны. Бемянский и я пошли к эскадронному портному, и он нашел нам погоны, на фуражки надели офицерские кокарды, почистили получше сапоги и «парад был наведен».

Приняв поздравления во взводе и от вахмистра Коробаса, я пошел являться господам офицерам эскадрона. Они все были во дворе своей хаты, и, подходя по старшинству к каждому, я повторял слова явки: «Господин ротмистр (поручик, корнет) честь имею явиться по случаю производства в первый офицерский чин».

Этот день и следующие все — подтверждения, что я уже офицер, не переставали меня радовать. Выйдя первый раз из расположения эскадрона, я наткнулся на строящихся изюмских гусар, и хотя не сразу сообразил, что это ко мне относится, но зато потом очень гордо ответил «Вольно» на команду их вахмистра «Смирно, равнение налево». А у себя в эскадроне я даже покраснел, когда вахмистр Коробас спросил, назначить ли мне вестового или мне угодно самому выбрать. Я ответил, чтобы он назначил немца-колониста Гека, который меня уже об этом просил. Гек стремился в вестовые, чтобы избежать пики и назначений без меня в разъезд, полевой караул и другие наряды, но отказать кому бы то ни было я сегодня не мог. Будущее показало, что хотя Гек был отчаянный трус, я думаю, самый большой в полку, но обо мне все же беспокоился, если этому, конечно, не мешали выстрелы. Под огнем бедный малый становился каким-то серо-зеленым и переставал совершенно соображать. Самый постыдный случай — это его самоличное отступление после конной атаки на конницу красных у Днепровских плавень. Ударяя с перепугу, он не только проехал наш обоз, но, взяв твердо направление на юг, в конце концов очутился в нашей базе в Крыму, в 200 верстах от Днепра. Далеко, конечно, ему было до командирского вестового, вестового Ш., — ихого Али и до расторопного Дуракова — вестового Г, но, когда выдавались тихие дни, мой хозяйственный Гек был незаменим.

Вечером за стаканом самогона мы с Белянским принимали вторично поздравления. Были гости. Ахтырец ротмистр Ерофеев⁴²³ донимал нас — новопроизведенных зверей. Этот бесстрашный, лихой кавалерист был, как всегда, душой общества.

Наши офицеры нас тоже поддукивали для порядка. Один из гостей, поручик Н., драгунского полка, фамилию его все забыли, так как за чрезмерное употребление спиртных напитков он давно слыл за поручика Каца, долго рассказывал про вчерашнее дело их полка. Так как в поручике было уже большое количество самогона, он начал его представлять и никак не мог кончить свои тра-та-та-та. Г. и я вышли освежиться, из хаты все неслошь тра-та-та-та. Миша уверял, что, пока поручик Кац не выпустит 5—6 лент, он не успокоится. Как говорится, беседа затянулась далеко за полночь, и было поздно, когда Ц. и я пошли в нашу хату, стоящую в поле недалеко от командирской, в которой мы пиروвали. Рано утром было назначено выступление.

Пробуждение мое на следующий день производства тоже не лишено было приятностей. Только стало рассветать, я проснулся от стука копыт, вскочил со стога сена, где мы с Ц. спали, и увидел вестового князя, приведшего своему поручику лошадь. Первое — что меня

обуял страх — проспал водопой и уборку, если эскадрон уже строится. Второе — чувство радости и полное успокоение. Ведь я офицер, и мне тоже приведут напоенную и убранную лошадь. Как подтверждение этого, снова услышал стук копыт, и передо мной появилась фигура Гека, державшего в поводу моего коня. Вторая радость была, когда полк двинулся, выехать с моего четвертого взвода, в голову эскадрона к господам офицерам. Но главное — это то, что никогда не поймет тот, кто не был произведен на фронте, после лямки нижнего чина. Эта неожиданная легкость иметь на себе только шашку и револьвер. Ведь часто бывало, что по 24 часа не снимаешь винтовки и подсумка.

Впереди, в хвосте ахтырцев, их пулеметчики запели на мотив «Разбойнички идут»:

Ех, тучки, тучки повисли,
И с моря пал туман,
Скажи, о чем задумал,
Барбович генерал!

А сзади меня неслась песнь наших кубанцев 1-го взвода:

Ой, при лужку, при лужку,
При счастливой доле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.

Справо по три, длинною лентой, тянулись шесть эскадронов нашего полка. Опять на север в бой с красной нечистью. В неравный бой, который тянется уже два года. Ни одно сердце во всем полку не билось, наверно, так радостно, как мое. Со вчерашнего дня я больше не гимназист-доброволец, а офицер одного из старейших полков⁴²⁴ Русской Императорской армии.

С. Кох⁴²⁵

ВСТРЕЧА С МАХНОВЦАМИ⁴²⁶

Осенью 1919 года, после взятия города Севска, Орловской губернии, Сводному полку 9-й кавалерийской дивизии было приказано идти на станцию Путивль для погрузки в эшелоны.

Нас перебрасывали в отряд генерала Ревизишина⁴²⁷ на махновский фронт, в район Екатеринослав-Александровска. К этому времени полк имел 9 эскадронов по 3 от каждого полка, входящих в состав 9-й кавалерийской дивизии (казанских драгун, бугских улан и

киевских гусар), и представлял собой самую крупную часть кавалерийского корпуса.

29 сентября, после ночевки в селе Полковничья Слобода, полк вышел по направлению на станцию Путивль. 4 октября мы выгрузились на станцию Волноваха Екатеринославской губернии.

Началась новая эпопея в жизни полка. Тогда еще дела на фронте были блестящи. Армия неудержимо неслась на Москву. Большевики отступали повсюду.

На Махно смотрели как на бандита, с которым легко справиться, и настроение у всех было бодрое.

Бои с Махно начались через 3 дня после нашего прибытия на фронт. Сильный конный отряд с большим количеством пулеметов и даже артиллерией был нами встречен около станции Петровская. Совместно с Терской бригадой мы его атаковали и взяли несколько пулеметов и пленных. После этого дней пять было спокойно, и мы вернулись снова на станцию Волноваха, где, погрузивши в вагоны, нас перебросили на станцию Ивковка, между станциями Синельниково и Александровск. Выгрузились и двинулись по направлению на Славгород. Несколько раз махновцы нападали на нас, издали обстреливали и моментально скрывались, не выдерживая боя. Ночью они каким-то образом умудрялись пройти в тылу у нас, и нам приходилось возвращаться обратно искать их. Их банды, разбросанные по степи, боялись решительных встреч с нами и отделялись изредка нападениями на наши разъезды и обстрелами с далекого расстояния.

23 октября мы вышли из села Михайловка по направлению к Кичкасскому мосту. Полк шел в составе семи эскадронов, так как 2 драгунских эскадрона, 1-й и 3-й, были в отделе, с левой стороны железной дороги линии Синельниково—Александровск. Они должны были идти прямо на Александровск. Ночью шел сильный снег и было холодно. Утром снег растаял, и резкий степной ветер немного высушил землю. В голове полка шел наш 2-й драгунский эскадрон.

Пройдя верст 10, мы заметили слева на горизонте какой-то обоз. Командир полка выслал навстречу наш 2-й эскадрон узнать, что за обоз. Командир эскадрона ротмистр Фальц⁴²⁸ повернул эскадрон налево, и на рысях мы пошли к обозу. Еле-еле можно было в бинокль различить подводы, тачанки и несколько конных.

Вдруг со стороны обоза послышался треск пулеметов, и около нас засвистели пули. Видно было, как обоз остановился и тачанки и подводы, повернувшись, открыли по нас огонь.

Послышалась спокойная команда ротмистра Фальца: «Эскадрон, в лаву... разомкнись» — и эскадрон веером рассыпался в лаву. Тот-

час было выслано донесение командиру полка, что обоз — махновский и по нас открыт огонь из нескольких пулеметов. Эскадрон, рассыпавшись в лаву, стал ждать распоряжений. наших три пулемета вылетели впереди лавы и открыли, в свою очередь, огонь по обозу, но это только усилило огонь противника. Уже стреляло несколько десятков пулеметов.

Через несколько минут мы увидели, что наш полк, удалявшийся от нас, получив наше донесение, круто повернул по направлению к нам. Не доходя до нас, полк развернулся в лаву, гусары составили правый фланг, уланы зашли влево, и мы оказались в середине лавы. Послышались команды:

— Шашки вон, пики к бою! В атаку... карьером, марш-марш!.. — И полк понесся.

Пулеметный огонь противника к этому времени усилился. По нас стреляло больше ста пулеметов. Казалось, что мы попали в какой-то громадный улей и миллионы пчел гудят над нашими головами. Ничего не было слышно. Крики «Ура», топот нескольких сот лошадиных ног, треск пулеметов, сплошной гул пуль заглушали команды офицеров: «Равняться, равняться».

Полк шел бодро. Земля немного подсохла, накануне полк ночевал, и лошади отдохнули. Сегодня мы сделали только 10—12 верст, и сейчас лошади легко неслись по степи, шутя беря рвы и канавы между участками полей. Уже подскакивая к обозу, мы заметили, что в нем страшный переполох. Махновцы рубят построжки и, сев на запряженных лошадей, удирают, по степи уже бежало несколько десятков пеших. Но не тут-то было. Уланы и гусары загнули фланги, и обоз попал в кольцо.

Началась расправа. Пулеметный огонь прекратился, слышались только отдельные выстрелы, крики «Ура», вопли о пощаде. По всей степи разлетелись конные и тачанки. Махновцы пытались удирать, драгуны, уланы и гусары ловили их и рубили шашками и стреляли из винтовок. Большинство махновцев упорно защищались, боясь попасться в плен и не надеясь на пощаду. Они в упор стреляли из пулеметов и револьверов. Остальные кричали, что они мобилизованные, и просили пощады. Через несколько минут все было кончено. Со всех сторон начали стекаться наши, ведя пойманных лошадей, тачанки с пулеметами, пленных махновцев.

Невинный с виду обоз оказался 1-м пулеметным полком имени бати Махно. Полк этот был уничтожен почти целиком. Из 120 пулеметных тачанок нами было взято 97, остальные успели перебежать на левую сторону железной дороги и наскочили на наши 1-й и 2-й драгунские

эскадроны, которые их перебили и взяли пулемет. Наш полк получил большие трофеи. Взяли много лошадей, пулеметы, из них большинство исправных, некоторое число было, очевидно в последнюю минуту, испорчено махновцами. Кроме того, было взято много вещей, найденных в тачанках. Все тачанки и подводы были набиты до отказа самыми разнообразными вещами, вероятно взятыми в разграбленных ими немецких колониях. Были шубы, одежда, сапоги, табак, вино, серебряная посуда, женские платья, белье, продукты.

Махновцы, захваченные в плен и убитые, в большинстве были молодые люди, хорошо одетые, почти все в хороших шубах и сапогах, с виду зажиточные крестьяне-хуторяне. Лошади тоже рослые, сытые, в большинстве тоже ограбленные у немецких колонистов. Сейчас же исправленные пулеметы и тачанки с лошадьми были поставлены в строй. Наши солдаты заменили махновских пулеметчиков, а остальное имущество было отправлено в обоз.

Были ли махновцы неопытными пулеметчиками, или же от неожиданности атаки они не смогли пристреляться, но у нас почти не было потерь, за исключением нескольких лошадей и солдат, раненных легко. Пули, несмотря на огонь ста с лишним пулеметов, шли поверху или взрывали землю перед нами, не причиняя вреда... Команда: «По коням!» — и через несколько минут полк длинной лентой потянулся на Кичкасс. Сзади на степи оставались трупы лошадей, махновцев, несколько сломанных подвод и тачанок и разбросанные вещи, вынутые из тачанок. Конная атака кончилась.

*А. Столыпин*⁴²⁹

В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ⁴³⁰

Дневник времен моего участия в Добровольческой армии (1919—1920) утерян, и мне приходится ограничиться описанием отдельных событий и боев, которые почему-то запомнились.

Нелегко хотя бы приблизительно восстановить список офицеров-нижегородцев в составе Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии⁴³¹, в который входили эскадроны Нижегородского⁴³², Северского⁴³³ и Тверского⁴³⁴ полков. Приданы были взамен Терского казачьего полка императорских времен эскадроны Переяславского драгунского полка⁴³⁵.

Некоторые наши офицеры принимали участие в борьбе против красных еще до моего прибытия в город Керчь и продолжали эту борьбу в

Керчи, а затем в Крыму. В дальнейшем к нам присоединились еще другие однополчане. Все они — и прикомандированные офицеры других частей — воевали до отхода в Польшу. При генерале Врангеле нас уже было меньше, так как некоторые офицеры, бежавшие из польского лагеря, остались в Европе и, кроме того, были и потери.

Выехал я из Батума с нашим полковником князем Борисом Львовичем Голицыным на английском военном судне «Спирака». Это был небольшой пароход, предназначенный для борьбы против подводных лодок, в сущности, судно торгового флота с закамуфлированными орудиями.

Высадились мы в Керчи усталыми, но довольными. Коней у нас еще не было. Было два пешеходных Нижегородских эскадрона. Одним командовал подполковник князь Сергей Львов⁴³⁶, другим — осетин, ротмистр Константин Тускаев⁴³⁷.

Из младших офицеров были в Керчи братья князя Бориса и Юрия Абашидзе⁴³⁸, поручики Аркадий Столыпин, Михаил Эссен, барон Дмитрий Фиркс⁴³⁹, корнет Алексей Маклаков⁴⁴⁰, братья Иван⁴⁴¹ и Николай Старосельские⁴⁴², граф Борис Шамборант⁴⁴³, Владимир Попов, Всеволод Исаев II и бывший наш вахмистр 3-го эскадрона. Был там и брат корнета Маклакова Леонид⁴⁴⁴, который был вольноопределяющимся.

В Керчи был убит штабс-ротмистр князь Борис Абашидзе I, тяжело ранены и в полк не вернулись корнет граф Мусин-Пушкин⁴⁴⁵ и Николай Старосельский. Я тогда был легко ранен в руку.

В бою под селом Ак-Манай в Крыму были ранены наши нижегородцы — поручики Михаил Эссен и корнет Иван Старосельский и Всеволод Исаев II.

После выхода из Крыма к нам присоединились нижегородцы — полковники князь Борис Голицын и Борис Шереметьев, штабс-ротмистр граф Лев Шамборант⁴⁴⁶, поручики Константин Сахновский, Василий Гейдер, князь Никита Лобанов-Ростовский⁴⁴⁷, корнет Николай Болдырев, Сергей Кишинский⁴⁴⁸, князь Долгорукий, князь Юрий Гагарин⁴⁴⁹, Козлов (бывший вахмистр Нижегородского полка) — и прикомандированные — корнет Фрейман, казак-хорунжий Алексей Беднягин⁴⁵⁰, корнет Майборода Дагестанского конного полка и поручик Самоваленко из отряда генерала Шкуро.

По возвращении из Польши число наших офицеров в армии генерала Врангеля уменьшилось. В Польше скончался от туберкулеза ротмистр Константин Тускаев. Были убиты корнет князь Долгорукий и корнет Сергей Кишинский. Последний получил разрешение начальства отыскать свою семью в Румынии и был убит румынами на реке Днестре. Ранены были поручик барон Дмитрий Фиркс, поручик Аркадий Столыпин (в

ногу), а корнет Иван Старосельский был переведен в лейб-гвардии Конный полк.

Насколько помню, в армии генерала Врангеля, кроме меня, были налицо подполковник С. Львов, братья Лев и Борис Шамборанты, братья Алексей и Леонид (вольноопределяющийся) Маклаковы, Фрейман, хорунжий Беднягин и корнет Люфт⁴⁵¹. Были, очевидно, и другие, но не могу припомнить, кто.

По словам ротмистра Карцева⁴⁵² Тверского полка и нашего нижегородца Ивана Старосельского, в Добровольческой армии воевали следующие офицеры Сводного полка.

16-го Тверского драгунского полка:

— ротмистр Жданко, штабс-ротмистры Сахаров, Карцев, Денисов, поручики Шалонский, Леонов, корнеты Левандовский, Басиев, Вилинский, Юзвинский⁴⁵³; прикомандированы: штабс-ротмистры Бенецкий, Повshedный.

18-го Северского драгунского полка:

— полковник Владимир Попов, ротмистры Леонид Ермолов⁴⁵⁴, Павел Иванов⁴⁵⁵, штабс-ротмистры Харитов⁴⁵⁶, Игорь Червинов⁴⁵⁷; прикомандирован Хартулари (из конно-горного артиллерийского дивизиона).

15-го Переяславского драгунского полка:

— полковник Вахвахов⁴⁵⁸, подполковник Щастливцев⁴⁵⁹, ротмистр Лельевр⁴⁶⁰, корнеты Орлов, Балашев⁴⁶¹, прапорщик Тер-Погосов.

Бои под Керчью

Керчь — древняя Пантикапея — расположена в глубине залива. Слева от города — мыс, на котором небольшая деревушка и Брянский завод, а на мысу, что справа, — Керченская крепость. Военного значения она уже давно не имела. Но еще были целы бастионы и разные эскарпы, контрэскарпы и валы.

Старушка крепость стала уютной, обросла травкой и кустами черемухи и сирени. В цветущих кустах — дело было весной 1919 года — заливались соловьи, и «каждый вечер в час назначенный» наши господа офицеры из молодых гуляли вдоль валов с местными сиренами.

Коней у нас тогда еще не было. Одеты и обуты были мы кто как. Младшие офицеры находились на солдатском положении или почти. Старых драгун было мало... Кто же были наши солдаты? Да больше бывшие матросы и солдаты-красноармейцы, либо перебежавшие на нашу сторону, либо из пленных. Много было и разных молодых добровольцев. Особого доверия к солдатам, признаться, у меня не было.

Во время ночных обходов я избегал идти первым и всегда имел за спиной верного человека.

События вскоре подтвердили мою настороженность. Коренной нижегородец, полковой наездник Воронов был захвачен в плен большевиками; притворившись человеком левых взглядов, он постепенно вошел в их доверие, недели через три бежал. Вернувшись к нам в полк, он доложил, что среди наших солдат уже существует ячейка заговорщиков, готовящихся перебить офицеров. Воронов даже назвал некоторые фамилии... Своих ребят мы тогда еще мало знали, и лишь со временем плевелы были отделены от зерна.

Вокруг города были знаменитые Керченские каменоломни. Это своего рода подземный город с широкими галереями-улицами, перекрестками и площадями. Из этого лабиринта, из этих катакомб добывался ранее легкий, но прочный строительный камень. Теперь в каменоломнях скрывались выбитые из города красные — большевики-матросы Черноморского флота, а также рабочие, дезертиры и просто уголовники. Мы были наверху и следили за выходами из этого лабиринта. Они же жили внизу своей кротиной жизнью. У них были запасы и оружие. У нас все это тоже было, но были еще солнце, небо и море...

Некоторые неизвестные нам галереи выходили в пригороды и села, и у красных этим путем были связи с жителями. Главные выходы охранялись нами денно и нощно, но на все выходы у нас не хватало людей. Красные делали вылазки. Раз даже под вечер прорвались в конном строю мимо одной нашей заставы, так как у них были и кони, правда, немного...

Оставалось взрывами завалить выходы из галерей. Достали бочки с мелинитом, похожим на желтый серный порошок. Мелинит плохо взрывается, и, чтобы его «разбудить», нужен динамит. Этим делом занялась наша подрывная команда, и вскоре почти все выходы были завалены. Почти, да не все... Перестрелки продолжались, и однажды пулей в глаз был убит сапер капитан Червинов.

Не полностью удовлетворительным оказался и главный взрыв. При свете факелов наши драгуны вкатили двенадцать бочек мелинита, провели бикфордовы шнуры... А мы снаружи смотрели на часы и считали минуты. Глухой гром и дым вырвались из галереи. Внутри произошли обвалы и образовались трещины. Но большевикам все же удалось выбраться через боковые галереи.

Однако эти взрывы действовали на нервы красным. Да и само житье в полумраке и боязнь быть заживо похороненными доводили некоторых из них до отчаяния. Об этом слышали мы от пленных...

Я часто бывал в галереях и раз после очередного взрыва был спущен на веревке. За мной спустилось несколько охотников с факелами. Долго и бесшумно шли мы по мягкой пыли среди гробовой тишины. Оставив людей за углом, я прокрался в темноте вперед, держась за стену до следующего поворота. Заглянул за угол: нечто вроде окопа и тусклый фонарь на шесте — их аванпост... Продолжать далее разведку нам не было предписано, да и ручных гранат мы с собой не захватили. Повернулись и бесшумно ушли.

Помню перестрелку около крепости Барон Фиркс лично бил из пулемета. Рядом со мной в цепи лежал солдат, который вскоре получил пулю около уха. Он стонал, и я его оттащил за куст, где он и умер. Фамилия его была Предвечный.

Однажды под утро нас в крепости разбудила орудийная пальба. Было еще темно, но видно, как с наших и английских военных судов пускали ослепительно белые ракеты и били из морских орудий по траншеям, в которых засели большевики. Слышна была и пулеметная трескотня... Я смотрел и слушал как зачарованный. Меня грызло нетерпение и было немного стыдно смотреть на все это издали! Часа через три — это было 10 мая — я отпросился в город, нанял пролетку и добрался за пригороды. Кто бы подумал, что можно взять извозчика, чтобы попасть на поле сражения? Почему-то вспомнился Пьер Безухов!

По дороге мне сказали, что у нас были тяжелые потери. Я завернул в госпиталь. Князь Борис Абашидзе лежал с забинтованной шеей и головой — пуля разбила ему шейный позвонок. Абашидзе что-то шептал. Я к нему наклонился: «Мухи!» Проклятые мухи не давали умирающему покоя. Я долго держал его руку и отгонял мух. Затем вызвал сестру и вышел. Бориса Абашидзе я больше не видел.

В соседней палате лежал другой наш нижегородец — граф Алексей (Мумка) Мусин-Пушкин. Бедному Алексею отняли правую руку. Лежал он тихо, не жаловался, вел себя геройски. Был он, разумеется, слаб и бледен. Я мысленно перенесся в Петербург, где я так часто бывал в этой семье на Литейном проспекте, 17.

Выходя из госпиталя, я нахлобучил папаху, чтобы скрыть слезы, — нервы были, очевидно, несколько потрепаны.. Дальше уже пешком добрался до окраины села. Шла стрельба. На высоком Царском кургане лежал у пулемета ротмистр Северского полка Леонид (Леня) Ермолов. Изредка садился и давал короткие очереди из своего «максима». Взобрался к нему. «Где наши?» — «Твои — тут совсем близко — вон там... Только бежать тебе придется шагов эдак двести и во всю прыть». — «Почему во всю прыть?» — «Да потому, что «они» почти рядом, рукой

подать, у входа в галереи, и могут ухлопать в упор». — «Так как же быть?» — «Да как быть — лупи во весь дух, а я буду их поливать из пулемета».

Сказано — сделано, да не совсем удачно. На полпути споткнулся и упал. Упал, впрочем, удачно, за невысокое прикрытие, может, в поларшина высотой. Махнул Ермолову, что, мол, жив-здоров. Лежа осмотрелся: недалеко лежал наш солдатик. Подполз: «Что с тобой?» — «Ох, лихо, помираю... в живот, сволочи, саданули... водички, ради Христа...» Фляги у меня не было. Солнце пекло. Раненый тихо стонал (его вынесли, когда стрельба ослабела). Надо было решаться. Набрал воздуха в легкие, перекрестился и ринулся. Ермолов открыл огонь... Добежал к своим и узнал, что корнет Николай Старосельский, младший, тяжело ранен осколками ручной гранаты и что потери большие.

Под вечер огонь прекратился, жара стала спадать. Стояли мы под откосом, мирно болтали, курили, шутили — реакция после боя. Неожиданно где-то в тылу щелкнул ружейный выстрел, и пуля дала звонкий рикошет у моих ног. Другой выстрел: острая боль... правая рука повисла как плеть, пальцы свело, и они перестали двигаться. Этого еще не хватало! Выяснилось, что стреляли с колокольни церкви. Пуля тронула руку между локтем и кистью... Неизменный Ермолов снова открыл огонь, пока я добежал до кургана.

В больнице, где я оказался утром, уложили, впрыснули морфий. Через несколько дней под вечер пароходик доставил меня на Таманский полуостров.

Там в госпитале милейшая старшая сестра Щетинина поместила меня на матрасе рядом с койкой Николая Старосельского. Его рана была в плохом виде и сильно пахла. В углу палаты лежал Мусин-Пушкин, к которому дня через два приехала мать. Ему предстояла еще одна операция: руку должны были ампутировать уже у самого плеча (оба выжили и в дальнейшем уцелели).

На четвертый день пальцы у меня стали двигаться. Я вернулся в Керчь, где не без скрытой гордости нашел на рукаве первую золотую полоску — знак ранения... Между тем сопротивление противника в Керчи постепенно слабело. Назревало общее наступление на север — через Перекоп в Таврию.

Нас стали высылать в сторожевое охранение вдоль Керченского пролива. Степь цвела. В прозрачной морской воде мы ловили рыбу, не брезгуя даже плебейскими бычками. Получали из города в плетенных из лубка коробках небольшие копченые керченские селетки — лучшие в России. После каменоломен это был сущий рай... По ночам шагал я с карабином за плечами в сторожевом охранении. Всмотривался в тем-

ную даль и прислушивался к ночным шорохам. Это было наше настоящее. Было и прошлое, но оно казалось бесконечно далеким...

Бой у Брянского завода записываю со слов нашего корнета Ивана Старосельского — брата Николая.

9 мая 1919 года один из двух Нижегородских эскадронов Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии был под командой осетина — ротмистра Константина Тускаева. Эскадрон был расквартирован в зданиях Брянского завода. Налицо были штаб-ротмистр князь Борис Абашидзе, корнеты Иван и Николай Старосельские, граф Алексей Мусин-Пушкин и Люфт. Там же находились казаки-пластуны, вероятно, сотни две...

Завод был недалеко от каменоломен, и потому особое внимание было обращено на усиленное сторожевое охранение. Окопы наши были в метрах 500—600 от красных... Решено было атаковать противника в пять часов утра. Мало кто из нас спал в эту ночь. Все же я наконец заснул. Разбудил меня разговор между Мусиным-Пушкиным и офицером Переяславского драгунского полка, фамилию которого не помню. Оба видели сны. Причем Пушкин видел во сне, что его ранило в правую руку, а переяславец — в левую. «Сон в руку» — как они острили... Что удивительно, это что после боя Пушкину отняли правую, а переяславцу левую руку! Ни тот ни другой в Сводный полк больше не вернулись.

В 4 часа 30 минут утра наши миноносцы и английские суда открыли огонь по окопам большевиков, а в 5 часов утра мы начали продвигаться. Я командовал одним взводом, а Пушкин — другим. Шли мы рядом и, как сейчас помню, в руках тросточки.

Пройдя шагов 200 по направлению к окопам противника, мы были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем. Несколько драгун были уже ранены, как вдруг Мусин-Пушкин упал, хватаясь за живот: «Я умираю, дай знать матери в Новочеркасск!» Ему одна пуля попала в правую руку, раздробив локоть, а другая скользнула по животу, не причинив ранения; но удар был сильный, и он подумал, что ранен в живот... Я сорвал с шашки «индивидуальный пакет» и, сняв с Мусина-Пушкина шинель и китель, увидел, что правая рука его висит на связках и коже и что кровь хлещет вовсю. Я помнил еще из уроков военной гигиены в Пажеском корпусе, что в подобных случаях надо перевязывать руку выше раны, не затягивать слишком туго, чтобы кровь могла немного просачиваться, дабы избежать гангрены. Перевязав руку, как полагается, я приказал драгуну Ельникову, который лежал рядом со мной, чтобы он и еще двое драгун вынесли корнета Мусина-Пушкина до перевязочного пункта...

Собрал я драгун. Увидев, что потери большие, послал донесение ротмистру Тускаеву, командовавшему эскадроном, спрашивая указаний. Ответ был: «Немедленно взять Царский курган!» Это был высокий курган. На нем засели большевики с пулеметами. Рассуждать было нельзя. Двинулись вперед, забрали курган, оттуда спустились вниз, захватили еще несколько рядов окопов... Слева от нас наступали два других взвода, при них был мой брат Николай. Задача их была занять деревню Старый Карантин.

Сидел я в захваченном окопе, когда ко мне подошел драгун, посланный корнетом Люфтом (бывший вахмистр 3-го эскадрона), и сказал: «Ваш брат тяжело ранен и эвакуирован. Ранен также штабс-ротмистр Столыпин, который командовал левым крылом».

К вечеру, ввиду наступившего затишья, я отпросился у ротмистра Тускаева, пошел на пристань, где стоял пароход Красного Креста, и разыскал брата. Он был ранен в обе ноги пулей и гранатой, вырвавшей ему часть ноги от колена до паха. Брат мой отказался, чтобы ему отняли ногу, и хорошо сделал, так как сохранил ее до сих пор.

Бой под деревней Ново-Александровкой (Гапсипо тож)

В августе 1919 года Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии выступил из города Александровска по направлению на северозапад. Погода была солнечной. Шли мы медленно, потому что конский состав был разношерстный — наряду с довольно хорошими конями попадались какие-то жалкие крестьянские лошаденки.

Переночевали мы в небольшом селе и узнали, что в соседней деревне Гапсипо стоят части махновцев. Мы с ними еще не встречались, но знали, что они воюют и против нас, и против красных, прикрываясь политическими лозунгами. Это была настоящая разбойничья банда.

Утром — это было 8 августа — мы построились, выслушали приказания. Шесть эскадронов двинулись с двух сторон в атаку на Гапсипо.

Нижегородскими эскадронами командовал князь Сергей Львов. Шли против солнца по жнивью, подымая легкую пыль... сначала шагом, чтобы беречь коней. До Гапсипа было версты две с лишним. Махновцы открыли беглый огонь, но стреляли плохо — брали слишком высоко...

Пройдя больше версты, перешли на рысь. Огонь усилился, и мы стали нести потери... Когда приблизились, пришпорили коней, выхватили шашки и завопили дикими голосами. Кто кричал «Ура», а кто просто крил махновцев последними словами.

Традиция же нижегородцев всегда была идти в атаку молча, словно волки, что куда страшней нестройного «Ура». Что же поделаешь — не те времена...

Пули стали посвистывать мимо ушей, и, как всегда, казалось, что их куда больше, чем на самом деле. Упал взводный Каменев — хороший драгун, один из коренных нижегородцев... Рядом со мной скакал, пригнувшись к луке, матрос гвардейского экипажа, а дальше — бывший красноармеец. Скопище весьма сборное...

Несмотря на это, картина была все же довольно красивая и весьма «батальная»: пыль, крики, кони без седоков, стрельба — словом, все как полагается. Но лучше не сравнивать с 1914—1916 годами...

Атака велась в два эшелона в глубину. Стали уже видны цепи махновцев. Они залегли в тени, вдоль канав, за которыми росли высокие деревья... Вопрос, от которого все зависело: выдержат ли они или побегут? Если выдержат, нам будет плохо...

Не выдержали махновские нервы! Сначала двое-трое, а затем и остальные начали карабкаться через заборы, а мы карьером ворвались в ближайшие улицы... Началась рубка — шашка против штыка. Раздавались отдельные выстрелы, крики, ругань, звон шашек о стальные шлемы, стоны... Махновцы опять не выдержали и кинулись кто куда — за хаты, в сады, в высокую кукурузу...

Стали собирать пленных, подбирать убитых и раненых. Я спешил-ся и с Алексеем Маклаковым решил выяснить обстановку на краю деревни.

Мы вскоре заметили, что махновцы опомнились и стали собираться в высокой кукурузе для контратаки. Надо было дать знать нашим. Мы вышли на улицу и сразу же, почти в упор, попали под пулеметный огонь. Я получил пулю в ногу и увидел, что Маклаков тоже ранен.

Улица была под сильным огнем. Пришлось снова завернуть во двор хаты и, чтобы вернуться к своим, с трудом и по очереди перелезть через ряд заборов. Мучительное дело! Маклаков, бедняга, страдал больше меня, так как пуля попала ему в область колена. Тащил его, тащил себя, но как-то дотащились.

Нашел вестового, сдал Маклакова, сел на коня и, выезжая из деревни, увидел, успел на прощанье увидеть, страшную картину: озверевшие драгуны рубили группу в 15—20 пленных махновцев... Особо смотреть не стал и под ослабевшим огнем противника проскакал с вестовым версты две до какого-то села.

Вестовой пошел искать телегу или тачанку. Пока я с трудом слезал с лошади, подошла немолодая сестра в самодельной косынке с красным крестом. Начала было под моим руководством надрезать верх сапога,

но... как увидела кровь и рану, тихо вздохнула и упала в обморок... Пришлось самому разрезать штанину, открыть «индивидуальный пакет», вынимать из широкой сквозной раны куски сукна и всякую дрянь, все залить йодом и сделать перевязку. Обтер руки травой, вынул портсигар и закурил заслуженную папироску. Вестовой за это время нашел тачанку, и я в нее вскарабкался. На коня я уже не мог сесть — это можно лишь сгоряча, сразу после ранения. Вот мы и двинулись! За тачанкой вестовой вел наших коней, с которых буквально ручьями лил пот. Где наши кони прошлой войны!

За нами, шагах в десяти, окруженные конным конвоем, шли пленные. Значит, все же брали в плен. Шли они в облаках пыли, и некоторые говорили между собой... по-английски! Говорили о том, убьют ли их? когда и как? доведут ли живыми до станции? а может, и не убьют?

Я обернулся к ним и спросил, каким чертом они попали к Махно? Оказывается, это были рабочие, выписанные до революции из Англии для работы на наших оружейных заводах. Попали же они к Махно случайно. Это «случайно» могло дорого обойтись!

Одному из них было, вероятно, лет за 60: копна белоснежных волос, седая борода... Говорил он от лица остальных, просил меня их спасти. Но седина его не спасла. Когда конвойные остановились у станции, англичан стали зверски избивать. «На тебе, сукин сын мистер, на память в морду!» Я объяснил коменданту станции, в чем дело, сказал, что, дескать, «союзников» следовало бы оставить в живых. Признаться, далее я не стал заниматься их судьбой. Целый день не ел, устал и начал ослабевать... Еле доковылял, опираясь на карабин, до бронепоезда, на который грузили раненых. Был уже вечер, а под утро мы двинулись. Пути оказались где-то взорванными. Мы долго и повторно чего-то ждали. Лишь через два дня добрались до города Александровска.

На операционном столе сняли заскорузлую повязку. Доктор спросил: «Кто это делал вам перевязку?» Я объяснил, что делал сам. «Неплохо, но неумело». Рана успела за это время сильно загноиться, и нога опухла. Доктор рывкнул: «Труакар!» Это еще что?.. Но когда увидел, что мне грозит, то сердце упало: не то длинная игла, не то шило... а в ушке продет род фитиля, обмакнутого в йод. Не дай боже... Навалились на меня двое дюжих санитаров. Шило стали продергивать взад и вперед сквозь ногу. Если бы не склонилась надо мною молоденькая сестра, может, и завопил бы. Но при ней было неудобно... Гной выдавили, сделали тугую перевязку, и рана постепенно закрылась...

Эвакуировали меня в Новороссийск, где в госпитале среди сестер были знакомые и даже старые друзья (Машенька Хомякова, баронес-

са Элли Нолькен и т. д.). Уход был отличный. Спал я на балконе и чувствовал себя прекрасно.

На крошечном угольщике приплыл я в Батум, где на нашей даче в Махинджаури отдохнул от трудов праведных. В полк вернулся уже позже, осенью, на Киевский фронт. В Батуме пришла фантазия отпустить усы и бороду. Когда вернулся на фронт, князь Голицын спросил: «Бритва есть?» — «Так точно!» — «Сбрейте эту дрянь!»

Встреча с галичанами

Осенью 1919 года эскадроны Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии под сумрачным свинцовым небом двигались по проселочным дорогам нашего Юго-Западного края.

Среди старших офицеров было много больных, и на мою долю выпала немалая честь и тяжелая ответственность впервые командовать дивизионом, то есть обоими Нижегородскими эскадронами.

Ротмистры Тускаев и князь Сергей Львов были больны, так же как и штабс-ротмистры князь Юрий Абашадзе и граф Лев Шамборант, полковники Борис Шереметьев и князь Борис Голицын были при штабе полка, а барон Дмитрий Фиркс заведовал пулеметной командой. Словом, я оказался самым старшим из младших офицеров. Среди них были налицо: Михаил Эссен, Алексей Маклаков, Иван Старосельский, Николай Боддырев, Сергей Кишинский, князь Никита Лобанов-Ростовский, бывшие вахмистры Козлов и Люфт, прикомандированные к полку корнет Майборода (Дагестанский конный полк), поручик Самопаленко (отряд генерала Шкуро) и казак-хорунжий Алексей Беднягин.

Мы продолжали двигаться среди густого тумана, когда вдали показалась длинная колонна, состоявшая из пехоты, конницы, артиллерии и большого обоза.

Сводным полком командовал полковник Северского полка Попов. Он вызвал и приказал двинуть Нижегородский дивизион наперерез противнику, задержать его огнем и тем дать полку возможность фланговой атаки.

Выходило, что роль нижегородцев была не особенно привлекательной: незаметно продвинуться под прикрытием ряда низких холмов, неожиданно появиться перед врагом, спешиться и задерживать его огнем, оставив северцам Попова пожать все лавры. По крайней мере, так мне казалось тогда...

Крупной рысью двинулся наш дивизион... Трудно было угадать, с какой скоростью двигался неприятель за холмами и с какой быстро-

той следовало двигаться нам самим, дабы вовремя загородить ему дорогу. Ведь возможно было, что противник, завидя наш полк, стал двигаться быстрее... Противник? Кто он? Партизаны? Какие партизаны?..

Наконец я решил свернуть направо. Мы перевалили возвышенность и увидели неприятеля совсем близко — меньше версты, чего я никак не ожидал. А полк еще совсем далеко...

Что делать? Остановились. С коней валил пар... Надо было мгновенно решаться — или спешиваться и открывать огонь, ждать приближения полка, и в таком случае дать противнику время развернуться... или же — вопреки ясному приказанию — атаковать самим, пока колонна врага не развернулась, и в таком случае не дать ему опомниться!

Соблазн был немалый, и я не выдержал: «Шашки вон, за мной!»

Шли мы в атаку под легкий откос в тумане, по пожелтевшей, уже тронутой морозом траве. Одним глазом следил я за канавками, другим — за противником и за своими драгунами.

Нас приветствовали слабым огнем. Атака выходила мизерная. Скакали нестройной толпой — более слабые кони отставали. Попалась глубокая канава, через которую усталые лошади карабкались как-то по собачьи — нет чтобы перемахнуть! Некоторые кони попадали...

К счастью, противник не оказался на высоте. Эскадрон галичан отделился от колонны, бросил свою пехоту и стал быстро удаляться, вернее, просто удирать. Пехота была, видимо, в замешательстве. Когда мы были уже близко, огонь пехотинцев ослабел и особого сопротивления они не оказали. Лишь упорно, но неудачно, как-то полюбительски, стреляли три пулемета...

Впоследствии Иван Старосельский говорил: «Помню, как сейчас, как один солдат, прикрываясь за орудиями, прицелился в меня. Я успел рубануть его по голове, но шашка соскользнула и даже не прорубила папаху... Солдат улыбнулся и удрал...»

Убитых у нас не оказалось, были лишь легко раненные. Пехота противника побросала винтовки. Трое пулеметчиков, которые оказались китайцами, были нами убиты. Одного застрелил старший Маклаков, который тут же сделал еще одну зарубку на приклад карабина — мстил за расстрел отца! Оказалось, что нашими противниками были галичане-партизаны, роль которых в этой сумбурной войне была неясной...

Запомнилась забавная картина. Наш однополчанин Вася Гоппер оказался зажатым на своем коне среди орудий. Артиллеристы бежали, упряжные кони, передки, пушки — все это смешалось и запуталось, вокруг бедного Гоппера замкнулось тесное кольцо, в котором

было всего понемногу... «Это ты забрал пушки или пушки тебя забрали?» — крикнул я ему.

Подскакал наш полк, и полковник Попов стал сердито на меня кричать. «Вы слышали мои приказания? Ясно было сказано — ждать, пока полк...» и т. д.

Тут было помалости и зависти. Ведь нижегородцы одни взяли в плен роту пехоты, захватили 15 орудий и много пулеметов (было их в обозе еще штук 10). А главное, сам обоз, да еще какой (!)... нагруженный награбленным добром, «контрибуциями» и «дарами населения», включая повозки с ценной кожей для подметок, сахаром, мукой, крупой и другими продуктами. Галичане знали свое дело!..

Добавлю, что наш комполка обиделся на меня главным образом за то, что я в своем устном рапорте именно его поздравил с захватом орудий и прочего барахла. Он вскоре все же великодушно меня простил, так как выяснил, что я нарвался на врага прямо в упор, и, кроме атаки, выбора не было.

Захватили мы и двух «сестер», причем одну, не особенно привлекательную, взял под свое личное покровительство наш Козлов, тогда как вокруг другой, весьма красивой, увивалось немало наших господ. Обе они продолжали в наших рядах честно выполнять свой «долг перед Родиной» и в конце концов добрались с нами до самой Польши.

На мою долю в этом деле достался хороший бинокль, а главное — прекрасная караковая тракенская кобыла. В прошлую войну за захват 15 орудий нас бы засыпали орденами. Но в 1919 году можно было без особых усилий забирать пушки, не говоря уже про пулеметы — они в счет не шли.

Не те времена были, не тот противник, да и сама война была не та.

Конец деникинской борьбы

Зимой 1919 года стояли мы близ городка Гольты, что к северу от Одессы. У меня поднялся ужасный жар — начало сыпного тифа. Ложиться в обозы боялся, потому что обозы — любимая добыча красной конницы.

Подошла неприятельская пехота. Наши два Бориса (то есть Голицын и Шереметьев) находились со мной близ какого-то завода. Я еле держался на седле. . под черным небом снег казался еще белее.

Пришпорил кобылу, чтобы передать приказания... Вдруг снег, лед, комья земли, какие-то доски — все это полетело вверх, а я с кобылой — вниз. Мы были на дне широкого и глубокого колодца, вода

доходила мне до пояса, наверху светлел четырехугольник неба, а на нем чернели силуэты голов. Наконец драгуны связали несколько ремennых вожжей с петлей для ноги и вытащили меня на свет божий.

Довезли меня до станции, погрузили... а что дальше было — не помню. Очнулся от холода, лежа на соломе в товарном вагоне. За головой набрался сугробик снега. Был я то в забытьи, то бредил, то спал. Тем же занимался лежавший рядом со мной пехотный офицер. Ему почему-то оставили револьвер, и он им угрожающе размахивал. Я на него навалился и револьвер отнял.

Везли нас до Одессы долго — сколько дней, не знаю. Там положили где-то в коридоре на цементный пол и... забыли. Под утро все же вспомнили и перевезли в госпиталь в здании женской гимназии. Дали мне чудесную комнату с высоким потолком и зеркальным окном. Заботливо уложили в мягкую кровать и покрыли белоснежной простыней. Совсем неплохо, но . комната была нетоплена и не было одеяла.

Часа через три заглянула сестра. «Скажите, сестра, всюду нетоплено?» — «Всюду». — «Одеял нет?» — «Ни одного!» — «А есть палата, где полно больных?» — «Есть. Только, слушайте, там люди лежат просто на полу, и среди них много умирающих». — «Вот и прекрасно. Ведите меня туда, пока не замерз!»

В общей палате было теплее от дыхания многих людей. Дали соломенный матрац. Рядом со мною действительно умирал от гангрены солдат. Дали мне денщика, драгуна-обозника, немолодого сурового мужика. Он принес мои вещи из дезинфекции — все село, скомкалось... Денщик пожал плечами: «Вот уж выйду я вечером в город, куплю что-нибудь, а насчет брюк — вон, гляньте!» И действительно, на спинке стула около умирающего офицера висели новенькие зеленые пехотные штаны... «Только придется вам, господин ротмистр, малость потерпеть, пока они помрут...»

На следующее утро солдат принес-таки шубу на лисьем меху, правда облезлую...

К Одессе между тем подходили красные. Посадили меня, выздоравливающего, в барскую коляску, запряженную парой вороных. А со мной уселись барон Дм. Фиркс и сестра-галичанка. Провели первую ночь в большой немецкой колонии «Гросс Лиалиентал». Была лютая стужа, и я слегка отморозил пальцы ног. Помогла древняя старушка баба, которая решительно отстранила Фиркса и не дала растирать ноги снегом... «Да ты что, барон, дурной, что ли? Словно не знаешь, что делаешь!» Поставила ноги в шайку с водой и льдом. Когда постепенно ноги стало покалывать и пошли мурашки, она взяла горсть снега и стала растирать пальцы ног...

Вторая ночевка была в селе Францфельд. С нами двигались кадеты, институтки, больные и раненые, отдельные части Одесского гарнизона и просто люди, бегущие от большевиков. Но полк наш был где-то севернее.

На третий или четвертый день, на привале в большом селе около полудня, было солнечно и голубело зимнее небо. Вдруг — паника! Люди выскакивали из изб, искали свои повозки, телеги, сани, экипажи, которые бестолково запрудили улицу. Все это рванулось... А в это время слева, на белом снегу, показались черные цепи большевистской пехоты... Был при нас нижегородский «конвой» — пятнадцать обозников под командой графа Бориса Шереметьева. Боря — сказались порода! — выхватил шашку и повел свое «войско» навстречу красным... против солнца и слегка в гору. К счастью, каким-то чудом наш караван сумел вылететь из села. Красным преградили путь не только Шереметьев с его горсткой людей. Оказались там те, что шли за нами, а именно одна пехотная часть, и красных отбили...

Мы свернули в сторону, и колонна наша по льду перебралась на румынский берег Днестра. Полковники Петр Ден и Борис Шереметьев отправились для переговоров с румынскими властями. Когда они вернулись, солнце было уже невысоко. Наши посланцы сообщили, что румыны отказались наотрез принять больных и раненых даже. Дали нам час времени, чтобы вернуться на русскую территорию. Через час грозили открыть по нас огонь.

Мы посмотрели на часы. До истечения ультиматума оставалось еще 45—50 минут... Но мы еще плохо знали наших бывших союзников. Минут через 15 или 20 отдельные гранаты стали рваться среди обоза Красного Креста, среди повозок с ранеными и кадетиками... Скрепя сердце двинулись обратно по льду, вдоль Днестра, прикрываясь зарослями камыша.

Лед оседал. Вода доходила порой до подножек нашей коляски. Мы двигались все дальше и дальше, решив выйти на русский берег лишь в полной темноте.

Что было дальше — опять смутно помню, наступил очередной подъем температуры. Как во сне помню, как через день-другой пали наши барские вороные кони и их заменили парой буланых кляч... Бредил, что попал в плен и что от меня это скрывают. Но однажды утром Фиркс подвел меня к окну какой-то хаты, в которой мы оказались оба: «Смотри, Фома неверный!» Взглянул я через покрытое ледяным узором окошко и на фоне розового морозного неба увидел Сводный полк во всей его красе! Думаю, что это ускорило мое выздоровление...

Мы двинулись дальше и наконец встретили польские войска. В сравнении с нами, в наших изодранных полубубках, грязных папахах, с нашими небритыми обветренными лицами, войска их показались мне чем-то сказочно прекрасным. Кони как на подбор... одеты все с иголочки... сытые, румяные, чисто выбритые...

Нас приняли, не встретили пальбой... В течение двух-трех недель несли мы сторожевую службу совместно с поляками. Особой близости не было, но не было и враждебных чувств: нас свела судьба...

Вскоре боевые части генерала Бредова, отхлынувшие на польскую территорию, к которым принадлежал и наш Сводный полк, направили через Львов в Силезию. Там нас посадили в бывший германский лагерь для военнопленных около местечка Стржалково. Лагерь был большой, бараки были прекрасные, чистые и просторные... Кормили нас плохо: немного хлеба, селедки и похлебка из лошадиных голов... Впрочем, за проволокой ходили местечковые евреи. Их не в силах была отогнать стража — молодые новобранцы, почти дети. Эти евреи снабжали нас яйцами, сахаром и маслом.

Генерал Бредов опасался, как бы его воинские части не разбежались. Поляков это не беспокоило. Однако они обещали в свое время вернуть и нас в Крым...

Жизнь в лагере мне вскоре смертельно надоела. Я решил бежать, долго готовился, достал штатское платье и все остальное, нужное для побега, ждал случая. Таковой представился, когда поляки решили выпустить из лагеря еще находившийся там немецкий элемент, главным образом немцев-колонистов. Один из них (некий Кристиан Кристман) в то время заболел. Мне состряпали документы на его имя, и я попал таким образом в «немецкий» транспорт. Колонисты прекрасно знали, кто я такой, но дружески скрывали при переключках под видом больного.

С этими немцами доехал я до Варшавы и явился там к нашему военному агенту. Мне выдали документы на мое имя, дали секретное донесение генералу Врангелю. Пробыв дней десять под Варшавой, сел я с корнетом Балашовым (Переяславского драгунского полка) в поезд, шедший в Вену.

Все шло гладко до станции Скерневицы. Там польские жандармы арестовали нас и посадили за решетку. Впопыхах не дали вынести наш багаж из вагона — получите, мол, на границе! Я, признаться, не знал, как быть с секретным донесением генералу Врангелю — боялся обыска... Пришлось ночью разорвать и съесть документ и конверт с горькими лиловыми печатями. Лежа на цементном полу спиной к часовому, медленно и с расстановкой жевал я злополучное донесение. Жевал зря...

Наутро вызвали нас к жандармскому унтеру с седыми подусниками. Услышав мою фамилию, он чуть не встал во фронт. От моего польского жандарма так и несло царской сверхсрочной службой. Выяснилось, что нас приняли за большевистских агитаторов. Отпустили с извинениями, но вещей наших мы так больше и не видели. Все это было досадно и абсурдно...

Оказались мы вечером в Вене под проливным дождем и в одних пижаках, с 2—3 кронами в кармане. Переночевали за одну крону в ночлежном доме с венгерскими коммунистами и всяким другим сбродом. Узнали, по счастью, что в датском Красном Кресте можно получить даровые билеты до Белграда: это было время переселения народов... Там дали не только билеты, но и по паре нижнего белья, которое мы с Балашовым тут же загнали на улице. Больше всего нас мучил голод. За выручку от проданного белья мы купили три большие краюхи хлеба на дорогу. Так странствовали белые офицеры, направляясь обратно в Крым... В элегантном ресторане Венского вокзала старорежимный кельнер был несколько удивлен нашим видом и тем, что мы скромно ограничились супом. Потребовалось трое суток, чтобы добраться до Белграда: три дня и три краюхи хлеба... Впрочем, почти все наши спутники походили на босяков, на нищих, и все жевали хлеб...

В Белграде старые знакомые нас обласкали, дали помыться, накормили, снабдили деньгами, предоставили возможность отдохнуть и прийти в себя.

Потом через болгарскую Варну мы вернулись в Крым, куда позднее из Польши прибыла и вся бредовская армия... В Крыму давался последний акт драмы Гражданской войны. Нас стало меньше, а красных больше. Надежды оставалось мало, откровенно говоря — никакой.

КРЫМЦЫ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ, ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ЮГА РОССИИ И В РУССКОЙ АРМИИ. 1918—1920 годы⁴⁶²

Весной 1918 года с приходом германских войск в Крым восстановилась в Симферополе нормальная жизнь. Смогли и остававшиеся в городе крымцы собраться и обсудить создавшееся положение. Собралось 15 господ офицеров и решено было обязательно восстановить полк в рядах Добровольческой армии. Некоторые господа офицеры уже смогли пробраться в Добровольческую армию. Первыми были ротмистр Двойченко⁴⁶³, совершивший так называемый Дроздовский поход⁴⁶⁴ из Ясс в Новочеркасск в должности командира 2-го эскадрона конного

дивизиона (в будущем 2-го офицерского конного генерала Дроздовского полка) и штабс-ротмистр Семичев⁴⁶⁵, который, несмотря на изуродованную больную ногу, был участником 1-го Кубанского генерала Корнилова Ледяного похода.

Под германской оккупацией формирование полка было, конечно, невозможно, но приготовления к формированию уже начались, а как только германские войска эвакуировались из Крыма, и Крым был занят частями Добровольческой армии, то на основании приказа командующего Крымско-Азовской армией от 7 декабря 1918 года сразу же был сформирован Кадровый эскадрон Крымского конного полка.

Полковник Бако⁴⁶⁶, как старший штаб-офицер полка, поместил в местной газете объявление следующего содержания: «Приказом Добровольческой армии и с согласием краевого военного министерства в г. Симферополе формируется кадровый эскадрон Крымского конного полка. Всем чинам Крымского конного полка предлагаю вступить в ряды родного полка. Кавалеристов офицеров, юнкеров, вольноопределяющихся и добровольцев приглашаю в полк на общих для Добровольческой армии основаниях. Прием заявлений будет производиться с 7 декабря с 10 до 12 ч. дня в здании Офицерского собрания Крымского конного полка. Полковник *Бако*».

Помимо своих кадровых крымцев, откликнулось много офицеров, как кавалеристов, так и из других родов войск; много добровольцев из учащейся молодежи явилось для зачисления в ряды полка; широко откликнулось татарское дворянство (мурзы), но татарские народные массы остались глухими к призыву полковника Бако. Произошло это по причине очень большой агитации крайне левонастроенной и шовинистической грунты из татарской интеллигенции, призывающей татар не идти в ряды Добровольческой армии, и в частности в Крымский конный полк, поскольку он формируется на общих добровольческих основаниях. Но все же главной причиной отказа татар вступать в ряды полка считалось их опасение, что в случае неудачи Добровольческой армии в Крыму их ожидает тогда со стороны большевиков полное уничтожение; ведь после первого выступления против большевиков они очень пострадали, а если еще раз выступят добровольно, то будет значительно хуже. Если была бы мобилизация, то тогда им было бы оправдание. Но мобилизации не было!

Жаль, что не пошли татары в полк. Хорошие были солдаты, стойкие, отличные в разведке, исполнительные; потом, когда была объявлена мобилизация, они все же пошли, но пока пришлось примириться с их отсутствием. Тем не менее дело формирования «кадрового эскадрона» пошло очень успешно. Все приходившие со своими лошадьми назнача-

лись в конный взвод, а остальные в пеший. На первой неделе формирования уже был полный комплект, а через месяц «кадровый эскадрон» развернулся в дивизион. 1-й и 2-й эскадроны лошадей не имели, а конный взвод, превратившийся в конный эскадрон, был назван 3-м. Вместо татар 1-й и 2-й эскадроны пополнились добровольцами немцами-колонистами, стремившимися в Добровольческую армию, чтобы иметь возможность защищать свои семьи и имущество от большевиков-коммунистов. Почти все добровольцы приходили хорошо одетыми, что было очень важно, так как в дивизионе запасов обмундирования не имелось и рассчитывать на интендантство пока еще не было никакой надежды. Большинство уже служило в армии, были обучены, грамотны, и не потребовалось много труда со стороны господ офицеров, чтобы превратить эскадроны в настоящие боевые подразделения, напоминающие старые, императорские. При разворачивании «кадрового эскадрона» в дивизион была сформирована и пулеметная команда; получено было 4 кольта и 4 «Люиса»; нашлись отличные пулеметчики. Также сформировали команду связи и необходимый обоз.

К началу формирования оказались налицо или в ближайшие дни после 7 декабря 1918 года прибыли к полку следующие коренные господа офицеры полка: полковники Г.А. Бако, М.М. Петропольский⁴⁶⁷, Е.А. Зотов⁴⁶⁸, Э.Ф. Мартыно⁴⁶⁹, А.П. Рыбасов⁴⁷⁰, И.К. Нарвойш⁴⁷¹, ротмистры К.П. Баженов⁴⁷², В.Т. Юрицын⁴⁷³, П.Н. Лесеневич⁴⁷⁴, штабс-ротмистры А.К. Глазер⁴⁷⁵, В.Я. Ван-Воорендейк⁴⁷⁶, К.А. Каблуков⁴⁷⁷, А.И. Лихвенцов⁴⁷⁸, С.М. Муфтий-Заде⁴⁷⁹, П.П. Росницкий⁴⁸⁰, А.Е. Люстих⁴⁸¹, поручики В.А. Эммануель⁴⁸², К.Я. Бехтольд⁴⁸³, В.Е. Апанасенко⁴⁸⁴, Н.Ф. Шлее⁴⁸⁵, А.А. Одель⁴⁸⁶, В.И. Воблый⁴⁸⁷, А.К. Решко⁴⁸⁸, князь Г.В. Кудашев 1-й⁴⁸⁹, Г.Н. Лесеневич⁴⁹⁰, князь Е.В. Кудашев 2-й⁴⁹¹, А.И. Петерс⁴⁹².

Полковые казармы снова оживились, открылось полковое офицерское собрание. Верхний этаж был занят летчиками, а весь нижний оставался для офицеров полка. Столовая была устроена в библиотеке. Почти все офицеры полка и почти все вновь прикомандированные столовались в офицерском собрании. Кухней и буфетом снова распоряжался старый полковой «метрдетель» Яков, сопровождавший полк и во все время Первой мировой войны.

Временно командующим дивизионом был полковник Бако; старшим штаб-офицером и помощником командира по хозяйственной части — полковник Петропольский; помощником по строевой части — полковник Мартыно; адъютантом был назначен штабс-ротмистр Глазер; командиром 1-го эскадрона — полковник Рыбасов; командиром 2-го эскадрона — полковник Смольский (коренной офицер 19-го драгунского

Архангелогородского полка, литовский татарин по происхождению); командиром 3-го эскадрона — ротмистр Баженов; назначены были: начальником пулеметной команды — полковник Зотов; начальником команды связи — штабс-ротмистр Каблуков; казначеем — поручик Воблый; начальником нестроевой команды и полкового обоза — поручик Шлее.

Полковник Нарвойш, болевший еще на фронте Первой мировой войны, снова заболел и не мог оставаться в строю.

В дивизионе Крымского конного полка было несколько полковников, предложивших сами постоянно по очереди дежурить по полку: полковник Волошкевич⁴⁹³ (из отставки, бывший командир эскадрона Ее Величества), фон Кюгельген⁴⁹⁴ (бывший командир Текинского конного полка⁴⁹⁵ и в полку командир 4-го эскадрона), Иванов (из запаса), Талаев (из запаса), Селинский (1-го Линейного конного полка Кубанского казачьего войска), Волоцкой⁴⁹⁶ (12-го гусарского Ахтырского полка).

Согласно новому приказу, в Добровольческой армии был упразднен чин подполковника и все подполковники были переименованы в полковники, а ротмистры производились непосредственно в полковники. Представленный к производству в чин подполковника ротмистр Баженов был произведен сразу в полковники.

Дивизион находился с первого дня формирования в Симферополе. Велись усиленные занятия, готовились к скорому выступлению на фронт. Неслась гарнизонная служба. Ежедневно большие караулы назначались в штаб Крымско-Азовской Добровольческой армии⁴⁹⁷ генерала Боровского⁴⁹⁸ и в штаб 4-й дивизии генерала Корвин-Круковско-го. Караульными начальниками назначались старшие офицеры из не занимающих должностей командиров эскадронов или команд. Иногда высылались экспедиции в уезд по борьбе с бандитами и местными подпольными большевиками.

В начале февраля 1919 года командиром дивизиона Крымского конного полка штабом Главнокомандующего Добровольческой армии назначен был Генерального штаба полковник Давид Иванович Туган-Мирза-Барановский, литовский татарин по происхождению, коренной офицер лейб-гвардии Конной артиллерии, по окончании Николаевской военной академии отбывавший ценз командира эскадрона лейб-гвардии в Гродненском гусарском полку, а во время Первой мировой войны бывший начальником штаба Гвардейской стрелковой дивизии.

Полковник Бако стал старшим штаб-офицером и помощником командира полка по строевой части; полковник Мартыно остался на должности младшего штаб-офицера.

Новый командир сразу произвел на всех чинов дивизиона самое отрадное впечатление: приветливый, никогда не возвышающий голоса, но требовательный по службе; если кому-либо делал замечание, то в крайне деликатной форме, но так умел сказать, что получивший замечание готов был на все, лишь бы в другой раз не заслужить командирского замечания.

Эскадроны продолжали пополняться. В марте 1919 года 1-й и 2-й эскадроны уже имели в своих рядах больше 150 человек в каждом. Командир полка (дивизиона) предполагал выделить по 50 человек из 1-го и 2-го эскадронов и образовать новый 4-й эскадрон. Получилось бы три эскадрона (1-й, 2-й, 4-й) пеших по 100 человек в каждом и конный 3-й эскадрон, в котором уже находилось 85 всадников.

Проекту этому, однако, не удалось осуществиться. Произошло для полка крайне неприятное, тяжело переживаемое событие.

После ухода из Крыма германских войск осталось в Крыму несколько германских офицеров. Один из них, майор Хофмаер (или, может быть, Хомаер), стал хлопотать о сформировании для Добровольческой армии Егерской бригады из немцев-колонистов. Немцы-колонисты успели зарекомендовать себя как отличные солдаты. Вышнее начальство, не будучи достаточно осведомленным о настоящих целях Егерской бригады и предполагая, что из Егерской бригады получится первоклассное войсковое соединение, сделало большую ошибку и дало разрешение на формирование бригады, а всем войскам, в которых находились на службе немцы-колонисты, приказано было не чинить никаких препятствий для перехода немцев в Егерскую бригаду. Одновременно велась среди солдат-немцев тайная пропаганда об обязательном их переходе в Егерскую бригаду, когда об этом будет объявлено.

Началось отступление частей Добровольческой армии из Северной Таврии. Красные сильно нажимали на наши немногочисленные и слабые по числу бойцов части. В Симферополе началась эвакуация. Потребовалось ежедневное назначение по одному эскадрону на вокзал для поддержания порядка при эвакуации. С утра 29 марта 1-й эскадрон находился на вокзале; чины эскадрона исправно выполняли свои обязанности до последней минуты, когда, закончив работу на вокзале, эскадрон построился и с песнями в полном порядке возвращался в свои казармы. А в это время агитаторы немецкой бригады, в том числе и находившийся в прикомандировании к полку поручик Барт, успели уже распропагандировать 2-й эскадрон, а также незаметно 1-й эскадрон на вокзале. Когда 1-й эскадрон вернулся на казарменный двор, то по команде «Разойтись», все немцы-колонисты бросились в соседнюю улицу, где построились перед ожидавшим их уже немецким началь-

ством, там же находились и немцы 2-го эскадрона. Так произошел «революционным порядком» переход солдат немцев-колонистов из полка в Егерскую бригаду, которому, согласно приказу командования Добровольческой армии, следовало не чинить никаких препятствий. Отдельные солдаты 1-го эскадрона, подскочившие к своим офицерам, возмущались происшедшим, но прибавляли, что против своего народа они пойти никак не могут. Стадное чувство. Так же как и крымские татары больше верили и слушались своих народных представителей, так и немцы пошли за своими агитаторами, боясь провиниться перед своим народом.

Такая, на наш взгляд, катастрофа ужасно подействовала на моральное состояние оставшихся в строю. В 1-м и во 2-м эскадронах осталось по 25 человек. К 10 часам вечера 29 марта назначен был выход из Симферополя по направлению на Карасубазар. Вот здесь впервые увидели крымцы бодрость духа и решительность своего командира. «Если даже только один человек останется в строю, то считается, что полк существует; посмотрите сколько у нас осталось!» Эти слова командира всех подбодрили. Действительно, 3-й эскадрон остался нетронутым, также и пулеметчики; в двух пострадавших эскадронах осталось приблизительно пятьдесят человек, не считая хозяйственных чинов. Все было приведено в порядок, и дивизион выступил походным порядком на Карасубазар. Сзади арьергардом выступил 3-й эскадрон ротмистра Баженова.

Командование Егерской бригадой заявило, что не будет бригада отступать вместе с частями Добровольческой армии, а остается в Симферополе для поддержания порядка до подхода Красной армии и для безболезненной передачи власти красному командованию. Начальство Егерской бригады обещало обеспечить нам беспрепятственный отход, хотя в этом не было никакой надобности. При выходе из Симферополя в ночной темноте заметны были цепи егерей по белым околышам бескозырок, взятых в цейтгаузе наших земляков — литовцев Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

В Карасубазаре дивизион оставался до 2 апреля, занимая сторожевое охранение и ведя разведку 3-м эскадроном по направлению на север и северо-запад от Карасубазара. Вечером 2 апреля получен был приказ отходить на Старый Крым и далее на Владиславовку и к Ак-Манайским позициям, но по прибытии к месту назначения на станцию Семь Колодезей дивизиону приказано было погрузиться в вагоны и по железной дороге отправиться на станцию Ислам-Терек в распоряжение начальника 5-й дивизии генерала Шиллинга. Со станции Ислам-Терек 1-й и 2-й эскадроны были направлены в деревню Коп-

Отуз, к западу от которой было выставлено сторожевое охранение, а 3-му эскадрону приказано было вести разведку на Грамматиково и восточнее до залива Сиваш.

4 апреля красные повели энергичное наступление на Старый Крым и заставили части 4-й дивизии отойти в направлении на Феодосию, что вызвало отход и частей 5-й дивизии. Крымцам приказано было отойти к деревне Ерчи, где выставить охранение; 3-му эскадрону продолжать вести разведку на деревню Коп-Отуз, которая сразу по ее оставлении была занята красными. На участке у деревни Ерчи дивизиону было придано два орудия, были выбраны позиции для пулеметов, вырыли окопы, хотя и очень слабые, рассчитанные лишь на кратковременную оборону, так как не было сомнения в предстоящем дальнейшем отходе на Ак-Манайские укрепленные позиции. Два дня, 5-го и 6 апреля, прошли совершенно спокойно; это были великая пятница и великая суббота перед великим праздником Светлого Христова воскресения. Заботами начальника команды связи штабс-ротмистра Каблукова были доставлены в дивизион, с расчетом на всех находящихся на боевом участке, куличи, яйца, колбасы, а также папиросы, в которых была особенная нужда. Заутреню служить было некому, разговляться ночью никак нельзя было; ночью требовалась особая бдительность, поэтому пришлось разговеться уже накануне великого праздника Пасхи, крайне скромно перед заходом солнца, когда еще было совсем светло.

7 апреля, в день праздника Пасхи, утром около 9 часов красной конницей густой лавой была произведена конная атака на деревню Ерчи. Разъезд 3-го эскадрона поручика Кульшина⁴⁹⁹ на карьере подлетел к нашим постам и успел предупредить об атаке. Наши малые эскадроны легко могли бы быть раздавлены массой красной конницы, но присутствие духа никем не было потеряно, а смелость и быстрые решительные распоряжения нашего командира сыграли главную роль в жестоком поражении напавшей красной конницы, которую, подпустив совсем близко, почти всю расстреляли огнем восьми пулеметов и пятидесятью стрелками. Очень большую поддержку своим метким беглым огнем оказал доблестный артиллерийский взвод. Уцелевшие красные кавалеристы повернули назад и ускакали, оставив на поле боя своих убитых.

Вследствие продвижения большевиков на нашем левом фланге и занятия ими города Феодосии, приказано было крымцам в ночь на 8 апреля оставить Ерчи и отойти на Ак-Манайские позиции. До 6 мая дивизион оставался в районе Ак-Маная. Спешенные эскадроны в резерве у деревни Кошай, где пополняли свои ряды добровольцами, а 3-й эскадрон был придан 2-му конному генерала Дроздовского полку. В составе этого полка эскадрон участвовал во всех боевых делах полка.

23 апреля, день полкового праздника, первого после величайшего преступления советских властей в Екатеринбурге, был посвящен траурному воспоминанию о Государе Императоре Николае Александровиче, о нашем шефе Государыне Императрице и о всей Царской семье. Не было уже сомнения в том, что вся царская семья мученически погибла. Вечная память и вечная слава Царственным мученикам!

6 мая приказом штаба Крымско-Азовской армии весь дивизион выступил на станцию Семь Колодезей, где был погружен в вагоны и отправлен в город Керчь.

В Керчи находился штаб генерала Боровского, здесь же была и главная база всей Крымско-Азовской армии. Город находился под постоянной угрозой красных партизан, засевших в древних Керченских каменоломнях. Партизаны всячески мешали работе тыловых учреждений армии, взрывали железнодорожные пути, нападали на обозы, имея главной задачей своими действиями облегчить красным прорыв Ак-Манайской позиции, уничтожить защитников ее и захватить весь Керченский полуостров.

Борьба с партизанами была крайне тяжелой. Каменоломни представляли собой лабиринт с бесчисленным числом тайных выходов. Партизаны были обитателями деревень, находящихся сверху каменоломен, и в каменоломнях они были как у себя дома. Блокировать все выходы из каменоломен было невозможно, так как их было чрезвычайно много и большинство выходов не было известно войсковым частям, боровшимся против каменоломщиков. Сперва командование Крымско-Азовской армии пыталось бороться лишь силами конвоя генерала Боровского, представлявшего собой приблизительно сотню третьеочередных кубанских казаков, что было совершенно недостаточно. Тогда вызвали с фронта Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии (тверцы, нижегородцы, северцы и переяславцы). Полк был совершенно безошадный, но представлял собой сильную боевую часть с нормального состава эскадронами. Все же войск еще не доставало, поэтому потребовался и дивизион крымцев.

7 мая состоялась выгрузка дивизиона на главном вокзале Керчи. По приказанию начальника Керченского гарнизона дивизион занял село Булганак в двух верстах от Керчи. Главные силы красных партизан в каменоломнях у села Аджи-Мушкой в двух верстах от Булганака; село Аджи-Мушкой также было в руках партизан.

За два дня до выступления из деревни Кошай нашего дивизиона полковник Туган-Мирза-Барановский вместе с адъютантом штабс-ротмистром Глазером уехал на несколько дней в командировку в город Екатеринодар. Временно командующим дивизионом остался полков-

ник Бако; врид адъютанта штабс-ротмистр Каблуков, а врид начальника команды связи прапорщик Огородников. Опыта борьбы с каменоломщиками у нас еще не было. Расположились в селе Буганак, как при нормальных условиях: два спешенных эскадрона в первой линии против села Аджи-Мушкай; 3-й эскадрон в резерве, уступом за левым открытым флангом; штаб полка на небольшом удалении за эскадронами. Правее наших постов находились посты полка Кавказского под командой переяславца полковника Щастливцева. Полковник Щастливцев был также начальником всех войск, осаждавших каменоломни С другой стороны Керчи находились Карантинские каменоломни, в которых также засели бандиты, но в значительно меньшем числе, чем у Аджи-Мушкайских. Против Карантинских каменоломен стояли казаки конвоя генерала Боровского; на эти каменоломни не обращалось большого внимания. Ночь на 8 мая и день 8 мая прошли совершенно спокойно. Днем ходили осматривать большой вход в каменоломни, заходили в открытые ворота и даже смело довольно далеко вовнутрь, хотя такое продвижение было достаточно легкомысленным.

В ночь на 9 мая укрывавшиеся в Карантинских каменоломнях партизаны, прорвавшись через редкие цепи кубанцев, незаметно в ночной темноте быстро прошли к селу Буганак с целью соединиться с главными силами каменоломщиков в Аджи-Мушкае. Необходимо им было прорваться через расположение крымцев. Первый удар был нанесен штабу полка. Полная неожиданность для штаба такого нападения помогла бандитам разгромить наш штаб, а затем с криками «Ура» обрушиться с тыла на 1-й и 2-й эскадроны, но при звуках стрельбы в нашем ближайшем тылу эскадроны уже успели приготовиться и, повернувшись лицом к тылу, встретили нападавших; была секунда сомнения, не 3-й ли это эскадрон, но на предупреждение, что тут свои, крымцы, в ответ на это послышалась грубая брань, и разгорелся ожесточенный огневой бой. Красные бандиты прорваться не смогли, но все же в ночной темноте, принимая все время влево, им удалось добраться до открытого фланга и постепенно один за другим проскальзывать в каменоломни. Бандиты понесли большие потери, что видно было по оставленным ими четырем убитым, раненых же увели они с собой.

Эта ночь дорого обошлась крымцам. Особенно пострадал штаб полка; убиты штабс-ротмистр Каблуков, прапорщик Огородников, юнкер Петропольский (сын полковника Петропольского), один из двух кадет братьев Финне, добровольцы Павлович, Муфти-Заде и еще двое, фамилии которых по прошествии многих лет не удалось установить. Во 2-м эскадроне ранен командир эскадрона полковник Смольский, корнет Петерс и контужен ручной гранатой прапорщик Тулум-

биев; в обоих эскадронах ранено было три всадника, но легко. Корнет Петерс через несколько часов скончался от своего ранения. Чудом спасся полковник Бако, получивший сильные ушибы, заставившие его остаться несколько дней в госпитале. Накануне командир 1-го эскадрона полковник Рыбасов убит из полка в Чеченскую конную дивизию⁵⁰⁰ по вызову начальника дивизии генерала Ревизиона, бывшего нашего командира полка; во временное командование эскадроном вступил полковник Селинский.

После ночного боя село Булганак было очищено нами. Полковник Зотов, как старший, принял командование над дивизионом и приказал снова занять Булганак. Сразу Булганак был занят без боя. Все брошенное в помещениях имущество оказалось нетронутым.

В 7 часов утра от полковника Щастливцева пришло приказание занять село Аджи-Мушкай. Полковник Зотов повел 1-й и 2-й эскадроны в наступление на Аджи-Мушкай, а 3-му эскадрону приказал идти во второй линии уступом слева, обеспечивая наш левый фланг. Наши цепи сразу были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем. Полковник Зотов приказал вести наступление перебежками, скрываясь в высокой траве. Это спасло нас от ненужных потерь; в 8 часов утра уже все известные выходы из каменоломен были заняты, а следом за этим и все село, брошенное своими жителями. Справа подошли также кавказские драгуны и заняли южную окраину села. Внутри села оставаться никак не рекомендовалось и была выбрана полковником Зотовым позиция в школе, находящейся в расстоянии около полутора шагов от западной окраины села; школа была окружена каменной высокой стеной, и из школы был отличный обстрел всей западной окраины Аджи-Мушкай. Днем велось лишь наблюдение, стрельбы не было; бандиты избегали делать вылазки днем, но в течение всей ночи велась непрерывная стрельба, так как при кратчайшем замедлении в стрельбе каменоломщики сразу выскакивали из своих убежищ и с редкой отвагой нападали на осаждающие их части Добровольческой армии. 3-й эскадрон днем вел разведку всего северо-западного района до берега Азовского моря; ночью эскадрон занимал кладбище к северо-западу от школы. После ночного боя в селе Булганак во временное командование 2-м эскадроном вступил старший в чине капитан Батыренко, только перед самым уходом из Симферополя прикомандировавшийся к дивизиону. Временно командующий 1-м эскадроном полковник Селинский заболел и был эвакуирован в тыл. Во временное командование 1-м эскадроном вступил полковник Талаев.

Днем 10 мая вернулись из командировки полковник Туган-Мирза-Барановский и штабс-ротмистр Глазер, не ожидавшие встретить дивизию.

зион в представившейся им обстановке. Возвращению командира полка все были рады, верили, что под его командой будет и полный успех в боевых делах. С наступлением темноты началась обычная стрельба, но в час ночи каменоломщики пошли в атаку на школу и на соседний участок кавказских драгун. Несмотря на яростные атаки бандитов, все они были отбиты и бандиты снова загнаны в их убежища. Во время боя были убиты наши конные ординарцы поручик Балжи и доброволец Ярошенко и в 1-м эскадроне вольноопределяющийся Глеб Иванов. Красные партизаны стремились также обхватить наше расположение на нашем левом фланге, но встретили решительный отпор со стороны 3-го эскадрона, занимавшего кладбище. Днем около 2 часов красные снова повели стремительное наступление на осаждающие части Добровольческой армии. Артиллерийского огня у каменоломен вообще не применяли, но пулеметы работали непрерывно, особенно выделялся бесстрашием и меткостью своего «Люиса» прикомандированный к полку штабс-капитан Владимир Тимофеевич Юрицын (родной брат ротмистра Юрицына), его примеру следовали и другие.

Бандиты, не считаясь с потерями, яростно нападали, их отбивали, но атаки снова повторялись. От полковника Щастливцева передали приказание отходить перебежками к железной дороге, соединяющей главный вокзал с Брянским заводом. Бывшие правее крымцев переяславцы уже отступили. Полковник Туган-Мирза-Барановский приказал отходить и нашим цепям, но азарт в стрельбе был так велик, что приказания об отступлении как будто и не слышали; партизаны уже стали обходить наш правый фланг, наши пулеметы скашивали их передовые густые цепи, но это не останавливало бандитов. Наши запасы патронов уже подходили к концу, и на повторное решительное приказание командира полка начался наш отход к железной дороге, совершенный в полном порядке. Во время отхода тяжело ранен был корнет Глинястый. Бандиты остались в Аджи-Мушкае, но они добились временного открытия их выходов, что было необходимо для пополнения запасов продовольствия и вооружения. На другой день все оставленные позиции были опять заняты, но для полной блокады войск было все еще недостаточно, и с фронта было снято еще несколько частей, в том числе и 2-й конный генерала Дроздовского полк во главе со своим командиром полковником Барбовичем, ставшим начальником всех войск, принимающих участие в борьбе по ликвидации красных в каменоломнях. Регулярно каждый вечер крымцы занимали свой участок у каменоломен, сменяя стоявших там днем кубанских казаков. Рано утром те же казаки приходили сменять крымцев. Такой порядок установился вследствие того, что пожилым, уже третьеочеред-

ным казакам было значительно труднее бдительно проводить бессонные ночи, чем в большинстве молодым крымцам. Днем эскадроны находились в Босфорских казармах, где могли проводить свободное время по своему усмотрению, но, конечно, без разрешения никуда не удаляясь. Так прошло время до 23 мая. Возвращаясь рано утром в казармы, в 1-м и 2-м эскадронах услышана была стрельба в городе. Ускорив движение, в Керчи эскадроны сразу втянулись в бой с красными партизанами, которые, воспользовавшись тайными выходами, напали на центр города. Бывший в эту ночь в Керчи 3-й эскадрон по тревоге первым выступил против нападавших; присоединились некоторые небольшие команды штаба и разных воинских учреждений; общими усилиями удалось потеснить врага; по прибытии двух пеших эскадронов крымцев, а также и некоторых других частей, разгорелся упорный бой. Полковник Барбович приказал крымцам наступать по главным улицам и далее по направлению к вокзалу очистить окраины города. Под личной командой полковник Туган-Мирза-Барановского крымцы повели решительное наступление; у кладбища красные оказали особенно упорное сопротивление, но к вечеру весь город был очищен от банд. У вокзала окончательное поражение бандитам нанес 2-й конный полк, частично изрубивший их в конной атаке.

После этого боя каменоломщики были уже почти ликвидированы. Часть еще оставалась в каменоломнях, но большинство из них были семьи, больные и раненые. Лишенные продовольствия остатки красных партизан сдались перед самым началом нашего наступления с Ак-Манайских позиций.

В бою 23 мая был убит доброволец кадет Омер Мурза Тайганский (племянник штабс-ротмистра Муфтия-Заде); ранены были поручик Эммануель, очень тяжело ручной гранатой поручик Кулев и около десяти всадников.

После 23 мая часть войск была возвращена на Ак-Манай, в том числе и 2-й конный полк, к которому снова был прикомандирован наш 3-й эскадрон. 1-й и 2-й эскадроны оставались еще в Керчи, так как опасность со стороны Аджи-Мушкай еще не была вполне изжита. За время пребывания дивизиона крымцев в Керченском районе была объявлена мобилизация; дивизион пополнил свои ряды; в двух пеших эскадронах было уже больше 100 человек, в 3-м эскадроне около 80 и в пулеметной команде около 60. В конце месяца мая прибыло для дивизиона 200 полных комплектов английского обмундирования, выхлопотанного нашим командиром во время его пребывания в Екатеринодаре. Наш дивизион стал хорошо и однообразно одетым. Новое обмундирование вводило керченцев в заблуждение, принимали нас за англичан.

Перед началом наступления с Аджи-Мушкайской позиции Крымско-Азовская армия была переформирована в 3-й армейский корпус, командиром которого назначен был генерал Шилинг, но ввиду его ранения, временным командующим был генерал Добrorольский.

5 июня наши войска на Ак-Манае прорвали позиции красных и перешли в наступление. Очень большую поддержку нашим частям на обоих флангах оказал флот. Вместе с английскими военными судами участвовали в бомбардировке красных позиций и наши суда возрождающегося Черноморского флота, крейсер «Кагул» (переименованный в «Генерал Корнилов»), два больших эскадренных миноносца с Черного моря и несколько канонерок с Азовского. Наш 3-й эскадрон в составе 2-го конного полка принял участие в наступлении, а пешие эскадроны с пулеметами утром 7 июня на станции в Керчи были погружены в вагоны и по железной дороге прибыли в тот же день на полустанок Каличи, откуда походным порядком перешли на станцию Джанкой. Здесь присоединился к пешим эскадронам конный 3-й эскадрон, уже два дня сражавшийся в рядах 2-го конного полка. В Джанкое полковник Туган-Мирза-Барановский произвел переформирование дивизиона. 1-й и 2-й эскадроны сводились в один, названный спешенным, а 3-й эскадрон переименовывался в конный. Командиром спешенного эскадрона назначен был полковник Талаев, а командиром конного эскадрона полковник Зотов; вместо полковника Зотова начальником пулеметной команды стал ротмистр Давыдов⁵⁰¹ (коренной офицер 18-го драгунского Северского полка), начальником команды связи был назначен штабс-ротмистр Люстих. Полковник Баженов временно прикомандировывался к штабу полка.

По освобождении от красных Джанкой войска генерала Слашева продолжили наступление на Перекоп. Неизвестно было положение в направлении на Таганаш и на Чонгарский полуостров. По приказанию командующего 3-м армейским корпусом генерала Добrorольского⁵⁰², прибывшего также на станцию Джанкой, полковник Туган-Мирза-Барановский назначен был начальником Чонгарского отряда, в состав которого, кроме крымцев, входили лейб-драгуны. Дивизион лейб-драгун получил задачу наступать от деревни Арабат по Арабатской стрелке на Геническ и выбить оттуда противника. Дивизиону крымцев приказано было захватить переправы на Чонгарский полуостров и продолжить наступление с целью занятия станции Ново-Алексеевка. Полковник Туган-Мирза-Барановский приказал полковник Зотову с конным эскадром захватить Чонгарский мост и наступать далее с целью занятия станции Ново-Алексеевка. Эскадрону было придано два тяжелых пулемета. Спешенный эскадрон с остальными пулеметами посажен был

на два бронепоезда (легкий и тяжелый); бронепоезда подошли к станции Таганаш; эскадрон высадился и занял станцию и поселок, оставленные противником.

В этот день 14 июня необходимо было произвести разведку Сивашской гати, моста у Чонгарского полуострова и станции Сиваш. Крайне опасная разведка, полковник Туган-Мирза-Барановский вызвал охотников. Вызвалось семь всадников и один офицер, но так как один из охотников 16-летний кадет Георгий Эммануэль был родным братом вызвавшегося начальника разведки, то командир полка не разрешил двум братьям идти вместе в разведку и младшему пришлось остаться в эскадроне. Разведчики пошли по обоим скатам гати; начальник разведки приказал не стрелять первыми. Подошли к мосту, до берега было совсем близко и ясно было видно, что на прибрежной полосе земли до самой станции Сиваш никого не было. Если заняты были противником два домика грязелечебницы и маленькое здание станции, то больше роты поместиться там не могло. Мост оказался взорванным. Было послано первое донесение. Как только была сделана попытка взойти на мост, со стороны врага был открыт ружейный и пулеметный огонь. Два пулемета вели перекрестный огонь по скатам гати. Сразу был ранен доброволец Иван Штарк, лишь два дня назад поступивший в дивизион, он лежал на железнодорожном полотне и не мог двигаться. Начальник разведки приказал один за другим постепенно отходить; еще трое были ранены, но могли самостоятельно двигаться; раненный в руку, быстро шагая, понес второе донесение с просьбой открытия огня бронепоездами. Иван Штарк был вторично ранен; не раненным оставался лишь вольноопределяющийся младший унтер-офицер Александр Ховалкин, ему было приказано немедленно отходить, а начальник разведки стал тащить Штарка за груды камней, которая могла бы стать защитой Штарку от огня красных. Видя это, Ховалкин, вместо того чтобы уходить, бросился на помощь начальнику разведки; тянуть Штарка вдвоем было, конечно, легче и уже совсем близко лежала груда камней, приготовленных для ремонта насыпи, как вдруг герой Ховалкин вскрикнул: «Ай, в голову», струя крови брызнула из его виска; Ховалкин лежал убитый вражеской пулей, красные уже были на мосту; начальник разведки, изнемогая от испытанного физического напряжения и видя приближающихся врагов, мог только перекрестить Ивана, который сам понимал, что спасти его уже невозможно. Взяв винтовки Штарка и Ховалкина, начальник разведки стал отходить, задерживаясь у каждой груды камней, чтобы дать несколько выстрелов по противнику. Два пулемета вели непрерывный огонь, но ни одна пуля чудесным образом не задела отходящего офицера. Когда он со-

единился со своими, первым встретившим его был Осман — бывший турецкий пленный, раненный в разведке и доставивший командиру полка донесение; он схватил руку своего начальника и, радостно улыбаясь, крепко стал трясти ее, приговаривая: «Молодец господин поручик!» Командир полка благодарил всех за опасную и отлично выполненную разведку. На другой день об этом было объявлено в приказе с весьма высокой оценкой. Другая разведка, посланная вечером, вернулась, принеся с собой до неузнаваемости изуродованные большевиками трупы двух убитых доблестных крымцев. Все охотники Сивашской разведки: Ховалкин, Штарк, Лосев, Налимов, Осман и еще шестой, фамилию которого не удалось установить, были командиром корпуса по представлению командира полка награждены Георгиевскими крестами 4-й степени.

Рано утром 15 июня спешенным эскадром была занята грязелечебница, а также и станция Сиваш, которые накануне вечером были оставлены противником. В ночь на 15 июня у командира эскадрона полковника Талаева от пережитого волнения в связи с Сивашской разведкой случился сердечный припадок, и он был отправлен в госпиталь, где через несколько часов скончался. Капитан Батыренко снова вступил во временное командование эскадром.

По занятии станции Сиваш эскадрон немедленно продолжал наступление. На станции Чонгар противником было брошено большое хозяйственное имущество, которое, вероятно вследствие спешного отступления, не смогло быть вывезенным. К вечеру эскадрон перешел на станцию Сальково, захваченную после кратковременного боя конным эскадром полковника Зотова. Конный эскадрон еще вечером 14 июня переправился через Сиваш по Чонгарскому мосту, что вызвало спешное отступление красных со станции Сиваш. Со станции Сальково конный эскадрон продвинулся дальше и занял станцию Ново-Алексеевка, где состоялась встреча с подошедшими лейб-драгунами, которые, пройдя по Арабатской стрелке, захватили город Геническ.

16 июня от командующего корпусом получена была телеграмма: крымцам идти в Таганаш и грузиться в эшелоны. Утром 17 июня дивизион перешел в Таганаш, но погрузка началась лишь утром 18-го; днем того же дня два эшелона прибыли на станцию Джанкой, где находился штаб корпуса. К 1-му эшелону прицепили «бронированную коробку», так называли тогда вагоны с защищенными мешками с песком стенками и вооруженные пулеметами и мелкокалиберными орудиями; в 1-й эшелон сел командующий корпусом генерал Добророльский. Эшелоны были двинуты в Севастополь с целью, как было указано в приказе, уничтожения последнего гнезда большевизма в Крыму.

19-го первый эшелон в 4 часа прибыл в Севастополь, а за ним через час и второй эшелон. Советские власти и Севастопольский гарнизон успели бежать из города; в Севастополе еще никаких добровольческих частей не было, но за несколько часов до прибытия крымцев на Севастопольский рейд вошел эскадренный миноносец «Живой», господа офицеры и матросы с которого, съезжавшие на берег, приветливо встречались с городскими жителями. Почти одновременно с прибытием крымцев вошла в Севастополь сотня 2-го Таманского конного полка Кубанского войска. 21 июня в кафедральном соборе был отслужен молебен, на котором присутствовал генерал Добророльский, а после молебна на Соборной площади состоялся парад; участвовали в параде эскадрон крымцев и сотня таманцев; принимал парад генерал Добророльский и после церемониального марша обратился к войскам и собравшимся многочисленным горожанам с соответствующим словом, указав на цели Добровольческой армии, а также и на то, что отдельного краевого правительства в Крыму не будет. В тот же день генерал Добророльский отбыл в свой штаб в Джанкое.

После объявления мобилизации и совещания командования Добровольческой армии и атаманов казачьих войск произошло объединение всех белых армий под названием «Вооруженных сил Юга России» под главнокомандованием генерала Деникина.

Приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) № 1285 сформирован Сводно-драгунский полк из кадров полков: Крымского конного, 3-го драгунского Новороссийского и 15-го драгунского Переяславского. Временно переяславцы остаются при Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Вскоре прибыли на формирование новороссийские драгуны в составе всего лишь около 60 человек, но с отличным хором трубачей. Сводно-драгунский полк намечался в составе 4 эскадронов крымцев и двух эскадронов новороссийцев, но неожиданно прибыл в полк 1-го уланского Санкт-Петербургского полка ротмистр Рубцов с предписанием штаба Главнокомандующего ВСЮР о формировании при Сводно-драгунском полку кадрового эскадрона 1-го уланского Петроградского полка. Наметился еще и 7-й эскадрон.

Формирование шло успешно. По прибытии полка в Севастополь штабс-ротмистр Глазер убыл в служебную командировку, главным образом с целью приобретения седел. Некоторое число лошадей получено было по мобилизации от образовавшейся корпусной ремонтной комиссии, но с седлами было очень плохо. Временно исполняющим должность полкового адъютанта назначен был поручик Эммануэль.

Спешенный эскадрон, насчитывавший уже около 180 человек, приказом по полку разворачивался в два эскадрона: 1-й и 2-й. Командиром 1-го эскадрона назначался ротмистр Юрицын, командиром 2-го эскадрона — ротмистр Лесеневич. Командиром 3-го эскадрона (конного) оставался полковник Зотов, начальником пулеметной команды остался ротмистр Давыдов и начальником команды связи остался штабс-ротмистр Люстих. 4-й эскадрон еще оставался в проекте до возвращения из командировки штабс-ротмистра Глазера

5-й и 6-й эскадроны составляли дивизион новороссийских драгун. Командирами эскадронов были ротмистр Ляшков — 5-го и ротмистр Аладьин — 6-го. Командиром дивизиона был полковник Владимиров⁵⁰³. Седьмой эскадрон по желанию полковника Туган-Мирза-Барановского был назван просто «Петроградским», командиром которого стал ротмистр Рубцов.

В начале июля вернулся штабс-ротмистр Глазер; его командировка прошла удачно. Полученные по мобилизации лошади и приобретенные седла дали возможность сформировать 4-й эскадрон, командиром которого назначен был штабс-ротмистр Глазер. Мобилизация подтолкнула наших «куйдышей» — крымских татар, в довольно большом числе явившихся в полк.

В Севастополе шли занятия, неслабь незначительная караульная служба. Наконец был назначен постоянным нашим ветеринарным врачом доктор Владимир Александрович Тиминский. Медицинским врачом при полку временно стал морской врач, открывший полковой околоток при помощи старого и опытного нашего полкового старшего фельдшера Бондаренко. Новороссийцы с успехом сформировали свои эскадроны до полного состава; петроградцы с семи человек довели свой эскадрон до ста. Наши 1-й и 2-й эскадроны были в сверхкомплекте, 3-й и 4-й (конные) были немного меньшего состава. Во всем полку не было ни одного пленного красноармейца. Полк состоял из бывшей учащейся молодежи, немцев-колонистов, крымских и других татар, из русских хуторян и других благонадежных элементов. Полк был вполне надежный, как в политическом отношении, так и в боевом. Всего в полку было больше 850 человек, но при таком большом числе прибывавших людей полк был очень плохо одет. На все требования обмундирования главное интендантство не отзывалось.

Штаб корпуса по-прежнему находился в Джанкое, и на должность командира корпуса после излечения от ранения вернулся генерал Шиллинг. Командир корпуса очень интересовался полком и назначил день смотра. Командиры эскадронов заволновались. Как же быть со всеми плохо одетыми и босыми, хотели вывести эскадроны с ми-

нимальным числом рядов, но командир полка решительно запретил это делать и приказал на смотр вывести всех без исключения, а бо- сых поставить в первую шеренгу. На состоявшемся смотре коман- дир корпуса пришел в ужас от обмундирования, но остался вполне доволен строевой выправкой нижних чинов и благодарил командира полка и командиров эскадронов за то, что в такой короткий срок смогли создать такую отличную воинскую часть. Через несколько дней из штаба корпуса получено было сообщение, что из главного интендантства высылается в полк 400 комплектов английского обмун- дирования.

Вскоре после смотра во второй половине июля решено было коман- диром полка, бывшего одновременно и начальником Севастопольско- го гарнизона, вывести несколько эскадронов из Севастополя в другие ближайшие города. 1-й эскадрон перешел в Бахчисарай, 3-й эскадрон в Ялту и 4-й — в Балаклаву. 2-й эскадрон, Новороссийские эскадро- ны, и Петроградский остались в Севастополе.

3 августа командиром полка получены были зашифрованные теле- граммы. Командир лично их расшифровал и лично зашифровал ответ. Сообщил только, что ожидается серьезная военная операция и что надо приготовиться к выступлению.

Все эскадроны, бывшие в других городах, немедленно были вызва- ны в Севастополь.

Дело это считалось настолько важной тайной, что даже своим бли- жайшим помощникам командир полка тайны раскрыть до известного времени не хотел. Все же когда у командира полка не хватало уже времени, чтобы самому справиться со всеми делами в связи с пред- стоящей боевой операцией, то пришлось поделиться своей тайной с ближайшими своими сотрудниками. Но тайна сама собой раскрылась; приезжавшие из штаба корпуса открыто говорили, что предстоит де- сантная операция по взятию города Одессы. План этой операции де- тально разрабатывался; полковник Туган-Мирза-Барановский несколько раз ездил в штаб недавно приехавшего нового начальника гарнизона, где происходили совещания с командующим Черноморским флотом.

4 августа прибыло наконец обещанное обмундирование. Всем эс- кадронам и командам роздано было пропорционально по числу людей, но на руки выдавать временно не разрешалось до погрузки на транс- порт. 6 августа в день праздника Преображения началась погрузка на транспорт «Маргарита». В ночь с 7-го на 8 августа «Маргарита» выш- ла в море и взяла курс на Одессу. На транспорте оказалось много «пассажиров», ехавших по разным делам в Одессу, как будто въезд в Одессу был совершенно свободен и не предстояло очень рискованной

боевой десантной операции. У всех были разрешения от военных властей. Вот как сохранялась тайна!

9 августа вечером транспорт «Маргарита» бросил свой якорь в 15—20 миль от берега окрестностей Одессы. К этому времени подошел и флот: наши русские корабли, крейсер «Кагул» (переименованный в «Генерал Корнилов»)⁵⁰⁴, большой эскадренный миноносец «Поспешный»⁵⁰⁵ и малый старый миноносец «Живой». Подошла и английская эскадра: уже хорошо нам известный крейсер «Карадок», два больших эскадренных миноносца и четыре меньшего размера. В полночь «Маргарита» подошла еще ближе; от берега было всего 3—4 мили. Подошел плоскодонный тральщик «Роза» и пришвартовался к правому борту «Маргариты». Около 3 часов ночи, уже 10 августа, на «Розу» высадились 1-й эскадрон ротмистра Юрицына и 2-й эскадрон ротмистра Лесеневича. Эскадроны выстроились по обоим бортам тральщика, вид у эскадронов был отличный: хорошо одеты, бодрые, веселые лица; раздавалось дружное пение.

«Пассажиры», наблюдавшие эту высадку, делились своими впечатлениями и восторгались видом и боевым духом славных крымцев, которые через каких-либо полчаса, может быть, уже втянутся в жаркий бой с красноармейцами.

Первой задачей эскадронов было подойти на «Розе» вплотную к берегу и, как только тральщик «Роза» врежется в берег, выскочить и занять участок достаточной величины, чтобы обеспечить всем остальным эскадронам беспрепятственную высадку. Под общей командой ротмистра Юрицына дивизион произвел высадку у Сухого лимана приблизительно в одной версте к юго-западу от немецкой колонии Люстдорф. Ротмистр Юрицын сразу, развернув эскадроны, энергично повел их вперед, занял немецкую колонию Люстдорф и захватил стоявшую у колонии четырехорудийную 3-дюймовую батарею с полной запряжкой и прислутой. Внезапное нападение белых для батареи было полной неожиданностью, но командир этой батареи доложил ротмистру Юрицыну, что весь личный состав батареи давно уже как ждет прихода войск генерала Деникина, что все они рады нашему приходу, и выразил желание сразу стать на нашу сторону и оказать нам поддержку. В 4 часа утра началась общая высадка. Большое волнение на море помешало выгрузке лошадей. Весь полк высадился в пешем строю. Высаживались на баржах по 35—40 человек на каждой. Весь десант произошел быстро, в полном порядке и настолько неожиданно были заняты ближайшие с западной стороны Одессы окрестности, что в городе возникла паника; красные власти и гарнизон бежали. Появление такой внушительной эскадры у Одес-

сы, конечно, имело очень большое значение, может быть, даже решающее. Такой удачный успех десанта был следствием общего детального плана, совместно составленного командующим морскими силами у Одессы и нашим командиром полка. В основу был взят принцип неожиданности («Удивить — победить!»). К нашему счастью, раскрытие тайны, окружавшей Одесскую десантную операцию, происшедшее в Крыму, не коснулось Одессы.

Как только высадились все эскадроны, полковник Туган-Мирза-Барановский распределил всем задачи и началось наступление на Одессу. Везде жители нас приветливо встречали: особенно теплая встреча была проявлена в немецкой колонии Люстдорф (Ольгино), около которой происходила высадка с транспорта. Всадники, драгуны и уланы Сводно-драгунского полка, наверное, не забудут гостеприимство, проявленное жителями этой колонии утром 10 августа 1919 года. Все чины полка смогли хотя и наскоро, но хорошо позавтракать, что было важно, так как весь день и всю ночь на 11 августа не было возможности подвезти продовольствие чинам полка.

Наступление велось несколькими колоннами: 1-я колонна, Петроградский эскадрон ротмистра Рубцова; вдоль моря через Аркадию, Ланжерон, Французский бульвар и далее к центру города.

2-я колонна, 2-й эскадрон ротмистра Лесеневича; через Большой Фонтан по линии трамвая к главному вокзалу.

3-я и 4-я колонны полковника Зотова и штабс-ротмистра Глазера под личным управлением полковника Туган-Мирза-Барановского; через деревню Чубаевку по направлению к главной тюрьме. Оба эскадрона двигались уступом между 2-м и 1-м эскадронами.

1-й эскадрон составлял 5-ю колонну ротмистра Юрицына; направление на товарную станцию.

В резерве на расстоянии около 400 шагов за 3-м и 4-м эскадронами 5-й (Новороссийский) эскадрон ротмистра Ляшкова.

6-й (Новороссийский) эскадрон ротмистра Аладына временно оставался у Сухого лимана как прикрытие полка со стороны Овидиополя.

Между колоннами успешно поддерживалась связь ординарцами на тех нескольких лошадях, на выгрузку которых согласился капитан «Маргариты», но без ответственности с его стороны. Каждому эскадрону было выдано по несколько планов города, на которых нанесены были квадраты с номерами; такие же планы были и на всех кораблях. С берега подавался сигнал, указывающий, какой квадрат необходимо обстрелять. К вечеру подошли к окраинам города. Полковник Туган-Мирза-Барановский остановил полк. Вступать в такой большой и незнакомый город ночью было бы большим риском.

С рассветом, получив от всех командиров эскадронов донесение о том, как прошла ночь, командир полка приказал всем двигаться вперед. Штаб командира полка ночью находился возле тюрьмы; полковник Туган-Мирза-Барановский поручил штабс-ротмистру Росницкому проверить, за что кто арестован, и выпустить всех напрасно посаженных в тюрьму большевиками. Много было выпущенных, среди них выделялся старый, с седой бородой бывший начальник 15-й пехотной дивизии генерал Безрадецкий⁵⁰⁶.

Эскадроны продвигались по главным улицам Одессы. Это было настоящее триумфальное шествие. Местные жители высыпали на улицу и восторженно приветствовали своих избавителей от большевистского ига; офицеров и солдат забрасывали цветами, кто кричал и смеялся от радости, а были и плакавшие от радости; немало было и таких, главным образом юных девушек, подбегавших к строю и целовавших первого, к кому легче было подступить. Особое впечатление производил колокольный звон; во всех церквях раздавался благовест.

Сразу представилось командиру полка несколько офицеров, оставшихся в Одессе, предложивших свои услуги, как хорошо знакомые с местной обстановкой; были у них документы, удостоверяющие их личность; производили они хорошее впечатление. Офицеры эти, главным образом один гусарский штабс-ротмистр, очень помогли нашему командиру полка, а также и командирам эскадронов. Без них трудно было бы ориентироваться, особенно в первое время.

По-видимому, все население Одессы было уверено, что их город прочно уже занят войсками Добровольческой армии, но опасность контратаки со стороны красных еще не была устранена.

12-е и 13 августа были очень тревожные. За товарной станцией со стороны станции Гниляково подошли два бронепоезда и эшелон красноармейцев, начавших высаживаться из вагонов. Кроме Сводно-драгунского полка, других войск не было. Бывший в Одессе в дни большевиков генерал Розеншильд-Паулин в первый же день освобождения Одессы от красных явился полковнику Туган-Мирза-Барановскому и сообщил, что в его организации все уже готово для формирования батальона. С согласия нашего командира, бывшего также начальником гарнизона, батальон действительно сразу собрался и готов был идти на передовую позицию. 1-й эскадрон ротмистра Юрицына, как ближайший к месту высадки красных, по тревоге выступил по направлению подошедшего эшелона. Остальным эскадронам приказано было быть в полной боевой готовности. По сигналу с берега на крейсер «Генерал Корнилов» с крейсера была дана очередь из его мощных орудий. Снаряды попали точно в указанный квадрат; еще одна очередь, и у крас-

ных началась паника; красная пехота стала поспешно садиться в вагоны, и эшелон отошел в северо-западном направлении, а за ним и бронепоезда покинули пределы Одессы.

Чествования «отряда, освободившего Одессу от большевиков», продолжались. В «Лондонской» гостинице устроен был банкет, на который были приглашены все офицеры полка; устроен был сбор денег для того же отряда; правление Яхт-клуба приглашало наших офицеров посещать клуб на правах действительных членов клуба и еще много разных знаков внимания было проявлено одесситами. Но не только от жителей Одессы была проявлена благодарность; была получена телеграмма от Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, в которой генерал Деникин благодарил нашего командира полка полковника Туган-Мирза-Барановского за блестяще проведенную операцию по взятию города Одессы, а участников за проявленные храбрость и энергию.

17 августа по случаю приезда командира корпуса генерала Шиллинга в кафедральном соборе был отслужен благодарственный молебен, а после молебна состоялся парад, который был принят генералом Шиллингом. Участвовали в параде моряки с крейсера «Генерал Корнилов» со своим оркестром, затем весь Сводно-драгунский полк в составе четырех эскадронов крымцев, двух эскадронов новороссийцев и одного эскадрона Санкт-Петербургских («петроградских») улан; за уланами прошел взвод артиллерии со своими орудиями и зарядными ящиками. Этот взвод не по своей вине опоздал к десанту; ему следовало прибыть к десанту из Херсона, но Одесса была занята раньше Херсона. Все эскадроны полка представились отлично. В награду за взятие Одессы было пожаловано командиром корпуса по два Георгиевских креста на эскадрон. Три батареи (12 орудий), взятые 1-м и 2-м эскадронами рано утром 10 августа 1919 года и заявившие о своем желании присоединиться к Добровольческой армии, в параде не участвовали, но им было обещано, что батареи станут основой новых артиллерийских формирований.

Так как полковник Туган-Мирза-Барановский на основании приказа командующего войсками Новороссийской области, помимо должности командира полка, временно исполнял также должности начальника гарнизона, градоначальника, а одно время, до приезда генерала Шиллинга, еще и командующего войсками Новороссийской области, то со всеми этими должностями уже не было возможности справиться; поэтому полковник Туган-Мирза-Барановский на время пребывания полка в Одессе передал командование полком полковнику Бако. Начальником штаба гарнизона полковник Туган-Мирза-

Барановский назначил скрывавшегося от большевиков в Одессе полковника Алухтина⁵⁰⁷, одно время числившегося в списках полка. В Одессе был получен радостный для крымцев приказ Главнокомандующего ВСЮР от 10 августа о выделении крымцев из состава Сводно-драгунского полка в свой отдельный полк. Заключительные слова приказа свидетельствовали, что полк действительно уже сформирован: «Крымский конный полк шестиэскадронного состава считать сформированным». Командиром Крымского конного полка назначался полковник Туган-Мирза-Барановский. Новороссийцы и петроградцы образовали Сводно-драгунский полк.

Гарнизон Одессы постепенно увеличивался. Происходили новые формирования, восстанавливались кадры старых императорских частей; патриотический подъем в Одессе был на большой высоте, и части быстро пополнялись добровольцами, а также и мобилизация проходила успешно. Крымский конный полк также хорошо пополнил свои ряды. Получением по мобилизации некоторого количества лошадей стало возможным посадить на коней до 45 всадников 1-го эскадрона. Пулеметная команда была перевооружена новыми пулеметами Максима. В полку велись занятия, главным образом тактического значения. Коренной состав господ офицеров увеличился прибытием корнета фон Фе, до сего времени находившегося в Кавказской армии. Еще до взятия Одессы в Севастополе прибыл в полк прапорщик Осман-Мемет Ресуль, в 1917 году произведенный за боевые отличия в этот чин; теперь в связи с отменой во ВСЮР чина прапорщика все прапорщики были переименованы в чин корнета или подпоручика; на этом основании прапорщик Ресуль был переименован в корнет; все остальные в полку прапорщики были также переименованы в корнет; если были офицерами других войск, то в подпоручики, с тем что в случае их официального перевода в кадровый состав полка они будут зачислены по кавалерии и опять переименованы в корнет.

В полку с самого начала его включения в состав Добровольческой армии было установлено, что все прикомандированные к полку господа офицеры после шестимесячного пребывания в полку могли подать рапорт о переводе их в кадр господ офицеров полка; перевод решался общим собранием господ офицеров полка и согласием командира полка.

В июле 1919 года в Севастополе общим собранием господ офицеров были приняты в полк находившиеся в прикомандировании к полку поручики: 4-го гусарского Мариупольского Императрицы Елисаветы Петровны полка Кононов Николай Николаевич и 6-го драгунского Глуховского Императрицы Екатерины Великой полка Ватель Сергей

Антонович⁵⁰⁸. В августе 1919 года тем же собранием были приняты в полк прикомандированные к полку господа офицеры: поручик Кондоиди (из запаса, бывший коренной офицер лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка), корнет: Глинястый Николай Михайлович⁵⁰⁹ (6-го Заамурского конного полка), Джексон Дмитрий Львович (10-го Пограничного конного полка), Александров⁵¹⁰ (Стрелкового полка 10-й кавалерийской дивизии), Пылков (выпуска 1917 года из Елисаветградского кавалерийского училища), Веригин⁵¹¹ (из конной артиллерии).

В первых числах сентября, по прибытии в Одессу градоначальника, коменданта города и начальника гарнизона, полковник Туган-Мирза-Барановский, освободившись от всех временно исполнявшихся им должностей, снова принял свой полк.

8 сентября Крымский конный полк во главе со своим командиром полковником Туган-Мирза-Барановским выступил по железной дороге на фронт.

За неделю до выступления крымцев на фронт были выдвинуты на станцию Затишье Новороссийские эскадроны под командой ротмистра Ляшкова. Действующего фронта еще не было; всем войскам было строго запрещено при встрече с войсками Украинской народной республики вступать с ними в боевые столкновения. Перед новороссийскими драгунами на следующей станции по направлению на станцию Бирзула стоял отряд войск Украинской народной республики (петлюровцев). Выяснилось, что начальником этого отряда состоит полковник Аркас, друг и однокашник ротмистра Ляшкова по училищу. Установились добрососедские взаимные дружеские отношения. Но продолжались такие дружеские отношения недолго. Через три или четыре дня по прибытии на станцию Затишье новороссийцы, никак не ожидавшие какого-либо нападения, спокойно пользовались послеобеденным отдыхом, как вдруг на станцию на полном ходу влетел бронепоезд, из которого повывскакивали вооруженные гайдамаки, и моментально все отдохнувшие драгуны были взяты в плен. Доблестный ротмистр Ляшков застрелился; кое-как избежавшим плена удалось отбиться, и бронепоезд поспешил удалиться со станции Затишье. Это предательское нападение послужило сигналом для открытия военных действий против войск Украинской народной республики. Генерал Деникин отдал приказ немедленно перейти в наступление на всем фронте, занятом украинскими войсками. Главному командованию ВСЮР не удалось избежать этого столкновения.

Крымцы высадились на станции Мардаровка 9 сентября вечером. В час ночи полк выступил в район Окны — Бирзула — Григориополь — Дубоссары, где разбойничали грабительские банды. По ликвидации этих банд полк с приданными ему двумя пушками 8-й ба-

тарей 4-й артиллерийской бригады⁵¹² прибыл в село Слободзея, где вошел в состав Днестровского отряда генерала Розеншильд-Паулина. Пешие эскадроны (сводный, состоявший из пеших всадников конных эскадронов, и 2-й) были командированы в распоряжение командира Сводно-драгунского полка по правую сторону железной дороги Одесса — Бирзула — Жмеринка. Конные эскадроны (3-й, 4-й и не полный 1-й) с двумя орудиями составили особую группу во главе со своим командиром полка, предназначенную действовать левее железной дороги на Жмеринку, обеспечивая левый фланг Днестровского отряда. 15 сентября в конной атаке, лично веденной командиром полка, было взято село Круты. 16 сентября противник повел наступление на село Плоть, вытеснив оттуда наш разъезд. Командир полка повел полк в обход противника, занявшего село Плоть; 3-м и 4-м эскадронами атаковал противника с тыла, а 1-м эскадроном с фланга. Противник обратился в бегство, оставив в наших руках большое войсковое имущество, взято было около сорока пленных; все пленные, жители населенных пунктов, находящихся в нашем тылу, по сдаче оружия и казенного имущества отпускались домой, а остальные отправлялись в тыл.

Наступление петлюровцев на фронте Днестровского отряда продолжалось, и 17 сентября крымцам было приказано действиями на левом фланге отряда остановить наступление противника. На самом левом фланге нашего полкового фронта село Лабушна было занято сильным отрядом неприятеля. Необходимо было захватить это село и разбить находящегося там врага, а затем выйти в тыл петлюровцам, наступавшим на части Днестровского отряда. 18-го на рассвете полк выступил на Лабушну. Командир полка решил применить свой обычный маневр обхода. Обход был совершен с правого фланга, а затем красивой лихой конной атакой 3-го и 4-го эскадронов при поддержке 1-го эскадрона село Лабушна было захвачено; упорно защищавший ее 11-й Петлюровский пехотный полк почти полностью был уничтожен, около ста человек взято в плен, среди которых было несколько офицеров; захвачено два пулемета. Это дело помещено было в сводке штаба Главнокомандующего ВСЮР: «Полковником Туган-Мирза-Барановским в конной атаке взято село Лабушна, причем уничтожен весь 11-й полк противника, частью изрублен, частью захвачен в плен». После боя у Лабушны полк продолжал выполнять свою задачу. 19 сентября полк продолжал наступление. Около 12 часов дня навстречу полку вышли конные части, приблизительно два эскадрона. Развернув наши эскадроны, полковник Туган-Мирза-Барановский повел их в атаку, но петлюровская конница атаку не приняла и полевым галопом усакала за

деревню Писаревку, которая была немедленно нами занята; к 2 часам дня полк двинулся на деревню Сербы, и в 5 часов 30 минут деревня Сербы была взята, как обычно, обходным движением, каковое, вероятно, было крайне неприятно нашим врагам.

Наступление неприятеля на фронте Днестровского отряда было остановлено, и наши части перешли в контрнаступление. В деревне Сербы полку была дана дневка. 20-го и 21 августа полк оставался в деревне Сербы, ведя лишь разведку перед фронтом. 22 сентября в 5 часов 30 минут утра полк выступил на село Бештанков, которое было занято нами обычным нашим маневром обхода; петлюровцы спешно отошли, несмотря на их численное превосходство. 23 сентября 4-й эскадрон с приданным ему бронеавтомобилем был послан в село Студеное. Разъезд 4-го эскадрона донес, что Студеное занято пехотой противника. Командир 4-го эскадрона ротмистр Глазер, развернув эскадрон лавой, повел его на село Студеное; броневик «Кречет» по дороге въехал в село и открыл огонь по бывшим в селе петлюровцам, которые поспешили спастись бегством. 24 сентября неприятель крупными силами двинулся к Студеному со стороны деревни Димитрашевки и местечка Песчанка. 4-й эскадрон вынужден был оставить село Студеное и присоединиться к полку, выступившему навстречу неприятельским колоннам. Два орудия противника, выехавшие на открытую позицию, стали обстреливать крымцев шрапнельным огнем. Командир полка приказал нашему артиллерийскому взводу сбить неприятельскую артиллерию и поддержать своим огнем действия полка. 1-й эскадрон был двинут в обход села Студеного, за ним последовал 3-й эскадрон, а 4-й, при котором находился командир полка, был направлен прямо на Студеное. Одновременной атакой с фронта и с фланга село Студеное было взято. Противник, преследуемый крымцами, отступил на местечко Песчанка. В этом бою следует отметить блестящую работу артиллерийского взвода и броневика «Кречет».

25 сентября с рассветом начался бой у местечка Песчанка. Условия местности и укрепленное расположение противника затрудняли действия в конном строю; эскадронам пришлось спешиться и при поддержке ставшего уже совсем своим артиллерийского взвода вести наступление в пешем строю. К полудню удалось выбить противника из местечка. В Песчанке захватили автомобиль с двумя штабными офицерами; пленных было мало, так как петлюровцы, также поддержанные своей артиллерией, более сильной, чем наша, смогли отступить в порядке. После ночлега в Песчанке рано утром 26 сентября на основании полученного приказа полк выступил по направлению к деревне Христище; по сведениям штаба, деревня была свободна от против-

ника, однако высланные наши разъезды были обстреляны из деревни успешным занять ее неприятелем. Шедший головным 1-й эскадрон, вместе с броневиком и двумя пулеметами, втянулся в бой с вышедшими навстречу цепями петлюровцев; огнем наших пулеметов наступление противника было задержано; неприятель отошел к окраине деревни, где засел в бывших у деревни Христище окопах. Подошедшие 3-й и 4-й эскадроны также спешились; 3-й эскадрон занял участок в первой линии правее 1-го эскадрона, а 4-й остался в резерве. Целый день противник упорно держался, но к вечеру общими усилиями неприятель был выбит из окопов и вытеснен из деревни в смежный с Христищем лес. Оставив в Христище заставы, полк перешел на ночлег в Песчанку. 27 сентября приказом командующего Днестровским отрядом все части отряда задерживались на занятых рубежах. Крымскому конному полку приказано оставаться в Песчанке, высылая лишь один эскадрон в Христище.

30 сентября после незначительной перестрелки полковником Зотовым с 3-м эскадром занята была деревня Горячковка.

1 октября противник на всем фронте войск Новороссийской области перешел в наступление, нанося главный удар между правым флангом Днестровского отряда и левым флангом группы войск генерала Слащева.

Противник сосредоточил максимально возможные силы и, обходя фланги, стал теснить части войск Новороссийской области. В час ночи 2 октября полку приказано отойти в деревню Сербь, куда полк прибыл в 9 часов утра. В 11 часов утра получено сообщение, что соседняя воинская часть полковника Стоякина⁵¹³ отходит под давлением противника. Весь день и всю ночь на 3 октября крымцы оставались в районе деревни Сербь, ведя усиленную разведку и своими демонстративными действиями на фланге задерживали наступление петлюровцев. 3 октября по приказанию командующего Днестровским отрядом полк перешел в село Круты. Проходя через село Лабушна отдельные всадники и артиллеристы подвергались нападению местных жителей. Настроение этого села было явно враждебное. В Крутах был получен приказ удерживать село, а 5 октября было приказано подготовиться к переходу в наступление 6 октября.

Все это последнее время, то есть весь сентябрь месяц, была отличная погода — было тепло и безветренно; люди не нуждались в теплой одежде, но уже с первых чисел октября погода испортилась, появились ветры, и стало значительно холоднее; теплой одежды почти ни у кого не было, и у всадников и артиллеристов появились больные, был даже случай заболевания тифом. Командир полка и раньше уже тре-

бывал выдачи полку теплых вещей, но теперь вновь требовал с указанием на грозящую опасность от их отсутствия. Это требование имело успех; хотя и с запозданием, когда уже начались морозы, но все же вещи были получены и даже почти в достаточном количестве.

5 октября присоединились к полку эскадроны, бывшие в прикомандировании к Сводно-драгунскому полку. За время пребывания в командировке эскадроны участвовали во многих боях и заслужили благодарность своих временных начальников. В ночь с 18-го на 19 сентября эскадроны под командой своих смелых и решительных командиров ротмистра Юрицына и ротмистра барона Палена ворвались в село Большие Крикливцы и разгромили находившийся в селе неприятельский батальон; многих перекололи, но большинство взяли в плен. 22 сентября после упорного боя с превосходящим в силах противником взяты были села Лободолут и Слободолут; неприятелю нанесено жестокое поражение: большие потери, без счета пленные, два пулемета, много разного войскового имущества. Потери эскадронов были сравнительно небольшие. Ранен был командир 2-го эскадрона ротмистр барон Пален и корнет Миронов. Ротмистр барон Пален был коренным офицером лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, перед Первой мировой войной ушел в запас, по мобилизации поступил в 13-й драгунский Военного Ордена полк, с которым провел всю мировую войну и заслужил орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени⁵¹⁴.

В назначенный день для наступления 6 октября на заре полк выступил по направлению на село Лабушна. Сбив передовые разьезды и сторожевые заставы, полк подошел к селу Лабушна, которое было занято небольшим конным отрядом; при виде 4-го эскадрона, обходящего Лабушну, конный отряд петлюровцев поспешил оставить село. Разъезд 4-го эскадрона захватил в плен дозор в три конных петлюровца. Местные жители Лабушны пытались оказать вооруженное сопротивление и стреляли из винтовок и пулемета. По занятии полком села все мужчины, способные действовать оружием, были арестованы и им было предложено под страхом строгих репрессий сдать все имеющееся у них оружие. После недолгих колебаний было сдано около ста винтовок и два пулемета. 7 октября из Лабушны полк выступил в деревню Сербы через Писаревку. Разъезд 3-го эскадрона захватил в плен дозор, двух кавалеристов с двумя лошадьми. В 2 часа дня полк вступил в Сербы, которая была занята нашими разьездами, вытеснившими из деревни разведывательные партии противника; наши разведчики захватили в плен еще четырех кавалеристов, но только при одной лошади.

8 октября в 12 часов дня полк выступил для занятия села Студеного. Наша разведка обнаружила в Студеном отряд пехоты и конницы,

по сведениям от жителей, около роты и эскадрона. Около 4 часов дня завязался бой. Противник открыл сильный огонь из пулеметов. Наши пешие эскадроны при поддержке артиллерийского взвода были двинуты с фронта, а конные эскадроны атаквали Студеное с обоих флангов. Петлюровцы после довольно слабого сопротивления оставили Студеное, которое немедленно занято было нами.

9 октября по приказу командующего Днестровским отрядом полк выступил по направлению на деревню Дмитрашевку с целью дальнейшего движения в тыл противника. Разъезды донесли, что Дмитрашевка не занята неприятелем, и в 12 часов дня полк вступил в Дмитрашевку. Из Дмитрашевки было выслано несколько разъездов. Сведения от нашей разведки, а также и от агентурной сводились к тому, что противник потерпел неудачу в своей попытке разбить части войск Новороссийской области и что теперь происходит отступление на всем фронте с надеждой на подход резервов из Западной Украины (Галиции). Войска Народной республики Украины сильно потрепаны, но не разбиты и еще имеются боеспособные войсковые соединения. 10 октября после довольно слабой перестрелки была занята деревня Горячковка. Не задерживаясь в ней, полк двинулся дальше, на местечко Мясковка, где полк расположился на ночлег. 11 октября получено приказание идти на местечко Комар-Город. В 7 часов утра полк выступил в указанном направлении.

По выходе из Мясковки разъезд 3-го эскадрона донес, что со стороны Антоновки через Андриашевку двигается большая колонна при 12 орудиях. Как потом выяснилось, это была 8-я Петлюровская дивизия (одна из боеспособных), отступавшая на Мясковку и далее на северо-запад. Дивизия была атакована полком. Передовые части дивизии были смяты и отступили в беспорядке, но большое превосходство в силах у противника позволило ему перейти в контратаку. В дивизии насчитывалось около 3000 штыков при 11 орудиях. Весь день шел упорный бой. Петлюровцы стали охватывать наши фланги. Пешие эскадроны под командой ротмистра Юрицына и капитана Батыренко, заменившего раненого ротмистра барона Палена, стойко держались. На помощь им подошли спешившиеся конные эскадроны: 3-й полковника Зотова и конная часть 1-го эскадрона поручика Кононова. Только 4-й эскадрон оставался на конях. Местность была пересеченная, лесистая и крайне неудобная для действий в конном строю. Петлюровцы сильно нажимали, особенно на правый фланг капитана Батыренко. Нашим цепям пришлось постепенно отходить; был момент, когда подошедшим новым частям противника удалось подойти к дороге, по которой отходил наш артиллерийский взвод. На этот раз с артиллерийским взводом был ко-

мандир всей 8-й батареи полковник Стоякин. Видя опасное положение своих орудий, не ожидая помощи своих соратников, он поставил пушки на открытую позицию и встретил наступающих врагов картечным огнем. Петлюровцы отхлынули назад, но уже был готов 4-й эскадрон, который во главе со своим командиром ротмистром Глазером, несмотря на все невыгоды местности, атаковал в конном строю обходящий левый фланг противника, смял его, многих порубил, затем проскакал в тыл врага и ударил по 3-му Гайдамацкому (Петлюровскому) полку, стоявшему в резерве в полной боевой готовности; от неожиданности в паническом страхе гайдамаки толпой бросились в гущу леса, около которого стояли, и только вдогонку эскадрону гайдамаки, считавшиеся лучшим полком в дивизии, открыли беспорядочную стрельбу. Во всей дивизии произошло замешательство. Воспользовавшись этим, командир полка приказал эскадронам ротмистра Юрицына и капитана Батыренко оторваться от противника, идти на помощь артиллеристам и затем в Горячковку. Полковник Стоякин смог вывести свои орудия под прикрытием наших пеших эскадронов. 3-й эскадрон и конная часть 1-го эскадрона еще оставались недолго на занятом рубеже для прикрытия отходивших эскадронов и артиллерийского взвода, затем по приказанию командира полка сразу оторвались от врага, сели на коней и прибыли в Горячковку, где собрался весь полк.

Полковник Туган-Мирза-Барановский не одобрял стремление драться до последнего патрона. Как только намечалось, что мы не в силах преодолеть противника, он предпочитал сразу оторваться от врага, отойти на заранее намеченный рубеж и затем перейти в контратаку с обязательным охватом флангов. Продолжение боя у Мясковки вылилось бы лишь в добавочном несении больших напрасных потерь. Бой у Мясковки 11 октября был самым упорным и ожесточенным из всех уже бывших боев на петлюровском фронте, в которых участвовали крымцы. Противнику у Мясковки нанесен был большой урон, но и в полку были большие потери, около 12 процентов чинов полка выбыло из строя; в офицерском составе убит корнет Шпаковский и ранен корнет Иорданов. Почти всегда нам приходилось иметь дело с противником, значительно превосходящим нас в силе, но никогда еще не было такого ожесточения и чувства взаимной вражды; все же петлюровцы были тоже врагами большевиков, что до некоторой степени смягчало взаимные вражеские чувства противников.

В Горячковке полк стал на ночлег. Были выставлены сторожевые заставы и выслана разведка.

12 октября перед рассветом полк выступил из Горячковки и неожиданно атаковал Мясковку. Бывшие там петлюровцы поспешили

отойти в Андриашевку, где находились главные силы противника, принимавшего накануне участие в бою у Мясковки.

Командир полка не повел в этот день дальнейшего наступления и остановил полк в Мясковке. Командование Днестровского отряда, встревоженное усилением противника на фронте полка, обещало прислать подкрепление. Ожидалось прибытие 2-го Таманского конного полка Кубанского казачьего войска⁵¹⁵ в составе четырех конных и двух пеших сотен и при двух орудиях той же батареи, что и бывшие при Крымском конном полку. Высланные разъезды выяснили, что деревни Андриашевка и Антоновка заняты противником, но некоторую часть своих сил петлюровцы увели в местечко Томашполь. Весь день 12 октября шел дождь, и дороги стали сплошным болотом

13 октября с утра началось наше наступление совместно с прибывшим 2-м Таманским полком, который был подчинен полковнику Туган-Мирза-Барановскому. Крымцы повели наступление на Андриашевку, а таманцы — на Антоновку. Наступление велось комбинированными действиями в пешем и в конном строю. Со стороны Андриашевки было оказано упорное сопротивление, и все наши атаки были отбиты. Таманцы смогли выбить противника из Антоновки, но петлюровцы перешли в контратаку, отгеснили таманцев в исходное положение и захватили у них две пушки, застрявшие в грязи. В этом бою был ранен командир 2-го Таманского полка войсковой старшина Додонов⁵¹⁶. Так как у таманцев нечем было заменить раненого командира, то спешно был вызван для временного занятия должности командира 2-го Таманского полка Генерального штаба полковник Апухтин, бывший начальник штаба у полковника Туган-Мирза-Барановского в Одессе. На следующий день, 14 октября, группа полковника Туган-Мирза-Барановского снова атаковала противника. Перед рассветом крымцы, зайдя во фланг петлюровцам, расположенным в Андрияшевке, легко с двух сторон взяли деревню; противник серьезного сопротивления не оказал. Также и таманцы заняли Антоновку и вернули свои орудия, так и оставшиеся застрявшими в грязи. Выдвинуты были вперед разъезды. Рано утром 15 октября штабс-ротмистр Лихвенцов со своим разъездом атаковал неприятельскую заставу на опушке леса у деревни Савчино. Застава разбежалась и скрылась в лесу; 5 человек было взято в плен, оказались они солдатами 6-й Петлюровской дивизии. Корнет Кибальченко⁵¹⁷ с разъездом зашел в тыл петлюровцев, захватил в плен артельщика Конной батареи Алмазова, который на телеге вез хлеб для своей батареи; со взятой телегой с хлебом, двумя лошадьми, с артельщиком и ездовым разъезд корнета Кибальченко благополучно присоединился к полку Разведкой выяснено, что противник из Томашполя уходит в направлении на Могилев-

Подольский, но в деревне Савчино сильный отряд для прикрытия отступления оставлен. Действительно, с наступлением сумерек попытка с налета выбить противника из Савчина встречена была упорным сопротивлением. Зато 16-го утром деревня Савчино была занята нами без выстрела. Неприятельский отряд спешно отошел в сторону Могилева-Подольского. Таманцам приказано наступать на Комар-Город и Томашполь, крымцам — занять село Игнатково и произвести разведку района Игнатково — Яланец — Ямполь и выбить из этого района противника, если таковой там окажется.

18 октября утром село Игнатково было занято 3-м эскадронам полковника Зотова, которому также была дана задача обследовать район села Яланец и города Ямполь. Противник нигде не задерживался и отступил по направлению на Могилев-Подольский.

Хотя наше наступление развивалось успешно, но фронт становился все шире, а личный состав полка все уменьшался. Пополнений никаких не прибывало. Поступать по примеру частей Добровольческой армии, пополнявших свои ряды пленными красноармейцами, на петлюровском фронте было невозможно. Здесь не было борьбы идей (красных и белых), тут был вопрос чисто народный; нельзя было пленных петлюровцев — украинцев заставлять идти против своих же братьев-украинцев. На настойчивое требование командира полка о присылке пополнения из штаба Войск Новороссийской области был ответ с предложением формирования запасного эскадрона, который обеспечит регулярное пополнение полка. Только в Симферополе имело смысл формировать запасный эскадрон; там находился выздоравливающий после болезни полковник Бако; ему было поручено командиром полка организовать формирование запасного эскадрона, а командиром этого эскадрона назначался штабс-ротмистр ван Воорендейк.

В хозяйственном отношении во многом полк был в зависимости от разных обстоятельств, связанных с Симферополем, где командир полка приказал заведующему хозяйством полковнику Петропольскому основать главную базу полка. Непосредственно полковой базой на фронте после выступления из Одессы заведовал полковник Мартыно; тут же находился также обоз 2-го разряда, начальником которого состоял поручик Борис Лесеневич 3-й⁵¹⁸; эта база находилась на одной из ближайших к фронту железнодорожных станций, но так как расстояние от Симферополя до станции Крыжополь, где в середине октября находилась база, было огромное, да еще с таким большим препятствием, как Черное море, то в Одессе командир полка установил промежуточную базу, заведование которой поручил старому крым-

цу, полковнику Константину Давыдовичу Калинингу, бывшему в полку командиром 3-го эскадрона, а затем командиром 2-го Полевого жандармского эскадрона в Варшаве. Снабжение полка продовольствием и боевыми припасами было хорошо налажено стараниями начальника передовой базы, начальника обоза 2-го разряда, а также и начальника обоза 1-го разряда и заведующего оружием поручика Георгия Лесеневича 2-го. Упомянув о братьях Лесеневичах, 2-м и 3-м, как раз кстати надо упомянуть и о старшем брате ротмистре Петре Лесеневиче 1-м, вернувшемся в полк по излечении от болезни и снова принявшем свой 2-й эскадрон, который еще представлял собой внушительное боевое подразделение; что касается 1-го эскадрона (пешей его части), то от него осталось около полувзвода, так как большинство людей эскадрона ушло на пополнение конной части эскадрона, а также и других конных эскадронов

19 октября разъезды выяснили, что противник отступает по всему нашему полковому фронту, но 20 октября предполагавшийся переход в деревню Вилы не мог состояться, так как получены были сведения, что в деревню Стену прибыл отряд пехоты с четырьмя орудиями; создавалась опасность удара в наш фланг и тыл в случае нашего похода на Вилы, поэтому приходилось сперва ликвидировать эту опасность. Деревня Стена была защищена крутым и глубоким оврагом. Командир полка приказал 2-му эскадрону с четырьмя пулеметами наступать на деревню Стену при поддержке нашего артиллерийского взвода, которым теперь командовал капитан Голов, так как полковник Стоякин, встревоженный случаем с его орудиями при 2-м Таманском полку, поехал для выяснения обстоятельств этого случая и для проверки исправности орудий. 1-му (конной части) и 4-му эскадронам приказано было обойти овраг и с обоих флангов атаковать защищавшего деревню Стену противника. Крутой и глубокий овраг заставил наши эскадроны потерять много времени, чтобы его преодолеть; 1-му эскадрону удалось переправиться на другую сторону оврага раньше 4-го эскадрона, и под командой корнета Кокораки⁵¹⁹ 1-й эскадрон (конная часть) атаковал в конном строю левый фланг петлюровцев, оборонявших деревню Стену; этой атакой бой был решен в нашу пользу.

2-й эскадрон доблестно наступал на противника, но встретил очень сильное сопротивление, особенно мешала наступлению неприятельская батарея. Нашему полковому адъютанту по вспышке удалось обнаружить место стоянки батареи, о чем он тут же сообщил капитану Голову, который, дав несколько метких очередей по неприятельской батарее, заставил ее замолчать. 2-й эскадрон, получив такое основательное облегчение, поддерживаемый своими пулеметами и артиллерийским взводом,

смело бросился вперед, а в это время произошла и конная атака корнета Кокораки с 1-м эскадром. Победа была на нашей стороне. Противник в полном беспорядке спешно отступал. 2-й эскадрон понес большие потери; было из строя двенадцать человек, то есть около 20 процентов наличного состава эскадрона. В 1-м эскадроне тяжело ранен и эвакуирован корнет Осман-Мемет Ресуль. День 20 октября был хотя и прохладный, но приятный, безветренный, но в ночь на 21-е подул морозный ветер и поднялась сильная снежная вьюга. Уже с утра появились снежные заносы. Полку надо было рано утром выступить на деревню Вилы; переход этот был крайне тяжелый, несколько раз в снежных сугробах застревали орудия, приходилось припрягать лишние уносы к орудиям и зарядным ящикам, приходилось помогать и вручную. Шестиверстный переход был совершен в течение четырех часов. Вилы были оставлены противником, что дало возможность всем немного отдохнуть после хотя и малого, но весьма тяжелого перехода. 3-й эскадрон накануне вечером присоединился к полку, выполнив свою задачу по разведке района Игнатково — Яланец — Ямполь. Помимо доклада о результате разведки, полковник Зотов сообщил, что все местные жители утверждают, что петлюровцы готовятся к переправе через Днестр у Могилева-Подольского в Румынию. Агентурная же разведка сообщает совсем иное: не для перехода в Румынию происходит движение войск Петлюры к Могилеву-Подольскому, а с целью собрать ударную группу для нанесения решительного удара по нашему левому флангу, затем зайти в тыл нашим главным силам, разбить их, отбросить остатки к Одессе и закончить войну с противобольшевистскими русскими войсками. На нашем фронте кроме 8-й дивизии оказалась и 6-я, считавшаяся лучшей в армии Народной республики Украины. Будто бы поджидался подход 1-й Сечевой стрелковой дивизии (галичан). Высланные разъезды подтвердили, что все ближайшие села и деревни заняты противником. Несомненно ожидалось крупные действия неприятеля.

22 октября около 11 часов утра противник перешел в наступление двумя своими лучшими полками (Дорошенковским и Богдановским) при сильной артиллерийской поддержке. Первая атака противника была отбита с большими для него потерями, и петлюровцы отошли в исходное положение. 4-й эскадрон по глубокому снегу атаковал отходящие цепи, которые приняли атаку и встретили эскадрон огнем, но были разбиты и порублены эскадром, который тоже понес немалые потери: был убит поручик Соколов и несколько всадников было ранено. Готовились в полку к новому нападению петлюровцев, и действительно приблизительно через полтора часа противник повторил атаку, но уже более густыми цепями, как потом выяснилось, наступала вся

6-я дивизия, имея в резерве 8-ю. Занимавшие деревню Антоновку, к северо-востоку от деревни Вилы, таманцы, обойденные с фланга, вынуждены были отойти от Антоновки, после чего петлюровцы всеми силами обрушились на крымцев, охватывая оба их фланга. Крымцы всем полком в пешем строю стойко держались. Против наступавшего противника блестяще действовали пулеметы ротмистра Давыдова. Все пулеметы заранее получили свои секторы огня, пересекающие один другого, и общий пулеметный огонь скашивал наступавшие цепи, но подходили новые цепи; мы также несли потери. Командир полка находился на совершенно открытом месте, наблюдая за ходом ожесточенного боя; около него находились, как обыкновенно и в других случаях, его ближайшие в бою помощники, в том числе и личный ординарец командира вольноопределяющийся старший унтер-офицер Эмиров, который, предвидя возможную необходимость спасти командира, подошел к нему и стал справа на полшага сзади, но не прошло и минуты, как Эмиров был убит, не успев произнести ни одного слова. Сильное упорство значительно превосходящего нас в силе противника заставило полковника Туган-Мирза-Барановского отдать приказ об отходе по направлению на Томашполь. Отход был совершен в полном порядке, в первую очередь артиллерийским взводом, расстрелявшим все свои шрапнели и гранаты.

Штаб отряда находился на станции Вапнярка, где стояло и два бронепоезда. Сильно отодвинувшийся назад и загнанный наш левый фланг оказался совсем близко от штаба. Командующий войсками отряда полковник Гвоздаков⁵²⁰, конечно обеспокоенный таким положением, приказал закрепиться и удерживать занятый рубеж; обещал прислать подкрепления; в первую очередь подошли две роты: 11-я рота 1-го Симферопольского полка⁵²¹ и Житомирская рота Сводного батальона 14-й пехотной дивизии⁵²². На главном направлении на станцию Жмеринка и на город Проскуров, оказывается, действовал доблестный, хорошо нам знакомый и «земляк» 1-й Симферопольский офицерский полк. В столь ожесточенном бою у деревни Вилы хотя мы понесли потери, но по сравнению с потерями наших врагов наши потери незначительны, чему мы обязаны главным образом отличной работе наших пулеметов и довольно плохой стрельбе неприятельской артиллерии. В 1-м эскадроне был ранен корнет Дрига⁵²³; больше всего было потерь в 4-м эскадроне. Следуя своему правилу, полковник Туган-Мирза-Барановский предполагал переходить в контрнаступление, но против этого был полковник Гвоздаков, рекомендовавший дожидаться прихода подкреплений и лишь тогда перейти к активным действиям.

23 октября противник не возобновил своих попыток разбить наши войска на левом фланге. Стремясь обойти наш левый фланг с целью зайти в тыл и разбить наши главные силы, петлюровцы свой фланг сами подставили нашим войскам Новороссийской области; потерпев там неудачу, теперь были озабочены общим их положением. Окончательное поражение Петлюры было несомненно в ближайшем будущем. Теперь наше командование собиралось нанести сокрушающий удар собравшейся у Могилева-Подольского группе петлюровских войск. Вот поэтому полковник Туган-Мирза-Барановскому даны были новые инструкции и новое назначение: оставаясь командиром Крымского конного полка, он назначался начальником отряда, получившего название «Днестровский», в который должны были войти, кроме Крымского конного полка, еще 2-й Таманский конный полк Кубанского казачьего войска, 2-й Лабинский конный полк Кубанского казачьего войска⁵²⁴, конвой генерала Слащева (две сотни), 11-я рота 1-го Симферопольского офицерского полка, Житомирская рота Сводного батальона 14-й пехотной дивизии и четыре орудия 8-й батареи 4-й артиллерийской бригады (два орудия при Крымском конном полку и два орудия при 2-м Таманском полку). Обещанные еще другие подкрепления были настолько анекдотичны, что были за ненадобностью возвращены обратно и о них не стоило и вспоминать. 23 октября противник не проявлял никакой активности. 24 октября есаул Мезерницкий⁵²⁵ с конвоем генерала Слащева (две сотни) и двумя сотнями 2-го Лабинского конного полка Кубанского казачьего войска получил особую задачу обхода правого фланга противника. Остальные 4 сотни 2-го Лабинского полка со своим командиром еще не прибыли. 25 октября все части отряда полковника Туган-Мирза-Барановского (новый Днестровский) выступили для занятия района деревни Антоновки, которая оказалась свободной от противника, 3-й эскадрон, посланный на деревню Вилы, занял эту деревню; также и из деревни Вилы противник ушел.

26 октября полк в составе всего отряда выступил по направлению на деревню Володиевцы. Была сильная вьюга, но мороза не было и на дорогах была густая, липкая грязь; переход был тяжелый, и только к наступлению сумерек части отряда подошли к деревне Володиевцы. Деревня была занята противником. Командир полка приказал крымцам, усиленным двумя сотнями таманцев, атаковать находящихся в Володиевцах петлюровцев и выбить их из деревни. Два наших артиллерийских взвода поддержали нашу пешую атаку. Противник, расположившийся уже на ночлег, никак не ожидавший вечернего нападения, наспех собравшись, поспешно, кто на телегах, кто пешком или верхом, выскакивали из деревни. Наши части помешали петлюровцам

приступить к своему ужину, который они побросали при спешном своем бегстве. В доме священника, где остановился штаб полка, в столовой был накрыт стол, стоял самовар, на столе какая-то скромная закуска. По словам батюшки, у него в доме находился штаб какой-то войсковой украинской части; командир и офицеры штаба собрались было пить чай, как вдруг по тревоге все выскочили из дома, а затем и из деревни. 3-й эскадрон был послан преследовать противника, но на своих измотавшихся лошадях не догнать было мчавшихся на подводах петлюровских солдат, а орудия их, стоявшие у окраины деревни, снялись сразу же при звуке первых выстрелов. На ночь были выставлены заставы от 11-й роты 1-го Симферопольского офицерского полка и от Житомирской роты Сводного батальона 14-й пехотной дивизии. 1-й эскадрон со взводом пулеметов был послан в лес к юго-западу от деревни Володиевцы для обеспечения нашего левого фланга. Штаб 2-го Таманского полка расположился почти рядом со штабом командира нашего полка. При встрече оба командира делились своими впечатлениями, и полковник Апухтин рассказал, как ему удалось вдвое увеличить боеспособность таманцев. При приеме полка оказалось, что две пешие сотни никакого участия в боях полка не принимают, а постоянно находятся при обозе, так как у казаков этих сотен совершенно износилась обувь, получить новую не могут по той причине, что казаки на службу приходят в собственном обмундировании и снаряжении. Узнав об этом, полковник Апухтин немедленно потребовал от интендантства войск Новороссийской области 250 пар обуви, указав на срочность этого требования. На это требование сразу получилось благоприятное решение, и 2-му Таманскому полку было выдано 250 пар башмаков с обмотками. Хотя и непривычными для казаков были эти башмаки, а особенно обмотки, но все же казаки были рады получить хорошую, крепкую обувь, а к обмоткам можно и привыкнуть. Лучше быть в строю обутыми, чем сидеть босыми в обозе. Сразу 2 пешие сотни в полном составе стали в строй и этим вдвое увеличили боевую силу своего полка, так как конные сотни в своих рядах имели не больше чем по 50 казаков в каждой. Этот эпизод с обувью для таманцев обрадовал и всех соратников их. Не только таманцы усилили свой боевой состав, но и весь отряд тоже этим усилился.

Усталые чины нашего нового Днестровского отряда устроились на отдых; несколько часов прошло в мирном и безмятежном сне, но около 3 часов ночи разведывательная партия петлюровцев, пользуясь темнотой ночи, незаметно подошла к нашему охранению и ловко без выстрела сняла заставу симферопольцев, а через небольшой промежуток времени несколько сотен петлюровцев с криками «Слава!»

ворвались в деревню и открыли беспорядочную стрельбу. У нас всегда все было готово на случай тревоги, особенно ночной; также и в эту ночь каждый знал, кому что делать. Петлюоровский ночной налет не представлял собой части какой-нибудь серьезной боевой операции, и в 5 часов утра наше положение было полностью восстановлено и противник выбит из деревни. Кроме попавших в плен одиннадцати человек Симферопольской офицерской роты, других потерь никаких не было. В Володиевцах не задерживались, и чины нашего штаба в гостеприимный дом священника уже не вернулись, оставив батюшку в удивленном недоумении, как это так начальство обеих вражеских сторон быстро вскакивает и исчезает из его уютного домика.

В 7 часов утра полк вместе с другими частями отряда выступил для занятия села Калитинка, а после занятия этого села выхода во фланг неприятелю. Только 3-й эскадрон полковник Зотова с приданной ему сотней Таманского полка оставлен в районе деревни Володиевцы. В Калитинку прибыли, когда уже стало темнеть, дни стали уже короткие. Утром 28-го двинулись дальше, на село Березовка, которая, по сведениям разведки, утром была занята противником, но уже днем получены от разъездов новые сведения о том, что Березовку противник оставил, и в 4 часа дня Березовка была нами занята.

На всем пути отступления петлюоровцев виден был у них полный беспорядок: валялись трупы лошадей, разрываемые голодными собаками, множество было брошенных повозок и разного войскового имущества. Несмотря на численное превосходство, наш противник поспешно отступал, не жалея лошадей, которые от недостатка корма и тяжелой работы по вязкой грязи не выдерживали напряжения и падали. По сведениям агентурной разведки, а также и от местных жителей, настроение у петлюоровцев было крайне подавленное, так как видели, что не могут противостоять доблестным русским войскам. Общее стремление было поскорее попасть домой; много было отсталых, прятавшихся у крестьян, чтобы потом пробираться к себе домой; да и в плен можно было сдаваться, так как пленных отпускали домой, если только их дом находился в тылу наших войск. Кроме того, война против русских была вообще не популярной. В этот критический период также произошел переход на нашу сторону Галицийских сечевых стрельцов, что окончательно решило судьбу петлюоровских войск.

29 октября у деревни Сербы, около десятка верст от Могилева, противник сделал попытку перейти в наступление, но сразу же был остановлен и отошел в деревню Сербы, которую стал довольно упорно оборонять. К 4 часам дня, при поддержке артиллерийского и пулеметного огня, 2-й эскадрон в пешем строю и 1-й эскадрон в конном

строю атаковали противника и выбили его из деревни; также и соседняя деревня Беляевка была занята атакой 3-го и 4-го эскадронов. Таманцы действовали правее крымцев, где петлюровцы тоже пытались проявить активность. Две пехотные роты, Симферопольская и Житомирская, были во второй линии за 2-м эскадронном. Многочисленные пленные все были отпущены домой. Бой у деревни Сербы был нашим последним боем на Украинском фронте; в дальнейшем мы продвигались вперед, занимая населенные пункты без какого-либо сопротивления со стороны петлюровцев и не преследуя их расстроженные остатки, оторвавшиеся от нас и стремившиеся к Новой Ушице и Дунаевцам, вероятно надеясь на гостеприимство поляков. Как стало потом известным, надежды Петлюры на гостеприимство румын не оправдались: румынское правительство решительно отказалось впустить на свою территорию расстроженные остатки армии Украинской народной республики.

30 октября прибыли еще три сотни 2-го Лабинского конного полка Кубанского казачьего войска со своими двумя орудиями; шестая сотня лабинцев осталась при Жмеринском отряде, двигаясь в промежутке между Жмеринским отрядом и нашим Могилевским, служа связующим звеном. По донесению от есаула Мезерницкого, конвой генерала Слащева и две казачьи Лабинские сотни под его командой, получив отдельную задачу на крайнем нашем левом фланге, очистили весь район от неприятеля и у села Бабчинцы разбили крупный отряд противника, готовившийся зайти в тыл нашим войскам, наступавшим на Жмеринку; взято было у петлюровцев четыре орудия с зарядными ящиками. В настоящее время отряд есаула Мезерницкого продвигается к Могилеву. В этот же день, 30 октября, нами было занято село Сказинцы, последнее перед Могилевом-Подольским.

Хотя по всем признакам никакой обороны города не предвиделось, но так как все предыдущее время прошло в слухах о готовности петлюровцев до последней возможности защищать Могилев, то наш командир полка решил повести на город наступление, распределив всем частям отряда полосы наступления, начиная от реки Днестра. Но никакого сопротивления не было оказано, и все части отряда, теперь названного «Могилевским», без боя, как на параде, вошли в город, радостно приветствуемые населением. В Могилеве полку был дан шестидневный отдых. Таманцы и лабинцы в ближайших селах, расположенных к северу от Могилева, также стали на отдых. С артиллерийским взводом, считавшимся нами уже совсем своим, а также и с двумя пехотными ротами, Симферопольской офицерской и Житомирской, пришлось расстаться; все они вернулись в свои постоянные части. Вместо артиллерийского

взвода придавалась полку конно-горная батарея полковника Батурского⁵²⁶, но она еще не прибыла. В Могилеве осталось брошенным большое войсковое имущество, в том числе бронепоезд и много груженых вагонов; пришлось выставлять караулы до прибытия коменданта города и комендантской команды, которые, к нашему благополучию, прибыли уже на третий день. На другой день по занятии Могилева присоединился к отряду конвой генерала Слащева и бывшие при нем две сотни лабинцев. Конвой сразу же убыл в штаб генерала Слащева, а Лабинские сотни вернулись в свой полк. В Могилеве поступило в наши ряды человек двадцать добровольцев; конные эскадроны пополнились несколькими лошадьми и седлами. 1-й эскадрон стал уже весь конный, хотя и с малым числом рядов, всего в строю было 55 всадников; 3-й и 4-й эскадроны были немного крупнее; всего официально считалось 215 шашек. Пешие эскадроны сошли на нет. Все, что представляло собою пешую часть 1-го эскадрона, пошло на пополнение конных эскадронов; 2-й эскадрон, в последних боях понеся значительные потери, также пополнил немного конные эскадроны и остался в составе всего лишь двадцати человек. Полковник Туган-Мирза-Барановский не хотел расстраивать эскадронную организацию и оставил 2-й эскадрон как кадр будущего разворачивания эскадрона. Только с 1 ноября удалось в Симферополе начать формирование запасного эскадрона. Севастопольским воинским начальником была назначена партия мобилизованных солдат для Крымского конного полка в числе ста человек; по прибытии в Одессу, кроме трех унтер-офицеров, все остальные разбежались.

Все дальнейшее движение полка от Могилева-Подольского до польской границы произошло без боев. 9 ноября занят был город Новая Ушица. Здесь получены были сведения о том, что поляками занят город Каменец-Подольский и что правительство Украинской народной республики спешит по железной дороге на Проскурров, в надежде проскочить его до подхода частей Добровольческой армии. Из Новой Ушицы, по приказанию командующего войсками Новороссийской области, 2-й Лабинский и 2-й Таманский конные полки Кубанского казачьего войска убыли из отряда для переброски на Киевский фронт. Здесь же присоединилась к полку конно-горная батарея полковника Батурского. На другой день по прибытии в Новую Ушицу была послана делегация к начальнику польского гарнизона в город Каменец-Подольский, во главе которой назначен был штабс-ротмистр Люстих, его ассистентом поручик фон Фе и переводчиком вольноопределяющийся младший унтер-офицер Юзефов; сопровождало их трое всадников. Принята была делегация весьма корректно и установлены если и не дружеские, то все же добрососедские отношения.

Во время пребывания в Новой Ушице дошли до нас слухи о большом поражении наших войск около Орла. Никто не мог еще представить себе, что это было началом трагедии, закончившейся Новороссийской эвакуацией. Здесь, у польской и румынской границ, мы себя еще чувствовали победителями. После поражения войск Петлюры на фронте армий Новороссийской и Киевской областей происходили перегруппировки. Крымскому конному полку было приказано в спешном порядке перейти в город Проскуров на смену 1-го Симферопольского офицерского полка. 25 ноября после нескольких переходов полк прибыл в Проскуров, только дня три назад занятый нашими войсками. В городе еще не знали, так же как и мы, о начавшейся трагедии белых армий. В меньшем масштабе в Проскурове происходило то же самое, что было в Одессе: приветствия и выражения радости по случаю избавления горожан от произвола петлюровцев, торжественные приемы, устройство вечера с открытой сценой и сбором в пользу отряда, занявшего Проскуров, хотя это все, в сущности, нас не касалось, так как мы пришли лишь на смену того отряда, который избавил проскуровских жителей от гнета петлюровской власти. Но как все это объяснить и исправить? Отряд, занявший Проскуров, уже далеко (1-й Симферопольский офицерский полк), жители даже не знали названия этого отряда, а про нас уже сложили песню, которую распевала приятным голосом певица со сцены на вечере, устроенном в честь нашего полка. Впрочем, все эти приветствия относились, конечно, вообще ко всей Добровольческой армии. Но крымцы не только были заняты приемом приветствий проскуровцев, а также продолжали свои боевые действия. 3-й и 4-й эскадроны продвинулись дальше, зайдя в пределы Вольнской губернии. Везде население радушно их встречало, петлюровцев нигде не было, также не было еще и красных. Разъезды наши иногда встречали отдельные мелкие группы всадников (от двух до пяти человек), которые сразу же быстро исчезали; вероятно, это были разведчики многочисленных банд разных атаманов, хозяйничавших в этом районе. Наши эскадроны дошли до города СтароКонстантинова и до местечка Любар, откуда были вызваны обратно в Проскуров, где 4 декабря весь полк был погружен в эшелоны и по железной дороге прибыл на станцию Жмеринка. По всему фронту Вооруженных сил Юга России отступление продолжалось. В Проскурове крымцы находились далеко впереди остальных частей, поэтому и приказано было сделать сразу такой большой отход до Жмеринки. Полку была дана задача прикрывать эвакуацию Жмеринского железнодорожного узла, а также вести борьбу с бандами, окружающими район Жмеринки. С другой стороны, наше командование стремилось установить дру-

жеские отношения с атаманами, и даже специально для переговоров с главным атаманом был послан Генерального штаба полковник Перевалов⁵²⁷, проехавший через станцию Жмеринка куда-то в сторону города Винницы. В Жмеринке расстались мы с нашей конно-горной батареей, прислуга которой вся была заражена сыпным тифом. Во время похода от Новой Ушицы до Проскурова ежедневно полковник Батурский докладывал полковнику Туган-Мирза-Барановскому о том, сколько орудий может стрелять: и в Проскурове уже в случае необходимости ни одно орудие не могло поддержать полк своим огнем; вся батарея была погружена в Проскурове в вагоны и по прибытии в Жмеринку отправлена далее в сторону Одессы. В нашем полку тоже были тифозные заболевания, но пока еще лишь отдельные случаи. Заболел и корнет Кокораки; после нескольких дней пребывания в госпитале он скончался. Во время нашей стоянки в Могилеве-Подольском, как прослуживший в полку более шести месяцев, он был принят обществом господ офицеров в постоянный состав полка. Вместе с корнетом Кокораки были приняты еще корнет Козырев, корнет Тулумбиев и поручик Утин. Корнеты Кокораки и Козырев — бывшие вольноопределяющиеся полка, произведенные в прапорщики запаса и отбывавшие в полку лагерные сборы; корнет Тулумбиев из прапорщиков запаса; поручик Утин до прикомандирования к полку служил в 1-м офицерском генерала Маркова полку.

В Жмеринке полк поместился в казармах 3-й стрелковой бригады, хорошо устроенных и находившихся в сосновом лесу. Городок был плохенький, но мог гордиться своим роскошным вокзалом. В полку работы было много. Эвакуация станции задерживалась, и, несмотря на установившиеся союзнические отношения с атаманами, мелкие банды продолжали грабить население; приходилось их разгонять, а при удаче ловить и арестовывать; попадались и более крупные партии грабителей, и доходило иногда и до перестрелки. Войска Новороссийской области, так же как и на всех других фронтах, отходили, и когда наш полк прибыл в Жмеринку, то находились уже на линии Умань — Вапнярка. Как остров среди океана, находились крымцы среди шаек союзников атаманов. Наконец 17 декабря получен был приказ выступить походным порядком на Рахны, Вапнярку, Крыжополь, Бирзулу. Командир полка приказал только конным эскадронам налетке идти походным порядком. Больные, число которых сильно увеличилось, а также и все остальные пешие посажены были в вагоны; погружены были и все повозки, включая и пулеметные двуколки. Эшелон этот двигался медленно, останавливаясь на всех ночлегах конных эскадронов. На ночлеге в Крыжополе заболел полковой адъютант, и временно испол-

няющим должность адъютанта назначен корнет Джаксон. 23 декабря по прибытии на станцию Бирзула конные эскадроны также были погружены в эшелоны; 24-го отбыли из Бирзулы, и 26-го утром полк двумя эшелонами прибыл в Одессу. Предполагалась немедленная посадка полка на пароход Добровольного флота «Владимир», но пароход находился в ремонте, и спешная отправка полка в Севастополь откладывалась на какое-то неопределенное время. Прибавлялись новые больные, но все же и некоторые старые больные поправлялись. Службу полк нес только свою внутреннюю. До сего времени в полку еще не было своего постоянного врача. Обыкновенно навещали полк врачи из ближайших войсковых частей, а по приходе в Одессу был назначен врач, но опять лишь временный. Почти месяц провел полк в Одессе. На 23 января 1920 года была назначена погрузка полка на пароход Добровольного флота «Саратов», а 22 января, накануне погрузки, из штаба командующего войсками Новороссийской области генерала Шиллинга пришло приказание срочно выслать один эскадрон в распоряжение командира 2-го армейского корпуса, находящегося где-то в районе города Николаева. Так как не было вполне боеспособного эскадрона, то пришлось составить сводный эскадрон, который под командованием штабс-ротмистра Лихвенцова, при шести младших офицерах и 69 строевых нижних чинах, убыл в распоряжение командира 2-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Промтова (бывшего начальника 82-й дивизии 33-го армейского корпуса).

23 января полк погрузился на «Саратов». Грузить лошадей не решили. Пришлось оставить в Одессе большую команду с лошадьми, которая должна быть готовой через несколько дней погрузиться с лошадьми на пароход «Владимир», уже вышедший из ремонта. На «Саратов» также не удалось принять многих больных, переживавших в госпиталях кризис болезни. Вечером 23 января с сильно поредевшими рядами крмыцы на пароходе «Саратов» по Черному морю отправились в Севастополь, откуда около полугода назад (7 августа 1919 года) на транспорте «Маргарита» вышли в поход по тому же родному нам Черному морю для освобождения Одессы от красной неволи. 26 января 1920 года Одесса снова оказалась во власти красных.

Наш Сводный эскадрон не без труда нашел среди отступавших обозов штаб генерал-лейтенанта Промтова. Корпус его отходил от Киева. Так получилось, что войска Киевской области отошли на Одессу, а войска Новороссийской области, имевшие свой тыл в Одессе, отступили на Николаев, Херсон и затем в Крым. 2-й армейский корпус представлял собой огромный обоз больных, большею частью тифозных. По бокам обоза шли отдельные солдаты, ухаживавшие за

своими большими боевыми друзьями. Принимая во внимание состояние своего корпуса, генерал Промтов никаких заданий прибывшему к нему эскадрону не давал. Штабс-ротмистр Лихвенцов, видя, что он с эскадромом при этом длинном обозе, в сущности, не нужен, при первой возможности явился к начальнику конной группы генералу Склярору, доложил ему о создавшемся для эскадрона положении и просил генерала взять эскадрон под свое покровительство. Генерал Склярор отзывчиво отнесся к выраженному штабс-ротмистром Лихвенцовым желанию, назначил эскадрон в распоряжение командира 2-го Лабинского казачьего полка и обещал лично с генералом Промтовым этот вопрос уладить. 2-й Лабинский полк состоял из шести сотен и конной батареи, имевшей только два орудия; восьмым подразделением становился эскадрон штабс-ротмистра Лихвенцова. В своем полку казаки радушно приняли крымцев, и эскадрон чувствовал себя не брошенным на произвол судьбы, а как бы у себя дома среди боевых соратников.

Как известно, румыны отказались пустить на свою территорию наши войска, отступавшие в район Одессы, и многочисленным, но порядочно расстроенным войсковым частям пришлось совершить очень тяжелый поход сперва по льду реки Днестра, а затем вдоль реки на соединение с польской армией (тоже настоящий ледяной поход).

В составе конной группы генерала Склярора⁵²⁸ наш эскадрон, находясь при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в этом так называемом Бредовском походе⁵²⁹. Красные все время преследовали отходящие войска, и на долю конной группы выпала самая ответственная роль по обеспечению благополучного и спокойного похода. Все войска двигались тремя колоннами. По берегу Днестра шли обозы войсковых частей, все больные и раненые на подводах и многочисленные беженцы; вторая колонна, средняя, состояла тоже из подвод, но на подводах находились еще боеспособные солдаты; крайняя правая колонна представляла собою конную группу генерала Склярора, полностью сохранившая свою боеспособность. В эту группу входило пять конных полков.

Во всех боях крымцы показали себя с самой лучшей стороны и не раз получали благодарность от командующего полком храброго есаула Пастернака⁵³⁰; получили также и от начальника конной группы генерала Склярора благодарность за храбрость и лихость.

12 февраля войска генерала Бредова соединились с польской армией, находившейся в состоянии войны с Красной армией. Через несколько дней конной группе генерала Склярора польское командование отвело участок фронта между селом Струги и станцией Деражня. Раз-

горелись ожесточенные бои с большевиками. Конная группа состояла из пяти полков: 2-го Лабинского и 2-го Таманского полков Кубанского казачьего войска, 2-го конного генерала Дроздовского полка, 42-го Донского полка и 3-го Осетинского; 42-й Донской имел четыре сотни конных и четыре пеших и еще двухорудийную конную батарею; остальные полки состояли из шести сотен (эскадронов), но во 2-м Лабинском полку были еще Крымский конный эскадрон и двухорудийная конная батарея. Все эти полки в боях против красных состязались в смелости и удали, и нашей коннице поляки всецело обязаны удержанию занятых ими рубежей и города Новой Ущицы. Во время похода и в этих боях крымцы Сводного эскадрона понесли значительные потери, но в это время подоспели остатки той команды, которая была в январе оставлена с лошадьми в Одессе; хотя и без лошадей явились эти остатки, но все же в числе 25 человек, что было хорошим пополнением для эскадрона, тем более что были заводные лошади.

Оставшейся в Одессе команде в составе двух офицеров и сорока всадников при сотне заводных лошадей не пришлось погрузиться на пароход «Владимир», предназначенный для штаба войск Новороссийской области; так же как и все другие войсковые части, не смогла команда переправиться через Днестр, и пришлось ей идти вместе с растянувшимся на много верст обозом в северном направлении по левому берегу Днестра. В самом начале похода команда потерпела большую утрату. В местечке Маяки, где предполагалось остановиться для кратковременного отдыха, корнет Хараджа 2-й Иван Михайлович заметил, что подводы и заводные лошади его 4-го эскадрона отстали; он сразу поскакал назад, чтобы выяснить, что случилось с ними, но в это время наскочила красная конница, окружила все отступающие на этом месте добровольческие части и всех взяла в плен, в том числе и корнета Хараджу с его людьми. Сразу из команды убыло 8 человек и 15 лошадей. Из офицеров в команде остался лишь один корнет Кибальченко и, кроме него, еще и полковой адъютант штабс-ротмистр Эммануель, будучи еще больным присоединившийся к команде. Заведовавший промежуточной полковой базой в Одессе полковник Калинин⁵³¹ к команде не присоединился, так как ему было обещано место на пароходе «Владимир». Как потом выяснилось, поместиться он с семьей на пароход не смог и, оставшись в Одессе, подвергся преследованию большевиков. Находясь в советском лагере, полковник Калинин в скором времени скончался. С большими усилиями добралась команда до Могилева-Подольского в значительно уменьшенном составе; несколько всадников и около двадцати лошадей не выдержали тяжелого похода по многочисленным ледяным подъямам и спускам в

лощинах и балках Подольской губернии. Старший из войсковых начальников в Могилеве генерала Моллер⁵³² объявил, что в Могилеве будет дневка, но неожиданно части генерала Моллера ушли весьма спешно из города. Нашего связного, прибывавшего предупредить своих об этом, опередили петлюровцы, напавшие на спящих наших всадников и отобравшие у них винтовки, а затем уведшие всех оставшихся лошадей. Петлюровский комендант города, бывший русский офицер, на энергичный протест корнета Кибальченко заявил, что он ничего не может сделать, так как власти у него нет, и посоветовал благодарить Бога за то, что нас всех оставили в живых и даже оставили нам холодное оружие. В команде были еще не совсем поправившиеся после болезни, все были изнурены тяжелым походом, но пришлось решиться идти дальше пешком, порядочно уже отстав от ушедших наших обозов. С большим напряжением своих сил добрела команда до Новой Ушицы, занятой поляками. Здесь появилась надежда на возможность присоединиться к эскадрону штабс-ротмистра Лихвенцова, о котором не было никаких сведений; приходилось ждать, не имея ни крова, ни хлеба. Вот при таких условиях остатки злополучной нашей команды встретили неожиданно защитников и доброжелателей в лице местных евреев. Узнав, что отходящая группа усталых и голодных людей является частью того Крымского конного полка, который проходил по их местности, не грабил их и не обижал, все они старались чем могли помочь этим крымцам, среди которых некоторых лично узнали. На всем пути от Могилева до Новой Ушицы и в самой Новой Ушице приютить, накормить и обогреть своих знакомых крымцев считалось своим долгом. Без преувеличения можно сказать, что эта поддержка благодарных евреев некоторым из команды спасла жизнь.

В Новой Ушице наконец удалось связаться с эскадронами. Штабс-ротмистр Лихвенцов прибыл в Новую Ушицу с несколькими подводами и доставил команду в составе 23 всадников в Сводный эскадрон Крымского конного полка. С командой прибыл корнет Кибальченко и выздоравливающий адъютант полка штабс-ротмистр Эммануель.

7 марта распоряжением польского командования русские воинские части были сняты с фронта. Эскадрон крымцев в составе 2-го Лабинского казачьего полка походным порядком прибыл на станцию Ярмолинцы, где вечером 9 марта после сдачи лошадей и огнестрельного оружия был погружен в вагоны и утром 10 марта эшелон отошел по направлению на Чортков, Бучач, Монастижиска, Нижньов, Станиславов, Львов, Стрый (все хорошо знакомые места). В Стрые выгрузка и недельный карантин, а затем эскадрон доставлен был в лагерь Дембия у города Кракова, где вместе со 2-м Лабинским полком был интерни-

рован и оставался в лагере до общей эвакуации русских войск из Польши в Крым.

25 января 1920 года на пароходе «Саратов» Крымский конный полк прибыл в Севастополь, а на другой день по железной дороге отправлен в Симферополь, где, выгрузившись из вагонов, перешел снова в свои казармы. К этому времени прибыли отсутствовавшие из полка коренные крымцы: полковник Тихановский⁵³³, бывший до этого в армии генерала Юденича, и штабс-ротмистр Дмитриев⁵³⁴, находившийся в рядах 10-го уланского Одесского полка. Несколько коренных крымцев служили в Чеченской конной дивизии, которой командовал наш бывший командир полка генерал-майор Ревшин, а в Крыму во вновь переустроенных Вооруженных силах Юга России и переименованных в Русскую Армию занял должность начальника 3-й конной дивизии.

Вследствие того, что Петлюровский поход без пополнений и эпидемия сыпного тифа довели полк до крайне малого боевого состава, этот полк временно был оставлен в Симферополе для укомплектования своих рядов. Очень пострадал полк от тифа. Многие больные тифом скончались по прибытии в Крым, в том числе полковник Волошкевич, штабс-ротмистр ван Воорендейк, поручик Апанасенко Василий, поручик Одель и старший полковой фельдшер Бондаренко, так много потрудившийся в полку в уходе за ранеными и больными. Первым пополнением был влитый в полк запасный эскадрон, который не мог послать в полк на фронт ни одной, хотя бы самой малой, маршевой команды, так как оборона Крыма заняла все внимание командования; только на Крымский фронт посылались войскам пополнения, и даже отдельные лица из Крыма на другие фронты не выпускались. Крым был удержан, а в Новороссийске и Одессе произошли эвакуационные катастрофы. Главная заслуга обороны Крыма принадлежит корпусу генерала Слащева, который состоял из восстановившихся Императорских 13-й⁵³⁵ и 34-й⁵³⁶ пехотных дивизий. Обе дивизии старые знакомые крымцев по 7-му армейскому корпусу. Кроме этих дивизий, ни одна другая Императорская не смогла полностью восстановиться во время Гражданской войны. 13-я и 34-я дивизии в Императорской армии вместе составляли 7-й армейский корпус; таким образом весь 7-й армейский корпус был восстановлен, единственный из всех корпусов Российской Императорской армии.

Пополнение полка шло не очень успешно; все же за месяц полк увеличился почти вдвое и в эскадронах находилось уже по полусотне людей.

В первых числах марта полк выступил на фронт и получил боевой участок у деревни Тюп-Джанкой. Но от полка потребован был еще один

эскадрон для борьбы с зелеными в районе Бахчисарай — Альма — Кокос. Для борьбы с зелеными приняли участие все эскадроны полка по установленной очереди

Приказом Главнокомандующего Русской Армией 5 мая 1920 года Крымский конный полк был сведен в дивизион. 1-й и 2-й эскадроны образовали 1-й эскадрон, а 3-й и 4-й эскадроны 3-й эскадрон. 2-й эскадрон образовался из влитого в дивизион Татарского конного полка. Этот полк образовался из 2-го и 4-го Чеченских конных полков, которые, выделив всех чеченцев в 1-й Чеченский конный полк⁵³⁷, должны были из крымских татар сформировать национальный татарский полк. Этим главное командование надеялось привлечь татар, начавших опять избегать поступления в ряды армии. Командиром полка был назначен полковник Антонов⁵³⁸ (крымец); назначены были в этот полк также коренные крымцы, находившиеся перед этим в Чеченской конной дивизии: полковник Мартынов⁵³⁹, ротмистр Петерс⁵⁴⁰, штабс-ротмистр Дурилин⁵⁴¹ и штабс-ротмистр Думбадзе 2-й⁵⁴²; назначен был и корнет Лешков⁵⁴³, коренной подпрапорщик Крымского конного полка, за боевые отличия в Чеченской дивизии произведенный в чин корнета. Видные татарские деятели старались сделать все, что было для них возможно, чтобы привлечь татар в полк, надеясь также на то, что наличие в полку кадровых офицеров Крымского конного Ее Величества полка, пользовавшихся большим авторитетом среди татар Крыма, тоже окажет свое благоприятное содействие. Но ничто не помогало; отзыв был ничтожный, и пришлось этот полк свести в один эскадрон, который под № 2 вошел в состав Крымского конного дивизиона. Командиром этого эскадрона назначен был штабс-ротмистр Дурилин, произведенный затем в чин ротмистра. Новый 2-й эскадрон, формировавшийся господами офицерами Крымского конного Ее Величества полка, имевший своим командиром коренного крымца, а в рядах эскадрона старых крымцев, став между двумя эскадронами Крымского конного полка, естественно, почувствовал себя среди своих и сразу воспринял полковые обычаи и традиции. Этому слиянию много содействовал полковник Тутан-Мирза-Барановский, с первого же дня прибытия эскадрона завоевавший в среде новых крымцев такие же чувства симпатии и уважения, какие были и в старых эскадронах. При дивизионе оставалась наша полковая пулеметная команда и полностью вся полковая организация, но дивизион наш не остался отдельным, а приказом Главнокомандующего Русской Армией соединялся с дивизионом 4-го уланского Харьковского полка⁵⁴⁴. Командиром вновь образовавшегося полка назначался полковник Тутан-Мирза-Барановский. Харьковские уланы под командой своего старшего офицера полковник Невзорова⁵⁴⁵ прибыли в составе трех эскадронов, но

перед этим отдельной части собой не представляли и образовались из расформированной Чеченской дивизии, несколько пополненной добровольцами и мобилизованными. Полковой организации у харьковцев еще не было, хотя и начинала уже налаживаться. Все же полковник Туган-Мирза-Барановский не нашел пока возможным нарушать нашу полковую организацию, и приказом по полку дивизион харьковских улан становился вторым дивизионом в полку, а уланские эскадроны получили общие по полку номера — 4-й, 5-й и 6-й. Соединение харьковцев и крымцев произошло на станции Колай. Приказом Главного командующего Русской Армией вновь сформированный полк назван был 2-м Туземным конным полком⁵⁴⁶. Такое название показалось всем в полку очень странным, так как под именем туземцев подразумевались еще со времени Великой мировой войны кавказские горцы. Вместе с 1-м Туземным конным полком⁵⁴⁷ (составленным из кавказских горцев) наш новый полк вошел в состав Отдельной конной бригады⁵⁴⁸, включенной в 3-ю конную дивизию генерала Ревшина. Другой бригадой дивизии была Терско-Астраханская казачья⁵⁴⁹. Между 15-м и 20 мая 2-й Туземный конный полк, состоявший из шести пеших эскадронов, был двинут к Сивашскому мосту и занял участок фронта у станции Сальково. В это время командный состав полка был следующий: командир полка — полковник Туган-Мирза-Барановский; помощники командира по строевой части — полковник Бако, по хозяйственной части — полковник Петропольский; командир 1-го дивизиона — полковник Зотов; командиры эскадронов: 1-го — подполковник Лесеневич, 2-го — ротмистр Дурилин, 3-го — подполковник Тихановский; начальник пулеметной команды — ротмистр Давыдов; командир 2-го дивизиона — полковник Невзоров; командиры 4-го, 5-го и 6-го эскадронов — господа офицеры-харьковцы.

Еще в Симферополе обществом господ офицеров Крымского конного полка приняты были в постоянный состав полка: штабс-ротмистр Богданович (из запаса, литовский татарин по происхождению), поручик Кульшин (3-го драгунского Новороссийского полка) и корнеты Мионов, Дрига Григорий, Шанковский, Савельев Николай⁵⁵⁰ и Апанасенко Георгий⁵⁵¹ (все начавшие службу в пехоте, но с началом Гражданской войны до прикомандирования к полку служили в кавалерийских полках). В списке командного состава полка два командира эскадрона показаны в чине подполковника. Упраздненный во ВСЮР в 1919 году чин подполковника для того, чтобы уравнивать в чинах офицеров армии и гвардии, в 1920 году в Русской Армии был снова восстановлен, но для уравнивания теперь офицеров гвардии и армии в чинах устанавливался и для гвардейских офицеров чин подполковника.

На фронте было спокойно; до 25 мая ничего особенного не произошло, но день 25 мая ознаменовался прорывом Сивашской позиции врага. Стоявшие в районе станции Сальвова крымцы приняли непосредственное участие в атаках на укрепления противника. В 4 часа утра 1-й эскадрон был послан на усиление фланга 1-го Астраханского казачьего полка. В назначенный момент для атаки 1-й эскадрон в пешем строю атаковал окопы противника и под сильным вражеским огнем выбил красных из окопов, занял все укрепления врага и ворвался в село Ново-Дмитриевка, затем продолжил наступление и занял село Ново-Михайловка. 2-й и 3-й эскадроны были в резерве. 2-й эскадрон, уже получивший небольшое число лошадей, выслал разъезд в распоряжение начальника группы танков. При оказываемой поддержке танкам разъезд 2-го эскадрона захватил пулеметное гнездо противника с двумя исправными тяжелыми пулеметами. Первый день наступления ознаменовался полным успехом, но не обошлось, конечно, без потерь. Тяжело контужен подполковник Лесеневич и во 2-м эскадроне поручик Живкович, в 1-м эскадроне ранен корнет Иорданов, убитых, к счастью, не было, но всего в дивизионе около 20 всадников выбыло из строя ранеными и контужеными. 26 мая дивизиону приказано занять село Ново-Троицкое. В 6 часов утра село это было занято без всяких затруднений; взято в плен более ста красноармейцев с командиром батальона во главе. На ночь выставлены были сторожевые заставы от 1-го эскадрона. В 3 часа ночи заставы были атакованы двумя эскадронами красной конницы 3 раза, но все атаки были отбиты заставами и подоспевшими 1-м и 3-м эскадронами. Атаки красной кавалерии этим не закончились. 27 мая рано утром неприятельская кавалерия крупными силами прорвала расположение Астраханского казачьего полка, занимавшего район восточнее села Ново-Троицкого, и напала на штаб дивизии в Ново-Михайловке. Штаб дивизии и находившиеся в селе обозы были разгромлены, а начальник дивизии генерал-майор Ревшин был захвачен в плен. Немедленно с фронта примчались на помощь штабу дивизии наших два эскадрона, но красные поспешили убраться, не приняв боя. В Ново-Михайловке многие пострадали от набега красной конницы. Были убиты находившиеся при штабе дивизии корнеты Миронов и Шанковский, корнет Галенкин весь изрубленный сабельными ударами и 15 всадников тяжело ранены, из которых несколько скончались, насчитывалось пять человек пропавших без вести. Весьма скорбный случай для всей дивизии.

28 мая весь дивизион находился в сторожевом охранении. 29 мая 2-я отдельная конная бригада двинулась по направлению на село Агайман. Терско-Астраханская бригада была выделена из состава дивизии,

и штаб дивизии переформирован в штаб отдельной конной бригады. Командир полка полковник Тутан-Мирза-Барановский лично повел весь 2-й Туземный конный полк. Дивизиону крымцев была дана задача обойти хутора к западу от Агаймана, атаковать и разбить красных на подступах к Агайману и захватить западную часть села. В первой линии шли 1-й эскадрон справа и 2-й эскадрон слева; во втором эшелоне 3-й эскадрон. На своем пути 2-й эскадрон атаковал в пешем строю группу красных, которая, не выдержав стремительной атаки, отошла в поаном беспорядке, и эскадрон захватил одно 3-дюймовое орудие. Продолжая дальнейшее наступление, 2-й эскадрон стал обходить правый фланг противника, а 1-й эскадрон стал теснить противника с фронта; подошедший 3-й эскадрон стал обходить левый фланг противника, защищавшего подступы к Агайману; одновременной атакой трех эскадронов красные были окружены и сдались в плен; западная часть села была занята без боя. Восточная часть села Агайман была занята остальными эскадронами полка. К 1 июня дивизион в составе 2-го Туземного конного полка под общей командой храброго и решительного полковника Тутан-Мирза-Барановского с боями выдвинулся на линию Рубановка — Верхний Рогачик — Ольгофельд. В Ольгофельде стал штаб полка, а эскадроны дошли до Днепра и заняли боевой участок Водяное — Большая Знаменка — Нижний Рогачик.

Около 20 июня по приказанию начальника 2-й отдельной конной бригады генерал-майора Шинкаренко командированы от каждого эскадрона по одному офицеру и по несколько солдат в ремонтную комиссию штаба бригады. Через несколько дней, к общей неожиданной радости, посажены были на коней 2-й эскадрон и по полуэскадрону 1-й и 3-й, но вскоре лошади 3-го эскадрона были переданы в 1-й эскадрон, чтобы уж сразу были бы готовы два конных эскадрона и один оставался бы пеший, с надеждой на то, что долго пешим оставаться не будет. Конно-пулеметная команда и команда связи тоже получили несколько лошадей. В дивизионе харьковских улан посажены были на коней 4-й и 5-й эскадроны, а 6-й остался пеший. Всего в полку оказалось четыре конных эскадрона и два пеших. Лошади большею частью не были настоящего кавалерийского типа, но за неимением других и эти были вполне удовлетворительны. Седла были старые, вывезенные еще из Одессы; большинство регулярного кавалерийского типа и лишь небольшой процент казачьих. Кроме старых наших всадников, кавалеристов и казаков, составлявших меньшую часть эскадронов, остальные были храбрые и исполнительные молодые люди, но почти совсем не обученные кавалерийскому делу. Хотя при создавшейся боевой обстановке вести занятия было очень трудно, но большинство молодых

всадников проявили много усердия и доброй воли, что дало возможность в кратчайший срок привить им все элементарные понятия о службе в коннице и научить достаточно хорошо владеть конем и о нем заботиться.

Данный полку участок был очень большой. Красные часто пытались переправляться на нашу сторону; требовалась чрезвычайная бдительность, и чтобы парализовать попытки врага к переправе через Днепр, эскадроны часто приходилось перебрасывать с одного места участка на другой, а также предпринимать иногда и самим переправы на правый берег Днепра небольшими группами и даже целым эскадронам.

Во время стояния на Днепре командир 1-го дивизиона полковник Зотов был назначен комендантом Таганашского района, а вместо него командиром 1-го дивизиона назначен был подполковник Тихановский. Во временное командование 3-м эскадронам вступил поручик Ватель. 1-м эскадронам вместо эвакуированного подполковника Лесеневича командовал поручик Кононов.

В первых числах июля произошло для крымцев грустное событие. Назначенный генерал-инспектором конницы генерал-лейтенант Юзефович вызвал к себе нашего командира полка полковника Тутан-Мирза-Барановского на должность начальника штаба инспекции, и это назначение было уже утверждено штабом Главнокомандующего. Все эскадроны были растянуты на широком фронте, и устроить достойные проводы своему любимому командиру, конечно, не было возможности, но сам полковник Тутан-Мирза-Барановский объехал по фронту расположения своих крымцев, чтобы проститься с ними и пожелать им счастья.

Командиром 2-го Туземного конного полка был назначен полковник Невзоров. С первого же дня новый командир принялся изменять в полку все по своему усмотрению. Старшим штаб-офицером назначил харьковца, полковника Скачкова⁵⁵², заведующего хозяйством — полковника Алкалаева⁵⁵³ (коренного офицера 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка, адъютантом был также назначен харьковец, штабс-ротмистр Машкин⁵⁵⁴, а бывший адъютантом корнет Джаксон (крымец) переводился в строй. Полковая конно-пулеметная команда распределялась по эскадронам 1-го дивизиона, и приступлено было к формированию новой конно-пулеметной команды из пулеметчиков-харьковцев; расформированы были также команда связи и обозы; словом, полный переворот, заставивший старших офицеров, крымцев оставить ряды полка и хлопотать о другом назначении. Ушли из 2-го Туземного полка полковник Бако, полковник Петропольский, полковник Баженов, ротмистр Юрицын, рот-

мистр Давыдов, штабс-ротмистр Люстих. Кроме них, убили еще в разное время тяжелобольные, получившие 4-ю категорию полковник Мартыно, полковник Нарвойш, штабс-ротмистр Муфтий-Заде, штабс-ротмистр Росницкий и еще в начале 1918 года полковник Греков⁵⁵⁵. Уходили старые крымцы, но появлялись новые, старавшиеся подражать старым и поддерживать боевую славу и традиции полка. В июле 1920 года обществом господ офицеров Крымского конного полка по представлению ротмистра Дурилина были приняты в кадр полка господа офицеры, вошедшие в состав дивизиона крымцев вместе с эскадронам, сформированным в городе Алуште из татарского национального полка: корнеты Петрункевич⁵⁵⁶, Станишевский⁵⁵⁷, Томашевский⁵⁵⁸, Овсянников, Гудзь, Добрагаев, Бутуревич и Лешков, а также штабс-ротмистр Шумилин⁵⁵⁹, бывший в прикомандировании к штабу бригады. Число всадников в 1-м дивизионе доходило в то время до 450 человек. В инспекции конницы уже было обещано, что в скором будущем из 2-го Туземного полка будет сформирована бригада и крымцы снова будут выделены в отдельный свой полк. К большому нашему огорчению, наступившие в скором времени события дали совершенно другие результаты.

Ввиду переправы красных у местечка Каховка, оттеснивших части 2-го армейского корпуса, потребовалась к Каховке спешная поддержка. Снять с фронта всю бригаду не представлялось возможным, и поэтому 17 июля был послан к Каховке сводный отряд

Этот отряд представлял собою дивизион в составе 2-го эскадрона и полузэскадрона 4-го (оба 2-го Туземного полка), одной конной сотни и одной пешей сотни 1-го Туземного толка и двух орудий. Командиром дивизиона назначен был подполковник Тихановский. Дивизиону приказано было спешно выступить на помощь 13-й пехотной дивизии в село Дмитриевка. Ночью 18-го, собравшись в Рубановке, дивизион двинулся ускоренными аллюрами в село Дмитриевка, куда прибыл на рассвете, но штаба 13-й дивизии там уже не было. Под проливным дождем стали искать штаб 13-й дивизии, дороги испортились, и орудия и подводы пешей сотни стали отставать. Все же штаб дивизии был найден, и получено было приказание утром 19 июля выступить в направлении на Черную Долину, где появилась конница красных. Бывший в разведке разъезд Чеченской сотни донес, что конница противника в составе не более двух взводов. Командир дивизиона приказал у хутора № 5 пешей сотне занять окопы, а орудиям за окопами выбрать позицию; 2-му эскадрону атаковать появившегося неприятеля; полузэскадрон харьковцев назначался в прикрытие к орудиям, а конной Чеченской сотне быть в резерве. Ротмистр Дурилин, развернув эскадрон, в конном строю повел его в ата-

ку. Оказалось, что сведения разведки были не точны; вместо двух конных взводов 2-й эскадрон налетел на скрытую в стогах соломы пехоту с пулеметами, приблизительно около роты, а другая красная рота повела наступление на Чеченскую пешую сотню, сидевшую в окопах; обе роты поддерживались артиллерийским огнем. Атака 2-го эскадрона не удалась; понеся значительные потери, эскадрону пришлось отойти. Красные продолжали наступление, но продвинуться вперед и сбить наш дивизион не смогли. Подполковник Тихановский, спешив конную сотню и полэскадрон, остановил противника и удержал в течение всего дня занятые нами позиции до смены дивизиона частями 13-й дивизии. До 1 августа 2-й эскадрон в составе Сводного дивизиона продолжал оставаться в распоряжении начальника 13-й дивизии. Работа состояла главным образом в разведке и сторожевой службе. 1 августа 2-му эскадрону было приказано у местечка Малая Каховка занять разрыв между 13-й пехотной дивизией и юнкерским батальоном, против которого начал накапливаться противник. Поддержанные броневиком, красные перешли в наступление и заставили наши пехотные части отходить. Командир 2-го эскадрона ротмистр Дурилин, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь врага, повел свой эскадрон в атаку на наступающие цепи пехоты противника. Лихо развернувшись, эскадрон в конном строю стремительно атаковал красных. Результат атаки оказался блестящим. Уничтожен был почти полностью батальон пехоты, взяты в плен командир батальона, один командир роты и сравнительно небольшое число красноармейцев, так как большинство было зарублено или переколото пиками; захвачено два тяжелых пулемета и четыре легких. Ротмистр Дурилин получил особую благодарность от видевшего это дело командира конного корпуса генерал-лейтенанта Барбовича. 3 августа сводному дивизиону приказано было присоединиться к своей бригаде, и 2-й эскадрон снова занял свое место на Днестре среди своих крымцев. Подполковник Тихановский во время пребывания при 13-й дивизии сильно простудился, и по возвращении в полк простуда перешла в тяжелую болезнь; подполковника Тихановского пришлось эвакуировать в тыловой госпиталь. Должность командира 1-го дивизиона снова принял полковник Зотов, вернувшийся из командировки. Командиром 3-го эскадрона назначен был штабс-ротмистр Эммануель, одиночным порядком вернувшийся в полк из Польши, где был интернирован вместе со Сводным эскадром штабс-ротмистра Лихвенцова, оставленного в январе 1920 года в Одессе. За время действий 2-го эскадрона у Каховки 1-й и 3-й эскадроны продолжали службу охранения Днестра. У Нижне-го Рогачика и Ушкалки несколько раз отбивали попытки красных переправиться через реку.

4 августа 2-й и 3-й эскадроны прибыли в село Рубановка к штабу бригады и стали в бригадном резерве. 7 августа, вследствие нового перехода красных в наступление и движения их в сторону Рубановки, 2-й эскадрон выслан в направлении на Каховку до соприкосновения с противником с целью прикрытия штаба бригады и своевременного оповещения штаба о действиях врага. При штабе бригады находились 3-й эскадрон, сотня 1-го Туземного конного полка и полуэскадрон изюмских гусар, оторвавшихся от своего полка (3-го кавалерийского). 8 августа с вечера штаб бригады со всеми бывшими при нем войсковыми частями расположился на небольшой высоте в полутора или двух верстах к юго-западу от Рубановки. 3-й эскадрон и Чеченская сотня считались общим бригадным резервом под командой артиллерийского полковника Гавганидзе. 3-й эскадрон стал впереди штаба в полной готовности к оказанию отпора в случае нападения красных. Считалось, что впереди находится лава 2-го эскадрона и на хуторе в 18 верстах от Рубановки в сторону Каховки застава 3-го эскадрона в составе одного офицера, 17 нижних чинов и одного легкого пулемета. Эту заставу выслали из Рубановки с наступлением сумерек 8 августа по приказанию и. д. начальника штаба бригады полковника П. Командир эскадрона ротмистр Эммануель, указав на нелепость высылки такой заставы, решительно воспротивился этому приказанию и просил его отменить, но полковник П. в довольно резком тоне заявил, что все приказания должны быть исполнены точно без всяких возражений. Пешая застава на подводах выехала; не имея никаких средств связи, чтобы своевременно предупредить штаб о наступлении противника, она была совершенно бессмысленна, а так как по своей силе и почти полной неподвижности она не могла оказать сопротивления массам красной конницы, наступление которой ожидалось, то вывод был ясный: только чудесный счастливый случай мог спасти эту заставу от совершенно напрасной гибели. Ночь прошла спокойно, на рассвете же вдруг появилась лава красной конницы, из-за бывшего в то время легкого тумана замеченная лишь на довольно близком расстоянии от высоты, на которой находился штаб бригады. Лава долевым галопом шла по направлению штаба бригады и находившихся возле штаба частей бригадного резерва. Однако рассвет 9 августа застал 3-й эскадрон уже в полной боевой готовности, и только появилась красная конница, как по команде командира эскадрона застучали оба эскадронных пулемета, а за ними весь эскадрон присоединился своим ружейным огнем. По-видимому, огонь эскадрона был весьма действенным, так как лава красных сразу остановилась и через десяток секунд повернула и поскакала назад. Момент подходящий для кавалерийского пре-

следования с нашей стороны, но произошло совсем иное. Как только появилась неприятельская лава и раздались звуки открытого 3-м эскадром огня, штаб бригады, вскочив на коней, полным ходом помчался в тыл, сопровождаемый полуэскадромом изюмских гусар, не нашедших еще своего полка, за ними проскакал на прекрасной чистокровной лошади мимо 3-го эскадрона начальник общего бригадного резерва, ни одним словом не отдавший какого-либо приказа, и за всеми последовала на полевом галопе и Чеченская сотня. 3-й эскадрон, один, в спешенном строю остался среди поля, не имея никакой поддержки ни справа, ни слева. Как ни обидно было видеть такое поспешное отступление, но пришлось решиться на немедленное отступление, и командир эскадрона отдал приказание садиться на тачанки и подводы и не спеша двигаться за исчезнувшим уже штабом бригады с его свитой.

2-й эскадрон благополучно вышел из окружения и, обойдя Рубановку, присоединился к полку в Верхнем Рогачике. 10 августа 2-му Туземному конному полку из Верхнего Рогачика приказано было перейти в Нижние Серогозы, а затем в село Торгаевка, где находился штаб бригады, а также и прибывший туда 3-й эскадрон, который с прибытием в Торгаевку 2-го Туземного конного полка был откомандирован от штаба бригады и присоединился к полку. В Нижних Серогозах полку был произведен смотр командиром конного корпуса генералом Барбовичем, так как 2-я отдельная конная бригада в состав конного корпуса вошла еще 8 августа. На смотре участвовал 2-й эскадрон; 1-й и 3-й не участвовали, так как 1-й эскадрон был оставлен в Верхнем Рогачике для связи со 2-м Донским казачьим стрелковым полком, а 3-й эскадрон в это время был уже в Торгаевке и нес службу сторожевого охранения. 1-й эскадрон должен был в течение суток оставаться в Верхнем Рогачике, но по истечении суток уже не мог присоединиться к полку, так как красные перехватили путь на Нижние Серогозы. Эскадрону пришлось временно остаться при 2-м Донском стрелковом полку.

В 8 часов утра 11 августа бригаде приказано было перейти в наступление. Из пеших эскадронов и сотен бригады временно образован был стрелковый полк в составе четырех эскадронов/сотен. Полку этому дано задание наступать в направлении на местечко Каховка. Наступление шло успешно, был взят ряд хуторов; 3-й эскадрон занял большой хутор Лохматова. Противник оказывал сопротивление, но под энергичным натиском 3-го эскадрона штабс-ротмистра Эммануеля и 6-го штабс-ротмистра Терпиловского быстро сдавал свои позиции и отступал. К вечеру красные перешли в контрнаступление, но все атаки врага были отбиты. Особенно стойко держались те же 3-й и 6-й эскадроны, также особенно успешно перед этим наступавшие. На ноч-

лег бригада была оставлена в Торгаевке 2-й эскадрон выставил сторожевое охранение. На сборе старших офицеров бригады генерал-майор Шинкаренко⁵⁶⁰ отметил особенные стойкость и мужество 3-го и 6-го эскадронов, проявленные в боевой обстановке этого дня, и выразил находившимся на сборе командирам 3-го и 6-го эскадронов свою служебную благодарность.

Перед рассветом 12 августа бригада выступила из Торгаевки с целью занять село Вознесенка и упорно держаться целый день, чтобы прикрыть правый фланг отходившей 1-й кавалерийской дивизии генерала Выгрana. С первыми лучами восходящего солнца появился противник, густыми цепями наступавший по направлению выступившей из Торгаевки 2-й отдельной конной бригады. Бригадный стрелковый полк, развернувшись в боевой порядок, встретил противника пулеметным огнем. Разгорелся упорный бой. Наша артиллерия удачно громила цепи красных, все же огонь врага не ослабевал; особенно сильному огню подверглись пешие сотни чеченцев и осетин, что вынудило эти сотни к отступлению. Командиры 3-го и 6-го эскадронов решили не уступать противнику и обязательно выполнить поставленную задачу — упорно защищать занятый рубеж. Пешие кавалеристы, пулеметчики и конно-артиллеристы довели огонь до максимальной возможности. Несмотря на свое численное превосходство, красные отошли в исходное положение, но вскоре снова повторили свои атаки. Эти атаки тоже были отбиты; тогда красные пустили в ход броневики. Генерал Шинкаренко, предвидя возможность броневой атаки, приказал выставить одно орудие на дороге специально против броневых машин. Наткнувшись на такое орудие и получив попадание, поспешили вражеские броневики отступить под градом пуль, посылаемых из винтовок кавалерийских стрелков прямо по бойницам броневых машин. Везде поспевающий храбрый генерал Шинкаренко, заметив колонну противника, пытавшуюся охватить наш левый фланг, бросил на эту колонну 2-й эскадрон. С полным воодушевлением эскадрон атаковал в конном строю вражескую колонну, но дойти до удара холодным оружием не мог вследствие того, что противник успел укрыться за удобными для него укрытиями и встретил эскадрон жестоким огнем. Все же колонна противника была расстроена, и опасность для левого фланга бригадного стрелкового полка была устранена, полк удержал свою позицию и противник не мог продвинуться вперед ни на самое короткое расстояние. Данная бригаде задача была выполнена; фланг дивизии генерала Выгрana был защищен.

Когда под вечер на фронте прекратился бой, бригаде было приказано оставить Торгаевку и отойти на ночлег на хутор Ново-Павловка.

В этот вечер начальник бригады снова благодарил 3-й и 6-й эскадроны и указал на доблестное поведение эскадронов во время атаки броневиков. В бою 12 августа был ранен командир полка полковник Невзоров и в командование полком вступил полковник Скачков. Во 2-м эскадроне был тяжело ранен корнет Бутурлевич и вскоре скончался от ран. Легко ранен был ротмистр Дурилин, но из-за «царапины» не захотел эвакуироваться и остался в строю.

День 13 августа прошел также в упорных боях. С утра на бригаду была возложена та же задача: не дать врагу обойти наш правый фланг. 3-й эскадрон, как всю ночь бывший в сторожевом охранении, был оставлен в резерве. Как только пешие части бригады двинулись вперед, красные сами перешли в контратаку. Начальник бригады приказал во что бы то ни стало выбить противника из занятых им хуторов южнее Торгаевки, для чего приказал всем конным эскадронам 2-го Туземного конного полка, то есть 2-му (Крымскому), 4-му и 5-му (Харьковским) атаковать в конном строю наступающих красных. Командиры эскадронов ротмистр Дурилин (2-й эскадрон), ротмистр Жуковский⁵⁶¹ (4-й эскадрон) и ротмистр Титов (5-й эскадрон) повели свои эскадроны в конную атаку. Атака была выдающейся по своей доблести. Эскадроны, дойдя до удара холодным оружием, стали рубить и колоть красноармейцев, но те не сдались и не отступили, а в упор отстреливались из винтовок, пулеметов и револьверов, защищались винтовками с примкнутыми штыками и бросали ручные гранаты; происходил жестокий рукопашный бой конных с пешими. Все же поле сражения осталось за конницей; захвачены были даже пленные, но эскадроны понесли очень большие потери; тяжело ранены оба командира уланских эскадронов, во 2-м эскадроне ранен корнет Добрагаев, а во всех трех эскадронах осталось в строю не больше, как по взводу в каждом. Как стало потом известным, нашими противниками в этом бою были сибирские стрелки. Через небольшой промежуток времени красные снова перешли в наступление. В это время правее нас подошла 6-я пехотная дивизия, но между левым ее флангом, Самурским полком и между 1-м Туземным конным полком образовался разрыв, куда брошен был последний резерв бригады — 3-й эскадрон крымцев. На этот раз наступление противника было без особого напряжения отбито нашим огнем. Красные отошли в исходное положение, а бригаде приказано отойти в Ивановку. Но так как не была известной обстановка в Ивановке, то 2-му эскадрону поручено было обстановку выяснить; оказалась Ивановка свободной от противника. Поздно ночью пешие эскадроны и сотни прибыли в Ивановку. Конные сотни 1-го Туземного конного полка с рассветом лавой заняли бугорки в 5—6 верстах к

западу от Ивановки. 2-й эскадрон находился в резерве. Командир эскадрона ротмистр Дурилин и несколько чинов эскадрона поднялись на высокую скирду соломы для наблюдения за впереди лежащей местностью. Было тихо, противник еще не появлялся, никакой стрельбы не было слышно. Неожиданно ротмистр Дурилин схватился вдруг за горло и медленно сполз вниз со скирды. Шальная пуля, неизвестно кем выпущенная, сразила доблестного офицера. Никто не думал тогда, что эта рана смертельна, но через несколько дней узнали, что в госпитале в Севастополе во время операции ротмистр Александр Александрович Дурилин скончался. Уцелев в стольких конных атаках и упорных боях, ротмистру Дурилину суждено было погибнуть от столь печальной случайности. В командование 2-м эскадром вступил корнет Петрункевич. Во 2-м эскадроне осталось всего около 35 всадников; в 4-м и 5-м Харьковских эскадронах осталось еще меньше, и оба эскадрона сведены были в один под командой штабс-ротмистра фон Ланге⁵⁶², в начале 1919 года бывшего в прикомандировании к нашему, тогда отдельному дивизиону.

Около 10 часов утра на горизонте появились наступающие цепи неприятеля. Конные сотни кабардинцев и чеченцев начали отходить, изредка стреляя с коня. Вскоре сотни 1-го Туземного конного полка очутились на одной линии с эскадронами и сотнями бригадного стрелкового полка, но и на этой линии не остановились, а отошли еще дальше и остановились на буграх за селом Ивановка в сторону села Калга. В первой линии находились 3-й (Крымский) и 6-й (Харьковский) эскадроны, а Чеченская и Осетинская сотни 1-го Туземного полка были в резерве. Противник был встречен сильным огнем эскадронов и конной батареи, но остановить его не удалось; огромное превосходство сил красных заставило наши 3-й и 6-й эскадроны отходить по очереди, прикрывая отход одного другим. Противник занял Ивановку и обстреливал артиллерийским и пулеметным огнем отходившие эскадроны. После ранения ротмистра Дурилина корнет Петрункевич со 2-м эскадром был послан в деревню Шотовку для охраны фланга бригады. При виде обходившей наш левый фланг колонны противника, 2-й эскадрон развернулся в лаву и пошел навстречу конной группе красных, которая была значительно сильнее 2-го эскадрона. Атаковать эту группу эскадрон не мог, но своими действиями отвлек неприятельскую конницу от возможного ее нападения на наши пешие части. К вечеру штаб бригады и все части бригады стали на хуторах в 6—7 верстах к северу от Ивановки, а 3-й и сводный (4-й и 5-й) высланы под общей командой штабс-ротмистра Эммануэля в сторожевое охранение в 1—2 верстах южнее ночлега штаба бригады. 2-й эскадрон на ночь был

выставлен на левом фланге для прикрытия фланга от возможного нападения красных. 15 августа ожидалась подходившая на наш правый фланг Корниловская дивизия. В этот день с нашей стороны активных действий не предпринималось, как и со стороны противника. Взвод 3-го эскадрона был в прикрытии к артиллерийской батарее. 2-й эскадрон был послан для восстановления связи с дивизией генерала Выгрна, что выполнено было в кратчайший срок. На ночь бригада вновь сосредоточилась на тех же хуторах. 3-й эскадрон назначен в дежурную часть. Днем этого дня присоединились трое наших всадников, бывших в заставе штабс-ротмистра Решко. Оборванные, небритые и голодные, с винтовками в руках. Как и предполагалось, застава, посланная 8 августа вечером за 18 верст вперед под командой штабс-ротмистра Решко, подверглась нападению красноармейской конницы и погибла. Штабс-ротмистр Решко принял все меры предосторожности, никто не спал, все были готовы к отражению возможной атаки; но атака произошла мгновенная, со всех сторон и в полной ночной темноте, никакие меры предосторожности помочь уж не могли. Троице всадникам, вернувшимся в эскадрон, посчастливилось незаметно проскользнуть в поле и укрыться в стогах соломы. Целую неделю потом они пытались найти своих; днем прятались, ночью шли. Находились добрые люди, помогавшие им пропитанием и приютом. Одним из спасшихся был вольноопределяющийся старший унтер-офицер Брунс, двое других были наши славные куйдыши, крымские татары. Утром 16 августа, перед выступлением эскадрона, Брунсу и его двум сподвижникам разрешено было остаться весь день в обозе и отдохнуть, но они отказались от отдыха, считая, что их долг находится в строю со своими друзьями. В этот день, 16 августа, бригаде был придан Смоленский пехотный полк. Рано утром бригада выступила по дороге Каховка — Мелитополь с целью зайти во фланг Ивановской группе красных. У хутора Ново-Николаевка Сводный стрелковый полк бригады развернулся и под командой назначенного командующим полком бригадного инженера, георгиевского кавалера полковника Мацулева повел наступление на окопавшихся на линии Ивановка — Серогозы красных. Конные эскадроны и сотни направлены были на Ивановку, легко ими занятую, а затем заняли и Шотовку, Пешие эскадроны и сотни наткнулись на крупные и стойкие войсковые части красноармейцев. Первая линия все же была сбита и отошла на вторую линию, которая встретила наши наступающие цепи сильным ружейным и пулеметным огнем, поддержанным могучим огнем артиллерии. 3-й эскадрон находился в резерве; приблизительно около полудня полковник Мацулев вызвал эскадрон, приказал развернуться и сам, идя впереди разверну-

того эскадрона, указывал направление движения; эскадрон влился в общий боевой порядок, очутившись между Чеченской пешей сотней справа и Осетинской слева. Правее Чеченской сотни развернут был Смоленский пехотный полк (6-й дивизии). С обеих сторон было проявлено редкое упорство. 3-й эскадрон во весь рост смело продвигался вперед. Отсутствие штыков оставляло неприятный моральный осадок, но это не останавливало твердое решение атаковать врага в составе всей наступающей группы. Артиллерийский огонь противника оказался на этот раз очень метким; несколько гранат разорвалось в середине цепи эскадрона, а одна из них непосредственно в ногах добровольца Андрея Анищенко, дня три назад переправившегося с той стороны Днепра с целью поступить в ряды Русской Армии. Подброшенный высоко вверх, несчастный Анищенко грохнулся обратно вниз с оторванными до поясницы ногами. К нему подбежал классный фельдшер Иван Никитич Харитонич, но помочь ему уже не мог; через минуту на руках Харитонича Андрей Анищенко скончался. Иван Харитонич, будучи в чине чиновника, поступил добровольцем в начале 1919 года в наш кадровый эскадрон и не захотел пользоваться какими-либо привилегиями, связанными с его чином и званием классного фельдшера. Несмотря на свой хотя и скромный чин, служил на должности рядового, и только когда была нужна экстренная медицинская помощь и не было около представителей медицинской службы, тогда он всегда всей душой отдавался фельдшерской помощи нуждающимся. Эскадрон продолжал двигаться вперед, и, подойдя на расстояние около 200 шагов от противника, стало ясным, что соседи наши не думают о необходимости общей атаки на противника и залегли на сотню шагов дальше 3-го эскадрона. Смоленцы также залегли и окопались. В 3-м эскадроне у всех нижних чинов были лопатки для самоокапывания. Командир эскадрона приказал залечь и, продолжая вести огонь, также начать и самоокапываться. С нашей стороны, господствовавшей над позициями противника, хорошо видны были цепи красноармейцев, это были уже настоящие солдаты, напоминавшие собою солдат старой Императорской армии; никакого сходства не было с красноармейцами 1918-го и начала 1919 года. Взаимная перестрелка продолжалась очень оживленно, но артиллерия красных перестала громить, лишь изредка пуская отдельные снаряды. Бой 16 августа дорого обошелся 3-му эскадрону. Из восьми офицеров ранено четыре: командир эскадрона штабс-ротмистр Эммануэль, поручик Ватель, корнет Глинястый и корнет Александров; выбыло из строя убитыми и ранеными 30 нижних чинов, в том числе трое убитых; в числе раненых был и вахмистр эскадрона подпрапорщик Курт Сеит Эмиров. Эскадрон продолжал ос-

таваться на занятом рубеже, пока не получил приказания отойти, сперва на линию смоленцев, чеченцев и осетин, а затем со всеми частями бригады на позицию к юго-западу от хутора Ново-Николаевка. В командование 3-м эскадронам вступил поручик Кульшин; с ним осталось в эскадроне еще три офицера: корнет Веригин, корнет Пылков и корнет Савельев Дмитрий, командир пулеметного взвода. Целый транспорт раненых не только 3-го эскадрона, но и других подразделений 2-го Туземного полка, 17 августа утром вытянулся по направлению на село Калга и далее на станцию Акимовка; среди тяжело раненных находился и вольноопределяющийся Брунс. В санитарном поезде на станции Акимовка он скончался.

17 августа ознаменовалось прибытием из Польши эскадрона ротмистра Лихвенцова. Вместо того чтобы стать в дивизионе крымцев 4-м эскадронам, как предполагалось раньше, пришлось эскадрону влиться в остатки 3-го эскадрона, и ротмистр Лихвенцов стал командиром 3-го эскадрона. В этот же день 17 августа на всем Днепровском фронте наши войсковые части вновь перешли в наступление и на этот раз, сломив сопротивление противника, отогнали красных до Каховки, но Каховка, ставшая уже настоящей крепостью, осталась за противником. После этой крупной и удачной операции 2-я отдельная конная бригада заняла свой прежний боевой участок со штабом бригады в Верхнем Рогачике. Во всей этой операции, продолжавшейся до конца августа, бригада в составе конного корпуса приняла деятельное участие, в частности 2-й и 3-й эскадроны крымцев с успехом выполняли поставленные им задачи. 1 сентября, ко дню прибытия штаба бригады в Верхний Рогачик, присоединился к полку 1-й эскадрон. Приказом Главнокомандующего Русской Армией с этого времени 2-й Туземный конный полк был переименован в 9-й кавалерийский.

1-й эскадрон после того, как был вынужден присоединиться ко 2-му Донскому казачьему стрелковому полку, с этим полком двинулся на села Орлянка и Васильевка, которые были заняты красными. По освобождении этих сел от противника эскадрон прибыл в село Малая Белозерка, откуда, посылая разведки, вел разведку на села Днепровка, Балки и Большая Белозерка. 16 августа красные снова заняли Васильевку, вытеснив оттуда части Русской Армии. Около 11 часов утра повели они наступление на Малую Белозерку, наступление красных было отбито совместными действиями 2-го Донского стрелкового полка и нашего 1-го эскадрона. После этого в 2 часа дня разведка 1-го эскадрона донес, что от Васильевки на Орлянку движется большая колонна красной конницы. В 3 часа дня эта конница уже бросилась в атаку на Малую Белозерку, но и эта атака была отбита, причем большую по-

мощь оказали семь наших самолетов. Красные, однако, на этом не успокоились. Обойдя оба наших фланга, атаковали Малую Белозерку; 2-й Донской стрелковый полк оказался окруженным, но 1-й эскадрон в окружение не попал. Желая помочь донским стрелкам, командующий эскадроном поручик Кононов повел эскадрон в конном строю в атаку на красных, занявших выход из села; красные отхлынули, и эскадрону удалось спасти около половины полка, но другая половина, застряв в Малой Белозерке, была разбита противником и попала в плен с большинством своих пулеметов. Во время отхода уцелевших сотен 2-го Донского стрелкового полка 1-й эскадрон все время прикрывал их отступление. К вечеру 16 августа донцы и 1-й эскадрон прибыли в село Веселое, где остановились на ночлег. 17 августа от 1-го эскадрона посланы разъезды на Александровку и Менчикуры. Оба села были заняты противником. Остатки 2-го Донского стрелкового полка и 1-й эскадрон вступили в бой с красными, занимавшими эти села, но безрезультатно; огромное преимущество в силах было на стороне красных. Пришлось отойти в Веселое.

18 августа 1-й эскадрон с присланным из штаба 2-й Донской дивизии броневиком совершил налет на Александровку. Броневик ворвался на главную улицу Александровки, произвел там панику, и произошло настоящее бегство. Красные кавалеристы, около двух эскадронов, пользуясь свежестью своих коней, смогли ускакать от преследовавшего их 1-го эскадрона.

20 августа в село Веселое прибыли 2-я Донская дивизия и Джунгарский конный полк. Теперь в этом районе перевес сил был на стороне войск Русской Армии. Перейдя в наступление, наши части отбросили красных и 1-й эскадрон принял деятельное участие в преследовании. Так как связь с 9-м кавалерийским полком⁵⁶³ была уже налажена, то к 1 сентября под командой поручика Кононова эскадрон смог вернуться к своему полку. До 18 сентября дивизион крымцев в составе 9-го кавалерийского полка продолжал нести службу на побережье Днепра. 18 сентября состоялся приказ Главнокомандующего о переводе дивизиона Крымского конного полка из 9-го кавалерийского полка в 7-й, а дивизиона харьковских улан из 9-го кавалерийского полка в 4-й. Таким образом, 9-й кавалерийский полк оказался расформированным.

По приказанию штаба конного корпуса 20 сентября дивизион крымцев прибыл в село Нижние Серогозы, где находился штаб 1-й кавалерийской дивизии. К большому огорчению крымцев, пришлось расстаться с частью лошадей, переданных в 1-ю кавалерийскую дивизию. Вся 1-я дивизия сидела теперь на конях, а 2-я дивизия в Карасубазаре пополнялась личным и конским составом. 27 сентября дивизион крымцев при-

был в Карасубазар и вошел там в состав 7-го кавалерийского полка. Полком командовал полковник Ковалинский, коренной офицер лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Наш дивизион был переформирован в два эскадрона; один эскадрон стал сразу конным и командиром его назначен был ротмистр Лихвенцов, другой эскадрон временно оставался пешим, его командиром назначался штабс-ротмистр Эммануель, но ввиду его ранения и пребывания в госпитале после операции, временно командующим эскадроном назначен штабс-ротмистр Кулышин. Конный эскадрон оставлен был в Карасубазаре, где вел занятия, а также принимал участие в борьбе с «зелеными». Пеший эскадрон назначен был в распоряжение начальника гарнизона города Симферополя и нес там гарнизонную службу.

В состав 7-го кавалерийского полка, кроме крымцев, входили также наши старые соратники по Сводно-драгунскому полку и Одесскому десанту Санкт-Петербургские (Петроградские) уланы и новороссийские драгуны и будущие соратники Смоленские уланы, Сумские гусары и Лубенские гусары. 7-й кавалерийский полк входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Дивизией командовал генерал Шифнер-Маркевич, а бригадой полковник Ряснянский. 8 октября 7-й кавалерийский полк выступил из Карасубазара в Симферополь, а 9 октября полк начал грузиться в вагоны. В ночь на 10 октября эшелоны полка двинулись на север. Все пешие эскадроны дивизии были сведены в Стрелковый полк 2-й кавалерийской дивизии, который по железной дороге был доставлен на станцию Юшунь, а оттуда походным порядком прибыл на Перекопский перешеек в город Армянск.

В 7-м кавалерийском полку было восемь эскадронов; петроградцы и крымцы имели по одному конному и одному пешему эскадрону; новороссийцы, Смоленцы и Лубенцы по одному конному эскадрону; и сумцы только один пеший. Пешие эскадроны сумцев и крымцев были выделены в стрелковый полк 2-й кавалерийской дивизии, а Петроградский пеший эскадрон получил другое назначение. В составе пяти конных эскадронов 7-й кавалерийский полк 12 октября прибыл на станцию Акимовка и по выгрузке перешел в село Елисаветовка, в 18 верстах от Акимовки, где простоял до 14 октября. 14 октября 7-й кавалерийский полк перешел в село Калга, а 17-го — в село Торгаевка. В этот же день около Нижних Серогоз начальник дивизии генерал Шифнер-Маркевич произвел смотр полку, а затем полк представился и командиру конного корпуса генералу Барбовичу. Оба генерала остались довольны видом полка, а генерал Шифнер-Маркевич, обгоняя полк по дороге на Торгаевку, вызвал к себе ротмистра Лихвенцова и благодарил его за прекрасный вид эскадрона. Вечером 17-го вся 2-я

кавалерийская дивизия сосредоточилась в Торгаевке. На ночь от Петроградского уланского эскадрона в сторону Каховки были выставлены сторожевые заставы. Ночь прошла спокойно. 18 октября после полудня послышалась сперва отдаленная пулеметная стрельба, а затем все приближающаяся к самому селу. Полк был поднят по тревоге. В 3 минуты эскадрон крымцев был готов и на полевом галопе выскочил за село в сторону противника, туда же стянулся и весь полк. На расстоянии около версты от полка появилась конная группа в составе приблизительно трех эскадронов. Минуты две колебания, не свои ли это? Но больше и не потребовалось; конная эта группа открыла огонь из пулеметов и орудий, сразу поразив 7-й кавалерийский полк. Немедля командир полка повел за собой полк в конную атаку, но конница противника атаку не приняла и ускакала. Командиром полка в это время был полковник Попов Сергей Петрович, коренной офицер 10-го уланского Одесского полка. Полковник Ковалинский был назначен командиром Гвардейского кавалерийского полка. От огня противника в Крымском конном эскадроне первыми же пулями был убит прикомандированный к крымцам поручик Добржанский; тяжело ранен был корнет Мелисаров, и пять всадников получили сравнительно легкие ранения. До наступления темноты в 3—4 верстах от Торгаевки находилось несколько наблюдательных разъездов, в том числе и один от крымцев. На ночь разъезды были отозваны, и вся дивизия выстроилась на Церковной площади в ожидании ночного налета неприятеля. Ночь и день 19-го прошли спокойно. Один взвод от крымцев находился в сторожевом охранении. Стояла совершенно необычная для Северной Таврии суровая зима; нормальной в это время года была всегда приятная хорошая погода, а в этом году жестокий мороз. Не дурной ли это признак? Обыкновенно летом мы всегда побеждали, а зимой успех бывал у красных. Неужели и в этом году будет успех у красных? Но мы отбрасывали сомнения и верили в окончательную нашу победу. На рассвете 20 октября весь конный корпус выступил по направлению на Агайман. Все обозы и кухня еще ночью были отправлены в тыл. Вместе с корпусом выступил и вновь сформированный эскадрон легких автогрузовичков «Форд», вооруженных пулеметами, но без всяких приспособлений для удобства ведения огня.

Не доходя нескольких верст до Агаймана, конный корпус остановился и выстроился в резервную колонну. Казачья дивизия вела бой с крупными силами красной конницы, удерживавшими Агайман. Бой был упорный, но часа через два конница красных отступила и Агайман был взят. Преследовать противника был послан автоэскадрон. Ночь 7-й кавалерийский полк провел в Агаймане под усиленным ох-

ранением. От крымцев в охранение были назначены две заставы и выслано было два разъезда.

21 октября корпус выступил на село Отрада. Крымский конный эскадрон шел в хвост колонны. По дороге в полдень корпусу был дан отдых и полки расположились по хуторам. На каждый эскадрон пришлось по одной и в редких случаях по две хаты. Через два часа полки конного корпуса двинулись в дальнейший путь. Крымцы по-прежнему находились в арьергарде и, выступая из хутора, где отдыхали, были обстреляны пулеметным огнем группой красных, наступавших на хутор и уже успевших занять часть этого хутора. По команде командира эскадрона крымцы развернулись в лаву, а затем спешили и открыли огонь по наседавшим крупным вражеским силам, не считавшимся со своими потерями. Все же эскадронные пулеметы под командой штабс-ротмистра Богдановича заставили противника остановиться. Тем временем корпус успел уже уйти на довольно значительное расстояние. Однако конные батареи, открывшие огонь по наступающим красным, и прибывшие на поддержку автомобили «Форд» помогли нашему эскадрону окончательно отогнать противника и затем продолжить движение на село Отрада. Село Отрада и село Рождественское оказались в руках противника. 1-я дивизия атаковала эти села, выбила из них противника, и корпус расположился в селе Рождественском. На рассвете 22 октября крымцы были посланы разведывательным эскадром на село Петропавловка, находившееся в 15 верстах от Рождественского. Корнет Петрункевич с 3-м взводом установил, что Петропавловка занята красными, и в то же время другим разъездом замечено было движение большой колонны неприятеля от Петропавловки по ложбине к Рождественскому. Обо всем замеченном командиром эскадрона немедленно было послано донесение. Кроме движения главных сил по ложбине, противник обнаружен был еще на одном из хуторов по направлению на Петропавловку; при виде приближающегося эскадрона противник, оказавшийся небольшим конным отрядом, поспешил ускакать. Ведя непрерывное наблюдение за колонной, продвигающейся по ложбине, эскадрон постепенно отходил на Рождественское, находясь все время в сфере действительного огня и под угрозой быть отрезанным от своих. К вечеру, получив приказание, эскадрон прибыл в Рождественское, где застал конный корпус построенным в ожидании ночной атаки противника.

На рассвете 23 октября 1-я и 2-я кавалерийские дивизии, а также и части 1-го и 2-го армейских корпусов начали отход на станцию Сальково. Крымский конный и Смоленский уланский эскадроны были оставлены для прикрытия отступления. В течение всего дня оба эскадрона принимали на себя атаки противника, разворачиваясь в лаву и отбивая

ясь пулеметным и ружейным огнем. После 10 часов утра при сильной артиллерийской поддержке красные большими силами пошли в атаку на крымцев, а эскадрон противника стал обходить левый фланг Крымского эскадрона. Разгорелся упорный бой. Красные были во много раз сильнее в числе своих бойцов и в количестве поддерживавших их орудий. Под сильнейшим давлением противника крымцы стали постепенно отходить. В этот момент подскочил к эскадрону командир бригады полковник Ряшнянский и приказал снова перейти в атаку, чтобы дать возможность последним частям главных сил отойти в порядке. Ротмистр Лихвенцов повернул эскадрон назад, и крымцы снова атаковали красных. Пораженные неожиданной смелой контратакой крымцев, красные остановились и бросились назад, но вскоре пришли в себя и опять продолжили свое наступление. Пока главные наши силы совершали свой отход, крымцы и смоленцы весь день провели под жестоким огнем врага, отбивая его атаки. Оба эскадрона понесли очень большие потери. Только лишь вечером 23 октября после всех крымцы вошли на полуостров за проволочные заграждения, у которых осталась Дроздовская стрелковая дивизия.

24-го и 25 октября эскадрон крымцев простоял в деревне Киат. 26-го утром в составе полка выступил по направлению на Перекоп. К вечеру полк пробыв в село Воиновка, а ночью перешел на хутор Бема, где 7-й кавалерийский полк оставался в резерве до 5 часов вечера, когда 2-я бригада 2-й кавалерийской дивизии (7-й и Кавказский полки) брошена была в конную атаку на красную пехоту, сидевшую в занятых ею наших окопах. При виде атаки красные выскочили из окопов и забежали за проволочные заграждения, оградив себя не только проволочными заграждениями, но и всей системой глубоких окопов, ходов сообщения, траверсов и пр., построенных нашими войсками. Бригада не была в состоянии преодолеть все эти препятствия и вынуждена была повернуть обратно. Крымский конный эскадрон во время атаки находился уступом на правом фланге. От артиллерийского огня противника было ранено несколько всадников и лошадей, головкой снаряда контужен был по спине неутомимый классный фельдшер Харитонич, но остался в строю. После этой атаки весь 7-й кавалерийский полк до 2 часов ночи провел в сторожевом охранении, рассыпавшись в конном строю по всему фронту. После 2 часов ночи полк был сменен частями 1-й кавалерийской дивизии и отправлен в деревню Карпову Балку в 4—5 верстах к юго-востоку от Армянска. В этой деревне уже находился Кавказский кавалерийский полк. На всю бригаду отведена была всего лишь одна хата. Мороз был очень сильный, и согреться людям было негде. Сиваш, никогда зимой не замерзающий,

теперь в конце октября полностью замерз. Это было большим несчастьем для Русской Армии.

На рассвете 28 октября, когда эскадроны начали водить более суток не пивших лошадей на водопой, неожиданно бригада подверглась нападению с тыла красной конницей, проскочившей по льду Сиваша между охранением 1-й кавалерийской дивизии и казаками генерала Фостикова⁵⁶⁴. После краткого замешательства в частях конного корпуса быстро был восстановлен порядок, и конница красных была отброшена от Карповой Балки и Юшуня.

Новые красные соединения снова переправились по замерзшему Сивашу и сразу стремительно бросились в наш тыл. Конный корпус должен был отходить параллельно по отношению к наступающим красным. Весь день 28 октября происходили бои. Враг отбрасывался назад, но новые массы буденновцев снова теснили полки нашего конного корпуса.

Эскадрон крымцев наравне со всеми стойко выполнял свой долг. В этот день тяжело ранены были командир эскадрона ротмистр Лихвенцов и штабс-ротмистр Богданович. Ряды эскадрона уменьшались, но раненых всех вывозили. После ранения ротмистра Лихвенцова во временное командование эскадронам вступил корнет Дрига.

29 октября Кавказский кавалерийский полк с приданным ему нашим Крымским эскадронам двигался в арьергарде. Крымцы отходили последними, подвергаясь обстрелу врага. В ночь на 30 октября конный корпус оторвался от противника и весь день провел в походе вне сферы неприятельского огня. Ночь с 30-го на 31-е корпус провел на станции Сарабуз; 31 октября прошел через Симферополь и Алушту и к вечеру 1 ноября прибыл в город Ялту. Пришвартовавшись к молу, стояли небольшой транспорт «Крым» и маленький пароход «Русь». Сразу же началась погрузка.

В Крымском конном эскадроне после всех боев вместе с господами офицерами осталось не больше тридцати человек; на пристани присоединилась еще небольшая команда выздоравливающих и бывших в командировках, прибывшая к погрузке вместе с Запасным кавалерийским полком. По приказу генерала Врангеля всем, кто не хотел эвакуироваться, разрешалось остаться на родине, но таковых на весь корпус было не больше пяти человек, которые до отплытия судов стояли на берегу, провожая своих друзей в неизвестность. Из желающих уехать никто не остался на берегу; погрузка прошла в полном порядке. Тяжело было на душе при виде остающихся на берегу лошадей, наших боевых друзей. Седла взяли с собой; несколько орудий наши конно-артиллеристы сбросили в море.

Днем 2 ноября, перед отплытием наших судов от крымского берега, на крейсере «Генерал Корнилов» (бывший «Кагул») прибыл Главнокомандующий генерал Врангель, обратившийся к находившимся уже на транспорте чинам корпуса с соответствующим переживаемому трагическому моменту словом, затем на шлюпке подошел к набережной и сказал несколько патриотических слов собравшейся толпе, которая приветствовала генерала Врангеля громким «Ура!». После этого Главнокомандующий отбыл на крейсере в Феодосию, где грузились кубанские казаки, а транспорт «Крым» и пароход «Русь» отделились от ялтинской пристани и взяли курс на Константинополь. На «Крыме» покинули Крым, последний уголок нашей Родины!

На этих судах не было хотя бы остатков нашего пешего эскадрона. Значительно позже стала известной постигшая его судьба. По прибытии на Перекопский перешеек наш стрелковый эскадрон вошел в состав Сводного стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, который был направлен на Чувашский полуостров 28 октября, когда массы красной конницы переправились по льду Сиваша и напали на части конного корпуса с тыла, то Чувашский полуостров сразу оказался отрезанным от своего тыла. Прорваться через атакующую красную кавалерию было совершенно невозможным, в неравной борьбе весь наш эскадрон погиб у Чувашского полуострова в составе 5 офицеров и 120 всадников. Кроме крымцев, погибли еще эскадроны рижских драгун, сумских гусар и иркутских гусар. В нашем пешем эскадроне находились командующий эскадронам штабс-ротмистр Кульшин, корнет Александров, корнет Веригин, корнет Кибальченко и на днях произведенный за боевые отличия корнет Ватель 2-й Борис.

4 ноября утром «Крым» стал на Константинопольском рейде, где находилось уже много судов с эвакуированными из Крыма чинами Русской Армии и беженцами. Простояв на месте десятков дней, транспорт «Крым» отправлен был дальше, и 15 ноября Конный корпус выгружен был в порту Галлиполи. Местом расквартирования прибывших русских войск была выбрана долина в 7—8 верстах от города в пустынной местности вдоль мелководной речки. На левом берегу предполагалось разместить части пехоты и артиллерии, сведенные в одну дивизию, а против них на правом берегу кавалерийские части, также сведенные в одну дивизию. Обе эти дивизии, а также и части, оставленные в городе, образовали вместе 1-й армейский корпус.

Из порта к месту своего будущего расквартирования войсковые части шли пешком, неся на своих плечах тяжелые палатки барачно-

го типа. Крымцы, как и все, тоже с палатками на плечах отправились к назначенному им месту. 7-й и Кавказский кавалерийские полки были сведены в один 4-й кавалерийский полк; командиром этого полка стал командир бригады полковник Рясянский. Командир 7-го кавалерийского полка полковник Попов назначен был старшим штаб-офицером в 3-й кавалерийский полк, который образовался из 2-го и 4-го кавалерийских полков 1-й бригады. Вся 2-я кавалерийская дивизия стала 2-й бригадой Кавалерийской дивизии, образовавшейся от слияния 1-й и 2-й дивизий Конного корпуса. Командиром 2-й бригады стал генерал Шифнер-Маркевич, а начальником дивизии — генерал Барбович, его начальником штаба стал генерал-майор Крейтер, бывший начальник штаба Конного корпуса. В 4-м кавалерийском полку образовалось 6 эскадронов: 1-й эскадрон офицерский, 2-й — сумцы и лубенцы, 3-й — крымцы и петроградцы, 4-й — новороссийцы и смоленцы, 5-й — кабардинцы и 6-й — кавказские драгуны (тверцы, нижегородцы, северцы и переяславцы). Крымцы вошли в 3-й эскадрон полуэскадронам, хотя петроградцев было больше, так как у них уцелел пеший эскадрон, не разделивший участь других пеших эскадронов 2-й дивизии у Перекопского перешейка. Командиром 3-го эскадрона назначен был петроградец, полковник Рубцов, а помощником командира эскадрона крымец, ротмистр Эмануэль.

Главкомандующий генерал Врангель выразил свое глубокое убеждение в том, что мы, защищавшие от большевиков не только интересы России, но и всего мира, не должны теперь просить, а требовать от союзных великих держав оказать нам помощь в дальнейшей борьбе с большевизмом и что помощь безусловно будет оказана. Поэтому сохранение армии для дальнейшей борьбы с поработителями нашей Родины является первой и главной нашей проблемой.

Необходимость сохранения армии внедрилась и во всех частях Русской Армии от командиров до рядовых бойцов включительно.

В Галлиполи крымцы вместе с другими частями дивизии провели 10 месяцев. Условия жизни на Галлиполийском полуострове были уже описаны во многих книгах и журналах, и не стоит о них еще раз вспоминать. Несмотря на многие лишения, дух в войсках был бодрый, вера в своего Главкомандующего оставалась прежней. Решительными мерами генералу Кутепову с помощью его начальника штаба генерала Штейфона удалось поднять дисциплину до предельной высоты. Всем, кто не хотел оставаться в рядах армии, разрешалось уходить в беженский лагерь.

После прибытия некоторого числа крымцев одиночным порядком состав нашего полуэскадрона («ячейки», как стали называть в Галлиполи остатки полков) увеличился до 45 человек. Кроме того, в офицерском эскадроне было 8 господ офицеров, в пулеметном эскадроне находился корнет Савельев Дмитрий. Старшим крымцем был подполковник Тихановский, находившийся в Запасном кавалерийском дивизионе, но ожидавший перевода в 4-й кавалерийский полк. Старейшим крымцем в Галлиполи был полковник Александр Николаевич Эммануель⁵⁶⁵, бывший начальником Осетинской конной дивизии, отступившей с Астраханского направления в Грузию, а в Крыму по прибытии из Грузии полковник Эммануель, не желая сидеть сложа руки в резерве чинов в ожидании назначения командиром кавалерийской бригады, согласился принять сформированный при 34-й пехотной дивизии Симферопольский конный дивизион, которым командовал во всех боях с начала сентября до эвакуации из Крыма в Галлиполи, где дивизион вместе с дивизионом 13-й пехотной дивизии был влит в 1-й конный Алексеевский полк, сведенный в Галлиполи в дивизион, командиром которого был назначен полковник Эммануель, а адъютантом дивизиона стал коренной крымец, штабс-ротмистр Росницкий. Запасным дивизионом командовал полковник Апухтин, числившийся во время мировой войны в Крымском конном Ее Величества полку. В команде Галлиполийского порта находился штабс-ротмистр Воблый. Еще несколько офицеров-крымцев прибыли в Галлиполи, но не остались, а убыли в Константинополь. В 4-м кавалерийском полку находился и верный друг полка ветеринарный врач доктор Тиминский. На острове Лемнос в должности начальника штаба Кубанского корпуса находился бывший наш командир полка полковник Туган-Мирза-Барановский, навестивший своих крымцев во время его служебной командировки в Галлиполи.

Во время первого месяца пребывания в Галлиполи произошло печальное событие. Заболевший сыпным тифом генерал Шифнер-Маркевич скончался. Командиром 2-й бригады стал командир 3-го полка генерал-майор Гернгросс⁵⁶⁶; начальником штаба бригады был полковник Ивановский⁵⁶⁷. Очутившись в изгнании, чины Русской Армии, не желая напрасно терять время, под руководством своих командиров и опытных инструкторов взялись за усовершенствование своих военных знаний. Были образованы военные училища, разные специальные курсы, устраивались маневры. При штабе Кавалерийской дивизии устроили курсы для подготовки эскадронных командиров, вскоре переименованных в кавалерийскую школу, но фактически это были курсы с полной программой кавалерийского училища. За 8 меся-

цев, при отсутствии строевых занятий, теоретическая подготовка с применением опыта мировой войны была вполне основательной. Курсы эти среди господ офицеров, кавалеристов были очень популярны, и посещали их не только окончившие ускоренные выпуски, но и несколько офицеров, выпущенных из училищ еще в мирное время. Из офицеров-крымцев окончили эти курсы ротмистр Дмитриев и ротмистр Эммануель. Хотя и не было лошадей, но производились занятия рубкой и уколами пикой. Организовано было состязание. Лучший по рубке эскадрон в полку выходил потом на дивизионное состязание. В 4-м кавалерийском полку лучшим по рубке оказался 3-й эскадрон (крымцы и петроградцы). На дивизионном состязании выступление эскадронов происходило по жребию; последним выступал Запасный дивизион. Перед выступлением эскадрона Запасного дивизиона крымцы и петроградцы оказались первыми среди четырех полков и конно-артиллерийского дивизиона; казалось, что победа уже обеспечена 3-му эскадрону 4-го полка, но вышел эскадрон Запасного дивизиона и только на ничтожное число очков оказался лучше Крымско-Петроградского эскадрона, которому пришлось удовлетвориться вторым местом.

Постепенно шло время, и наконец приблизился срок оставления Галлиполийского полуострова. Пехотная дивизия должна была быть перевезена в Болгарию, а Кавалерийская в Югославию, где должна была быть принятой на службу в пограничной страже. За несколько дней до выезда, ввиду малочисленности 4-го полка, полк был реформирован в три эскадрона и полуэскадрон офицерский. В состав 3-го эскадрона вошли еще и лубенцы. Эскадрон был переименован во 2-й; командиром эскадрона назначен лубенец, полковник Чегринцев, помощником командира эскадрона — полковник Рубцов. Крымцы вошли в эскадрон взводом, командиром которого назначен был ротмистр Дмитриев. Ротмистр Эммануель получал назначение командира взвода в офицерском полуэскадроне.

28 августа 1921 года 2-я бригада (3-й эшелон дивизии) была погружена на турецкий пароход «Кирасун», который доставил 29 августа бригаду в Салоники. После выгрузки с «Кирасуна» бригада тотчас же была посажена в вагоны и к вечеру прибыла в пограничный с Грецией городок Джевджелия. 1-я бригада уже была на границе.

Офицерский эскадрон остался на неопределенное время в Галлиполи Югославское правительство, принимая дивизию в пограничную стражу, ограничило в ней число офицеров, не считая возможным назначать офицеров на солдатские должности. Подполковник Тихановский, бывший в 4-м полку на должности помощника командира

офицерского эскадрона, остался на этой же должности и не мог выехать вместе с полковой «ячейкой» в Югославию. Не смогли уехать и бывшие в офицерском эскадроне наши офицеры.

В Джевджелии оставались 15 дней; прощали через все требуемые инстанции: баню, дезинфекцию, медицинский осмотр, выдачу обмундирования и пр. После галлиполийского полугодного пайка было приятное ощущение от хорошей сытной еды. На медицинском осмотре некоторые чины бригады были забракованы; большинство из них поступили в жандармерию, в том числе наши корнеты Черемисинов и Лешков. Во время десятимесячного пребывания в Галлиполи Крымская ячейка в своем составе сильно уменьшилась: двое поступили в Николаевское кавалерийское училище, трое уехали в Чехословакию продолжать свое образование, трое уехали в Бразилию, трое уехали в свои родные места, не оккупированные большевиками; в конечном итоге в пограничную стражу было принято всего 20 человек, в том числе 7 офицеров: ротмистры Эммануель, Дмитриев и Глинястый, штабс-ротмистр Петрункевич, поручик Савельев Николай и корнеты Станишевский и Савельев Дмитрий.

15 сентября 2-я бригада двумя эшелонами отправилась в путь к границам Австрии и Италии. Крымцы в составе 4-го полка были в первом эшелоне, который взял путь на Скопье, Ниш, Белград и Загреб, где произошла остановка при штабе 4-го пограничного округа («отсека»). При «команданте» отсека должен был находиться русский «референт» (советник), наш командир бригады генерал-майор Гернгросс. В Загребе произошла разбивка по «четам» (ротам). Крымцы были сведены в эскадрон со смоленцами, командиром которого стал смоленец, подполковник Собакин-Фадеев⁵⁶⁸. По жребию Крымско-Смоленскому эскадрону (чете) достался номер 16-й. Стоянка этой четы находилась в Словении в редкой по красоте местности в области Юлийских Альп и хребта Караванки по границе с Австрией. Командиром четы был капитан 2-го класса, серб; командиром одного взвода был также югославский офицер, а другого взвода — русский офицер (командир эскадрона), имевший звание контрактualного чиновника и носившего нашу русскую форму. По железной дороге через города Любляна и Крань новый эскадрон-чета был доставлен на станцию Довье-Мойстрана. В деревне — курорте Мойстрана расположился штаб четы. В городе Кране находился штаб 4-го «пододсека» (отдела), при «команданте» которого находился также русский «референт», наш командир 4-го кавалерийского полка полковник Попов, ставший командиром полка вследствие отъезда полковника Ряснянского в Чехословакию. Все офицеры в чете были на

унтер-офицерских должностях, а некоторые были даже рядовыми. Солдаты наши независимо от их звания все были рядовыми. Служба была нетяжелая, условия жизни были вполне удовлетворительны; с непривычки постоянное движение по горной местности в первое время некоторых очень утомляло.

После первого года службы в пограничной страже официально разрешалось желающим подавать прошение об увольнении из службы. Только четверо воспользовались этим разрешением: вольноопределяющиеся младшие унтер-офицеры Владимир Андреевский 3-й и Василий Третьяков ради поступления в Николаевское кавалерийское училище, эвакуированное из Галлиполи в Королевство С.Х.С. (Сербов, Хорватов и Словенцев) и корнеты Станишевский и Дмитрий Савельев, пожелавшие закончить университетское образование.

Но в это время уже вышел приказ генерала Врангеля о необходимости перехода чинов армии на собственное обеспечение своего существования, и никто уже не был связан обязательством оставаться при своих войсковых частях. В дальнейшем для сохранения связи между всеми чинами армии генералом Врангелем был создан Русский Общевоинский Союз.

В своей среде крымцы объединились в полковом объединении Крымского конного Ее Величества полка, в которое вошли все чины полка, когда-либо служившие в полку независимо от того, где кто находится. Большинство крымцев после первого года эмиграции осело во Франции и в Королевстве С.Х.С. (Югославии). Во главе объединения стал бывший командир полка Свиты Его Величества генерал-майор Николай Антонинович Княжевич⁵⁶⁹. Главный центр объединения обосновался в Париже. К состоявшим уже в объединении в течение первых лет в эмиграции присоединились и выпущенные из Николаевского кавалерийского училища корнет Янушевский Анатолий⁵⁷⁰, Соколовский Григорий⁵⁷¹, Бородзич Сергей⁵⁷², Андреевский Владимир⁵⁷³, Григорьев Владимир⁵⁷⁴, Келлер Анатолий⁵⁷⁵ и Третьяков Василий⁵⁷⁶. Все они основательно прошли полный курс училища, и все они были участниками Гражданской войны в своем полку, кроме Анатолия Келлера, поступившего в Николаевское кавалерийское училище по окончании кадетского корпуса.

Очувтившись вне пределов своей родины, крымцы продолжали считать себя на службе своему Отечеству и верить в возрождение Великой Императорской России и в ней родного Крымского конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. Священная светлая память о трагической, мученически погибшей царской семье всегда останется у крымцев до конца их жизни.

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ
В КАБАРДИНСКОМ КОННОМ ПОЛКУ⁵⁷⁸

В октябре 1917 года полк прибыл на родину и расположился в городе Нальчике, столице Кабарды. Здесь я хочу описать тех, из кого состоял наш полк, и также что представлял собой кабардинский народ, его жизнь, быт и обычаи. Управление кабардинским народом находилось в городе Нальчике, Терской области, где находился и народный суд, действовавший на основании русских законов, но дополненных «адатами» и обычным правом. В школах Кабарды дети обучались родному языку по азбуке, составленной для них русскими. Имелось в Нальчике и реальное училище.

От военной службы кабардинцы, как и все горцы Кавказа, были освобождены, но многие из них служили в русской армии офицерами и дослужились до больших чинов, как, например, генералы Шимшев, Хагандоков и князья Бековичи-Черкасские. Как строевая часть, кабардинцы впервые служили в русской армии во время Русско-японской войны в рядах Кавказской конной бригады, состоявшей из добровольцев. Следует отметить всегдашнюю верность Кабарды России, за что Императором Николаем Павловичем кабардинцам было пожаловано «народное знамя», благоговейно хранившееся в Нальчике, в здании народного правления, даже после революции, комиссаром Временного правительства кабардинцем Чижековым.

Война 1914 года вызвала к жизни уже целый полк кабардинцев-добровольцев, доблестно сражавшихся с врагами России и не менее доблестно поборовших все соблазны при наступлении революции и развале фронта. Кадр офицеров и унтер-офицеров полка был составлен из представителей многих кавалерийских и казачьих полков, но предпочитались, однако, люди, знакомые с укладом жизни и обычаями кавказских народов. Всадники полка были исключительно кабардинцы, только в 4-й сотне был взвод балкарцев, то есть горных татар, родственных кабардинцам, живших в верховьях Терека и покоренных Россией в 1882 году. Главным их аулом был Куниш. Что касается обо-за, то его обслуживали солдаты, так как кабардинцы считали для себя неприемлемым и позорным служить не в строю.

Большинство всадников-кабардинцев явились в полк с собственными конями, седлами, шашками и кинжалами. Казенными были лишь винтовки и пики. Формой полка служила обычная одежда кабардинцев: длинная, значительно ниже колен, черкеска черного цвета (у ка-

бардинцев не были приняты цветные черкески), черный же бешмет, невысокая черная каракулевая папаха с белым верхом и белый же башлык. На ногах — чупяки с ноговицами или сапоги. Бурка — черная. На второй год войны кабардинский народ прислал в подарок офицерам своего полка прекрасные бурки серого цвета, специально для них сделанные. Погоны в полку были у офицеров серебряные с синим просветом и бирюзового цвета выпушкой, с буквами «К. Б.». У всадников погоны были с теми же буквами на синем поле. Благодаря этой форме фронт выстроенного полка поражал глаз своей величавой суровостью, что соответствовало и самому характеру кабардинского народа, чрезвычайно сдержанному, степенному и скупому на выявление чувств.

В полку имелся хор трубачей и несколько зурначей. Ответом на приветствие или похвалу начальника служило выражение из Корана «Берикет бе-сен», что значило в переводе на русский язык «Да будет с тобой благодать Божия!». В племенном отношении состав офицеров был смешанным: кроме русских, были грузины, осетины, кабардинцы и балкарцы. Первые же бои выдвинули из рядов многих всадников, произведенных за отличия в прапорщики. В полку из них оставались, однако, лишь принятые голосованием общества офицеров. Таким же голосованием решалось и принятие в полк новых офицеров, выпускаемых из военных училищ или желавших перевестись из других полков. Уже после революции какими-то судьбами попал в полк никому не известный прапорщик из пехотного училища, по национальности грузин, крайне левого направления, но удержался он в полку недолго.

Отношения между офицерами были чрезвычайно дружеские и сердечные. Никому не приходило в голову считаться с национальностью или принадлежностью к тому или иному племени, все чувствовали себя русскими офицерами, членами одной и той же семьи. В числе симпатичных обычаев была обязанность адъютанта полка при общих обедах и ужинах в офицерском собрании подсчитывать, сколько присутствует христиан и сколько мусульман. Если большинство за столом составляли мусульмане — все оставались в папахах, если христиане — папахи снимались. Нужно упомянуть, что по кабардинскому обычаю офицеры полка дома всегда ходили в папахах и снимали их, лишь ложась спать.

Отношения с всадниками были довольно своеобразны и не всегда укладывались в рамки воинского устава: в каждом горце глубоко заложено чувство собственного достоинства и гордости. Офицер, понимавший ценность этих качеств души, мог стать неограниченным повелителем своих подчиненных, и, наоборот, относившийся к ним с пренебрежени-

ем терял безвозвратно весь свой авторитет. Точно так же надо было быть очень внимательным к их религиозным взглядам и связанным с ними обычаям. Очень часто вестовой, следовавший в 5—6 шагах за офицером, начинал вполголоса петь молитвы, и для офицера, незнакомого с характером полка, это казалось, конечно, нарушением всяких воинских правил! Но малейшее замечание, а то и взыскание, не принесло бы никакой пользы и повредило бы ему самому.

Из первых дней моего пребывания в полку у меня особо запечатлелись два воспоминания: первое — решительный отказ всадника моего же взвода дать мне его коня, и притом не собственного, а казенного, для поездки в штаб полка, всего за полторы версты; этот случай был с тактом ликвидирован при помощи вахмистра: приказание мое было исполнено, и я получил коня, всадник же по моем возвращении получил от меня приличный подарок, сделанный в такой форме, что не мог задеть его самолюбия, и отношения наши остались наилучшими. Другое воспоминание о служебной исполнительности всадников-кабардинцев и понимании ими своих обязанностей: я был дежурным по полку и, проходя мимо денежного ящика и стоящего при нем часового, отдавшего мне честь, сделал шаг ближе и машинально протянул руки, чтобы убедиться в целости печати, так как мне показалось, что она не в порядке. В то же мгновение надо мной угрожающе сверкнула шашка часового, не говорившего по-русски, но твердо знавшего устав.

Незнание языка значительно затрудняло воспитательную работу офицеров. Между всадниками было много людей, плохо понимавших русский язык, были и вовсе его не понимавшие и знавшие только команды. Приходилось все это учитывать и иметь при себе переводчика. Наши старания изучить кабардинский язык не приводили к серьезным результатам ввиду его трудности.

Когда вести о происшедшей революции дошли до полка и были затем подтверждены знаменитым приказом № 1, в полку ясно почувствовалось начало расслоения: с одной стороны — офицеры и незначительная часть урядников из русских, с другой — обозные команды и большинство низшего командного состава. Что касается всадников — все они шли с офицерами. Сложившаяся обстановка требовала замены развращенных «завоеваниями революции» русских чинов полка туземцами, что и было сделано с началом июньского наступления 1917 года. Прошло это хотя и не без затруднений, но все же безболезненно. Идеи революции были совершенно чужды всадникам и воспринимались ими как нечто враждебное и грозящее бедами. Разнузданность новых революционных властей и преследование ими всего, что имело заслуги перед Россией и

Государем, вызвало однажды наивное и трогательное обращение всадников одной из сотен к своему командиру. «Русские, — заявили они, — не хотели слушать Царя и отняли у него престол, напиши ему — пусть едет к нам в Кабарду, мы его прокормим и защитим». Помню точно эти слова, не могу лишь сказать с уверенностью, было ли это в 3-й или в 1-й сотне. Подобные настроения царили во всем полку (я говорю, конечно, о всадниках) и очень озабочивали командование дивизии, так как предполагалось приводить всадников к новой присяге, а это могло вызвать волнения и беспорядки. В конце концов было решено заменить присягу обещанием верности службы. Впоследствии, во время похода на Петроград, мне пришлось наблюдать в нашей сотне зарождение увлекавшей всех мысли: «Придем в Петроград — прямо в Царское Село, к Великому Князю Михаилу — на престол сажать!» Нужно пояснить, что командир нашей 4-й сотни ротмистр хан эриванский⁵⁷⁹ был в личных дружеских отношениях с Великим Князем, и это было известно всем в полку. Человек же он был решительный, и потому осуществимость этой идеи никому не казалась невозможной.

С того времени, когда Кабарда исповедовала христианство, во многих стародворянских семьях сохранились реликвии — предметы христианской церковной утвари, а также шашки и кинжалы с изображением на них Христа и Богородицы. Одна из самых уважаемых фамилий Кабарды — Шегеневы — происходила от «шегена», что значит по-кабардински «дьякон».

Главным занятием кабардинцев было коневодство особой породы лошадей, скотоводство и, в незначительной степени, земледелие, очень примитивное. К началу войны 1914 года сословия не играли уже у кабардинцев большой роли, хотя уклад жизни оставался чрезвычайно патриархальным и консервативным, проникнутым соблюдением древних обычаев, хабзов адатов. Существовала еще и кровная месть, с проявлениями которой боролась государственная власть. Строгое соблюдение адатов сохранилось и после революции 1917 года, странно смешавшись с ее так называемыми «завоеваниями». Особенно соблюдалось почитание стариков и старших годами вообще. Например, мальчик 8—9 лет вставал и уступал место при входе старшего брата, которому было 12—13 лет. Положение женщин было подчиненным, но не в такой степени, как это имело место у других горских народностей. Если приходил посторонний мужчина, женщины вставали и оборачивались лицом к стене, лиц же они не закрывали, и им дозволялось в присутствии угощаемого гостя входить, приносить кушанья, угощал же и прислуживал гостю сам глава семьи или его старший сын.

Хабзы, то есть обычаи, требовали, чтобы гость обязательно провозгласил бы тост и выпил чашу араки или бузы за здоровье хозяйки дома. Гостеприимство было чрезвычайное: гостю подавалось, не жалея, все лучшее, что было в доме. Если гостю нравилась какая-либо вещь и он неосторожно хвалил ее, хозяин считал себя обязанным немедленно подарить ее гостю, произнеся освященное хабзами слово: «Узет!» Отказываться было неприлично, и отказ обижал. Принимали гостя в отдельной хатке — кунацкой, у дверей которой росло дерево с обрубленными ветками для привязывания коней. Всякий приехавший в любое время дня или ночи мог войти в кунацкую и тем самым становился гостем, и хотя бы никто его и не знал, он принимался как самый дорогой друг, и никто не смел спрашивать его, кто он и откуда. Хозяин или старший его сын держали стремя гостя, когда тот садился на коня. Если гостя провожали верхом, то он ехал посередине, справа от него при этом находился глава семьи, а слева — старший сын и т. д. — справа и слева, по старшинству.

Ранней весной, как только трава достаточно поднималась, со всей Кабарды собирались многочисленные стада скота и табуны лошадей, которые отправлялись на Малкинские общественные пастбища — альпийские луга по реке Малке, где оставались целое лето, и пригонялись домой только перед наступлением зимы, причем возвращение табунов и стад праздновалось всем населением. Стада эти нуждались в бдительном надзоре как от нападения зверей, так и от разбойников, главным образом — сванетов из-за горного хребта, поэтому их всегда сопровождало большое число вооруженных всадников. Жизнь, требовавшая быть всегда и всюду готовым отразить нападение с оружием в руках, вырабатывала из кабардинцев смелых и находчивых джигитов, представлявших собой прекрасный и воинственный материал, и нужна была лишь небольшая шлифовка, чтобы получить из этого народа отдельных солдат.

Было бы непозволительным упущением, говоря о кабардинцах, не подчеркнуть высоты их воинственного духа, особенно ярко проявившегося в полку в дни разложения армии после издания приказа № 1, когда отказ от выполнения боевых заданий, самовольное оставление позиций и избияния офицеров стали обычными явлениями на фронте. Беззаветно и верно выполняя свой воинский долг, полк не имел ни одного случая дезертирства из своих рядов.

15 ноября 1917 года, когда полк, прибывший на Кавказ, уже устроился на квартирах и отдохнул от перехода из Петрограда в Нальчик, Кабарда устроила парадный обед в честь своего полка. Съехалась масса народа, в зале здания реального училища были накрыты столы для офи-

церов и почетных гостей, а вокруг здания в парке — столы для всадников и прочих гостей. Обильный обед продолжался до середины ночи, и перед его окончанием одним из стариков — почетным гостем был произнесен тост: «За первого начальника дивизии!» Загремело общее «Ура» в честь Великого Князя, которое было подхвачено снаружи, а затем раздался крики всадников: «Офицеров! Офицеров!..» Мы вышли к ним и были приняты ими на руки, нас принялись качать. И это было в революционный 1917 год!..

Перед революцией полку был обещан за боевые отличия Георгиевский штандарт, и, без сомнения, полк занял бы почетное место в рядах русской конницы.

Самым типичным представителем кабардинского народа среди офицеров полка был, конечно, старик Тембет Анзоров. Лет ему было значительно за 60, и был он в мирное время прапорщиком милиции, каковые еще существовали тогда на Кавказе. С самого начала войны он пожелал стать в ряды родного полка и был, конечно, принят. Род Анзоровых — один из самых влиятельных в Кабарде, и два больших селения носят имя Анзоровых. По своему возрасту и, главное, по имению военной подготовки Тембет, конечно, строевой и боевой ценности не представлял и являлся в полку некоей полковой «реликвией». Начало его военной службы восходило к временам существования личного Императорского конвоя, состоявшего из представителей аристократии народов Кавказа. В день гибели Императора Александра II Анзоров был в числе конвойных, сопровождавших Государя, и ехал впереди коляски. Первая брошенная бомба разорвалась рядом с ним, и он уцелел буквально чудом. После расформирования конвоя Тембет вернулся к себе на родину и жил на покое в своем селении, морально управляя своими бывшими «подданными». Трудно сказать, какое было у него образование, но по своим манерам и привычкам он являл собою причудливую смесь петербургского светского человека восьмидесятих годов и старого кавказского князя-феодала, строго державшегося обычая старины. По-русски он говорил правильно, но с сильным кавказским акцентом, и внешностью обладал чрезвычайно представительной: среднего роста, широкоплечий и, несмотря на свои годы, тонкий в талии. Густые, слегка подстриженные, по кабардинскому обычаю, усы его были жгуче черны. Черты лица, крупные и правильные, указывали на былую красоту, а горделивая осанка вызывала одно только определение: «Удалец!»

Был он большим поклонником и ценителем женской красоты, но с рыцарской утонченностью, которая была так характерна для благовоспитанных людей конца прошлого века, и очень заботился о своей

наружности. Я пользовался его расположением и доверием, и мне случайно пришлось стать посвященным в его тайну. Однажды на отдыхе полка я получил от него таинственное приглашение зайти к нему для разговора с глазу на глаз. Так как Тембета вот уже несколько дней не было видно нигде, я подумал, что старик болен, и сейчас же отправился к нему. Встречен я был, как всегда, радушно и даже радостно и после неизбежного угощения он приступил к объяснению: «Дорогой мой, командир полка сказал мне, что вы имеете командировку в Киев; пожалуйста, купите мне там краску для волос «нуар жоли флер». Запишите, пожалуйста, — «нуар жоли флер». Только очень прошу вас, чтобы это осталось между нами... Пожалуйста, никому ни слова, очень прошу. Понимаете, ужасное положение: краска вышла, и я нигде показаться не смею!» Посмотрел я на него, и действительно, оказалось, что усы у него стали какие-то серо-зеленые. Краску я ему привез и тайну сохранил.

Когда я прибыл в полк, Тембет находился в отпуску, особенно продолжительном, данном ему как исключение из общих правил. Возвращаясь в полк, он в Ростове узнал, что бывший командир Кабардинского полка граф Воронцов-Дашков⁵⁸⁰ с женой находится сейчас в Ростове, и счел своим долгом к нему явиться. О встрече этой он потом рассказывал нам так, что самому графу уделено было очень мало внимания, центром являлась графиня: «Какая очаровательная женщина!. Я всегда, когда с ней здороваюсь, говорю: «Позвольте мне по-стариковски в ладошку поцеловать!..» Она смеется... Я всегда ей ладошку целую!..» Кто-то из молодежи задал ему не без ехидства вопрос: «А что же граф, не ревнует?» Старик самодовольно улыбнулся и закрутил свой жгуче-черный ус; он все еще был убежден в своей неотразимости.

Я присутствовал однажды, когда Тембет по возвращении из отпуска являлся новому командиру полка, полковнику Старосельскому⁵⁸¹. Это было очень оригинальное зрелище: он вошел, отдал честь и, не произнося ни слова, торжественно отворил дверь. Один за другим в комнату вошли три всадника. В руках у каждого было по подносу, взятому у хозяйки дома и покрытому чистым полотенцем. На первом лежала кабардинская плетъ, на втором — круг кабардинского копченого сыра и на третьем — бутылка осетинской араки (лучшую араку делают в Осетии). Когда всадники гуськом подошли к поднявшемуся из-за стола командиру полка, Тембет, картинно отставив ногу и заложив правую руку за кинжал, важно произнес: «Ваше Сиятельство!.. Работа моих крепостных!» Другой рукой он при этом сделал круглый жест по направлению к подносам. Строгий и требовательный по службе Старосельский со свойственным ему тактом любезно восхитился

дарами, поздоровался с Тембетом и, усадив его, стал расспрашивать о новостях на Кавказе и в Кабарде. По глубокому убеждению Тембета, представление его новому командиру произошло по всем правилам хорошего тона.

Тембет числился вторым офицером в одном из взводов первой сотни. В строевых занятиях он не участвовал, да и вряд ли мог бы принимать в них участие, но на походе следовал на положенном месте. За ним ехали трое его вестовых: один — для услуг, другой вез коврик для совершения намаза, ибо Тембет был правочерным мусульманином и неукоснительно совершал все моления, и третий — завернутую в кусок сукна скрипку, имевшую вид полена, изделие самого Тембета. Иногда на привалах он по просьбе офицеров играл на этой скрипке кабардинские мелодии. Некоторые из них он сопровождал пританцовыванием. Все это производилось с таким достоинством, что никому и в голову не могло прийти улыбнуться.

Со всадниками его отношения были чисто патриархальными, далекими от всяких уставов, и они его любили и уважали. С офицерами он был ровен и общителен и пользовался всеобщим расположением. Даже при больших переходах, которые, несомненно, были ему тяжелы по его годам, он никогда не позволял себе отправиться в обоз или отстать от полка, что было бы ему, конечно, разрешено. Был он всегда в хорошем настроении, вежлив и любезен. Видеть его в боевой обстановке мне не приходилось, но по рассказам знаю, что в самых трудных условиях Тембет выполнял свой долг без всяких колебаний. Последний раз я его видел при роспуске полка, когда уже всюду ощущался нажим большевиков: вид у него был растерянный и несчастный. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В дни революции выказал однажды свою благородную и прямую натуру упомянутый мною выше поручик Мушни Даддани⁵⁸². Случилось это в офицерском собрании в присутствии командира полка и большого числа офицеров. Князь позволил себе заговорить на политическую тему и неуважительно задел имя Государя. Время было смутное, у власти стояли эсеры, и, хотя все присутствовавшие были монархистами, никто из них, привыкнув уже к ежедневным выкрикам и грязным статьям по адресу монархии и Государя, не счел себя вправе его остановить. Видя, что командир полка и старшие офицеры лишь смущенно переглядываются и молчат, я взял инициативу на себя и твердо заявил Мушни, что, говоря так, он оскорбляет мои убеждения и что ему стыдно так отзываться о Государе, от которого он получил офицерский чин. Мушни опешил, несколько мгновений молча смотрел на меня, потом встал из-за стола, подошел ко мне и, протянув руку, ска-

зал, что берет свои слова обратно и просит извинить его. Надо отметить, что он был старше меня чином и годами и по всей дивизии пользовался заслуженной репутацией храбреца, а я был корнет, всего лишь год пробывший в полку. На такой поступок мог решиться только лишь прямой и честный Мушни. Несмотря на свои политические взгляды, он был рыцарски благородный человек и таковым и остался в моей памяти. Его геройская смерть это подтвердила.

Прибыв на Кавказ в октябре 1917 года и расположившись в Нальчике, полк не получал ни жалованья, ни довольствия и стал постепенно умирать, и вскоре по этим причинам пришлось распустить по домам почти всех всадников. Остались лишь те, кто имел личные средства, да офицеры. В конце октября пришла в Нальчик с Кавказского фронта батарея и расположилась на квартирах. Сначала все было спокойно в ней, но пропаганда работала и умело разжигала страсти. Однажды ночью к командиру полка, полковнику Абелову, прибежал артиллерийский офицер и сообщил, что батарея арестовала всех своих офицеров и утром собирается их «судить». На рассвете наш полк окружил расположение батареи, но дело обошлось без крови: офицеры были освобождены, зачинщики бунта перепороты, а в 10 часов утра все солдаты-артиллеристы были посажены на поезд и отправлены на станцию Котляревская с предупреждением не возвращаться обратно. Вторым событием в жизни полка в Нальчике, которое окончательно укрепило за ним репутацию «контрреволюционности», было разоружение красноармейской роты, сформированной большевиками из жителей самого Нальчика в январе 1918 года. Окруженная нами в здании школы, где она собралась, рота без боя, после недолгих переговоров, капитулировала и выдала пулеметы и патроны, которых у нас почти не было, и большое количество гранат. Все чины ее были отпущены с миром, хотя в этом деле и погиб один из наших всадников.

В январе или феврале 1918 года полковник Абелов сдал командование полком переведенному к нам подполковнику Мудару Анзорову⁵⁸³ и, живя в Нальчике, числился в отпуску. После крушения Добровольческой армии он, по слухам, был захвачен большевиками и расстрелян. Это был достойнейший представитель доблестного русского офицерства.

Новый наш командир Анзоров был потомком древнего кабардинского рода, самого могущественного и влиятельного во всей Кабарде. Окончив Николаевское кавалерийское училище перед самой Японской войной, он вышел в Северский драгунский полк. Перед производством в офицеры Мудар положил в Коран, с которым никогда не расставался, Георгиевскую ленточку и поклялся «Валаги Азим — Георгий или смерть!» К клятве на святой книге кабардинцы относились очень стро-

го и всегда ее выполняли. С началом Русско-японской войны Мудар Анзоров одним из первых перевелся в сформированную из горцев туземную бригаду князя Орбелиани, куда шли только добровольцы, и сейчас же попал на фронт. За лихую конную атаку он заработал орден Святого Георгия и таким образом сдержал свою клятву.

Полк он принял в самом плачевном состоянии: всадников оставалось всего несколько десятков, патронов не было совсем. Кругом Кабарды уже повсюду установилась советская власть, и кольцо ее уже стягивалось вокруг Нальчика. Несмотря на все это, Анзоров все еще грезил восстановлением российской армии и с нетерпением ожидал подхода Добровольческой армии, по смутным слухам оперировавшей тогда в районе Ставрополя Кавказского. Характера он был прямого, общительного, румяное, всегда приветливое лицо его всех сразу к нему располагало. Главным его недостатком была чрезмерная, если можно так выразиться, храбрость. Его военным правилом было: «Мужчина, по-кабардински, — это одновременно значило — воин, и воин должен всегда атаковать в лоб. Обходы, охваты — для трусов!» Сам он при этом всегда бывал впереди. Когда положение полка стало безнадежным и стало известно о приближении к станции Котляревская двух эшелонов матросов, Анзоров предложил всем чинам полка расплыться по Кабарде и ожидать приближения Добровольческой армии. Сам он отправился в свое родное селение Хату-Анзорово, где его знали и очень любили.

Мне лично незадолго перед этим пришлось побывать в Кисловодске, уже занятом большевиками, и там при посредстве поручика Ю.М. Бутлерова⁵⁸⁴ и мичмана Н.Н. Алексеева⁵⁸⁵ войти в связь с представителем Добровольческой армии Свиты Его Величества генерал-майором Левшиным⁵⁸⁶. В следующую мою поездку туда в конце февраля 1918 года мы решили ехать вместе с поручиком Николайчиком. Предприятие это было довольно рискованное, главную опасность представлял переход около 120 верст по степи и по горам, где было легко наткнуться на разбезд большевиков или на разбойничью шайку, что в обоих случаях не могло окончиться благополучно. В самом Кисловодске мы были в сравнительной безопасности, так как местный совет заигрывал с кабардинцами и старался завязать с ними дружеско-соседские отношения. Нам это было известно, и, пробыв в Кисловодске два дня, мы постоянно ходили в офицерской форме с погонами Кабардинского полка. Солдатня на нас хотя и косилась, но не трогала. На обратном пути мы едва не были захвачены разбойничьей шайкой, грабившей русское население по дороге, и нас спасла только наступившая темнота, которая дала нам возможность обмануть погоню и укрыться в кабардинском селении у знакомого князя Коншеко Тамбиева.

Поручик Николайчик, я и еще два офицера нашего полка с двумя всадниками-балкарцами выехали ночью из Нальчика в горы. Около трех недель нам пришлось странствовать в лесах и горах, находя приют у родных и знакомых наших спутников-балкарцев. В Нальчике ходили слухи, что где-то в Осетии началось восстание против большевиков, и мы стремились попасть туда, чтобы принять участие в борьбе. Слухи, однако, не оправдались, и мы переходили из одного селения в другое, тщетно расспрашивая о несуществующем восстании.

Между тем в Нальчике установилась советская власть, и первыми ее шагами были старания переловить разъехавшихся по области офицеров. Для этого по всем селениям были разосланы приказы арестовывать офицеров Кабардинского полка, которых, для удобства, обвинили в похищении казенных лошадей. Старшины селений, однако, прекрасно понимали эту ложь и заботливо нас оберегали, сообщая о всех распоряжениях большевиков и переправляя нас дальше и дальше, благодаря чему нам не удавалось нигде отдохнуть больше одних суток. В конце концов мы попали на Терек, в станицу Черноярскую, и тут в первый раз почувствовали себя уверенно и спокойно. Очага восстания мы, правда, не отыскали, зато нашли активную подготовку к восстанию. Мы были приняты в станице как родные в семействе нашего однополчанина, штабс-ротмистра Мистулова⁵⁸⁷, и были им посвящены в политическую обстановку на Терек. Все станицы были красными снаружи, но белыми внутри. В доме Мистулова мы провели двое суток, и это несмотря на то, что селение было вынуждено официально признать новую власть. Но так как Мистулов пользовался всеобщим уважением и почетом, то большевики, зная это и также его решительность и непреклонный нрав, трогать его не смели. Когда через два дня нам пришлось покинуть его гостеприимный кров, мы унесли воспоминание о нашем милом и радушном хозяине не как о нашем командире, а как о человеке.

Незадолго до казачьего восстания на Терек, когда мы проживали в станице Новоосетинской, мы узнали, что к полковнику Хабаеву, влиятельному казаку станицы, приехал в гости наш командир, полковник Анзоров. Мы сочли долгом ему явиться. Он встретил нас с распростертыми объятиями и восклицанием: «Штабс-ротмистр Николайчик! Поручик Арсеньев!..» Мы были каждый на чин ниже, и, называя нас так, Анзоров соблюдал традицию кавалерии. Как оказалось, он приехал к Хабаеву договориться о совместном восстании, желая перейти с кабардинцами на эту сторону Терека и присоединиться к казакам. Оживленно разговаривая с нами и посвящая нас в свои планы, он говорил: «Мне нужны офицеры, которые шли бы впереди, а кабардинцы от них не

отстанут». По причинам, оставшимся нам неизвестными, предложение его принято не было, о чем главари готовившегося восстания потом, вероятно, не один раз пожалели. Встреченный с почетом и свойственным осетинам радушием полковник Анзорков уехал огорченный и раздосадованный. Впоследствии восстание в Кабарде возглавил не он, а энергичный и дельный, но непомерно честолюбивый ротмистр Заур-Бек Даутоков-Серебряков⁵⁸⁸. В 1918 году он организовал в Кабарде противобольшевистскую борьбу и сыграл в Белом движении большую роль, создав из своих земляков дивизию шестиполкового состава. Анзорков, служивший прежде всего идее, не считаясь с чинами, стал в подчинение младшего своего однополчанина и принял в дивизии у Серебрякова командование одним из отрядов и, будучи раненным, остался в строю. За взятие повторными атаками в конном строю станицы Суворовской он был представлен командованием к производству через чин в генералы.

Одним из первых вступил в отряд Анзоркова во время первого восстания против большевиков в 1918 году поручик нашего полка Абаев, убитый в конной атаке на Пятницкий базар в Кисловодске, на пулеметы в лоб, которую, как всегда, вел лично бесстрашный Мудар Анзорков. На царицынском фронте, заменяя начальника дивизии генерала Бековича-Черкасского⁵⁸⁹, Анзорков был ранен во второй раз. Полная воинских подвигов жизнь его закончилась в эмиграции, в Сирии, весной 1927 года. В газете «Возрождение» от 25 июля 1927 года был помещен его некролог.

В отряде Мудара Анзоркова погиб также и корнет нашего полка князь Иван Церетели, но, увы, погиб не от пули врага, а от кинжала соратника. Порывистая и горячая натура Ваню проявилась полностью после роспуска Кабардинского полка в Нальчике. Несмотря на уговоры друзей, Церетели решил остаться в Нальчике и ждать прихода большевиков. С ним остались и несколько всадников его взвода. Жили они скрываясь и часто меняя квартиры. Как князь мог скрываться в таком маленьком местечке, где все знали друг друга, было совершенно непонятно. Ведь в ту пору это был даже не город, а слобода. Живя в подполье, Церетели решил начать свою борьбу против большевиков с убийства комиссара Сахарова. После обстоятельной разведки привычек и образа жизни последнего, выбрав ненастный день, Ваню в сумерки отправился в гостиницу, где жил Сахаров. Спокойно пройдя мимо часового и поднявшись по лестнице, он постучал в дверь номера и объявил приоткрывшему дверь комиссару, что прислан к нему с письмом. Оглядев Церетели и видя перед собой одного человека, как он думал — мальчика-подростка, Сахаров вышел к нему в коридор. Церетели выхватил из ножен кинжал и по рукоятку всадил его комисса-

ру в грудь, после чего, сбегав вниз и проскочив мимо растерявшегося часового, исчез в наступившей темноте.

Сахаров, как рассказывал мне сам Церетели, заревел, как бык, — это был крупного роста грузин, сильный и грузный человек, — и кинулся вслед за ним с кинжалом, торчавшим у него в груди, так как Ваню не мог его выдернуть. В таком виде Сахаров выбежал на улицу и лишь там упал мертвым. Рана была смертельной.

Чтобы оценить смелость Церетели, нужно знать, что в нижнем этаже дома помещалась красноармейская часть. Прошло несколько недель, большевики закрепили свою власть и положение, и все было, по-видимому, спокойно. Нуждаясь в деньгах, местный совет затребовал из Владикавказа крупную сумму в 200—250 тысяч рублей, выслав за ними верных людей с конвоем. Возвращаясь домой, они должны были пройти через горы на лошадях. Ваню, с несколькими преданными ему всадниками, подкараулил их в одном ущелье и всех перебил, разделив деньги между участниками нападения.

Прошло еще несколько недель. Большевики успокоились и назначили в Нальчике, в зале реального училища, какое-то торжество. Собрались все местные большевистские власти и расселись в первых рядах. Зал был переполнен народом и красноармейцами. Вдруг, перед самым началом торжества, на сцене появился Церетели, всем известный в лицо и повсюду разыскиваемый, причем за его голову была назначена крупная награда. Зал замер от неожиданности. Церетели шагнул к рампе, по-мальчишески сделал «нос» сидевшей в первых рядах публике и выбежал вон. Произошел переполох, его кинулись искать, оцепили здание, но все было безрезультатно: Церетели исчез.

С началом действий отряда Даутокова-Серебрякова Церетели явился одним из первых к Анзорову, участвовал во многих боях и после освобождения Кавказа от большевиков, уже в мирной обстановке, был убит прапорщиком нашего же полка Султаном Инароковым, как мне передавали. Умирая, Ваню просил простить убийцу и не мстить за него. Что послужило поводом к убийству, осталось неизвестным.

В станицах Чернойорской и Новоосетинской мы с Николайчиком провели около двух месяцев, когда, наконец, началось восстание. 17 июля произошел первый бой с большевиками в городе Моздоке. Восстание подготовлялось в крупном масштабе, предполагалось надежным людям просочиться в состав формировавшихся большевиками на Минеральных Водах красноармейских отборных частей, одной из которых должен был командовать войсковой старшина К.К. Агоев. Он знал поручика Николайчика и записал нас обоих в свой отряд, и мы должны были уже выехать к месту нашего нового служения и получили мар-

шрут с указанием верных людей, когда внезапно произошло столкновение в Моздоке, которое заставило руководителей восстания раскрыть карты. Фронт создался под станицей Прохладной. Войсковой старшина Агоев сформировал небольшой партизанский отряд, главным образом из офицеров, около 40 человек, которых он, смеясь, называл «любителями сильных ощущений». Сам Агоев был человек чрезвычайно решительный и совершенно выдающийся по своей храбрости. Георгиевский кавалер. 4 июля мы с поручиком Николайчиком были уже в станице Ставропольской в составе этого отряда, приняв предварительно участие в бою в Моздоке. Через несколько дней отряд наш разросся, и поручик Николайчик получил в командование сотню, а я взвод. Несмотря на ненависть к большевикам, казаки, однако, дрались неохотно, дисциплины не было. Эсеровское правительство Бичерахова (брата генерала), возглавлявшее восстание, боялось влияния офицеров, дискредитировало их и не позволяло ношения погон. Не хватало и боевых припасов, так что случалось, что пехота, идя в бой, получала по три патрона на винтовку.

Из-за всего этого фронт топтался на месте. Отряд Агоева представлял собой единственную, кажется, часть, в которой поддерживалась дисциплина, и то лишь благодаря влиянию и личным качествам самого Агоева.

Отряд наш действовал самостоятельно на левом фланге всего фронта, то продвигаясь вперед, то подаваясь назад, и участвовал в рейде по тылам красных в составе свободного отряда полковника Барагунова, но общий фронт не двигался.

Во время одного из наших продвижений вперед, кажется — под станицей Солдатской, на нас стала сильно наседавать пехота красных. Поручик Николайчик, оставив меня в резерве, пошел в атаку, но перед самым ударом казаки замялись, и он на своем могучем коне оказался один почти в неприятельской цепи. К нему кинулись красногвардейцы с винтовками наперевес, и он, отстреливаясь из револьвера, повернул назад. В этот момент был ранен его конь, и лишь благодаря его необычайной выносливости Николайчик смог все же доскакать до своих.

В июле наконец решено было сдвинуть фронт и взять станицу Новопавловскую. На рассвете 30 июля были взорваны два железнодорожных моста под этой станицей, что лишило противника возможности использовать в бою имевшийся у него бронепоезд. В час ночи на 31 июля наш отряд выступил из станицы Ставропольской с целью обеспечения нашего левого фланга. В темноте мы двигались медленно и часто останавливались. На последней остановке поручик Николайчик обратился ко мне со словами: «Мне что-то спать хочется, я слезу с коня, подремлю». Меня

удивило это проявление апатии перед предстоящим боем у него, всегда такого энергичного и хорошо владевшего собой. Когда забрезжил рассвет, войсковой старшина Агоев подал команду трогаться. Николайчик подъехал к нему и, переговорив, возвратился ко мне: «Ты со взводом обеспечишь наш левый фланг. Сейчас начнется наступление, двигайся немедленно»

Думаю, что, предвидя большие потери, он хотел уберечь меня и убедил Агоева в необходимости обеспечить наш фланг, что вообще не соответствовало характеру Агоева, склонного к риску. Мы пожали друг другу руки и расстались. Вскоре загрела артиллерия и послышалась трескотня пулеметов и винтовок. Я находился почти в тылу у противника и самого наступления видеть не мог. Часам к восьми утра позади Новопавловской стала накапливаться конница противника, и я уже собирался послать об этом донесение, когда увидел, что она отходит. Стрельба стала реже и вскоре затихла.

Я вошел в станицу и стал продвигаться к станции. Красных здесь уже не было, и на улицах стал появляться народ. На перекрестке я увидел телегу, и мои казаки окружили мальчишку-подводчика, расспрашивая его о потерях.

Тот отвечал вяло и равнодушно: «Та не, вот сотника одного, Николайчика, дали мне везти». Я подъехал к телеге. Передо мной лежало на ней тело поручика Николайчика, прикрытое окровавленной буркой. Глаза его были закрыты, лицо — совершенно бело, — он умер от потери крови. Пуля, рикошетируя, вошла в правое бедро и, сделав ужасающую по величине рану, вышла выше крестца, с левой стороны. По рассказам очевидцев, Николайчик перед самым концом боя повел сотню в конную атаку и был встречен пулеметным огнем. Он упал с коня, но подскакавший Агоев с несколькими казаками положили его, под обстрелом, на бурку и вынесли из сферы огня. Когда бой закончился, Николайчика уже не было в живых.

Станица Новоосетинская, где мы жили, узнав о смерти Николайчика, приготовилась торжественно похоронить его. Тело встретили и проводили к дому Сабана Сабаева, у которого мы квартировали. Обрядить покойника пришли все пожилые женщины из соседних домов. Когда все было окончено и гроб поставили на стол под вишневыми деревьями у дома, сам Сабаев, старец 76 лет, осмотрел, все ли хорошо сделано, а затем зажег свечи и начертил на земле и по углам стола какие-то знаки из Корана.

Наутро состоялись похороны. Кладбище было переполнено народом, собралась вся станица. Священник-осетин торжественно служил по-русски. По горскому обычаю женщины рыдали и причитали. По-

хоронили Николайчика, как родного им человека. На высоком могильном холме был поставлен большой деревянный крест, и вся могила была красиво обложена крупной галькой из Терека. Все было сделано станицей и родными Сабаева, причем меня отстранили от всяких хлопот и расходов, и все выражали мне самое сердечное сочувствие и горевали о погибшем.

*В. Гаджемук*⁵⁹⁰

ЗАКУБАНСКИЕ ЧЕРКЕСЫ В ПЕРВЫХ ДВУХ КУБАНСКИХ ПОХОДАХ 1918 года⁵⁹¹

Несколько кадровых офицеров Черкесского полка, попав в Екатеринодар в начале 1918 года, начали формировать Черкесские отряды для борьбы с большевиками

1. В отряде капитана Покровского⁵⁹² была Черкесская сотня под командой полковника Султана Крым-Гирея⁵⁹³.

2. В отряде войскового старшины Галаева⁵⁹⁴ была организована ротмистром Улагаем Черкесская сотня в 200 сабель при 11 пулеметах, которая отличалась при взятии Выселок.

3. Черкесы Майкопского отдела объединились вокруг генерала Султана Келеч-Гирея⁵⁹⁵ и одержали ряд побед, но за неимением патронов и пулеметов принуждены были прекратить борьбу и горько поплатились своим имуществом и жизнью.

4. Черкесская сотня под командой штабс-ротмистра Кашницкого в начале февраля 18-го года у аула Понажукай вся погибла в бою с большевиками, кроме одного черкеса, пять раз раненного.

5. 2-я сотня Черкесского полка под командой штабс-ротмистра Шестакова стояла в ауле Кошехабль; казаки станицы Курганной просили черкесов спасти их от банды большевиков, грабивших и убивавших жителей. Черкесы пришли на помощь, атаковали станицу, большевики бежали.

После оставления Кубанским отрядом Екатеринодара все Черкесские отряды были сведены в Черкесской полк под командой генерала Султана Келеч-Гирея. Состав полка — около 900 всадников с пулеметной командой ротмистра Добровольского⁵⁹⁶.

7 марта — первое лихое дело, захват переправы через Кубань у станицы Пашковской.

11 марта, в бою под Калужской, сотня под командой поручика Султана Мурад-Гирея⁵⁹⁷ своей атакой решила участь отряда.

22 марта дивизион черкесов под командой ротмистра Улагая у Церковного и Полтавского хуторов загнал две роты красных в реку и всех уничтожил.

При переходе армии через Кубань у станицы Елизаветинской полк совместно с частями генерала Маркова⁵⁹⁸ прикрывал обоз и переправу.

В Гначбау, когда решалась судьба армии, Черкесский полк нес охрану колонии.

Во время лихого набега генерала Покровского на станцию Расшеватка, во время боев у Лопани и Лежанки, черкесы под командой ротмистра Султана Кадыр-Гирея⁵⁹⁹ и Адрианова⁶⁰⁰ оказали армии услуги исключительного характера.

27 апреля, под убийственным огнем большевиков, неся огромные потери, черкесы, увлеченные корнетом Натырбовым⁶⁰¹, захватили станцию Павловскую. Красные бежали, оставив богатую военную добычу. Под станцией Целина полк, иногда лишенный патронов, в течение двух недель удерживал противника.

Под станцией Торговая им было уничтожено три роты красных.

В боях 23-го и 25 июня у Новопокровской Черкесский полк с 1-м Кубанским конным столкнулся с многочисленными большевистскими отрядами: Ейским, Ахтырским, Жлобы, Маруси, отрядами матросов с кавалерией, двумя броневыми автомобилями и двумя бронированными поездами. Положение было критическое, красные насыпали снарядами отряд. Черкесы неоднократно ходили в атаку в пешем строю. Командир пулеметной команды поручик Грицев со своим пулеметом выбегал впереди цепей и открывал огонь в 300 шагах от красных. Командир 4-й сотни ротмистр Султан Сагат-Гирей⁶⁰² сам заправлял пулеметом. Общей конной атакой большевики были сбиты. Преследование продолжалось 8 верст. Была захвачена огромная военная добыча. Черкесы потеряли своих двух лучших офицеров — корнета Тугругова и Султана Кадыр-Гирея, — 40 всадников и более 100 лошадей.

После боя выяснилось, что тело корнета Тугругова осталось у красных. Черкесы утомленные, выбившиеся из сил, но никогда не бросавшие своих павших, снова бросились в атаку и после жаркой схватки отбили тело своего офицера.

1 июля 1918 года, после упорного и непрерывного боя, была взята Тимашевка, а на рассвете 2 июля Черкесский полк с песнями вступал в освобожденный Екатеринодар, совершив стоверстный переход.

В полку из 900 всадников осталось в строю 260. Слава вам, сыны Кавказа и Великой России!

А. Скопинский⁶⁰³

В КРЫМУ⁶⁰⁴

Я был ранен в Северной Таврии и отправлен на лечение в Симферополь. В лазарет для более серьезно раненных меня не поместили, а оставили на эвакуационном пункте. Через несколько дней я уже ходил с палочкой и мог даже добраться до города для его осмотра и посещения увеселительных заведений. Бывал с моими новыми приятелями и в оперетте, где без конца ставили «Сильву», а также в кино.

В один прекрасный день, прогуливаясь по бульвару с друзьями, встречаю кавалерийского офицера. Он посмотрел на меня и воскликнул:

— Кого я вижу! Алик, это ты?

Это был мой родной дядя П.С. Флоринский⁶⁰⁵, брат моей матери, который, оказывается, служил теперь в 7-м кавалерийском полку. А в прежние времена он, херсонский помещик, был мировым судьей. Дядя тут же заявил мне, что в Марковский полк⁶⁰⁶, куда я должен был возвратиться, я не поеду, и что он устроит мне перевод в его полк.

Через пару дней все было оформлено, меня выписали из лазарета, и мы двинулись в город Карасубазар, где полк стоял на отдыхе и одновременно вел борьбу с «зелеными».

Все кавалерийские полки (Сводный гвардейский и 1—7-е сводные полки) составляли Конный корпус генерала Барбовича (две кавалерийские дивизии). Ввиду того что все полки были сводные, то есть состояли из ячеек бывших полков Императорской армии, то в полку могли быть, например, эскадроны 1-го уланского Санкт-Петербургского, фельдмаршала светлейшего князя Меншикова полка, эскадроны сумских гусар, лубенских гусар и, возможно, еще и каких-нибудь других. Кстати, петербуржцы были самыми многочисленными, ибо еще раньше, в 1919 году, в Одессе был сформирован полный, шестиэскадронного состава, полк.

Представили меня командиру дивизиона ротмистру Гарнич-Гарничкому и дали мне назначение в команду связи с откомандированием в военно-полевой суд полка. Следователем суда был мой дядя, который занимался допросом пленных, пойманных «зеленых» и другими судебными делами. Моя роль была чисто канцелярская — я был делопроизводителем суда.

В Карасубазаре жить было не плохо. Хотя работы было много. Кормили нас хорошо, и мы с удовольствием стояли бы там бесконечно.

С.А. Топорков

А.А. Столыпин

К.С. Попов

Б.А. Штейфон

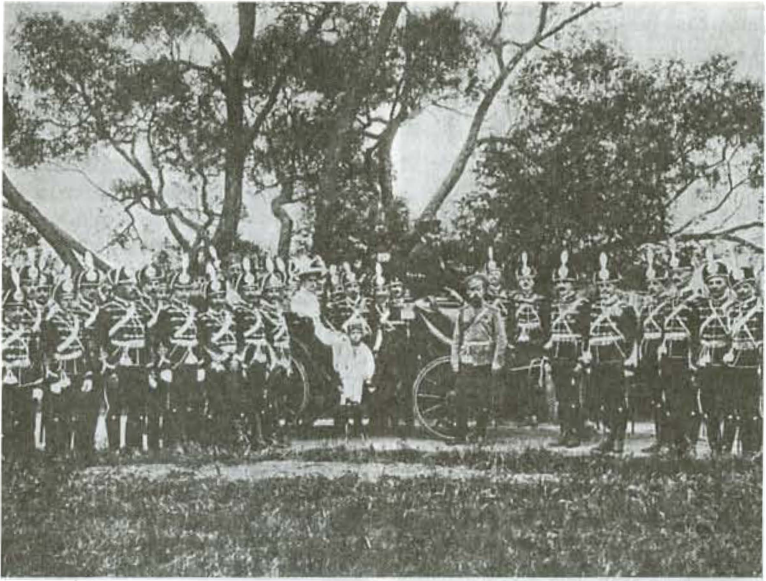
Ю.А. Слезкин

К.Н. Подушкин

Группа офицеров 1-го гусарского Сумского
и 1-го уланского Петроградского полков

Офицеры 5-го гусарского Александрийского полка
с Императором и его семьей

Офицеры 6-го гусарского Клястицкого полка

Генерал-майор П.В. Чеснаков

Полковник Д.И. Туган-Мирза-Барановский

Полковник Г.К. Пильберг

Полковник А.Я. Новов

Полковник В.И. Гранитов

Полковник В.З. Силаев и его сын
подпоручик Б.В. Силаев

Офицеры 16-го уланского Ново-
архангельского полка — полков-
ник С.Д. Кирсанов, ротмистры
Д.П. Ковалевский и А.А. Греков

Командир 6-го гусарского
Клястицкого полка полковник
Н.Н. Шишкин и Донской атаман
А.П. Богаевский (в форме 4-го
гусарского Мариупольского пол-
ка). 1919 г.

Штабс-ротмистр 18-го гусарского Нежинского полка В.Н. Подушкин, убитый 9 января 1919 г. под Гуляй-Подем

Группа чинов Крымского конного полка на встрече Нового, 1923, года в Югославии

Чины 4-го гусарского Мариупольского полка на службе в пограничной страже в Югославии. 1925 г.

Чины 5-го гусарского Александрийского полка на похоронах генерала П.Н. Врангеля. 1928 г.

Капитан Г.В. Яхонтов

Поручик Е.А. Долгополов

Полковник А.Г. Гогоберидзе

Полковник А.Г. Кузнецов

Там мы отпраздновали и наш полковой праздник — Покрова Пресвятой Богородицы.

Но вот, совершенно неожиданно для нас, пришел приказ немедленно отправляться на фронт в Северную Таврию, так как там положение стало тревожным. Полк незадолго перед тем получил лошадей, но часть эскадронов была еще пешей.

По прибытии в Таврию основная часть полка ушла на фронт, а небольшая часть его осталась вблизи Мелитополя, ожидая дальнейших распоряжений. Вскоре мы услышали орудийную стрельбу в районе Мелитополя. А через пару дней пришло приказание немедленно сниматься и двигаться в направлении на Геническ.

Так начался наш отход в Крым...

Было раннее утро. Еще было темно, когда мы тронулись, но не вперед, а назад. Стрельба была слышна с нескольких сторон. Мы шли параллельно железной дороге и по разрывам снарядов могли определить, что стреляют наши бронепоезда. Приблизительно около полуночи мы уже были в Геническе. Таким образом, в течение одного дня мы сделали около 80 километров. В городе же, у моста, мы должны были ждать очереди для переезда на Арбатскую стрелку.

Один из моих сослуживцев сказал мне тогда:

— Чем ждать здесь голодными, пойдем в один дом. Хозяев дома я знаю, там переночуем, подкрепимся, а утром догоним своих. Они наверняка будут отдыхать на стрелке и кормить там лошадей.

Я сразу согласился, и мы отправились к его знакомым. Действительно, там нас хорошо приняли, накормили, уложили спать. Крепко мы заснули тогда, усталые после такого перехода, скорее напоминавшего не отход, а поспешное отступление.

Среди ночи нас будят хозяева:

— Скорее вставайте! Скорее вставайте! В городе буденновцы!..

Мы выскочили на улицу. Творилось что-то ужасное: мимо летели подводы, куда-то скакали всадники, бежали люди... Где-то стреляли. Мы не знали, куда нам направляться.

И вдруг пришло спасение — одна из подвод остановилась и нас подобрала. Была выброшена часть груза, чтобы... нас спасти. В сброшенных же с подводы мешках оказалась мука — целое состояние по тому времени. Обладателями подводы были чины государственной стражи из Мелитополя. Я их до сих пор вспоминаю за их христианский поступок. Ведь муку тогда можно было свободно посчитать дорожке жизни двух каких-то незнакомых юношей!

В общем, вылетели мы из города и помчались дальше на юг. Остановились лишь верстах в двадцати от города, в большом селе. Мимо проскакали лихие казаки — Донская дивизия генерала Морозова. Эти донцы и выгнали красных из Геническа.

Мы немедленно возвратились в Геническ, отправились к мосту и благополучно перешли на стрелку. Говорили, что буденновцев было около двух тысяч. В районе Геническа была укрепленная позиция — окопы с проволочными заграждениями, которые почему-то не были заняты войсками. Красные же в ту ночь порубили и взяли в плен свыше пятисот человек.

И вот мы на стрелке. Это пустынная местность — с одной стороны море, а с другой — соленые озера, Сиваш. Ветер, холодно. Снега немного. Кроме полуразрушенных рыбачьих избушек, ничего нет. Жителей — тоже никого. Длина же стрелки более ста верст. Посредине — большое село. Когда мы к нему подошли, оно было уже набито массой подвод и людьми — солдатами, гражданскими лицами, военными обозами и всякими учреждениями.

Ночевали в переполненных хатах. Спали под столами, лавками, даже стоя, места нигде не хватало. А мороз все крепчал.

Но самое худшее было то, что мы были теперь одни, стражников с нами не было и мы остались без продовольствия. Где-то в пути нам дали немного муки, мы замесили ее вместо воды снегом и на углях испекли. И это была наша единственная пища в течение трех-четырех дней нашего отступления.

Но в конце концов нам снова повезло: уже около Старого Арбата нас подобрала подвода штаба нашей дивизии. Мы доехали до станции Владиславовка, где был расположен штаб. Владиславовка — узловая станция, от нее отходят два пути — один на Керчь, другой на Феодосию.

Команды 7-го полка стояли поблизости, в немецкой колонии. Эскадроны же были где-то на фронте, с одним из них был и мой дядя. О противнике ничего слышно не было. Здесь было спокойно, но немцы-колонисты смотрели на нас исподлобья. Видно, чуяли, что мы не надолго.

И действительно, как-то рано утром по телефону пришел приказ: немедленно снять линии и ускоренным маршем двигаться на Феодосию для погрузки на корабли. Наша армия оставляла Крым. Все было кончено — это был финал борьбы белых с красной нечистью на Юге России!

Остается рассказать о нашей погрузке в Феодосии и моих дальнейших приключениях в Константинополе и на Галлиполи.

ГРЕНАДЕРЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ⁶⁰⁸

Своим формированием в Добровольческой армии гренадеры обязаны неутомимому организатору, полковнику Б.П. Кочкину⁶⁰⁹, кадровому офицеру 12-го гренадерского Императора Александра III полка.

После ликвидации тайной антисоветской организации Савинкова и покушения на жизнь Ленина аресты в РСФСР офицеров приняла более организованный характер. По распоряжению советской власти в Москве было приказано всем офицерам явиться «на регистрацию» в манеж Алексеевского военного училища. Явилось до 10 000 человек, в том числе и полковник Кочкин.

Благодаря смелости и находчивости полковнику Кочкину удается бежать из манежа, так хорошо знакомого по юнкерским годам, проведенным в стенах этого военного училища. Многие из собравшихся нашли свой конец в тире соседнего с училищем Астраханского гренадерского полка.

В последующие дни полковник Кочкин пробирается на Дон, где уже мерцал факел Белого движения, манивший для легендарной борьбы сильных духом.

Очувшись на Юге России, полковник Кочкин получает в командование офицерскую роту в Марковском полку, но в то же время его не покидает мысль о возрождении гренадерской боевой славы.

Наконец ему удается приступить к формированию Гренадерского батальона, собирая повсюду офицеров-гренадер. С этого дня началась боевая работа Гренадерского батальона.

В начале мая 1919 года Кавказская Добровольческая армия генерала Врангеля, сосредоточенная в районе Маныча, была направлена по линии Тихорецкая — Царицын.

В это время Гренадерский батальон был развернут в Сводно-гренадерский полк и вошел в состав 6-й пехотной дивизии⁶¹⁰, участвуя в продвижении с боями в сторону города Царицына.

Под станицей Великокняжеской было нанесено сильное поражение 10-й советской армии. Была взята эта большая станица, большое число пленных и несколько десятков орудий. Началось постепенное продвижение, с боями на протяжении более 300 километров, на восток. Так проходит весь май месяц.

На усиление разбитых частей 10-й советской армии советское командование направляет из района Астрахани части 11-й советской армии.

Несмотря на то что Кавказская Добровольческая армия уступала по численности красным более чем вдвое, моральный подъем был на высоте.

Под станцией Котельников советская кавалерия прорвала наш фронт, но прорыв был скоро ликвидирован и армия продолжала свое продвижение. В первых числах июня была взята Сарепта, и войска подошли к укрепленному городу Царицыну. Первая атака города не удалась. Наши войска понесли большие потери и отошли. Второй атакой город был взят. В защите Царицына принимала участие советская Волжская речная флотилия, которая своим артиллерийским огнем очень задерживала наше продвижение. С ней удачно состязались наши бронепоезда.

В обход с запада Царицына была выдвинута кавалерия генерала Улагая, которая теснила красных к Волге. Согласно директиве Главнокомандующего вооруженными силами Юга России генерала Деникина, были даны следующие оперативные задания: армии генерала Май-Маевского было указано Московское направление; Донской армии генерала Сидорина — Воронежское направление и Кавказской армии генерала Врангеля — первоначально Царицынское, а по взятии этого города — направление Балашов — Саратов.

После падения Царицына красные делали попытки атаками вернуть «красный Верден», как они его называли. В одной из таких попыток, в бою 23 августа у Пушечного завода на северной окраине города, красные части матросов прорвали фронт на участке Саратовского пехотного полка, ворвались на Пушечный завод и захватили 1-ю батарею 6-й артиллерийской бригады⁶¹¹, стрелявшую уже на картечь. Из-за губительного огня батарея не могла быть взята в передки.

В момент этого боя я был свидетелем, как на этот участок прибыл генерал Врангель. Не задумываясь, он со своим конвоем бросается в атаку на матросов, прикрываемый с флангов огнем батарейных пулеметов, и восстанавливает положение. Батарея была спасена. Пушечный завод отбит.

Приказом Главнокомандующего в сентябре 6-я пехотная дивизия была переименована в Сводно-гренадерскую пехотную дивизию⁶¹², во главе с начальником дивизии генералом Чичинадзе⁶¹³. Все эти формирования были осуществлены в самых ответственных пунктах героического фронта беспримерной борьбы.

С сентября Сводно-гренадерская дивизия участвует в наступательных боях в северном направлении вдоль Волги на посад Дубровка и дальше на город Камышин Саратовской губернии.

К концу 1919 года Добровольческий фронт Юга России сильно растянулся от Волги до Днепра. На главных направлениях были взяты

города Царицын, Воронеж, Орел; но за неимением достаточных боевых сил и резервов обстановка стала изменяться в пользу красных, которые, сознавая серьезность положения, сосредоточили на своем южном фронте четыре армии и перешли в энергичное наступление. Обозначился постепенный отход белых армий к югу.

В декабре Сводно-гренадерская дивизия покидает Царицын и отходит при сильных морозах вдоль железнодорожной линии на Тихорецкую. На станции Абганерово останавливается на ночлег биваком в Горькой Балке, не позаботившись выставить охранение, и разводит массу костров. Красная кавалерия подходит осторожно к биваку. Ее разведка узнает, где находится штаб дивизии, и атакует сонную массу, вызвав сильный переполох и беспорядочную стрельбу. Происходят различные эпизоды индивидуальной защиты, особенно среди командного состава. Так, командир 3-го Сводно-гренадерского полка полковник Яковлев, ночевавший в доме штаба дивизии и разбуженный беспорядочной стрельбой, выбегает на террасу дома и мужественно отбивается шашкой от двух конных, которые не могут его достать с коней. Выбежавший офицер штаба из револьвера одного ссадил, другой ускакал.

Генерал Чичинадзе, воспользовавшись суматохой, вышел из дома и стал пробираться между вагонами железной дороги, но, достигнутый красными, был ими зарублен. Его погоны, о чем стало известно впоследствии, были отосланы в советский штаб. Дивизия, укомплектованная пленными красноармейцами, перестала существовать. Несколько ее батарей благодаря тому, что ночевали в окрестностях Абанерова, не пострадали, и впоследствии в Новороссийске их уцелевший личный состав был влит в Партизанскую генерала Алексева артиллерийскую бригаду.

Остатки пехоты, батареи и уцелевшие обозы продолжали отходить на станцию Тихорецкая. Под селом Белая Глина, 9 февраля 1920 года, были снова атакованы красной конницей и обстреляны артиллерийским огнем. Было видно, как сверкнули шашки над остатками нашей пехоты и лава красных пошла дальше.

В этом бою мне, не кавалеристу, в первый раз пришлось участвовать в конной встречной атаке. Наша лава создалась как-то стихийно, без команд из офицеров батарей, батарейных разведчиков и вообще всех конных колонн. По-видимому, атака была внушительной, так как красные ее не приняли, повернули и скрылись в селе. Только красная артиллерия продолжала состязаться с нашей, но в заключение была подавлена нашим огнем и отошла.

Переходами остатки дивизии дошли до Новороссийска, где были посажены на суда и 15 марта 1920 года доставлены в Крым. Здесь началась новая и последняя борьба за поруганную Россию.

В Крыму полковник Кочкин снова формирует Гренадерский батальон, который с другими частями участвует в десантной операции на Таманский полуостров, где несет громадные потери в личном составе, и его остатки с трудом возвращаются обратно в Крым. Так закончилась последняя попытка формирования гренадерских частей в Русской Армии Юга России.

*А. Кривошей*⁶¹⁴

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГРЕНАДЕРСКИХ ЧАСТЕЙ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ⁶¹⁵

Прошло много лет. Из памяти начинают улетучиваться не только фамилии, но даже подробности событий, которые следует отметить в истории своих частей.

Гренадерам не везло — им не удалось окончательно сформироваться. А жаль — у старых гренадер было горячее желание иметь свою часть. Что было причиной — сказать трудно: малое ли количество кадровых гренадер или вручение полков командирам не гренадерам, не заинтересованным в создании чуждой им части.

Первая гренадерская часть зародилась в Марковском полку Гренадерской ротой, которой командовал полковник Кочкин (12-го гренадерского Астраханского полка). Когда же начала формироваться Южная армия, то в ней был создан 2-й Сводно-гренадерский полк, где гренадеры составляли 2-й батальон. Полком командовал полковник Веревкин, бывший командир 5-го гренадерского Киевского полка. Полк участвовал в боях под Богучаром, Павловском и Бобровом.

По расформировании Южной армии гренадеры вместе с полковником Стремским отправились в город Екатеринодар, где полковник Кочкин формировал гренадерскую часть.

Окончательно сформированный в городе Армавире, Гренадерский батальон был отправлен в Торговую, где и принял участие в боях на реке Маныч в районе станицы Великокняжеской.

Отсюда батальон для развертывания в полк перешел в станицу Егорлыкскую. Сформировано было 16 рот, носивших наименования своих полков. Из станицы Егорлыкской полк отправился в город Царицын, где развернулся в дивизию, влив в себя остатки Астраханского и Саратовского корпусов. Дивизию принял генерал Писарев.

Дойдя до города Камышина, дивизия, ввиду начавшегося отступления фронта в августе 1919 года, отошла под Царицын, где сдерживала

наступление большевиков. В октябре гренадеры, когда Волга уже начала покрываться льдом, перешли на другой берег, но из-за изменившейся обстановки должны были через несколько дней вернуться. В это время дивизией уже командовал генерал Чичинадзе.

Дивизия, простояв до января 1920 года под Царицыном, начала отступать. Во время отступления на одной из станций железной дороги вблизи Царицына был сделан ночной набег большевиков. Зарублен был начальник дивизии, ранен в руку начальник штаба дивизии полковник Яковлев и взят в плен в числе других временно командующий полком 2-й гренадерский дивизии. Дивизию принял генерал Виноградов⁶¹⁶.

Проходя Гнилую Балку, на идущую походным порядком дивизию наскочил отряд большевиков, прорвавшийся сквозь донские части генерала Павлова и захвативший много офицеров в плен; несколько человек было зарублено.

На пополнение дивизия прибыла в город Екатеринодар, а 5 марта вышла на город Новороссийск. В пути, в станице Крымской, вследствие полученного распоряжения, дивизия, из-за своей малочисленности в личном составе, влилась в Алексеевский Партизанский полк⁶¹⁷ отдельным батальоном.

С Алексеевским полком прибыла в город Новороссийск и затем с ним же в город Керчь. В Керчи Гренадерский батальон вместе с Алексеевским полком влился в 152-й пехотный Виленский генерала Алексеева полк. По выделении гренадер из Виленского полка совместно с Алексеевским полком нес охрану побережья.

Вместе же с Алексеевским полком — третьим батальоном — ходил в десант на Кубань, высадившись выше Приморско-Ахтырской станицы. Сейчас же по высадке, оставив Кавказскую роту в Ахтарской, три роты двинулись в Свободные Хутора. Тридцать верст офицеры несли ящики с патронами. Позиции заняли, пройдя Свободные Хутора.

Бой начался в 3 часа ночи 2 августа 1920 года. Наступала большевистская дивизия с орудиями. Гренадеры, несмотря на потери, держались до двух часов дня. Не получая приказаний, не видя помощи, командир батальона полковник Смирнов приказал отступать. Большевики, преградив отступление к железной дороге, рубили всех, на кого натыкались. Зарублен был и полковник Смирнов. Наконец в пять часов дня большевики были выбиты.

3 августа было похоронено вблизи железнодорожной будки 59 человек. Всего же погибло более ста человек. Этот печальный день остался навеки в памяти гренадер, и ежегодно в этот день — 2(15) августа —

гренадеры служат панихиду по своим павшим товарищам. 3-й батальон Алексеевского полка перестал называться Гренадерским.

Перед самым уходом из Крыма в Акимовке начал формироваться Гренадерский полк. Формирование было поручено неизвестному старым гренадерам молодому полковнику Новицкому. Старые гренадеры не уходили из Алексеевского полка и перенесли с этим полком всю страду перехода за Днепр.

В Галлиполи я не видел отдельной гренадерской части.

К. Попов⁶¹⁸

ВОСПОМИНАНИЯ КАВКАЗСКОГО ГРЕНАДЕРА⁶¹⁹

1918 год

После объявления самостоятельности Грузии русским с каждым днем становилось все тяжелее и тягостнее жить на территории вновь образовавшейся республики. Правда, здесь не было кровавых гонений в виде массовых расстрелов и прочих видов истребления людей инакомыслящих, как это имело место в пределах Советской России, но объявление национализации всех государственных учреждений выкинуло за борт громадное количество русского чиновничества и мелких служащих, которые громадной волной устремились на Украину, где в то время было у власти гетманское правительство. Что касается бывшего русского офицерства, то новое правительство ограничилось снятием с него формы и запрещением иметь оружие.

В другой республике, образовавшейся на территории Закавказья, — Армении, — обстановка для русского населения сложилась более благоприятно. Армяне относились к русским вполне лояльно и более сердечно, русское офицерство, например, широко принималось на службу в Армянские национальные части, дисциплина в которых по тому времени была на значительной высоте.

Зная это, часть наших офицеров-эриванцев⁶²⁰ поступила на службу к армянам; так, например, мне было известно, что, кроме офицеров нашего полка армянской национальности, у них служили: наш бывший командир полка генерал Вышинский⁶²¹, мой командир батальона полковник Тимченко, наш бывший адъютант подполковник Шлиттер, капитан Тихонов и подполковник Снарский. По их отзывам, им служилось хорошо. Между прочим, когда умер у них на службе генерал

Вышинский, государство приняло похороны его на свой счет, а вдове назначило солидную пенсию.

Все это не улыбалось мне, я отлично сознавал, что ни в одной армии, кроме родной Русской, служить бы не мог, а потому предпочел временные мытарства по базару более сносному положению в войсках.

К этому периоду времени относится мое сближение со штабс-капитаном нашего же полка Пивоваровым, жившим как раз напротив меня по NN улице Миша Пивоваров, как называли его у нас в полку, был до того времени мне мало известен. Он незадолго перед революцией перевелся к нам в полк из 201-го Потийского полка. Перевод застал его в госпитале, где он лечился после ужасного ранения в область живота, полученного им 31 мая 1915 года в бою у Тухлы, в котором он командовал одной из рот Потийского полка. Это был тот Пивоваров, который принимал непосредственное участие в атаке немцев на Бзуре у Конского Брода в ночь с 6-го на 7 декабря 1914 года вместе с капитаном Сабелем. Стремление его в наш полк было столь сильно, что будто бы, когда получилось известие о состоявшемся Высочайшем приказе о переводе, он сказал: «Ну, теперь я знаю, что не умру». И действительно, оправившись от ран, он немедленно отправился в полк, где его временно назначили командиром нестроевой роты, учитывая то обстоятельство, что он еще не вполне оправился после полученных тяжелых ранений. Про последнее назначение Миша всегда говорил: «Это единственное темное пятно в моем послужном списке».

В августе месяце 1918 года в Тифлис приехал последний командир Эриванского полка полковник Пильберг⁶²² — наш общий друг. От него мы узнали, что полк расформирован в Туле, где сданы все дела и архивы, а знамя отвезено им в... и сдано на хранение одному верному человеку.

Однажды, зайдя как-то вечером ко мне, Пильберг сообщил, что он решил ехать в Добровольческую армию, о которой у него будто бы имеются кое-какие сведения. Ни Пивоварова, ни меня он с собой не звал и вскоре действительно уехал.

Слухи о появлении частей Добровольческой армии на Дону к тому времени стали все шириться, и какая-то смутная надежда не стала давать покоя. Вот я узнаю, что группа нашей молодежи, которых я не знал даже в лицо, а знал только по фамилиям, отправилась в Добровольческую армию. Я переговорил с Мишей и увидел, что он полон тех же желаний, что и я, и мы принципиально решили ехать — как только представится первый удобный случай.

Прошел еще месяц, как однажды я сталкиваюсь на улице с нашим бывшим уважаемым и любимым начальником дивизии генералом В.П. Шатиловым⁶²³. От него я узнал, что ехать в Добровольческую армию можно и нужно и что от него же можно будет получить необходимые сведения и указания.

Добровольческая армия

Ровно через три недели, 2 декабря 1918 года, мы с Мишей, ликвидировав все дела, а главным образом все вещи, ибо ехать приходилось на свой счет и нужны были деньги, садились на поезд, отправлявшийся в Потти. С нами ехала жена Пивоварова, женщина-врач, пожелавшая также принести посильную помощь в области, неразрывно связанной со всякими военными действиями.

Прождав два дня парохода, мы наконец попали на прекрасный пароход «Великая Княгиня Ксения», отходивший в Новороссийск. Погода благоприятствовала путешествию, и все было бы прекрасно, если бы Миша не простудился при погрузке. Спустившись в каюту, он сразу слег с повышенной температурой.

Я полагал, что у него началась «испанка», свирепствовавшая в то время в Тифлисе, но оказалось впоследствии, что заболел он воспалением легких.

Два дня мы шли у берегов кавказской Ривьеры, любясь прекрасными видами Сухума, Сочи, Гагр и Афона и наконец <...> на внешнем рейде Новороссийска прошли мимо потопленных судов нашего Черноморского флота, о котором, как надмогильные кресты, свидетельствовали торчащие из воды мачты потопленных миноносцев...

В Новороссийском порту стояло всего 2—3 парохода и не было обычного оживления большого портового города.

При разгрузке на палубу к нам взошел какой-то офицер, в котором я тотчас же узнал бывшего комиссара всех ударных батальонов прапорщика Иткина. Увидев меня, он подошел справиться, куда я желаю поступить, и выразил уверенность, что я попаду в Корниловский полк⁶²⁴. Мой ответ, что я думаю попасть в Сводно-гренадерский батальон, по-видимому, его разочаровал, и он вскоре от меня отошел.

Высадить Мишу в Новороссийске не представилось возможным, пришлось просить капитана парохода оставить больного в каюте на несколько часов.

Сойдя на берег, я готов был плакать от радости: всюду порядок, бодрые русские лица, офицеры в форме, на площадях производятся

учения и пр. В комендантском управлении сидели вежливые и предупредительные писаря, документы выданы были моментально... Все это рисовалось воображению как сказка.

Мише я явился в погонах и принес из города и его полушубок с нашитыми на нем нашими гренадерскими погонями. Мое радостное настроение и рассказы о виденном оживили его, и он, собрав все силы, встал, оделся, и мы отправились на вокзал, где поезда на Екатеринодар должен был отойти в двенадцать часов ночи. На вокзале была масса народа, стояла страшная духота, бедный Миша претерпевал страшные мучения, не имея возможности даже прилечь.

Наконец подали состав. С большим трудом удалось втиснуть в поезд Мишу. Какой-то офицер, видя его беспомощное положение, слез с верхней полки и предложил свое место Мише. Я сидел на каком-то свертке на полу. Коридоры вагонов были также забиты едущими офицерами в сидячем и лежачем положении.

Мише сделалось совсем плохо. В Екатеринодаре предстояло сдать его в госпиталь. В вагоне до самого утра шли боевые рассказы: тут я впервые услышал о знаменитом Ледяном походе, о всех ужасах Гражданской войны, о том, что пленных теперь не берут, и т. п. Когда я на чей-то вопрос сказал, что я гренадер и желал бы найти своих, то голос с верхней полки немедленно сообщил мне все подробности о гренадерах. Оказалось, что наша молодежь попала в Марковский полк, где и представлена была одним взводом, но несколько дней тому назад получено было разрешение формировать из всех гренадер отдельный батальон, и формирование это поручено полковнику Кочкину, московскому гренадеру. Формирование первоначально производилось в Екатеринодаре, а сейчас батальон в полусформированном виде перешел на дальнейшее формирование в Ставрополь. Последнее обстоятельство мне было не по вкусу, но делать было нечего. Утром мы прибыли в Екатеринодар, где на вокзале, я обратил внимание, стоял прежний жандарм, только как будто бы в теперешнем жандарме не было того блеска, тех колодок с медалями, того величественного вида старых жандармов, которым они отличались. Как приятно было видеть этот синоним порядка. Я невольно задержался, отводя душу давно невиданным зрелищем.

Начали выгружаться. Миша с трудом передвигал ноги, мы вели его под руки.

Так как город Екатеринодар для нас троих был совершенно незнаком, то решено было, что Миша с В.А. (его женой) останутся в зале 1-го класса, а я пойду на разведку.

Трамвай привел меня на угол Екатерининской и Красной улиц. Был яркий солнечный день. На Красной, по которой я свернул, двигалось

много народу, особенно военных; пестрели всевозможные формы. Здесь я впервые увидел корниловцев в их причудливо кричащей форме, марковцев в черном, шукуринцев в волчьих папах с хвостами, черкесов с зелеными повязками через папаху и пр.; у всех на рукавах красовались углы из национальных лент, обращенные вершинами книзу, — символом добровольчества.

Откуда взялись эти формы, эти невероятные сочетания малинового цвета с белым, черного с красным, эти черепа, скрещенные кости, смесь кавалерийских отличительных знаков с пехотными и прочие невиданные эмблемы, — невольно подумал я. Мне, свежему человеку, показалось, что каждый носит здесь ту форму, которая ему больше нравится.

Не прошел я и двух кварталов, как встретил нашего Пильберга. Его гордая осанка и манера ходить при значительном росте и богатырской комплекции сразу бросалась в глаза. Правая рука у него была на перевязи: оказывается, 1 октября, будучи помощником командира какого-то пластунского батальона, он был ранен ружейной пулей в кисть правой руки с раздроблением костей. Вид у него был, как всегда, молодцеватый и бодрый. Теперь он лечился в госпитале, помещавшемся в здании мужской семинарии.

После взаимных приветствий я изложил ему наше положение. «Мишу мы устроим в госпитале, а тебя тоже устроим... Хочешь, я тебя познакомлю с очень милой семьей». Я стал отказываться: сейчас не время, в другой раз, Миша ждет на вокзале и пр. «Ну хорошо, тогда пойдем ко мне». Я согласился, и мы пошли.

«Вот мы и пришли», — сказал он, входя в подъезд одного дома. Я машинально поднимался за ним.

Дом, в который мы пришли, сыграл крупную роль в судьбе многих эриванцев, и все мы, в нем жившие, навсегда сохраним в памяти все то светлое и хорошее, что мы видели от дорогих и благородных хозяев этого дома, и запечатаем в сердцах своих их имена.

После коротких рекомендаций я получил приглашение остановиться в имеющейся свободной комнате еще с одним офицером, прибывшим с фронта; затем мне были сообщены часы обеда, завтрака и чая и тем самым давалось понять, что я желанный гость.

«Как тебе не стыдно, Густав...» — говорил я, выходя уже на улицу. «Ничего, это свои люди, увидишь сам». Через два дня действительно я увидел, что люди не только свои, но ближе всяких родных, так далеко простиралась их заботливость и внимание ко всем нуждам офицера, находившегося у них в доме; а таких постоянно было не меньше 8 человек. Потом уже, когда прошло довольно времени,

когда многие из нас перешли по ту сторону бытия, когда в доме менялись лица офицеров, но не количество, надо мной любили подсмеиваться, и обыкновенно за столом задавался вопрос: «А скажите, пожалуйста, кто помнит, сколько дней мы были с Костей «на вы»?» В результате горячих споров на эту тему единогласно решили (а за столом бывало обыкновенно не менее 20 человек), что не больше одного дня.

С полковником Пильбергом мы пришли на вокзал, с тем чтобы перевезти Мишу в госпиталь. Миша был из рук вон плох, он мало говорил, а от высокой температуры у него текли слезы. Когда мы уже готовы были тронуться, я увидел знакомое лицо офицера, а Густав произнес: «Вот и Кумпаниенко, он только что вернулся из плена». Поручик Кумпаниенко предложил свои услуги в деле устройства Миши в госпиталь, ибо в госпитале, помещавшемся в N, его родственница была сестрой милосердия. Решено было взять его туда.

Госпиталь произвел на меня тягостное впечатление. Грубые сеники, такие же подушки, невероятно застиранное белье, растерянность персонала, не справлявшегося с количеством больных, сразу бросались в глаза. В громадной палате, приблизительно на 40 кроватей, едва нашлось одно место. Бедный Миша попросил только принести подушку.

На другой день, имея уже все необходимые документы, я зашел прощаться с Мишей и занес ему подушку. «Плохо мне, я не ожидал, что так сильно заболел. У меня нашили воспаление легких...» Еще несколько слов, и мы расстались навсегда; но еще раз я увидел дорогого Мишу в условиях исключительных по своей трагичности, к описанию которых я вернусь в дальнейшем своем изложении.

Согласно полученному предписанию, я отправился в Ставрополь. Батальон там уже я не застал, он был на позиции у деревни Северной. В Ставрополе же находилась только хозяйственная часть. Начальником хозяйственной части был полковник Илларион Иванович Иванов⁶²⁵, офицер Тифлисского полка, тот, что командовал батальоном в нашем запасном полку. Встретил меня он очень радушно и сейчас же устроил мне комнату. У него же я познакомился с 70-летним стариком — штабс-капитаном гренадером Мельницким, бывшим предводителем дворянства Новгородской губернии — теперь добровольцем. Старик, кроме громадной шашки, носил еще кинжал, благодаря чему имел комический вид. Я сначала подумал, что все его добровольчество не идет дальше обоза 2-го разряда, но потом убедился, что этот удивительный старик также спокойно ходит и под пулями, и делает свое дело без лишних слов, не за страх, а за совесть, — и невольно проникся к нему глубоким уважением.

Что представлял собой тогда Сводно-гренадерский батальон, я так и не уяснил себе, ибо назначения я никакого не получал в ожидании приезда командира батальона полковника Кочкина; последний почему-то задержался по делам. А через два дня после моего приезда была получена телеграмма от Пильберга, извещавшая о смерти Миши и о дне его погребения.

«Знаешь что, — обратился ко мне Илларион Иванович, — поезжай на похороны, ты его близкий друг, а на обратном пути привезешь заодно для батальона деньги». Дело было решено в пять минут, и я катил обратно в Екатеринодар.

Новая потеря дорогого человека, прекрасного офицера и джентльмена в полном смысле слова, тяжелым камнем давила мое сердце, и с невыразимо тяжелым чувством я переступал порог квартиры Мишиной вдовы. Но ее не оказалось дома, она только что уехала на кладбище откапывать еще накануне похороненного Мишу, так как предъявленный ей в мертвецкой штабс-капитан Пивоваров оказался вовсе не Мишей, а умершим в один день с ним солдатом-армянином.

Узнав об этом, я помчался на кладбище и застал такую картину: из разрытой могилы вынут был дощатый гроб; когда была снята крышка, то глазам присутствующих представился совершенно голый мертвец с запиской на груди: «Перебежчик Кеворк Саркисов». Этот перебежчик был не кто иной, как Миша. Он лежал немного на боку и как будто ежился от холода... В могиле было сыро, шел мокрый снег. Картина была столь потрясающая, что я буквально не мог прийти в себя много дней... Я ощущал весь ужас могильного холода и злой иронии судьбы.

Наклонившись к Мише, я поцеловал его в ледяной лоб. Так кончил свою жизнь этот доблестный офицер.

Оказалось, что, когда мадам Пивоварова пришла за телом мужа, врачи объявили ей, что необходимо сделать вскрытие, что ей, как врачу, должно быть понятно, что для науки это необходимо и пр. Условились, что завтра в полдень его похоронят с отданием воинских почестей. На другой день, то есть в день моего приезда, в 12 часов мадам Пивоварова пришла как было условлено. На дворе ждали почетный караул и музыка... и вдруг — одетым в эриванский мундир Миши — оказался чужой. Только после тщательных расспросов и справок удалось установить, что батюшка хоронил по описываемым признакам покойника вчера. Отправились на кладбище, разрыли могилу, и уже свидетелем остального я был сам лично.

В Екатеринодаре я задержался на целую неделю, так как подошло Рождество, а денег получить сразу не удалось. Поместился я вместе с Пильбергом в доме N. Однажды парадную дверь мне открыл сам Гу-

став.: «Знаешь, кого я тебе покажу, пойдем, увидишь», — причем слово «увидишь» он произнес как-то особенно загадочно с каким-то присвистыванием.

Зная все его манеры, я приготовился к сюрпризу, и действительно, не успел я переступить порог нашей комнаты, как попал в объятия Толи Побоевского, только что вернувшегося из Франции после пребывания на Салоникском фронте, куда он уехал в начале революции. Бесперывной волной полились рассказы то печальные, то радостные; под влиянием последних зарождались светлые надежды на лучшее будущее.

Решено было что 2 января мы вместе выедем в наш Сводно-гренадерский батальон, так как Толя ехал сюда именно с этой целью. Он не заехал даже домой повидать своих родных, которых не видел столько лет.

Встречали Новый год все у тех же дорогих Н., которые приняли и Толю под свое покровительство. Было очень весело, ибо твердо верило в скорое воскресение нашей дорогой Родины. Предстоящие испытания нас не страшили, и мы смело шли им навстречу.

2 января мы выехали в Ставрополь, причем ехали в вагоне 4-го класса, буквально сидя друг у друга на коленях; помню, Толя заснул в необыкновенно комичной позе, склонив голову на спину своего соседа-казака, в то время как тот спал, положив свою голову на колени Толи.

В Ставрополе мы получили приказание ждать особых распоряжений относительно нас и пока ничего не делали. В это время мы узнаем, что в госпитале лежит наш офицер поручик Снарский в очень тяжелом положении. Мы тотчас же отправились к нему и сначала было взяли его к себе, но ему сделалось хуже, пришлось вновь водворить его в госпиталь.

Здесь же, в Ставрополе, оказался и капитан Б., который вел какой-то странный образ жизни, почему-то уехал с позиции, жил в гостинице и на все вопросы отвечал сбивчиво и туманно.

Здесь же встретили мы и нашего артиллериста Беляева, с которым, по его любимому выражению, «посидели — поговорили».

Наконец и мы получили приказание догнать батальон, движущийся на станцию Минеральные Воды. В этот же день пришло известие о гибели моего товарища по выпуску — туркестанского стрелка капитана Земляницына, убитого у деревни Северной. Все знавшие его страшно сожалели об этой тяжелой утрате, а я тем больше, что не видел его с момента производства, много слышал о нем еще в Германскую войну, как о выдающемся офицере, и жаждал его увидеть. Но этому помешала все та же смерть.

В батальон нас отправлялось четверо: я, капитан Б., Побоевский и еще один прапорщик. Двигались мы медленно.

В это время части Добровольческой армии шли на освобождение Терской области от большевиков. Бои шли с неизменным темпом.

Когда мы прибыли на станцию Минеральные Воды, то узнали, что батальон наш ушел в Георгиевск; нам предстояло пересаживаться в товарные вагоны. Поезда не было. Наконец нам объявили, что где-то на 8-м пути стоит состав, готовый к отправлению. Отыскивали этот состав — влезли. Напротив нашего состава стоял громадный состав, отбитый у большевиков. Мы обратили внимание, что казаки, ехавшие с нами, шныряют по вагонам; мы заинтересовались и решили посмотреть, что там происходит. Увидели мы следующее: в каждом вагоне, груженном всякого рода амуницией, сбруей, домашней мебелью и просто рухлядью, царил невообразимый хаос — все было перевернуто, исковеркано и забрызгано кровью. Из-под хлама торчали руки и ноги расстрелянных большевиков, причем в каждом вагоне насчитывалось до десятка трупов; между ними-то и рыскали казаки, снимали сапоги и все казавшееся нужным — и носили. Делалось это без всякой брезгливости, деловито и серьезно. Подавленные этой картиной, мы только переглянулись и пошли к себе.

На станции мы слезли и пошли пешком в станицу Екатериноградскую, где расположился наш батальон. В штабе полка мы получили назначение: капитан Б. должен был формировать 5-ю роту из взятых пленных красноармейцев, я назначался к нему помощником командира роты, а Толя Побоевский — фельдфебелем.

Получив назначение, мы пошли повидать своих. День был морозный, невылазная грязь станицы была скована, а потому идти было легко. На окраине, около громадного оврага, шли занятия с ротами.

Увидев нас, несколько офицеров тотчас отделились и подошли к нам. Здесь я впервые увидел поручика Бориса Силаева⁶²⁶, младшего Беллинского, штабс-капитана Засыпкина, поручика Линькова⁶²⁷ и других офицеров 4-й роты.

Тут же на краю оврага лежали трупы расстрелянных большевиков. Никто и не думал обращать на это внимание — нервы не реагировали. В этот же день после обеда были выстроены люди новой 5-й роты. Картина представилась невиданная. Если из 50 человек, назначенных в роту, хоть двое имели сносный вид, то и слава богу; остальные были в каких-то рубищах, большинство было босиком, с ногами, завернутыми в тряпки; все поголовно дрожали от холода, а многие носили явные следы заболевания сыпным тифом. Это были только что взятые в плен красноармейцы, до белья раздетые победителями. Таков был обычай.

«Послушай! Куда мы с ними пойдём? — спрашивал Толя. — Разве они могут воевать?»

И действительно, через два дня нас погрузили в вагоны для следования в Моздок. Уже по дороге 15 человек окончательно слегли. Сыпной тиф неудержимо свирепствовал, больные валялись на полу по всем станциям, заражая ещё здоровых. Спасти от насекомых не представлялось возможным.

На станции Моздок нам представилось вновь редкое по своему ужасу зрелище. На путях стояло два громадных состава, один совершенно сгоревший, но сгоревший вместе с людьми, в нём находившимися. В вагонах стояли железные кровати, на которых лежало по одному или по два обуглившихся трупа. Черепа скалили зубы, как бы смеясь. В другом поезде я зашел только в один вагон 3-го класса, на котором красовалась красная надпись: «Коммунист № 1». Этот вагон был битком набит сыпнотифозными, из которых больше половины были мертвы и валялись голыми на полу... Картины в стиле гражданской войны, ожидающие своего художника.

Из Моздока мы двинулись на станицу Вознесенскую, где нам предстояло усмирить непокорных ингушей, но, простояв два дня в первой за Моздоком станице, мы получили приказание вернуться обратно в Моздок.

Приказание было крайне своевременное, так как Толя почувствовал себя скверно, и я понял, что он заболел сыпняком. Идти он уже не мог, я уложил его на подводу, а сам с вольноопределяющимся М.С., сыном нашего же эриванца, проконвоировал Толю до больницы, куда и сдал его немедленно. В этот же день вечером у меня началась страшная головная боль и поднялась температура; я переборол себя и отправился на собрание господ офицеров батальона, назначенное в этот день. Что решалось на этом собрании, я совершенно не помню; когда я обратился к находившемуся там доктору с просьбой осмотреть меня, он мне прямо сказал: «Чего вас осматривать, вам нужно ложиться в постель — у вас сыпняк».

Здесь же он написал мне препроводительную бумагу, и я отправился в ту же больницу, куда накануне сдал Толю. Положили меня сначала отдельно, а на другой день перекатили мою кровать в соседнюю палату и поставили рядом с Толиной. Толя был без сознания. Я почувствовал как бы облегчение — все же рядом со своим, а в голову навязчиво лезла мысль — выкрутимся ли мы на этот раз? Неужели суждено так бесславно умереть? Дальше шел период забытья... Временами, когда я приходил в себя, я просил согреть мне ноги и справлялся, живой ли Толя. Мне ставили бутылки, говорили, что Толя жив, и я опять впадал в забытье.

Толя боролся с тифом с большим трудом, ему постоянно вспрыскивали камфору. У меня организм был значительно сильнее, и я обходился своими средствами.

Прошло недели две — было 15 февраля. Толя впервые со мной заговорил, кризис миновал. Мы были страшно счастливы, что такая опасность нас миновала. Теперь мы могли наблюдать, куда мы попали и в каких условиях мы находились.

Наша больница была как раз в центре города против церкви, она была очень мала и вмещала всего 15—20 кроватей. Лежали в ней только офицеры. Оборудование больницы оставляло желать многого, а питание было из рук вон плохо. Мы буквально голодали. На всех больных была одна сестра и один санитар, доктора же почему-то менялись чуть ли не через день. Все выносила на своих плечах героиня сестра, не знавшая абсолютно отдыха. К глубокому сожалению, ни имени, ни фамилии, ни облика ее я не помню, в то время перед глазами стояла какая-то сетка, в ушах шумело, все казалось в тумане

Мы неудержимо стремились как можно скорей уйти отсюда, уйти из этой душной обстановки — стона и безумного бреда. Нужно было дожидаться какого-то дня, не то пятницы, не то вторника, и идти на комиссию. Еще накануне мы сделали репетицию вставания, но не совсем удачно, и я побаивался, что и назавтра ничего не выйдет и нам придется ждать еще целую неделю. Страх этот придавал нам силы, и мы к назначенному времени встали, оделись и, поддерживая друг друга, отправились на комиссию, которая заседала за три или четыре квартала — тоже в госпитале. С нами же отправился на комиссию и наш сосед — ротмистр граф Стенбок, одновременно с нами воскресший из мертвых

Госпиталь, в который мы явились, был битком набит тифозными, которые, за неимением кроватей, лежали на сенниках без простынь прямо на полу. Впечатление получалось безотрадное.

Комиссия, к счастью, нас не задерживала — тиф кладет серьезные отпечатки не только на лице, но и на всем силуэте, посему каждому из нас троих без долгих размышлений дали отпуск на два месяца. Но отпуск отпуском, а где же и на какие средства поправлять свое здоровье? В кармане у меня и у Толи оказалось всего пять рублей Ставропольской городской управы, которые не имели ценности в Моздоке, но нам повезло, за них мы получили пять бубликов.

Видя наше затруднительное положение, граф Стенбок пришел нам на помощь и дал взаймы пятьдесят рублей какими-то более употребительными деньгами.

Все мы решили ехать в Екатеринодар. Граф Стенбок имел там знакомых, а мы решили ехать к своим дорогим Н. За время нашей болезни станцию Моздок привели в относительный порядок, но буфет работал слабо и, когда-то изобиловавший всякой снедью, теперь не имел в достаточном количестве даже хлеба. Поезда на Минеральные Воды пришлось ждать до 2 часов ночи, где вагоны не имели никаких печей. С большим трудом удалось выпросить у коменданта станции одну теплушку, в которой, кроме печки, абсолютно ничего не было. Дров не было, и негде было достать, все наши поиски в этом направлении не увенчались серьезными результатами. К нам попросились в вагон еще два офицера, точно в таком же состоянии, как и мы, только перенесшие тиф, — мы их приняли. Посадка в вагон теперь сильно усложнилась и была делом общим, никто из нас не мог самостоятельно взобраться на такую высоту, какой являлся для нас товарный вагон, не имевший ступенек, и потому все подталкивали снизу первого, а затем по очереди втаскивали остальных. Наша полная беспомощность особенно рельефно сказалась на первой же станции, когда нам понадобилось открыть дверь. Как ни напрягали мы усилия все впятером — дверь не поддавалась, пришлось звать на помощь извне. Мы начали стучать в дверь и кричать, но никто не откликнулся. Наконец посылались шаги и голоса — два каких-то казака вняли нашим мольбам и с шумом откатали дверь.

Мы объяснили им, что ослабели после сыпного тифа, рассказали, что не имеем дров, и, когда узнали, что им с нами по дороге, пригласили их ехать в нашем вагоне. Станичники охотно согласились, крикнули еще двух своих приятелей, и уже в дальнейшем пути мы не испытывали ни недостатка дров, ни других неудобств, о которых я только что говорил.

Трудно было нам добраться до Минеральных Вод, откуда начиналось в то время правильное сообщение пассажирскими поездами с Екатеринодаром.

Так как мы были без денег, то решено было сначала отправиться в хозяйственную часть в Армавир, чтобы получить наше скудное жалованье и заплатить долги. Я бы и не останавливался на этом незначительном эпизоде, если бы на станции Армавир не произошла бы встреча, о которой мне приятно вспомнить. Получив жалованье, мы с Толей решили пообедать на вокзале в ожидании поезда. Поезд должен был идти ночью; неизбежно приходилось ждать поезда. Толя от усталости и слабости за столом уснул.

Вдруг к нашему столу подходит генерал: «Вы что тут делаете?» Толя проснулся, вскочил и сразу просиял. Перед нами стоял генерал Купцов⁶²⁸ «Ну вот что, едемте ко мне, со мной экипаж, относительно

поезда не беспокойтесь, я вас доставлю своевременно обратно», — скомандовал Александр Никифорович.

Генерал Купцов оказался начальником гарнизона Армавира. В гостинице, в которой жил Александр Никифорович, был сервирован стол, и, к нашему глубокому изумлению, на столе появилась бутылка «Кახетии № 2». Часа три мы провели в дружеской беседе, вспоминая все пережитое и делясь впечатлениями на современные темы, и незаметно подошло время отправляться на вокзал. На этот раз заботами Александра Никифоровича нас ожидали все удобства, и через час мы спали мертвецким сном, мерно раскачиваясь на диванах отдельного купе. Пробудились мы от сильного расталкивания кондуктора. Оказалось, он забыл нас разбудить в Тихорецкой и мы подходим уже к Сосыке. Кондуктор решил исправить ошибку и предложил нам слезть на первой же станции, ибо навстречу должен пройти скорый поезд на Екатеринодар, который хотя и не останавливается здесь, но он обещал принять меры, чтобы поезд замедлил ход. Предстояла трудная операция, но желание попасть скорее в Екатеринодар было так сильно, что мы согласились на это рискованное предприятие. Вот мы вылезли, наш проводник переговорил с кем надо, и мы остались ждать. Скоро громадные фонари приближающегося поезда ослепили нас, и, замедляя ход, но не останавливаясь, он готов был от нас ускользнуть. В эту решительную минуту Толю кто-то подтолкнул, и он благополучно взобрался на платформу, я же потерял равновесие и готов был скатиться под колеса, как чьи-то сильные руки приподняли меня и швырнули на площадку, вслед за этим на голову мне упали один за другим наши свертки... Я был не только спасен, но и не опоздал на поезд.

Утром две шатающиеся и поддерживающие друг друга фигуры звонили в дом N. по N улице.

Увидя нас в таком состоянии, застонал от сочувствия весь дом и были приняты радикальные меры, чтобы в кратчайший срок поставить нас на ноги. Меры привели очень скоро к блестящим результатам, и через месяц мы с Толей уже подумывали, куда бы нам поехать. В Сводно-гренадерский батальон нас не тянуло, так как все там виденное не могло прельщать нас. Густав же поддерживал в нас уверенность, что вскоре разрешится вопрос с самостоятельным формированием полка из кавказских гренадер и тогда мы будем ему нужны. Решено было, что Толя поступил в танковый дивизион, а я во вновь открывающееся Кубанско-Софийское военное училище. Так мы и сделали. Кубанско-Софийское военное училище считало свое начало от одной из киевских школ прапорщиков, находившейся на Софийской площади⁶²⁹ и эвакуированной в свое время на Кубань.

Юнкера этой школы участвовали в Кубанском походе и в большинстве погибли в многочисленных кровавых боях. Желая сохранить название столь доблестной школы, кубанское правительство, взявшее на себя содержание вновь формируемого училища, постановило наименовать училище Кубанско-Софийским⁶³⁰.

К сожалению, молодое, но имеющее свою боевую историю училище попало в весьма неподходящие руки братьев Щербовичей⁶³¹, из которых один был начальником училища, другой — командиром батальона, третий — преподавателем артиллерии, и четвертый все ожидался для кафедры истории. Рот, или, как их называли, сотен, было две. Училище расквартировано было в двух различных местах по частным квартирам. Помещения были малы, оборудование чрезвычайно скудное, пособий учебных почти никаких, все лекции заучивались по запискам. Элемент, комплектовавший училище, — кубанские казаки, — в боевом отношении был отличный, но отличался крайне скудной общей подготовкой. Средний образовательный уровень колебался между 4-м и 5-м классами среднеучебных заведений. Ко всему этому прибавилась еще политика на самостийной почве, что создало совершенно невозможную для занятий обстановку. Не было даже известно, какой срок обучения должны пройти юнкера, а отсюда вытекала полная бессистемность в занятиях.

Попал я в первую роту к полковнику Пуценко⁶³², бывшему ротному командиру еще Киевской Софийской школы прапорщиков. Этот милейший человек и прекрасный офицер только разводил руками и говорил: «Ну что я-то могу сделать?» Три месяца пробыл я в училище в качестве курсового офицера, когда, наконец, пришло долгожданное известие, что в Царицыне формируется Сводный полк Кавказской гренадерской дивизии. Густав писал мне: «Если ты еще можешь воевать, для тебя всегда найдется место». Дальше перечислялось, кто из эриванцев приехал, кто может приехать и прочие новости. Толя получил аналогичное письмо.

Я выехал через три дня. Со мной изъявило желание ехать человек пятнадцать юнкеров, но из них пустили только одного, и то после усиленных просьб.

2-й гренадерский полк. Царицынское направление

В Царицыне на вокзале я встретился с полковником нашего полка Гранитовым⁶³³, который уже побывал в полку, а сейчас возвращался из служебной командировки из Екатеринодара; мы ехали, таким образом, в одном поезде и этого не знали.

Царицын — большой торговый город, в то время почти мертвый, понемногу начинал возвращаться к жизни. Большевики наложили свою сатанинскую печать на весь облик города и жителей.

К моменту моего прибытия бывший Сводно-гренадерский батальон, пользовавшийся в свое время чрезвычайно мало лестной боевой репутацией, переформировался в дивизию, причем предположено было каждую из бывших гренадерских дивизий представить одним полком, с тем чтобы батальон имел название соответствующего полка. Таким образом, наш Сводный полк Кавказской гренадерской дивизии должен был иметь первый батальон Эриванский, второй Грузинский и т. д.

На деле этого не получилось. Сформированными оказались два полка: 1-й Сводно-гренадерский полк из московских гренадер и наш 2-й Сводно-гренадерский полк, каковые и вошли в состав 6-й пехотной дивизии генерала Писарева.

1-й Сводно-гренадерский полк был 3-батальонного состава, тогда как наш полк — только однобатальонный — 4-ротного состава. Каждая рота нашего полка называлась по своим полкам, причем соответственно мы — эриванцы — были представлены сильнее других, за нами в порядке постепенности шли мингрельцы, тифлисцы и грузинцы. Последние не имели в своем составе ни одного кадрового офицера.

Полк имел знамя и одну из серебряных труб Мингрельского полка, каковые были привезены из Тифлиса офицерами-мингрельцами.

Командные должности в полку распределены были так: 1) командир полка полковник Пильберг (эриванец), 2) полковой адъютант штабс-капитан Рычков (эриванец), 3) помощник адъютанта штабс-капитан Александров (грузинец), 4) помощник командира полковник Иванов (тифлисец), 5) начальник хозяйственной части полковник Кузнецов⁶³⁴ (эриванец), 6) командир батальона полковник Талише (мингрелец), 7) командир 1-й Эриванской роты полковник Гранитов (эриванец), 8) помощник командира роты штабс-капитан Попов (эриванец), 9) младший офицер поручик Борис Силаев (эриванец), 10) младший офицер поручик Богач (эриванец), 11) младший офицер поручик Мохов (эриванец), 12) младший офицер поручик Мохов (эриванец), 13) младший офицер прапорщик Шаталов (эриванец), 14) кадровый подпрапорщик 13-й роты Гончаров (эриванец).

Грузинская рота: 1) командир — штабс-капитан Засыпкин, 2) помощник — прапорщик Осадчий (бывший подпрапорщик Грузинского полка), 3) прапорщик Абт, 4) поручик Жильцов.

Тифлисская рота: 1) командир роты — поручик Резаков, 2) фамилии не помню, 3) фамилии не помню.

Мингрельская рота: 1) командир — штабс-капитан Лепин, 2) помощник — подпоручик Шах-Назаров, 3)...

Пулеметная команда: начальник — поручик Братшау-младший, штабс-капитан Братшау-старший; младшие офицеры: поручик Линьков, поручик Павлов.

Команда связи — капитан Гаврилов (мингрелец).

При штабе полка: поручик Богомолов (мингрелец), командир нестрелковой роты — штабс-капитан Мельницкий.

В таком составе застал я формирующийся полк. Для формирования дивизии были отведены так называемые студенческие казармы — бывшие казармы N полка, стоящие на высоком месте недалеко от Волги. Мы, эриванцы, собравшиеся в далекий и чуждый Царицын для формирования полковой ячейки, понимали, что нас мало, что многие могли быть с нами, но их не было. Причин, почему их не было с нами, было много. Одни, да будет им стыдно, как всегда, старались не делать того, что могут сделать другие; это те самые, что в Германскую войну не успели побывать ни в одном бою, это типичные тыловики «ловчиль», за которыми не должно сохраниться почетное имя «лейб-эриванцы», имена их всем эриванцам хорошо известны, и я не возьму на себя труда перечислять их имена. Ко вторым относятся те, что из-за причин материального свойства не могли оторваться от семьи, от полученной уже службы и пр.

Тех жаль, потому что они забыли слова: «И для славы его не жалея ничего».

Третьи, возвращаясь из плена, заблудились, если так можно выразиться. Так заблудились наши доблестные однополчане, подпоручики Зуев и Долженков⁶³⁵; первый, попав в 11-й Донской полк, а второй — в лейб-гвардии Гренадерский. Оба они сумели поддержать славу полка на стороне, и, конечно, не их вина, что они не нашли нас, а мы их.

И наконец, к последней группе нужно отнести тех, что погибли героями в самом начале Гражданской войны, предпочитая смерть позору.

Мы знаем и запомним светлые имена: капитана Бориса Гаттенбергера⁶³⁶, капитана Николая Четыркина, поручика Дмитрия Белинского и подпоручика Солнцева. Мы гордимся этими именами, как и тем, что нет ни одного эриванца с революционным именем, что нет ни одного эриванца в Красной армии. Этим мы доказали, что двум богам не молились... Нас было мало, но недаром говорят: «Дело не в количестве, а в качестве», — и действительно, если разобрать всех начальствующих с точки зрения военных качеств, то аттестация получится выдающаяся и не будет удивительно, что четырехротный полк сначала силою 500, а потом 400 штыков делал такие дела, которые могли сделать честь исто-

рии любого полка старой Императорской армии. Кто из эриванцев не знал спокойного, выдержанного, умного и хитрого Густава, кто не побаивался его колючего языка? Этот офицер увел с честью с фронта остатки Эриванского полка, унес его святыню — знамя и передал его в надежные руки, веря в светлое будущее России и в воскресение полка.

Этой верой Густав заражал младших и, указывая им верный путь, обильно и часто орошал его своею благородной кровью.

Таков был командир. Его помощник, Илларион Иванович Иванов, офицер Тифлисского полка, закаленный в боях воин, еще в Японскую войну пронизанный двумя пулями навывлет в грудь, невозмутимый на поле боя, высокогуманный человек, тонко понимающий психологию русского солдата. Его невольные ошибки искуплены его геройской смертью.

Что касается третьего героя, А.Г. Кузнецова, этого железного человека с необычайной силой воли и духа, то при одном воспоминании о том, что его уже, быть может, нет в живых, становится жутко, ибо на нем и на его имени у меня зиждилась и зиждется надежда о будущем полка.

О Гранитове, моем ротном командире в Гражданскую войну, я получал представление как о боевом офицере — впервые, точно так же, как и он обо мне. И должен признать, что, будь Гранитов в полку с самого начала войны, его имя стояло бы наравне с именем Сабеля, Пильберга, Геттенбергера, Хржановского, а полк несомненно увеличил бы формат страниц своей истории, дабы дать место описанию дел и этого офицера.

Признавая, что все остальные офицеры полка были доблестны и храбры, что будет видно из дальнейшего повествования, я хочу сказать несколько слов о дорогом и незабвенном Борисе Силаеве.

У нас в полку было много сверстников Бориса — сыновей или родственников наших же офицеров, но из них настоящим эриванцем был только Борис. В нем первом закипела молодая горячая кровь, которая по непроторенной дорожке толкнула его в туманную еще тогда Добровольческую армию. Это он в многочисленных и никому из нас не известных, но страшных по жестокости боях под Армавиром, Ставрополем, в Ингушетии и на Маныче, среди чужих, гордо произносил имя родного полка, когда случайные соратники его, удивленные неустрашимостью и никогда не покидающим его прекрасным настроением, интересовались именем полка, его воспитавшего. Он был тем мстителем от нашего полка, который дал понять русскому народу в тот особенно страшный период Гражданской войны, что офицер тоже человек, что он так же хочет жить, как и все, и имеет на это больше прав, так как больше и сознательнее любит Родину... и что когда преступно направленная рука

народа попыталась задушить офицерство, то оно в лице таких же, как Борис, не дало резать себя, подобно агнцу, а решило умереть с оружием в руках, как подобает каждому храброму офицеру; Четыркин и Белинский могут спать спокойно... они отомщены.

Таков был офицерский состав полка. Гренадеры из мобилизованных и пленных красноармейцев на первый взгляд не внушали доверия, да многие и в действительности больше симпатизировали красным, чем нам, но и среди них были не только лояльные солдаты, но и убежденные противники большевиков. Из старых кавказских гренадер к нам попали двое, 9-го года службы, — эриванец и тифлисец, оба верные люди.

В общем, нужно сознаться, идти в первый бой «со многими неизвестными» было довольно жутко, но я возлагал большие надежды на то, что после первого боя все ненужное и вредное отсеется; так оно и случилось. Так стоял вопрос укомплектования личным составом; что касается вооружения, то нужно отметить, что новоявленное чудо Гражданской войны — пулемет на тачанке имелся у нас в полку в количестве шести экземпляров «максима» и с этой стороны мы, казалось, были обеспечены. Обмундирование у офицеров и солдат было пестрое — добровольческое. Особенно курьезным был Борис Силаев, в штатских ситцевых брюках в полоску с обмотками и в онучах, так как незадолго перед этим, когда он был еще в Сводно-гренадерском батальоне, его вещи, вместе с обозом, достались после какого-то неудачного боя красным. Купить же новое в то время не представлялось никакой возможности по скудности офицерского жалованья.

26 июля в 4 часа дня мы выступали из Царицына по Саратовскому тракту в направлении на Камышин, который в то время уже был занят нашими частями.

Первая ночевка была у деревни Орловки, которая месяц спустя сделалась центром кровавых боев за обладание Царицыном. Шли мы вдоль Волги, проходя по очереди Ерзовку, Пичугу, Дубовку, Песковатку, Водяное, Пролейку, Балаклею.

Наконец, 6 августа пришли в Камышин, где нас встретил наш начальник дивизии генерал Писарев, занимавший впоследствии крупные посты в Добровольческой и Русской армиях.

В Камышине к нашему полку были присоединены 2 роты Астраханского полка⁶³⁷ с их командой разведчиков, что увеличило наш полк по численности вдвое. К тому же оказалось, что астраханцы — все добровольцы, великолепно дравшиеся с красными не за страх, а за совесть. Если не ошибаюсь, эти две роты представляли собой остаток полка, незадолго перед нашим приходом геройски погибшего на ле-

вом берегу Волги. Астраханские роты сохранили целиком свою организацию и влились в наш полк, как 5-я и 6-я роты.

В Камышине мы не задерживались и, не доспав ночи, вышли из города по направлению к колонии Мариенфельд.

Идя по степи, я никак не думал встретить еще одного старого знакомого, — смотрю, скачет с ординарцем не кто иной, как полковник Манакин⁶³⁸. Я искренно обрадовался этой встрече, и мы расцеловались. Я ценил полковника Манакина за то, что он удивительно быстро оценивал обстановку в очень ответственные моменты в 17-м году и тонко проводил за нос социалистических деятелей, ему доверявших. Он проводил в жизнь принципы революционной инициативы. Никаких препятствий для него не существовало, когда нужно было что-нибудь быстро и неотложно сделать. Не было, кажется, таких героических мер, на которые бы он не решился. В Добровольческой армии его не баловали... И, помню, в ноябре 19-го года я встретил его в Ростове, где, если не ошибаюсь, он держал уже путь к адмиралу Колчаку.

В этот день мы получили боевую задачу: сдерживать напор красных на окраине деревни Барановки и не дать им переправиться через реку Иловлю у той же деревни. Фронт давался батальону 4 версты. Дистанция солидная.

Когда роты разошлись, нас осталось совсем мало — горсточка. Расставили взводы, навели пулеметы и начали осматриваться. Впереди шел бой. Можно было видеть лавы конницы, то подававшейся назад, то опять переходившей в наступление. Гудели орудия. Справа выкатился наш доморощенный бронепоезд и стрелял куда-то вдаль.

Вечерело... затихал бой... и только один бронепоезд не унимался. От времени до времени резкий звук орудийного выстрела прорезал воздух и молния освещала темные силуэты близрастущих деревьев. Наутро бой возобновился. Уже чаще была артиллерия с обеих сторон, дымки шрапнели не успевали расходиться над лавой, как появлялись новые. Бой как будто приближался.

Я с Гранитовым полезли на крышу соседнего дома — оттуда было все видно как на ладони. У Володи сохранился еще «цейс».

После полудня к орудийному огню присоединилась трескотня пулеметов, лавы нашей конницы начали подаваться назад. Со стороны красных показался пушечный броневик, который и решил исход боя. Наша кавалерия бросилась стремительно назад. Даже проскакав версты две, она не могла сдержать своих коней и неслась мимо нас. Громыхали повозки и орудия. Мы не остались безучастными и приняли некоторые меры к остановке панического бегства. Преследование вел броневик. Положение было серьезное.

Тогда бывший с отступающими частями генерал Шеголев⁶³⁹, командир Конно-артиллерийского дивизиона, остановил одно орудие и лично открыл огонь по броневнику, чем заставил его немедленно ретироваться. Паника сразу улеглась и части стали собираться... но обозы.. нашей кавалерии были, увь... утеряны.

К нам всю ночь подъезжали конные и справлялись, не знаем ли мы, есть уже в балке красные. «Там наши повозки застряли», — поясняли они... и видно было — страдали станичники

Под утро был получен приказ отходить за деревню, а когда прошли деревню, то, не останавливаясь, углубились в степь. Шли мы долго, пока не подошли к деревне Олени, где переночевали в поле, лежа в цепи. Наутро нас перевели еще верст на пять вправо. Без карты очень трудно было ориентироваться, а карты этого района были и очень редки и к тому же не точны

Роты были разведены по участкам, и опять мы, эриванцы, остались в одиночестве. Телефонов и не думали тянуть, ибо слишком велики были интервалы. Рота окопалась.

С правого фланга к нам подошли две кубанские тачанки с пулеметами и стали на линии наших окопов, совершенно не маскируясь. Так простояли мы целый день. К вечеру небо нахмурилось и хлынул дождь. Дождь шел всю ночь и вымочил нас до костей. Мы терпеливо ждали, что будет.

Ночью кубанцы получили сведения от перебежчика, что к красным подошла бригада донской конницы и что в соседней деревне целиком стоит 28-я «Железная» дивизия товарища Азина, которая прибыла с фронта Колчака, и что на завтра им назначено наступление.

Пришел Гранитов, ходивший к Пильбергу. Сведения, которые он принес, были неутешительные. Все, что говорили казаки, подтвердилось. «По-видимому, будет дан приказ отступить», — добавил он.

Через час, когда начало светать, началась где-то справа перестрелка, но никого и ничего не было видно. Дождь в это время прекратился. Перестрелка усиливалась, все повернули из окопа головы на меня и Гранитова, как бы вопрошая, как быть. Конницы уже час тому назад от нас ушли. Но вот бежит связник... приказано немедленно отходить.

Всех охватывает неверное настроение, шаг невольно ускоряется.

Проходим версты две и спускаемся в деревню N. и идем по дну лощины, где расположены огороды.

Ни на ком из нас нет сухой нитки. В деревне, когда мы ее проходили, начиналась паника; обозы и артиллерия с трудом вылезали по раскисшей дороге.

У красных появился броневик с пушкой Гочкиса, который то там, то здесь разбрасывал свои маленькие снаряды, не причиняя никакого вреда.

Путались по балкам мы довольно долго. Увидев хорошую горку, мы поползли на нее. Когда мы добрались до самого верха и увидели всю панораму наступления красных, настроение у всех еще больше понизилось. Нам приказано было спуститься с высоты и принять влево на скат значительной седловины.

Добравшись до назначенного нам места, мы рассыпались в цепь, пулеметы на тачанках по тактике Гражданской войны расположились в цепи при каждой роте. На той горе, откуда мы только что ушли, располагался наш 1-й гренадерский полк. Значительно дальше, вправо, на больших относительно высотах окапывались пластуны. Но вот пошел опять дождь, стало холодно и темно, — облака шли низко-низко. Около меня лежит какой-то гренадер в порванной рубахе, под которой видно голое тело, он дрожит.

Через час дождь прекратился, облака местами разорвались, показались клочки голубого неба и мгновенно началась стрельба. Стреляли десятки пулеметов. Красные возобновили наступление.

«Что с нами будет, если нас обстреляет артиллерия, когда мы лежим ногами вверх без всякого укрытия, как мокрые курицы», — заговорил я с Владимиром. «Да, сегодня плохая для нас обстановка, а впрочем, увидим».

Показались цепи красных. Их было так много, что только первая их цепь была вдвое гуще и длиннее всего нашего расположения, а за ней показывались все новые и новые.

На самом командующем пункте нашей позиции, на седловине, стоял Густав, мы попросили его передать нашей 5-й гренадерской батарее открыть огонь. Батарея почему-то медлила, красные надвигались, а тачанки их засыпали нас пулями. Артиллерия красных безмолствовала. Вот мы видим, показывается всадник с красным знаменем. Роты открывают огонь. Красные не ложатся — идут. Заговорила наша артиллерия, один снаряд попадает в тачанку, и пулемета нет. Поручик Линьков на ближайшей тачанке изготовился к бою. На правофланговой тачанке замер в ожидании команды поручик Павлов. Вот сразу все наши пулеметы неуверенно проводят строчку. Потом пауза — и огонь на поражение. Цепи красных редеют, они падают, поднимаются, видно, как пулемет скашивает подряд 3—4 человека, но порыв их силен, они идут. Уже нас отделяет 200—300 шагов, огонь достигает наибольшего напряжения. У Линькова задержка; он не справляется с ней и перебегает на другой пулемет. Тачанка ползет на седловину, на нее

косятся из цепи. Пули роют землю то тут, то там, мы несем серьезные потери; все время тянутся раненые, то в цепи кто-нибудь вдруг вздрогнет и повернется на бок или замрет, эти оставались на месте.

Первая цепь красных спустилась уже в овраг, что шел параллельно нашему фронту. Вторая цепь остановилась и открыла огонь с колена. Положение принимало серьезный оборот. Принять штыковую атаку ни я, ни Гранитов не решались, ибо не уверены были в людях. Инициатива всецело была в руках красных. Густав, наблюдавший все это и переживавший те же чувства, что и мы, в последний момент подал сигнал отходить. Вырвался вздох облегчения, теперь только перевалить за седловину. Перевалили благополучно. Рота не понесла потерь в офицерском составе, зато треть гренадер, по крайней мере, осталась добровольно в окопах. Так началось наше отступление, остановившееся только 23 августа, после упорного боя на укрепленной Царицынской позиции.

С этого дня мы потеряли веру в свои силы, и красные теснили нас все время, не имея даже артиллерии. И только тогда, когда мы подходили близко к Волге и хотя бы узенькая ленточка реки находилась в поле нашего зрения, мы неизменно попадали под обстрел тяжелой судовой артиллерии Волжской флотилии красных.

Отходили мы той же дорогой, по которой пришли, причем все мобилизованные гренадеры, проходя мимо своих деревень, дальше не шли, а вдруг бесследно исчезали. Мы перенесли целый ряд боев, причем один, 15 августа, едва не кончился для всех нас трагически. Занимая обычную позицию, мы были внезапно атакованы перед рассветом матросским десантом. Оба пулемета, находившиеся при нашей роте, «отказали» после первых же выстрелов. Красные были в 100 шагах и с громким «Ура» бросились на нас. Мы бежали. Нас преследовали огнем на протяжении 2 верст. По пути все время падали раненые, мы тянули за собой только тех, кто мог хоть как-нибудь передвигаться. Я потерял всякую надежду уйти живым, так как буквально задыхался от быстрой ходьбы... ноги переставали повиноваться. Душу раздирающие вопли оставленных раненых неслись нам вслед. Шедший рядом со мной Борис Силаев вдруг закачался и побледнел. «Скажи, пожалуйста, я не ранен?» — сказал он, снимая фуражку и проводя рукой по голове. «Нет, нет. Иди. Давай твою винтовку», — предложил я. Вдруг глаза его расширились, и он показал мне свою фуражку, простреленную пулей. Действительно чудеса. Ведь блин, а не фуражка, и все же как-то пронесло.

Но вот спасительный овраг. Мы вышли из-под обстрела. Наша 5-я батарея, остановившись у дороги, беглым огнем сдерживала порыв красных. Подкатили санитарные двуколки и начали забирать раненых.

...Вечером, сидя у огня и доедая какой-то двузначный по порядку арбуз, мы делились впечатлениями. Все рассматривали фуражку Бориса. Он уже был весел и, улыбаясь, говорил: «Чуть-чуть не пошел на удобрение Саратовской губернии».

В общем, каждый из нас был чем-нибудь недоволен. Гранитов потерял свой бинокль, что по тем временам была крупная утрата, Богач жалел об английских консервах и хлебе, которые мы получили поздно вечером и, не начав, оставили на утро, а утром было не до них и все это досталось красным, и т. п.

С питанием было бы совсем плохо, если бы мы не находились в царстве прекрасных арбузов в самый разгар сезона. Наши кухни в первом же бою по ошибке завезли наш обед красным, а мы остались без кухни. Наш артельщик, взятый нами впоследствии в плен, уморительно рассказывал нам об этом эпизоде. Так или иначе, мы не видели горячей пищи и мяса. Питались исключительно арбузами с хлебом, и вдруг английские мясные консервы — новинку, и не удалось попробовать... Поручик Богач был неутешен. То, бывало, ни у кого ничего нет, а Богач снимает свой мешок и говорит: «В мешке у старого солдата должен быть трехдневный запас продовольствия» — и извлекал из мешка то полкурицы, то ногу утки или несколько яиц и все поровну между всеми делил. «На сколько дней у старого солдата осталось запасов в мешке?» — смеялись мы... и только что пережитое отходило вдаль.

«Как ты думаешь, Густав, почему нас гоняют красные?» — спросил как-то я после новой неудачи Пильберга. «Не умеете воевать... Да, не умеете, — неподражаемо язвительно произнес он, а потом уже серьезно добавил: — Против нас большие силы. Остановимся у Царицына».

22 августа мы остановились севернее деревни Орловки, наша же кавалерия была выдвинута к деревне Ерзовке. В ночь с 22-го на 23-е вдруг началась впереди нас стрельба, части слева от нас открыли огонь, на нас что-то надвигалось, слышался конский топот. Мы затаили дыхание и приготовились. «Свои, свои, не стреляйте!» Послышались голоса. Наша батарея сделала всего один выстрел, и граната взрыла землю у нашей цепи. «Встать!» — скомандовал я, чтобы дать пройти сквозь наши ряды отходившей кавалерии.

Измученные, издерганные, оборвавшиеся, грязные и обросшие, проходили мы через проволочное заграждение Царицынской укрепленной позиции утром 23 августа 1919 года, пройдя свыше 500 верст. По обеим сторонам дороги в окопах было полно солдат в новеньком английском обмундировании — это был Саратовский полк⁶⁴⁰. «Вот она,

сила-то, где накопилась», — шутили оставшиеся гренадеры. «Ничего, братцы, теперь вы поработайте, а мы немного поотдохнем», — продолжали те же голоса. Дальше по дороге мы повстречали генерала В. Запольского⁶⁴¹ с 4-м пластунским батальоном, пришедшим только что с Украины. «Ты что тут делаешь? — обратился он ко мне. — Куда ты лезешь?..» — «Воюем», — отвечал я на ходу. «Ну войой», — донеслось мне вслед.

Пришли мы в село Городище, что в глубокой ложине — Мокрой Мечетке, как раз внизу против станции Разгуляевка, и остановились против церкви. Нам назначен был привал. Роту мы разместили в двух ближайших дворах, а сами, то есть офицеры, в ожидании дальнейших инструкций расположились под стогом соломы вздремнуть. Прошел какой-нибудь час или два. Помню, первым проснулся я. Крутом гудела артиллерия, отчетливо выводили строчки пулеметы и трещали ружья. Я разбудил Гранитова. Мы прислушались. Пули визжали высоко в воздухе. Мы сразу без слов поняли, что что-то творится неладное, разбудили всех и приказали быть наготове, но Густав уже сам шел к нам. С командующих над Городищем высот спускались цепи. «Батенька! Наши отходят. Не удержали такой позиции!» — невольно воскликнули несколько голосов. «Да это не наши, это красные!» — воскликнули еще более удивленные голоса. И действительно, на нас спускались красные. Через Городище неслись карьером какие-то двуколки, повозки, скакали конные, появилась какая-то девушка-ординарец, умолявшая спасти оперативную часть штаба дивизии. Начинаясь какой-то сумбур. И в этом хаосе отчетливо и деловито раздавались гулкие выстрелы какой-то нашей батареи, стоявшей в 300 шагах за церковью, — бившей по красным. Густав шел впереди нас, мы все поротно за ним. Сбоку из улицы вытягивались и присоединялись к нам Астраханские роты. Вдруг мы заметили на высотах у станции Разгуляевка группу начальствующих лиц: появился генерал Писарев с частью штаба. Два конных орудия немедленно были установлены там же и открыли огонь. Мы остановились, и нашим глазам представилась редкая по своей красоте картина атаки нашей 4-й Кубанской дивизии⁶⁴² полковника Скворцова⁶⁴³ на красную пехоту, спускающуюся в Городище. Сверху нам казалось, что лошади поднимаются по отвесной горе, всюду замелькали всадники. В атаку неслись 2-й Кавказский⁶⁴⁴ и 2-й Уманский⁶⁴⁵ полки. Красные открыли беспорядочный огонь. Лавина нашей конницы все поднималась, и вот на солнце блеснули шашки. В момент все было кончено. С гор спускались уже не цепи, а толпы пленных. Нам же предстояло выбить красных из занятых ими окопов Саратовского

полка, который только что целиком сдался красным, перебив своих командиров. Мимо нас вели пленных, трубачи играли сбор, отовсюду спускались казаки, многие вытирали шашки.

Наши четыре роты взяли направление на то место, где Саратовский тракт прорезает окопы и проволочное заграждение. Кубанцы же спешили к оружейному заводу, где положение было критическим и вызвало даже появление на поле боя самого генерала Врангеля, который лично направлял свои последние резервы... Чуткость нашего высшего командного состава встала во весь рост. По дороге две случайно разорвавшиеся шрапнели ранили несколько grenадер. Мы идем все ускоряя шаг. Вот мы выходим на Саратовский тракт, рассыпаемся цепью, и сейчас же нас встречает сильный пулеметный огонь засевавших в окопах коммунистов. Я иду с крайнего левого фланга, Гранитов — с правого. Не обращая внимания на огонь и потери, мы делаем порывистое движение вперед, но встречаем сильный отпор, так как к красным подошли еще новые тачанки. Нас отделяет от них уже 100 — 150 шагов, когда вдруг, не выдержав огня, мы попятнулись назад. Ко мне подошел бледный, шатающийся и окровавленный с ног до головы поручик Циалкович. «Спасите, я еле иду», — едва проговорил он. Он был ранен в руку и в грудь. Я взял его под руку с целью помочь ему выбраться из-под обстрела. Поле густо было усеяно трупами атакующих, уцелевшие накоплялись в ближайшем овраге. Поблизости оказался Бражинский с ротной повозкой. Я немедленно сдал Циалковича и повернул обратно. В этот критический момент нам на помощь двумя красивыми лентами подошли две роты астраханцев, с которыми непосредственно шел заместитель начальника дивизии храбрый полковник Икишев⁶⁴⁶. Все встрепенулись, Гранитов подал команду, и мы снова все двинулись вперед. На этот раз произошла форменная свалка. Поручик Богач, громадного роста и силы, заколол трех матросов. Красные были смяты и обратились в бегство. Поле еще гуще покрылось трупами убитых. Пулеметы с тачанками перешли в наши руки. Среди убитых обнаружено было несколько китайцев, матросов с «Андрея Первозванного», подводной лодки «Нерпы» и одна красная сестра. Бригада Туземной дивизии была пущена преследовать, но по дороге порубила двух наших пулеметчиков... несчастных еле спасли.

Положение хотя и было восстановлено, но все же оставалось неопределенным. Все так перепуталось и перемешалось, что не было никакой возможности в наступившей темноте разобраться. К утру начали разбираться и собираться. Нам прислали из резерва учебную команду Саратовского полка с двумя офицерами, фамилии которых, к великому моему сожалению, я не помню. Оба они, особенно начальник

команды поручик Н., отличались храбростью и невозмутимым спокойствием.

Когда мы подсчитались, то оказалось, что нас осталось в четырех ротах всего 60 человек при трех пулеметах. Полковник Гранитов принял командование на правах батальонного над саратовцами, нашими остатками и астраханцами.

Осмотревшись, мы увидели, что занимаем полукольцевой окоп. Справа, до пластунов, окопавшихся у оружейного завода, был интервал с версту, влево, до окопов 1-го гренадерского полка, интервал был шагов восемьсот. Окопы наши были построены чрезвычайно бесталанно. От проволочного заграждения, до которого было не больше 30 шагов, начинался довольно крутой спуск в ту же Мокрую Мечетку, и, таким образом, атакующие только тогда становились видимыми, когда вплотную подходили к проволочному заграждению. Наш сектор обороны мы заняли таким образом: на флангах по роте астраханцев, в центре мы и остатки саратовцев.

24 августа бой начался с 9 часов утра, когда красные сосредоточили по всей нашей позиции огонь судовой тяжелой артиллерии. Полевая артиллерия красных стреляла шрапнелью. Окопы наши, вырытые в слежавшемся песчаном грунте, не представляли серьезного препятствия для 6-дюймового калибра орудий, и нас спасало только то, что благодаря нашей малочисленности мы занимали окопы не сплошь, а группами по 6—10 человек.

За день 24 августа в наши окопы попало свыше десяти тяжелых и десяти легких снарядов, причем, в силу вышеизложенных обстоятельств, мы понесли довольно незначительные потери.

Сначала красные матросы атаковали пластунов у французского завода и потеснили их, затем атака произведена была на наш 1-й Сводный гренадерский полк и левее, до самого земляного вала. Нас почему-то не трогали, хотя наши наблюдатели, стоявшие на бруствере окопа, когда поднимались на цыпочки, видели, как и против нас внизу залегло несколько густых цепей. В полдень бой достиг наивысшего напряжения. Наконец мы видим, что и соседи слева отходят. Наши фланги повисли в воздухе.

В это время к нам в роту пришел офицер-артиллерист от гаубичной батареи, стоявшей за нашим полком. Узнав, что внизу против нас скапливается противник, он предложил его обстрелять. Жутко стало сидеть в окопе, когда через голову один за другим, нагнетая воздух близко, близко, так, что казалось, вот-вот сотрет с лица земли, загудели снаряды. Я невольно вспомнил эпизод с потерей руки, но делать было нечего. Огонь артиллерии был весьма действителен, это мы узна-

ли на другой день. Снаряды великолепно ложились по цепям красных и убивали их дух. Тем не менее положение становилось с каждой минутой все более критическим. Пластунов мы уже не видели, стрельба шла где-то за горизонтом. Вдруг слева по расположению наших grenадер часто открыла огонь наша артиллерия, 1-й полк перешел в контратаку и скоро не только восстановил положение, но и преследовал огнем бегущих красных.

К наступавшей ночи левый фланг был обеспечен. Что делалось у пластунов, было неизвестно. Ночь прошла тревожно. Гранитов боялся за наши большие интервалы, и я предложил ему, в случае если бы нас обошли, сомкнуть кольцо, так как рельеф местности позволял это сделать без всяких помех, сохраняя обстрел во все стороны. Когда я объявил об этом офицерам, Борис Силаев подошел ко мне и потихоньку спросил: «Ну как, не останемся мы здесь на удобрение Саратовской губернии?» — и скорчил прекомичную гримасу... Все начали хохотать.

Под утро мощные крики «Ура» у французского завода заставили нас насторожиться. Крики слышались явственно, поднялась ружейная трескотня. По телефону вскоре передали, что положение восстановлено и на правом фланге. Утром бой возобновился. Красные повели атаку по всему фронту. Наш сектор атаковали 258-й и 259-й советские стрелковые полки. Часовые дали знать, что цепи идут. Я поднялся на бруствер и сначала справа, а потом против всего нашего участка увидел быстро поднимавшиеся цепи. Все приготовились. Красные то там, то тут стали как бы вырастать из земли прямо перед проволокой; мы открыли убийственный огонь. Был момент, когда нас, казалось, не хватало, ибо красные стояли у проволоки сплошной стеной; в нас полетели ручные гранаты. Какой-то коммунист подъехал к проволоке верхом. «Борис! — крикнул я. — Стреляй!» И показал ему верхового. У Бориса глаза заблестели от волнения, он приложился, и всадник грохнулся с лошади. Трескотня стояла невообразимая, моментами ее заглушало «Ура» очередной цепи красных. Пулеметы рыли около проволоки землю, вздымая песок фантаном, так что атакующие были как бы в тумане. Красные дрогнули и как бы провалились сквозь землю. Grenадеры, почувствовав, что наша берет, повыскакивали из окопа и бросились к проволоке. «Назад!» — кричал я изо всех сил; красные дали очередь шрапнели, и три человека остались лежать у проволоки, пронзенные десятками пуль. Бой затихал, и только красные, лежа внизу под проволокой, отчетливо командовали: «Рота — пли, рота — пли...» — и пули, не принося нам никакого вреда, уносились ввысь. Тревожно и тягостно было на душе. Столько жертв, столько доблести проявлено с обеих сторон, но идем ли мы вперед — конечно нет, мы

все дальше уходим назад, своими собственными руками разрушая наше могущество.

Ведь если бы тогда, когда начиналась революция, хоть на момент можно было показать народу картину сегодняшнего боя русских против русских, ведущегося с таким ожесточением и упорством, он бы понял, насколько путь к действительному миру через войну внешнюю был короче и дешевле пути, выбранного революцией через немедленный мир — к миру и хлебу... и война была бы выиграна еще в 17-м году. Но этого боялись решительно все, и наши союзники — особенно англичане, и немцы, не терявшие надежды без России справиться с врагами, и наши революционные круги, боявшиеся усиления престижа монарха и монархии после выигрыша такой исключительной кампании. И все приложили дружные усилия к тому, чтобы победы не было во что бы то ни стало. И гибнет русская сила в междоусобной борьбе, под смех всей Европы, глумящейся над нашей простотой. «Какой ужас», — мысленно повторял я... а «Рота — пли»... все звучало. По-видимому, какой-то командир усердствовал в угоду своему комиссару. Наступила ночь, прекрасная лунная ночь — немного холодная. Красные все стреляли, чем страшно действовали на нервы. Хотелось отдохнуть, ибо нервы натянулись как струны, а сердце билось в груди так сильно, что, казалось, биение его слышно посторонним. За проволокой кто-то надрывающим душу голосом молил о помощи. Он употреблял все дорогие когда-то имена. «Ползи к нам! Мы ничего тебе не сделаем!» — кричали ему наши... «Не могу», — неслись стоны. Красные били по проволоке, и не было необходимости рисковать новыми жизнями.

«Разрешите, я внесу раненого, он уж больно на нервы действует», — произнес подошедший прапорщик Абт. «Куда вы? Жить надоело?» — старался отговорить его я. Крики все неслись, раздались рыдания. «Ну что, не прошло у вас желание?» — спросил я Абта полчаса спустя. «Никак нет, я сейчас».

Через 5 минут, бог весть каким способом, раненый был доставлен. Рана была в животе, и, по-видимому, задет был позвоночник, так как ноги не действовали. Я приказал его перевязать. Он плакал, стараясь поймать мою руку.

Володя вызвал меня к себе для прочтения только что полученного приказа. «Ну, поздравляю, пришли танки», — встретил он меня.

Наутро нам приказано было перейти в наступление. Танкам приказано было со станции Разгуляевка через Городище атаковать в направлении на Орловку. Коннице Бабиева и 4-й Кубанской дивизии давалась задача преследования. Мы должны были атаковать прямо перед собой по получении особого приказа.

Итак, завтра увидим действие магических танков. Все воспрянули духом. Ночь прошла в нервном ожидании этого решительного боя. Пусть смерть, чем такое напряжение нервов.

Едва забрезжил рассвет, как далеко влево... затарахтели пулеметы часто-часто, забухала артиллерия. Бой разгорался и все ближе подвигался к нам. Вдруг — чудо. Против 1-го полка все поле покрылось бегущими людьми. 4-я Кубанская дивизия неслась по Саратовскому тракту, охватывая отступающих красных. Вот веером рассыпались кубанцы, блеснули шашки...

«Вперед!» — скомандовал появившийся Гранитов и полез через проволоку. Ему помогали другие разбрасывать колья. Вот мы за проволокой... спустились прямо на голову красным. «Стой, стой, будем стрелять!» — кричали гренадеры. Из красных кто остановился, кто бежал. Раздались одиночные выстрелы по убегающим. Все равно не уйдут, вот она — наша кавалерия. Наша кавалерия действительно была уже далеко впереди, никто уйти не мог.

Верхом в сопровождении ординарца показался Густав. Глядя на разбросанных по всему фронту красноармейцев, он произнес только одно слово: «Мало» — и проехал дальше. Я подошел к одному убитому. Это был тот самый, что подъехал к проволоке верхом. Молодой, рыжий, кудлатый, в офицерских рейтузах, при шашке, весь обвешанный красными кумачовыми лентами. На красном поясе висели у него четыре ручные гранаты. Пуля пробила ему череп, а запекающаяся кровь еще больше придавала его облику красных тонов. По-видимому, это был красный командир.

Мы двинулись вперед, по пути, в балках, забирая пленных. Сделав большую петлю в несколько верст и пройдя Большой Яр цепью, мы вышли на Саратовский тракт. Борис выстраивал пленных, которых набралось до 100 человек. Из Царицына показался быстро едущий автомобиль. Я узнал генералов Врангеля и Шатилова. «Это гренадеры?» — обратился он ко мне. «Так точно, Ваше Превосходительство», — ответил я. «Благодарю вас за лихое дело», — прогремел он и понесся дальше. Казаки везли мимо нас 13 взятых орудий. Победа была полная. Разгром 28-й советской «Железной» дивизии оказался решительным.

Когда пленные были выстроены, я обратился к ним с вопросом, нет ли среди них желающих пойти в наши ряды. Сначала вышли два уфимских татарина, как оказалось потом, коммунисты, что не помешало им, однако, быть верными солдатами. Немного подумав, вышел один русский — Мотков. Изъявившим желание драться на нашей стороне были выданы винтовки, остальных оправили в тыл. Что

особенно порадовало наших grenадер, это то, что все английское обмундирование, снятое красными с саратовцев, попало к нам. Красные, боясь, чтобы в них не признали по обмундированию бывших изменников — саратовцев, побросали все сами. Весь путь отступления был завален шинелями и френчами. Некоторые grenадеры ухитрились забрать про запас по 4 шинели. Нашему сильно поредевшему полку приказано было вернуться в Городище. Вперед была послана кавалерия, а нам был дан заслуженный отдых.

В Городище пришли мы поздно ночью и разместились по квартирам. Утром торжественно хоронили убитых нашей роты и прапорщика Жильцова, погибшего за минуту до общего отступления красных.

На четвертый день отдыха заболел полковник Гранитов. По всему было видно, что у него начался тиф. Раздумывать долго не приходилось, вызвана была санитарная линейка и дано знать Густаву. Густав подошел как раз в тот момент, когда Володя собирался садиться. После коротких пожеланий начали прощаться. «Знаешь что, Густав, возьми мой наган, у тебя ведь нет револьвера, он тебе пригодится», — сказал Володя, протягивая Пильбергу свой наган; тот его машинально взял. Повозка тронулась.

«Теперь твоя очередь принимать роту», — обращаясь ко мне, сказал Густав и пошел в штаб, унося и револьвер. Я принял роту в 25 grenадер. Настроение, в связи с полученным отдыхом, резко изменилось у всех к лучшему. Каждый день после вечерней молитвы я вел беседы с grenадерами на злободневные темы, а потом садились и разучивали полковые песни. Через три дня Густав даже был поражен тем, как хорошо пела рота. Песни пришел слушать и начальник дивизии генерал-майор Чичивидзе, старый кавказский стрелок. Теперь хоть мало было нас, но я видел каждого в бою и уже был уверен, что эти не подведут. Залогом этого было то, что каждый весело смотрел мне прямо в глаза.

Отпущенный в Царицын поручик Богач привел с собой трех наших дезертиров. Начальник дивизии приказал дать двум по 15, а одному 20 плетей. Как не хотелось grenадерам пороть, как ни мошеничили они со жребием — кому пороть, — приказание нужно было исполнить. Тогда, чтобы не было обидно, виновных пороли взводные. Пороли по-божески — без крови.

7 сентября, когда я зашел к Густаву в штаб полка, я застал его лежащим на постели. На другой день утром эвакуировали и его, заболевшего сыпным тифом. Полк принял полковник Илларион Иванович Иванов. Ряды смыкались. 8-го в полдень получены были тревожные сведения о готовящемся наступлении красных, получивших вновь сильные подкрепления.

Мы получили теперь совсем другой участок от Грязной Балки до Земляного вала. Полковник Иванов позвал меня к себе на обед и объявил мне. «Знаешь, Котэ, я дам тебе выпить три рюмки водки, закуси как следует, забирай весь батальон и отправляйся на наш участок, я вышлю отсюда проволоку и колья. Ты должен сам распределить роты на участки. На ночь будете оставаться на местах работ, как гарнизон». — «Понял. Так точно», — отвечал я «Ну так вот и отправляйся».

За два дня работы мы прибавили по всему фронту по одному ряду проволоки, прорыли в нужных местах ходы сообщения, устроили легкие блиндажи, а на третий день отдыхали.

К нам на участок приезжали артиллеристы выбирать позицию — все было готово. 10-го утром штаб полка переехал в блиндаж в 400 шагах от окопов и связался телефоном со всеми ротами.

8 пулеметов Максима и 5 пулеметов-ружей были на местах. Можно было начинать.

В этот день, 10 сентября, прибыл к нам в полк штабс-капитан Ващанин. Кадровый офицер, очень горячий и храбрый. На правой руке у него был только один палец. Кроме того, он имел еще несколько весьма тяжелых ранений, полученных в обе войны. Его временно оставили при штабе осмотреться, так как офицеров было достаточно. Сведения о красных оказались верными, об этом свидетельствовала все приближающаяся канонада. Часа в три дня уже стали видны в версте от позиции разрывы шрапнели. На этот раз мы ничего не боялись. Рота наша пополнилась влитыми к нам учебниками и насчитывала в своих рядах 62 штыка. Кроме меня, в роте были поручик Силаев, поручик Богач, поручик Мохов и прапорщик Шаталов.

Помню, все мы сидели на бруствере окопа и ели тыквенную кашу, только что принесенную Бражнинским. Вдруг меня вызвали в штаб полка. Получено было приказание перейти нам в контрнаступление и сбить наступающих. «Вот так вещь, а мы старались, укрепляли позицию!» — воскликнули все. Даже досада взяла.

В наступление приказано было перейти с получением сего, выждав только, когда две Астраханские роты зайдут плечом. Роты спустились из окопов двоянными рядами и пошли вдоль Грязной Балки. По дороге мне приказано было принять батальон и вести его вместо подполковника Талише. Это для меня не делало никакой разницы, так как, в сущности, весь батальон был ротой. Перед выходом из балки я вылез осмотреться. Впереди был небольшой удлиненный бугор, примерно с версту длиной, пересекавший нам путь. За ним шел бой. Пока же ничего не было видно.

Взяв направление на возвышенность, роты на ходу рассыпались в цепи. Солнце садилось, когда силуэты наши, если смотреть со стороны противника, обрисовались на фоне неба. Впереди в двух верстах шла перестрелка, но определить, где наши, где красные, — я не мог. Два орудия красной батареи повели по нас пристрелку, но как-то неудачно. Уже пули все чаще начинают посвистывать. Часть рот двигается по пахоте, другая часть — по земле, оставленной под пар. Около меня едут две тачанки с пулеметами, сзади идет в полном порядке первая рота. Правее ее — четвертая, левее — вторая и, наконец, третья. Астраханских рот еще не видно. Навстречу нам скачет казак. «Кто у вас командир?» — обратился казак ко мне. «Я». — «Наш 8-й батальон не может продвинуться, красные сбили левый фланг, — докладывал он. — Наш командир просил вас его поддержать». — «А где кончается ваш левый фланг?» — не замедляя темпа движения, спросил я. «А вон тачанка наша стоит», — указал он рукой. Я действительно увидел тачанку. Кроме тачанки, ничего не было видно.

Огонь все усиливался. Направление было взято нами удачно, менять ничего не приходилось. Роты шли спокойным шагом. Вот мы поравнялись с тачанкой. Я приказал нашим всем тачанкам выехать вперед и открыть огонь. Тачанки понеслись карьером, причем одна тотчас же перевернулась. Вторая открыла огонь. Слева наши тачанки тоже открыли огонь, мы неудержимо продвигались вперед, неся сильные потери. Огонь красных буквально косил наши ряды. Два раза, когда я оглядывался назад, видел, как падало сразу по 4—5 человек — молча, без стонов.

Слышу, меня зовет голос Богача, оглянулся — он лежит. «Я тяжело ранен, — проговорил он, — передайте все мои деньги и вещи моей жене в...»

Останавливаться было нельзя, я оставил Богача и, обогнав остатки цепи, побежал вперед. До красных было 50 шагов. «Ура!» — крикнул я, извлекая маузер «Ура» — прокатилось по всей линии и замерло. После короткого боя позиция была взята. Красные бежали. Мы преследовали их частым огнем. Стемнело. Я подошел к Богачу, он был без сознания и находился в агонии. Трое старались его поднять, но не могли, на руках у нас он и скончался. Пуля попала ему в пах и перебила артерию; с момента ранения не прошло и 15 минут. Я подошел к командиру полка полковнику Иванову и доложил ему о взятии позиции красных. «Какие ужасные потери, — буквально простонал он. — Я видел, пронесли Бориса Силаева, раненного в живот». — «Как, и Бориса, — еле выговорил я, — это ужасно». — «Знаешь, Котэ, я вот провожу третью кампанию, но такого ужасно-

го огня еще не испытывал; как вы только дошли? Мои нервы на этот раз не выдержали, я залег, — сознался Илларион Иванович и ласково потрел меня по плечу. — Сдай батальон Ващанину и иди отдохни и похорони убитых».

Наш бедный студент-доброволец Митя не справлялся в этот день с количеством раненых, их несли отовсюду. Большинство было ранено тяжело.

Труп Богача положили на пулеметную тачанку. Я сел с ним рядом, и мы тронулись. Не проехали мы и 100 саженей, как из канавы донесся слабый голос: «Возьмите меня, меня некому нести». Я приказал остановиться и поднять раненого. Им оказался подпоручик Шах-Назаров, тяжело раненный в грудь. Лицо у него вздулось, а голова увеличилась в объеме в $1\frac{1}{2}$ раза. Несчастный пытался еще говорить и высказывать сожаление, что не пришлось повоевать.

В Городище, куда мы прибыли, в доме против церкви был устроен перевязочный пункт. 4 большие комнаты были полны лежащими ранеными. Здесь лежал и Борис, а рядом с ним тот русский Мотков, что был 26-го взят нами в плен, тоже, как и Борис, раненный в живот. Борис был в сознании и попросил лимон. Трогать его и перекладывать доктор не разрешил. Стон стоял в комнатах отчаянный. В следующей комнате лежал поручик Мохов с перебитым бедром, а доктор приступал к перевязыванию Шах-Назарова. Тут же лежал и подпрапорщик Гончаров, тоже серьезно раненный. Я, как огляделся, увидел здесь всю свою роту, и мне стало страшно... что же будет дальше. С кем же дальше воевать, вставал невольный вопрос.

Наши части утром продолжали наступление и взяли Ерзовку, понеся сравнительно ничтожные потери. Я же чуть свет отправился в околоток и с замиранием сердца приоткрыл дверь, где лежал Борис. Борис был жив, живы были и его соседи. Предстояло погрузить раненых для отправки в тыл. Подводы подходили одна за другой. В каждую, наполненную до краев соломой, клали двух тяжело раненных.

Бориса положили одного. Рядом с ним уложили его винтовку, которую он не выпустил из рук в момент ранения; с нею он не хотел расстаться и теперь. Он сделал с ней всю кампанию, она уже однажды была на Маныче полита его кровью, и, естественно, он ею дорожил. Трогательно распрощался я с Борисом, слезы душили меня, я успел привязаться и полюбить этого юношу.

Когда проходил этот печальный кортеж, гренадеры копали братскую могилу в ограде церкви... Кирки с трудом врывались в каменистый грунт. Я пошел к месту расположения роты. Там обмывали Богача и сколачивали шесть гробов для убитых гренадер. Еще и до сих пор

не могли отыскать двух убитых, оставшихся на поле, за ними пошла подвода. После обеда назначены были похороны. Сельская церковь была полна народу. Большинство присутствующих плакало, другие же, в том числе и я, не могли подавить своего волнения.

На другой день поздно вечером остатки 1-й Эриванской роты в количестве 18 человек вошли в деревню Орловку, где стал наш полк, с песней: «Эриванцев нас не мало мертвых и живых...» Гренадеры сами попросили запеть эту песню.

И, как бы в подтверждение этих слов, на другой день после обеда к крыльцу штаба полка подъехала таратайка, в которой сидели полковник Кузнецов и Толя Побоевский. Они же привезли радостное известие, что Силаев жив и просит всем передать привет, а у нас готовились служить панихиду, ибо говорили, что он умер.

Толя принял 1-ю роту, а я был назначен командиром батальона. Несчастный Толя приехал в полк с душевной драмой. Ему хотелось поделиться своими мыслями, так как они, по-видимому, его давили. Мы пошли в поле к тем местам, где стояли наши заставы. Я догадывался, о чем будет речь, но все-таки в некоторых местах его рассказа у меня невольно вырвался возглас удивления.

«Тяжелая вещь — неудачная любовь», — думал я, делая экскурсию в свое недалекое прошлое. Как безумно тяжелы первые дни утраты воображаемого идеала, как хочется тогда забвения и смерти и как потом время и логика излечивают эту смертельную, казалось бы, болезнь.

Мы шли по тому полю, где позавчера шел бой; я скоро нашел то место, где упал Богач. «Вот его кровь», — сказал я. А вот и канава, служившая большевикам окопом. Лучшего нельзя было и выдумать, маскировка природная. Места нахождения пулеметов были ярко выражены громадными кучами стреляных гильз. Повсюду лежали небурные, распухшие и почерневшие трупы красноармейцев. «Ну и место», — сказал Толя. Обстрел на две версты, и ложись не ложись, все равно не укрыться.

Вечером нас перевели из Орловки в Городище. Мы с Толей получили приглашение от командира Пластунской бригады генерала Запольского прибыть к нему на обед. Это был друг и дальний родственник Толи. Через несколько дней мы воспользовались приглашением и поехали в Орловку, где стоял штаб Пластунской бригады.

Несколько часов, которые мы там провели, показались мне забываемыми. Пел хор казаков. Одна песнь была лучше другой и хватала за душу. Но задержаться долго не пришлось, так как получено было известие, что красные перешли в наступление. Приехали мы в полк,

когда уже темнело. Все офицеры батальона уже ложились, так как чувствовалось, что будет дело. В час ночи меня разбудили. Приказано было на рассвете атаковать противника, наступающего на Царицын. По сведениям, части противника подходят уже к Орловке.

На рассвете 27 сентября мы уже подошли к Орловке. С нами поднималась наша 5-я гренадерская батарея полковника Фихнера.

Заняв исходное положение для атаки, мы залегли. Красная батарея обстреливала нас гранатой, снаряды ложились у самой цепи. Вот осколком снаряда ранит нашего общего любимца, студента санитаря Митю, все офицеры бросаются к нему. Ранен он в голову, ушиб силен, но рана не серьезна. «Звенит в ушах», — поясняет он.

Показывается группа конных. Я узнаю генерала Запольского и подхожу к нему. «Ты вот вчера с Толей хвастались, что поддержите пластунов, вот я приехал на вас посмотреть». — «Прекрасно, мы как раз сейчас двинемся», — ответил я.

Сзади нас, в лошине, скрытно стал полк Кубанской кавалерии.

«Ну, Котэ, у тебя все готово? — спросил подошедший Иванов и, получив утвердительный ответ, сказал: — Веди с Богом». «Встать!» — скомандовал я, но, как назло, в этот момент разорвалось сразу четыре гранаты, вместо того, чтобы встать, еще больше прижались к земле. «Господа офицеры, — повысил я голос, — не заставляйте повторять команду». «Встать», — повторил Толя. «Вставайте!» — кричал маленький прапорщик Шаталов. «Встать! Встать!» — донеслось с левого фланга. Трудно было раскататься. «Вперед по первой роте!» — скомандовал я и вышел вперед. «По первому взводу на отдельное дерево .. по первому отделению...» — слышались команды. «Не сбивайтесь в кучу, шире разомкнитесь», — подбадривал фельдфебель.

Послышалось учащенное дыхание, и казалось, что слышно биение сердец. Мы двинулись двумя длинными цепями. Я шел рядом с Толей, на правом фланге первой роты. Четырехорудийная батарея красных, стоявшая на полузакрытой позиции, слала к нам очередь за очередью, стараясь взять нас в вилку... Шли мы ускоренным шагом. «Бегом!» — скомандовал я, завидя глубокую лошину, пересекавшую нам путь. Очередь пронеслась близко над нашими головами и ударила во вторую нашу цепь. Куски окровавленного мяса долетали до нас. Разорвало бывшего поручика Н., разжалованного за службу у красных в рядовые. Толя все время шел, безучастно заложив винтовку за шею, держа ее как коромысло. Мысли его витали не здесь. И быть может, смерть была ему в этот момент желанным концом.

Спустились в овраг благополучно и, не останавливаясь, вышли из него. Линия наших цепей отчетливо была видна на большом расстоянии. Ус-

пех был обеспечен. «Ну, навались!» — подбадривал кто-то сзади. Ружейный и пулеметный огонь не наносил нам вреда, велся он сегодня красными беспорядочно. Вот он внезапно прекратился, когда мы не дошли до окопов 400 шагов. Из окопов красных повыскакивали отдельные фигуры и пустились удирать. Пулеметчики «Люиса» открыли по ним огонь. Мы подошли вплотную к окопам. Навстречу нам, побросав винтовки, выскочило около ста человек. Все держали руки поднятыми вверх. Испуг был нарисован яркими красками на каждом лице. «Мы мобилизованные, мы только что вернулись из германского плена, — наперебой сообщали они. — Не хотим с вами воевать, мы и стреляли побольше в воздух, а не в вас». Правдивость их заявлений была вполне вероятной. «Кто же из вас хочет идти с нами?» — «Я хочу», — уверенно отозвался какой-то корявенький мужичонка Черниговской губернии. Ему дали винтовку. Остальные заявили, что они кто три, кто четыре года были в плену и воевать совсем не хотят. «А вы думаете, мы хотим, что ли, воевать со своими», — утешал их я. Но мои доводы не помогли, да и некогда было их уговаривать. Пленных забрал подошедший дедушка Мельницкий, шедший сейчас же за второй цепью, и повел их в тыл. Снимать одежду и отбирать что-либо из вещей у нас в полку не практиковалось, так как за этим все строго следили.

Мы опять двинулись вперед, пройдя мимо двух трупов комиссаров.

Перед нами открылась деревня Ерзовка. Первая рота, а вместе с нею и я, шла по главной улице, тянувшейся по крайней мере версту.

Пройдя примерно половину деревни, мы наткнулись на повозку, из которой неслись жалобные стоны. Я подошел посмотреть. В повозке лежал молодой раненый красноармеец. Он устремил на меня умоляющий взор, повторяя запекшимися губами: «Ваше Благородие, за что я умираю, мне хочется жить. За что?» — и по пыльным щекам его катились слезы. Не зная, что ему ответить, я растерялся и сконфуженно отошел.

На окраине деревни, у двух ветряных мельниц, мы остановились. Мельницы носили многочисленные следы шрапнельных пробоин, свидетелей боя происходившего здесь 11 сентября. Я полез на мельницу, чтобы осмотреться. С мельницы открывался прекрасный вид, так как она, кроме собственной значительной высоты, находилась на командном пункте над деревней.

То, что я увидел с мельницы, заставило меня вновь принять боевой порядок. На нас двигались густые цепи матросов, высадившихся с Волги, сопровождаемые десятком пулеметных тачанок. Около 2-й мельницы поручик Братшау спешно приготавливал пулеметы для боя. Четыре наши тачанки ждали только появления цели. Две роты залегли за низ-

кой каменной оградой, а две в громадной промоине. О контрнаступлении красных я сообщил в штаб. Первыми открыли огонь красные. Пули неслись роем и расщепляли доски мельницы, около которой теперь я стоял. Братшау-младший, храбрый и спокойный офицер, командовал прицел, и сначала четыре, а потом шесть наших пулеметов открыли огонь. Братшау-младший, бывший на пулемете, был тотчас ранен и перелез в промоину, где его перевязали. Вода в кожухах пулеметов кипела и парила. Матросы приближались.

Вдруг по дороге из Ерзовки к нам на подмогу карьером подкатило 6 пластунских легковых кабриолетов с пулеметами. Не ожидая никаких указаний, все 6 пулеметов выстроились в ряд и открыли огонь. Еще ни разу в жизни я не был свидетелем действия 12 пулеметов на таком незначительном участке; уже не стало слышно ни свиста пуль, ни голосов. Цепи противника рассеялись, и больше мы их не видели.

Вечером мы оставили Ерзовку и двинулись вперед без дорог, в направлении высоты с отметкой 471, что на линии Пичужинских хуторов. Ночевали мы на каких-то высотах, в старых, но прекрасно выбранных окопах. Утром из наших окопов видно было буквально на 8—10 верст. Зато и нас было хорошо видно с Волги.

Начался день так: группа наших офицеров, во главе с командиром полка полковником Ивановым, стояла с двумя командирами батарей — легкой и гаубичной. О чем-то спорили, шутили. Батареи наши стояли тут же за скатом. Кто-то обратил внимание, что с высот со стороны противника спускается группа конных. Конные приближались. Когда сомнений не было, что это красные, сила которых оценивалась в полуэскадрон, решено было выйти им на гладкое место. Командир гаубичной батареи на минуту скрылся. Вдруг прогремел первый выстрел. Бомба разорвалась очень удачно, но красные не обратили на это особенного внимания и продолжали идти шагом. Тогда бегло заговорила вся батарея. Картина получилась редкая. Как пыль разлетелись всадники, а между ними то там, то тут грозными черными столбами взметались рвущиеся снаряды. Обезумевшие кони, потеряв седоков, неслись во все стороны. Это зрелище промелькнуло и исчезло. Началось более внушительное. Весь крутой и высокий берег речки Пичуги вдруг покрылся людьми. Насколько хватало глаз, можно было видеть ряды густых цепей, сопровождаемых бесконечным количеством тачанок. Я досчитал до сорока и бросил считать, ибо появлялись все новые и новые. Все наши батареи открыли огонь. Справа в 100 сажнях примостился наблюдательный пункт какой-то Кубанской батареи, и пошла канонада. Мы в этом ужасном для красных бою были только зрителями. Работала исключительно артиллерия. Красные ложились, вставали, сбивались в кучу, то бросались назад, а артиллерия

не переставая поддерживала губительный огонь. И трудно было сказать, что нужно было: радоваться или плакать... Ведь гибли русские. Красные тоже в долгу не оставались, и их судовая артиллерия все время старалась поддержать свои наступающие части. Наши артиллеристы в этот день понесли потери, мы же отделались только испугом: под одну из наших тачанок попал снаряд, но не разорвался.

В этот день бой выиграла наша отличная артиллерия. Ночью нам было приказано перейти еще левее и остановиться на высоте 471. Накрапывал осенний дождь; утро было столь туманно, что в 20 шагах ничего не было видно.

Оказалось, что штаб дивизии находится тут же, в оставленном шалаше. Кругом, радиусом на десять верст, не было никакого жилого помещения. Прибыл какой-то казак из разъезда с донесением. Роты прижались около стогов соломы.

Вдруг меня подзывает командир полка и говорит: «Начальник штаба нашел, что мы остановились не там, где нужно. Тебе придется пойти вот в этом направлении, — он указал рукой (карты у меня не было), — и остановиться на перекрестке дорог». — «А есть ли там этот перекресток?» — на ходу переспросил я. «Должен быть, по сведениям штаба дивизии, — сказал Илларион Иванович и, подумав момент, добавил: — Не ходи, достаточно будет послать одну роту. Пошли Побоевского. Для донесений пусть возьмет двух конных». «Толя, собирайся», — сказал я, повторяя полученное приказание. Толя молча выслушал и встал. Рота была вся тут же. «Сколько у тебя? Это все?» — «У меня всего 25 человек», — ответил Толя и через минуту скрылся в тумане.

Прошло каких-нибудь полчаса. По направлению, куда двинулся Толя, послышалось несколько выстрелов. Я не обратил на это никакого внимания; прошло еще столько же времени, дождь усилился. Я забрался на то место, где только что сидел Толя, и машинально смотрел в ту сторону, куда он ушел. Из тумана начал вырисовываться силуэт лошади, рядом шел человек. Вот они уже в 10 шагах, я тогда только обратил внимание, что на седле свисает какая-то фигура, а идущий рядом держит ее за ногу. «Раненого везут», — сказал кто-то. Лошадь поравнялась со мной. Лицо раненого было сплошь залито кровью. «Позвать доктора!» — крикнул я. Раненого сняли и положили на разостланную солому, покрытую палаткой.

Подошел доктор и стал осматривать рану. Пуля попала в темя и вышла ниже левого виска. Когда производилась эта операция, я увидел на шинели раненого свои собственные погоны, которые я подарил Толе. Я взгляделся пристальнее в лицо раненого и только тогда узнал Толю. Сердце сжалось от боли и жгучей досады. Ушел и он... и ноги ощутили тя-

жесть моего тела. Минуты две я не мог вымолвить ни слова. Весть о ранении Толи разнеслась повсюду. Все шли выразить свое сочувствие... Каждый, подходя, снимал фуражку. «Еще может выжить, — уверял доктор, — сейчас я его отправлю». Но страшно было подумать — 30 верст отвратительной дороги на повозке, это и в здоровой голове мозги перевернутся. В печальном исходе <...> я не сомневался.

Оказалось, что, когда рота прошла с полторы версты, дорогу ей пресек глубокий овраг, какими изобилует вся Саратовская губерния. Только рота начала в него спускаться, как из-за кустов противоположной стороны грянул залп, за ним второй. Вторым залпом был сражен Толя. Рота бросилась сначала врассыпную, но потом опомнилась и тело Толи вынесла. За кустами оказался спешенный разъезд в пять человек.

Больших трудов стоило потом мне, многим общим знакомым и родной сестре Толи навести справки о его местопребывании. Наконец, когда я был через неделю ранен, как и Толя, мне рассказали, что в поезде Толе произвели трепаназию черепа, после которой ему будто бы стало легче. Наконец много времени спустя было установлено, что его привезли в Екатеринодар, где он и скончался 8 октября в госпитале Коммерческого училища. Вещи его действительно оказались все налицо и были переданы его сестре, но могилы его найти так и не могли, несмотря на все принятые меры. Известно только, что штабс-капитан Побоевский погребен на офицерском кладбище Екатеринодара под номером. Несчастный умер, не приходя в сознание.

В полдень, когда туман немного рассеялся, противник пытался решительно наступать, но тотчас был отбит нашей артиллерией. Простояли мы на этом памятном месте три дня. Холода давали себя чувствовать. Моя рука начинала меня с каждым днем все больше мучить, но подошла развязка.

Сводный полк Кавказской гренадерской дивизии

1 октября вечером нас сменила конница, и мы вернулись в Ерзовку. В Ерзовке произведена была маленькая перегруппировка рот, и наш полк видоизменил свое название — теперь ему было присвоено наименование «Сводного полка Кавказской гренадерской дивизии»⁶⁴⁷. Считавшиеся до сего самостоятельными Саратовская и две Астраханские роты были распределены по ротам, таким образом получилось два батальона, из коих первым командовал я, а вторым — недавно прибывший подполковник Тифлисского полка Гофет. Считалось так, что у меня две роты

эриванских и две грузинских, а у подполковника Гофета — две роты тифлиссских и две роты мингельских.

В эти же дни подвезли нам немного английского обмундирования и снаряжения — роты приоделись и приобрели вполне приличный вид. Но продолжалась эта идиллия всего три дня.

В 12 часов ночи с 3-го на 4 октября получен был приказ уничтожить Дубовскую группу красных, причем нашему полку давалась какая-то неопределенная задача. Мы должны были держать связь между пластунами и первым полком, долженствовавшими наступать. Объектом действий была та же пресловутая высота 471. Поднялись мы очень рано, потом долго чего-то ждали, будучи построеными. Наконец тронулись. Шли долго руслом реки Сухой Мечетки, потом взобрались на ее левый берег и сделали привал. Тут же стояла наша 5-я гренадерская батарея полковника Фихнера⁶⁴⁸. Дальше тронулись вместе. Вскоре мы подошли к исходному пункту. Было около 10 часов дня. Влево шел сильный бой. Красные били по каким-то скирдам шрапнелью. Наши, по-видимому, наступали. Первый полк тоже занял исходное положение. Пластунов не было видно. Я вышел вперед осмотреть впередилежащую местность вместе с командиром батареи. Красные заметили передвижение первого полка и открыли огонь из двух батарей гранатой. Одна батарея красных стояла на полузакрытой позиции, взлестки выстрелов которой каждый раз были отчетливо видны. Снаряды их попадали и в наш район.

Первый полк поднялся и перешел в наступление. Он стал принимать все влево-влево и куда-то скрився. «Что делать теперь нам, мы не выполним своей задачи. Нам нужно или двигаться вперед, или мы зря только будем нести потери», — говорил я Иллариону Ивановичу. Полковник Иванов колебался, не зная, на что решиться. «Ну, веди вперед, — с тяжелым вздохом вырвалось у него из груди, — второй батальон пойдет за тобой». Наша батарея заняла позицию. Я отдал необходимые распоряжения. Всего в батальоне у меня оказалось 214 штыков.

Указав направление, я подал команду к наступлению. Только мы поднялись, как нас обдали шрапнелью. На этот раз артиллерия красных была удивительно метко, мы все время несли потери от ее огня. На ходу я затребовал от рот по одному связнику. Пришло двое от грузинцев. Я шел сначала посередине боевого участка, но огонь был так силен, что части, ускоряя шаг, все больше и больше разрывались. Голоса моего не хватало. Пули жужжали роем. Я подал команду «Бегом», но еще ухудшил дело. Две эриванские роты рванулись вправо, и уже не было сил их остановить. Я пристал к грузинцам. Нам пресек дорогу громадный овраг. Не отдыхая, мы с разбегу вышли из него, не нарушив даже равне-

ния. Наши тачанки не могли взять оврага и пытались его обойти; когда же и это не удалось — открыли с флангов огонь. Уже видны отдельные люди, перебегающие вдоль окопов у красных, нам легче держать по ним направление. Но вот опять такой же большой овраг. На этот раз мы спустились шагом. Ряды наши страшно поредели. Со мной оказалось не более 50 человек. Над краями оврага витала смерть, пули неслись дождем. Казалось, первому, кто высунет из оврага голову, ее срежет, как бритвой. «Моя очередь...» — подумал я и вышел наверх. До красных было рукой подать. «Вперед, бегом!» — крикнул я и стремительно рванулся вперед. Меня ревностно старались обогнать. Осталось всего 60—70 шагов. Я извлек на бегу свой прекрасный маузер. «Ура!» — хотел было крикнуть я, но споткнулся и упал. Пуля раздробила мне малую берцовую кость правой ноги чуть выше щиколотки. Мимо меня пробежало не более 15 человек. «Батальонного ранило!» — воскликнули молодые связники, и оба легли около меня.

«Все кончено, — думал я, — теперь добьют». Еще раз-два красный пулеметчик провел строчку над нашими головами... Это были тяжелые секунды, смерть коснулась меня своим крылом, обдала холодом... и понеслась дальше!

Навстречу нашим гренадерам выскочило несколько коммунистов, но бывший вахмистр лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, теперь доброволец гренадер Грузинской роты, первого же пронзил штыком. Штабс-капитан Михневич застрелил другого, прочие не отставали. Короткая, но исключительная по решимости атака завершилась полной победой. Никто не ушел. Тут нами было взято сорок шесть человек пленных и четыре пулемета, действовавших до последнего момента.

Когда пленные увидели меня лежащим, то решили, что я прикажу их всех расстрелять, но каково было их изумление, когда их не только не расстреляли, но даже не раздели. Когда же я приказал им меня нести, то от радости они не знали, как меня поудобнее взять. Наконец решили так: двое взяли винтовку и усадили меня на нее, я же обнял их шею. Двое других просунули мне под вытянутую левую ногу другую винтовку, а на нее я положил раненую. Несли они меня рысью. За ними бежали все остальные пленные. Когда одни уставали, их тотчас же без всяких указаний с моей стороны заменяли следующие. За вторым оврагом ко мне подъехал полковник Иванов. Не знаю, какие чувства волновали его, но голос у него задрожал, мы расцеловались. Тут же оказался и дедушка Мельницкий. Я передал ему казенный бинокль и пленных. «Да хранить вас Господь», — напутствовал он меня.

Подъехала санитарная двуколка, меня перевязали вторично, так как повязка сильно промокла. Моими соседями в двуколке оказались один

татарин, взятый в плен у Царицына, и серенький мужичок, взятый под Ерзовкой. Оба страшно сияли, ибо были легко ранены. С грохотом разорвалась вблизи последняя граната.

«Уезжайте-ка отсюда, — приказал я, — еще недоставало, чтобы теперь прикончило». Сразу проснулись чувство самосохранения и жажда жизни... Только что одержанная победа убавкивала нервы, от сердца отлегло. Добровольческая армия была на вершине кривой своих успехов.

В этот же день нашими частями занята была Дубовка и взяты крупные трофеи. В описываемом бою эриванские роты тоже взяли два пулемета, причем дальнейшее стремление нашего полка овладеть батареей не увенчалось успехом, так как люди буквально выбились из сил и совершенно перемешались. В Ерзовке мне наложили новую повязку и снесли на подводу для отправки на станцию Разгуляевка. Впечатление от сегодняшнего боя в Ерзовке было сильное. «Ну и гудело же сегодня, — говорили все, — как в Германскую войну».

Провезли меня через ту же Орловку. Теперь там стоял штаб корпуса. Командир корпуса, генерал Писарев, принес мне стакан вина и просил дать список особо отличившихся, что я и исполнил. На Разгуляевку меня привезли ночью. Долго лежал я на носилках, наконец меня понесли в вагон. Вагоны были «скотские», так как даже навоз не совсем был вычищен. Нас довели в этих вагонах до станции Гумрак, но дышать этим воздухом раненым пришлось всю ночь, и только утром нас перенесли в стоящий рядом санитарный поезд «Торгово-промышленных деятелей». Три дня простояли мы на Гумраке. Мухи и вши окончательно измучили меня. Белья чистого не было, я начинал нервничать. Но вот наконец мы тронулись, прошли Царицын и остановились в Котельникове. Поезд стоял долго; вестовой, сопровождавший меня, встретился на вокзале с вестовым Силаева, который, как оказалось, лежал здесь в госпитале. Борису стало известно, что я прибыл раненым. Он и Шах-Назаров немедленно собрали свои вещи и явились ко мне. Радости не было конца. Два мертвеца воскресли. Решили ехать туда, куда повезут меня. В результате в тот же день мы все трое попали в Великокняжескую, в лазарет, находившийся в реальном училище. Рана моя хотя и относилась к разряду серьезных, но опасений не вызывала. Я стремился как можно скорее попасть в Екатеринодар. Борис Силаев и Шах-Назаров ехать со мной не смогли, а обещали приехать в Екатеринодар несколькими днями позже. Мои знакомые устроили меня в лазарет № 17, или, как он после стал называться, № 23, что был рядом с Екатеринодарской гауптвахтой, визави Городского сада. Это был прекрасный лазарет, в полном смысле этого слова. Доктор Плоткин, старший врач лазарета, пользовался славой отличного хирурга, а уход и даже питание были вполне удовлет-

ворительны. Я решил использовать такое благоприятное стечение обстоятельств и произвести операцию раненой руки по удалению нерва. Доктор Плоткин произвел мне операцию, но, увы, облегчения от нее не последовало. Натерпелся же я от нее вдоволь. Так как рана на ноге уже зажила и я мог передвигаться при помощи палки, я решил выписаться из госпиталя.

Утром в день моей выписки в нашу палату вбежала сиделка и с ужасом объявила, что рядом с нашим госпиталем на площади висит повешенный. Повешенным оказался Калабухов, приговоренный к смертной казни полевым судом за измену. Наступали тревожные дни. В Екатеринодаре наводил порядок генерал Покровский. Мне предстояло довольно длительное лечение водами и массажем. Я переехал в город к своим друзьям. В эти дни в Екатеринодар должен был приехать и Густав, уже оправившийся от тифа. Я получил от него письмо из Ростова, где он лежал в одном из госпиталей.

Гранитов тоже поправился. Я же был занят розысками могилы Толи Побоевского, бродил по Екатеринодарскому кладбищу, видел, как в громадные могилы сваливали трупы умиравших в госпиталях, а делалось это очень просто: в дежурные гробы укладывались голые мертвецы, несколько гробов ставилось на подводу, а трупы подвозились к вырытым могилам. Здесь гробы выворачивались, трупы умерших, как дрова, летели вниз, и когда могила заполнялась до нужного предела — ее засыпали. Может быть, и нужно так было делать, может быть, и дорого стоили гробы и саваны, но в моем мозгу и сердце это не находило никакого оправдания. Не удивительно, что могилу несчастного Толи найти мне не удалось.

Летели дни. Я ежедневно ходил и на массаж. Раны мои зарубцевались. Врачебная комиссия дала мне шестинедельный отпуск. Вдруг утром 23 ноября пришла телеграмма о смерти Пильберга. Он застрелился. Застрелился из револьвера Гранитова. Тайну своей смерти он унес с собою в могилу, и, только зная его характер, его взгляды на жизнь, его любовь к жизни, можно исключительно предполагать, что его неожиданная смерть явилась последствием только что перенесенного сыпного тифа. Других видимых причин для самоубийства у Густава быть не могло.

Чуть ли не на другой день после этого события пришло новое ошеломляющее известие: наш полк в составе двух батальонов получил какую-то боевую задачу севернее Пичужинских хуторов. Выполняя ее при сильном тумане, поднявшемся с Волги, полк сбился с направления, был обстрелян какими-то частями, свернул на выстрелы и атаковал мнимого противника. Завязался жестокий бой. Не зная за после-

днее время поражений, полк бросился в атаку и взял окопы, откуда в него стреляли. Противник бежал, оставив своих убитых в окопах. Но каков был ужас, когда по убитым и раненым, оставшимся в окопах, было установлено, что бой происходил с нашим 9-м пластунским батальоном. Потери с нашей стороны были очень велики, моральное потрясение соответствовало трагизму происшедшего. В таком состоянии, продолжая выполнение задачи, полк в тот же день был атакован дивизией красной конницы, неожиданно вынырнувшей из тумана. Первый батальон построил подобие каре и отбил три сильнейшие последовательные атаки. Второй батальон, атакованный с тыла, не успел построить боевой порядок и был изрублен во главе с командиром подполковником Гофетом.

Полковник Иванов, пронзенный пулей в грудь навывлет, упал с коня и был порублен. Четвертый вал захлестнул и первый батальон, спасся только один адъютант полка, штабс-капитан Рычков, бывший верхом, бросившись в сторону красных. От него мы узнали подробности боя. Полковник Кузнецов, «последний могикан», принял полк. Все способное носить оружие поставлено было в строй.

Удары следовали один за другим.. Я получил письмо от Бориса Силаева из одного из ростовских госпиталей. Ему предстояла сложная операция в области живота. Полученная рана дала нагноение. Я отправился в Ростов его навестить. Он лежал, как всегда, веселый, но видно было, что предстоящая назавтра операция его тревожила. Рассказываясь, он не удержался от своей обычной шутки: «Как ты думаешь, не останусь я здесь на удобрение?..» — «Ну что ты», — говорил я, обнимая его в последний раз.

27 ноября ему была сделана операция. Я с тревогой ждал от него писем. Их не было. В двадцатых числах декабря ко мне зашел его отец, полковник В. Силаев. «Как Борис?» — задал я вопрос вместо приветствия... «Вчера его похоронили в Кисловодске... он умер», — прозвучало в моих ушах.

Дальше уже не было просвета. Горизонт заволокли грозные тучи. Гренадеры долго и упорно держали Царицын; официальные сводки склоняли слово «гренадер» во всех падежах.

Но всему есть предел... Как и с какой быстротой откатывался от Орла наш фронт — всем памятно; гренадерам пришлось оставить без боя политые их кровью поля Царицына. Ветка Царицын — Тихорецкая мерно и упорно измерялась их шагами. На станции Абганерово измученные и уставшие части гренадер были ночью внезапно атакованы сравнительно малочисленной, но «дерзающей» конной частью противника. Произошла паника, которая была ликвидирована усилиями

полковника Кузнецова, и хотя в результате командир лихой конной части и украсил своей персоной один из телеграфных столбов — результаты набега были тягостны. Наш доблестный начальник дивизии, генерал-майор Чичинадзе, и значительное количество офицеров и гренадер были изрублены. На Маньче произошла задержка, его стоячим водам суждено было вновь поглотить тысячи жертв Гражданской войны. Январь месяц 1920 года был необычайно суров, холода стояли страшные. В Екатеринодаре скопилось громадное количество беженцев со всего Юга России. Уплотнение жилищ достигло анекдотических размеров. Плотность населения в незанятой еще части Кубанской области превысила, наверное, плотность таковой же Китая во много раз. В тылу были приняты меры к эвакуации семей военнослужащих в случае дальнейших неудач — за границу. По мере уменьшения территории Вооруженных сил Юга России падал кусок бумажных денег всех наименований. Офицеры фронта, а в особенности их семьи, буквально нищенствовали, так как оклады жалованья, прогрессивно увеличиваясь, все же не успевали за темпом жизни. Добровольческая армия агонизировала, истекая кровью. Напрасно гибли тысячи людей у Батайска и Ростова, совершая легендарные подвиги; им не удалось восстановить положения.

Не удалось спасти положения и целым рядом мер, принимавшихся командованием Добровольческой армии для усиления офицерского состава боевых частей. Ни частая проверка документов, ни облавы, ни регистрации и серии переосвидетельствований не помогали. На переосвидетельствования обычно являлось много офицеров; это были те, что в силу тяжелых ранений самым добросовестным образом потеряли боеспособность, им переосвидетельствования были не страшны. Те же, кого переосвидетельствование или даже просто освидетельствование могли поставить в строй, — прочно сидели по тыловым учреждениям всех наименований. Временами, попадая в тыл и заходя в то или иное учреждение его, невольно хотелось воскликнуть: «Ба! Знакомые все лица» — до того похожи и тождественны были лица «патентованных ловчил» в Великой и Гражданской войнах.

Агония Добровольческой армии

В описываемый период в провале Добровольческой эпопеи решающую роль суждено было сыграть все же казакам — на этот раз кубанцам. Кубанцы и донцы были наиболее сильными и значительными мускулами в теле Добровольческой армии, но обладали удивительной

особенностью не подчиняться центрально-мозговой системе, а посему почти всегда действовали вразброд. Донцы раньше кубанцев очнулись от большевистского угара и дали возможность в 18-м году на своей территории зародиться Добровольческой армии.

В начале 19-го года в умах донцов произошел поворот на 180 градусов, что чуть было не погубило дела, если бы не помогли очнувшиеся к тому времени кубанцы; сейчас, в 20-м году, затмеваться была очередь кубанцам. По улице Екатеринодара расклеены были воззвания донцов, обвиняющие кубанцев в измене общему делу. Кубанцы отказывались драться — донцы изъявляли готовность, а в результате Добровольческая армия, родившись на Дону, умерла на Кубани.

В конце января остатки наших гренадер держались у Белой Глины. Общее положение вещей складывалось таким образом, что отход в Новороссийск (который думали защищать) или Крым обрисовывался с достаточной ясностью. Боясь потерять связь с полком во время возможного беспорядочного отступления, я решил ехать в полк, не взирая на не вполне зажившие раны. Штаб полка находился в Белой Глине, но самого полка почти не существовало, ибо всего-навсего к моменту моего прибытия кадр офицеров и старых солдат выражался цифрой — 60 человек. В Белую Глину пришло пополнение для всех гренадер до 1000 человек мобилизованных, но было уже поздно. Конец наступил при следующих обстоятельствах: 11 февраля получено было приказание частям нашей дивизии идти в Тихорецкую на формирование. На другой день утром, в ясный морозный день, мы вышли походным порядком в Горькую Балку, где предполагалось устроить большой привал и обед, туда же посланы были наши кухни. Прибывшее к нам пополнение шло без ружей, причем полки шли в таком порядке: кадр, пополнение, обозы, кадр, пополнение, обозы и т. д., и таким образом, расстояние между кадрами было довольно значительное.

Так как я плохо ходил, то командир полка, не давая мне особого назначения, посадил меня на свою таратайку, на которой я и следовал с полком. Кадром командовал на правах командира батальона только что вернувшийся по излечению от ран старый полковник Чудинов, который в первый день своего прибытия в наш полк 15 августа 19-го года был ранен в обе ноги навывлет.

Только мы вошли в деревню, назначенную для большого привала, как где-то за околицей послышалась редкая ружейная стрельба. Я слез с подводы и подошел к полковнику Кузнецову. «Ты чего слез? Езжай на ту сторону оврага, — сказал А.Г., — сейчас может начаться бой».

Не предвидя ничего особенного, я спокойно влез в повозку, и возница стегнул лошадей. Через несколько минут мы перебрались через бал-

ку, и глазам нашим представилась такая картина: весь горизонт, насколько хватало глаз, покрылся всадниками, мы оказались атакованными красной конницей. Их конная батарея открыла беглый огонь по походной колонне. Полковник Кузнецов выставил кадр для встречи противника. Кадры прочих полков растерялись. Произошла заминка. Наши открыли огонь, но их было так мало, что лава обскакала их со всех сторон — в один момент. Началась рубка. Поднялась невообразимая паника — повозки и конные понеслись во всю прыть, мобилизованные кричали «Ура» и не давали стрелять кадру. Красная конница, порубив хвост колонны, начала обтекать и захватывать остальное. И это ей удалось. На мою повозку успели сесть три офицера, и мы с замиранием сердца, оглядываясь назад, наблюдали картину погони. Вот пятеро особенно ретивых гонятся за нашей тачанкой, блестят их шашки, наш возница гонит лошадей, насколько позволяют средства. Лошади сильные, дорога, к счастью, великолепно укатана. Расстояние между нами и всадниками все уменьшается, но одновременно увеличивается общее расстояние, отделяющее наших преследователей от их главных сил, — те грабят обоз. Лишь бы еще спереди не выскочили красные, а от этих отобьемся, решил я и, вынув свой маузер, засунул его за борт полушубка. Предстоял бой не на жизнь, а на смерть... Я молил Бога, чтобы маузер только не отказал. В противном случае конец... пронеслось у меня в мозгу. Но, увы, красные замедлили ход, остановились, помахали шашками и повернули шагом обратно. Мы были спасены. Но что случилось с остальными, мучил нас вопрос. Ночевали в станице Тихорецкой, а утром поехали на станцию. На станции, к великой радости и изумлению, я увидел полковника Кузнецова. В последний момент, когда все погибло, его вынесла его прекрасная кобыла. Состояние у всех спасшихся было ультраподавленное, на душе тяжелым балластом лежала смесь стыда и скорби. На третий день после прибытия на станцию Тихорецкая наши остатки едва совершенно не погибли от страшного взрыва снарядов, произведенного большевистскими агентами, которые, почуяв успех, смело подняли голову.

Когда мы оставили Тихорецкую и перешли в станицу Кореновскую, к нам неожиданно вернулись одиннадцать человек офицеров, без вести пропавшие в Горькой Балке 12 февраля. Вот что они рассказали первым, на кого набросились красные, оказался полковник Чудинов, старый кадровый офицер и великолепный стрелок, имевший большое количество императорских призов.

Почувяв неминуемую смерть, старик прицелился в командира, обвешанного красными лентами, рука его не дрогнула. Красный командир упал с лошади, пронзенный пулей, в тот же момент, когда пол-

ковник Чудинов с разрубленной головой уткнулся в снег. Наш офицер пулеметной команды, поручик Павлов, не успевший открыть огонь из пулемета, тоже получил сабельный удар, и полчерепа его скатилось под тачанку. «Что делать? Что делать?» — повторял георгиевский кавалер капитан Павлов, 1-го гренадерского полка, и, не находя ответа, пустил себе пулю в лоб. Мобилизованные кричали «Ура» и кидали вверх папахи.

Кто мог идти на компромисс с совестью, тот срывал погоны и знаки офицерского отличия. В каких-нибудь полчаса все было кончено. Гренадеры не выдали своих офицеров. Тогда красные, отделив из пленных начальствующих лиц и разделив их на две части, раздели их до белья (в 20-градусный мороз) и погнали одну часть расстреливать на Белую Глину, а другую в направлении на Егорлыкскую. Вернувшиеся принадлежали к последней группе. Случилось так, что, подходя к станции Егорлыкской, красные были атакованы конницей генерала Павлова. Наши, пользуясь замешательством, разбежались, и вот они здесь — эти счастливы. Но в каком они виде и что они пережили, описать невозможно...

Из Кореновки мы шли в Екатеринодар. Я ехал на тачанке со знаменем Мингрельского полка. Через Екатеринодар тянулись непрерывной лентой обозы. В Екатеринодаре нас разместили на Дубинке. В день прибытия в Екатеринодар полковник Кузнецов слег в сыпном тифе. Остатки гренадер опять были сведены в батальон, который принял полковник Кочкин.

Эвакуация была в полном ходу. Нужно было во что бы то ни стало вывезти полковника Кузнецова. С большим трудом удалось поместить его в санитарный поезд только 3 марта. Мало того, я назначил особый офицерский наряд, которому вменялось в обязанность проследить момент отправления поезда. За шесть дней до оставления Екатеринодара оставшимся гренадерам и кавказским стрелкам, построившимся под железнодорожным виадуком, генерал Деникин произвел смотр. После смотра генерала Деникина окружили офицеры, задавая целый ряд вопросов на животрепещущие темы. Главнокомандующий в своих ответах подавал надежду на могущий еще произойти в настроении масс перелом, упомянул о том, что нас в любой момент поддержит английский флот, а в крайнем случае нами прочно еще удерживается Крым. Относительно выступления капитана Орлова⁶⁴⁹ Главнокомандующий сообщил, что движение это благополучно ликвидировано.

4 марта в 8 часов утра остаткам гренадер, в количестве 45 человек, приказано было перейти на станцию Крымская, где они должны были присоединиться к Добровольческому корпусу. В этот день Екатеринодар оставался нашими частями. Повозки стояли сплошной стеной от

Екатерининского парка до моста, все прилегающие улицы к району мостов также были забиты. Еле-еле можно было пробираться между ними пешеходу. Отходившие части грабили винный склад, разнося от туда спирт кто в чем мог.

В городе началась стрельба. В полдень мы перешли Кубань по железнодорожному мосту и остановились в Георгие-Афипской. В тот же день железнодорожный мост через Кубань был взорван нашими частями. Половина моих вещей не успела переехать через мост и осталась на двуколке в Екатеринодаре. Другая половина вещей с обозом 1-го разряда перешла мост еще накануне и находилась где-то в пути. На мне была маленькая английская сумка с кружкой, двумя фунтами сахару, мылом, зубной щеткой и полотенцем. Кроме того, на мне висели палетка с документами и неизменный друг маузер. Больше со мной решительно ничего не было.

6-го вечером остатки гренадер во главе со мной прибыли на станцию Крымская, где мы должны были получить указания нашего командира, полковника Кочкина. В ожидании его прибытия прошли 7-е и 8 марта. Вечером 8 марта я почувствовал себя плохо. У меня поднялась температура, и я примостился в одном из стоявших на запасном пути вагоне. Вдруг, взволнованные, вбегают ко мне несколько наших офицеров и докладывают, что на станции появились дроздовцы, которые арестовали всех бывших на перроне офицеров, в том числе нескольких наших. Оказалось, дроздовцы демонстрировали свой коронный номер — «мобилизацию». Тут уже, конечно, никакие силы не помогали. Офицеры подвергались незаслуженным оскорблениям и даже побоям. Я вышел на совершенно обезлюдевший перрон и как раз наткнулся на полковника Туркула, шедшего в сопровождении конвоя. У нас произошел разговор, в котором я указал властителю положения на всю неприемлемость по отношению к офицерам приемов вверенных ему частей и просил освободить арестованных. «Вы должны присоединиться к нам», — заявил он мне. «Прекрасно, но у нас есть свои начальники, приказания которых мы и исполняем». — «Хорошо, я вам достану приказ», — сказал полковник Туркул и пошел по направлению к штабному поезду. Я отправился к себе в вагон. Через час меня вызвали к месту расположения дроздовцев. Последние, в количестве роты, разместились у костров, расположенных в парке, прилегающем к станционным постройкам. Несколько поодаль на дереве висел труп повешенного. У отдельного костра сидели наши «мобилизованные». Мне предложили подписать именной список сдаваемых под расписку офицеров.

Пришлось подписать. «Ну вот, теперь повоюете, а то вы, как видно, не воевали еще», — донеслись до меня реплики дроздовцев.

Мы стали «дроздовцами».

Чуть свет получен был приказ погрузиться для следования в Новороссийск. Погрузились. У меня сразу начался сильный жар; на одной из остановок пришлось обратиться к доктору. «Боюсь, что у вас тиф, — сказал доктор. — Вы болели сыпняком?» — «Болел», — ответил я. «Завтра посмотрю вас еще раз», — сказал доктор и ушел.

К вечеру мы прибыли в Тоннельную. Мне сделалось совсем плохо. Наши гренадеры приняли во мне участие и устроили меня, наконец, в классный вагон. Я просил их меня не бросать, в случае если я потеряю сознание. Всю ночь я бредил. Под утро немного забылся. В это время мои новые однополчане сгрузились с эшелона и ушли в Новороссийск, оставив меня на произвол судьбы. К счастью, утром мне стало легче. Я лежал один в вагоне. «Ну, нужно уходить, пока не поздно», — сказал я вслух и, собрав последние силы, встал и тронулся в путь.

Придя в Новороссийск, я не знал, кого и где искать, но случай помог. Идя по путям, я вдруг услышал, что меня кто-то окликнул. «Котэ, ты ли это? — встретил меня поручик Богомолов. — Здесь наша хозяйственная часть, вот в этом вагоне, — указал он рукой, — идем к нам, для тебя найдется место». В теплушке было уютно и тепло. Меня напоили чаем и уложили. Наутро пришел Гранитов. Посмотрев на меня, он сказал: «Знаешь что, сегодня идет пароход на Кипр. Уезжай-ка ты, подлечись. Сейчас тебе здесь все равно нечего делать». Я колебался. Путешествие в полную неизвестность без гроша денег в кармане казалось мне рискованным. Нехотя пошел я за Владимиром. Пришли мы в бюро на Серебряковской улице, там была масса народа. «Ну, становись в очередь, а я сейчас приду», — сказал Володя и ушел. Я постоял, постоял в очереди, мне стало плохо, и я решил не ехать. Когда я вернулся в вагон и лег, мне передали, что только что был Гранитов, который меня разыскивал. Вскоре Володя пришел опять. «Ты почему же не остался? — возмущался он. — Ну-ка, идем вместе...» Через час, получив необходимые документы, я шел на восточный мол, где стоял целый ряд громадных пароходов. Мои документы написаны были на пароход «Бургомистр Шредер». Громадный корпус «Шредера», как трехэтажный дом, возвышался над пристанью. Усиленным темпом шла погрузка при помощи команд с английского дредноута «Император Индии». Грузили автомобили, орудия, обмундирование и всякие другие грузы, тархтели лебедки и звенели цепи. В ушах у меня стоял стон. С большим трудом поднялся я по трапу. На мостике у меня потребовали, через переводчика, документы. «С вами есть оружие?» — последовал вопрос. «Есть». — «Сдайте его сейчас, вы получите его обратно по прибытии на место». Я снял свой маузер и передал

его морскому офицеру. К слову сказать, маузер свой я уже больше не увидел — англичане его мне не вернули.

Затем мне указано было, в какой трюм мне идти. И на этом процедура погрузки кончилась. В трюме № 2, в который я был назначен, было полно народу. Ни одного свободного места на полу уже не было. Долго я бродил, пока не примостился около сорного ящика. К счастью, в этот же день мне дали два одеяла. Я получил возможность прилечь. Когда я очнулся, мы были уже в Севастополе. У меня оказался возвратный тиф. Не помню, сколько дней мы простояли, помню только, что многие волновались, что какая-то комиссия будет свидетельствовать отъезжающих на предмет годности их к строю. Потом что-то долго грузили...

«Ну, господа, сейчас уходим», — сказал кто-то. «Уходим, — старался собрать я мысли, — уходим в полную неизвестность, всецело полагаясь на милость наших союзников», — звучало в голове, и болезненно хотелось взглянуть еще раз на то, что мы покидали.

Собрав все силы, я поднялся по сходням на палубу. Мы выходили на внешний рейд Севастополя. На палубе было много народу. Каждому хотелось не пропустить момент вынужденного прощания с Родиной. Вот контуры берега стали сливаться в утреннем тумане, — лица у всех стали серьезными. Многие плакали, другие крестились.

«Прощай Россия», — вырвалось и у меня.

Б. Павлов⁶⁵⁰

ГИБЕЛЬ ГРЕНАДЕРСКОГО БАТАЛЬОНА В ДЕСАНТЕ НА КУБАНЬ⁶⁵¹

В июле пошли слухи, что наше мирное пребывание на берегу Черного моря скоро кончится. Полк получил пополнение, получил недостающее вооружение и стал опять внушительной силой. Кроме всего, в него отдельным батальоном был влит Гренадерский полк в триста человек, почти одних офицеров.

* * *

Передохнуть в Приморско-Ахтарской не удалось. Не успели мы хорошо поесть, как был отдан приказ выступать дальше. Наш полк получил приказание занять позиции около так называемых Свободных Хуторов, находящихся верстах в двадцати по железной дороге от При-

морско-Ахтарской, и прикрывать высадку главных сил десанта. Нужно было торопиться, чтобы не дать красным опомниться и подтянуть силы.

На другой день рано утром большевики повели наступление. Наступил день тяжелый для нашего полка.

Наш полк занял позиции ночью, действуя на ощупь, не зная, что впереди и вокруг него. Два батальона заняли позицию левее железной дороги. Правее, довольно далеко от железной дороги, у Свободных Хуторов, занял позицию третий Гренадерский батальон.

Наступала на нас кавалерийская дивизия, имеющая в своем распоряжении артиллерию, которая начала нас усиленно обстреливать. Наша артиллерия еще не успела подойти, и мы не могли ответить им тем же.

Большевики, наверное узнав, что в железнодорожной будке находится штаб полка, взяли ее по-серьезному под обстрел. Снаряды, все сотрясая, рвались совсем рядом. Такого обстрела я еще не переживал. Перепуганный, я сидел за кирпичной стеной какого-то сарая и просил у Бога, чтобы этот ужас скорее кончился. Судьбе хотелось быть милостивой к нам, и на этот раз попаданий не было. Было много грохота, переживаний и страха, но никто не был даже ранен.

При такой обстановке наш штаб на какой-то промежуток времени оказался отрезанным от остальных частей полка. Позднее обнаружилось, что большевики бросили свои главные силы на наш крайний правый фланг, занимаемый Гренадерским батальоном, с целью его окружить

Бой там продолжался несколько часов без перерыва. Патроны были на исходе. Около полудня батальон не выдержал и начал отступать. Но в своем тылу он натолкнулся на красных и оказался отрезанным от своих. Мало кто пробился из окружения. Большинство или были порублены красной конницей, или взяты в плен. В этот день батальон потерял убитыми и взятыми в плен 200 человек, среди них четыре сестры милосердия.

В этом, казалось бы, безнадежном положении нашлись командиры, которые не растерялись, не поддались панике и сохранили присутствие духа.

Прорываться пришлось через хутора. Каждые 40—50 шагов был забор, через который нужно было перелезть. Как рассказывали, у одного из таких перелазов остановился начальник пулеметной команды поручик Слободянюк с пулеметом; его огнем он прикрывал отступление. У него уже кончались пулеметные диски. Увидев среди бегущих своего брата, он закричал ему: «А диски взял?» На обязанности младшего брата было носить пулеметные диски «Нет, не взял», — отве-

тил тот смущенно «Тогда иди обратно и принеси их сюда», — отдал поручик брату довольно жестокое приказание. Младший брат точно исполнил приказ старшего брата. Побежал обратно, пробрался на оставленную ими позицию, на глазах у подходивших красных забрал диски и принес их старшему брату. Эти диски спасли людей, прорывавшихся вместе с этими двумя братьями, от большевистского плена.

К вечеру подошла наша артиллерия, и Свободные Хутора, где произошла трагедия Гренадерского батальона, были нами взяты обратно. На другое утро были подобраны убитые и раненые. Убитых было около ста человек, и, наверное, много еще ненайденных осталось лежать в зарослях кукурузы, в камышах плавней

В степи была вырыта большая братская могила, и все трупы свезены к ней. Все они были догола раздеты. Кто-то позарился на синие бриджи, на хорошие сапоги. Среди убитых были и такие, которые были сначала ранены, а позднее кем-то добиты. Но и этого мало: кто-то издевался над ними, кто-то мучил раненых перед тем, как убить. У многих были выколоты глаза, на плечах вырезаны погоны, на груди звезды, отрезаны половые органы.

* * *

Гибелью Гренадерского батальона и смертью помощника командира полка начался для нашего полка Кубанский десант.

Вечером в станице Ольгинской неожиданно в штаб нашего полка явились два офицера из нашего Гренадерского батальона, которые уже были нами причислены к погибшим. Спаслись они чудом. Как они рассказывали, батальон был окружен, попытка пробиться окончилась неудачей. Патроны все вышли. На спасение не было никакой надежды, и они сдались, другого выхода не было. Офицеров сразу же отделили от нижних чинов и начали издеваться над ними и избивать. На ночь их поместили в какой-то сарай. Их было больше 50 человек. Из разговоров конвоиров они поняли, что утром их ожидает расстрел. И вот эти два офицера сговорились, что, когда их утром поведут на расстрел, они попытаются бежать. Терять было нечего, а может быть, посчастливится, и удастся спастись.

На рассвете их вывели и повели на станицу по дороге, идущей кукурузными полями. Эти два офицера шепотом пробовали уговорить шедших с ними соседей тоже рискнуть и броситься всем одновременно в разные стороны. Но их план не встретил сочувствия. Для этого нужна была какая-то решимость, а ее у большинства уже не осталось.

Тогда один из них сильно толкнул ближайшего конвоира, так что тот упал. Настало замешательство, воспользовавшись которым они бросились в чашу рядом растущей кукурузы. Конвоиры открыли огонь, но преследовать не решились, видимо боясь растерять остальных пленных. В этих зарослях кукурузы офицеры и скрывались два дня, питаясь початками зеленой кукурузы

Остальные же пленные были расстреляны. Трупы их позднее были найдены какой-то казачьей частью.

*И. Горяйнов*⁶⁵²

13-Й ПЕХОТНЫЙ БЕЛОЗЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВОЛКОНСКОГО ПОЛК В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ⁶⁵³

13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк⁶⁵⁴, один из старейших полков Российской армии, был основан Императором Петром I в 1708 году. Полк имел Георгиевское знамя за Севастополь, и все его четыре батальона — знаки на шапки с надписью «За Варшаву 25-го и 26 августа 1831 года»

Старый полк возродился в Гражданскую войну, во время боев за Донецкий бассейн. Как и другие формирования Добровольческой армии, полк вырос из небольшой группы офицеров полка и, постепенно впитывая в себя офицеров-однопольчан и однодивизионников (4-й пехотной дивизии) Олонецкого, Шлиссельбургского и Ладожского полков и усиливаясь пополнением из добровольцев, мобилизованных и пленных, разворачивался в роту, батальон и полк, входя в состав 3-й пехотной дивизии⁶⁵⁵, начальником которой был генерал-майор Витковский (кадровый офицер лейб-гвардии Кексгольмского полка), содействовавший организации и укреплению полка. Затрудняла формирование вопиющая нужда в вооружении, снаряжении и обмундировании, что было общим явлением для всей Добровольческой армии. В то время все добывалось у врага ценой крови.

В январе—феврале 1919 года полк насчитывал 62 штыка.

Первым командиром полка был полковник Радченко, молодой энергичный кадровый офицер Белозерского полка, служивший в полку еще в мирное время и всю Великую войну. В Харькове полковник Радченко сдал полк новому командиру полковнику Генерального штаба Борису Александровичу Штейфону (кадровый офицер 124-го пехотного Воронежского полка), который был до этого начальником штаба 3-й пехот-

ной дивизии и сдал свою должность полковнику Генерального штаба Федору Эмильевичу Бредову⁶⁵⁶.

В Харькове полк пополнялся офицерами и добровольцами, и в его составе было уже около 100 офицеров. В полку было два батальона, в ротах по 70—80 штыков. Третий батальон был сформирован в Харькове из учащейся молодежи освобожденного города. Создавались кадры Олонецкого и Ладожского полков.

Едва окрепнув и сформировавшись, полк в составе 3-й пехотной дивизии был двинут на фронт в составе 800 штыков при 15 пулеметах. В начале июля 1919 года полк принял участие в боях, заканчивая одновременно свое формирование на походе и в боях (как и большинство частей Добровольческой армии). Полк участвовал в тяжелых оборонительных боях в районе Грайворона, в 40 верстах от Харькова.

Совместно с Дроздовской батареей и приданным ему дивизионом иркутских гусар полк наступал на север. Упорные бои происходили за обладание железной дорогой Белгород — Сумы. В это время полк сформировал свой собственный запасный батальон, который комплектовался мобилизованными и, главным образом, пленными красноармейцами. Таким образом, каждый батальон полка имел свою запасную роту, которая пополняла его проверенными и обученными солдатами.

По овладении линией Белгород — Сумы полк продолжал наступление к северу и, форсировав реку Псел, занял город Суджа.

На станции Готня полку был придан Сводный батальон 31-й пехотной дивизии⁶⁵⁷, сформированный в Харькове. Там же действовал Олонецкий пехотный полк, едва достигавший численности в 250 штыков.

После тяжелых боев у Мирополья полк принял участие в наступлении на Курском направлении, на участке Коренево — Льгов, где ему было приказано прикрыть Льгов со стороны Брянска.

В штабе 1-го армейского корпуса на станции Льгов генерал Кутепов сообщил полковнику Штейфону, что полк входит отныне вместе с Олонецким полком во вновь создаваемую 4-ю пехотную дивизию⁶⁵⁸ и, таким образом, выходит из состава Дроздовской дивизии⁶⁵⁹. К этому времени, в результате тяжких потерь, полк насчитывал всего 215 штыков.

4-я пехотная дивизия, временным начальником которой был назначен полковник Штейфон, направлялась в состав Полтавского отряда генерал-лейтенанта Ф.Э. Бредова, входившего в состав войск Киевской области⁶⁶⁰, командующим которыми был генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров⁶⁶¹.

Полковник Штейфон произвел частную мобилизацию в прифронтовой полосе, что дало полку около 2000 солдат.

Белозерский полк прославился штурмом Чернигова, в котором было захвачено несколько тысяч пленных, много пулеметов и другой военной добычи. В районе Яновки было захвачено 16 орудий. Особенно отличились 9-я и 10-я роты, все солдаты которых были награждены Георгиевскими медалями. Командир 3-го батальона полковник Гаус получил благодарность от генерала Бредова. Тяжело раненный командир 10-й роты поручик Радченко был произведен в следующий чин.

Славный штурм Чернигова был последним победным делом полка. По всему фронту Вооруженных сил Юга России наступили неудачи.

Сдав 4-ю пехотную дивизию генералу Шевченко, полковник Штейфон сдал затем и 13-й пехотный Белозерский полк, будучи назначен начальником штаба генерала Бредова. Полк отступал на Одессу, а затем, в составе отряда генерала Бредова, на север, вдоль реки Днестра, до соприкосновения с польскими войсками. В Польше отряд был интернирован, и полк до августа 1920 года пребывал в лагерях. Затем остатки полка вместе с другими частями отряда были переброшены через Румынию в Крым.

Чтобы представить себе жертвенный путь полка, следует вспомнить, что с момента выхода из Харькова и до начала Бредовского похода через его ряды прошло около 10 тысяч офицеров и солдат. Не столько боевые потери, сколько тиф косил ряды полка... Тиф был тогда союзником красных и жестоким врагом белых.

*Б. Штейфон*⁶⁶²

КОМАНДОВАНИЕ БЕЛОЗЕРСКИМ ПОЛКОМ⁶⁶³

На станции Иловайская, в ожидании прибытия Главнокомандующего, меня подозвал генерал Май-Маевский:

— Я знаю, что вы желаете командовать полком. Хотите получить Белозерский полк?

Белозерский полк входил в состав 3-й дивизии, и о нем я, как начальник штаба, имел точное представление. Один из старейших и славных полков Императорской армии, он только лишь возрождался.

Просматривая накануне ведомость боевого состава дивизии, я точно запомнил боевой состав Белозерского полка: 62 штыка!

Эта цифра быстро промелькнула в моей памяти.

— Разрешите, Ваше Превосходительство, подумать?

— Ну подумайте. Даю вам 5 минут на размышление.

За подобный срок я, конечно, ничего не мог «надумать». Я старался лишь прислушаться к тому внутреннему голосу, который в трудные минуты нашей жизни подсказывает нам то или иное решение.

Через две минуты генерал Май-Маевский снова подозвал меня:

— Надумали?

Каким-то инстинктом я почувствовал в это мгновение, что Белозерский полк — это моя судьба, и не колеблясь ответил:

— Согласен, Ваше Превосходительство.

— Ну вот и прекрасно. Я знаю полк давно. В нем всегда был прекрасный дух, и вы не будете сожалеть. Я доволен, что вы будете его командиром. Вот подходит поезд, и я сейчас доложу о вас Главнокомандующему.

По-видимому, со стороны генерала Деникина никаких препятствий к моему назначению не было, так как тут же, на перроне, он поздравил меня командиром Белозерского полка.

Ныне с белозерцами у меня связаны самые светлые и сильные воспоминания, а время, когда я ими командовал, является лучшим периодом в течение всей моей 25-летней службы. И если судьбе было бы угодно снова поставить меня во главе Белозерского полка, я считал бы подобное назначение как величайшую для себя честь и радость.

Зарождение и формирование новых частей в Добровольческой армии происходило обычно по одному и тому же шаблону. Когда собиралось несколько офицеров какого-либо прежнего полка, они начинали мечтать о его восстановлении. Если это были люди энергичные и дельные, то они переходили от слов к делу. Они разыскивали своих однополчан и образовывали N-скую ячейку. Когда ячейка имела 15—20 человек, она просила командира того «цветного» полка, в котором находилась, разрешение сформировать N-скую роту. Обычно командиры полков поддерживали подобное начинание и на усиление новой роты назначали 15—20 солдат, из числа пленных красноармейцев. Подобная рота, преследуя свои затаенные цели, стремилась набрать возможно больше пленных, захватив оружие, снаряжение и т. п. Короче говоря — сформироваться. Параллельно с этим разыскивался прежний командир, или кто-либо из наличных старших офицеров становился таковым. Он устраивался в ближайшем тылу и тихонько, без лишнего шума, формировал строевую канцелярию, хозяйственную часть, обоз... Рота, работающая на фронте, прекрасно знала, что если она начнет разбухать, то командир батальона отберет все «излишки». Поэтому эти «излишки» — пленные и вообще трофеи — переправлялись в штаб «своего» полка. О подобных отправках командир «цветного» полка, конечно, знал, однако подоб-

ный порядок формирования полка почитался неписанным добровольческим законом и нарушать его не полагалось.

Как Плюшкин «подтибривал» ведро у зазевавшейся бабы, так не считалось зазорным «зажать» у богатого соседа винтовку, снаряжение, патроны, а если представлялся случай, то и пулемет или лошадь.

Когда ловили с поличным — отдавали без запирательств, и обе стороны в таких случаях претензий друг к другу не имели.

В итоге, в зависимости от энергии и возможностей, в один прекрасный день к командиру «цветного» полка прибывала новая N-ская рота. Таким порядком создавался батальон. А когда это случалось, то командир нового полка являлся к начальнику дивизии, докладывал, что им сформирован батальон, просил дать батальону самостоятельный участок и «записать на довольствии».

Если часть была сильна духом, она, несмотря на потери в боях, усиливалась и развертывалась в полке, каковой затем и утверждался Главкомандующим. Морально слабая часть обычно хирела и не выходила из периода хронического формирования.

Приблизительно в таких условиях сформировалось и ядро будущего Белозерского полка. Какое они имели имущество, что хранилось в их потайных складах, я не знал. Это была ведь их семейная тайна. Было ясно только одно: прежде чем командовать полком, его необходимо было сформировать.

Мой начальник дивизии генерал Витковский, с которым я жил дружно и работал в полном согласии, не считал возможным немедленно отпустить меня для вступления в новую должность. Он полагал и убедил командира корпуса и командующего армией, что в начинающейся большой операции я буду более полезным в роли начальника штаба, чем командира 62 штыков.

Так как новые части Добровольческой армии обычно не создавались попечением свыше, на основании определенной системы, а самоформировались явочным порядком, то решение генерала Витковского удержать меня на должности начальника штаба немало способствовало успеху формирования Белозерского полка. Несмотря на беспристращность начальника дивизии, все же и он, и довольствующие органы, по понятным человеческим слабостям, были, конечно, более щедрыми в отношении «полка начальника штаба»...

Принимая полк, я имел к тому времени и солидный служебный стаж, и высшее военное образование. В силу этих обстоятельств мои новые обязанности представлялись мне вполне отчетливо. Ни строевые, ни тактические вопросы меня не смущали. Робел я только перед одной областью — перед хозяйством. Не чувствуя склонности к

делам подобного рода, я всегда их сторонился, а между тем эта отрасль полковой жизни играла громадную роль. Судьбе угодно было послать мне незаменимого помощника по хозяйственной части, генерал-майора Черниоловского⁶⁶⁴, большого знатока-практика полкового хозяйства и человека кристальной честности. Он идеально вел обширное хозяйство, причем, чем я особенно дорожил, внес в эту отрасль все навыки, формальные и этические, какие были свойственны Императорской армии.

Когда во время Бредовского похода генерал Черниоловский погиб, полк и я искренно его оплакивали.

В Харькове Белозерский полк располагался на Москалевке, в бывших казармах Пензенского полка. Полком временно командовал полковник Радченко, молодой человек, служивший в полку еще в мирное время и пробывший в его рядах всю Великую войну. Храбрый, энергичный и невозмутимый, он был предан всей душой родному полку.

Когда я приехал принимать полк, ко мне навстречу вышел молодой высокий подпоручик, с гладко стриженной головой и добрыми, чистыми глазами.

— Здравия желаю, господин полковник! Пожалуйте, мы вас ожидаем.

Он сказал это таким приветливым голосом, его лицо так радостно улыбалось, что со стороны можно было посчитать, что подпоручик встречает не незнакомого командира полка, а близкого ему человека. Я в свою очередь поздоровался с ним тоже приветливо. Это был оперативный адъютант, подпоручик И.И. Глоба⁶⁶⁵, в дальнейшем мой старательный, безотказный помощник и вернейший друг.

По прибытии в полк я захотел прежде всего познакомиться с офицерами и был приятно удивлен, когда при представлении мне командного состава увидел около 100 офицеров. Несмотря на стремление офицеров представиться мне возможно лучше, я все же обнаружил немало чисто внешних недочетов, что откровенно и высказал. В дальнейшем, когда мои отношения с полком приняли формы исключительного единения и доверия, я узнал, что мое первое появление вызвало горячие споры. Сторонники новых течений считали, что такая строгость не соответствует традициям Добровольческой армии. Поклонники регулярных начал, наоборот, одобряли:

— Командир полка никому ничего обидного не сказал, а сказал только правду. И если он подтянет всех, то будет только хорошо.

Продолжали прием, я все время испытывал приятное разочарование. В полку оказалось 3 батальона, а в ротах по 60—70 штыков. По добровольческому масштабу это был уже солидный полк. Хромали, и

очень сильно, все отделы снабжения. Не хватало винтовок, пулеметов, телефонного имущества, обмундирования, снаряжения. Обоз находился лишь в зачаточном состоянии. В общем, полк был сформирован на живую нитку. Необходима была еще большая напряженная работа. Во всяком случае, то, что было уже сделано, свидетельствовало, как много любви и труда вложили в дело формирования полка и его временнокомандующий и офицеры.

После приема полка офицеры пригласили меня в собрание на чашку чая. Это был действительно только чай с каким-то печеньем, и мне понравилось, что ни за одним столом чай не отдавал спиртом. Играл оркестр, и, несмотря на свое недавнее формирование, играл вполне прилично.

Я знал, что мне не дадут долго засиживаться в Харькове и поэтому старался полностью использовать временный отдых полка.

Как было указано раньше, формирование новых частей в Добровольческой армии происходило в условиях крайне своеобразных и ярко отражавших нравы и обычаи того периода.

Как начальник штаба, я был знаком лишь с внешней стороной приемов формирования и, только став командиром полка, полностью познакомился с виртуозной техникой подобного дела. Причем познакомился, конечно, не сразу, а путем довольно продолжительного опыта.

Не сомневаюсь, что главное командование издавало те или иные общие законоположения, регламентирующие вопросы формирования. Однако должен признать, что лично мне эти законоположения остались неизвестными. И конечно, не моя вина, что я не получил необходимых указаний. Не получали их и другие командиры полков, почему каждая часть формировалась по своему усмотрению. Отрицательные последствия подобной импровизации не ограничивались, конечно, только пестротой штатов, отражавшейся на боеспособности полков. Последствия эти были гораздо глубже и печальнее: «личное усмотрение», применяемое при формировании, обычно и очень скоро распространялось решительно на все стороны полковой жизни и приводило как начальников, так и подчиненных к забвению законности.

С первого же дня своего командирства я убедился, что рассчитывать на какие-либо нормальные отпуска от интендантства и прочих довольствующих органов — не приходится. Все надо было раздобывать собственным попечением и инициативой. Прекрасно зная по прежней штабной службе все возможности начальника дивизии и командира корпуса, я не затруднял этих лиц своими просьбами. При всем своем желании и тот и другой могли помочь полку очень малым: у них самих ничего не было.

Надо было идти не служебными и официальными путями, а частными и иногда довольно кружными.

Харьков, встретивший нас так ликующе, проявил большую жертвенную готовность всячески помогать армии.

В первые же дни по занятии города полк получил много офицеров и добровольцев, причем в числе последних преобладала главным образом учащаяся молодежь. Это пополнение и дало возможность сформировать третий батальон и усилить роты до указанного ранее состава.

Прием добровольцев протекал без признаков какой-либо системы. Каждая часть образовывала свое вербовочное бюро, которое и принимало всех желающих без лишних формальностей. Выбор части зависел исключительно от желания поступающих, причем это желание являлось зачастую следствием чисто внешних впечатлений — одних соблазняла нарядная форма дроздовцев, у других оказывались знакомые в артиллерии. Убежден, например, что большое число добровольцев, записавшихся в Белозерский полк, объясняется главным образом тем обстоятельством, что на параде в день приезда Главнокомандующего белозерцы произвели впечатление своими касками. Что же касается офицеров, то, насколько я мог судить, их привлекал Белозерский полк как полк прежней Императорской армии.

Для объяснения офицерской психологии тогдашнего времени является интересным нижеследующий факт: в Харькове, еще в мирное время, стоял полк 31-й пехотной дивизии, и офицеры этих частей, в числе нескольких сот человек (первоочередных, второочередных и запасных полков), воздерживались от немедленного поступления в Добровольческую армию. Они верили, что будут воссозданы их родные части, и личным почином образовали свои, очень сильные и духом и числом ячейки. К сожалению, о чем речь будет ниже, эти надежды, как правильно проведенная система, осуществлены не были.

Еще до моего вступления в командование полком у белозерцев тоже были сформированы две офицерские роты. Обходя при приеме полка все роты, я зашел в помещение одной из офицерских рот, бывшей в тот день в карауле.

Меня встретил солидный подтянутый полковник, которого я знал уже батальонным командиром в мирное время.

— Здравствуйте, господин полковник, как, и вы служите в Белозерском полку?

— Здравие желаю, господин полковник, так точно, служу.

— На какой же вы должности?

— Фельдфебель офицерской роты.

Я улыбнулся, но в душе испытал большую неловкость, ибо стоявший рядом командир роты был молодой штабс-капитан...

Моя предыдущая годичная служба в Добровольческой армии, конечно, не могла поколебать во мне всего того, что было создано и укреплено многолетним пребыванием в Императорской армии. Эта служба не могла опровергнуть правильности тех основ военного дела, какие я приобрел в Академии. Поэтому я считал, что в тот период, когда Добровольческая армия вышла на «большую московскую дорогу» и стала осуществлять задачи общегосударственного масштаба, ей и надлежало вернуться к принципам регулярной армии. И это регулярство стало настойчиво проводиться в Белозерском полку, благо мне никто если и не помогал, то и не мешал. Это было тем легче выполнить, что в то же время армия переживала своеобразный «удельно-вечевой» период.

Каждый командир полка был фактически неограниченным хозяином своей части. Если он добросовестно выполнял даваемые сверху задания и если к тому же полк хорошо воевал, то этими данными, в сущности, и ограничивались его взаимоотношения с высшими инстанциями. Существовал неписанный, но всеми выполняемый и крайне вредный по своим последствиям командирский закон: раз начальство мне ничего не дает, то оно и не должно вмешиваться в мои внутренние дела...

Большим злом Добровольческой армии являлась партийность в офицерской среде. Это не была, конечно, партийность политического характера. Зло заключалось в делении офицеров на «старых» и «новых». Первая группа, притом меньшая числом, занимала командные должности и пользовалась всеми правами офицера и начальника. Вторая группа, резко увеличившаяся после выхода армии из Донецкого бассейна, в массе своей никакими правами не пользовалась, считалась рядовыми и лишалась даже тех офицерских преимуществ, какие дарованы уставом каждому офицеру.

Еще в Каменноугольном районе, мне, как начальнику штаба дивизии, было известно, что в Белозерском полку существуют партии. К «старым» белозерцам причислялись не только те, кто служил раньше в полку, но и лица, присоединившиеся к Белозерской ячейке в первые месяцы ее существования. В свою очередь, «старые» тоже дробились на группы. Одни поддерживали полковника N.N. Эти печальные явления приносили не менее печальные последствия. Как человек для полка новый, я, конечно, не имел ни желаний, ни оснований поддерживать ту или другую группировку. «Надпартийность» командира дала прекрасные результаты: всякая партийность скоро исчезла и офицерский состав стал единым.

Не афишируя своих «регулярных» взглядов, мне удалось в короткий срок установить более или менее правильную полковую организацию и привить полку те тактические основы, какими всегда руководствовалась Русская армия.

И тот феерический расцвет духовных и материальных сил полка, какой наблюдался в дальнейшем, объясняется, на мой взгляд, исключительно принципами регулярства. Называю этот расцвет феерическим на основании цифровых данных: выступив из Харькова в составе около 800 штыков, имея не более 15 пулеметов, с зачаточным состоянием вспомогательных команд, обоза и хозяйственной части, полк, после трех месяцев тяжелых боев, потеряв около 4000 человек убитыми, ранеными и больными, к моменту штурма Чернигова имел 2000 штыков, более 100 пулеметов, конно-разведывательную команду (200 шашек), запасный батальон (около 600 человек), прекрасно снабженную полковую и батальонные команды связи и богатую хозяйственную часть с оборудованными мастерскими (оружейной, портняжной, сапожной и т. д.).

В полку имелась даже собственная газета «Ведомости пехотного Белозерского полка». И это не была газета полевого типа, выпускаемая, в подобных случаях, в количестве 20—30 экземпляров, отпечатанных на пишущих машинках. Нет, это была настоящая газета, печатавшаяся в местных типографиях, с ежедневным тиражом в несколько сот номеров. Она обслуживала не только полк, но и занимаемый район.

Как было указано раньше, при формировании новых частей вновь образованные ячейки всегда стремились вести свои формирования при каком-нибудь достаточно сильном полку. В свое время белозерцы были пригреты дроздовцами. По выходе из Харькова к Белозерскому полку присоединились и формировались Иркутский гусарский полк, Олонецкий полк, Сводный батальон 31-й дивизии, а затем и Ладожский полк⁶⁶⁶. Подобная тяга очень характерна и свидетельствует, что регулярные принципы встречали сочувствие офицерских масс.

Крепко памятуя пример Харькова и тлетворное влияние чествований и банкетов, я уже никогда в дальнейшем не принимал приглашений и не допускал у себя в штабе ни «объединений», ни «приветствий»...

Занимая тот или иной город, обычно устраивался парад войскам, причем произносилась речь. Всегда одна и та же по объему и по содержанию: «За Великую, Единую, Неделимую Россию — ура!»

Этой «речью» в торжественной обстановке объявлялся жителям тот единственный лозунг, какой был написан на знаменах Добровольческой армии.

Дальнейшее наступление

В конце июня мне было приказано выслать на фронт, в распоряжение командира Сводно-стрелкового полка⁶⁶⁷, один батальон. Я командировал 1-й батальон, наиболее сильный в то время и по духу, и числом. Батальон имел 8 пулеметов. Командиром его был капитан О., георгиевского военного таланта. Он давно погиб, но имя его считается гордостью полка.

В начале июля, у Богодухова, на участке Дроздовского полка⁶⁶⁸ произошла неустойка и весь Белозерский полк был спешно двинут на поддержку. Ко времени нашего подхода к Богодухову доблестные дроздовцы своими силами выпрямили положение, однако вышедший на фронт полк в резерв уже не возвращался.

Штаб полка и резерв располагались в маленьком заштатном городке Золочеве. Слабость наших сил была очевидна, и золочевцы не возлагали, по-видимому, особых надежд на силу белых войск, что побуждало их не слишком ярко выражать свои чувства.

В Золочеве, как и во всех иных местах, где мне приходилось бывать, я наблюдал одно и то же явление. В своей массе и горожане и крестьяне были явно на стороне белых. Однако неуверенность в завтрашнем дне — это особенно резко проявлялось в прифронтовой полосе — побуждала быть осторожней. Население охотно помогало армии всем, чем только возможно, но при условии, чтобы мы не «просили», а «требовали».

Как правило, гражданский тыл никогда не поспевал за войсками, потому я обычно никогда не встречал в занимаемом районе начальников уездов, уездную стражу и иных, столь же необходимых властей. Первое время — и зачастую продолжительное — освобожденные нами районы переживали полное безналичие, а так как жизнь предъявляла на разрешение массу вопросов, то явочным порядком воссоздавались прежние выборные органы управления. Причем я никогда не наблюдал, чтобы это были органы Временного правительства. Авторитет последнего был настолько поколеблен в гуще населения, что лица, так или иначе связанные с идеологией этого правительства, не встречали никакого сочувствия. Это утверждение относится, впрочем, лишь к деревенским и уездным настроениям. В крупных центрах были, конечно, иные политические группировки и симпатии.

В деревнях появлялись обычно прежние старосты, и всегда это были разумные, хозяйственные мужики, с известной долей мужицкой хитрости, но с несомненно развитым государственным инстинктом.

Революционное похмелье давно уже прошло, деревня явно обнищала и на собственном опыте убедилась, что «рабоче-крестьянская» власть менее всего выгод дала крестьянам. И город и деревня жаждали власти, власти не призрачной, а твердой и справедливой. В представлении населения мы должны были быть именно такой властью. События, однако, показали, что мы не могли или не сумели оправдать этих ожиданий. Возможно, что было бы еще полбеды, если бы добровольческая власть оказалась нетвердой или пристрастной: жизнь, так или иначе, приспособила бы даже и такую власть к нуждам населения. В действительности оказалось худшее: совсем не было власти. Если она и существовала, то обычно вдоль железнодорожных магистралей. Чуть-чуть отходил я в сторону, как неизменно встречал полное безначалие. Первое, и довольно долгое время после прихода белых войск в деревнях преобладали государственно настроенные элементы, из числа тех, кто желал мирного труда и твердой власти. Элементы будирующие, хулиганствующие или со скрыто большевицким уклоном незаметно самопринижались. Их страшила сильная власть.

Однажды я встретил двух степенных мужиков, сопровождавших телегу, в которой сидели два связанных молодых парня. Оказалось, что это «отправляли по начальству фулиганов».

Один из конвоиров, с которым я заговорил, пригрозил хулиганам до сих пор памятными мне словами:

— Деникин, он вашему брату потачки не даст.

Судя по хмурым, бледным лицам, этому верили, по-видимому, и сами арестованные.

К сожалению, эта глубочайшая вера стала все больше и больше колебаться. «Деникина» не видели и не чувствовали, а антигосударственные элементы стали снова поднимать голову, убедившись, что «Деникин» не так-то страшен. А когда появилась белая администрация и одинокий стражник затерялся в крестьянском море, к тому времени вера «государственников» была уже подорвана, а враждебные нам настроения настолько окрепли, что бессильный стражник уже никого не обнадеживал и никого не устрашал.

Лишенная мануфактуры, сахара, керосина и всего того, что могла дать лишь сильная власть, деревня охладевала к Добровольческой армии и в одинаковой степени отвернулась и от белых, и от красных. Города (я наблюдал преимущественно уездные) находились в несколько лучших условиях. Там все же появлялось начальство и своим присутствием укрепляло авторитет добровольческой власти.

Уездные города черноземной полосы обычно являлись не более как посредниками между большими обрабатывающими центрами и дерев-

ней. Такие города не имели самодовлеющего значения. Поэтому российская политическая и экономическая разруха особенно отразилась на жизни подобных пунктов.

Жизнь явно замерла. Склады были пусты. В немногих магазинах уныло лежали на полках ненужные товары. Нужных же не было или было очень мало.

Все же прежний быт, создаваемый десятилетиями, еще сохранялся, и во многих мелочах чувствовались отголоски прежней привольной и сытой жизни.

Невольно обращало внимание отсутствие молодежи. Не только юношей, но и девушек. Впрочем, быть может, их так состарила революция, что они утратили и молодой вид, и звонкие голоса, и провинциальную шумливость...

Полку было приказано занять участок общим протяжением около 15 верст и не допускать выдвижения красных в сторону города Грайворона (около 40 верст севернее Харькова). Ровная, совершенно открытая местность и большое по сравнению с силами полка протяжение фронта значительно осложняли вопросы обороны. Большевики, наоборот, владели всеми командующими пунктами, дававшими им прекрасный артиллерийский и ружейный обстрел.

Формировать полк и вести бой — совмещение трудное. К нашему благополучию, большевики, по-видимому, находились еще под впечатлением прежних неудач и поэтому нечасто нас беспокоили. Несколько их попыток перейти в наступление и сбить полк успеха не имели. Постепенно роты и батальоны выучились маневрировать и скоро личным опытом убедились в могуществе этого боевого фактора. Пленные и взятое оружие наглядно свидетельствовали, что дух новой части крепнет.

Через две недели после выхода полка на фронт полк получил сперва от начальника дивизии, а скоро и от командира корпуса благодарность за боевую работу, причем впервые белозерцы были названы «доблестными». Этот незначительный по существу факт имел, однако, немаловажные последствия. Прослышав об успехах полка, из тыла стали прибывать офицеры и солдаты, находившиеся в госпиталях, приставшие к тыловым учреждениям и прочие. С ними зачастую приезжали и новые добровольцы. Все они неизменно просились в строй. Эта тяга в полк давала большое нравственное удовлетворение. В числе прибывших явился еще в Золочев полковник Г. Он служил в полку в мирное время и по праву мог называться «старым» белозерцем. Не веря, по-видимому, в возможность формирования полка, Г., имея протекцию, устроился при штабе армии. В Золочев он приехал под предлогом на-

вестить своего приятеля полковника Радченко и, представляясь мне, доложил, что через три дня «обязан» вернуться к месту своей службы. Я прекрасно понял, что он приехал не «в гости», а убедиться лично, насколько молва о достижениях полка соответствует действительности. Ему была предоставлена полная свобода действий.

Через три дня полковник Г. обратился ко мне с просьбой вновь принять его в полк. Я охотно согласился и в дальнейшем в его лице имел помощника, горячо любившего родной полк, стремившегося воссоздать прежние традиции и вписавшего не одну славную страницу в историю белозерцев. Своим возвращением он увлек и ряд других прекрасных офицеров.

Эпизоды, даже мелкие, зачастую свидетельствуют более убедительно, чем пространные отвлеченные рассуждения, и пример полковника Г. иллюстрирует, как сложен был офицерский вопрос в Добровольческой армии.

Штаб полка состоял из трех человек: моего помощника полковника Радченко, оперативного адъютанта подпоручика Глобы и начальника команды связи подпоручика Л. (не зная, где находятся многие лица, о которых упоминается в настоящем изложении, я воздерживаюсь называть фамилии полностью).

Прекрасно знавший родной ему полк с начала формирования, всегда корректный, дисциплинированный, быстро уяснявший обстановку, полковник Радченко был прекрасным во всех отношениях офицером.

Подпоручик Глоба являлся именно тем адъютантом, какой был мне необходим: неутомимый в работе, крайне исполнительный, он умел хранить секреты и был ко всем благожелателен. Чистой души человек, он, как и полковник Радченко, отличался редким беспристрастием.

Подпоручик Л. быстро усвоил мои требования и в самой тяжелой обстановке давал идеальную связь. Его команда, казалось, не знала усталости. Среди телефонистов было много учащейся молодежи, и потому работа команды всегда была очень сноровистой и грамотной.

С первого же дня боевых действий штаб полка был соединен телефоном с батальонами и ротами. Столь элементарное правило связи, о котором в нормальных условиях ведения войны не приходилось бы и вспоминать, в Гражданскую войну являлось уже крупным достижением, которое не только подчеркивали, но которым гордились... В напряженные периоды боя, когда полковой участок имел 25—30 верст, Глоба или я не отходили от телефона. Мы слышали все переговоры командиров батальонов и рот и потому всегда были в полном курсе дела. Прежде чем получалось донесение о неустойке на том или ином участке, мы

уже предугадывали критическое положение и к угрожаемому участку направлялся резерв. И когда батальонный командир возбужденным тоном докладывал о том, что «снимает телефон» и начинает отходить, в ответ ему сообщалось, что через 10—15 минут подойдет уже «полчаса тому назад» высланный резерв.

— Продержитесь?

— Так точно, продержимся, — слышался радостный и снова бодрый голос.

Подобная осведомленность скоро внушила крепкую веру полка в полковой штаб.

Строевая канцелярия находилась всегда в тылу. Ездить туда и, следовательно, оставлять полк я не мог, а потому периодически вызывал для доклада полкового адъютанта, подпоручика Х. Он почему-то боялся меня, хотя повода ему для этого я и не давал. Несмотря на подобную боязнь, он все же, пользуясь своей отдаленностью и отсутствием надзора, злоупотреблял моим доверием. Стал пить, ухаживать, а иногда просто безобразничать. Открылось это случайно. Однажды он прибыл ко мне с докладом. По своему обыкновению, франтовато одетый, с тщательно сделанным пробором и сильно надушенный какими-то скверными духами.

Я долго крепился, но затем не выдержал:

— Что это вы так благоухаете?

Адъютант страшно смутился, покраснел и почему-то прикрыл рот рукой.

— Виноват, господин полковник, это вчера у меня были гости, мы случайно засиделись и...

— И немного выпили.

Я смотрел на него, он на меня. Тут-то я почувствовал ясный аромат винного перегара.

Произошло забавное недоразумение. Спрашивая, почему он «так благоухает», я имел в виду исключительно запах духов. Поручик Х., зная за собой вину, вообразил, что под благоуханием я подозреваю винный перегар.

Это *qui pro quo* открыло мне глаза, и были приняты нужные меры.

Подобные случаи были, впрочем, единичны, и в своей массе строевое офицерство служило своей Родине с полным самопожертвованием и с большим аскетизмом.

С первых же дней выхода полка из Харькова я стал убеждаться, что фактом формирования офицерских рот была допущена крупная ошибка. В первом же бою одна из таких рот проявила и нервность, и недостаточное упорство. Узнав об этом, я прибыл на участок роты и

приказал ее собрать. Заметив суету, большевики стали посыпать нас шрапнелью. И под огнем противника происходил наш «разговор». В резких выражениях пристыдил я офицеров, поставил им в пример другие роты, тут же отрешил командира роты и пообещал в случае повторения малодушия применить суровые меры воздействия.

Серьезная боевая обстановка того периода побудила меня обойтись с офицерской ротой так строго и неприветливо. Однако и тогда, и теперь я отчетливо понимал и понимаю, что был несправедлив

Поставленные в ненормальные условия, офицеры не могли полностью выявить своего духа и той доблести, на какую они были способны.

Я решил постепенно упразднить офицерские роты и вернуться к нормальной организации.

После моего разговора с офицерами на железнодорожной станции рота воевала вполне прилично, однако подлинную доблесть все эти «рядовые» проявили лишь тогда, когда были распределены по ротам и стали начальниками. Почувствовав себя на своем месте, в привычных им служебных взаимоотношениях, они дали полностью свои лучшие качества.

В период нахождения перед Грайвороном посетил полк командующий армией. Получив донесение о его приезде, я немедленно явился генералу Май-Маевскому. Он принял меня в своем вагоне.

Несмотря на ранний час (было около 6 часов утра), на столе стояла почти пустая бутылка вина. Во время доклада и последующего разговора Май-Маевский прикончил и остатки. Вначале командующий слушал меня внимательно и задавал вопросы, ясно свидетельствовавшие, что его голова работает вполне хорошо. Через полчаса, под влиянием вина и жары, он стал все более и более сдавать.

Несколько раз входил в купе, в котором мы сидели, адъютант генерала Май-Маевского — Макаров⁶⁹. Прежде всего его взгляд останавливался на бутылке. Видя ее пустой, он порывался заменить ее новой, однако генерал, по-видимому, несколько меня стеснялся и выпроваживал своего адъютанта небрежным движением руки.

При появлении Макарова я всякий раз прекращал свой доклад и выжидал его ухода. Командующий это заметил, и, когда адъютант вошел в купе в третий раз, Май сказал:

— Пошел вон!

Сказал таким тоном, что не оставалось сомнений в привычной общности этой фразы...

После доклада был обход позиций ближайшего батальона. Я видел, с каким трудом двигался генерал Май-Маевский. Он запыхался, как-

то прихрамывал и явно изнемогал. Неумеренное потребление алкоголя приносило свои результаты.

Мы обошли участок лишь одного или двух взводов. Дальше командующий идти уже не мог и вернулся в свой вагон совсем измученным. Он грузно опустился на стул и стал жадно пить вино, принесенное Макаровым.

Мне было искренно жаль генерала. Он явно пропивал и свой ум, и здоровье, и незаурядные способности.

В этот момент я видел в нем лишь больного человека:

— Ваше Превосходительство, вы лучше легли бы и отдохнули.

Май не обиделся на такое нарушение дисциплины, грустно улыбнулся и как-то безнадежно махнул рукой:

— Стал слабеть. Сам чувствую, что машина портится.

Я откланялся и вышел. На перроне меня нагнал Макаров:

— Господин полковник, нельзя ли устроить завтрак для командарма, он еще ничего не ел.

Убеденный, что инициатива завтрака исходит от Макарова, я холодно ответил, заявив, что у меня нет никаких запасов.

И действительно, в штабе не было ни вина, ни закусок. Макаров ушел. Через две минуты он снова подошел ко мне:

— Командарм просит вас не стесняться и дать что у вас найдется. Хотя бы картошку. Вино и водка у нас есть.

После этих слов мне оставалось только исполнить желание командующего армией.

Через час был подан завтрак — чай, вареные яйца, ячница, картофель. В полном смысле походный завтрак.

В том районе, какой занимал полк, находилось несколько сахарных и винокурных заводов. Они не работали, но на заводских складах хранились большие запасы сахара и спирта. Склады эти охранялись, по моей инициативе, моими же караулами. Это многомиллионное богатство находилось в прифронтовой полосе, и им никто не интересовался. Не интересовались, правда, лишь те официальные органы, которые должны были бы интересоваться подобным «золотым» запасом. Полки и многочисленные военные учреждения, наоборот, очень скоро провели о сахаре и спирте и ежедневно ко мне являлись «приемщики» с просьбой выдать для их частей то или иное количество сахара и спирта. Наиболее скромные просили 30—50 пудов сахара, а ловкачи запрашивали вагон. В силу каких соображений, я не знаю, но заводская администрация не только не препятствовала выдачам, но как будто даже их поощряла. Все управляющие требовали только одну формальность — мою пометку, что сахар и спирт берутся действительно для нужд частей. Несмотря на док-

лады, я не получал по этому вопросу никаких указаний свыше. А обращенные ко мне просьбы штабов дивизии, корпуса и армии об отпуске сахара и спирта убеждали меня, что я являюсь как бы признанным расходчиком всего этого добра. Ввиду такого положения дел я не считал необходимым отказывать войскам, когда они ко мне обращались. Спирт отпускал скупно, сахар же более щедро. Конечно, не вагонами.

Окончив завтрак, Макаров обратился ко мне с просьбой дать для штаба армии спирта и сахара. Зная, что Макаров спекулирует, я отказал. Он пошептал что-то на ухо командующему, и генерал Май-Маевский, с благодушной улыбкой сытого и довольного человека, поддержал просьбу своего адъютанта:

— Дайте ему немного сахара и спирта. Штаб просил, чтобы мы им привезли.

Я исполнил это приказание, пометив на поданной мне записке — «15 пудов сахара и 1 ведро спирта».

Позже, уже после отбытия генерала, я узнал, что Макаров получил во много раз больше, чем ему было разрешено. Если память не изменяет, то 150 пудов сахара и 15 ведер спирта. Он не смущаясь приписал лишние цифры...

Командующий армией в доверительном разговоре предупредил меня о своем решении перейти в наступление в ближайшем будущем. И действительно, через несколько дней я получил приказание овладеть Грайвороном, а затем захватить и удерживать станцию Готня — железнодорожный узел того района.

Грайворон и железнодорожную линию Харьков — Кореново защищала красная дивизия. Она во много раз превосходила численностью Белозерский полк, однако подобное соотношение сил воспринималось как нормальное явление Гражданской войны. Всей группой красных войск командовал какой-то матрос. Силе и невежеству надо было противопоставить доблесть и искусство. Позиция большевиков была усилена окопами, имевшими у Грайворона двухъярусную оборону и проволочные заграждения.

Место предстоящего боя являло картину, какую можно было наблюдать только в период Гражданской войны. Между фронтами нашим и красных весь день работали крестьяне, убирая хлеб. Во время перестрелок охранения они ложились на землю, а когда огонь прекращался, снова принимались за работу. Иногда бывали среди них раненые.

Я приказал своему охранению без крайней нужды огня не открывать, и крестьяне скоро заметили, что инициаторами стрельбы являлись обычно большевики. Это обстоятельство вызвало большую неприязнь к красным, чем мы и пользовались. Мужики и бабы, же-

лая насолить красным, охотно передавали нашим разведчикам все сведения о противнике.

Поля «наших» крестьян находились позади расположения полка, и пропуск через линию белозерского охранения был воспрещен. Когда утром крестьяне не выходили на работы, это всегда являлось признаком того, что большевики что-то готовят...

Красные войска обладали одной особенностью: они, как всякие слабые духом части, не любили ночных боев, и если бывали сбиваемые перед вечером, то уходили стремительно, стараясь возможно скорее оторваться от преследования.

Располагая слабыми силами, я решил использовать эту особенность красных и назначить атаку Грайворона под вечер. Накануне ночью была произведена соответствующая перегруппировка, и в течение дня выдвинутые роты лежали, прикрываясь наскоро вырытыми замаскированными окопами. Большевики не заметили всех этих приготовлений и, видя, что день проходит спокойно, успокоились и сами.

Стремительно поведенная во фланг атака, чего, по-видимому, мой партнер-матрос никак не ожидал, произвела на противника сильное впечатление. Матрос двинул все свои резервы на атакованный участок и, как потом выяснилось, выехал туда и сам. С нашей стороны это была, однако, только демонстрация, и главный удар был нанесен в центре. Все было закончено менее чем в 3 часа. Мы захватили более 200 пленных, несколько пулеметов, одно орудие и почти весь обоз красных. Среди взятой большой добычи оказался обширный склад английской парфюмерии. Зачем большевики привезли его в Грайворон, я так и не дознался.

Выполняя свою задачу, полк, с приданной ему Дроздовской батальей и дивизионом иркутских гусар, продолжал наступать к северу. Очень упорные и кровавые бои происходили за обладание железной дорогой Белгород — Сумы. Здесь разыгрался трагический эпизод, стоивший жизни прекрасному офицеру — командиру 1-й роты поручику А. После удачного боя А. подошел к группе безоружных пленных, и в тот момент, когда он мирно разговаривал с красноармейцами, к нему незаметно приблизился один из пленных и выстрелом из револьвера в спину убил А. наповал. Выстреливший оказался комиссаром. В одно мгновение он был растерзан солдатами 1-й роты, очень любившими своего командира, но это, конечно, не воскресило погибшего.

В середине 1919 года определенно обрисовался перелом в наших отношениях к пленным. Если в первый период существования Добровольческой армии война обеими сторонами велась, в сущности, на уничтожение, то к указанному периоду уже не наблюдалось прежнего

озлобления. Пленные офицеры и солдаты, если они не были коммунистами, обычно и без особых формальностей принимались в ряды полонившего их полка. По неписаным добровольческим законам, все пленные считались собственностью той части, которая их взяла. Часть пленных, из числа лучше одетых, оставалась при полку, и ими пополнялись роты. Остальные, если они не были нужны, отправлялись в тыл, где и передавались корпусным и армейским комендантам. Существовали ли по вопросу о пленных какие-либо общие инструкции, изданные главным командованием, я не знаю. Думаю, что такие были изданы, но лично ко мне они не доходили.

Сама жизнь выработала известные правила отбора пленных, которые и применялись командирами полков с теми или иными, но в общем незначительными вариациями.

Обычно каждая группа пленных сама выдавала комиссаров и коммунистов, если таковые находились в их числе. Иностранцы выделялись своим внешним видом или акцентом. После выделения всех этих элементов, ярко враждебных белой армии, оставшаяся масса становилась незлобивой, послушной и быстро воспринимала нашу идеологию. За редким исключением большинство были солдатами в период Великой войны и потому, после небольшого испытания, ставились в строй. Они воевали прекрасно. В Белозерском полку солдатский состав на 80—90 процентов состоял из пленных красноармейцев или из тех мобилизованных, которые служили раньше у большевиков, а затем, при отходе, сбежали.

В других частях солдатский вопрос обстоял примерно так же, как и у меня. Много раз и с особым вниманием присматривался я к своим солдатам, бывшим красноармейцам, стараясь отыскать в них какие-либо «красные» черты. И всегда в своей массе это были добродушные русские люди, зачастую религиозные, с ярко выраженным внутренним протестом против большевизма. Всегда чувствовалось, что большевизм захлестнул их только внешне и не оставил заметных следов на их духовной сущности.

В Добровольческой армии вопрос о пополнении полков из запасных армейских частей был разрешен неудовлетворительно. Со времени выхода из Харькова и до начала Бредовского похода, то есть в течение семи месяцев, Белозерский полк пропустил через свои ряды более 10 000 человек — офицеров и солдат. И за все это время только один или два раза я получил, из какого-то армейского батальона, пополнение, общей сложностью 300—400 человек. Между тем громадная территория, занятая Добровольческой армией к октябрю 1919 года, давала, казалось, неиссякаемый источник людского запаса. В тот период имелись все материальные возможности создать не только пра-

вильно действующие запасные части, но сформировать и новую армию. Пример генерала Краснова, сумевшего в кратчайший срок создать молодую Донскую армию⁶⁷⁰, достаточно убедительный. И не подлежит сомнению, что наличие в тылу сильных и готовых к действиям резервов не допустило бы той катастрофы, какая в конце концов постигла обесиленный фронт.

По справедливости надо признать, что недостатка в предупреждениях, и в предупреждениях очень серьезных, не было. В своем продвижении от Харькова до линии Орел — Чернигов малочисленная, растянутая на сотни верст, Добровольческая армия несколько раз переживала тяжелые кризисы. Величайшей доблестью и бесконечными жертвами фронт восполнял недочеты организации, сбивал врага, двигался вперед, по пути самоформировался и через некоторое время переживал очередное бессилие. Полковые участки в 25—30 верст протяжением, при составе в 800—1000 штыков, почитались явлением нормальным...

Неудачное разрешение вопроса об армейских запасных частях побуждало каждого командира полка лично заботиться о пополнениях.

Мы и заботились, как умели, по своему крайнему разумению. Вышние инстанции всегда требовали от командиров возможно большее количество «штыков», то есть бойцов. Для нас — начальников — этот вопрос был тоже самым важным. Без «штыков» мы воевать не могли, а обстановка условий побудила меня в первый же месяц по выходе из Харькова сформировать свой запасный батальон и образовать при комендантской роте небольшой мобилизационный аппарат.

Командиром запасного батальона был назначен тот полковник, которого в Харькове я видел в должности фельдфебеля офицерской роты. Своими знаниями и опытом он принес полку немало пользы.

Батальон мог принять до 800 человек. Каждый строевой батальон имел свою запасную роту, поддерживал с нею тесную связь и всячески о ней заботился. Батальон комплектовался пленными и мобилизованными. И вновь утверждаю, что поставленные в строй солдаты дрались прекрасно. Среди длинного ряда всевозможных подвигов я не могу не вспомнить одного, особенно трогательного своею духовною красотой.

Один из белозерских батальонов был сбит и отходил, преследуемый красными. При отходе через деревню поручик Р. был ранен и упал. К нему подбежал солдат, недавно взятый в плен красноармеец.

— Господин поручик, что с вами? Вставайте. Следом подходят большевики.

— Не могу, у меня перебита нога.

— Ах грех какой! Я же вас не дотащу.

Солдат был маленький, худенький, слабосильный.

— Пристрели меня, все равно пропадать, да уходи скорее сам...

— Что вы, господин поручик, это невозможно.

Солдат подхватил офицера и потащил в соседний двор. Втащил в сарай, зарыл в сено. Туда же спрятал свою фуражку и погоны. Хозяин дома — крестьянин — ему помогал и дал взамен фуражки старую шапку. В это время подбежали большевики. С винтовкой в руках и с крестьянской шапкой на голове солдат удачно разыграл красноармейца, якобы только что зашедшего во двор.

— А что, товарищ, никого здесь нет?

— Никого. Сейчас только осмотрел весь двор.

Притворившись затем больным, он лег у двери сарая и никого не пропускал вовнутрь.

Через несколько часов деревня была снова взята нами. Первой ворвалась рота, в которой служил поручик Р. Его отсутствие было замечено, и солдаты желали найти своего офицера живым или мертвым.

Р. был найден. Его спас солдат, который к тому же его и не знал.

Как командир полка, я немедленно произвел солдата в унтер-офицеры и выдал ему денежную награду. Как временно командовавший тогда дивизией, наградил героя Георгиевской медалью. Затем поцеловал от имени полка.

Солдат покраснел, сконфузился и сказал слабым голосом:

— Да я ничего такого, господин полковник, и не сделал...

Его лицо и глаза подтверждали его искренность. По-видимому, он не считал совершенный им подвиг, подвиг действительно возвышенной души. Крестьянину, хозяину дома, подарили лошадь и два пуда сахара. Он был счастлив...

Что касается пленных и мобилизованных офицеров, то в своей массе они доблестно воевали, а когда приходилось — умирали. Конечно, развращающее влияние революции и большевизма не прошли бесследно и среди офицеров, впрочем, как явление крайне редкое, встречались люди малодушные. Понятно, что моя аттестация относится к строевым офицерам, то есть к тем, кто своей жертвенностью и кровью являл примеры величайшей доблести и патриотизма. В тылах было иное настроение, и наряду с натурами высококачественными встречались и люди беспринципные и нравственно опустившиеся.

Офицеры, перешедшие от большевиков или взятые в плен, если они не были коммунистами, решительно никаким репрессиям не подвергались. Все они для испытания назначались рядовыми в строй и после небольшого искуса уравнивались в правах с остальными офицерами полка.

Для характеристики офицеров, служивших раньше у большевиков, приведу два наиболее ярких примера.

Однажды полк вел бой с превосходящими силами красных. В тылу у нас находилась река с единственным мостом. Большевики напрягали все усилия захватить эту переправу, что поставило бы полк в катастрофическое положение. Батальон, прикрывавший путь к мосту, явно изнемогал. Я снял с отдаленного участка, на котором только что была отбита атака, роту и приказал ей бегом двигаться на поддержку. Рота могла прибыть не ранее 30—40 минут, а в это время уже обнаружилось, что большевики заходят в тыл атакованному батальону. Чувствовалось, что сейчас решится участь не только боя, но и полка. Стрельба с нашей стороны умолкла. Зловещий признак!.. В этот критический момент один из офицеров, взятый незадолго перед тем у большевиков, сорвал свои погони и стал уговаривать других последовать его примеру и сдаться.

Узнав об этом, я приказал тут же расстрелять малодушного офицера, что и было немедленно исполнено. Эта трагическая сцена произвела сильнейшее впечатление...

Показалась спешащая на поддержку рота, и батальон был двинут в контратаку. Большевики отхлынули, а мы взяли более 300 пленных, 6 пулеметов, много оружия и патронов. Описанный бой был отмечен в официальных сводках штаба Главнокомандующего...

Другой пример выявляет тип офицера, противоположный первому.

В период боев под Курском я направлялся с подпоручиком Глобой на один из участков полка. По пути встретили партию пленных.

На мой вопрос, есть ли среди них офицеры, послышался ответ:

— Я офицер, господин полковник.

Взяв руку под козырек, перед мною вытянулся небольшого роста, коренастый человек 33—35 лет.

— Как ваша фамилия?

— Поручик Трохимчук.

— Где вы раньше служили?

— В мирное время был сверхсрочнослужащим в N-ском, полку, а на войне произведен в офицеры.

— Как же вам не стыдно было воевать против нас?

— Да уж так сложились обстоятельства, господин полковник.

При этих словах голос Трохимчука как-то дрогнул. Что-то хорошее и честное слышалось в ответах пленного.

— Желаете у нас служить?

— Так точно, желаю.

Поручик Трохимчук был зачислен в одну из рот, но не в ту, которая его пленила.

В течение двухнедельных боев я несколько раз справлялся, как держится Трохимчук, и ротный командир всегда отзывался о нем как о примерном офицере.

Однажды мне надо было во что бы то ни стало удержать переправу, выводящую во фланг нашего расположения. К тому времени полк понес большие потери. Почти все ротные командиры и много офицеров были выбиты. Это был очередной кризис, когда кровью восполняли недостаток сил и недочеты армейской организации. На переправу можно было выделить только полуроту крайне слабого состава при пулеметах. Туда требовался офицер, во всех отношениях надежный. Я вспомнил о поручике Трохимчуке и, узнав, что он цел, вызвал его к себе:

— Поручик Трохимчук, мне необходимо удержать такую-то переправу, и для ее обороны можно выделить только полуроту с 2 пулеметами. Я хочу назначить вас командиром этой полуроты.

— Покорно благодарю, господин полковник.

— Имейте в виду, что если большевики вас собьют, то положение полка будет тяжелым.

— Понимаю.

— Смотрите, поручик Трохимчук, удержитесь. Я вам верю.

— Конечно, я служил у большевиков... И не могу ничего вам доложить, но вы сами увидите, господин полковник...

Поручик Трохимчук действительно выполнил свое обещание.

Несмотря на тяжелое положение, он удержал переправу, потеряв убитыми и ранеными более половины своей полуроты. В конце боя, когда положение уже упрочилось, он был убит.

Много лет прошло с тех пор, но я всегда с волнением вспоминаю этого честного офицера...

Оборонительные бои

По овладении железнодорожной линией Белгород — Сумы полк продолжал наступать к северу и, форсировав реку Псиол, овладел городом Суджа. После нескольких дней передышки бои вновь возобновились. С каждым днем уширялся «Белозерский уголок» на городском кладбище.

Согласно армейским директивам, наступление полка было приостановлено. Необходимо было выравнять фронт корпуса и подготовиться к овладению Курском. Большевики, оправившись после падения Харькова и видя наше энергичное наступление, понимали, что развязка приближается. Они всемерно усиливали свой фронт и, пользуясь

перевесом в силах, упорными боями обессиливали Добровольческую армию. Белый фронт был предоставлен собственным силам и знал, что армейских резервов нет.

Еще на станции Готня в мое распоряжение прибыл Сводный батальон 31-й дивизии, приступившей к формированию явочным порядком. Без обозов, бедно снабженный материальной частью, был двинут на фронт в период для себя наименее благоприятный, батальон все же был силен духом и дрался хорошо. Командира батальона полковника С. и его помощника полковника Т. я знал еще раньше. Это были прекрасные боевые офицеры. Несмотря на прибытие этого батальона, наши силы во много раз уступали большевистским. При таком неравенстве мы могли иметь успех только при наступлении, то есть тогда, когда располагали инициативой боевых комбинаций. Оборонять же слабыми силами 20-верстный фронт являлось задачей тяжелой и неблагодарной.

В Судженском районе я являлся старшим войсковым начальником. Все мои подчиненные несли мне свои заботы, свои огорчения и тот упадок душевных сил, какой иногда переживают, в период затяжных боев, самые мужественные люди. Я обязан был всех выслушивать, ободрять и переливать свою волю в душу тех, кто в этом нуждался. Только свои силы я должен черпать в самом себе. Мне не к кому было обратиться ни за советом, ни за нравственной поддержкой. Подобное душевно-волевое одиночество было особенно тяжело.

Штаб полка был связан телеграфной проволокой со штабом дивизии, и этим исчерпывалась моя связь с внешним миром. Я не хотел докучать какими-либо жалобами начальнику дивизии. Не позволяла гордость, да к тому же знал, что он бессилен мне помочь. И, словно угадывая мое одиночество, генерал Витковский с особой сердечностью вел со мною телеграфные переговоры, сообщая новости общего характера и обнадеживая скорым переходом в наступление. Дней через семь после занятия Суджи начальник дивизии посетил полк, и его приезд внес значительное разнообразие в нашу монотонную боевую жизнь. В беседе наедине генерал Витковский предупредил меня секретным порядком, что в ближайшие дни ожидается усиление красных сил. И действительно, очень скоро стали попадаться пленные вновь прибывших частей. После 12-дневной обороны Суджи я вынужден был оставить город и отвести свои части к Мирополью в надежде, что этим отходом уменьшу свой участок по фронту и тем выиграю в силе. Подойдя к Мирополью и соединившись опять со штабом дивизии, я узнал, что усилившиеся большевики сбили не только меня, но и другие части дивизии. Мои надежды о сокраще-

нии фронта не осуществились: мне был дан участок протяжением до 30 верст. Полк же имел к тому времени около 800 штыков. Подобное несоответствие сил и пространства ярко свидетельствует, что уже в августе назревал кризис, какой в дальнейшем привел Добровольческую армию к катастрофе. Резкое несоответствие сил белых и красных создалось не внезапно, а постепенно. Не только мудрая предусмотрительность, но и очевидная действительность властно требовали энергичного формирования новых частей. Формирования, подобные батальону 31-й дивизии, или прибывшему у Мирополья в мое распоряжение Олонецкому полку, имевшему 200—250 штыков (остальные были безоружные), являлись нарушением элементарных основ военного дела...

Трехнедельная оборона Мирополья является самым тяжелым, по напряжению, периодом в течение всей боевой работы полка в Добровольческой армии. Главная борьба происходила у самого Мирополья. Каждый день, к вечеру, один из участков был сбиваем, и ночной атакой или наутро положение восстанавливалось. Восстанавливалось для того, чтобы к вечеру опять измениться. Несколько раз наше положение становилось безнадежным, и войска удерживались только сверхчеловеческими усилиями. Я находился на левом фланге корпуса и прекрасно понимал, что если меня собьют, то общее положение на фронте резко ухудшится. Оперативная сводка штаба дивизии от 22 августа дает точное и полное представление о состоянии войск вверенной мне группы. Она говорит о «подавляющем превосходстве сил противника и чрезвычайной усталости войск, уже 1¹/₂ месяца ведущих бои с сверхчеловеческим напряжением. Люди по ночам галлюцинируют. Лучшие, наиболее опытные офицеры и солдаты выбиты, и требуются невероятные усилия командного состава для руководства войсками и выполнения поставленных задач».

Эти тяжелые, незабываемые дни я проводил вдвоем с оперативным адъютантом подпоручиком Глобой. Мы по очереди спали не более 2—3 часов в сутки. К концу операции офицеры и солдаты стали тенями: глубоко запавшие глаза, землистый цвет лица и вместо человека — сплошной комочек нервов. Истомленный до крайности организм желал лишь одного: спать, спать и спать. И эту телесную слабость мог побеждать только горящий дух с властным, все преодолевающим сознанием: надо держаться.

Посещая раненых и подбадривая их, я часто слышал в ответ:

— Ничего, господин полковник, по крайней мере теперь выплыву.

Днем шел ожесточенный бой, а ночью войска насильно кормили, совершались необходимые передвижения и совершались ночные ата-

ки. Положение восстанавливалось почти исключительно ночными атаками. Я держал в резерве свой лучший и наиболее сильный батальон и только в редких случаях двигал его днем.

И военная история, и мой личный опыт Маньчжурской, Великой и Гражданской войн свидетельствовали, что неудачи ночных атак происходили обычно потому, что войска, запаздывая, пропускали ценное предрассветное время и начинали атаку на рассвете, когда противник уже пробуждался от сна. Памятуя это, я всегда своевременно и лично приказывал будить батальонного командира. В телефонную трубку я слышал, как его будили и не могли добудиться, а когда подошел к телефону, ясно чувствовалось, что говорит автоматически совсем сонный человек, который не в силах побороть своей усталости. Убедившись, что он наконец проснулся и что его воля опять управляет измученным телом, я приказывал будить батальон. Под различными предлогами вызывались к телефону и ротные командиры, дабы и им передать бодрость. Благодаря подобным приемам роты всегда выступали в срок, и мы не имели неудачных ночных атак.

Полк таял с каждым днем. Кроме убитых и раненых, стали усиливаться остро-желудочные заболевания. Численный состав с ужасающей быстротой приближался к нормам Каменноугольного района. Запасной батальон был давно использован, из обоза и нестроевых команд было взято все, что возможно.

Если вопрос о пополнениях стоял очень остро, то снабжение частей оружием и снаряжением находилось в состоянии катастрофическом. За все время своего существования белозерцы получили из армейских складов в порядке официальном не более сотни винтовок и 2—3 пулемета. Более или менее правильно и обильно снабжали нас только патронами. Находясь все время на фронте, я не был знаком с той системой, какая была принята главным командованием в вопросах всех видов снабжения. Я могу лишь свидетельствовать о том, что фактически поступало в части. А поступало очень и очень мало. Почти что ничего. На моих глазах формировались иркутские гусары, батальон 31-й дивизии, Олонечкий полк, и все эти части испытывали тяжелый недостаток всех видов снабжения. Командиры Сводно-стрелкового, Самурского и 2-го Дроздовского⁶⁷¹ полков не раз говорили мне о том же. Будучи в дальнейшем в Киевской области, я наблюдал и там недочеты. Таким образом, положение белозерцев в вопросах официального систематического снабжения являлось не исключением.

Все эти недочеты, в связи с повышенными требованиями боевой обстановки, побуждали командиров изыскивать всяческие пути для добывания оружия и снаряжения. Самый верный и самый обильный

способ — это наступательный бой. Успешно развившееся наступление всегда давало полкам и сотни пленных, и много оружия.

Миропольская оборона, лишавшая по своему характеру тех трофеев, какие получались при движении, побудила меня изыскивать иные способы снабжения. Уже опытные в сих делах дроздовцы дали нам ряд практических и дельных советов. Раз невозможно было добывать оружие и снаряжение путями официальными, приходилось следовать советам и идти по путям извилистым, но зато более действенным. Первый путь — личные связи. Второй — гораздо сложнее: в тыл посылались офицеры из числа дельцов. Они вступали в конфиденциальные переговоры с младшими чинами довольствующих учреждений. Обычно при получении оружия, патронов и снаряжения существовала длинная очередь. С помощью денег, а чаще всего спирта и сахара, можно было из задних рядов очереди быстро проскочить в голову. В итоге расторопный офицер добывал то, в чем полк особенно нуждался. Добывал, правда, в ограниченном количестве, так как 75 процентов своего оружия и снаряжения полк доставал в бою.

Несмотря на всю свою тяжесть, период Миропольской обороны имел и благие последствия. Молодой полк закалился в ежедневных боях, научился маневрировать и крепко усвоил принцип взаимной выручки. Эти воинские добродетели и позволили впоследствии белозерцам с полным успехом провести столь сложную и серьезную операцию, как Черниговскую.

В Мирополье наш военный телеграф случайно соединился с каким-то большевистским комиссаром. Разговор, начавшийся с обычной в таких случаях перебранки, скоро принял серьезный характер. В силу каких соображений, я, конечно, не знаю, но комиссар, назвавший себя «убежденным коммунистом», с видимою искренностью сообщил о тяжелом положении большевиков:

— Мы в пять раз сильнее вас, а ничего с вами поделать не можем. Красноармейцы отказываются воевать, и, прежде чем заставить их наступать, приходится долго уговаривать, а иногда и расстреливать.

— Чем же вы это объясняете?

— Да тем, что каждый из вас воюет во имя идеи, а у нас господствует только страх.

Далее комиссар рассказал о развале их тыла, о недовольстве крестьян, которые, по его мнению, относятся к белым лучше, чем к красным, и затем спросил:

— Правда, что вы расстреливаете всех пленных?

— Нет, не правда. Некоммунистов мы не трогаем. У нас служат много ваших офицеров и солдат.

— Нам все время говорят, что вы расстреливаете всех пленных. Если бы не страх расстрела, к вам переходило бы много наших...

В конце концов офицеры, беседовавшие с комиссаром, предложили своему собеседнику привести к нам его часть. Не помню точно, какой силы была эта часть, но, во всяком случае, не менее полка. Предложили так — на ура, не придавая значения своим словам. К удивлению, комиссар принял это предложение серьезно, и хотя в очень осторожных выражениях, но стал обсуждать полученное предложение. Он ставил только одно условие: гарантировать жизнь ему и вообще всем перешедшим. Лично я не принимал участия в этом разговоре, и когда мне доложили подробности, я приказал ответить, что условия сдачи принимаю. Говорил ли тогда действительно комиссар, или кто-либо другой назвался этим именем, я, конечно, не знаю. Лично более склоняюсь ко второму предположению.

Я прекрасно понимал, что переход на нашу сторону крупной красной части явился бы событием, крайне серьезным по своим последствиям. Передавая свое согласие комиссару, я не имел в виду тот момент должных полномочий от своего начальства, однако не сомневался, что в лице генерала Кутепова найду полную поддержку.

Были выработаны подробности сдачи, и намечен день. Решено было, что большевики перейдут якобы в наступление против нас, и когда приблизятся, то бросят винтовки и перебегут. Со своей стороны мы обещали не стрелять или стрелять поверх голов.

Опасаясь возможности какого-либо предательства, я принял некоторые меры предосторожности. В назначенный день несколько рот красных действительно перешли в наступление. Подойдя к нашим цепям на 300—400 шагов, они бросили винтовки и перебежали.

Большевики немедленно открыли огонь по сдающим, и это обстоятельство, видимо, и задержало сдачу других. Перешедшие к нам офицеры и солдаты утверждали, что сдаваться собрались «все». Почему предрешенная сдача не состоялась полностью, они не знали.

Сдавшиеся роты производили настолько хорошее впечатление своим настроением, что мои ротные командиры обратились ко мне с просьбой разрешить им немедленно разобрать пленных и поставить их в строй. Став в наши ряды, бывшие красные офицеры и солдаты добросовестно воевали и оставались до конца в рядах Белозерского полка.

На другой же день после сдачи, находясь уже в нашей цепи, они кричали «товарищам», чтобы те переходили на нашу сторону, и подтверждали, что мы никого из сдавшихся не тронули.

Описанный факт показывает, что в рядах большевистских войск уже назревал желательный психологический сдвиг. Надо было только испол-

зовать эти настроения. К сожалению, дело агитации было поставлено в Добровольческой армии крайне слабо. Официальные учреждения вроде «Освага» работали в глубоком тылу, а фронт не имел для этой цели ни соответствующих средств, ни навыка. В итоге большевистские войска совсем не подвергались желательным воздействиям с нашей стороны.

Через несколько дней после сдачи красных рот было получено так нетерпеливо ожидаемое приказание об общем переходе в наступление. Это начиналась Курская операция.

Наступление на Курск

Известие о переходе корпуса в наступление было принято войсками с большим энтузиазмом. Тяжелая оборона и сопряженные с нею жертвы и лишения утомили всех.

Удачной ночной атакой у Мирополья красные были сбиты. Наше наступление развивалось так стремительно, что, не давая противнику устроиться, мы на его плечах снова ворвались в Суджу. Дальнейшее продвижение на линию железной дороги Курск — Киев развивалось успешно, хотя большевики и притянули из тыла все свои свободные резервы. Наиболее сильное сопротивление было оказано на фронте станций Коренево — Льгов. Честь занятия Льгова принадлежит главным образом корниловцам и генералу Витковскому, лично руководившему атакой войск. Скоро был занят и Курск. Занятие этого города и выход на линию Курск — Киев являлись крупным успехом, давшим армии большие трофеи и поднявшим настроение, приниженное 2-месячными тяжелыми боями.

На Белозерский полк была возложена задача прикрыть Льгов со стороны Брянска. Бои временно прекратились, и нас ожидал столь необходимый отдых. Люди совершенно выбились из сил, а материальная часть пришла в серьезное расстройство. От непрерывной работы, дождей и грязи винтовки и пулеметы постоянно отказывали, и их необходимо было хотя бы почистить. Снаряжение и обмундирование оборвались. Офицеры и солдаты месяцами не раздевались и не мылись. О нормальном питании не приходилось и думать...

После длительных бессменных боев, от хронического недоедания все мы превратились в каких-то невзрастеников. Прежде всяких иных действий необходимо было вымыться, переменить белье, выспаться и досыта поесть. В пределах возможного я и дал эти радости Белозерскому полку.

Штаб полка расположился в скромном домике, прельстившем меня своим садом и тишиною. Первые два дня люди только спали и ели.

Величайшим напряжением воли я заставлял себя заниматься положенным мне делом. Первый же десятичасовой сон сразу освежил меня, а вторая такая же сладкосонная ночь вернула силы и бодрость. Как мало, в сущности, нужно нам было для отдыха, и как даже этим малым мы могли пользоваться очень и очень редко!

На второй день нашего пребывания во Льгове подпоручик Глоба доложил мне, что меня желает видеть какая-то посетительница.

— Что ей надо?

— Не могу знать. Она говорит, что имеет к вам какое-то важное и секретное дело.

Я попросил адъютанта переговорить с посетительницей. Глоба ушел и через несколько минут вернулся:

— Господин полковник, она решительно заявляет, что может доверить свой секрет только вам. Не принимайте ее, она какая-то странная.

Подпоручик не высказывал своих мыслей до конца, но я понял, что он опасается покушения на меня. Самое простое — это было бы обыскать посетительницу, внушавшую такие подозрения, однако к нашей чести надо отнестись, что и в разлагающих нравах условиях Гражданской войны мы не снизились до большевистского уровня и к приемам ЧК не прибегали. Я приказал просить посетительницу.

Вошла молодая, худенькая, скромно одетая барышня. С большими тревожными глазами. Она явно нервничала и не могла овладеть собою. Немного успокоившись, девушка рассказала грустную историю.

— Я сирота и жила с дедушкой. Он помещик. Старый. Ему уже 70 лет. Во время революции у него отобрали землю, скот. Оставили только дом. Несколько раз дедушку хотели арестовать, но крестьяне не давали. Пришел какой-то большевистский полк, все в доме разграбил, испортил. Дедушку куда-то увезли. Что с ним сделали, я не знаю. Искали и меня, но я убежала и до вашего прихода скрывалась в городе, у знакомого купца...

Барышня готова была разрыдаться. Как мог, я ее успокаивал.

— Я ненавижу большевиков и пришла просить вас принять меня в полк. Я умею ездить верхом и стрелять. Это ведь главное на войне? И я ничего не боюсь!

С искренней грустью слушал я исповедь этого одинокого полурбенка. Исполнить ее просьбу не представлялось возможным, ибо я был решительным противником прапорщиц, женщин-офицеров и вообще «амазонок». Взять ее сестрой милосердия тоже нельзя: она не имела ни требуемых знаний, ни опыта.

Барышня была неутешна. Она решительно отказалась от денежной помощи и только после больших настояний согласилась взять немного

продуктов да отрез какой-то грошовой материи: из дома она убежала в одном платье...

— Ну почему вы не хотите меня взять? Я так хотела служить у вас!

Перед уходом моя посетительница пыталась заинтересовать меня возможностью захватить в плен какой-то большевистский отряд.

— Я знаю в этой местности все тропинки и могу провести ваших солдат незаметно.

План был явно фантастический, но чувствовалось, что барышня обдумывала его долго и со всей своею добросовестностью. Это и было то секретное дело, которое она хотела доверить только мне.

Когда она ушла, я невольно подумал: вот среди таких девушек и вербовали наши революционеры кадры террористок...

Система пополнения частей

На третий день пребывания полка в Льгове я получил телефонограмму с приказанием прибыть немедленно в штаб корпуса, находившийся на станции Льгов.

Генерал Кутепов ужинал и прежде всего спросил:

— Вы ужинали?

— Только что собрался, но получил ваше приказание и выехал.

— В таком случае сперва закусите, а затем поговорим о деле.

Я не сомневался, что этот вызов означает какое-нибудь новое боевое поручение.

Во время ужина генерал Кутепов задал мне вопрос:

— Сколько у вас штыков?

— 215.

— Как — 215? А я доложил командующему армией, что у вас 1200 штыков. — Командир корпуса был явно озадачен. — Ведь в ваших донесениях было указано 1200.

— То было, Ваше Превосходительство, раньше, а теперь только 215.

— Как же быть?

— Дайте полку неделю отдыха, и я опять буду иметь 1200 штыков.

— А винтовки и пулеметы у вас есть?

— Есть.

— Сколько?

Возможно, что я посмотрел на командира корпуса с некоторой подозрительностью, так как генерал Кутепов улыбнулся и успокоил меня:

— Не бойтесь, отбирать не буду.

Доброволец с первых дней формирования армии в Ростове, генерал Кутепов сам командовал добровольческим полком, и потому командирская психология была ему понятна. Мы понимали друг друга и знали, что «отобрать» можно, а «дать» более чем затруднительно.

И помню свой ответ, ответ чрезвычайно характерный по тому времени:

— Официально у меня столько-то пулеметов и винтовок, а неофициально — столько-то...

Генерал Кутепов сообщил мне, что вновь создаваемую 4-ю пехотную дивизию приказано передвинуть на усиление войск Киевской области. В состав этой дивизии должны были войти Белозерский и сформировавшийся, мало окрепший и бедно снабженный Олонецкий полки.

Упомянутая мною 4-я пехотная дивизия, части которой (то есть два полка) возникли явочным порядком, красноречиво свидетельствует о системе формирования, принятой в Добровольческой армии.

Предполагалось, вероятно, что если Белозерский полк сумел возникнуть «без расходов от казны», то подобным путем будут сформированы и остальные три полка.

«Правильно называть — правильно понимать», и, наоборот, неправильные определения приводят и к ложным представлениям. 4-я пехотная дивизия — это звучало внушительно, но явно не соответствовало действительной ее сущности, ибо дивизии как таковой не было.

Мне было приказано вступить в командование дивизией, перевезти ее в район Киевской области и там получить дальнейшие приказания от генерала Драгомирова.

Вместе с тем командир корпуса пообещал дать Белозерскому полку несколько дней отдыха, дабы мы могли привести себя в порядок.

Я тут же в вагоне решил произвести в ближайшие дни мобилизацию, о чем и доложил командиру корпуса.

Подобные самочинные мобилизации официально воспрещались, но за отсутствием пополнений из тыла каждый командир полка их производил.

Двигаться с 215 штыками и выполнять на новом месте серьезные боевые задачи я, конечно, не мог. Рассчитывать, что мне пришлют пополнение из тыла, было бы более чем наивно. Генерал Кутепов понимал все это не хуже меня и молчаливо принял к сведению мой доклад о мобилизации.

Вернувшись из штаба корпуса к себе, я в тот же вечер отдал все необходимые распоряжения как о смене полка, так и о его пополнении. Время было дорого.

Как указывалось раньше, в полку был свой небольшой мобилизационный аппарат, уже имевший навык в подобных делах. Руководил им поручик В., командир комендантской роты, человек молодой, но чрезвычайно серьезный, положительный, с ярко выраженными способностями организатора.

Мобилизация в прифронтовых районах является актом чрезвычайно деликатным. Близость большевиков и неуверенность, на чью сторону склонится завтра военное счастье, побуждали население уклоняться от мобилизации и выжидать.

Я не захотел отвести полк в ближайший тыл и не соблазнился теми обстоятельствами, что там мы будем находиться под надежным прикрытием фронта. Полк сосредоточился на фронте же, но в районе никем не занятом. Мы выставили свое охранение, и через два дня нам пришлось даже воевать, отбивая наступление красных.

Я не хотел слишком явно нарушать приказ Главнокомандующего о воспреещении частичных мобилизаций, не хотел не из боязни ответственности, ибо таковой для командира полка фактически не существовало, если его полк хорошо воевал, а по соображениям характера принципиального. Поэтому мобилизация производилась лишь в полосе, какая находилась между нашим и большевистским фронтами. Компромисс, давший мне известное нравственное удовлетворение.

В окружных деревнях были расклеены печатные объявления с печатью полка о мобилизации соответствующих возрастов (если не ошибаюсь — до 28 лет), а прежним старостам, которые в подобных случаях сами автоматически появлялись, было указано доставить мобилизованных на сборный пункт. При этом призывным рекомендовалось являться в исправных сапогах и в форменном обмундировании.

К моему удовольствию и даже удивлению, мобилизация имела полный успех. По заявлению старост, уклонявшихся почти не было. Через два дня собралось около 2000 человек. Все это были солдаты прежней армии, и подавляющее большинство еще неделю назад служило у большевиков. Они воевали лишь до той поры, покуда не эвакуировалась их волость, деревня. Как только это происходило, уроженцы данных мест дезертировали, чтобы затем подчиниться мобилизационным распоряжениям другой стороны.

В те времена деревня почти поголовно «донашивала» то обмундирование, какое солдаты принесли на себе после Великой войны. Призванные в Красную армию получали те же шинели, френчи и фуражки, какие были и у нас. Это обстоятельство крайне упрощало в полках вопросы об обмундировании.

За единичными исключениями, все мобилизованные были одеты вполне прилично и имели хорошую обувь. Предупрежденные, что сапог у нас нет, и, зная по личному опыту, какое значение имеет на войне исправный сапог, все они прибыли в лучшей своей обуви.

Двухтысячная толпа была хмурой. Война им надоела, но в то же время они понимали, что в охватившей Россию междоусобице их все равно в покое не оставят и они будут призваны в войска той или иной стороны. Вся эта масса людей, одетых в военное обмундирование, совсем не имела военного вида. Неопрятная, распущенная, она живо напоминала знакомые и мрачные картины 1917 года. Не было ни выправки, ни мало-мальской воинской подтянутости. Привыкшие к распущенности 1917 года, еще более опустившиеся во время службы у большевиков, многие открыто подчеркивали, что им «на все наплевать». Очень скоро обнаружилось, что среди призванных имеется несколько коммунистов, которые, не стесняясь, выражали протест против мобилизации и подчеркивали свое нежелание служить в белых войсках. Их явная и тайная агитация производила на остальных должное впечатление. Толпа начинала волноваться и, видя нашу малочисленность, все более и более наглеть. Из задних рядов раздавались отдельные выкрики, брань, а с офицерами, производившими разбивку, вступали в грубые пререкания. Наступал критический момент и необходимо было принять решительные меры.

Два главных зачинщика были тут же расстреляны. Этот пример мгновенно изменил настроение остальных. Словно они только и добивались увидеть проявление твердой власти.

Из нескольких групп раздались бодрые голоса:

— Ваше Благородие, вот тут тоже есть коммунист. Это они сбивают народ, а мы за порядок.

После того как было расстреляно еще 3 или 4 человека, хмурую, враждебную толпу нельзя было узнать: лица оживились, все подтянулось, сами выровнялись, появилась выправка. Многие тут же заявили, что они георгиевские кавалеры или унтер-офицеры. Приказания исполнялись точно, быстро. Когда поручик Б. произвел простейшее строевое учение, то через четверть часа все призванные вполне удовлетворительно, а многие даже и старательно выполняли подаваемые команды.

С места разбивки пополнение было отправлено с песнями. Старая солдатская песня «Соловей, соловей во саду» пелась громко, с несомненным подъемом и с тем присвистом, с каким хорошо настроенная часть пела в прежнее время. Эта песня, или, правильнее сказать, — характер ее выполнения, лучше всего свидетельствовала, что желаемый психологический перелом, по-видимому, произошел. Два часа назад это была опасная и злобная толпа. Теперь это были русские люди, вновь как бы

себя нашедшие. Их застывшие сердца вновь отогрелись и свою теплотой возвращали им черты на время забытой человечности. На наших глазах совершилось перерождение: на сборный пункт они пришли большевистскими Савлами, а вернулись в роты русскими Павлами...

При распределении мобилизованных по батальонам и ротам было мною приказано назначать целыми деревнями, дабы люди, знавшие друг друга с детства, служили бы вместе. Эта мера дала прекрасные результаты и в дальнейшем укрепила взаимную выручку. Опасаться каких-либо заговоров не приходилось. Своею численностью они во много раз превосходили кадры полка. Этим людям, уже отрекавшимся от красного зла, надо было не запугивать подозрением и террором, а привлекать доверием, справедливостью и дисциплиной. Вместе с тем офицеры и старые солдаты зорко следили за настроением вновь прибывающих, и, по единодушным докладам всех батальонных и ротных командиров, настроение было прекрасное.

Через несколько дней призванные получили винтовки и красные (цвет полка) околыши на фуражки. Они стали белозерцами.

Перед выступлением полка в сторону Киева многие мобилизованные просили разрешения побывать дома — проститься или взять те или иные вещи. Главным образом белье. Я считал бесцельным отказывать в подобных просьбах. Если кто надумал сбежать, тот все равно мог проделать это в любую ночь. Уроженцы окружных деревень, они имели прочные связи среди населения и, зная, что полк скоро уйдет, всегда имели возможность укрыться в потайных местах до отъезда полка. К тому же я мало интересовался теми солдатами, которые только и мечтали о том, чтобы сбежать.

Жители ближних деревень отпускались на ночь, в более отдаленные пункты — на сутки.

Объяснив командирам батальонов и рот свои соображения, я встретил с их стороны полное сочувствие. Они тоже понимали, что процесс наблюдаемого «очеловечения» будет доверием лишь ускорен.

К общему нашему удивлению, почти все отпущенные вернулись обратно в полк. Сбежало не более двух десятков. Велико же было мое изумление, когда и эти «сбежавшие» догнали полк уже в пути. Исключительно личным почином они, не найдя полка на старом месте, куда-то ходили, кого-то расспрашивали, а главное, называли себя уже белозерцами и в конце концов добились своего: их отправили куда им было нужно. Эпизод, в сущности, незначительный, но чрезвычайно характерный.

Я умышленно задерживался на подробностях этой мобилизации, дабы беспристрастным изложением фактов восстановить в памяти подлинные нравы и настроения того времени. Мобилизация эта была при-

мечательна еще и потому, что до тех пор наши наборы происходили в губерниях с преобладающим малороссийским населением и мне впервые пришлось иметь дело с теми контингентами, которые все время находились лишь под большевистской властью и подвергались лишь большевистской обработке.

Когда мы подходили к Курской губернии — к границам Великой России, — нам представлялось, что нас встретит явно обольшевиченное население. Как видно из приведенных мною фактов, опасения эти были неосновательными. Внешне замутившаяся народная душа в своей основе оставалась чистой и глубоко национальной. Несмотря на пережитое в 1917 году общерусское растление и на дальнейшие коммунистические опыты, деревня продолжала хранить инстинкт государственности. Мы являлись представителями этой государственности, и потому, за редким исключением, крестьянство обычно давало нам свои первоначальные симпатии и свою помощь.

Переезд полка. Формирование новых частей

Согласно распоряжению штаба корпуса, Белозерский полк с приданной ему артиллерией — двумя легкими и одной гаубичной батареями — должен был сосредоточиться у станции Ворожба. Туда же мной была притянута хозяйственная часть с ее запасами и мастерскими. Впервые после выхода из Харькова командир полка мог видеть свой полк собранным вместе.

Оружейная и пулеметная мастерские принялись энергично приводить в порядок достаточно запущенное оружие, постоянная работа которого тяжело отзывалась особенно на пулеметах. К этому времени в полку имелось более сотни пулеметов, в подавляющем большинстве захваченных у большевиков. Если мы мало обращали внимания на оружие, то красные в этом отношении были совершенно беспечны. Поэтому можно представить, в каком виде попадало к нам большевистское оружие. Между тем на пулеметы возлагались нами большие надежды. Еще в период Миропольской обороны мною были применены так называемые «пулеметные батареи», новшество, порожденное Великой войной. Собранный на небольшом участке масса пулеметов открывала одновременный огонь. Эта тарахтящая батарея производила чрезвычайно сильное впечатление. Психика красных не выдерживала подобного огня. Я рассчитывал применять такое воздействие и в дальнейшем, а потому был крайне заинтересован в возможно лучшем состоянии полковых пулеметов.

Все строевые роты и команды ежедневно производили тактические и строевые учения. Я и теперь не могу удовлетворительно объяснить, какими причинами вызывался тот подъем, который в период десятидневного пребывания у станции Ворожба проявляли все офицеры и солдаты. Они работали от души и, по-видимому, заражали друг друга энергией.

Накануне выступления у станции Ворожба был устроен мною смотр полку. Роты имели 120—150 штыков, что в практике Добровольческой армии являлось фактом незаурядным. При каждом батальоне были свои пулеметные и разведывательные команды. Кроме этого, имелись еще полковая пулеметная рота, конно-разведывательная команда в 200 шашек и богато снабженная команда связи. Общий вид выстроившегося на большом поле полка был чрезвычайно внушительный. Полковым маршем прежнего, дореволюционного Белозерского полка был марш «Славься вечно, славься вечно, православный Русский Царь»... Марш был принят и мною во всей его неприкосновенной красоте и величии.

Указанный мною смотр является для полка эпизодом историческим. На нем не произошло ничего внешне примечательного, проведен он был в обычных рамках строевого устава, но впечатление оставил незабываемое. В этот день все чины полка лично почувствовали силу полка, и виденная ими картина настолько запечатлелась в душах белозерцев, что до конца Гражданской войны никакие испытания уже не могли вытравить веры в свой полк. Много лет прошло с тех пор, но, когда я теперь встречаюсь с белозерцами, все они неизменно и с волнением вспоминают смотр у Ворожбы. Тот смотр объединил всех нас в одну крепкую полковую семью. Я это чувствовал всем своим существом. В подобных же переживаниях признавались мне потом и офицеры.

С этого дня я постиг воспитательные значения смотров, моральную ценность которых раньше преуменьшал. Система смотров и парадов была применяема и в Галлиполи. Она оказалась чрезвычайно жизненной и имела большое воспитательное значение, ибо ничто так не действует на людскую психику, как демонстрация дисциплинированной силы.

В период нахождения полка у Ворожбы туда приезжал генерал Кутепов, дабы посетить вновь сформированный 2-й Дроздовский полк (пехотный). Командиром полка был назначен полковник Манштейн⁶⁷², о котором я упоминал в начале своих записок как об офицере исключительной доблести.

Новый полк формировался в условиях достаточно благоприятных и отнюдь не схожих с таковыми же условиями олонцев, частей 31-й

дивизии, Сводно-стрелкового полка и других. 1-й Дроздовский полк, полк сильный и богатый, щедро снабдил своего младшего брата всем, чем мог. Все же, несмотря на подобную помощь и на содействие начальства, 2-й полк испытывал нужду во многом. Полковник Манштейн лично высказывал мне, что он больше надеется на самоснабжение в боях, чем на отпуска из армейских складов. Дух дроздовцев и имя командира являлись надежным залогом того, что полк будет воевать прекрасно. И действительно, он воевал отлично, но не раз ему приходилось своею доблестью и кровью восполнять недочеты формирования.

К приезду командира корпуса был выставлен почетный караул от белозерцев. Нарядный, однообразный вид караула, одетого в новое обмундирование, и большой оркестр, сиявший ярко начищенными инструментами, произвели, по-видимому, на генерала Кутепова отрадное впечатление, что он тогда же мне и высказал.

— А штыков у вас сколько?

— 2000.

— Здорово!

На лице командира корпуса отразилось некоторое недоверие, внутренне меня задевшее. Присутствовавший при этом разговоре полковник Манштейн случайно рассеял это недоверие:

— Белозерцы, Ваше Превосходительство, богатые. У них в ротах 120—150 штыков, много пулеметов.

И в голосе командира вновь формируемого полка послышалась естественная зависть.

В привокзальном скверике был устроен скромный обед для генерала Кутепова. Присутствуя на этом обеде, я из доклада Манштейна уже в подробностях узнал об огорчавших его недостатках снабжения. Командир корпуса утешал молодого командира полка и приводил в пример белозерцев. Ссылка эта только лишь утверждала истину, что в Добровольческой армии части не формировались нормальным порядком, а самозарождались и саморазвивались... Да и чем иным мог подбодрить Манштейна генерал Кутепов, сам не имевший никаких запасов?

В конце лета 1919 года главное командование приступило к формированию новых частей, справедливо полагая, что быстро увеличивающийся масштаб борьбы требует и соответственного развития сил. Это похвальное решение явилось, однако, сильно запоздавшим (речь идет о практическом осуществлении!), ибо безвозвратно было упущено лучшее для этого дела время — лето и не был использован полностью тот несомненно большой подъем, какой переживало население богатых южнорусских губерний в первый период освобождения от большевиков.

Как известно, в довоенные годы Харьков, Полтава, Курск, Кременчуг и ряд других городов являлись стоянками тех или иных частей. Во многих пунктах полки квартировали десятилетиями. Города считали эти части «своими», а офицерский состав имел прочные и разнообразные связи с населением. После развала фронта в 1917 году офицерство вернулось в свои прежние стоянки, с которыми они были связаны всеми своими интересами — служебными, семейными, имущественными и пр. Казалось бы, что, восстанавливая государство, надлежало самосознание, которое было всегда вне упрека. И не подлежит сомнению, что если приступили к воссозданию прежних частей, то подобная система дала бы прекрасные результаты. Города всячески пошли бы на помощь «своим» полкам. Зная в своем гарнизоне, как говорится, все ходы и выходы, офицерство, возрождая родные части, много помогло бы своими связями делу формирования. И эти были бы старые, доблестные полки, со столетней историей и с ярко выявленными государственными взглядами.

К сожалению, главное командование, несмотря на просьбы «с мест», отказалось от этой мудрой системы и шло по пути импровизации, подерживая всем своим авторитетом добровольческие принципы.

Вместо формирования прежних полков, давших бы многочисленные резервы, в которых так нуждался фронт, было приступлено к развертыванию «цветных» полков в бригады, а затем и в дивизии. Подобное решение являлось ошибочным во всех отношениях. Как ни сильны были духовно и материально эти части, все же выделение всего потребного для формирования двух и трех полков значительно ослабило первоисточники. Повторялась та же ошибка, какая была проделана в начале 1917 года при образовании третьестепенных дивизий. К тому же усиление армии на 3—4 полка, первоначально слабых численно и бедно снабженных, мало изменяло соотношение сил на тысячеверстном фронте. С точки зрения идеи и системы эти формирования были типичной импровизацией. К тому же формирование частей происходило преимущественно на Орловском направлении. В итоге — усиленные войска этого направления выдвинулись клином к северу и подставили под удары большевиков свои открытые фланги.

Киевский фронт

После отъезда генерала Кутепова было получено приказание о сосредоточении 4-й пехотной дивизии в районе станции Бахмач — Круты, что и было выполнено незамедлительно. На станции Круты

я получил указание прибыть на станцию Нежин и явиться там генерал-лейтенанту Бредову для получения дальнейших назначений.

С точки зрения войск Курского направления Киевский фронт рассуждался как второстепенный. Это было, конечно, обывательское мнение, ибо успех Московской операции находился в непосредственной зависимости от того, насколько прочно обеспечены фланги армии. Поэтому стратегическое значение Киевского фронта было велико.

Войска Киевской области, находившиеся в непосредственном ведении генерал-лейтенант Бредова, занимали правый берег Днепра, примерно на линии Святошино — Боярки. С севера, со стороны Чернигова, Киев прикрывался Козелецкой группой, оборонявшей участок Остер — Козелец. В общем, радиус обороны не превышал 20—25 верст, что для такого крупного центра, как Киев, было крайне недостаточно. Повсюду большевики имели двойное или тройное превосходство в силах. Особенно угрожающим обороне города являлся северный участок, ибо в случае успеха на Черниговском направлении большевики быстро выходили бы в тыл Киевской группы.

Третьим участком обороны был Нежинский. Кроме действовавших там красных частей, в болотах и лесах к северу от Нежина имелись сильные банды Кропивнянского⁶⁷³. Бывший офицер Кропивнянский одинаково враждебно относился и к белым, и к красным. Среди крестьянского населения шайки эти, пополняемые местными уроженцами, имели известные симпатии.

Войска Козелецкого и Нежинского участков несколько раз пытались овладеть Черниговом, но безуспешно. Превосходящие во много раз силы большевиков, казалось, надежно прикрывали древний город.

Постоянная угроза Киеву и железной дороге Курск — Киев властно требовала необходимости разбить Черниговскую группу красных и отбросить ее за Десну. Только по исполнению этого можно было считать, что Киев и указанная железная дорога прикрывы с севера более или менее надежно.

С генералом Бредовым я встретился лишь однажды, еще в период лоянских боев, когда он был капитаном Генерального штаба, а я — юным подпоручиком конноразведческой команды. Встреча была мимолетная, но она запала мне в душу, и в продолжение 15 лет я сохранял в памяти привлекательный облик молодого и энергичного капитана.

Генерал Бредов встретил меня с той сердечностью, какая вообще свойственна этому выдающемуся генералу. К моему удивлению, он тоже не забыл нашу встречу под Ляояном и расцеловался со мною как со старым знакомым.

Объяснив мне обстановку, о которой я упоминал выше, генерал сообщил мне, что с подходом 4-й дивизии он решил овладеть Черниговом.

«Несколько раз я пытался покончить с этим злокачественным нарывом, но не удавалось. Бог даст, с вашим приходом мы достигнем цели...»

Командующий генерал и я склонились над картой и углубились в тактические комбинации.

Описание боевых действий не входит в задачи моей книги, однако необходимо, хотя бы кратко, остановиться на некоторых подробностях Черниговской операции, ибо эта операция наглядно и убедительно свидетельствует, какая потенциальная сила сохранилась в прежних и затем вновь возрожденных частях Императорской армии.

Решено было наступлением вдоль железной дороги Круты — Чернигов сбить части противника, находившиеся в Нежинском направлении, выйти в тыл Козелецкой группы и отрезать ее от единственной переправы на реке Десне у города Чернигова. План был крайне дерзкий по замыслу, ибо требовал зайти глубоко в тыл (более 50 верст), предварительно разбив вчетверо сильнейшего врага. К тому же на левом фланге наступления находились сильные красные части, а правый упирался в Сейм.

Большевики располагали полнейшей возможностью ударом в левый фланг сбросить или, во всяком случае, прижать нас к Сейму. Благодаря малочисленности все сообщения (тыловые пути) были беззащитны.

Намеченный план в равной степени сулил большой успех и полную катастрофу. Предстояло единоборство не только сил, но и духа.

Один из полков 4-й дивизии должен был взять на себя все тяжести этого наступления, а другой — удерживать переправу через Сейм в 30 верстах от путей намеченного наступления. И чем ближе приближался бы к своей цели полк, наступающий на Чернигов, тем более он отдалялся от своего соседа.

Генерал Бредов предложил мне, как начальнику дивизии, самому распределить роли полков в намеченной операции.

Справедливость требовала, чтобы Белозерский полк, как сильнейший, наносил бы главный удар. Слабые числом олонцы могли выполнить лишь второстепенную задачу. Находясь под впечатлением смотра у Ворожбы, я не колеблясь назначил Белозерский полк для нанесения главного удара.

На Нежинском участке находились уже гвардия и 2-й конный генерала Дроздовского полк. Согласно директиве, все гвардейские части

должны были наступать левее железной дороги Круты — Чернигов, а белозерцы — правее. 2-й конный полк должен был прикрывать левый фланг операции.

Мое сообщение о решенном наступлении и объяснение всей важности возложенной на полк задачи были приняты офицерами с большим подъемом. Солдаты, конечно, не разбирались в обстановке, однако с видимой охотой и вниманием выслушивали разъяснения офицеров. Как и я, все они находились под гипнозом недавнего смотра. Кроме того, выяснилось, что в полку имеется много офицеров, связанных с Черниговом. Одни там родились, другие учились, третьи имели семьи или родственников. Поэтому известие о наступлении на Чернигов вызвало большой подъем. Накануне дня наступления во всех ротках раздавались песни, смех, оживленные разговоры. Подобное настроение являлось ценнейшим залогом успеха.

Чернигов

23 сентября началось наступление. В этот же день утром гвардия подверглась неожиданному удару со стороны противника и в Черниговской операции она уже участия не принимала. Исключение составляла только гвардейская артиллерия со своим прикрытием — прекрасной пулеметной командой полковника Шатилова. Обстоятельство это сразу осложнило положение белозерцев, ибо, кроме своего участка, им надо было занять и участок, назначенный для гвардии. Соотношение сил, бывшее и без того не в нашу пользу, снизилось еще больше. Даже твердый духом, всегда мужественный генерал Бредов счел необходимым запросить по телефону мое мнение, не отложить ли операцию? Порыв, однако, не терпит перерыва, и было решено осуществлять задуманный план, не смущаясь осложнениями.

Наступление началось действительно с большим порывом, и к вечеру мы имели повсюду успех. Были взяты пленные и пулеметы.

В первый же день операции прибыл к полку генерал Бредов. Он обладал в большой степени добродетелями старшего начальника и потому совершенно не вмешивался в мои распоряжения, как командира полка. Принимая к сведению мои доклады, генерал предоставил мне полную свободу действий, ибо понимал, что всякое «дерганье» в бою лишь нервирует того начальника, который руководит боевыми действиями. Воинская добродетель, присущая подлинным военным.

Первую ночь операции я провел в тускло освещенной комнате маленькой станции Черниговской железной дороги. Тут же лежали уби-

тые белозерцы, а рядом равнодушно стучал телеграфный аппарат. В углу надрывался телефонист:

— Матвеев, Матвеев, да оглох ты, что ли?

Привычная и жуткая своей привычностью обстановка боя...

На второй день большевики опомнились и, усилив себя резервами, сами перешли в наступление. 3-й батальон был сбит, и в итоге мы потеряли два орудия... Подобная неудача не предвещала ничего хорошего... Расходовать свой последний резерв, когда главные трудности ожидались впереди, было невозможно: операция только начиналась.

Сбитому батальону пришлось собственными силами восстановить положение, что он и выполнил энергичной контратакой. Наиболее молодой по времени формирования батальон и его командир полковник Гаус хранили в своих сердцах то самолюбие, какое двигает воинские части на подвиги исключительные. Глубоко убежден, что этот батальон инстинктивно предугадывал уже ту славу, какую дал ему через несколько дней Чернигов и какую он в дальнейшем еще более приумножил...

О тех трудностях, какие пришлось преодолеть в течение пятидневных боев, свидетельствует донесение генерала Бредова на имя командующего войсками Киевской области: «Установлено, что против участка полковника Штейфона действуют 532-й, 533-й, 534-й и 539-й полки, занимающие сильно укрепленную позицию».

Преодолевая упорное сопротивление красных, белозерцы и 2-й конный полк продвигались вперед, все более и более углубляясь в тыл красных.

Утром 28 сентября 1-й и 3-й батальоны подошли к Десне. 2-му конному генерала Дроздовского полку было приказано выдвинуться по Киевскому шоссе, к югу от Чернигова, к деревне Яновке и прикрыть готовящийся штурм города со стороны Козелецкой группы. Эта сильная группа красных, узнав о нашем подходе к их единственной переправе, неминуемо должна была начать отход, дабы не быть отрезанной, что в действительности и случилось.

Чернигов соединялся 2-верстной дамбой — мостом. По этому дефиле, находившемуся под сильнейшим ружейным, пулеметным и орудийным огнем, надлежало перейти на западный берег, на котором расположен город.

В тот момент, когда 1-й батальон вел крайне тяжелый бой с превосходящими силами, а 3-й батальон готовился штурмовать дамбу, было получено сообщение о появлении в нашем тылу красной пластунской бригады (червонное казачество) с кавалерийским полком и с батареей. 2-й конный полк вел уже неравный бой с наседавшими

на него большевиками у Яновки, в 10 верстах от Чернигова. Перед нами была единственная переправа на Десне, которую мы стремились штурмовать своими уже поредевшими рядами. Слева накатывалась к этой же переправе Козелецкая группа (60-я советская дивизия). Из тыла двигались большие силы, стремясь тоже к переправе. Справа был непроходимый вброд Сейм.

Момент был жуткий. Я отдал приказание 3-му батальону без промедления штурмовать мост. Поддержанные артиллерией и пулеметами, 9-я и 10-я роты бросились в атаку и своим порывом смяли интернациональный батальон, непосредственно оборонявший дамбу. Этот батальон был почти полностью уничтожен. Вслед за передними ворвались в город и остальные роты.

2-й батальон и все команды, какие только я мог собрать, были двинуты против тыловой опасности. Их усилиями эта группа красных была сбита к югу и, таким образом, к переправе не вышла. В разгар описываемого боя козелецкие части красных сбили своим десятерным превосходством доблестный 2-й конный полк.

1-й батальон, который уже находился в Чернигове, был повернут кругом и двинут по Киевскому шоссе на усиление конных дроздовцев. Победа была полной. Захвачено несколько тысяч пленных, масса пулеметов. Только в районе Яновки было захвачено 16 орудий. Богатейшая добыча не поддавалась первоначальному учету. Между прочим, были отбиты и потерянные 24 сентября два орудия.

И этот, редкий даже в летописях Добровольческой армии бой вел полк, в состав которого две недели назад влилось около 2000 человек мобилизованных. Поставленные в условия нормальной дисциплины, руководимые мужественными офицерами, они воевали выше всяких похвал.

К концу пятидневной операции снова прибыл к полку генерал Бредов, и мы вместе вошли в город. Весь в зелени, в прежнее время тихий, мирный Чернигов, в период Гражданской войны перенес немало тяжелых испытаний. По моем прибытии меня окружили жители и со слезами на глазах выражали свою радость. Узнав, что нами захвачено несколько видных комиссаров, прославившихся своею жестокостью, жители в полном смысле слова умоляли меня приказать повесить этих комиссаров всенародно.

Через 2 дня на площади у собора Святого Феодосия Черниговского был отслужен молебен и устроен парад, во время которого прибывшим начальником дивизии все солдаты 9-й и 10-й рот, участвовавшие в штурме дамбы, были награждены Георгиевскими медалями. Командир 10-й роты поручик Радченко, первый бросившийся на штурм и

увлекший своим примером остальных, личной инициативой генерала Деникина был по телеграмме произведен в следующий чин. Я не немедленно сообщить эту приятную весть герою-офицеру, ибо, тяжело раненный, он находился уже в госпитале. Генерал Бредов горячо благодарил командира 3-го батальона полковника Гауса, всех офицеров и солдат за победный бой.

После взятия Чернигова полк получил решительно от всех старших начальников поздравительные телеграммы, в самых лестных выражениях отмечавших боевую работу белозерцев.

<...> Наиболее характерной является телеграмма командующего армией:

«Прошу передать полковнику Штейфону и доблестным родным мне белозерцам мое восхищение героическим штурмом Чернигова, воскресающим в памяти лучшие страницы воинской доблести».

По занятии Чернигова я, как старший представитель Добровольческой армии, явился высшей воинской и гражданской властью города и вновь освобожденного края. Тревожное и серьезное положение на фронте требовало от меня полного напряжения всех сил. Вместе с тем необходимо было заботиться и об устройстве города. На третий день ко мне явились представители самых разнообразных административных учреждений. Все они просили меня дать им руководящие указания и разрешить десятки неотложных нужд. Я был только военный начальник, и в моем распоряжении не имелось никакого гражданского аппарата. В ряде вопросов, предъявленных жизнью, я был совершенно несведущ. Какие, например, указания я мог дать управляющему конторой государственного банка по ряду специальных вопросов? А он домогался получить определенные инструкции. И не только он, но и другие. Я тонул в этой стихии безначалия и в то же время должен был отстаивать город, переживая при этом периодические тяжелые кризисы.

Конечно, на все домогательства своих посетителей я мог бы ответить фразой:

— Это не мое дело!

Поступить так, однако, не позволяла моя совесть. Я разрешил вопрос единственно доступным мне приемом: телеграфировал генералу Драгомирову и просил его, впредь до прибытия вновь назначенной администрации, поставить во главе всех гражданских учреждений тех лиц, кои ведали ими до революции. Генерал Драгомиров, человек ясного ума, понял мое положение и ответил согласием. Это не был, конечно, выход из положения, но все же это была хоть какая-нибудь система. Прибывший затем и посетивший меня вице-губернатор не скрывал всей своей беспомощности. Он и несколько приехавших с ним

чиновников были, конечно, бессильны дать губернии желаемый порядок. Вице-губернатор поступил так, как поступил бы каждый на его месте: дал видимость власти городу и предоставил деревню собственной участи.

Деревня уже была настроена прекрасно. Назначенная мною мобилизация (понеся большие потери, полк снова поредел) прошла успешно и даже с известным подъемом.

Отсутствие власти на местах и нездоровые навыки Гражданской войны породили в некоторых деревнях случаи незаконных реквизиций или, попросту говоря, — грабежей. Я сурово боролся с подобными явлениями, предавал виновных военно-полевому суду и без снисхождения утверждал смертные приговоры, о чем и объявлялось в «Ведомостях пехотного Белозерского полка».

Через 7—10 дней после занятия Чернигова неожиданно для меня появился ряд возов с мукой, овсом, сеном и прочими припасами. Прибывшие с возами крестьяне заявили, что все это они привезли в подарок Белозерскому полку:

— Мы знаем, что ваши солдаты не грабят и за все взятое вы платите. Примите, покорно просим.

Этот «подарок» простых русских людей чувствительно меня тронул.

Уезжая, крестьяне говорили:

— Если вам что будет надо, вы только скажите. Покорно благодарим, что не обижаете нас.

Описанный пример настолько яркий, что в комментариях не нуждается...

После восстановления в правах прежней администрации все же в городе была масса работы. В Чернигове была взята громадная военная добыча, и ей надо было дать толк, и не местными средствами, а указанием свыше. Среди взятого находились, например, мастерские и склады автомобильной части прежнего (периода Великой войны) Юго-Западного фронта. Это было богатейшее, многомиллионное имущество. Оно расхищалось, несмотря на принятые мною меры. Тщетно слал я телеграммы непосредственно в Ставку Главнокомандующего с просьбой прислать специалистов, дабы принять и вывезти это богатство, в котором остро нуждалась армия. В конце концов прибыли, кажется, два офицера. Они не были в силах справиться с порученным им делом.

Приказом Главнокомандующего были учреждены в армии особые комиссии, ведавшие захваченной добычей. Деятельность тех комиссий, каких я лично наблюдал, обычно бывала бумажной и чрезвычайно нежизненной. Наделенные диктаторскими полномочиями, подчиненные центру, комиссии накладывали свое veto на все взятое, и в итоге обра-

зовались громадные склады, месяцами лежавшие без всякого употребления. Мне известны примеры, когда подобные склады, пробыв много месяцев в наших руках, оставались нетронутыми и затем снова переходили в руки красных.

Взяты на учет указанными комиссиями склады зачастую расхищались и нередко способствовали развитию злоупотреблений среди младшего персонала, обслуживавшего эти склады.

Одна из таких комиссий очень скоро прибыла в Чернигов. Председатель ее потребовал, чтобы в его распоряжение была передана вся добыча, что я и исполнил с большой охотой. Спустя несколько дней большевики повели наступление и потеснили полк. Обстановка складывалась настолько грозно, что, в видах предосторожности, я отдал приказ своим тыловым учреждениям эвакуировать город. В самый критический момент обнаружился недостаток артиллерийских снарядов. Командир дивизиона вспомнил, что на складах реквизиционной комиссии имелись снаряды, захваченные при взятии Чернигова. В полном смысле слова была дорога каждая минута, и зарядные ящики помчались карьером к этим складам. Председатель комиссии заявил:

— Выдать снарядов не могу, они находятся на учете реквизиционной комиссии.

Этот склонный к бюрократии человек не хотел слушать никаких резонов и не хотел понять, что если город будет сдан, то вместе с этим будут оставлены и все «находящиеся на учете» склады. Только мое энергичное вмешательство дало возможность уже умолкавшей артиллерии получить снаряды.

Большевики были отбиты, а после боя я предал председателя комиссии военно-полевому суду. На другой день была получена телеграмма от генерала Драгомирова. Командующий войсками просил меня отменить мое распоряжение и добавлял, что он отзывает из Чернигова всю комиссию, «по несоответствию».

Кроме забот по обороне и устройству города, мне приходилось разрешать много вопросов, ни в какой степени не касающихся компетенций командира полка и начальника группы. Я не мог отмахиваться от той массы просителей, какие ежедневно и в большом числе приходили ко мне. В большинстве это была совершенно обнищавшая интеллигенция. Она буквально голодала. Занятому свыше меры своими разнообразными обязанностями, мне надо было находить время и для посетителей. Не мог же я, представитель добровольческой власти, даже не выслушать тех, для кого новая белая власть являлась символом освобождения, справедливости и силы?

Приходила старушка и, плача, рассказывала (конечно, в простран- ных выражениях!), что большевики отобрали у нее все и что ей не- чем прокормить двух детей-внучек. У нее имеется лишь немного со- ветских денег, а советские деньги теперь никто не берет. За нею с грудным ребенком входила жена какого-то низшего служащего с по- добной же пресобой. И еще, и еще. Что я мог поделаться? Я приказал полковому казначею брать, якобы на обмен, эти ничего не стоящие бумажки и выдавать рубль за рубль добровольческими деньгами. Об- радованные люди уходили, горячо благодаря «добровольцев». Требова- лась помощь, широкая, систематическая, а таковой не было, ибо не было власти. В моей комнате ежедневно разыгрывались десятки драм: стесняющаяся, плачущая бедность признавалась, что она голодна. При- знавалась намеками, скорбью своих глаз, случайными фразами. Я при- казал полковым кухням широко кормить желающих, а для тех, кто стыдился (тогда таких было много), заготовил пакеты с мукой, саха- ром и другими продуктами. Люди, конфузясь, уносили эти пакеты и были радостны и сыты хотя бы несколько дней. Всего этого было, ко- нечно, мало, но лучше сделать хоть что-нибудь, чем ничего.

Памятуя о переменности военного счастья и зная, с какими не- вероятными усилиями удерживается город, я предложил желающим жителям выехать в тыл, в иные, более спокойные и безопасные места.

Среди лиц, которых я лично навестил, предлагая свою посильную помощь, была и сестра героя Добровольческой армии генерала Дроздов- ского⁶⁷⁴. Я знал Юлию Гордеевну давно, когда она была молодой, жиз- нерадостной барышней. Помня, что Дроздовские жили когда-то в Чер- нигове, я приказал навести справки. Оказалось, что Юлия Гордеевна с неизлечимой хронической болезнью находится в местной богадельне. Отправился к ней. В пожилой, изможденной женщине, лежавшей на грязном соломенном матрасе, я с трудом узнал прежнюю Юлию Гор- деевну. Широко открытыми глазами, с явным недоумением и даже со страхом смотрела она на меня. Последний раз мы встречались, когда я был 17-летним юнкером.

— Здравствуйте, Юлия Гордеевна, узнаете меня? Я — Боря Штей- фон. Помните?

Она вспомнила, расплакалась и судорожно схватила мою руку. Так и не отпускала моей руки, покуда я сидел у ее кровати.

На другой день я снова ее навестил. Она была к этому времени переведена в лучшую частную лечебницу, лежала в отдельной комнате на прекрасной кровати. Около нее находилась специально командиро- ванная полковая сестра. На ночном столике стояли цветы и лежала

добытая с трудом коробка шоколадных конфет. Совершилась одна из сказок жизни!

О положении Ю.Г. я сообщил дроздовцам, и их трогательным почечением Ю.Г. была вывезена на юг.

Пятидневная Черниговская операция, а затем полуторамесячная оборона города потребовали от полка громадного напряжения.

Большие потери снова обессилили нас. Очередная мобилизация лишь временно отдалила кризис, однако он назревал с каждым днем.

Еще более усилившийся материально после взятия Чернигова, Белозерский полк являлся, вероятно, самым богатым полком в армии. У меня имелось много пулеметов, винтовок, я располагал достаточным количеством обмундирования и снаряжения. Хозяйственная часть, отнюдь не прибегавшая к незаконным приемам, благодаря разумной экономии обладала большими запасами. В любое время мы могли по примеру «цветных» полков развернуться в сильную, прекрасно снабженную бригаду. И несмотря на все эти данные, полк таял с каждым днем. Как после Льгова, так и в Чернигове мне необходимо было иметь 5—7 дней спокойствия, дабы дать отдых измученным людям. Дать им две ночи спокойного сна. Только отведя полк в резерв, можно было действительно его пополнить, устроить и дать ему силы для продолжения успешных боевых действий. Однако о каком отдыхе могла быть речь, когда надо было слабыми силами оборонять двадцативерстный фронт, имея перед собою втрое сильнейшего врага?

И с чистой совестью можно признать, что войска Черниговской группы делали больше, чем можно было от них требовать. Постоянно получаемые благодарности от высшего начальства свидетельствовали об этом. 7 октября генерал Драгомиров, например, телеграфировал:

«Полковнику Штейфону, копия генералу Бредову.

Сердечно благодарю Вас и молодцов белозерцев за доблестную отвагу в боях 6 октября у ж.д. Товстолес — Халявино. Особенно благодарю за постоянную активность действий. Уверен, что под Вашим умелым руководством доблестные белозерцы отстоят грудью древний Чернигов».

Читать подобные признания белозерских заслуг было, конечно, приятно, но, как всякие слова, они начинали терять свое значение. Ряды защитников уменьшались с каждым днем.

Недостатка в пленных мы, правда, не ощущали, но по своим построениям это были лучшие большевистские части — они не годились для немедленной постановки в строй.

Нам не хватало солдат. Роты вновь снижались до 40—50 штыков.

Катастрофа приближалась, но, к счастью для себя, фронт ее еще не предвидел. Растянутые тонкой линией на сотни верст, войска пытались своею кровью и величайшей доблестью исправить недочеты тыла и организации. И как ядро, прикованное к ноге каторжника, стесняет все его движения, так и неустройство тыла, несовершенство военной системы и вся совокупность сделанных раньше ошибок парализовали порыв фронта.

Приближалась осень. Истомленные войска не имели теплой одежды. Резервов не было. Части воевали уже только своими кадрами. Дух бойцов явно изнашивался. И когда после занятия Орла и Брянска советская Москва готовилась к эвакуации и на фронт была двинута даже личная охрана Ленина — Латышская дивизия, добровольческое командование уже не имело сил, чтобы сломить несомненно последнее сопротивление.

Наступила агония фронта и трагический отход к Новороссийску.

Черниговскую и Киевскую группы ожидал крестный путь Бредовского похода.

*В. Чернопыцкий*⁶⁷⁵

42-Й ПЕХОТНЫЙ ЯКУТСКИЙ ПОЛК В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ⁶⁷⁶

В некоторых военных журналах были напечатаны статьи, касавшиеся Якутского пехотного полка⁶⁷⁷. Мой отец прослужил в этом полку до предельного возраста и ушел в отставку в 1913 году, а мое детство и моя юность все прошли среди офицеров и солдат этого полка. В 1914 году, по окончании Виленского военного училища, я вышел в Казанский военный округ и тотчас же подал рапорт о назначении меня в Якутский полк, указав мотивы этой моей просьбы. Просьба моя была удовлетворена, и таким образом я начал свою офицерскую службу в рядах этого славного полка.

Будучи одним из ближайших сотрудников полковника Антоновича⁶⁷⁸, нашего командира полка, в его попытках сформировать полк в Добровольческой армии, я хочу рассказать о действиях нашего полка во время Гражданской войны.

В октябре 1917 года я, как и многие другие офицеры, оставил мой родной 42-й пехотный Якутский полк и проживал у родителей в Волынской губернии. В июне месяце 1918 года я случайно вошел в связь с бывшим командиром полка полковником Антоновичем. Георгиевским кавалером ордена и оружия. Полк он принял в 1916 году, имея

45 лет от роду. Мы с ним встретились, и на этом свидании полковник Антонович сообщил мне о своем намерении сформировать Якутский полк на Дону. Для первой встречи он ограничился лишь этим, но сказал, что в Киеве он назначил полковника Лошакова руководить «центром связи» якутцев.

После встречи с полковником Антоновичем я вошел в контакт с полковником Лошаковым, моим командиром батальона во время войны, и от него узнал, что он занимался вербовкой и переброской якутцев на Дон. Система вербовки была такова: полковник Антонович устроился у гетманского правительства агентом по закупке скота в Херсонской губернии для оккупационных войск. Эта служба давала ему возможность набирать повсюду своих «представителей». Все эти «представители» были бывшими офицерами и были завербованы для кадра будущего полка и должны были быть переправлены в Южную армию.

В это же самое время украинское правительство формировало кадры для украинской 11-й дивизии, полки которой носили названия бывших полков Российской армии. При вторичной моей встрече с полковником Антоновичем я получил задание отправиться в город Луцк, где формировались кадры Якутского полка, чтобы узнать, кто там есть из якутцев, и сообщить им о планах полковника Антоновича. В Луцке я нашел 4—5 офицеров-якутцев, чьих фамилий я говорить не буду. Штаб полковника Антоновича находился в городе Балта, Херсонской губернии. Кажется, в конце июля я был вызван полковником Лошаковым в Киев, где получил распоряжение узнать, кто из офицеров согласен поехать на Дон. Из пяти человек согласились трое. Приехав с ними в Киев, мы узнали от полковника Лошакова о том, что мы должны выехать на станцию Миллерово, в Южную армию, куда он уже отправил других офицеров. Мне было приказано явиться в штаб Южной армии и доложить там настоятельную просьбу полковника Антоновича о том, чтобы из прибывающих офицеров была бы сформирована рота 42-го пехотного Якутского полка. Начальник штаба (кажется, генерал Штейфон) в этом категорически отказал. Получив отказ, я поехал в Новочеркасск, в штаб Донской армии, где и получил согласие на такое формирование при 5-м или 6-м полку Саратовского корпуса⁶⁷⁹. Явившись затем на станцию Белая Калитва, я показал предписание штаба армии командиру полка и получил и его согласие.

Вернувшись обратно на станцию Миллерово, я сообщил оставшимся там офицерам, что они могут ехать в полк, а сам с прапорщиком Бегловым возвратился в Киев для доклада полковнику Лошакову.

На станции Ромодан я узнал, что петлюровцы восстали против гетмана, а по прибытии в Киев нам стало известно, что бои идут на даль-

них подступах к Киеву. С прапорщиком Бегловым мы отправились к полковнику Лошакову, но его уже не было.

В это время в Киеве формировался офицерский отряд генерала Келлера, в который мы и поступили, попав на бронепоезд, которым командовал генерал Багинский⁶⁸⁰, мой бывший начальник дивизии.

После сдачи Киева мы очутились в чужом городе без связи с кем-либо, без железнодорожного сообщения и без средств. К нашему счастью, здесь жила моя сестра, предоставившая нам временный приют.

Не помню уже, сколько времени прошло, во всяком случае, больше месяца, когда пошли поезда на Одессу. У нас были документы: мой — старшего писаря, а у прапорщика Беглова студенческий, и были воинские литеры на проезд по железной дороге. Мы и решили ехать в Одессу, но сначала заехать в Балту, где я думал найти полковника Антоновича. В Балте я узнал, что полковник Антонович скрылся, а в городе прочел расклеенный на стенах приказ петлюровского коменданта города, кажется капитана Садовского, в котором полковник Антонович объявлялся вне закона и с ним вместе и начальник полиции.

Решая, куда ехать дальше, мы узнали на вокзале, что на Одессу поехать нельзя — идут бои. Решили пробираться на Таганрог или в Крым, чтобы затем попасть на Дон. Доехав поездом до станции Помощная, мы узнали, что ни на Таганрог, ни на Крым поездов нет. Добравшись в товарном поезде, переполненном солдатами, до Николаева, мы попали на пароход, шедший как раз в Одессу.

На палубе парохода я случайно поднял с полу газету, в которой прочел приказ коменданта Одессы, подписанный... полковником Антоновичем. Сейчас же по приходе парохода в Одессу я помчался в комендантское управление. Спрашиваю: «Где комендант?» — и говорю, кто я. Мне отвечают, что я могу найти коменданта в «Московской гостинице», на Дерибасовской. Мы оба мчимся туда и находим там нашего полковника...

С этого дня начинается вторая фаза формирования Якутского полка. На следующий день я явился к полковнику Антоновичу в комендантское управление, где полковник Антонович сообщил мне, что он получил от генерала Гришина-Алмазова разрешение сформировать при комендантском управлении роту 42-го пехотного Якутского полка, которая явится костяком будущего формирования. В данный момент была уже сформирована офицерская рота. В Одессе проживало много офицеров, и сюда же пробирались офицеры из зоны, занятой войсками Петлюры. На командных должностях было несколько бывших курсовых офицеров Одесского училища, как полковник Карпов⁶⁸¹, братья Петровы, штабс-капитан Слиженков и другие. Но,

несмотря на присутствие многочисленных офицеров, запись добровольцев шла медленно

Несколько позже началось формирование солдатской роты и пулеметного взвода. Никакого отпуска денег каким-либо командованием или организацией не было, но полковник Антонович сумел получить средства у некоторых заводчиков, и я должен отметить здесь щедрость господина Аатра, владельца авиационного завода.

Наконец рота и пулеметный взвод были уже подготовлены, как в строевом, так и в боевом отношении. Я был назначен полковым адъютантом. Встал вопрос о зачислении роты в состав Добровольческой армии, о чем была подана докладная записка генералу Гришину-Алмазову для ходатайства перед верховным командованием. Но тем временем генерал Гришин-Алмазов покинул Одессу, и на его место был назначен генерал Шиллинг. Рота усиленного состава и пулеметный взвод были ему представлены и произвели на него очень хорошее впечатление.

В это же время из Ставки Добровольческой армии приехал в Одессу генерал Тимановский, принявший командование стрелковой дивизией, а через некоторое время приказом главного командования рота Якутского полка вошла в подчинение генералу Тимановскому.

В Одессе тогда находились французские войска, а на рейде стояли французские корабли. Петлюровцы занимали станцию Раздельная, а к востоку, к Николаеву и Херсону, гуляли отряды петлюровцев и Григорьева. Для прикрытия Одессы с севера были выдвинуты части стрелковой дивизии, а на восток — части французских войск, сенегальцы. Рота Якутского полка, поддержанная броневиком, обороняла сектор Преображенской улицы и вокзал, то есть центр города. Комендантское управление перешло в дом Лионского банка. Так прошло несколько дней, пока французы не погрузились. Затем был получен приказ командования оставить город и вдоль Фонтанов отойти на Пески, к городу Аккерману.

С наступлением темноты рота оставила Одессу и утром расположилась на Песках. Простояв там несколько дней, рота была затем погружена на пароход, кажется в Аккермане, и, прибыв в Тульчу (Румыния), разгрузилась в ожидании дальнейших распоряжений. В Тульче я заболел тифом и лежал на соломе в полковом околотке. Как только кризис болезни миновал и я стал быстро поправляться, был получен приказ о погрузке роты на пароход для отправки в Новороссийск. По моей настойчивой просьбе я тоже был погружен на пароход и, быстро поправившись, в Новороссийске вступил в исполнение должности адъютанта.

Прибыв в Новороссийск, рота и пулеметная команда отдохнули, получили обмундирование и были направлены в Таганрог, где мы по-

лучили пополнение из ставропольцев (800 человек) и пулеметы. Рота развернулась в два батальона с пулеметной командой и значилась уже как 42-й пехотный Якутский полк, который был представлен генералу Май-Маевскому.

После отдыха полк был переброшен на станцию Иловайская, где полку произвел смотр генерал Кутепов. Там мы простояли недолго в армейском резерве. Здесь же полковник Антонович сдал полк своему помощнику полковнику Петрову, а я с должности адъютанта был переведен в пулеметную команду.

Затем, до самого конца боев, полк оставался в двухбатальонном составе, и только в Киеве был сформирован из пленных малочисленный 3-й батальон, но я думаю, что при лучшей организации, пройдя от Таганрога до Киева, можно было бы сделать больше.

После станции Иловайская полк двигался в направлении города Змиева и первый бой имел у деревни Балаклеи, где был убит поручик Буткевич (старший). Подойдя к Змиеву, полки завязал бой с бронепоездом красных. Во время боя в полк приехал генерал Кутепов, и после его отъезда через некоторое время полковник Петров сдал полк полковнику Почекаеву⁶⁸². После взятия Змиева полк был направлен на Харьков через Славянск и Изюм. У станции Мерефа, под Харьковом, полк получил задачу взорвать железнодорожную линию и занять станцию Жихор, куда отступали большевики. Задача была выполнена 2-м батальоном, и полк двинулся на станции Основа и Новая Бавария, куда подошел и 2-й батальон Дроздовского полка. Харьков был взят дроздовцами.

Из Новой Баварии полк был направлен на станцию Люботин, откуда после отдыха повел наступление на Богодухов и Гуты. Со стороны красных здесь действовал батальон матросов под командой «Маруси».

После боев за Богодухов полк был переброшен на Полтаво-Миргород-Киевское направление. После Богодухова полком последовательно командовали генерал Бернис⁶⁸³, полковник Любомиров⁶⁸⁴, полковник Иваненко и полковник Дехтерев. Подойдя с боями к Киеву, полк получил задачу перерезать шоссе Киев — Чернигов, по которому отступали большевики. Задача была выполнена, взяты пленные и броневик, и полк остановился на линии Козелец — Остер.

Период времени от Люботина до Киева я был в отпуску, а возвращаясь в полк, был назначен оперативным адъютантом. Полком в это время командовал полковник Любомиров. В сентябре 1919 года полк перешел в наступление на участке Козелец — Остер, сбил красных, взяв пленных, и продолжал наступление на Чернигов, который был взят 2-м батальоном и подошедшим Белозерским полком. В последних числах сентября 1919 года, тотчас после взятия Чернигова, полк был спешно

вызван в Киев, куда ворвались красные, которые, сбив наши части, дошли до Крещатика

Полк выступал на рассвете и форсированным маршем, частью на подводах, проделав под дождем за один день и ночь 130 верст, утром подошел к Цепному мосту, где был встречен генералом Драгомировым, генералом Бредовым и митрополитом Антонием. Пройдя мост, полк развернулся в боевой порядок и с хода перешел в наступление. Здесь завязался уличный бой, стреляли из окон, но к вечеру полк, сломив сопротивление большевиков, вышел на шоссе, ведущее на Святошино, на следующий день занял Святошино и окопался на реке Ирпень. Продвижению полка в городе способствовал броневик «Якутец» с пулеметчиком поручиком Тихомировым.

Через некоторое время, кажется в конце ноября, полк снова перешел в наступление, форсировал реку Ирпень и продвинулся на 20 км по шоссе Киев — Житомир. Неожиданно был получен приказ отойти в исходное положение, на реку Ирпень. Штаб полка был в недоумении (полком командовал тогда Генерального штаба полковник Дехтерев). Вскоре выяснилось, что большевики сбили гвардейскую дивизию⁶⁸⁵ и Белозерский полк на Черниговско-Козелецком направлении и быстро продвигаются на Киев. Якутскому полку было приказано задержаться на реке Ирпень до отхода всех частей из Киева и идти в аррьергарде. Это было в декабре 1919 года.

Так начался тяжелый отход войск генерала Бредова на Одессу. Дойти туда они уже не могли, так как Одесса была уже занята красными. Путь отступления проходил через Киев, Белую Церковь, Шполу, Звенигород, Хмелевое и Голту. В Голте был получен приказ изменить направление движения и вместо Одессы идти на станцию Раздельная и Тирасполь, для перехода румынской границы.

В Тирасполе ночью было получено новое приказание — спешно отходить вдоль Днестра на север, к польской границе. Поход происходил зимой, в очень тяжелых условиях, люди устали, мораль была подавлена, и красная конница Котовского неустанно преследовала отряд.

На польской границе полк был разоружен и отправлен в лагерь для интернированных в деревне Пикупице, около Перемышля.

В 1920 году офицеры и солдаты, еще оставшиеся в лагере, были перевезены в Крым, где были влиты на пополнение Брестского пехотного полка⁶⁸⁶.

Так кончил свою службу Родине 42-й пехотный Якутский полк, вписав имя полковника Антоновича в историю полка. С Брестским полком бывшие якуты прошли Крымскую кампанию, сражались под Каховкой, на Перекопе и после эвакуации пережили еще и Галлиполи.

КОММЕНТАРИИ

¹ Впервые опубликовано: Сумские гусары. 1651—1951. Буэнос-Айрес, 1954. Этот труд был составлен к 300-летию полка его офицерами: генерал-майором Б.Н. Говоровым, полковниками Г.А. Шведом и К.В. Соколовым, ротмистрами Н.М. Снежковым, Ф.К. Водо и П.П. Вярвьильским.

² 1-й гусарский Сумский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Осенью 1918 г. несколько офицеров полка воевали в составе 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. Эскадрон полка (при 5 офицерах) был сформирован в декабре 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Одесской бригады Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). К 13 июня 1919 г. насчитывал 120 человек (в т. ч. 43 офицера), затем развернулся в дивизион. Участвовал в Бредовском походе. В марте 1919 г. в Севастополе из находившихся в Крыму сумцев был сформирован еще один эскадрон полка (15 офицеров и 28 солдат), который влит (до 20 мая 1920 г.) полуэскадроном в 3-й кавалерийский полк. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. основной эскадрон полка (5 офицеров и 65 солдат, в конце августа — 115 человек) вошел в 7-й кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем. Кроме того, в Сибири воевало 12 офицеров, 3 — на Севере, 3 — в Северо-Западной армии; за войну в полк было принято 8 офицеров и в эмиграции 8. Полк потерял в Белом движении 19 офицеров (в мировую войну — 8). Командиры: подполковник (полковник) Г.А. Швед (декабрь 1918-го — январь 1919 г., июнь 1919-го — 8 августа 1920 г.), подполковник (полковник) Ю.Б. Алферов (январь — июнь 1919 г.), ротмистр граф Борх (8 августа — 30 октября 1920 г.). В эмиграции в объединении полка на 1951 г. состояло 39 человек. Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Муханов. В 1939 г. издавало «Бюллетень Объединения Сумских гусар» (вышло 3 номера).

³ **Савинков Борис Викторович**, р. 19 января 1879 г. в Харькове. Сын судьи. Известный деятель партии социалистов-революционеров. При Временном правительстве товарищ военного министра. В годы Гражданской войны организатор подпольной антибольшевистской борьбы, в начале 1918 г. воз-

главил Союз защиты Родины и Свободы. В августе 1924 г., нелегально приехав в СССР, был захвачен органами ВЧК и убит 7 мая 1925 г. в тюрьме в Москве.

⁴ Союз защиты Родины и Свободы (Народный союз защиты Родины и свободы). Антибольшевистская подпольная организация, созданная в феврале 1918 г. Б.В. Савинковым. Имел ближайшей задачей «свержение существующего правительства и организацию твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России, воссоздание старой армии с восстановлением прав старого командного состава с целью продолжения войны с Германией». При создании Союза Савинков выдавал себя за полномочного представителя генералов М.Н. Алексева и Л.Г. Корнилова, используя удостоверение члена Совета при генерале Алексееве. Штаб-квартира Союза находилась в Москве, с отделениями в других городах (в Казани ее представлял служивший в Красной армии фон дер Лауниц, в Муроме — Григорьев и т. д.). В штаб Союза входили полковник А.П. Перхуров, полковник Я. Бредис, военврач Д.С. Григорьев. Насчитывал по разным данным от 2 до 5 тысяч офицеров (имеются данные, что к концу мая удалось привлечь в организацию до 6,5 тысячи офицеров в Москве и 34 провинциальных городах), из которых были сформированы полки и бригады. В одной Москве в пехоте числилось 400 офицеров. Рядовые члены организации не могли знать более 3—5 человек. Командующим всеми боевыми отрядами был назначен генерал-лейтенант В.В. Рычков при начальнике штаба полковнике Перхурове. Активными членами Союза были генералы Веревкин, Карпов, Афанасьев, полковники Филюповский, Томашевский, капитан 2-го ранга Казарновский, штабс-капитан Благовещенский, поручики Попов, Кутейников, Шрейдер, Веденников и др.

Предполагалось одновременно поднять восстания в Москве, Ярославле, Челябинске, Рыбинске, Муроме, Калуге и других городах. Даже после случайного провала и арестов руководителей организация сохранилась и смогла обеспечить выступления в ряде городов. После того как 29 мая в Москве было арестовано 13 офицеров, занятых разработкой оперативных планов, ЧК смогла выйти и на других членов руководства и произвести новые аресты, а овладев паролем, начать аресты и в других городах. Наиболее тяжелый удар был нанесен в Казани, где был схвачен в полном составе весь штаб местного отделения Союза и штаб офицерской организации генерал-майора И.И. Попова. Все офицеры, схваченные в Москве и Казани (около 600 человек), расстреляны в начале июня, но большинству членов организации удалось перебраться в Поволжье. 7 июля произошло восстание в Рыбинске (где в организации состояло до 400 офицеров), а на следующий день — в Муроме (где им руководили полковник Н. Сахаров и убитый в тот же день поручик А. Мальчевский), подавленные после кратковременного успеха. Наиболее крупной акцией Союза было Ярославское восстание. Активизировал свою деятельность в мае 1921 г., когда вместе с примыкавшим к нему Всероссийским союзом офицеров направлял через польскую границу действия партизанских отрядов в Белоруссии. Осенью 1921 г. таких отрядов насчитывалось до 15. Среди их руководителей — полковник С.Э. Павлов-

ский, подполковник В. Свежевский, полковник Павлов, капитан Колосов, поручик Прудников, поручик Орлов, поручик Пименов.

⁵ Речь идет о Народной армии — одном из первых белых объединений на Востоке России. Создана Комучем (Комитет членов Всероссийского учредительного собрания) 8 июня 1918 г. В Самаре еще с конца 1917 г. существовала подпольная офицерская организация подполковника Н.А. Гакина. Когда 8 июня 1918 г. в городе было создано правительство Комуча, ему было предложено возглавить военное ведомство, а его организация, насчитывавшая 200—250 человек, послужила основой для развертывания армии. Офицерская организация Самары выставила две роты, эскадрон и конную батарею. Артиллерией заведовал генерал-майор Клоченко. Одной из первых частей была сформированная капитаном Вырыпаевым 1-я отдельная конно-артиллерийская батарея в 100 человек. Формировавшаяся армия с самого начала столкнулась с недостатком опытных и решительных начальников. 8 июня на собрании офицеров Генерального штаба в Самаре возглавить войска вызвался подполковник В.О. Каппель. Добровольцы Каппеля действовали у Самары и к северу от нее; южнее — части полковника Ф.Е. Махина (Особая Хвальнская группа).

Первоначально армия строилась на добровольческой основе с 3-месячным сроком службы, 30 июня была проведена мобилизация 1897—1898 гг. рождения, что позволило увеличить численность армии с 10 до 30 тысяч человек. В середине августа 1918 г. была объявлена мобилизация офицеров, которым к 1 августа не исполнилось 35 лет (генералов и старших офицеров независимо от возраста). По мере очищения от большевиков территорий в армию переходило немало проживавших там или служивших в красных учреждениях офицеров. Под Казанью действовал партизанский отряд поручика Ватягина в 40 человек, принявший участие во взятии города. В Казани сразу же после освобождения города были сформированы две офицерские роты: 1-я (полковник Радзевич) в 380 (или 280) человек и 2-я (полковник Филиппов) — 300—350 (по другим сведениям, Казань дала два офицерских батальона). Там же армия пополнилась 140 офицерами из находившейся в городе тогда Академии Генерального штаба. В Симбирске после взятия города 22 июля офицеры в чине до капитана включительно в течение 6 часов образовали батальон, в тот же день выступивший на позиции. В освобождаемых населенных пунктах организовывались роты, затем сводившиеся в батальоны.

В конце июня были развернуты 8 пехотных полков (в июле переименованы в стрелковые). Армия включала также такие части, как Казанский офицерский батальон, Чистопольский, Бугурусланский, Мензелинский и Бирский добровольческие отряды, Курганский русский батальон, две офицерские и студенческая роты и другие. Отряд Каппеля в июле развернулся в Отдельную стрелковую бригаду (ставшую ядром армии), а остальные части в середине августа сведены в 3 стрелковые дивизии (в их составе имелись полки 1—4-й Самарские, 5-й и 6-й Сызранские, 10-й Бугурусланский, 11-й Бузулукский, 15-й Белебеевский и др.). 19 августа был сформирован Казанский отдельный корпус. К сентябрю были сформированы еще 3 стрелковые дивизии, а число кавалерийских полков доведено до пяти. Армия под-

разделялась на Северную и Южную группы. Из Северной группы в сентябре 1918 г. создана Казанская стрелковая бригада (3,6 тысячи штыков и сабель). К 1 сентября 1918 г. в армии было до 15 тысяч штыков и сабель, половина из которых — в добровольческих частях Каппеля и Махина (за счет которых и были достигнуты все успехи). В целом же она насчитывала из 50—60 тысяч мобилизованных не более 30 тысяч вооруженных. К концу октября в армии было уже около 5 тысяч офицеров.

Вследствие эсеровского характера Комуча армия имела соответствовавшие атрибуты: в ней существовало обращение «гражданин», форма — без погон, с отличительным признаком в виде Георгиевской ленточки. Все это находилось в вопиющем противоречии с настроениями, психологией и идеологией офицерства, которое терпело Комуч лишь как неизбежное зло, позволявшее, по крайней мере, вести борьбу с большевиками. Комуч, в свою очередь, крайне подозрительно относился к офицерству и старался противопоставить русским формированиям и русскому командованию чехов, создавая даже специальные чехо-русские части под началом чешских офицеров. После упразднения Народной армии в декабре 1918 г. ее части в основном составили 1-й Волжский армейский корпус. Командующие: полковник Н.А. Галкин, полковник С. Чечек. Начальник штаба: полковник Н.А. Галкин (июнь—июль 1918 г.), полковник С.А. Щепихин. Начальники дивизий: 1-й — подполковник В.О. Каппель, 2-й — генерал-майор А.С. Бакич.

⁶ Речь идет о генерале Стефане Агатовиче Довгирде (р. в 1871 г., в службе с 1889 г., офицером с 1891 г.).

⁷ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), Академию Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.). С 6 декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 14 октября 1918 г. генерал-лейтенант, с 17 октября командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. Оренбургская отдельная армия), с 23 мая 1919 г. (до 16 октября 1919 г.) генерал-инспектор кавалерии, со 2 июня 1919 г. походный атаман всех казачьих войск, с 21 сентября по 16 октября 1919 г. командующий Оренбургской армией Восточного фронта, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 25 января 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

⁸ **Лопухин Михаил Сергеевич**, р. в 1899 г. Из дворян. Окончил Московский университет. Офицер с 1914 г. Ротмистр 1-го гусарского полка. Участник попытки освобождения царской семьи в январе—феврале 1918 г., затем член и командир десятки Союза защиты Родины и Свободы. Арестован в августе 1918 г. в Москве. Расстрелян в 1918 г. в Москве.

⁹ **Граф Борх Георгий-Станислав Эдуардович**. Окончил Тверское кавалерийское училище (1913). Офицер 1-го драгунского полка. Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. В 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи, с февраля 1918 г. в офицерской организации в Москве,

член военной организации «Национального центра». В Вооруженных силах Юга России с начала 1919 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в Одессе в Сводном кавалерийском полку (затем 3-й конный полк), с июня командир взвода и полускадрона, с февраля 1920 г. командир эскадрона 1-го гусарского полка, с весны 1920 г. в 3-м кавалерийском полку, с мая 1920 г. в 7-м кавалерийском полку, с августа командир эскадрона 1-го гусарского полка. Ротмистр. Убит 30 октября 1920 г. у д. Мамут в Крыму.

¹⁰ **Берг.** Офицер с 1914 г. Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. В январе—феврале 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи, с февраля 1918 г. член подпольной организации в Москве. В Добровольческой армии и ВСЮР; с начала 1919 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в Одессе в Сводном кавалерийском полку (затем 3-й конный полк), в июне 1919 г. командир взвода того же полка. Убит.

¹¹ **Яцинский Михаил.** Офицер с 1914 г. Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. В январе—марте 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи, с марта 1918 г. в подпольной организации в Москве, затем в Северо-Западной армии. В эмиграции (к 1925 г. в Париже), служил во французском Иностранном легионе. Убит в 1940 г. в рядах французской армии во время Второй мировой войны.

¹² **Роменский.** Офицер с 1915 г. Поручик 1-го гусарского полка. В 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи, с марта 1918 г. в антисоветской организации в Москве. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 3-м конном полку. Участник Бредовского похода. Штабс-ротмистр. Умер от тифа в 1919 г. в Польше.

¹³ **Водо Федор Константинович,** р. в 1886 г. Офицер с 1915 г. Поручик 1-го гусарского полка. В 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи, с февраля 1918 г. в антисоветской организации в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии; осенью 1919 г. в эскадроне своего полка в 3-м конном полку, с февраля 1920 г. командир взвода в эскадроне 1-го гусарского полка, с весны 1920 г. в 3-м кавалерийском полку, с мая 1920 г. в 7-м кавалерийском полку, в июле—августе 1920 г. командир эскадрона. Ранен. В эмиграции в Югославии. Ротмистр. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США, член СЧРК. Умер 10 февраля 1969 г. в Сан-Франциско (США).

¹⁴ **Яфа (Яффа) Константин Александрович,** р. в 1897 г. в Москве. Медведниковская гимназия в Москве, Московский университет (не окончил), Тверское кавалерийское училище (1915). Поручик 1-го гусарского полка. Участник попытки освобождения императорской семьи в Тобольске. С марта 1918 г. в подпольной организации в Москве, затем в белых войсках Восточного фронта в Казанском драгунском полку. В эмиграции в Китае (Харбин). Умер 28 июня 1939 г. в Унзене (Япония).

¹⁵ **Соколов Константин Владимирович.** Окончил Тверское кавалерийское училище (1912). Офицер 3-го гусарского полка. Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. В январе—марте 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи, с марта 1918 г. в антисоветской организации в Москве, с июня 1918 г. в Добровольческой армии: командир эскадрона в запасном дивизионе в 1-м конном полку, затем командир сотни в 1-м Черноморском полку

Кубанского казачьего войска. Тяжело ранен 13 декабря 1918 г., с 12 января 1919 г. ротмистр. Осенью 1919 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 3-м конном полку, с весны 1920 г. в 3-м кавалерийском полку, с сентября 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку. Полковник. В эмиграции во Франции (к 1925 г. в Париже), в 1939 г. выступал как монархист-легитимист, после 1945 г. в США. Умер после 1954 г.

¹⁶ **Головин Дмитрий** (2-й). Окончил Тверское кавалерийское училище (1913). Офицер 3-го уланского, с 1914 г. 1-го гусарского полка. Поручик 1-го гусарского полка. В 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи. Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. командир взвода в эскадроне 1-го гусарского полка в 3-м конном полку, с июля 1919 г. командир эскадрона в дивизионе 1-го гусарского полка. Участник Бредовского похода. С августа 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку. Штабс-ротмистр. Взят в плен и расстрелян 30 октября 1920 г. у д. Мамут в Крыму.

¹⁷ **Моравский** Офицер с 1915 г. Поручик 1-го гусарского полка. В 1918 г. участник попытки освобождения императорской семьи, с марта 1918 г. в антисоветской организации в Москве, затем в Добровольческой армии, с начала 1919 г. в 1-м Черноморском полку Кубанского казачьего войска, адъютант полка. Штабс-ротмистр. Убит в 1919 г. на Маныче.

¹⁸ **Князь Трубецкой Александр Евгеньевич**, р. в 1892 г. Офицер с 1915 г. Штабс-ротмистр л.-гв Конно-гренадерского полка. В эмиграции во Франции, на ноябрь 1951 г. казначей Общества старых офицеров л.-гв. Конно-гренадерского полка. Умер 17 декабря 1968 г. в Париже.

¹⁹ **Говоров Борис Николаевич**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1906). Подполковник 1-го гусарского полка. С февраля 1918 г. в офицерской организации в Москве, затем в белых войсках Восточного фронта; командир 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии в Сибирской армии и начальник кавалерийских курсов Дальневосточной армии. Генерал-майор. В эмиграции в Харбине, с 1949 г. в Аргентине. Умер 9 августа 1973 г. в Буэнос-Айресе.

²⁰ **Петражkevич Федор Карлович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1910). Офицер 13-го гусарского полка. Ротмистр 1-го гусарского полка. Георгиевский кавалер С марта 1918 г. в подпольной офицерской организации в Москве. Расстрелян в 1918 г. в Москве.

²¹ **Иванов Вячеслав Александрович** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Офицер 2-го уланского полка. Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. С февраля 1918 г. в офицерской организации в Москве, член военной организации «Национального центра». С июня 1918 г. в Добровольческой армии; вахмистр запасного дивизиона в 1-м конном полку, затем командир сотни в 1-м Черноморском полку Кубанского казачьего войска. Ротмистр. Убит в октябре 1918 г. под Ставрополем.

²² **Токмаков Мстислав Владимирович**. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1914 г. Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. С марта 1918 г. в подпольной организации в Москве. В Добровольческой армии с нача-

ла 1919 г. в 1-м Черноморском полку, летом—осенью 1919 г. командир взвода в эскадроне 1-го гусарского полка в 3-м конном полку. Участник Бредовского похода. В Русской Армии с августа 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Ротмистр. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже до 1941 г., в 1949—1951 гг. в Австрии. Умер 18 августа 1983 г. в Кастро-Валлей (США)

²³ **Крейтер Глеб Владимирович (2-й)**. Офицер с 1914 г. Поручик 1-го гусарского полка. С февраля 1918 г. в офицерской организации в Москве, член военной организации «Национального центра». С июня 1918 г. в Добровольческой армии и ВСЮР; командир взвода в запасном дивизионе в 1-м конном полку, затем командир сотни 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска, с декабря 1918 г. штабс-ротмистр, с 12 января 1919 г. ротмистр. С лета 1919 г. в эскадроне 1-го гусарского полка. Умер от тифа осенью 1919 г. в Черниговской губ.

²⁴ **Князь Церетели**. Офицер с 1915 г. Поручик 1-го гусарского полка С марта 1918 г. в офицерской организации в Москве. В Добровольческой армии и ВСЮР. Убит до 1920 г.

²⁵ **Седаков Николай Николаевич**. Офицер с 1914 г. Поручик 1-го гусарского полка. С марта 1918 г. в офицерской организации в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии; в мае 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку. В эмиграции во Франции (к 1925 г. в Париже). Умер после 1954 г.

²⁶ **Светлейший князь Меншиков-Корейша Иван Николаевич**, р. в 1865 г. Подполковник 1-го гусарского полка. Убит большевиками в 1918 г. при облаве в Москве.

²⁷ **Казанович Борис Ильич**, р. в 1871 г. Из дворян. Окончил Могилевскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае—июне командирован в Москву в «Национальный центр». С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919-го — до начала 1920 г. командующий войсками Закаспийской области. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, в августе 1920 г. — начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Общества офицеров Генерального штаба, председатель Главного правления Союза Участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчеве (Югославия).

²⁸ **Аршаулов Вадим Петрович**. Тверское кавалерийское училище с 1912 г. Офицер 1-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае (в 1920-х гг. в Харбине).

²⁹ **Литтауэр Владимир Станиславович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1913). Офицер 1-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г. В эмиграции в США. Умер после 1954 г.

³⁰ **Калачев Василий Николаевич.** Прапорщик запаса. С 1914 г. офицер 7-го запасного кавалерийского полка, затем 1-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Харбине.

³¹ **Головин Петр** (1-й). Окончил Тверское кавалерийское училище (1913). Поручик 3-го уланского, затем 1-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае (Харбин).

³² **Гуковский Ростислав Константинович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1911). Офицер 1-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции с 1925 г. в Румынии.

³³ **Кулебякин Гавриил Федорович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1915). Офицер 1-го гусарского полка, летчик-наблюдатель 11-го истребительного авиаотряда. 1917—1918 гг. в Бакинской авиационной школе. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1919 гг. в 15-м Сибирском авиационном отряде, в 1919—1920 гг. в 1-м авиационном отряде в Забайкалье. Ротмистр. В эмиграции в Харбине, в 1926—1934 гг. служил в китайской авиации, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, с 1949—1950 гг. в Сан-Франциско. Умер 5 марта 1962 г. в Сан-Франциско (США).

³⁴ **Вярвьильский Петр Петрович.** Офицер с 1917 г. Корнет 1-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г. В эмиграции в Китае (Харбин), затем в США (к 1949 г. в Сан-Франциско). Умер после 1954 г.

³⁵ **Снежков Николай Михайлович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1911). Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. В белых войсках Северного фронта; до 20 августа 1919 г. при штабе Главнокомандующего войсками Северной области, затем на Архангельском фронте. В эмиграции к 1925 г. во Франции, с 1929 г. член правления объединения Николаевского кавалерийского училища. Умер после 1954 г.

³⁶ **Завалишин Борис Иванович.** Офицер с 1915 г. 1-го гусарского полка. В белых войсках Северного фронта на Архангельском фронте. В эмиграции во Франции (к 1925 г. в Париже). Умер после 1954 г.

³⁷ **Будзко Виктор Петрович.** Окончил Александровский лицей (1911). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1912 г. Поручик 1-го гусарского полка. В белых войсках Северного фронта на Мурманском фронте. В эмиграции с 1925 г. в Лондоне. Умер после 1951 г.

³⁸ **Щуровский Андрей Владимирович.** Штабс-ротмистр с 1915 г. 1-го гусарского полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 11 ноября 1918 г.); в декабре 1918 г. в частях Отдельного Псковского добровольческого корпуса, затем начальник разведки Южной группы Северного корпуса, в декабре 1919 г. в 6-м пехотном Таабском полку. Ротмистр (с 15 марта 1919 г.). В эмиграции к 1949 г. в Италии. Умер после 1954 г.

³⁹ **Ипатьев Николай Владимирович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1915) (1914). Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка, прикомандирован к штабу Кавказской туземной конной дивизии. В Северо-Западной армии. В эмиграции. Умер 20 января 1935 г. в Стенливиле (Конго).

⁴⁰ 1-й конный генерала Алексева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (Конный, Конно-Партизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (Конные

отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полковником Рашпилем) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашпиля убито 32 офицера). С мая—июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. — 1-й конный генерала Алексеева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II). 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексеева дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равностороннего креста с широкой белой каймой, на который слева снизу—направо наложен серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый венок, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста — белая дата «1917». Командиры: полковник К. Корсун (июнь—сентябрь 1918 г.), полковник В.П. Глиндский (сентябрь—ноябрь 1918 г.), полковник (генерал-майор) А.П. Колосовский (ноябрь 1918-го — 21 марта 1919 г.), полковник Сабуров (7 апреля — осень 1919 г.).

⁴¹ 1-й Черноморский полк Кубанского казачьего войска. Возрожден в Добровольческой армии. Входил в состав 1-й конной дивизии (июнь 1918 г.), с 11 ноября 1918 г. — 3-й Кубанской казачьей дивизии, затем Отдельной Кубанской казачьей бригады (октябрь—ноябрь 1919 г.; к 5 октября 1919 г. был придан 3-й Кубанской казачьей дивизии). На 29 октября 1919 г. насчитывал 190 сабель, 12 пулеметов. Командир — полковник Казанов (с 23 октября 1919 г.).

⁴² Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура), р. 7 февраля 1887 г. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской, Кубанской обл. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд; в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, 29 января — март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских ка-

зачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 17 января 1947 г. в Москве.

⁴³ **Сорокин Иван Лукич**, р. в 1884 г. в ст. Петропавловской. Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был главнокомандующим Красной армией Северного Кавказа, но находился в напряженных отношениях с политическим руководством возникавших там «советских республик». 30 октября 1918 г. он был арестован в Ставрополе и на следующий день убит в тюрьме.

⁴⁴ **Барон Врангель Петр Николаевич**, р. 15 августа 1878 г. в Ростове. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Окончил Ростовское реальное училище, Горный институт (1901), офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902), академию Генштаба (1910). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, командующий сводным конным корпусом. В Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией. Эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя на корабле «Посадник». С 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР и Русской Армией. Генерал-лейтенант (с 22 ноября 1918 г.) В эмиграции, с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского Общевоинского Союза (РОВС). С сентября 1927 г. в Бельгии. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

⁴⁵ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. в 1875 г. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова. С конца 1917 г. командир отряда Кубанских войск, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор. Затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией; в марте 1920 г. командующий Кубанской армией, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). В эмиграции в Югославии В годы Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

⁴⁶ **Малышенко Николай Иванович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Войсковой старшина (полковник). В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе Кубанского атамана, с июня 1918 г. командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассмотрения проекта

новой организации армии от конницы, командир 2-й бригады 3-й Кубанской казачьей дивизии, с 28 ноября 1919 г. комендант главной квартиры штаба Главнокомандующего, с 1920 г. начальник отряда особого назначения. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, к 1929 г. член правления объединения Николаевского кавалерийского училища. Умер в 1940—1944 гг. в Париже.

⁴⁷ **Май-Маевский Владимир Зенонович**, р. в 1867 г. Из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академию Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-майор, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. врид командующего 3-й дивизией, с декабря 1918 г. начальник 3-й пехотной дивизии, 15 февраля — 1 июня 1919 г. командир 2-го армейского корпуса, с апреля 1919 г. командующий Донецкой группой войск, 22 мая — 27 ноября 1919 г. командующий Добровольческой армией, с 26 ноября 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Умер 30 октября 1920 г. в Севастополе.

⁴⁸ **Деникин Антон Иванович**, р. 4 декабря 1872 г. в д. Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Окончил Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, с 29 августа 1917 г. под арестом в Быхове. После освобождения 19 ноября 1917 г. участник организации Добровольческой армии, в начале января 1918 г. командующий войсками Добровольческой армии, с 30 января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. В 1-м Кубанском походе заместитель генерала А.Г. Корнилова, которого 31 марта 1918 г. сменил на посту Главнокомандующего. 26 декабря 1918 г. — 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР. В эмиграции в апреле—августе 1920 г. в Англии, затем до мая 1922 г. в Бельгии, с июня 1922 г. в Венгрии, с весны 1926 г. во Франции (Париж, с мая 1940 г. д. Мимизан), с 1945 г. в США. Умер 7 августа 1947 г. в Энн-Эрборе.

⁴⁹ **Гришин Алексей Николаевич** (Гришин-Алмазов), р. в Кирсановском уезде Тамбовской губ. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию генерала М.В. Алексева организовывал подпольную работу в Сибири. 27 мая 1918 г. сверг советскую власть в Новониколаевске. 28 мая — 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня до 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий Военным министерством. В сентября 1918 г. отбыл в Екатеринодар, с 29 ноября 1918 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы и (до 15 января 1919 г.) командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врид командующего войсками Юго-Западного края. Генерал-майор. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе делегации к адмиралу Колчаку. Застрелился под угрозой плен на 22 апреля 1919 г. в Каспийском море.

⁵⁰ **Швед Георгий Александрович**, р. в 1888 г. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Подполковник 1-го гусарского полка В Добровольческой армии с декабря

1918 г.; сформировал в Одессе эскадрон 1-го гусарского полка в Сводно-кавалерийском полку (затем 3-й конный полк), с июля 1919 г. командир эскадрона и дивизиона 1-го гусарского полка, с мая 1920 г. — взвода того же полка в 7-м кавалерийском полку, с августа 1920 г. командир дивизиона того же полка до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США, к 1949 г. в Сан-Франциско, член Общества Ветеранов, редактор «Вестника ОБВВВ Северного фронта». Умер 15 апреля 1966 г. в Сан-Франциско.

⁵¹ Одесская стрелковая бригада (с 27 января 1919 г. — Отдельная Одесская стрелковая бригада) Добровольческой армии Одесского района. В Одессе в ноябре 1918 г. на пароходе «Саратов» под началом генерала А.Н. Гришина-Алмазова из войск 3-го Одесского гетманского корпуса были сформированы офицерские добровольческие части, которые освободили город от петлюровцев. В начале 1919 г. генералом Тимановским из них была сформирована Одесская стрелковая бригада (2 Сводно-стрелковых, Сводно-кавалерийский полки с 4-орудийной конной батареей). Включала в себя подразделения Сводного полка 4-й стрелковой дивизии (у гетмана — 5-я кадровая дивизия), Сводного полка 6-й пехотной дивизии (у гетмана — 6-я кадровая дивизия) и 42-го пехотного Якутского полка (у гетмана — 2-й Волинский кадровый полк), который пришел в Одессу из 1-го Волинского гетманского корпуса. К марту бригада насчитывала 5 тысяч человек (3350 штыков и 1600 сабель). До 20 марта 1919 г. обороняла Одесский район, после чего отошла по Днестру на юг и была перебросена в Новороссийск. В апреле 1919 г. включала Сводный полк 15-й пехотной дивизии, 42-й пехотный Якутский полк, стрелковый и Сводный кавалерийский полки и 4-ю стрелковую артиллерийскую бригаду. 18 мая 1919 г. развернута в 7-ю пехотную дивизию. Командир — генерал-майор Н.С. Тимановский (с 31 января 1919 г.). Начальник штаба — капитан К.Л. Капнин.

⁵² Сводно-кавалерийский полк. Сформирован в декабре 1918 г. в Одессе. Входил в состав Одесской бригады. Состав: 3 конных (11-го драгунского Рижского, 3-го Смоленского и 11-го Чугуевского уланских) и 3 пеших (1-го Сумского, 3-го Елисаветградского и 7-го Белорусского гусарских полков) эскадрона и конная батарея (4 орудия). 1 мая переименован в 3-й конный полк. Командир — полковник Самсонов.

⁵³ **Алферов Юрий (Георгий) Борисович.** Окончил Киевский кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906). Офицер 6-го гусарского полка. Подполковник 1-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. командир отряда, с начала 1919 г. командир эскадрона 1-го гусарского полка в Одессе в Сводном кавалерийском полку (затем 3-й конный полк); летом 1919 г. командир дивизиона; с июля 1919 г. в штабе 5-го кавалерийского корпуса. В марте 1920 г. эвакуирован из Новороссийска в Севастополь, с апреля 1920 г. в тыловых учреждениях, временно зачислен в штаб инспекции конницы до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Сцегад». Галлиполиец. В эмиграции в Югославии (в 1930-е гг. в Белграде). Служил в Русском Корпусе. Участник монархического движения. С 1949 г. в Германии. Умер 30 ноября 1951 г. в Ульме.

⁵⁴ **Леман.** Офицер с 1914 г. Поручик 1-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с начала 1919 г. в Одессе в эскадроне 1-го гусарского полка в Сводно-кавалерийском полку (затем 3-й конный полк). В Русской Армии с весны 1920 г. в 3-м кавалерийском полку.

⁵⁵ **Тимановский Николай Степанович,** р. в 1889 г. Полковник, командир Георгиевского батальона ставки ВГК. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. С 12 марта 1918 г. помощник командира Сводно-офицерского полка, начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир Марковского полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 21 января начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, со 2 июня 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. в Ростове.

⁵⁶ 11-й драгунский Рижский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Эскадрон полка был сформирован в декабре 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. эскадрон полка входил в 7-й, а с 22 августа 1920 г. — во 2-й кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем.

⁵⁷ 11-й уланский Чугуевский полк. Возрожден в Добровольческой и Донской армиях. Эскадрон полка был сформирован в декабре 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). Сформированный в Донской армии собственный полк в конце сентября 1919 г. включен в ее Сводную кавалерийскую дивизию. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк.

⁵⁸ 3-й уланский Смоленский полк. Несколько офицеров полка участвовали в 1-м и 2-м Кубанских походах. Возрожден в Добровольческой армии. Эскадрон полка был сформирован 1 декабря 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). Смоленские уланы с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-уланского полка, где в июле 1919 г. были представлены эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й, а с 22 августа 1920 г. — в 7-й кавалерийский полк. Несколько офицеров полка воевали также в армии адмирала Колчака и Северо-Западной армии. Полк потерял в Белом движении 8 офицеров.

⁵⁹ 3-й гусарский Елисаветградский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Эскадрон полка был сформирован в декабре 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. эскадрон полка входил в

7-й кавалерийский полк. Полковое объединение в эмиграции — Общество Елисаветградских гусар, создано 6 мая 1931 г. в Югославии (насчитывало 5 генералов и около 40 офицеров). Председатель генерал-лейтенант А.И. Мартынов. Издавало «Вестник Елисаветградских гусар».

⁶⁰ **Фон Шарц Алексей Владимирович**, р. в 1874 г. Из дворян Екатеринославской губ. Окончил Реальное училище (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевскую инженерную академию (1902). Генерал-лейтенант, и.д. начальника Главного военно-технического управления. Летом 1918 г. бежал из Красной армии в Киев; в декабре 1918 г. в Одессе; приглашен на должность начальника предполагаемого десантного отряда для захвата Петрограда, с 21 марта 1919 г. командующий русскими войсками в союзной зоне и генерал-губернатор Одессы, в апреле 1919 г. начал формирование Южно-Русской армии. В эмиграции в Италии, затем в Аргентине, преподаватель академии Генштаба и Высшей военно-технической школы. Умер 27 сентября 1953 г. в Буэнос-Айресе.

⁶¹ 3-й конный полк. Сформирован во ВСЮР 1(18) мая 1919 г. в Ростове-на-Дону из Сводно-кавалерийского полка Одесской бригады Добровольческой армии Одесского района. Придан 7-й пехотной дивизии. С 6 марта 1919 г. участвовал в боях в Северной Таврии в отряде генерала Виноградова. На 14 июня насчитывал 841 человек. С 19 июня 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. На 5 октября 1919 г. насчитывал 267 штыков и 175 сабель при 24 пулеметах. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Командир — полковник Самсонов (1 мая — 15 октября 1919 г.).

⁶² Добровольческая армия (в составе ВСЮР). Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Включала к середине июня 1919 г. 1-й армейский и 3-й Кубанский корпуса, 2-ю Кубанскую пластуную бригаду, а также части Таганрогского гарнизона и штаба армии, к концу июля в нее были включены Группа генерала Промтова и вновь сформированный 5-й кавалерийский корпус. К 15 сентября 1919 г. из 5-й и 7-й пехотных дивизий был образован 2-й армейский корпус. 14 октября 1919 г. была сформирована еще 1-я отдельная пехотная бригада. К 5 октября в ее составе (помимо приданных частей) остались только 1-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса. Кроме того, в состав армии входили: Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады, 2-й и 3-й отдельные тяжелые гаубичные дивизионы, Отдельный тяжелый пушечный тракторный дивизион, 2-й радиотелеграфный дивизион, 2-я, 5-я, 6-я отдельные телеграфные роты, 1-й и 2-й дивизионы танков и 5-й автомобильный батальон. Армии были также приданы 1-й авиационный дивизион (2-й и 6-й авиаотряды и 1-я авиабаза), бронеевтомобильные: 1-й дивизион, 1-й, 3-й и 4-й отряды. 6 января 1920 г. сведена в Добровольческий корпус. Командующие: генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский (8 мая — 14 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (с 22 ноября 1919 г.). Начштаба: генерал-лейтенант Н.П. Ефимов (8 мая — 1 декабря 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квартирмейстер — полковник

А.А. фон Гоерц. Дежурный генерал — генерал-майор Бенсон. Инспектор артиллерии — генерал-майор Лахтионов. Начальник снабжений — генерал-майор Деев. Начальник военных сообщений — генерал-майор Месснер.

⁶³ Кавказская армия. Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Первоначально включала 1—3-й конные и Сводно-Донской (4-я и 13-я Донские дивизии) корпуса, Астраханскую бригаду и 6-ю пехотную дивизию. После переформирования — 1-й и 2-й Кубанские, Сводный и 4-й (бывший 3-й) конные корпуса. В оперативном подчинении был Сводно-Донской корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 23 234 человека (в т. ч. 1120 офицеров, 17 434 строевых, 2180 вспомогательных и 2500 нестроевых нижних чинов). В середине октября 1919 г. 2-й Кубанский корпус был переброшен в Донскую и потом в Добровольческую армию. Кроме того, в армии были Нижне-Волжский и Заволжский отряды, Отдельная Кубанская казачья бригада, 2-я Терская пластунская бригада, Ставропольский конно-партизанский дивизион, 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион, 1-я Кубанская инженерная сотня (полковник Д.Г. Галушко), 1-й (Кавказский) радиотелеграфный дивизион, 4-я отдельная телеграфная рота и 1-й автомобильный батальон.

К 5 октября 1919 г. армия имела в своем составе также 1-й бронепоездной дивизион (см. Бронепоездные части ВСЮР), 1-й и 4-й танковые отряды 1-го и 6-й отряд 2-го танкового дивизионов, 2-й броневой дивизион (1-й, 2-й и 3-й отряды), 1-ю Кавказскую отдельную инженерную роту (117 человек), 1-й Кубанский казачий авиаотряд (3 самолета), 3 английских авиаотряда (12 самолетов), Раздорскую отдельную сотню (охрана железной дороги), Донские бронепоезда «Степной», «Казак Землянухин», «Атаман Платов» и «Илья Муромец», 1-й железнодорожный батальон Добровольческой армии, Морской отряд особого назначения (капитан 1-го ранга Заев), Морской отдельный батальон (165 штыков, 8 пулеметов, 2 орудия), Отдельную Кубанскую батарею (4 орудия), Отдельный взвод гаубиц (2 орудия), 4 дивизиона Морской тяжелой артиллерии: особого назначения — 1-я (в ремонте) и 2-я (3 орудия) батареи, 2-й — 3-я батарея (2 орудия), 4-й — 7-я (2 орудия) и 8-я (1 орудие) батареи, и 6-й — 12-я батарея (2 орудия), а кроме того — 6-й (7 катеров: МК 1—5, 7 и 10) и 7-й (7 бронекатеров: «Казак», «Черкес», «Пластун», «Линеец», «Черноморец», «Атаман Чепига», «Антон Головатый») дивизионы речных катеров и 1-й дивизион канонерских лодок. Насчитывала к 5 октября 1919 г. 8640 штыков, 6115 сабель, 324 сапера, 384 пулемета, 85 орудий, 15 самолетов и 7 бронепоездов (в октябре 1919 г. 14,5 тысячи человек). В начале июня 1919 г. в боях под Царицыном понесла тяжелые потери (потеряла 5 начальников дивизий, 3 командиров бригад, 11 командиров полков). Расформирована 29 января 1920 г. с обращением на формирование Кубанской армии.

Командующий — генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (8 мая — 22 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант В.Л. Покровский (22 ноября 1919 г. — 21 января 1920 г.). Начштаба: генерал-лейтенант Я.Д. Юзефовия (8 мая — 27 июля 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (27 июля — 1 декабря 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квар-

тирмейстеры: полковник П.А. Кусонский (с 8 мая 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (до 1 декабря 1919 г.). Дежурный генерал — генерал-майор В.П. Петров. Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант М.В. Макеев. Начальник военных сообщений — генерал-лейтенант П.С. Махров. Начальники снабжений: генерал-майор А.Г. Фалеев (до 11 ноября 1919 г.), генерал-майор П.А. Вильчевский (с 11 ноября 1919 г.).

⁶⁴ Донская армия. Создана весной 1918 г. в ходе восстания донского казачества против большевиков на базе повстанческих частей и отряда генерала П.Х. Попова, вернувшегося из Степного похода. В течение всего 1918 г. действовала отдельно от Добровольческой. В апреле состояла из 6 пеших и 2 конных полков Северного отряда полковника Фицхелаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всей области. Полки имели станичную организацию с численностью от 2—3 тысяч до 300—500 человек — в зависимости от политических настроений в станице. Они были пешие, с конной частью от 30 до 200—300 шашек. К концу апреля армия имела до 6 тысяч человек, 30 пулеметов, 6 орудий (7 пеших и 2 конных полка). Она (с 11 апреля) состояла из трех групп: Южная (полковник С.В. Денисов), Северная (войсковой старшина Э.Ф. Семилетов; бывший Степной отряд) и Задонская (генерал-майор П.Т. Семенов, полковник И.Ф. Быкадоров).

На 12 мая 1918 г. войсковому штабу было подчинено 14 отрядов: генерал-майоров Фицхелаурова, Мамонтова, Быкадорова (бывший Семенова), полковников Туроверова, Алферова, Абраменкова, Тапилина, Епихова, Киреева, Толоконникова, Зубова, войсковых старшин Старикова и Мартынова, есаула Веденева. К 1 июня отряды были сведены в 6 более крупных групп: Алферова на Севере, Мамонтова под Царицыном, Быкадорова под Батальском, Киреева под Великокняжеской, Фицхелаурова в Донецком районе и Семенова в Ростове. В середине лета армия увеличилась до 46—50 тысяч человек, по другим данным, к концу июля — 45 тысяч человек, 610 пулеметов и 150 орудий. К началу августа войска распределялись по 5 войсковым районам: Ростовский (генерал-майор Греков), Задонский (генерал-майор И.Ф. Быкадоров), Цимлянский (генерал-майор К.К. Мамонтов), Северо-Западный (полковник З.А. Алферов), Усть-Медведицкий (генерал-майор А.П. Фицхелауров). С августа 1918 г. станичные полки сводились, образуя номерные полки (пешие 2—3 батальона, конные — 6 сотен), распределенные по бригадам, дивизиям и корпусам. Осенью 1918 г. — в начале 1919 г. войсковые районы переименованы в фронты: Северо-Восточный, Восточный, Северный и Западный. Тогда же завершилось формирование Молодой армии. Офицерами в полках были уроженцы тех же станиц. Если их не хватало, брали и из других станиц, а в случае крайней необходимости — офицеров не казаков, которым первое время не доверяли.

Летом 1918 г., не считая постоянной Молодой армии, под ружьем находилось 57 тысяч казаков. К декабрю на фронте было 31,3 тысячи бойцов при 1282 офицерах; Молодая армия насчитывала 20 тысяч человек. В составе армии имелись Донской кадетский корпус, Новочеркасское (см. Атаманское) училище, Донская офицерская школа и военно-фельдшерские курсы. К кон-

цу января 1919 г. Донская армия имела под ружьем 76,5 тысячи человек. Донские полки в 1919 г. имели в строю по 1000 сабель, но после трех месяцев боев их состав сокращался до 150—200. Морским управлением ВВД (контр-адмирал И.А. Кононов) была образована Донская флотилия.

После объединения с ВСЮР 23 февраля 1919 г. армия была преобразована. Фронты преобразовывались в 1-ю, 2-ю и 3-ю армии, а группы, районы и отряды — в корпуса (неотдельные) и дивизии по 3—4 полка. Затем (12 мая 1919 г.) армии были преобразованы в отдельные корпуса, корпуса сведены в дивизии, дивизии — в бригады по 3 полка. После реорганизации армия состояла из 1-го, 2-го и 3-го Донских отдельных корпусов, к которым 28 июня добавился 4-й. В августе 1919 г. последовала новая реорганизация: четырехполковые дивизии превращались в трехполковые бригады, которые сводились в девятиполковые дивизии (по 3 бригады в каждой). Осенью 1919 г. армии был также временно придан 3-й Кубанский корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. армия насчитывала 52 315 человек (в т. ч. 2106 офицеров, 40 927 строевых, 3339 вспомогательных и 5943 нестроевых нижних чинов). На 5 октября 1919 г. имела 25 834 штыков, 24 689 сабель, 1343 сапера, 1077 пулеметов, 212 орудий (183 легких, 8 тяжелых, 7 траншейных и 14 гаубиц), 6 самолетов, 7 бронепоездов, 4 танка и 4 бронезавтомобиля. В армии, в отличие от других составных частей ВСЮР, действовала прежняя наградная система русской армии. 24 марта 1920 г. из частей армии, вывезенных в Крым, сформирован Отдельный Донской корпус, а 1 мая все донские части сведены в Донской корпус.

Командующие: генерал-майор К.С. Поляков (3—12 апреля 1918 г.), генерал-майор П.Х. Попов (12 апреля — 5 мая 1918 г.), генерал-майор С.В. Денисов (5 мая — 2 февраля 1919 г.), генерал от инфантерии В.И. Сидорин (2 февраля 1919 г. — 24 марта 1920 г.). Начштаба: генерал-майор С.В. Денисов (3—12 апреля 1918 г.), полковник (генерал-майор) В.И. Сидорин (12 апреля — 5 мая 1918 г.), полковник (генерал-майор) И.А. Поляков (5 мая — 2 февраля 1919 г.), генерал-лейтенант А.К. Кельчевский (2 февраля 1919 г. — 24 марта 1920 г.).

⁶⁵ Сидорин Владимир Ильич, р. 3 февраля 1882 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), Академию Генштаба (1910), Офицерскую воздухоплавательную школу (1910). Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца ноября 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина, декабрь 1917 г. — январь 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, январь 1918 г. начальник штаба походного атамана. Участник Степного похода (с 12 марта 1918 г. начальник штаба отряда), с 12 апреля по 5 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии. С 5 мая 1918 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. Со 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией; с 24 марта 1920 г. до 6 апреля 1920 г. ко-

мандир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (2 февраля 1919 г.). Вышел в отставку 12 апреля 1920 г. В эмиграции с мая 1920 г. в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

⁶⁶ Войска Северного Кавказа. Созданы во ВСЮР 10 января 1919 г. До 22 июля 1919 г. именовались Войсками Терско-Дагестанского края. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывали 24 920 человек (в т. ч. 1622 офицера, 18 596 строевых, 2167 вспомогательных и 2535 нестроевых нижних чинов). Включали 8-ю пехотную дивизию, 1-ю Кубанскую и 1-ю Терскую пластунские бригады, 2-ю Терскую казачью, Кабардинскую и Осетинскую конные дивизии, 5-й гусарский Александрийский полк и 2-й автомобильный батальон, а к 5 октября 1919 г. также Осетинский (Кубанский) дивизион (78 сабель), Осетинский конный дивизион (46 сабель, 1 пулемет), партизанский отряд (191 сабля, 1 пулемет), Астраханскую отдельную сотню (120 сабель), Кавказский инженерный батальон (3 роты — 256 человек, полковник Введенский, с 27 октября 1919 г.), Запасную Терскую батарею (6 орудий), 1-й отдельный конно-горный дивизион (2 батареи — 8 орудий), бронепоезда «Терец», «Кавказец» и «Святой Георгий Победоносец», 5-й авиаотряд (2 самолета), 6-ю, 8-ю и 18-ю радиостанции. К 5 октября 1919 г. (с Закаспийским отрядом) насчитывали 11 123 (11 167) штыков, 5423 (5513) сабель, 328 саперов, 225 пулеметов, 70 орудий, 2 самолета и 8 бронепоездов.

В оперативном отношении делились на отряды: Астраханский, Свято-Крестовский, Южный (генерал-лейтенант князь Вадбольский), Владикавказский (полковник Фирсов), Грозненский (генерал-майор Колесников), Петровский (генерал-майор Руднев) и Кизлярский (полковник Потетин). 4 марта 1920 г. из остатков войск был сформирован так называемый Владикавказский отряд, 22 марта вышедший по Военно-Грузинской дороге в Поти. Расформированы 27 апреля 1920 г.

Командующие: генерал-лейтенант В.П. Ляхов (10 января — 16 апреля 1919 г.), генерал от кавалерии И.Г. Эрдели (с 16 апреля 1919 г.). Помощник командующего — генерал-лейтенант П.А. Томилов. Начштаба — генерал-майор Е.В. Масловский (с 1 февраля 1919 г.). Генерал-квартирмейстер — полковник К.Г. Булагов. Дежурный генерал — генерал-майор Масленников. Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант Н.Д. Неводовский. Заведующий передвижением войск — генерал-майор Соловьев. Начальник снабжений — генерал-майор Арцишев.

⁶⁷ 3-й армейский корпус. Образован 22 мая 1919 г. из Крымско-Азовской Добровольческой армии. Включал 4-ю пехотную дивизию и Отдельную кавалерийскую бригаду, которая 19 июня переформирована во 2-ю кавалерийскую дивизию, а 9 июля исключена из состава корпуса, кроме 2-го Таманского и Сводно-драгунского полков. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывал 7693 человек (в т. ч. 751 офицера, 4497 строевых, 980 вспомогательных и 1465 нестроевых нижних чинов). 20 августа 1919 г. на его основе были развернуты Войска Новороссийской области. Вновь сформирован 6 декабря 1919 г. в составе 13-й, 34-й пехотных дивизий. В начале 1920 г. включал также Славянский стрелковый, 1-й Кавказский стрелковый

(около 100 штыков), Чеченский сводный (около 200 шашек) полки. В январе 1920 г. отошел в Крым и, включив в свой состав находившиеся там части, стал именоваться Крымским корпусом. Командиры: генерал-лейтенант С.К. Добrorольский (врид; 28 мая — 10 июля 1919 г.), генерал-лейтенант Н.Н. Шилинг (10 июля — 26 августа 1919 г.), генерал-майор Я.А. Слащев (с 6 декабря 1919 г.). Начштаба — генерал-майор В.В. Чернавин (31 мая — 19 августа 1919 г.). Инспекторы артиллерии: генерал-майор М.Н. Папа-Федоров (27 июня — 15 октября 1919 г.), генерал-майор М.С. Росляков (с 14 декабря 1919 г.).

⁶⁸ **Виноградов Михаил Николаевич**, р. 14 октября 1868 г. Окончил Воронежский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), академию Генштаба. Генерал-майор, командир бригады 115-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем командир отряда своего имени, с 28 мая 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 10 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, в начале 1920 г. начальник Сводно-гренадерской дивизии. В Русской Армии в резерве чинов при Военном управлении, с 24 июня 1920 г. начальник гарнизона Мелитополя, затем в отделе дежурного генерала штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии, с 1950 г. в Бельгии. Умер в сентябре 1960 г.

⁶⁹ **Геништа Владимир Николаевич**, р. в 1872 г. В службе с 1889 г., офицером с 1892 г. Полковник 11-го уланского полка. С 1918 г. в гетманской армии; 15 июля 1918 г. назначен командиром 2-го Чугуевского конного полка. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1919 г. командир эскадрона в 3-м конном полку.

⁷⁰ **Ралли Алексей Васильевич**, р. в 1887 г. Штабс-ротмистр. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. в эскадроне 1-го гусарского полка, летом 1919 г. в том же эскадроне в 3-м конном полку. Ротмистр. Эвакуирован на корабле «Новахо». К 16 июля 1920 г. на о. Проти. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». В эмиграции в США. Умер после 1951 г.

⁷¹ **Романовский Иван Павлович**, р. в 1877 г. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897), Академию Генштаба (1903). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, 8 января 1919 г. — 24 марта 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР. Генерал-лейтенант. В марте 1920 г. эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

⁷² 5-й кавалерийский корпус. Сформирован во ВСЮР 27 июня 1919 г. Включал 1-ю и 2-ю кавалерийские дивизии (I) и 10-ю отдельную телеграфную роту (на 5 октября 1919 г. также Отдельный конно-артиллерийский и Сводно-конный дивизионы, 7-я и взвод 8-й конно-артиллерийской батареи). Во время осеннего отступления вел арьергардные бои на Украине вместе с

частями Войск Киевской и Новороссийской областей. Некоторые полки корпуса отошли на Одессу с Войсками Новороссийской области и затем в ходе Бредовского похода — в Польшу. Остальные сохранившиеся полки были сведены к 19 ноября 1919 г. в 1-ю кавалерийскую дивизию (II) (1-я бригада корпуса (дивизии) 28 ноября 1919 г. имела 146 шашек, 29-го после пополнения — 206, а 2 декабря — 141; в рапорте командира корпуса говорилось: «При столь ограниченном пополнении и числе рядов кадры офицерского состава гибнут, незаметно исчезают»), которая 30 декабря 1919 г. перестроена в Сводную кавалерийскую бригаду (I). 14 февраля 1920 г. эта бригада вновь развернулась в 1-ю кавалерийскую дивизию (II). Управление корпуса было расформировано 6 января 1920 г. Командир — генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович, генерал-майор И.И. Чекотовский (с 4 декабря 1919 г.). Начштаба — генерал-майор П.А. Кусонский. Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант М.И. Репьев (до 13 ноября 1919 г.).

⁷³ **Юзефович Яков Давидович**, р. в 1872 г. Из дворян. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893), Академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; с 1 января 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, 8 мая — 27 июля 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апреля 1920 г. руководитель строительства укреплений в Северной Таврии, в июне—сентябре 1920 г. генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1921 г. в Эстонии. Умер в 1929 г. в Тарту.

⁷⁴ 1-я кавалерийская дивизия (I). Сформирована во ВСЮР 27 мая 1919 г. Входила в 5-й кавалерийский корпус. Состав: 1-й конный генерала Алексеева, 10-й гусарский Ингерманландский (1-я бригада) полки, Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (2-я бригада), Сводно-уланский и Сводно-гусарский (3-я бригада) полки, Изюмский и Черниговский гусарские дивизионы и 3-й конно-артиллерийский дивизион (полковник князь Авалов) — 6-я конная (в сентябре—октябре 1919 г. вместе с нею — Сводная батарея Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона) и 1-я Отдельная конно-горная генерал-майора Дроздовского батареи. Начальник — генерал-майор И.И. Чекотовский. Начштаба — полковник В.В. Крейтер (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: полковник И.Г. Барбович, полковник Самсонов (с 15 октября 1919 г.), генерал-майор Зубов.

⁷⁵ **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Окончил Полтавскую гимназию, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом—осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, 5 июня — 7 июля 1919 г. врид начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир

1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

⁷⁶ **Крейтер Владимир Владимирович.** Окончил Суворовский кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1909), академию Генштаба. Полковник 1-го гусарского полка, начальник штаба бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 октября 1918 г. начальник особого отделения части Генерального штаба Военного и Морского отдела, с 22 июля, осенью 1919 г. начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма; начальник штаба конного корпуса генерала Барбовича, командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-майор. На 28 декабря 1920 г. начальник штаба Кавалерийской дивизии в Галлиполи. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже. Служил в Русском Корпусе (начальник штаба корпуса). Умер 23 июня 1950 г. в Дахау (Германия).

⁷⁷ 2-я кавалерийская дивизия (I). Сформирована во ВСЮР 19 июня 1919 г. из Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса (II). Состав: 1-й Гвардейский Сводно-кирасирский, 2-й Гвардейский Сводно-кавалерийский (1-я бригада), 2-й и 3-й конные (2-я бригада), Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии и Сводно-драгунский (3-я бригада) полки, Отдельный дивизион Гвардейской конной артиллерии (2 батареи) и 7-я конная батарея. До 9 июля 1919 г. входила в 3-й армейский корпус (II), затем — в 5-й кавалерийский корпус (кроме Сводно-драгунского и 2-го конного полков, оставшихся при 3-м корпусе). Начальник — полковник И.М. Миклашевский. Начштаба — капитан (полковник) Б.М. Иордан (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: полковник М.Ф. Данилов, полковник барон Л.К. Притвиц.

⁷⁸ **Миклашевский Илья Михайлович**, р. 15 декабря 1877 г. Окончил Александровский лицей (1899), офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1900). Полковник Кавалергардского полка, командир л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13(30) мая 1919 г. командир бригады Сводно-гвардейской кавалерийской дивизии (кавалерийской бригады 4-й пехотной дивизии). Ранен 5 июня, с 25 июля 1919 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии, затем в резерве чинов при военном управлении ВСЮР, осенью 1919 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии 5-го кавалерийского корпуса, с 13 мая 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». Генерал-майор (14 ноября 1919 г.). В эмиграции во Франции, на ноябрь

1951 г. председатель объединения л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Умер 14 октября 1961 г. в Ницце (Франция).

⁷⁹ **Иордан Борис Михайлович**, р. в 1888 г. Сын действительного статского советника. Окончил Пажеский корпус (1907), академию Генштаба. Офицер (1914) л.-гв. Уланского Его Величества полка. Капитан, и.д. начальника штаба Гвардейского кавалерийского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в Военном управлении, с 4 ноября 1918 г. помощник начальника, затем заведующий политической частью Политической канцелярии помощника Главнокомандующего ВСЮР, с 22 июля 1919 г. начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии, начальник штаба 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с ноября 1919 г. начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Югославии на государственной службе, с 1931 г. в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии и на Восточном побережье США, в 1948—1949 гг. начальник 2-го отдела РОВС в США в Нью-Йорке. Умер 20 июля 1956 г. в Конкорде (США).

⁸⁰ Имеются в виду следующие полки:

1-й Гвардейский Сводно-кирасирский полк. Сформирован во ВСЮР 19 июня 1919 г. из Сводного полка Гвардейской Кирасирской дивизии. Входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона Кавалергардского, л.-гв. Конного, Кирасирского Его Величества и Кирасирского Ее Величества полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 478 сабель при 28 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II). 15 декабря 1919 г. воит в Сводно-гвардейский кавалерийский полк (к 8 декабря 1919 г. потерял $\frac{9}{10}$ своего состава и вместе со 2-м Гвардейским Сводно-кавалерийским полком насчитывал около 60 сабель). Командиры: полковник М.Ф. Данилов (19 июня — 3 августа 1919 г.), полковник Д.М. Коссиковский (4 августа 1919 г. — 16 апреля 1920 г.); врид: полковник Н.А. Петровский (22 июня — 12 июля 1919 г.), полковник граф А.П. Беннигсен (5 августа — сентябрь 1919 г.), ротмистр А.Н. Шебеко (сентябрь — 7 декабря 1919 г.), полковник барон Ф.Н. Таубе (8—15 декабря 1919 г.).

2-й Гвардейский Сводно-кавалерийский полк. Сформирован 19 июня 1919 г. на базе Гвардейского Сводно-кавалерийского дивизиона из эскадронов бывших л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Конно-Гренадерского и л.-гв. Драгунского полков Императорской армии. Входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Конно-Гренадерского и л.-гв. Драгунского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 19 штыков и 258 сабель при 13 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II). Командиры: полковник Д.А. Ковалинский, полковник Ф.Ф. Грязнов (сентябрь—октябрь 1919 г.).

⁸¹ 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. — 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротмистром Гаевским 5 марта 1918 г. как Конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдель-

ной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Ясы — Дон 29 апреля 1918 г. переформирован в Конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая — 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов). К 7 августа состоял из 7, к концу августа из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня по осень 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек. 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчитывал до 600 сабель, в середине октября — 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. — 71 человек, 5 июня — 87, 2 ноября 1919 г. у Жуковки — 50, 19 октября 1920 г. у Отрады — 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918-м — первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для чинов полка в эмиграции установлен нагрудный знак в виде гербовой формы черного щита (копия нарукавной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д», сверху «2», справа «о», слева «к», внизу «полка», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротмистр Б.А. Гаевский, генерал-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918 г.), полковник Шумов (август 1918-го — 11 января 1919 г.), ротмистр Поспелов (с 11 января 1919 г.), полковник Б.П. Гаттенбергер, полковник И.Г. Барбович (1 марта — 7 июля 1919 г.), полковник Б.А. Гаевский (врио; 5 июня, 7—17 июля 1919 г.), полковник А.Г. Шапрон дю Ларре (7 июля — 26 ноября 1919 г.), подполковник (полковник) Д.А. Силкин (26 ноября 1919 г. — 8 августа 1920 г.), полковник В.А. Амбразанцев (до августа 1920 г.), полковник М.А. Кабаров (с августа 1920 г.). Командиры эскадронов: полковник Кушелев, есаул Фролов (убит), ротмистр Михайловский (убит), ротмистр Сыкалов (убит), ротмистр Войцеховский (убит), штабс-ротмистр Малиновский (убит), ротмистр Спицын, капитан Галицкий, ротмистр Полторацкий и др.

⁸² Шиллинг Николай Николаевич, р. 16 декабря 1870 г. из дворян Окончил Николаевский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 17-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В 1918 г. в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре, в ноябре—декабре 1918 г. заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве, с 1 января 1919 г.

в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 10 июля 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 августа также и Херсонской) губ., с 26 августа 1919 г. командующий войсками Новороссийской области, освобожден 18 марта 1920 г. В эмиграции в Чехословакии, председатель кружка георгиевских кавалеров в Праге. Арестован в мае 1945 г. Умер в начале 1946 г. в Праге.

⁸³ 1-й армейский корпус (I). Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. С 15 мая 1919 г. включал 1-ю и 3-ю пехотные дивизии, в середине июня — 1-ю, 3-ю и 7-ю пехотные дивизии, 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион (до 1 августа 1919 г.), 3-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион (с 1 августа 1919 г.), отдельную тяжелую тракторную батарею, 1-ю отдельную инженерную роту и 1-ю отдельную телеграфную роту, к 15 сентября 1919 г. — 1-ю, 3-ю и 9-ю пехотные дивизии и Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады, Горско-мусульманский дивизион, 3-й отдельный тяжелый пушечный тракторный дивизион, корпусное радиотелеграфное отделение, 5-ю отдельную телеграфную роту и отдельную инженерную роту (на 5 октября 1919 г. 256 человек). При нем состояли также 3-й отряд танков (5 танков), бронеавтомобили «Генерал Корнилов», «Славный», «Кубанец» и «Генерал Дроздовский». На 5 октября 1919 г. насчитывал всего 15 907 штыков, 831 сабля, 335 пулеметов, 55 орудий. С 14 октября 1919 г., после реформирования дивизий, включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую, Алексеевскую и 9-ю пехотную дивизии. Командиры: генерал-лейтенант Б.И. Казанович (15 ноября 1918 г. — 13 января 1919 г.), генерал-лейтенант А.П. Кутепов (с 13 января 1919 г.). Начштаба: полковник Гейдеман (19—20 ноября 1918 г.; убит), генерал-майор Н.П. Ефимов (6 декабря 1918 г. — март 1919 г.), полковник М.Х. Полеводин (врио до 10 марта 1919 г.), генерал-майор Н.В. Абутков (с 10 марта 1919 г.), генерал-лейтенант В.П. Агапеев (сентябрь—октябрь 1919 г.). Инспектор артиллерии — генерал-майор И.Т. Беляев (с 17 марта 1919 г.).

⁸⁴ Кутепов Александр Павлович, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Из дворян Новгородской губ., сын лесничего. Окончил Архангельскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. — Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галапо-

ли командир 1-го армейского корпуса. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

⁸⁵ **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. в 1873 г. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), Академию Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; 13 июля 1919-го — 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930—1931 гг. в распоряжении начальника РОВС, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галиполийской роты в Софии, в 1930-х гг. заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

⁸⁶ Сводно-гвардейская бригада. Сформирована во ВСЮР 8 августа 1919 г. из Сводно-гвардейского полка. Состояла из 1-го и 2-го Сводно-гвардейских полков. К концу июля 1919 г. насчитывала до 1000 штыков и сабель. 12 октября 1919 г. развернута в Сводно-гвардейскую пехотную дивизию. Командир — генерал-майор барон Н.И. Штакельберг.

⁸⁷ 7-й гусарский Белорусский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Почти все офицеры полка собрались в декабре 1918 г. в Одессе, где тогда же был сформирован эскадрон в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение офицеров 7-го гусарского Белорусского полка», входило в РОВС. Председатель — генерал-лейтенант Е.К. Миллер, секретарь — штабс-ротмистр А.М. Изюмов, начальник групп: полковник И.Н. Деметьев (Лион), полковник Н.Н. Фролов (Рив), полковник П.П. Четыркин (Париж), генерал-майор А.А. Кальмейер (Дубровник), полковник Нечаев (Скопье). Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник П.П. Четыркин.

⁸⁸ Прикомандированный к Сумскому гусарскому полку штабс-ротмистр Расторгуев умер от тифа в марте 1920 г. в Польше после Бредовского похода.

⁸⁹ **Кларк**. Прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 г. в эскадроне 1-го гусарского полка, летом—осенью 1919 г. командир пулеметного взвода того же эскадрона в 3-м конном полку. Участник Бредовского похода. В Русской Армии с августа 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку. Корнет. Взят в плен и расстрелян 30 октября 1920 г. у д. Мамут в Крыму.

⁹⁰ 14-й пехотный Олонецкий полк. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. — 9-й, затем 4-й (II) пехотных дивизий. Ячейка полка формировалась при 13-м пехотном Белозерском полку. Летом 1919 г. насчитывал 250 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в роту и влит в 3-й Марковский полк. Командир — полковник В.Ф. Быканов (с 14 ноября 1919 г.).

⁹¹ Слащев Яков Александрович, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Окончил реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), Академию Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластуной бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластуной отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, со 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в Красной армии. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

⁹² 80-й пехотный Кабардинский полк. Возрожден во ВСЮР. Сформирован в июне 1919 г. в Белгороде на базе кадра полка, служившего в 1-м Марковском полку. Входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 27 августа 1919 г. — 5-й пехотной дивизии. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит 3-м батальоном во 2-й Марковский полк.

⁹³ Войска Киевской области. Созданы во ВСЮР 7 сентября 1919 г. Основу их составляла переданный из Добровольческой армии к 5 октября 1919 г. 2-й армейский корпус, 9-я пехотная дивизия и 2-я Терская пластуная бригада. В них входили также Осетинский стрелковый батальон, 3-й Осетинский конный полк, Волчанский партизанский отряд, 8-я отдельная телеграфная рота и 6-й автомобильный батальон. Им были приданы 3-й отряд танков, 3-й бронепоездной дивизион, отдельный бронепоезд «Баян», 2-й отряд 1-го броневтомобильного дивизиона, 2-й авиадивизион и 1-й отряд 1-го авиадивизиона. В составе войск области воевали и малочисленные офицерские дружины, составленные из пожилых офицеров местных городов, в частности Роменская и Нежинская офицерские дружины в несколько десятков человек, а также Киевский офицерский полк — более значительного состава. На 5 октября 1919 г. насчитывали всего 8551 штык и 331 сабля при 220 пулеметах и 74 орудиях. Расформированы 29 декабря 1919 г.

Командующий — генерал от кавалерии А.М. Драгомиров. Помощник командующего — генерал от инфантерии В.Е. Флуг. Начштаба — генерал-лейтенант М.Н. Вахрушев. Генерал-квартирмейстер — генерал-майор А.Н. Шуберский. Дежурный генерал — полковник Базилевич (с 3 ноября 1919 г.). Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант М.И. Репьев (с 13 ноября 1919 г.). Начальник снабжений — генерал-майор В.П. Бреслер.

⁹⁴ Войска Новороссийской области. Созданы во ВСЮР 20 августа 1919 г. на базе 3-го армейского корпуса (II). Состав: 4-я пехотная дивизия, бригада генерала Склярова: 2-й Лабинский (255 сабель, 11 пулеметов) и 2-й Таманский (523 сабли, 17 пулеметов) полки Кубанского казачьего войска и 42-й Донской казачий полк (740 штыков, 308 сабель, 12 пулеметов), сводный отряд генерала А.Н. Розеншильд-Паулина: Крымский конный и Сводно-драгунский полки, Отдельный сводный пехотный батальон (381 штык, 8 пу-

леметов) и легкая батарея (4 орудия); позже — Чеченская конная дивизия. Кроме того, в войсках состояли Славянский стрелковый полк, дивизион ротмистра Двойченко (549 сабель, 4 пулемета), Горско-мусульманская сотня (60 сабель), 4-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион, Отдельная тяжелая гаубичная батарея, 3-й радиотелеграфный дивизион, 3-я и 7-я отдельные телеграфные роты и 3-й автомобильный батальон. Им были приданы 8-й авиатрота, 5-й бронепоездной и 3-й бронеавтомобильный (1-й, 2-й и 3-й отряды) дивизионы. В составе войск области числились также гарнизоны Одессы (Караульный полк — 2067 штыков при 2 пулеметах и 9-й армейский запасный батальон — 248 штыков при 13 пулеметах), Севастополя (Севастопольский комендантский батальон — 338 штыков при 2 пулеметах и Севастопольская крепостная артиллерия — 24 тяжелых орудия) и комендантские команды: Симферополя (110 штыков), Евпатории (29 штыков), Феодосии (374 штыка), Ялты (200 штыков), Керчи (118 штыков при 3 пулеметах), Очакова (70 штыков при 2 пулеметах), Херсона (595 штыков) и Алешек (78 штыков). В составе войск области воевали и малочисленные офицерские дружины, составленные из пожилых офицеров местных городов.

На 20 сентября 1919 г. насчитывали всего 12 595 штыков и 2654 сабли при 167 пулеметах и 61 орудии. К 11 ноября 1919 г. в войсках состояли: 13-я и 34-я пехотные дивизии, Симферопольский офицерский, Славянский, 48-й, 75-й, 78-й пехотные, Сводный полк 14-й пехотной дивизии, Сводно-драгунский, Лубенский гусарский, Крымский конный, 2-й Лабинский, 2-й Таманский, 42-й Донской казачий полки, 7-й и 9-й армейские запасные батальоны, Терский, 4-й запасный и Севастопольский отдельный пехотный батальоны, 3-й автоброневой и 5-й бронепоездной дивизионы и 8-й авиационный отряд. Расформированы 27 марта 1920 г.

Командующий — генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг (26 августа 1919 г. — 18 марта 1920 г.). Начштаба: генерал-майор В.В. Чернавин (20 августа 1919 г. — 19 февраля, 10—27 марта 1920 г.), полковник Г.И. Коновалов (24 февраля — 10 марта 1920 г.). Генерал-квартирмейстер — полковник Н.В. Даровский. Дежурный генерал — генерал-майор И.И. Ветвеницкий. Инспектор артиллерии — генерал-майор М.Н. Папа-Федоров (с 15 октября 1919 г.).

⁹⁵ **Промтов Михаил Николаевич**, р. в 1857 г. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1877), Офицерскую артиллерийскую школу. Генерал-лейтенант, начальник 82-й пехотной дивизии, командир 23-го армейского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 24 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 11 марта 1919 г. член особой комиссии, сентябрь 1919 г. — январь 1920 г. командир 2-го армейского корпуса войск Новороссийской области. В эмиграции в Югославии. С 11 декабря 1924-го по 1 сентября 1929 г. директор Крымского кадетского корпуса. Умер в 1951 г. в Белграде.

⁹⁶ Речь идет о 9-й пехотной дивизии. Сформирована во ВСЮР 1 сентября 1919 г. Входила в состав 1-го армейского корпуса (1), к 5 октября 1919 г. — Войск Киевской области. Включала Алексеевский, Белозерский, Олонецкий и Сводно-стрелковый полки, запасный батальон, 9-ю артиллерийскую бригаду и 9-ю инженерную роту. К 5 октября 1919 г. насчитывала 815 штыков при

33 пулеметах. 14 октября 1919 г. Алексеевский полк выделен в Алексеевскую дивизию. В январе 1920 г. остатки дивизии обращены на пополнение Дроздовской дивизии. Начальник — генерал-майор А.И. Шевченко (с 5 сентября 1919 г.). Начштаба — полковник Лебедев (с 12 сентября 1919 г.).

⁹⁷ **Шевченко Андрей Иванович**, р. в 1868 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 16 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 18 июня 1919 г. комендант Харькова, с 5 сентября 1919 г. начальник 9-й пехотной дивизии, с декабря 1919-го по март 1920 г. начальник 4-й пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов».

⁹⁸ 2-й Лабинский полк Кубанского казачьего войска. Возрожден в Добровольческой армии (приказ от 5 ноября 1918 г.). С 14 декабря 1918 г. входил в состав 3-й Кубанской казачьей дивизии, с 6 марта 1919 г. — в отряде генерала Виноградова. На 26 мая — 14 июня насчитывал 907 человек. К 5 октября 1919 г. — в Отдельной казачьей бригаде, с которой участвовал в Бредовском походе и был интернирован в Польше. Командиры: полковник (генерал-майор) Л.В. Шимкевич (3 января — 8 августа 1919 г.), полковник Рада (с 8 августа 1919 г.), полковник Ерохин (октябрь 1919 г.).

⁹⁹ **Васильев Павел Михайлович** (Васильев-Чечель), р. 9 января 1875 г. в Одессе. Из дворян. Окончил Одесское военное училище (1895), академику Генштаба. Генерал-майор, начальник 78-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части, в 1918 г. командир Серожупанной дивизии гетманской армии; во ВСЮР с 1919 г., в январе—феврале 1920 г. начальник гарнизона и командир Овидиопольского отряда войск Новороссийской области, руководитель похода из Одессы к румынской границе. Покончил самоубийством в окружении 4 февраля 1920 г. у д. Раскейцы.

¹⁰⁰ 2-й армейский корпус (I). Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. в составе 1-й (до 15 мая 1919 г.) и 3-й (до 27 декабря 1918 г.) пехотных дивизий. С 21 мая 1919 г. состоял из 5-й и 7-й пехотных дивизий, 1 августа 1919 г. в его состав включен 2-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. С 14 октября 1919 г., после переформирования дивизий, включал также Сводно-гвардейскую дивизию. С 19 сентября 1919 г. составлял основу Войск Киевской области, насчитывая 4691 штык при 118 пулеметах и 63 орудиях. Принял участие в Бредовском походе и был интернирован в Польше. Со 2 марта 1920 г. включал 5-ю пехотную дивизию и Отдельную гвардейскую бригаду (1-й и 2-й сводные гвардейские полки и сводный артиллерийский дивизион). Расформирован 5 августа 1920 г. Командиры: генерал-лейтенант А.А. Боровский (15 ноября — 24 декабря 1918 г.), генерал от инфантерии В.З. Май-Маевский (15 февраля — 1 июня 1919 г.), генерал-лейтенант М.Н. Промтов. Начштаба: генерал-майор А.К. Аппельгрэн (19 ноября 1918 г. — 24 января 1919 г.), капитан Пашковский (врид; 23 января — 5 февраля 1919 г.), генерал-майор В.П. Агапеев (5 февраля — 1 июня 1919 г.), генерал-майор Н.В. Абутков (1 июня — 11 ноября 1919 г.), полковник Галкин (врид; август—октябрь

1919 г.), генерал-майор А.Г. Фалеев (11 ноября 1919 г. — 9 августа 1920 г.). Инспектор артиллерии — генерал-майор В.К. Бодиско (с 17 марта 1919 г.).

¹⁰¹ 42-й Донской казачий полк. Сформирован из казаков низовых станиц (главным образом Ново-Николаевской). С 6 марта 1919 г. — в отряде генерала Виноградова. На 26 мая насчитывал 162, на 14 июня — 486 человек. Входил в состав Отдельной казачьей бригады. Включал Партизанский конный дивизион (2 конные сотни), 2 регулярные конные и 9 пеших сотен (на подводах), команды: связи, пулеметную и подрывную, а также 2 3-дюймовых трофейных орудия. Командиры: есаул (полковник) Ф.Д. Назаров, войсковой старшина Филатов (врид; со 2 апреля 1919 г.). Командир дивизиона — есаул Фролов.

¹⁰² 7-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля по 7 июля и с 22 августа 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии (II), с 8-го по 22 августа 1920 г. — 1-й Отдельной кавалерийской бригады. Включал эскадроны 3-го Новороссийского и (с 8-го по 22 августа 1920 г.) 11-го Рижского драгунских, 1-го Петроградского и (с 22 августа 1920 г.) 3-го Смоленского уланских, 8-го Лубенского и (с 8 августа 1920 г.) 1-го Сумского и 3-го Елисаветградского гусарских полков, а также (с 22 августа 1920 г.) дивизион Крымского конного полка. В начале октября 1920 г. насчитывал около 400 сабель. Командиры: полковник Д.А. Ковалинский (до 10 октября 1920 г.), полковник С.П. Попов (с 10 октября по ноябрь 1920 г.).

¹⁰³ **Кусонский Павел Алексеевич**, р. в 1880 г. Окончил Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1900), Академию Генштаба. Полковник, начальник оперативного отдела Ставки ВГК. В Добровольческой армии и ВСЮР; генерал для поручений Главнокомандующего ВСЮР, с 1 января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии; в 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба группы генерала Врангеля, осенью 1919 г. начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса, в 1920 г. начальник штаба 2-й армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Бельгии, после 1934 г. начальник канцелярии РОВС. Арестован немцами в 1941 г. в Брюсселе. Умер в лагере Бреендонк.

¹⁰⁴ **Мамонтов Николай Саввич**. Прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918-го, осенью 1919 г. в эскадроне 1-го гусарского полка, с весны 1920 г. в 3-м кавалерийском полку, с мая 1920 г. в 7-м кавалерийском полку. Корнет. Взят в плен и расстрелян 30 октября 1920 г. у д. Мамут (на Чувашском п-ве в Крыму).

¹⁰⁵ **Шнилевский Георгий Антонович**. Полковник 2-го гусарского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; январь 1920 г. начальник Севастопольского сборного пункта в эмиграции во Франции. Умер 20 июня 1979 г. в Ганьи (Франция).

¹⁰⁶ **Дмитриев Владимир**. Офицер с 1914 г. (1915). Поручик 1-го гусарского полка (в плену с 1916 г.). Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне 1-го гусарского полка; в марте 1920 г. прибыл из Новороссийска в Севастополь.

¹⁰⁷ **Жданко Константин Владимирович**. Офицер с 1908 г. Ротмистр 16-го, затем 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии не позже

16 ноября 1918 г., в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, с марта 1920 г. командир взвода в эскадроне 1-го гусарского полка.

¹⁰⁸ 3-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III). Включал эскадроны 2-го Псковского и 12-го Стародубовского драгунских, 12-го Белгородского, 16-го Новоархангельского (с 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (с 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (до 8 августа 1920 г.), 7-го Белорусского, 11-го Изюмского, 12-го Ахтырского и 17-го Черниговского гусарских полков.

¹⁰⁹ 12-й драгунский Стародубовский полк. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. стародубовские драгуны были представлены 2 эскадронами. К декабрю 1919 г. из 24 кадровых офицеров осталось 12 (4 ранено и 8 убито). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк.

¹¹⁰ 12-й уланский Белгородский полк. Возрожден во ВСЮР. Офицеры полка прибыли в Новочеркасск 24 июня 1918 г. вместе со всеми офицерами 12-й кавдивизии (28 человек) во главе с генералом И.И. Чекотовским. К моменту формирования эскадрона было 20 офицеров полка. Белгородские уланы одно время входили в состав 3-го конного полка. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. белгородские уланы были представлены 2 эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк. В Галлиполи прибыли 32 офицера. Полк потерял в Белом движении 25 офицеров. Полковое объединение в эмиграции — «Общество единения 12-го уланского Белгородского полка» (Белград, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС): почетный председатель — полковник Н.Н. Торяников, председатель правления — полковник А.Н. Бетлинг, секретарь — ротмистр Ф.Ф. Киреевский, казначей — ротмистр Н.А. Яблонский. Начальник кадра — полковник А.А. Байдак (Румыния, Хотин).

¹¹¹ 12-й гусарский Ахтырский полк. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. ахтырские гусары были представлены 2 эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — ротмистр В.К. Скачков.

¹¹² **Псиол Георгий Николаевич.** Офицер с 1909 г. Полковник 12-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13 марта 1919 г. командир Сводного дивизиона, к октябрю 1919 г. — Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, с января 1920 г. командир 3-го кавалерийского полка. Эвакуирован. 28 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». Убит 20 июня 1920 г. в хут. Шматове (22 июня 1920 г. у Корсунского монастыря) в Северной Таврии.

¹¹³ **Морозов Николай Алексеевич,** р. в 1862 г. Из дворян. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1885). Полковник, командир 2-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. Во ВСЮР коман-

дир Особой кавалерийской бригады, затем кавалерийской дивизии, эвакуирован из Туапсе в Крым. В Русской Армии весной 1920 г. командир 2-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор.

¹¹⁴ **Лермонтов Григорий Михайлович**, р. в 1877 г. В службе с 1896 г., офицером с 1898 г., окончил Академию Генштаба. Полковник 1-го, 16-го и 12-го уланских полков. С 1918 г. в гетманской армии; с 15 июля 1918 г. командир 15-го Белгородского конного полка, 24 сентября 1918 г. уволен с должности как неприбывший к месту службы. Во ВСЮР и Русской Армии; в феврале, до 8 марта 1919 г. начальник Перекопского отряда Крымско-Азовской армии, с сентября 1919 г. командир 1-го уланского полка, в марте 1920 г. командир дивизиона 1-го уланского полка в 7-м кавалерийском полку, с апреля 1920 г. командир Стрелкового кавалерийского полка, затем в резерве чинов.

¹¹⁵ **Марков Николай Сергеевич** (1-й). Поручик 1-го уланского полка. В Добровольческой армии осенью 1918 г. в Одессе (прибыл из Киева). Во ВСЮР и Русской Армии в дивизионе своего полка (в июне 1920 г. штабс-ротмистр) до эвакуации Крыма. Ротмистр. В эмиграции в Чехословакии. Умер 26 марта 1967 г. в Праге.

¹¹⁶ **Леонтьев Аркадий Михайлович**, р. 27 мая 1890 г. Из дворян, сын чиновника. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1904), выдержал экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1911). Штабс-ротмистр 1-го гусарского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в мае 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку, с августа 1920 г. врид командира дивизиона. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, служил в Иностранном легионе. Умер 5 мая 1927 г.

¹¹⁷ **Вешняков Владимир**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1910). Поручик 1-го гусарского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в мае 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции во Франции.

¹¹⁸ **Выгран Владимир Николаевич**, р. в 1889 г. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1907), Елисаветградское кавалерийское училище (1910). Георгиевский кавалер. Ротмистр (подполковник) 9-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. в гусарском Ингерманландском дивизионе, с 4 января 1919 г. полковник (уст. старшинство в чине с 20 августа 1919 г.), затем в эскадроне своего полка в Сводном полку 9-й кавалерийской дивизии, в июне 1919-го — феврале 1920 г. командир 9-го уланского полка в 9-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии в мае 1920 г. командир бригады 2-й конной дивизии, командир Отдельной кавалерийской бригады, затем 1-й кавалерийской дивизии. Дважды тяжело ранен. Генерал-майор (с 1920 г.). Галлиполиец, командир 1-й бригады Кавалерийской дивизии. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже и югославской армии. С 1938 г. начальник Кавалерийской дивизии, после 1945 г. председатель Русского эмигрантского комитета в Зальцбурге (Австрия) и директор русского кадетского корпуса в Версале, председатель объединения Офицеров кавалерии и Комитета помощи русским военным инвалидам. С 1949 г. в США, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24 июня 1983 г. в Сан-Франциско (США).

¹¹⁹ 8-й гусарский Лубенский полк. Возрожден во ВСЮР 1 октября 1919 г. в составе 4 строевых и запасного эскадронов. Насчитывал 500 человек. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I) Войск Новороссийской области, действующей против банд Махно. В январе—апреле 1920 г. запасный эскадрон полка в составе отдельной бригады генерала Сахно-Устимовича конного отряда генерала Морозова защищал Перекопский перешеек. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 7-й кавалерийский полк. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Тамбиев (полковник Попов).

¹²⁰ 3-й драгунский Новороссийский полк. Возрожден во ВСЮР преобразованием 7-го Новороссийского конного полка 8-го корпуса гетманской армии, пришедшего в конце декабря 1918 г. в Крым в составе Екатеринославского отряда. Новороссийские драгуны одно время входили в состав 3-го конного полка. Дивизион полка весной 1919 г. входил в состав Перекопского отряда Крымско-Азовской армии. Эскадрон (60 человек), затем дивизион полка с 19 июня 1919 г. входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. новороссийские драгуны были представлены 2 эскадронами. В январе 1920 г. в составе отдельной бригады генерала Сахно-Устимовича конного отряда генерала Морозова защищал Перекопский перешеек. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 7-й кавалерийский полк. Командиры: полковник Гусев (декабрь 1918 г.), полковник Владимиров (с 19 июня 1919 г.).

¹²¹ **Ковалинский Дмитрий Алексеевич.** Ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с января 1919 г. начальник самообороны немцев-колонистов Пришибского района и командир Сводно-гвардейского дивизиона, затем командир дивизиона л.-гв. Уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку, с весны 1919-го, в мае 1919 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, с 14 декабря 1919 г. командир 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с весны 1920 г. командир 7-го кавалерийского полка, с 10(14) октября 1920 г. командир Гвардейского кавалерийского полка. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник (к декабрю 1918 г.). Убит 19 октября 1920 г. у с. Рождественского.

¹²² Воспоминания полковника Рубцова публикуются ниже.

¹²³ Воспоминания подполковника Маркова 2-го публикуются ниже.

¹²⁴ 2-й армейский корпус (II). Сформирован в Русской Армии 16 апреля 1920 г. на базе Крымского корпуса. Включал 13-ю и 34-ю пехотные и 1-ю кавалерийскую (III) (с 28 апреля 1920 г. 1-я конная) дивизии, 2-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 2-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион (на базе управления 2-й артиллерийской бригады), 4-я отдельная инженерная рота и 3-я отдельная телеграфная рота. С 7 июля 1920 г. вместо выделенной в Конный корпус 1-й конной дивизии включал 2-ю Отдельную сводную конную бригаду (с 8 августа 1920 г. — 1-я Отдельная кавалерийская бригада). С 4 сентября 1920 г. включен во 2-ю армию. Состав: 13-я и 34-я пехотные дивизии, Сводный гвардейский пехотный полк, 2-й отдельный

тяжелый артиллерийский дивизион, 4-я позиционная батарея, 2-я и 5-я отдельные инженерные роты и 2-я отдельная телеграфная рота. После отступления в Крым ему была передана 6-я пехотная дивизия из расформированного 3-го армейского корпуса. Командиры: генерал-лейтенант Я.А. Слащев. Начальник штаба — полковник В.П. Дубяго (лето 1920 г.).

¹²⁵ Конный корпус. Сформирован в Русской Армии 7 июля 1920 г. из Сводного корпуса (II) в составе 1-й и 2-й конных дивизий. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: 1-я и 2-я кавалерийские и 1-я Кубанская казачья дивизии, Запасный кавалерийский полк и конная саперно-подрывная команда. В середине октября 1920 г. насчитывал около 4 тысяч сабель. После эвакуации Крыма сведен в Галлиполи в Кавалерийскую дивизию. Командир — генерал-лейтенант И.Г. Барбович.

¹²⁶ Речь идет о дивизии нового формирования (не путать со 2-й кавалерийской дивизией, сформированной в 1919 г.). 2-я кавалерийская дивизия (II) была сформирована в Русской Армии 28 апреля 1920 г. как 2-я конная (с 8 августа 1920 г. кавалерийская) дивизия из Отдельной кавалерийской бригады (II). Входила в 1-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 г. — в Конный корпус. Состав: 5-й, 6-й и 7-й кавалерийские полки (1-я бригада), 3-й (из 2-й Донской конной бригады и Таврического конного дивизиона) и 4-й Донские казачьи полки (2-я бригада), Запасный конный полк (из 2 эскадронов запасного полка 9-й кавалерийской дивизии и 2 запасных Донских сотен), 4-й и 5-й конно-артиллерийские дивизионы. С 7 июля 1920 г. включала 4-й, 5-й (1-я бригада), 6-й и 7-й (2-я бригада) кавалерийские полки и 4-й конно-артиллерийский дивизион, с 8 августа 1920 г. — 2-й (вместо переданного в состав 1-й кавалерийской дивизии (III) 6-го), 4-й и Кавказский кавалерийские полки, а с 22 августа 1920 г. к ним добавился переданный из расформированной 1-й Отдельной кавалерийской бригады 7-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. в состав дивизии возвращен 5-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала около 1700 сабель.

¹²⁷ 1-й армейский корпус (II). Сформирован во ВСЮР — Русской Армии 16 апреля 1920 г. на базе Добровольческого корпуса, в который в конце марта были сведены все неказачьи части, эвакуированные из Новороссийска. Включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую дивизии и Отдельную кавалерийскую бригаду (II) (с 28 апреля 1920 г. — 2-ю конную дивизию), 1-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион, 1-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион (на базе управления Алексеевской артиллерийской бригады), отдельную саперную роту и 5-ю отдельную телеграфную роту. С 7 июля 1920 г. в корпус была включена 6-я пехотная дивизия, а 2-я конная переведена в Конный корпус. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии. При наступлении в Северной Таврии в 1920 г. потеряла за три дня 23% своего состава. Командир — генерал-лейтенант А.П. Кутепов (до 4 сентября 1920 г.).

¹²⁸ Речь также идет о дивизии нового — уже третьего формирования. 1-я кавалерийская дивизия (III). Сформирована 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму из входивших в состав 1-й кавалерийской дивизии (II)

Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го, 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских полков, состоявших в Крымском корпусе Туземного и Татарского полков, а также Сводной бригады Кабардинской дивизии, прибывающих из Сочи терцев и подразделений всех остальных гвардейских, 2-го Курляндского, 6-го Вольнского, 11-го Чугуевского и 14-го Ямбургского уланских, 4-го Мариупольского, 5-го Александрийского, 6-го Клястицкого, 7-го Белорусского и 10-го Ингерманландского гусарских полков бывшей Императорской армии. Входила во 2-й армейский корпус (II), а с 7 июля 1920 г. — в Конный корпус Состав: Гвардейский, 1-й (1-я бригада), 2-й, 3-й (2-я бригада), 4-й и 5-й (3-я бригада) кавалерийские полки, Запасный конный полк (6 эскадронов), 1-й, 2-й и 3-й конно-артиллерийские дивизионы. 28 апреля 1919 г. переформирована в 1-ю конную дивизию (с 8 августа 1920 г. снова кавалерийская) в составе Гвардейского, 1-го (1-я бригада), 2-го, 3-го и 4-го (2-я бригада) кавалерийских полков, Запасного конного полка (5 эскадронов), 1-го и 2-го конно-артиллерийских дивизионов. 7 июля 1920 г. 4-й кавалерийский полк передан во 2-ю кавалерийскую дивизию (II), а с 8 августа 1920 г. вместо переданного туда же 2-го кавалерийского полка в ее состав введен из этой дивизии 6-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. включала вместо 2-го (переданного в 1-ю Кубанскую казачью дивизию) 3-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала 1300 сабель.

¹²⁹ Речь идет об Отдельном конном генерала Дроздовского дивизионе, входившем в состав Дроздовской дивизии.

¹³⁰ 2-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III), а с 8 августа 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии (II). Включал эскадроны 3-го Смоленского (до 22 августа 1920 г.), 11-го Чугуевского, 13-го Владимирского, 14-го Татарского, 16-го Новоархангельского (до 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (до 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (с 8-го по 22 августа 1920 г.), 6-го Клястицкого, 13-го Нарвского и 15-го Украинского гусарских и (с 22 августа 1920 г.) 11-го драгунского Рижского полков.

¹³¹ 4-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III), а с 7 июля 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии (II). Включал эскадроны 19-го Архангелогородского драгунского, 4-го Харьковского уланского (с 22 августа 1920 г.), 2-го Павлоградского (с 22 августа 1920 г.), 4-го Мариупольского и 16-го Иркутского гусарских полков, а также (до 8 августа 1920 г.) Черноморского конного полка.

¹³² **Новак.** Поручик. В Добровольческой армии; с 1918 г. в эскадроне 1-го гусарского полка, в 1919 г. в том же эскадроне в 3-м конном полку. Участник Бредовского похода. В Русской Армии с августа 1920 г. в эскадроне 1-го гусарского полка в 7-м кавалерийском полку. Застрелился в окружении 30 октября 1920 г. у д. Мамут.

¹³³ Крымский конный полк. После возвращения полка в конце 1917 г. с фронта в Крым на базе его (около 50 офицеров) была сформирована бригада

(полковник Г.А. Бако) из 1-го и 2-го Конно-татарских полков (полковник М.М. Петропольский и подполковник О.-Б. Биарсланов), эскадроны которых поддерживали порядок в городах полуострова и участвовали в боях с большевиками в январе 1918 г. Возрожден в Добровольческой армии. 7 декабря 1918 г. сформирован эскадрон в составе 4-й пехотной дивизии (с января 1919 г. дивизион — 3 эскадрона) полка в Крымско-Азовской армии, который участвовал в боях в Крыму на Акманайских позициях. С 19 июня 1919 г. он входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. крымцы были представлены 2 эскадронами. 10 августа 1919 г. дивизион развернут в собственный полк (6 эскадронов). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 354 сабли и 12 пулеметов. В сентябре—октябре 1919 г. входил в состав отряда генерала Розеншильд-Паулина Войск Новороссийской области. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I), действующей против банд Махно. Один эскадрон полка, находившийся при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в Бредовском походе. С 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), 5 мая 1920 г. сведен в дивизион и влит во 2-й Туземный конный полк (с 8 августа 1920 г. 9-й кавалерийский полк), а 22 августа 1920 г., по его расформировании — в 7-й кавалерийский полк. К августу 1920 г. насчитывал около 450 человек. Пеший эскадрон, откомандированный 9 октября 1920 г. в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем, конный эвакуировался с полком. Из полка (не считая погибших в январе 1918 г. 12 офицеров) в декабре 1918 г. при возрождении его в Добровольческой армии прибыло 27 его офицеров и в 1919—1920 гг. в полк было принято еще 24 офицера из прикомандированных к нему. Другие офицеры служили в иных частях и даже на других фронтах. В Галлиполи из полка было 45 офицеров и 22 солдата. В 1928 г. кадр полка включал 26 офицеров. Командиры: полковник Г.А. Бако (7 декабря 1918 г. — начало февраля 1919 г.), полковник Д.И. Туган-Мирза-Барановский (начало февраля 1919-го — 5 мая 1920 г.), полковник Е.А. Зотов (5 мая — июнь, 3 августа — ноябрь 1920 г.), подполковник В.А. Тихоновский (июнь — 3 августа 1920 г.). Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Г.А. Бако.

¹³⁴ **Шифнер Антон Мейнгардович** (Шифнер-Маркевич), р. 4 июня 1887 г. Окончил Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), Академию Генштаба (1913). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Подполковник, и д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В 1918 г. участвовал в формировании добровольческих частей на Румынском фронте. В Добровольческой армии с 7 августа 1918 г.; начальник штаба партизанской бригады Шкуро, затем 1-й Кавказской конной дивизии, с мая 1919 г. начальник той же дивизии, сентябрь 1919 г. — март 1920 г. начальник штаба 3-го Кубанского корпуса. В Русской Армии с августа 1920 г. начальник 2-й Кубанской конной дивизии и отряда группы войск особого назначения в Кубанском десанте, с сентября 1920 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Умер 21 января 1921 г. в Галлиполи.

¹³⁵ Создана 4 сентября 1920 г. в составе Русской Армии. Включала 1-й армейский, Конный и Донской корпуса. Командующий — генерал-лейтенант А.П. Кутепов.

¹³⁶ 16-й гусарский Иркутский полк. Возрожден во ВСЮР. Ячейка полка формировалась при Белозерском пехотном полку. С 27 августа 1919 г. дивизион полка входил в Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 4-й (3-й) кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — ротмистр Н.Н. Волкович.

¹³⁷ Имеется в виду полк, сформированный из Донского офицерского резерва. Донской офицерский резерв. По прибытии в Крым большинство донских офицеров (500—600 человек) было зачислено в резерв, поскольку их число намного превышало штаты новосформированных донских частей. Он был размещен в Феодосии, где чины его находились в крайне тяжелом материальном положении. Затем из части резерва был сформирован Донской офицерский отряд из 6 сотен, несший службу на Сивашах. Больше половины чинов резерва погибло: одна сотня у Перекопа, а еще три сотни (около 250 человек) — на затонувшем при эвакуации эсминце «Живой». Пополнен после эвакуации Русской Армии из Крыма в Чатаадже, где находился в составе Донского корпуса. После преобразования армии в РОВС до 30-х годов представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть. Осенью 1925 г. насчитывал 332 человека, в т. ч. 237 офицеров. К 1931 г. преобразован в батальон. Начальник — генерал-майор В.И. Морозов.

¹³⁸ **Шишков Леон Николаевич.** В Вооруженных силах Юга России в декабре 1919 г. вольноопределяющийся 4-го гусарского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет (с 9 мая 1920 г.). В эмиграции к ноябрю 1934 г. в Лозанне, с 1951 г. председатель русской национальной группы в Швейцарии. Умер около 22 июня 1979 г. в Швейцарии.

¹³⁹ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 110—112. Май—сентябрь 1971.

¹⁴⁰ **Чеснаков Петр Владимирович,** р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1896 г., окончил Академию Генштаба (1901). Офицер 4-го гусарского полка. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с апреля 1919 г., с 1 июня 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, летом 1919 г. в штабе Войск Юго-Западного края (Одесса), с 23 июля 1919 г. командир Мариупольского гусарского полка, с 11 октября 1919 г. в резерве чинов Донской армии, с декабря 1919 г. по март 1920 г. начальник 1-й сводной кавалерийской дивизии Донской армии. В Русской Армии с 20 июня 1920 г. в резерве чинов при военном управлении, затем в инспекции конницы до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сугед».

¹⁴¹ 4-й гусарский Мариупольский полк. К концу 1918 г. в Добровольческой армии было 23 офицера полка и несколько офицеров в Донской армии; полк был возрожден в Донской армии 12 июля 1919 г. 26 августа 1919 г.

включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. Мариупольцы входили также в состав 3-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 4-й кавалерийский полк. В нем воевало более 30 коренных офицеров. В январе 1920 г. полк имел 46 офицеров и около 500 солдат, даже в начале 70-х годов насчитывалось 11 офицеров, произведенных не позже 1920 г.

¹⁴² **Яновский Леонтий Дмитриевич.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Офицер 1-го гусарского полка. Ротмистр 4-го гусарского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: адъютант Партизанского полка. В мае 1918 г. командир 2-й сотни в 1-м офицерском конном полку, с 4 июня 1918 г. командир 4-го Кубанского казачьего полка, командир 4-го сводного Кубанского полка, с 3 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии. Поаковник. Умер от тифа 23 марта 1919 г. в Ростове.

¹⁴³ **Бобаевский Африкан Петрович,** р. в 1872 г. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), Академию Генштаба (1900). Генерал-майор, начальник 1-й Забайкальской казачьей дивизии. С января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и 2-й бригады. С 4 мая 1918 г. председатель Совета управляющих отделами Всевеликого Войска Донского (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 27 августа 1918 г. генерал-лейтенант, с февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. В эмиграции во Франции. Умер 30 февраля 1934 г. в Париже.

¹⁴⁴ **Гордеев-Зарецкий Михаил Тимофеевич.** Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии; в начале 1919 г. командир взвода в 3-м конном полку, в августе 1919 г. в своем полку в Донской армии, с марта 1920 г. ротмистр, командир эскадрона 4-го гусарского полка, ранен. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-паша». Ротмистр. В эмиграции в Югославии, в 1929—1933 гг. в Белграде, член Общества русских офицеров в Югославии. Подполковник. Служил в Русском Корпусе (командир «юнкерской роты»). Умер 13 декабря 1945 г. в Келлерберге (Австрия).

¹⁴⁵ **Серов Николай.** Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в 3-м конном полку, затем в Донской армии, с августа 1919 г. в Мариупольском гусарском полку. Ротмистр (17 марта 1920 г.).

¹⁴⁶ **Гирман Игорь.** Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии; в начале 1919 г. в 3-м конном полку, в августе 1919 г. в своем полку в Донской армии. Ротмистр (17 марта 1920 г.).

¹⁴⁷ **Пригара Михаил Васильевич.** Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии; в начале 1919 г. в 3-м конном полку, в августе 1919 г. в своем (Мариупольском гусарском) полку в Донской армии. Ротмистр (17 марта 1920 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии (1929—1933 гг. в Белграде).

¹⁴⁸ **Кублицкий-Пиоттук.** Поручик 4-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в 3-м конном полку, летом 1919 г.

прикомандирован к 4-му гусарскому полку Донской армии, с 20 октября 1919 г. переведен в тот же полк. Штабс-ротмистр.

¹⁴⁹ **Кондубович Антон.** Корнет. В Добровольческой армии; в начале 1919 г. в 3-м конном полку, летом 1919 г. в Донской армии: прикомандирован к 4-му гусарскому полку, поручик, с 20 октября 1919 г. переведен в полк. Награжден орд. Станислава 2-й ст. 17 марта 1920 г. В Русской Армии адъютант полка. Штабс-ротмистр. Ранен и пропал без вести в октябре 1920 г. у Нижних Сергозов.

¹⁵⁰ **Яновский Михаил Дмитриевич.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии; в январе 1918 г. в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии; с весны 1919 г. во 2-й партизанской особой сотне 3-й Донской конной бригады. Награжден орд. Станислава 2-й ст. 10 ноября 1919 г., с июля 1919 г. в дивизионе своего Мариупольского гусарского полка — командир 3-го эскадрона. Награжден орд. Владимира 4-й ст. 17 марта 1920 г. Подполковник (с 17-го или 23 марта 1920 г.).

¹⁵¹ **Яновский Степан Дмитриевич.** Есаул. В Донской армии; с весны 1919 г. командир особой партизанской сотни, с июля 1919 г. в Мариупольском гусарском полку, подполковник, командир дивизиона, затем помощник командира полка. В Русской Армии в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Полковник (с 17-го или 23 марта 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Аюгославии.

¹⁵² **Шаров Михаил.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1903). Ротмистр 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в ординарческом эскадроне при штабе Кавказской армии, с 15 июля 1919 г. член военно-полевого суда при коменданте Царицына. В Донской армии; с лета 1919 г. помощник командира по хозяйственной части Мариупольского гусарского полка. Полковник. В декабре 1919 г. заболел и эвакуирован за границу.

¹⁵³ **Пашкевич Леонид Николаевич,** р. в 1891 г. Окончил Тверское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Донской армии; летом 1919 г. врид помощника командира Мариупольского гусарского полка по хозяйственной части и командир эскадрона. В Русской Армии в Мариупольском гусарском эскадроне в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в августе 1920 г. Ротмистр (с 22 октября 1919 г.). Эвакуирован на корабле «Аю-Даг».

¹⁵⁴ **Новицкий Григорий Аполлонович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр 5-го уланского полка. В Донской армии; с лета 1919 г. в прикомандировании к 4-му гусарскому Мариупольскому полку, до сентября 1919 г. адъютант того же полка.

¹⁵⁵ **Соцевич Константин Фомич.** Поручик 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии; с января 1918 г. в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в конном дивизионе полковника Гершельмана. В Донской армии в Мариупольском гусарском

полку; с лета 1919 г. казначей, с 26 марта 1920 г. адъютант полка. Награжден орд. Владимира 4-й ст. 17 марта 1920 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Ротмистр. На 18 декабря 1920 г. в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи.

¹⁵⁶ **Олефиренко**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 4-го гусарского полка. В Донской армии; с лета 1919 г. командир эскадрона 4-го гусарского полка. Подполковник. В эмиграции с 1933 г. в Белграде.

¹⁵⁷ **Лавров**. Штабс-капитан л.-гв. Гренадерского полка. В Вооруженных силах Юга России; с лета 1919 г. в прикомандировании к 4-му гусарскому Мариупольскому полку, с 20 октября 1919 г. переведен в тот же полк, начальник команды связи, с сентября 1919 г. до 26 февраля 1920 г. адъютант полка. Штабс-ротмистр.

¹⁵⁸ **Сухин Георгий**. Офицер с 1902 г. Полковник 4-го гусарского полка. В Донской армии; с 1919 г. в Мариупольском гусарском полку, с 10 сентября 1919 г. помощник командира того же полка. Генерал-майор (17 марта 1920 г.). Взят в плен и расстрелян 23 марта 1920 г. у ст. Крымской.

¹⁵⁹ **Козубский Александр Иосифович**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909), подготовительные курсы Академии Генштаба (1917). Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. С 1918 г. в гетманской армии; 17 августа 1918 г. назначен адъютантом штаба 6-й дивизии, 5 ноября 1918 г. утвержден в чине ротмистра с переименованием в сотники со старшинством с 19 декабря 1916 г. В Донской армии; в августе 1919 г. в своем полку, затем в штабе 1-й Сводной Донской казачьей дивизии. Подполковник (17 марта 1920 г.). Во ВСЮР и Русской Армии в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Русь». На 28 декабря 1920 г. в 1-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. преподаватель Николаевского кавалерийского училища; в 1929—1933 гг. в Белграде, с 1934 г. председатель Общества Галлиполийцев там же.

¹⁶⁰ **Зенович Александр**. Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Донской армии; с 10 мая 1918 г. ротмистр, к августу 1919 г. в Мариупольском гусарском полку. В Русской Армии с августа 1920 г. командир взвода в эскадроне 4-го гусарского полка. В эмиграции. Полковник. Умер после 1971 г.

¹⁶¹ **Рудичев Леонид**. Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Донской армии; с августа 1919 г. в своем полку. Ротмистр (17 марта 1920 г.).

¹⁶² **Янов Владимир Петрович**, р. в 1865 г. В службе с 1881 г., офицером с 1886 г.

¹⁶³ **Балицкий Александр Федорович**. Подполковник, командир эскадрона 4-го гусарского полка. В Добровольческой армии; с января 1918 г. командир 2-го эскадрона 1-го конного дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 9 февраля 1918 г. под Ростовом.

¹⁶⁴ **Векслер Анатолий Александрович**, р. в 1901 г. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Юнкерском батальоне, с января 1918 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. С 1918 г. в 4-м Кубанском конном полку,

затем в бронепоездном дивизионе, с 24 января 1919 г. прапорщик по адмиралтейству. В июне—сентябре 1919 г. в конном партизанском дивизионе Донской армии, затем в 4-м гусарском Мариупольском полку, корнет. Награжден орд. Станислава 3-й ст. 10 ноября 1919 г., поручик с 17 марта 1920 г., награжден Георг. крестом 4-й ст., орд. Св. Николая Чудотворца. Дважды ранен. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр (с июня 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в 1-й полуроте автопулеметной роты Технического полка в Галлиполи. Поручик. В эмиграции в Бельгии, в 1953—1972 гг. член правления, с 1973 г. председатель Союза Инвалидов в Бельгии. Умер 31 октября 1984 г.

¹⁶⁵ **Русанов Игорь Николаевич.** Штабс-ротмистр 2-го гусарского полка. В Донской армии; летом 1919 г. в прикомандировании к Мариупольскому гусарскому полку. Ротмистр. Умер 10 апреля 1969 г. в Югославии.

¹⁶⁶ **Нестеровский Николай.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1904). Полковник 12-го драгунского полка. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии; с 15 июля 1918 г. командир 13-го Стародубского конного полка, 24 сентября 1918 г. уволен с должности как неприбывший к месту службы. В Донской армии; летом 1919 г. в прикомандировании к Мариупольскому гусарскому полку, с 20 октября 1919 г. переведен в тот же полк.

¹⁶⁷ **Белевцев Николай Николаевич.** Офицер с 1897 г. Полковник 4-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 6 сентября 1919 г. по март 1920 г. в эскадроне своего полка Донской армии.

¹⁶⁸ **Новов Александр Яковлевич,** р. в 1873 г. Офицер с 1897 г. Подполковник 4-го гусарского полка. В Донской армии; с 14 сентября 1919 г. в своем полку, с 25 марта 1920 г. помощник командира полка и врио командующего им. В Русской Армии в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. Подковник (с 22 октября 1919 г.). Эвакуирован на корабле «Лазарев». На 28 декабря 1920 г. в составе дивизиона в Галлиполи. В эмиграции с 1925 г. в Югославии, служил в пограничной страже. Умер во Франции.

¹⁶⁹ **Гречишников Александр.** Окончил Тверское кавалерийское училище (1907). Штабс-ротмистр 4-го гусарского полка. В Донской армии; с 1919 г. в Мариупольском гусарском полку, с 14 сентября 1919 г. квартирмейстер полка. Ротмистр (17 марта 1920 г.).

¹⁷⁰ Воспоминания одного из офицеров 6-го гусарского Клястицкого полка публикуются ниже.

¹⁷¹ **Траилин Анатолий Александрович,** р. в 1868 г. Из дворян, сын генерал-майора ВВА, казак ст. Нижне-Курморьярской. Офицер (с 1890 г.) л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор. В Донской армии; весной 1919 г. начальник организации Скаутов Дона (его дети состояли во 2-й дружине), в сентябре 1919 г. инспектор кавалерии Донской армии. Генерал-лейтенант (к 1920 г.). В эмиграции в Югославии или Эстонии; банковский служащий. Делегат Зарубежного съезда 1926 г.

¹⁷² Сводная кавалерийская дивизия. Сформирована в Донской армии в конце сентября 1919 г. из созданной 26 августа 1919 г. Отдельной кавале-

рийской бригады. Состав: 4-й Мариупольский и 6-й Клястицкий гусарские, 11-й Чугуевский уланский и Туземный конный полки. После переброски в Крым свернута 25 марта 1920 г. в Сводный кавалерийский полк и придана корпусу генерала Слащева, оборонявшему Крым. Начальник — генерал-майор П.В. Чеснаков.

¹⁷³ **Хартен Эдуард Оскарович**, р. в 1860 г. В службе с 1879 г., офицером с 1882 г. Офицер 4-го гусарского, 4-го уланского полков, командир 16-го драгунского полка. Генерал-майор, командир бригады Кавказской кавалерийской дивизии.

¹⁷⁴ **Мамонтов Константин Константинович** (Мамантов), р. 16 октября 1869 г. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Окончил Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; участник Степного похода, комендант отряда, в марте 1918 г. руководитель восстановления во 2-м Донском округе, в апреле 1918 г. командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы. В июле 1918-го — 23 февраля 1919 г. командующий войсками Чирского и Цимлянского района, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 г. генерал-майор), с 23 февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, командир 2-го Сводного казачьего корпуса, в июле 1919-го — феврале 1920 г. командир 4-го Донского отдельного корпуса, в ноябре 1919 г. командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.

¹⁷⁵ 4-й Донской отдельный корпус. Сформирован в Донской армии 28 июня (фактически 11 июля) 1919 г. Состав: 9-я и 10-я Донские дивизии. В июле—сентябре 1919 г. совершил глубокий рейд по тылам Красной армии. На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 3400 сабель, 103 пулемета, 14 орудий. 1 мая 1920 г. из его частей сформирована 2-я Донская конная дивизия (II). Командир — генерал-лейтенант К.К. Мамонтов. Начштаба: полковник (генерал-майор) К.Т. Калиновский (с 15 октября 1919 г.), генерал Николаев (врио; март 1920 г.), генерал Н.П. Калинин (март—апрель 1920 г.).

¹⁷⁶ 3-й Кубанский корпус (3-й конный корпус). Сформирован во ВСЮР 15 мая 1919 г. Входил в состав Добровольческой армии, в октябре 1919 г. был временно придан Донской армии. В середине июня — октябре 1919 г. включал 1-ю Терскую и 1-ю Кавказскую казачьи дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1195 штыков и 2645 сабель при 132 пулеметах и 20 орудиях. В марте 1920 г. на его базе создана Сочинская группа войск (с апреля — войска Кавказского побережья). Командир — генерал-лейтенант А.Г. Шкуро. Начштаба — генерал-майор А.М. Шифнер-Маркевич, полковник Г.П. Татонов (врио; сентябрь 1919 г.). Инспектор артиллерии — полковник Ф.М. Урчукин.

¹⁷⁷ **Дорошкевич Антон Петрович**. Корнет. В Донской армии; к ноябрю 1919 г. в Мариупольском гусарском полку. Награжден орд. Анны 3-й ст. 17 марта 1920 г. В Русской Армии в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Поручик (с 17 марта 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Аю-Даг».

¹⁷⁸ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. в 1875 г. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии; с ноября 1917-го — в начале 1918 г. командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с октября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией, в декабре (до 10 декабря) 1919 г. командующий конной группой; с марта 1920 г. командующий Кубанской армией, с 8 апреля 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. После 1945 г. — во Франции. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

¹⁷⁹ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Академию Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, с сентября 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. С 1919 г. — командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии; с сентября 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала Бабиева). Генерал-лейтенант. В эмиграции. Кубанский войсковой атаман. Во время Второй мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. — в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

¹⁸⁰ **Бояковский Касьян Иванович**. Ротмистр 11-го уланского полка. В Донской армии в Чугуевском уланском полку, командир того же полка. Подполковник (с 19 декабря 1918 г.). Убит 8 декабря 1919 г. у ст. Рубежной.

¹⁸¹ **Крамарев Николай Иванович**, р. в 1867 г. В службе с 1885 г., офицером с 1887 г. Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России; с 7 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, затем в органах кавалерийского ремонта. В эмиграции в Эстонии, с 1925 г. лидер монархического объединения во имя Св. Апостолов Петра и Павла. Умер 16 февраля 1940 г. в Пернове (Эстония).

¹⁸² 6 января 1920 г. Добровольческая армия была сведена в Добровольческий корпус.

¹⁸³ **Скоблин Николай Владимирович**, р. в 1894 г. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 1-го Ударного отряда и Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. с полком. Капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: помощник командира полка, капитан. С 1 ноября 1918 г. командир Корниловского полка, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. начальник Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 26 марта 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован ГПУ и участвовал в похищении генерала Миллера; в 1937 г. бежал в Испанию. Умер в 1938 г.

¹⁸⁴ **Пономарев Лев**. Окончил Тверское кавалерийское училище (1907). Подполковник 11-го уланского полка. В Донской армии; с 1919 г. в Чугуевском уланском полку, с декабря 1919 г. командир того же полка. Полковник (с 17 марта 1920 г.).

¹⁸⁵ **Шишкин Николай Николаевич**. Окончил Тверское кавалерийское училище (1908). Ротмистр 6-го гусарского полка. В Донской армии; с 19 августа 1919 г. по март 1920 г. командир Клястицкого гусарского полка. Полковник. В эмиграции. Умер 3 мая 1967 г.

¹⁸⁶ Черноморский конный полк. Сформирован во ВСЮР весной 1919 г. в Донбассе как Херсонский конно-партизанский отряд на базе кадра 2-го конного полка при 3-й пехотной дивизии. По ходатайству офицеров бывшего Черноморского конного полка Императорской армии (создан в 1915 г.) получил имя этого полка. С конца июля передан в 1-ю пехотную дивизию, с 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II), по прибытии в Крым сведен в дивизион (эскадрон) в составе 4-го кавалерийского полка. 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион Марковской дивизии под названием Отдельного конного генерала Маркова дивизиона. Командир — полковник Е.С. Главче, ротмистр Н. Христинич (врио, март 1920 г.).

¹⁸⁷ Князь **Черкасский Игорь Михайлович**. Окончил Пажеский корпус. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г., в январе 1919 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта по 12 мая 1919 г. помощник командира того же эскадрона в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, затем командир эскадрона, ротмистр; с марта 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Подполковник. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен в августе 1920 г. В эмиграции в Бельгии. Умер 5 марта 1975 г. в Брюсселе.

¹⁸⁸ Речь идет о 1-й кавалерийской дивизии второго формирования. Сформирована во ВСЮР 19 ноября 1919 г. из частей 5-го кавалерийского корпуса. Входила в состав Добровольческого корпуса. Состав: 1-й Гвардейский Сводно-кирасирский, 2-й Гвардейский Сводно-кавалерийский (15 декабря 1919 г. объединены в Сводно-гвардейский кавалерийский полк), 1-й конный генерала Алексева и 10-й гусарский Ингерманландский полки. 30 декабря 1919 г. сведена в Сводную кавалерийскую бригаду, а 14 февраля 1920 г. вновь развернулась в дивизию в составе (с 21 марта 1920 г.) Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го конного генерала Алексева, 1-го (полковник М.И. Тихо-

нравов), 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских, Сводно-конного и Черноморско-го конного полков. Начальники: генерал-майор И.И. Чекотовский, генерал-майор И.Г. Барбович.

¹⁸⁹ Речь идет о 3-м Сводно-кавалерийском полке Сводной кавалерийской бригады. Она была образована во ВСЮР 30 декабря 1919 г. из 1-й кавалерийской дивизии (II) в составе 1-го (полковник М.И. Тихонравов) и 2-го Сводно-кавалерийских полков. Входила в состав Добровольческой корпуса. В начале января 1920 г. развернулась в 4 полка: Сводно-гвардейский кавалерийский, 1-й, 2-й и 3-й Сводно-кавалерийские. Сыграла выдающуюся роль в разгроме 1-й Конной армии красных под Ростовом 6—8 января и в Егорлыкском сражении. 14 февраля 1920 г. вновь преобразована в 1-ю кавалерийскую дивизию (II). Командир — генерал-майор И.Г. Барбович.

¹⁹⁰ **Туркул Антон Васильевич**, р. в 1892 г. в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Окончил Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы — Дон, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го Офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. Генерал-майор (с апреля 1920 г.). Галиполиец. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец», с 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза участников войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА и командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. — в Германии, председатель Комитета русских не-возвращенцев. Умер 20 августа (14 сентября) 1957 г. в Мюнхене.

¹⁹¹ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. на станции Песчано-окопская из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией, как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Тихорецкую развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившим знамя) переименован в Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня — 591 штык и 26 пулеметов, на 1 июля — 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. — 1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 октября (реально 4 декабря) 1919 г. вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галиполи ваит в Алексеевский полк. Командиры: полковник К.А. Кельнер (до 19 июля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (19 июля — начало августа 1918 г.), подполковник (полковник) К.Г. Шаберт (начало августа, сентябрь — 29 октября 1918 г.), полковник Сипягин (14 августа — сентябрь 1918 г.), полковник М.А. Звягин (29 октября — декабрь 1918 г., 18 мая — ноябрь 1919 г.),

полковник Ильин (декабрь 1918 г. — 18 мая 1919 г.), полковник Е.И. Зеленин (начало декабря 1919 г. — 16 апреля 1920 г.), полковник Д.В. Житкевич (21 июня — ноябрь 1920 г.).

¹⁹² «Пылкий». Эскадренный миноносец Черноморского флота. Входил в состав 1-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. С ноября 1920 г. — в составе 2-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командир — капитан 2-го ранга А.И. Кублицкий.

¹⁹³ «Капитан Сакен». Эскадренный миноносец Черноморского флота. Входил в состав 2-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. В марте—апреле 1920 г. в составе 3-го отряда судов участвовал в десантной операции в Хорлах. С лета 1920 г. в составе 3-го отряда судов. С ноября 1920 г. — в составе 2-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командир — капитан 2-го ранга А.А. Остолопов.

¹⁹⁴ «Беспокойный». Эскадренный миноносец Черноморского флота. Входил в состав 1-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. В марте—апреле 1920 г. в составе 3-го отряда судов участвовал в десантной операции в Хорлах. Командир — капитан 2-го ранга Романовский.

¹⁹⁵ **Лебедев Виктор Иванович**, р. в 1881 г. Окончил Морской корпус (1900). Капитан 1-го ранга, начальник дивизионов Черноморской минной бригады (2-го и 5-го). В Добровольческой армии и ВСЮР; начальник Морского отделения штаба Главнокомандующего Добровольческой армией, сентябрь—декабрь 1918 г. начальник Морского управления, с декабря 1919 г. помощник начальника того же управления при Ставке ВСЮР, с 27 марта до 3 мая 1919 г. командир крейсера «Кагул», с марта 1920 г. командир дивизиона миноносцев Черноморского флота. К 1 января 1922 г. член Совета Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу СОУВ, в 1933—1938 гг. председатель Союза офицеров в Тунисе. Умер 25 февраля 1944 г. в Тунисе.

¹⁹⁶ Воспоминания Д.С. Франка публикуются ниже.

¹⁹⁷ **Альбранд Алексей Николаевич**, р. 19 августа 1900 г. в Одессе. Окончил 2-й Одесский кадетский корпус (1918). Гардемарин Морского корпуса. В Донской армии и ВСЮР; в 1919 г. вольноопределяющийся, затем подпрапорщик, командир взвода в Мариупольском гусарском полку. Корнет (17 марта 1920 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-паша». В эмиграции с 1934 г. в Бейруте, затем в Захле. Во время Второй мировой войны в итальянской армии. Умер 27 июля 1980 г. в Каракасе.

¹⁹⁸ **Великопольский Николай**. Вольноопределяющийся. В Донской армии; с 1919 г. подпрапорщик, командир взвода в 4-м Мариупольском гусарском полку, с 17 марта 1920 г. корнет. Ранен. Поручик. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-паша». В эмиграции. Умер после 1971 г.

¹⁹⁹ **Шахов-Корчинский Игорь**. В Донской армии; с 1919 г. в Мариупольском гусарском полку, вольноопределяющийся, старший унтер-офицер, командир взвода, с 17 марта 1920 г. корнет. Поручик. В эмиграции. Умер после 1971 г.

²⁰⁰ **Рачинский Владимир.** Вольноопределяющийся. В Донской армии; с 1919 г. в Мариупольском гусарском полку, подпрапорщик, командир взвода. Корнет (с 17 марта 1920 г.).

²⁰¹ **Парада Евгений М.** Вольноопределяющийся. В Донской армии; с 1919 г. подпрапорщик, командир взвода 4-го Мариупольского гусарского полка. Корнет (17 марта 1920 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде, затем в Ливане, член Ливанской группы подразделения Общества Галлиполийцев в Малой Азии. Умер после 1956 г.

²⁰² **Шатилов Павел Николаевич,** р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), Академию Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конного корпуса, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, 27 июля — 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

²⁰³ **Шидловская Ольга Сергеевна,** р. 30 апреля 1898 г. в Могилеве. Из дворян Могилевской губ., дочь вице-губернатора. Окончила Витебскую гимназию и 8-й класс Могилевской гимназии (1915). Унтер-офицер 4-го гусарского полка. С 1918 г. по май 1920 г. в Крыму. В эмиграции в Чехословакии, с 1930 г. в Югославии, в 1929—1933 гг. в Белграде, преподаватель гимнастики. С 1950 г. в Аргентине. Умерла 9 сентября 1958 г. около Буэнос-Айреса.

²⁰⁴ Полковник князь **Авалов** был затем командиром бригады 1-й кавалерийской дивизии. Убит 20 июня 1920 г. в хут. Шматове.

²⁰⁵ **Белевич Александр Феофилович.** Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. во 2-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1922 г. (1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде.

²⁰⁶ **Дмитриев Евгений Кузьмич.** Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в 1-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1922 или 1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 г. в Белграде.

²⁰⁷ **Кастелянов Николай Владимирович.** Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в 1-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1922 или 1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде.

²⁰⁸ **Петичинский Владислав Р.,** р. в Киеве. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-паша». Галлиполиец. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1922 г. (1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде.

²⁰⁹ **Прозоров Яков Иванович.** Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. во 2-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1922 г. (1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде.

²¹⁰ **Слободчиков Евгений Дмитриевич.** Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в 1-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1922 г. (1923). Корнет 4-го гусарского полка.

²¹¹ **Щелканов Евгений Петрович.** Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуска 1921 г.). В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в 1-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1922). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции во Франции, к 1930 г. в Каннах.

²¹² **Лошунов Николай Иосифович,** р. в 1903 г. Во ВСЮР и Русской Армии юнкер кавалерии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес». Галлиполиец. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1922 или 1923). Корнет 4-го гусарского полка.

²¹³ **Стацевич Георгий Александрович.** Окончил Одесский кадетский корпус (1919). Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1922). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде. В 1945 г. выдан в СССР и провел 10 лет в лагерях. Умер 6 января 1973 г. в Твери.

²¹⁴ **Стацевич Александр Александрович,** р. около 1904 г. Кадет Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Окончил Первый русский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде, в 1934—1938 гг. представитель журнала «Армия и Флот» в Бейруте. Во время Второй мировой войны в итальянской армии. Умер 8 июля 1989 г. в Сан-Франциско (США).

²¹⁵ **Бялыницкий-Бируля Виталий.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус

(1922), Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет 4-го гусарского полка.

²¹⁶ **Занфиров Михаил.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Крымский кадетский корпус (1922), Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет 4-го гусарского полка, член боевой группы РОВС. Погиб в 1930—1933 гг. в СССР.

²¹⁷ **Лошунов Иосиф Иосифович.** Кадет Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Награжден Георг. крестом 4-й ст. Галлиполиец. Окончил Крымский кадетский корпус (1922), Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции во Франции, лейтенант французской армии.

²¹⁸ **Стацевич Всеволод Александрович.** В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Первый русский кадетский корпус (1923), сдал экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде, в 1934 г. в Бейруте. Умер до 1990 г.

²¹⁹ **Рубах Игорь Николаевич.** Сын генерал-майора. Училище правоведения 1917 (не окончил; 4-й класс). В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. участник освобождения Одессы, затем вольноопределяющийся 4-го гусарского полка. Больной тифом эвакуирован в Болгарию, вернулся в Крым. В Русской Армии с мая 1920 г. ординарец генерала Кутепова. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже в управлении военного агента в Белграде, в 1929—1933 гг. в Белграде, до 1945 г. окончил там Военно-училищные курсы и курсы Генерального штаба. Корнет. Умер после 1967 г.

²²⁰ **Хижняков Григорий Федорович.** Окончил Крымский кадетский корпус (1923). Вольноопределяющийся 4-го гусарского полка, до 1945 г. окончил Военно-училищные курсы. Корнет. Умер в декабре 1988 г. в Монреале. Жена Мария Васильевна, сын Алексей, сестра Ольга.

²²¹ **Гаттенбергер Петр Георгиевич.** Кадет Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции к 1925 г. в Шанхае, из 5-го класса переведен в Донской кадетский корпус, затем из 7-го класса Крымского кадетского корпуса — в Первый русский кадетский корпус. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде. Вольноопределяющийся 4-го гусарского полка. Окончил военно-училищные курсы до 1945 г. Корнет. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США. Умер 14 февраля 1991 г. в Сан-Франциско (США).

²²² **Пустовойтенко Алексей Алексеевич,** р. 25 марта 1912 г. во Владивостоке. Из дворян, сын офицера. Кадет Хабаровского кадетского корпуса, в 1925 г. во 2-м классе корпуса в Шанхае, затем в Югославии, переведен в Донской кадетский корпус (окончил в 1932 г.). В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, вольноопределяющийся 4-го гусарского полка, в 1929—1933 гг. в Белграде, в 1936 г. окончил Военно-училищные курсы в Белграде, с 1941 г. корнет того же полка. Служил в Русском Корпусе (лейтенант). После 1945 г. в США, на 20 декабря 1986 г. член СЧРК в Сан-Франциско. Умер 10 декабря 1987 г. в Сан-Франциско (США)

²²³ **Данич Василий Константинович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1908). Полковник 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии (Земун), служил в югославской армии (капитан). Умер в 1970 г.

²²⁴ **Золотухин Александр Викторович.** Окончил Одесский кадетский корпус (1908), Николаевское кавалерийское училище (1910). Ротмистр 1-го гусарского, затем 4-го гусарского полка. В Донской армии в составе 4-го Донского корпуса, с 24 ноября 1919 г. подполковник. В Русской Армии в июле 1920 г. командир 4-го кавалерийского полка, затем командир Марковского конного дивизиона до эвакуации Крыма. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». На 18 декабря 1920 г. в управлении дивизиона в Галлиполи. Умер в 1974 г.

²²⁵ **Станюкович Николай Владимирович,** р. в 1898 г. в Харькове. Из дворян Смоленской губ., сын офицера. Студент Тенишевского училища. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. вольноопределяющийся 5-го гусарского полка, в октябре—декабре 1919 г. в том же полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Галлиполиец. Поручик. В эмиграции в Белграде, Берлине и Париже; таксист. Писатель и литературный критик. Умер 16 декабря 1977 г. в Париже.

²²⁶ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 29. Февраль 1976.

²²⁷ 5-й гусарский Александрийский полк. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка в январе—марте 1919 г. входил в Запасный кавалерийский полк (I) и весной 1919 г. в состав Перекопского отряда Крымско-Азовской армии, затем переброшен на Кавказ. Собственный полк (6 эскадронов) сформирован 1 июля 1919 г. в Грозном (из ставропольцев — старых солдат кавалерии, ногайцев и калмыков) в составе Войск Северного Кавказа. Принимал участие в усмирении Чечни. К октябрю 1919 г. имел около 2000 человек при 3 штаб- и 27 обер-офицерах (на 5 октября 1919 г. насчитывал 861 саблю и 18 пулеметов), к 5 марта 1920 г. — около 400 человек. В марте отошел из Владикавказа в Грузию, откуда 11 апреля переброшен в Крым. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 1-й кавалерийский полк. Командиры: полковник И.А. Глебов (весна — октябрь 1919 г.), полковник Доможиров (октябрь 1919 г. — апрель 1920 г.). Кроме того, возрожден на Восточном фронте как Самарский гусарский полк. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник С.А. Топорков.

²²⁸ **Глебов Иван Александрович,** р. 8 мая 1885 г. Из дворян Орловской губ. Окончил Таганрогскую гимназию, Николаевское кавалерийское училище (1908). Подполковник 5-го гусарского полка, помощник командира Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир 2-го Крымско-татарского полка. Участник боев в Крыму в январе 1918 г., затем в Татарском полку Туземной дивизии до 22 июня 1918 г. Полковник. В Добровольческой армии; с 8 декабря 1918 г. командир эскадрона и дивизиона 5-го гусарского полка, с 3 мая (с 12 сентября) 1919 г. командир 5-го гусарского полка, в Русской Армии командир 1-го и 2-го кавалерийских полков до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец, командир 3-го кавалерийского полка. В эмиграции член Общества Галлиполийцев.

²²⁹ **Топорков Сергей Александрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1903). Полковник 5-го гусарского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Александрийском гусарском полку. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу 5-го гусарского полка в Ментоне, сотрудник журнала «Военная Белья». Умер 21 января 1961 г. в Париже.

²³⁰ Впервые опубликовано: Военная Белья. № 43. Июль 1960.

²³¹ **81-й пехотный Апшеронский полк.** Возрожден во ВСЮР. Сформирован 23 марта 1919 г. в составе батальонов из части Терского офицерского полка. Входил в состав Терской отдельной бригады, с 5 июля — 8-й пехотной дивизии. К 5 октября 1919 г. насчитывал 1286 штыков и 16 пулеметов. К 50-м годам объединение полка насчитывало 27 человек. Командир — полковник М.А. Дубяго.

²³² **Доможиров Владимир Васильевич.** Полковник 5-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России; декабрь 1919 г. командир Александрийского гусарского полка.

²³³ **Вахрушев Андрей Михайлович.** Штабс-ротмистр 5-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. В декабре 1919 г. ротмистр в Александрийском гусарском полку, в апреле 1920 г. в Феодосии. В эмиграции в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Подполковник. Инженер-строитель, в 1935 г. член правления Союза Первоподошников в Белграде. Умер в конце 1940-го — начале 1941 г. в Никшиче (Югославия).

²³⁴ **Иванов Алексей Максимович.** Корнет 5-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России; к январю 1920 г. в Александрийском гусарском полку. Поручик. В эмиграции во Франции. Умер в 1934 г. в По (Франция).

²³⁵ **Позерн Андрей Михайлович.** В Вооруженных силах Юга России; январь 1920 г. в 5-м гусарском Александрийском полку. Корнет. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-паша». В эмиграции в Бельгии. Делегат Зарубежного съезда 1926 г.

²³⁶ Имеются в виду части Кабардинской конной дивизии. Она была сформирована в Добровольческой армии 15 декабря 1918 г. как Отдельная Кабардинская конная бригада (1-й и 2-й Кабардинские конные полки). 3 сентября 1919 г. переформирована в дивизию (1-й, 2-й, 3-й, 4-й Кабардинские конные полки и 2-й конно-артиллерийский дивизион. Входила в состав Войск Северного Кавказа, с 27 сентября 1919 г. — в 4-й конный корпус. Осенью 1919 г. включала: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й (360 сабель) Кабардинские конные полки и 2-й конно-артиллерийский дивизион (генерал-майор А.В. Фок — с октября 1919 г.): 1-я (2 орудия) и 5-я (1 орудие) конные и 2-я конно-гаубичная (1 орудие) батареи. К 5 октября 1919 г. 5-й и 6-й полки, учебно-запасная команда (44 сабель) и пулеметные курсы (7 пулеметов) оставались в Войсках Северного Кавказа, а остальные части — в Кавказской армии. Расформирована 6 мая 1920 г. Начальники: генерал-лейтенант князь Бекович-Черкасский (с 17 марта 1919 г.), полковник Н.В. Шинкаренко, полковник Сарычев, генерал-майор И.Д. Павличенко, полковник Ануфриев. Нач-

штаба — полковник И.Н. Беликов (с 28 апреля 1919 г.). Командир 1-й бригады — генерал-майор М. Анзоров.

²³⁷ **Киленин Евгений Николаевич**, р. в 1891 г. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Офицер 13-го уланского полка. Ротмистр 5-го гусарского полка. Во ВСЮР; к январю 1920 г. в Александрийском гусарском полку, в Русской Армии в Александрийском гусарском дивизионе в 1-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Служил в Русском Корпусе на офицерской должности. После 1945 г. в Аргентине. Умер 9 марта 1972 г. в Буэнос-Айресе.

²³⁸ **Янов Николай Григорьевич**. Офицер 5-го гусарского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Вооруженных силах Юга России; с января 1920 г. ротмистр, командир эскадрона 5-го гусарского полка. Подполковник. В эмиграции в США. Умер 24 июля 1962 г. в Бостоне.

²³⁹ **Кушковский Александр Васильевич**. Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку, затем в ординарческом эскадроне штаба Главнокомандующего, с 17 января 1919 г. корнет, затем в Александрийском гусарском полку. Убит 12 января 1920 г. у Святого Креста.

²⁴⁰ **Гейне Федор Иванович**. Окончил Училище правоведения (1911). Произведен в офицеры за боевое отличие (1915). Штабс-ротмистр 5-го гусарского полка. В Астраханской армии, затем в Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка; с января 1920 г. командир эскадрона Александрийского гусарского полка. Ротмистр. В эмиграции в Бразилии. Умер в 1937 г. в Ландроне.

²⁴¹ **Авакимов Иван Михайлович**. Поручик 5-го гусарского полка. В Донской армии в Зюнгарском (80-м) калмыцком конном полку. Награжден орд. Владимира 4-й ст. 31 января 1919 г., затем в Александрийском гусарском полку. Ротмистр (к январю 1920 г.). В эмиграции во Франции. Председатель Союза Инвалидов. Умер 5 августа 1985 г. в Париже.

²⁴² **Франк Дмитрий Сигизмундович**, р. в Москве. Окончил гимназию в Москве, Тверское кавалерийское училище (1910). Офицер 5-го драгунского полка. В Донской армии; в 1919 г. в 6-м Клястицком гусарском полку, весной 1919 г. ротмистр, инструктор школы подрывного дела в Новочеркасске, с лета 1919 г. командир эскадрона Клястицкого гусарского полка, с декабря 1919 г., в марте 1920 г. командир того же полка. Подполковник (с 17 марта 1920 г.; установлено старшинство с 28 мая 1920 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США, редактор журнала «Согласие». Умер 9 сентября 1986 г. в Пало-Алто или Сан-Матео (США).

²⁴³ Впервые опубликовано: Наши вести. № 380. Сентябрь 1980.

²⁴⁴ 6-й гусарский Клястицкий полк. Возрожден в Донской армии. 26 августа 1919 г. в составе 4 эскадронов. Включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового пол-

ка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30-октября у д. Мамут под Джанкоем. Командир — ротмистр Д. Франк (врид с начала декабря 1919 г.).

²⁴⁵ **Клименко Вадим Александрович.** В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. руководитель скаутов в Новочеркасске, старший скаутмастер Дона; март 1920 г. доброволец 6-го гусарского полка до эвакуации Крыма. Вахмистр. В эмиграции в Париже, в Германии. С 1937 г. доброволец войск генерала Франко; во время Второй мировой войны с Голубой дивизией в России, майор испанской армии. Умер 4 мая 1978 г. в Мадриде.

²⁴⁶ **Аристов Александр Андреевич.** Сын офицера. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Подполковник, врид командира 9-го гусарского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в дивизионе своего полка. В эмиграции в Германии, с 1968 г. в Берлине.

²⁴⁷ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 90. Май—июнь 1969.

²⁴⁸ 9-й гусарский Киевский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Кадр полка входил в созданный в декабре Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии, который 27 мая 1919 г. развернут в Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. киевские гусары были представлены 2 эскадронами. Осенью 1919 г. дивизион киевцев развернут в собственный полк в составе 9-й кавалерийской дивизии. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 6-й (5-й) кавалерийский полк. Из полка осенью 1918 г. в Добровольческую армию прибыло 13 офицеров, в Галлиполи прибыло 25 офицеров. В эмиграции нач. полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник А.Ф. Пушин.

²⁴⁹ **Пушин Александр Федорович,** р. около 1881 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1902). Полковник 9-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 14 ноября 1918 г., с 13 марта до 14 апреля 1919 г. командир Сводного дивизиона 9-й кавалерийской дивизии. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу 9-го гусарского полка во Франции (Нейи).

²⁵⁰ **Мокиевский-Зубок Лев Степанович,** р. в 1881 г. Коллежский советник, старший врач 9-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918 г. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Австралии и Канаде. Умер 30 августа 1962 г. в Перте (Австралия).

²⁵¹ 9-й драгунский Казанский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Кадр полка входил в созданный в декабре 1918 г. Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии, который 27 мая 1919 г. развернут в Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. казанские драгуны были представлены 2 эскадронами. Осенью 1919 г. дивизион казанцев развернут в собственный полк в составе 9-й кавалерийской дивизии. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 6-й (5-й) кавалерийский полк. В декабре эскадрон полка прибывает из Югославии в Крезе (Франция) — на завод Шнейдера. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Сухотин.

²⁵² 9-й уланский Бугский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Кадр полка входил в созданный в декабре 1918 г. Сводный дивизион 9-й кавалерий-

ской дивизии, который 27 мая 1919 г. развернут в Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. бугские уланы были представлены 2 эскадронами. Осенью 1919 г. дивизион бугцев развернут в собственный полк в составе 9-й кавалерийской дивизии. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 6-й (5-й) кавалерийский полк. В эмиграции нач. полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Залесов.

²⁵³ Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра полков 9-й кавалерийской дивизии Императорской армии, до этого входивших в Сводный дивизион той же дивизии (сформированный в декабре 1918 г. и 17 января 1919 г. включенный в состав 3-й пехотной дивизии). Весной — в Отряде генерала Виноградова. На 11 апреля насчитывал 100 штыков, 75 сабель и 1 орудие, на 26 мая — 14 июня 260 человек. Входил в состав 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 9-го драгунского Казанского, 9-го уланского Бугского и 9-го гусарского Киевского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 622 штыка и 230 сабель при 30 пулеметах. В начале октября 1919 г. отправлен на внутренний фронт и его состав увеличился до 9 эскадронов. Командиры: полковник А.Ф. Пушин (13 марта — 14 апреля 1919 г.), полковник Халяпин (врид; 14—26 апреля 1919 г.), полковник Н.А. Матушевич (26 апреля — 8 июня 1919 г.), полковник В.Н. Выгран.

²⁵⁴ 9-я кавалерийская дивизия. В Императорской армии состояла из 9-го драгунского Казанского, 9-го уланского Бугского, 9-го гусарского Киевского и 1-го Уральского казачьего полков. Возрождена во ВСЮР. Первоначально офицеры кавалерийских полков дивизии образовали в составе Добровольческой армии Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии, который 27 мая 1919 г. развернут в Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (по дивизиону от каждого полка), а осенью полк развернулся в дивизию, включавшую и запасный полк. По прибытии в Крым полки были сведены в дивизионы, пошедшие на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), где составили 6-й кавалерийский полк, а управление дивизии составило основу управления этой бригады.

²⁵⁵ Неточность, это был 6-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии (II), а с 8 августа 1920 г. — 1-й кавалерийской дивизии (III). Включал дивизионы 9-го Казанского драгунского, 9-го Бугского уланского и 9-го Киевского гусарского полков.

²⁵⁶ **Трушевский Александр А.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Подполковник 9-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России в дивизионе своего полка, в Русской Армии врид командира 6-го кавалерийского полка. Полковник. Убит 17 июля 1920 г. у с. Камышеваха.

²⁵⁷ **Берестовский В.В.** Прапорщик запаса. Офицер 9-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле 1920 г. командир дивизиона своего полка. Полковник. Тяжело ранен. Галлиполиец. В эмиграции с 1924 г. в Албании. Умер в 1944 г. там же.

²⁵⁸ Кавалерийская дивизия. Сформирована после эвакуации Русской Армии в Галлиполи. В нее сведены все кавалерийские полки. С августа 1921 г. находилась в Югославии, принятая в полном составе — 3382 человека на пограничную стражу и частично в жандармерию (64 старших офицера на офицерские, 778 офицеров на унтер-офицерские должности). После преобразования армии в РОВС сохранилась как одно из 4 его кадрированных соединений. Состояла из 1-го (полковник М.И. Тихонравов), 2-го (полковник В.К. Фукс), 3-го (полковник И.А. Глебов) и 4-го (полковник С.П. Попов) кавалерийских полков и конно-артиллерийского дивизиона (генерал-майор В. Шеголев). До 30-х годов все ее части находились в Югославии, во Франции дивизия была представлена полковыми группами (1-го, 5-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 12-го и 16-го гусарских, 8-го, 9-го, 10-го, 12-го, 13-го, 15-го и 18-го драгунских, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 12-го и 13-го уланских и Крымского конного полков). Начальник (и начальник группы в Югославии) — генерал-лейтенант И.Г. Барбович. Начштаба — генерал-майор В.В. Крейтер, врид — полковник Добровольский. Командиры бригад: 1-й — генерал-майор В.Н. Выгран, 2-й — генерал-майор Б.В. Гернгросс. Дивизионный врач — д-р А.С. Мандрусов. Начальник объединения во Франции — генерал-майор И.И. Чекотовский (группы конной артиллерии — полковник Андреев). Начальник группы чинов на Адриатическом побережье — полковник Б.Г. Булич.

²⁵⁹ **Фомицкий Иван Ф.**, р. в 1869 г. Окончил реальное училище в Гродно, Елисаветградское кавалерийское училище (1890). Полковник 9-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Хранитель полкового музея. Весной 1918 г. в Балаклаве, затем в гетманской армии, 2 ноября 1918 г. назначен командиром 21-го Нижинского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с конца 1918 г. Участник Бредовского похода. В эмиграции в Польше. Умер 27 апреля 1947 г. в Радоме (Польша).

²⁶⁰ **Ряснянский Сергей Николаевич**, р. в 1886 г. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906), академию Генштаба (1914). Офицер 10-го гусарского полка. Капитан, в распоряжении начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховцев. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в разведывательном отделе штаба армии. 23 марта 1918 г. командирован к генералу П.Х. Попову. В апреле 1918 г. подполковник, начальник разведывательного (контрразведывательного) отдела штаба армии; с конца 1918 г. полковник, начальник штаба конной группы Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, 24 апреля — 10 октября 1920 г. командир Гвардейского кавалерийского полка, в сентябре 1920 г. командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, 12—14 октября 1920 г. врио командира Гвардейского кавалерийского полка. Галлиполиец, командир 4-го кавалерийского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1922—1923 гг. преподаватель Николаевского кавалерийского училища. Во время Второй мировой войны служил начальником штаба в 1-й Русской Национальной армии. После 1945 г. — в США, с 1954 г. начальник Северо-Американского отдела РОВС

и заместитель начальника РОВС, редактор «Вестника совета российского зарубежного воинства». Умер 26 октября 1976 г. в Нью-Йорке.

²⁶¹ Впервые опубликовано: 10-й гусарский Ингерманландский полк. 1704—1954. Нью-Йорк, 1954.

²⁶² 10-й гусарский Ингерманландский полк. Возрожден в Добровольческой армии. 12 офицеров этого полка в феврале 1918 г. пытались пробиться на Дон, но были схвачены, остальные, оставшиеся на квартирах полка в Чугуеве, не пожелав служить у гетмана, летом группами прибыли в Добровольческую армию. Первая из них, со спасенным поручиком Яновским полковым штабдартом, прибыла в Новочеркасск 29 августа 1918 г. Ядром к восстановлению полка послужил ординарческий взвод, сформированный из офицеров кавалерии при 1-й конной дивизии; в октябре в развернутом на его основе разведывательном дивизионе было 16 кадровых офицеров полка. С 25 октября 1918 г. он (как сохранивший полковой штандарт) именовался Ингерманландским гусарским дивизионом. 27 мая 1919 г. развернут в полк (5 эскадронов) и включен в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 2 эскадрона. На 5 октября 1919 г. насчитывал 270 штыков и 240 сабель. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II) (с февраля 1920 г. — дивизион в 1-м Сводно-кавалерийском полку). С 16 апреля 1920 г. дивизион полка (3 эскадрона) входил в 5-й, а с 8 августа 1920 г. — в 1-й кавалерийский полк. В Добровольческой армии воевали почти все офицеры полка, состоявшие в нем к моменту революции, — 41 офицер. Полк потерял в Белом движении 21 офицера (в мировую войну — 14). Командир — ротмистр (полковник) М.И. Тихонравов (сентябрь 1918 г. — ноябрь 1920 г.). В 1927 г. создано полковое объединение, насчитывавшее на 1954 г. около 20 человек. Председатели генерал-лейтенант И.Г. Барбович и полковник М.И. Тихонравов, секретарь — ротмистр Комаровский, председатели отдела во Франции — ротмистр Холщевников. Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — ротмистр С.А. Слезкин.

²⁶³ **Пальшау Борис Григорьевич**. Подполковник 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии, полковник 12-го Полтавского конного полка, 21 октября 1918 г. установлено старшинство в чине с 3 июля 1914 г. В Добровольческой армии и ВСЮР (осенью 1918 г. с боями пробился из Чугуева) в Ингерманландском гусарском дивизионе, октябрь — ноябрь 1919 г. начальник Полтавского отряда. Эвакуирован на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон». В Русской Армии с весны 1920 г. командир пешего полка 1-й кавалерийской дивизии. Полковник. Убит 28 октября 1920 г. у Сиваша.

²⁶⁴ **Синегуб Валентин Константинович**, р. в 1877 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Полковник 10-го уланского полка, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.), в августе 1919 г. командир 1-го эскадрона стрелкового дивизиона 2-го полка Ливенской дивизии, в декабре 1919 г. командир 1-го эскадрона Стрелкового дивизиона 5-й пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». В 1921 г. ко-

мандир дивизиона Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославии, жил в Земуне, служил в югославской армии.

²⁶⁵ **Селиванов Владимир Иванович** Подполковник 10-го гусарского полка. В 1918 г. в гетманской армии, полковник 12-го конного Полтавского полка, 7 октября 1918 г. установлено старшинство в чине с 10 марта 1917 г. В Добровольческой армии и ВСЮР (осенью 1918 г. с боями пробился из Чугуева) в Ингерманландском гусарском дивизионе.

²⁶⁶ **Эсипов Борис П.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1914). Поручик, адъютант 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР (осенью 1918 г. пробился с боями из Чугуева) в Гусарском Ингерманландском дивизионе (14 марта 1919 г. установлено старшинство в чине).

²⁶⁷ **Слезкин Сергей Алексеевич** (2-й), р. в 1887 г. в Новом Маргелане (Туркестан). Из дворян Черниговской губ., сын генерал-лейтенанта. Окончил 1-ю Харьковскую гимназию (1907), Харьковский университет (1912). Прапорщик запаса, сдал экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1915). Поручик, помощник адъютанта 10-го гусарского полка Тяжело ранен и взят в плен 6 февраля 1918 г. по пути в Добровольческую армию, содержался в тюрьме в Умани. В Добровольческой армии с осени 1918 г., адъютант дивизиона своего полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр. Галлиполиец. В эмиграции в Константинополе и Париже. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск). Ротмистр. Умер после 1931.

²⁶⁸ **Влесков Владимир Николаевич.** Штабс-ротмистр, командир эскадрона 10-го гусарского полка. Тяжело ранен и взят в плен 6 февраля 1918 г. по пути в Добровольческую армию; содержался в тюрьме в Умани, позже освобожден. В Русской Западной армии в 1-м конном и гусарском гр. Келлера полку. С декабря 1919 г. и на апрель 1920 г. в Германии, в 1935 г. член отдела РОВС в Германии. В эмиграции в США. Член Общества Ветеранов. Ротмистр. Умер 13 сентября 1971 г. в Сан-Франциско (США).

²⁶⁹ **Васецкий Петр Петрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1911). Штабс-ротмистр, командир эскадрона 10-го гусарского полка. С 1918 г. в гетманской армии в 12-м конном Полтавском полку, 30 сентября 1918 г. утвержден в чине ротмистра с переименованием в сотники со старшинством с 21 июля 1917 г. В Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1918 г. в дивизионе своего полка, командир эскадрона, с июля 1919 г. командир дивизиона своего полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Решид-паша». В эмиграции в Бельгии. Умер 2 августа 1981 г. в Брюсселе.

²⁷⁰ **Луговой Борис Н.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1907). Ротмистр, командир эскадрона 10-го гусарского полка. С 1918 г. в гетманской армии; сотник, 23 ноября 1918 г. назначен помощником коменданта железнодорожного участка ст. Полтава с 20 сентября 1918 г. Убит большевиками в 1919 г. под Полтавой.

²⁷¹ Воспоминания Ю.А. Слезкина публикуются ниже.

²⁷² **Яновский Юрий (Георгий) В.** Штабс-ротмистр (поручик) 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в дивизионе сво-

его полка, с июля 1919 г. командир эскадрона, штабс-ротмистр, в декабре 1919 г. в бригаде генерала Морозова, сформировал дивизион 10-го гусарского полка в Крыму. В марте 1920 г. ротмистр, командир дивизиона 10-го гусарского полка В Русской Армии подполковник в 5-м кавалерийском полку. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник.

²⁷³ **Кравцов Александр Александрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1916). Корнет 10-го гусарского полка. Взят в плен 6 февраля 1918 г. по пути в Добровольческую армию, содержался в тюрьме в Умани, позже освобожден. С весны 1918 г. в Харьковском центре Добровольческой армии, с декабря 1918 г. в Гусарском Ингерманландском дивизионе, с 14 марта 1919 г. поручик. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 11 июня 1960 г. в Париже.

²⁷⁴ **Лопырев Павел Павлович.** Корнет 10-го гусарского полка. 6 февраля 1918 г. по пути в Добровольческую армию взят в плен; содержался в тюрьме в Умани. Позже освобожден. В Добровольческой армии и ВСЮР; с августа 1918 г. в Гусарском Ингерманландском дивизионе, с 14 марта 1919 г. поручик. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-паша».

²⁷⁵ **Дунин-Жуковский Владимир (2-й).** Корнет 10-го гусарского полка. Взят в плен в феврале 1918 г. по пути в Добровольческую армию. Содержался в тюрьме в Умани, позже освобожден. В 1918 г. в гетманской армии; поручик 12-го конного полка, 20 ноября 1918 г. произведен в чин штабс-ротмистра с 26 июля 1916 г. с переименованием в сотники со старшинством с 26 июля 1920 г.

²⁷⁶ **Спришевский Александр.** Корнет 10-го гусарского полка. Взят в плен 6 февраля 1918 г. по пути в Добровольческую армию, содержался в тюрьме в Умани. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1918 г. в Гусарском Ингерманландском дивизионе, с 14 марта 1919 г. поручик.

²⁷⁷ 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Первый поход Добровольческой армии с Дона на Кубань. Продолжался с 9 февраля по 30 апреля 1918 г. Оставив Ростов, армия пошла на Екатеринодар, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями. Однако после начала похода выяснилось, что он уже оставлен Кубанским отрядом. Соединившись с последним в середине марта, армия 30—31 марта предприняла неудачную попытку взять город (при соотношении сил 1 к 10 в пользу красных). После смерти генерала А.Г. Корнилова выступила в обратный путь на Дон, где уже началось восстание казачества. За 80 дней похода (из которых 44 дня боев) армия прошла 1050 верст. Участникам похода пришлось претерпеть тяжелые лишения, справедливо создавшие «первопоходникам» тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии. Именно эти люди стали ядром и душой Белого движения на Юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры белых частей («первопоходниками» были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), многие из них дослужились до высоких чинов.

Среди 3683 участников похода было 36 генералов (в т. ч. 3 генерала от инфантерии и генерала от кавалерии и 8 генерал-лейтенантов), 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин, 215 капитанов, ротмистров и есаулов, 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подъесаулов, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, корнетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в т. ч. 1 капитан 1-го ранга и 1 капитан 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарина, 364 унтер-офицера (в т. ч. подпрапорщиков и им равных), 235 солдат (в т. ч. ефрейторов и им равных) и 2 матроса. Кроме того — 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщицами, 17 рядовыми доброволицами, 5 врачами и фельдшерицами, 122 сестрами милосердия и только 6 не служили в армии. Всего в походе, не считая женщин и гражданских лиц, приняли участие 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту — старше 40 лет было около 600 человек, и около 3000 моложе. После возвращения Добровольческой армии на Дон она была реорганизована и пополнилась новыми добровольцами. Для участников похода установлен знак в виде серебряного тернового венка, пересеченного снизу вверх направо серебряным мечом рукоятью вниз, носившийся на Георгиевской ленте с розеткой национальных цветов.

²⁷⁸ **Тихонравов Михаил Иванович**, р. около 1891 г. Окончил Воронежский кадетский корпус (1908), Елисаветградское кавалерийское училище (1911). Офицер 20-го драгунского полка. Ротмистр 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1918 г., командир Ингерманландского гусарского дивизиона, в конце 1918 г. возглавлял формирование своего полка в Мариуполе, с июля 1919 г. командир Ингерманландского гусарского полка, с осени 1919 г. командир 1-го конного полка. В Русской Армии весной 1920 г. командир 5-го (затем 1-го) кавалерийского полка. Полковник (с июля 1919 г.). В эмиграции в Югославии, в 1930-х гг. председатель объединения полка в Белграде. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Марокко, с 1955 г. начальник Марокканского подотдела РОВС, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 4 мая 1970 г. в Глен-Кове (США).

²⁷⁹ Автор настоящих воспоминаний.

²⁸⁰ 1-я конная дивизия. Сформирована в Добровольческой армии 6 июня 1918 г. из Отдельной конной бригады, причем 2-й бригадой в нее вошел конный отряд генерала Покровского. Первоначальный состав: 1-й Кубанский (Корниловский), 1-й Черкесский конные, 1-й Кавказский и 1-й Черноморский Кубанского казачьего войска полки и конно-горная батарея. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле—августе 1918 г. включала Корниловский конный, 1-е Уманский, Запорожский, Екатеринодарский и Линейный, 2-й Черкесский полки. За август и сентябрь 1918 г. потеряла 260 офицеров и 2460 казаков — почти 100% своей численности. Все батареи дивизии в августе—сентябре 1918 г. (1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная) имели почти исключительно офицерский состав. В 1-й конно-горной батарее в августе 1918 г. было около 100 офицеров на солдатских должностях и 12 солдат ездовых. 31 октября 1918 г. в состав дивизии был включен стрелковый полк (сформирован

22 сентября 1918 г.; полковник Чичинадзе, с 22 июля 1919 г. полковник Черкезов). С ноября 1918 г. входила в 1-й Кубанский корпус 7 декабря 1918 г. Черкесские полки были выведены из дивизии. После переформирования корпусов и в октябре 1919 г. — в 4-й конный корпус. К 5 октября 1919 г. (без Корниловского и 1-го Партизанского, но с 1-м Линейным полком) насчитывала 519 штыков, 419 сабель, 23 пулемета и 7 орудий. Осенью 1919 г. в нее входили: Корниловский (на 5 октября 1919 г. в 3-й Кубанской казачьей дивизии), 1-й Екатеринодарский, 1-й Партизанский (на 5 октября 1919 г. нет в дивизии), 1-й Уманский, 1-й Запорожский Кубанского казачьего войска полки, стрелковый полк (519 штыков, 12 пулеметов; полковник М.К. Чичинадзе, май — 22 июля 1919 г., полковник Черкезов — с 22 июля 1919 г., генерал-майор И.Д. Павличенко — до октября 1919 г.), и 1-й конно-артиллерийский дивизион (полковник Черкезов, полковник В. Щеголев): 2-я (в ремонте), 3-я (2 орудия) и 4-я (1 орудие) конные и 1-я конно-гаубичная (4 гаубицы) батареи. Начальники: генерал от кавалерии И.Г. Эрдели (с 6 июня 1918 г.; до 31 октября 1918 г.), генерал от кавалерии А.М. Драгомиров (июнь—август 1918 г.), генерал-майор барон П.Н. Врангель (август, 31 октября 1918 г. — январь 1919 г.), полковник В.Г. Науменко (с 19 ноября 1918 г.), генерал-майор П.Н. Шатилов (с 10 января 1919 г.), полковник П. Тутов (врио, 5 мая 1919 г.; убит), генерал-майор Н.М. Успенский (23 мая — 23 октября 1919 г.), генерал-майор И.Д. Павличенко (врид. с 5 октября 1919 г.), полковник (генерал-майор) В.В. Муравьев (с 23 октября 1919 г.). Начштаба: полковник Р.К. Дрейлинг (до 7 октября 1918 г.), полковник В.И. Соколовский (23 октября — 19 ноября 1918 г.), полковник А.Т. Гаевский (с 24 января 1919 г.), капитан Петров. Командиры бригад: 1-й — полковник В.Г. Науменко (до 19 ноября 1918 г.), полковник В.В. Муравьев (17 марта — 23 октября 1919 г.), 2-й — полковник (генерал-майор) С.М. Топорков (2 ноября 1918 г. — 19 января 1919 г.), полковник Е. Жарков (22 января — 11 марта 1919 г.; умер), полковник М.П. Растегаев, полковник П. Тутов (апрель — 5 мая 1919 г.), генерал-майор И.Д. Павличенко (с 23 октября 1919 г.).

²⁸¹ **Трегубов Дмитрий Дмитриевич** (2-й). Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1905). Подполковник 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР (осенью 1918 г. пробыл с боями из Чугуева) в Ингерманландском гусарском дивизионе.

²⁸² **Гурский Георгий Петрович**, р. в 1888 г. в Санкт-Петербурге. Сын офицера. Окончил 1-й кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1907), Харьковскую художественную школу. Ротмистр 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР (осенью 1918 г. пробыл с боями из Чугуева); с января 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка, с июля 1919 г. помощник командира Ингерманландского гусарского полка. В Русской Армии в дивизионе своего полка в 1-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Полковник (с 30 сентября 1919 г.; одновременно с чином подполковника). В эмиграции в Югославии, с 1953 г. в Канаде. Художник. Председатель кадетского объединения. Умер 25 августа 1972 г. в Торонто (Канада).

²⁸³ **Лихолет Николай Иванович.** Подполковник 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в гусарском Ингерманландском дивизионе, 14 марта 1919 г. установлено старшинство в чине. Полковник. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Владимир».

²⁸⁴ **Булацель Анатолий Александрович.** Подполковник 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе своего полка. К июлю 1920 г. в Феодосии. Полковник.

²⁸⁵ **Волохин Илья Яковлевич.** Окончил гимназию в Харькове, Елисаветградское кавалерийское училище (1903). Подполковник 10-го гусарского полка В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе своего полка. В Русской Армии в конном корпусе генерала Барбовича. В эмиграции в Бельгии. Умер 16 марта 1954 г. в Антверпене.

²⁸⁶ **Двигубский Александр.** Поручик 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе своего полка. Штабс-ротмистр (20 августа 1919 г.).

²⁸⁷ **Ващенко Сергей Иванович,** р. в 1894 г. (Ващенко). Поручик 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с весны 1918 г. в Харьковском центре Добровольческой армии; в конце 1918 г. в Дроздовском полку, затем с декабря 1918 г. в дивизионе своего полка в Мариуполе, с 20 августа 1919 г. штабс-ротмистр. В Русской Армии с лета 1920 г. в эскадроне 10-го уланского полка. Ротмистр. В эмиграции в Новом Саду (Югославия). Служил в Русском Корпусе. К 1947 г. в Австрии, затем в США, член отдела Общества Галиполийцев. Умер 15 декабря 1976 г. в Бриджпорте (США).

²⁸⁸ **Козлов Михаил Константинович.** Поручик 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе своего полка. Ротмистр. В эмиграции в США. Умер 15 октября 1971 г. в Нью-Йорке.

²⁸⁹ 10-й драгунский Новгородский полк. Возрожден во ВСЮР. Начал формироваться в июне 1919 г. при 10-м гусарском Ингерманландском полку. В июле 1919 г. 2 эскадрона полка входили в состав 1-го конного генерала Алексеева полка.

²⁹⁰ 10-й уланский Одесский полк. Возрожден во ВСЮР. Начал формироваться в июне 1919 г. при 10-м гусарском Ингерманландском полку. В июле 1919 г. 2 эскадрона полка входили в состав 1-го конного генерала Алексеева полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 1-й кавалерийский полк. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение Одесских улан» (Скопье, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС). В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник М.Н. Фирсовский.

²⁹¹ **Граф Келлер Федор Артурович,** р. 12 октября 1857 г. в Курске. Окончил подготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, сдал офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, окончил Офицерскую кавалерийскую школу. Произведен в офицеры за боевое отличие (1878). Командир л.-гв. Драгунского полка (1906—1910). Генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса. Предполага-

емый возглавитель Северной армии. 19—26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Убит петлюровцами 21 декабря 1918 г. в Киеве.

²⁹² Сводная кавалерийская бригада. Образована во ВСЮР 30 декабря 1919 г. из 1-й кавалерийской дивизии (II) в составе 1-го (полковник М.И. Тихонравов) и 2-го Сводно-кавалерийских полков. Входила в состав Добровольческого корпуса. В начале января 1920 г. развернулась в 4 полка: Сводно-гвардейский кавалерийский, 1-й, 2-й и 3-й Сводно-кавалерийские. Сыграла выдающуюся роль в разгроме 1-й Конной армии красных под Ростовом 6—8 января и в Егорлыкском сражении. 14 февраля 1920 г. вновь преобразована в 1-ю кавалерийскую дивизию (II). Командир — генерал-майор И.Г. Барбович.

²⁹³ **Павлов Александр Александрович**, р. 11 июля 1867 г. Из дворян Волынской губ. Окончил Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1887). Офицер л.-гв. Гусарского полка, командир л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир Кавказского кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В 1918 г. командующий Астраханской армией. В Вооруженных силах Юга России; в распоряжении Главнокомандующего, командир 4-го Донского корпуса, в резерве чинов при Военном управлении, с 13 мая 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Умер 7 декабря 1935 г. в Земуне (Югославия).

²⁹⁴ 5-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III), а с 28 апреля 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии (II). Включал дивизионы 10-го гусарского Ингерманландского и 2-го конного генерала Дроздовского полков. 8 августа 1920 г. расформирован. Командир — полковник М.И. Тихонравов.

²⁹⁵ Это не совсем так. 1-й кавалерийский полк был сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III). Включал эскадроны 6-го Волынского и 10-го Одесского уланских, 5-го Александрийского гусарского и (до 8 августа 1920 г.) 1-го конного генерала Алексева полков, а с 8 августа 1920 г. вместо алексеевцев — дивизион 10-го гусарского Ингерманландского полка. Командир: полковник М.И. Тихонравов (с 8 августа 1920 г.).

²⁹⁶ **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской области. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковника Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку. Полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918 г.) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января и на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизи-

зии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохово.

²⁹⁷ **Попов Сергей Петрович**, р. около 1884 г. в имении в Калужской губ. Из дворян. Окончил Калужскую гимназию, Тверское кавалерийское училище (1904), курсы Академии Генштаба (1917). Подполковник 10-го уланского полка, и.д. начальника штаба 3-го кавалерийского корпуса. Участник похода Крымова на Петроград и боев под Петроградом в октябре 1917 г., арестован в Смольном. В Донской армии; на 25 июня 1918 г. заведующий отделом в Донской офицерской артиллерийской школе, затем в штабе Донского атамана, командир Сводного кавалерийского полка. В 1918 г. пытался формировать свой 10-й уланский полк на Дону при Донской армии. В Русской Армии с августа 1920 г. в 1-й кавалерийской дивизии, в 1-м кавалерийском полку, с октября 1920 г. командир 7-го кавалерийского полка. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. Галлиполиец, командир 1-го кавалерийского полка. В эмиграции в Любляне (Югославия). Служил в Русском Корпусе (обер-лейтенант). После 1945 г. в Австрии. Умер 5 марта 1959 г. в Канне (Франция).

²⁹⁸ **Слезкин Юрий Алексеевич** (1-й), р. 5 октября 1890 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерал-лейтенанта. Окончил 1-ю Харьковскую гимназию (1910), Елисаветградское кавалерийское училище (1912), Академию Генштаба (1917) Георгиевский кавалер. Штабс-ротмистр, командир эскадрона 10-го гусарского полка. Взят в плен 6 февраля 1918 г. по пути в Добровольческую армию, содержался в тюрьме в Умани. С 1918 г. в гетманской армии; сотник, и.о. старшего адъютанта штаба 3-й конной дивизии (уволен от службы по прошению 11 октября 1918 г.). В Добровольческой армии с августа 1918 г., ротмистр, и.д. старшего адъютанта штаба 1-й конной дивизии, командир эскадрона и затем дивизиона своего полка, с 13 июля 1919 г. подполковник, обер-офицер для поручений, с 6 ноября 1919 г. старший адъютант штаба 1-й Терской казачьей дивизии, с декабря 1919 г. и.д. начальника штаба той же дивизии до марта 1920 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с 10 августа 1920 г. старший адъютант штаба 1-й кавалерийской дивизии, и.д. начальника штаба той же дивизии. Ранен 20 августа 1920 г. Полковник. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, с 1 июня 1921 г. преподаватель Николаевского кавалерийского училища. Участник монархического движения. С 1947 г. в Аргентине, с мая 1956-го по 19 марта 1962 г. начальник Аргентинского района КИАФ, с декабря 1956-го до 1 июня 1962 г. председатель Союза Императорской конницы и конной артиллерии. Писатель. Умер 27 апреля 1977 г. в Буэнос-Айресе.

²⁹⁹ Впервые опубликовано: Наши вести. № 260. Февраль 1968.

³⁰⁰ Воспоминания Б.А. Штейфона публикуются ниже.

³⁰¹ Русский Корпус. Русское добровольческое формирование в Югославии. Поводом для его создания была активизация местных коммунистов, развернувших террор против русских эмигрантов и вырезавших иногда поголовно целые семьи (только до 1 сентября 1941 г. было зарегистрировано более 250 случаев одиночных и групповых убийств). В этих условиях возглавлявший эмиграцию в Югославии генерал-майор М.Ф. Скородумов выступил

с инициативой организации русской части для защиты эмигрантского населения и 12 сентября 1941 г. отдал приказ о формировании Русского Корпуса, имея в виду последующую переброску его на Восточный фронт для борьбы против коммунизма. Но вследствие политики немецкого партийного руководства эти надежды не оправдались, настаивавший на этом Скородумов был арестован, и корпус остался в Югославии, сражаясь против коммунистических банд Тито. В корпус вступили представители трех поколений русской эмиграции (наряду с 16—18-летними внуками белых офицеров, был ряд лиц старше 70 лет). Большинство старых офицеров вынуждены были за недостатком командных должностей всю службу провести рядовыми.

Состоял из 5 полков. Первоначальное ядро чинов корпуса составили проживавшие в Югославии — из состоявших в нем на 12 сентября 1944 г. 11 197 человек из Сербии было 3198 и Хорватии 272, из Румынии прибыло 5067, из Болгарии — 1961, Венгрии — 288, Греции — 58, Польши — 19, Латвии — 8, Германии — 7, Италии — 3 и Франции — 2 человека, было и 314 советских военнопленных. Из них до 40 лет было 5817, 41—50 лет — 3042 и старше — 2338. За все время из состава корпуса выбыло 11 506 человек: убито и умерло 1132 человека, пропало без вести 2297, ранено 3280, эвакуировано по болезни и уволено 3740 и убыло самовольно 1057. Поскольку границу Австрии 12 мая 1945 г. перешло 4500 человек и находилось тогда в лазаретах и командировках 1084, общее число прошедших через корпус определяется в 17 090 человек, но с учетом недостачи сведений по уволенным в первые месяцы 1941 г. оно на несколько сот больше. В корпусе были представлены несколькими офицерами практически все сохранившиеся в эмиграции объединения полков Императорской и белых армий и военно-учебные заведения (например, было 23 выпускника Хабаровского корпуса, около 40 офицеров флота). Прекратил существование 1 ноября 1945 г. в лагере Келлерберг (Австрия) и был преобразован в Союз чинов Русского Корпуса.

Командиры: генерал-майор М.Ф. Скородумов (12—14 сентября 1914 г.), генерал-лейтенант Б.А. Штейфон (14 сентября 1941-го — 30 апреля 1945 г.; умер), полковник А.И. Рогожин (с 30 апреля 1945 г.). Начштаба — генерал-майор Б.В. Гонтарев, подполковник М.В. Голубев. Командиры бригад: генерал-майор Д.П. Драценко, генерал-майор И.К. Кириенко. Командиры полков: 1-го — генерал-майор В.Э. Зборовский, генерал-майор В.И. Морозов, 2-го — генерал-майор Егоров, полковник Б.А. Мержанов, 3-го — генерал-майор Б.В. Гонтарев, полковник Д.В. Шатилов, 4-го — полковник Б.С. Гескет (убит), генерал-майор А.Н. Черепов, полковник А.А. Эйхгольц, 5-го — полковник А.И. Рогожин, подполковник Н.Н. Попов-Кокоулин. Командиры батальонов: генерал-майор М.М. Зенкевич (убит), генерал-майор Н.А. Петровский, генерал-майор М.А. Скворцов, генерал-майор Е.В. Иванов, полковник А.А. Ендржеевский, полковник Ф.Е. Головкин, полковник И.П. Севрин (убит), полковник А.Н. Трескин, полковник Н.В. Галушкин, полковник С.К. Шебалин, ротмистр Е.А. Шелль, генерал-майор Ф.Э. Бредов, генерал-майор В.М. Пулевич, полковник Е.И. Христофоров, полковник И.В. Роговский, подполковник А.А. Мирошниченко.

³⁰² Впервые опубликовано: *Слезкин Ю.А. Летопись пережитых годов. Буэнос-Айрес, 1975. С. 77—120.*

³⁰³ **Гурко Василий Иосифович** (Ромейко-Гурко), р. 8 мая 1864 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Смоленской губ., сын генерал-фельдмаршала. Окончил гимназию, Пажеский корпус (1885), Академию Генштаба (1892). Офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка. Генерал от кавалерии, главнокомандующий армиями Западного фронта. В июле 1917 г. арестован, в сентябре 1917 г. выслан за границу. В эмиграции в Италии. Член РОВС. Умер 10 февраля 1937 г. в Риме.

³⁰⁴ **Чеславский Василий Владимирович**, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1897 г. Офицер Приморского драгунского полка. Генерал-майор, командир 10-го гусарского полка, затем бригады 10-й кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии; командующий 2-й конной дивизией, 9 ноября 1918 г. утвержден в чине генерального хорунжего со старшинством с 6 мая 1917 г. В Вооруженных силах Юга России в сборном отряде. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Херсон». В эмиграции в США, 1933—1937 гг. в Чикаго. Соч.: 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка. Чикаго, 1937.

³⁰⁵ **Крымов Александр Михайлович**, р. в 1871 г. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892), академию Генштаба (1902). Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. Участник выступления генерала Корнилова, по приказу которого двинул свой корпус на Петроград. Застрелился 31 августа 1917 г. в Петрограде.

³⁰⁶ **Козаков Николай Александрович**, р. в 1877 г. В службе с 1894 г., офицером с 1895 г. Подполковник (полковник) 10-го уланского полка, командир 10-го драгунского полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части. В 1918 г. в гетманской армии; летом 1918 г. в Ахтырке, 5 июля 1918 г. назначен командиром 11-го Одесского конного полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.); в июне 1919 г. командир кавалерийского дивизиона Ливенского отряда, в августе—сентябре 1919 г. командир стрелкового дивизиона 2-го полка Ливенской дивизии, в ноябре—декабре 1919 г. командир Стрелкового дивизиона 5-й пехотной дивизии, с 19 декабря 1919 г. командир Полтавского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Лазарев». На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. В эмиграции во Вранье (Югославия). Умер 16 сентября 1970 г. в Югославии.

³⁰⁷ **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Правнук гетмана Украины в начале XVIII в. И.И. Скоропадского. Окончил Пажеский корпус (1893). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во гла-

ве с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

³⁰⁸ Астраханская армия. Формировалась рядом организаций крайне правого направления в Киеве летом 1918 г. независимо от Южной армии, но одновременно с ней и в отличие от последней была очень тесно связана с германским командованием. Одним из ее организаторов был полковник Потоцкий. Как и Южная, формировалась при непосредственном участии гетмана П.П. Скоропадского: ей были переданы значительные суммы из украинской казны. В армии служило также немало офицеров — уроженцев нижнего Поволжья. После 1-го Кубанского похода в Астраханскую армию из Добровольческой по призыву штабс-капитана В.Д. Парфенова перешло до 40 только что произведенных в нем офицеров (через полтора месяца от них осталось 8 человек). Части армии, действовавшие на Царицынском направлении, понесли большие потери. 30 сентября 1918 г. приказом Донского атамана была преобразована в Астраханский корпус (корпус Астраханского казачьего войска) и включена вместе с частями Южной армии и Русской народной армии в состав Особой Южной армии. Астраханский корпус во главе с Астраханским атаманом полковником князем Тундутовым (начштаба полковник Рябов) насчитывал около 3000 человек пехоты и 1000 конницы и оборонял степи за Манычем. Реально в корпусе был сформирован лишь 1-й Астраханский пехотный (1-й Астраханский добровольческий) полк. 12 апреля 1919 г. корпус был расформирован и его части вошли в состав Астраханской отдельной конной бригады и 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

³⁰⁹ **Валуев Георгий (Юрий) Аркадьевич**, р. в 1889 г. Окончил Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1909). Ротмистр 10-го драгунского полка. В Добровольческой армии; с 1918 г., в июле 1919 г. командир эскадрона своего полка в Сводном полку 10-й кавалерийской дивизии; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галиполиец. В эмиграции в Югославии и Франции. Умер 12—13 апреля 1966 г. в Париже.

³¹⁰ **Хвостиков Георгий (Юрий) Николаевич**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1907). Ротмистр 10-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в мае—июле 1919 г. командир эскадрона своего полка. В Русской Армии в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. Полковник. На 28 декабря 1920 г. во 2-м эскадроне дивизиона в Галиполи.

³¹¹ «Офицер». Легкий бронепоезд ВСЮР и Русской Армии. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 7 августа 1918 г. в Екатеринодаре из трофейных бронеплощадок, оставленных красными на левом берегу Кубани как 4-й бронированный поезд. С 16 ноября 1918 г. получил наименование «Офицер». В 1919 г. входил в состав 2-го бронепоездного дивизиона. В марте 1920 г. насчитывал 48 офицеров и 67 солдат. Оставлен 13 марта 1920 г. при эвакуации Новороссийска. Возрожден 24 марта 1920 г. в Крыму

на базе боевого состава бронепоезда «Слава Кубани». С 16 апреля 1920 г. входил в состав 2-го бронепоездного дивизиона. Погиб 29 октября 1920 г. у ст. Таганаш в Крыму. Командиры: капитан Б.В. Харьковцев (7 августа — 24 октября 1918 г.), полковник Ионин (24 октября 1918-го — 23 мая 1919 г.), полковник М.И. Лебедев (23 мая 1919-го — октябрь 1920 г.). Врио (старшие офицеры): полковник В.А. Месхи (убит 22 ноября 1918 г.), полковник М.И. Лебедев (22 ноября — 20 декабря 1918 г., 18—21 февраля, май 1919 г.), подполковник Б.Я. Шапов (декабрь 1918 г.), капитан Муромцев (февраль—март 1919 г.), капитан В.П. Магницкий (март 1919 г.), штабс-капитан В. Разумов-Петропавловский (март 1919 г.), штабс-капитан (капитан) Лабович (апрель—август 1919 г., октябрь 1920 г.), штабс-капитан Г.Э. Симот (сентябрь 1919 г., июнь 1920 г.), штабс-капитан Н.Е. Шахаратов (сентябрь 1919 г.), поручик Хмелевский (апрель 1920 г.).

³¹² **Лебедев Михаил Иванович.** Капитан. В Добровольческой армии на бронепоезде «Офицер», с начала декабря 1918 г. врид командира того же бронепоезда. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле—октябре 1919 г. до эвакуации Крыма командир бронепоезда «Офицер» (в сентябре 1920 г. командир бронепоездного дивизиона). Полковник (27 января 1919 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Осенью 1925 г. в составе 6-го арtdивизиона в Болгарии. В эмиграции к 1938 г. во Франции.

³¹³ 1-я Терская казачья дивизия (II). Сформирована во ВСЮР 2 сентября 1919 г. из сведенных в бригады 1-й (I) и 2-й (I) Терских казачьих дивизий. Входила в 3-й Кубанский корпус. Включала 1-й и 2-й Волгские, 1-й и 2-й Горско-Моздокские полки Терского казачьего войска, стрелковый полк и 1-й Терский казачий конно-артиллерийский дивизион (с 29 июля 1919 г.; 1-я конно-горная, 2-я и 3-я конные батареи; полковник Григорович — до октября 1919 г.). Расформирована 6 мая 1920 г. Начальник — генерал-майор Колесников (до 3 декабря 1919 г.). Командиры бригад: полковник С. Земцев (с 22 января 1919 г.), полковник П.Е. Луценко (с 3 ноября 1919 г.).

³¹⁴ **Агоев Владимир Константинович,** р. в 1885 г. в ст. Ново-Осетинской Терской обл. Сын урядника. Окончил реальное училище приюта принца Ольденбургского, Алексеевское военное училище (1906). Полковник, командир полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; состоял по Терскому казачьему войску, с 29 июня 1919 г. генерал-майор, с 22 июля 1919 г. начальник 1-й Терской казачьей дивизии, в Русской Армии начальник 3-й конной и 1-й кавалерийской дивизий. Убит 12 августа 1920 г. в районе Серогоз.

³¹⁵ **Агоев Константин Константинович,** р. 5 апреля 1889 г. в ст. Ново-Осетинской Терской обл. Окончил реальное училище приюта принца Ольденбургского, Николаевское кавалерийское училище (1909), Офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу. Войсковой старшина 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. С ноября 1917 г. в Терской обл., участник Терского восстания: с июня 1918 г. начальник конницы Пятигорской линии, врио командующего линией. С ноября 1918 г. в Добровольческой армии. Полковник, командир 1-го Терского казачьего полка, затем 2-й бригады (ноябрь 1919 г.) и начальник 1-й Терской казачьей дивизии, командир Отдельной бригады, в 1919 г. начальник Терско-Астраханской дивизии. В Русской Армии ко-

мандир Терско-Астраханской казачьей бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 4 мая 1920 г.). Был на о. Лемнос, командир Терско-Астраханского полка. В эмиграции в Болгарии, с 1930 г. в США. С 25 декабря 1952-го по 1970 г. Терский атаман. Умер 21 апреля 1971 г. в Стратфорде, Коннектикут (США).

³¹⁶ **Аметистов Тихон Александрович**, р. в 1884 г. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908), Академию Генштаба (1914). Подполковник Крымского конного полка, и.д. начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии. В Добровольческой армии; с конца 1918 г. начальник разведотдела штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии, с апреля 1919 г. квартирмейстер Крымско-Азовской армии, в июне 1919 г. в штабе 3-го армейского корпуса, в ноябре 1919 г. начальник штаба 1-й Терской казачьей дивизии. Полковник. В эмиграции после 1934 г. во Франции, состоял в объединении Крымского конного полка, секретарь епархиального управления. Умер в 1941 г. в Париже.

³¹⁷ **Фукс Владимир Карлович**, р. в 1874 г. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1895), Академию Генштаба (1908). Полковник. Во ВСЮР с 17 августа 1919 г.; в Русской Армии летом 1920 г. начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии, в 1930-х гг. в Белграде.

³¹⁸ Николаевское кавалерийское училище. Существовало в Императорской армии. Возрождено в Русской Армии в Галлиполи в середине февраля 1921 г. (из существовавшего в Крыму Учебного дивизиона) и находилось в Белой Церкви (Югославия) до 1923 г. Оно произвело 4 выпуска (5 ноября 1922 г., 12 июля и 2 сентября 1923 г. и перед закрытием — выпуск эстандарт-юнкеров, произведенных в корнеты, 7 марта 1924 г.) — всего 357 человек. Начальник — генерал-лейтенант А.В. Говоров, инспектор классов — генерал-майор А.И. Линицкий.

³¹⁹ **Шукевич Николай Людвигович**, р. в 1886 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1906), Академию Генштаба (ускоренный курс). Офицер 16-го уланского полка, преподаватель Александровского военного училища. В Вооруженных силах Юга России; в апреле 1919 г. начальник штаба Сводно-гвардейского кавалерийского полка, в июле 1919 г. — начальник штаба 2-го сводно-гвардейского кавалерийского полка, со 2 августа 1919 г. старший адъютант штаба 2-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма, организатор Николаевского кавалерийского училища в Крыму. Полковник. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Умер 9 октября 1971 г. в Монфермее (Франция).

³²⁰ **Прохоров Сергей Дмитриевич**, р. в 1870 г. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1888). Офицер 10-го гусарского полка. Генерал-майор, начальник штаба 1-й, 4-й, 7-й, 8-й, 9-й кавалерийских дивизий, командир 10-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 22 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 11 ноября 1919 г. начальник ускоренного курса для подготовки офицеров кавалерии в Елисаветграде. В Русской Армии начальник Учебного кавалерийского дивизиона до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в составе дивизиона в Галли-

поли, затем начальник Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославии. Генерал-лейтенант. Умер 24 марта 1953 г. в Дорнштадте (Германия).

³²¹ **Линицкий Александр Иванович**, р. в 1871 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1894), академию Генштаба. Офицер 3-го драгунского полка, начальник штаба 4-й и 3-й кавалерийских дивизий. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 августа 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 21 октября 1919 г. член комиссии по рассмотрению положений о прохождении службы и устройству войск. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос на корабле «Брауенфелз». 16 октября 1920 г. выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон». Галлиполиец, с 1921 г. инспектор классов Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Общества Галлиполийцев в Крагуеваце.

³²² **Петельциц Михаил Петрович**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1910), Академию Генштаба. Офицер 5-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в штабе 2-й кавалерийской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец, с 1921 г. преподаватель Николаевского кавалерийского училища.

³²³ **Шульгин Александр**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Офицер 11-го уланского полка. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Ротмистр (причислен к Генштабу). Галлиполиец, с 1921 г. преподаватель Николаевского кавалерийского училища.

³²⁴ **Куторга Георгий Александрович**. Из дворян. Кадет Орловского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон». В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Крымский кадетский корпус (1922), Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви (1924). Корнет 17-го гусарского полка. В эмиграции к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 12 октября 1975 г. в Сан-Франциско (США).

³²⁵ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 98. Июль 1969.

³²⁶ **Ростовцев Михаил Яковлевич**. Поручик 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с начала декабря 1917 г., в январе 1918 г. в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в дивизионе 17-го гусарского полка в 1-м конном, Сводно-гусарском и снова 1-м конном полках, к 1 апреля 1919 г. командир 2-го эскадрона дивизиона своего полка в 1-м конном полку. Ротмистр. Убит 19 июля 1919 г. под д. Жеребец.

³²⁷ **Романовский Сергей Сергеевич**. Корнет (поручик) 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с начала декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода рядовым в 1-м конном полку, затем в 1-м Черкесском конном полку, с августа 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка в 1-м конном полку, в Сводно-гусарском полку и опять в 1-м конном полку, с 20 августа 1919 г. штабс-ротмистр. Ротмистр (30 сентября

1919 г.). Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне своего полка в 3-м кавалерийском полку. Погиб при эвакуации Крыма 3 ноября 1920 г. в Черном море на миноносце «Живой».

³²⁸ **Зборомирский.** Поручик 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с начала декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; к 1 апреля 1919 г. в дивизионе своего полка в 1-м конном полку, Сводно-гусарском полку и 1-м конном полку. В Русской Армии в эскадроне своего полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен. Галлиполиец. Штабс-ротмистр. В эмиграции.

³²⁹ **Языков.** Поручик 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, рядовой в 1-м конном полку. Во ВСЮР с марта 1919 г. в дивизионе 17-го гусарского полка в 1-м конном полку, Сводно-гусарском и снова в 1-м конном полку. Штабс-ротмистр. Убит в 1919—1920 гг.

³³⁰ **Чиж Евгений Сергеевич.** Корнет 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с начала декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; к 1 апреля 1919 г. в дивизионе своего полка в 1-м конном полку, затем в том же эскадроне в Сводно-гусарском и опять в 1-м конном полку. Ранен. Погиб при эвакуации Крыма 3 ноября 1920 г. в Черном море на миноносце «Живой».

³³¹ **Эйхгольц.** Корнет 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с начала декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, рядовой в 1-м конном полку. Во ВСЮР к 1 апреля 1919 г. в дивизионе 17-го гусарского полка в том же полку, затем в Сводно-гусарском полку, затем снова в 1-м конном полку. Ранен.

³³² **Лозовский Стефан.** Корнет 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с начала декабря 1917 г., в январе 1918 г. рядовой в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во 2-й роте Корниловского полка, затем в дивизионе 17-го гусарского полка в 1-м конном полку, Сводно-гусарском полку и вновь в 1-м конном полку. Убит в 1918—1920 г.

³³³ **Сабуров Василий Васильевич.** Офицер с 1903 г. Полковник 17-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1918 г. в 1-м конном полку, осенью 1918 г. старший офицер того же полка, затем в Сводно-гусарском полку и снова в 1-м конном полку, с 7 апреля 1919 г., в сентябре—октябре 1919 г. командир 1-го конного полка. В Русской Армии с июня 1920 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии. Погиб при эвакуации Крыма 3 ноября 1920 г. в Черном море на миноносце «Живой».

³³⁴ **Князь Долгоруков Александр Николаевич,** р. 27 декабря 1872 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Московской губ. Окончил Пажеский корпус (1893), Академию Генштаба. Офицер Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. Летом 1918 г. член антисоветской организации в Петрограде. С октября 1918 г. в гетманской армии, с 26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины. С декабря 1918 г. в Германии, затем

в Северо-Западной армии; с августа 1919 г. начальник 4-й дивизии В эмиграции во Франции (Париж) Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Затем в Марокко, с 1938 г. начальник отдела РОВС в Марокко. Умер 17 января 1948 г. в Рабате (Марокко).

³³⁵ **Гаевский Борис**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Ротмистр. Участник похода Яссы — Дон В Добровольческой армии и ВСЮР; командир конного дивизиона, затем во 2-м конном полку, с 5 июня 1919 г. врид командира того же полка, с 1 августа (25 октября) 1919 г. командир Сводно-гусарского полка. Полковник (с 14 мая 1919 г.).

³³⁶ **Скуридин Алексей Сергеевич**. Ротмистр 17-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. в дивизионе 17-го гусарского полка в Сводно-гусарском и 1-м конном полках. Ранен в октябре 1919 г., возвратился в строй. В Русской Армии до эвакуации Крыма. После эвакуации — в штабе Главнокомандующего в Константинополе. Подполковник В эмиграции в Эфиопии. Умер в 1964 г. в Аддис-Абебе.

³³⁷ 3-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III). Включал эскадроны 2-го Псковского и 12-го Стародубовского драгунских, 12-го Белгородского, 16-го Новоархангельского (с 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (с 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (до 8 августа 1920 г.), 7-го Белорусского, 11-го Изюмского, 12-го Ахтырского и 17-го Черниговского гусарских полков.

³³⁸ 11-й гусарский Изюмский полк. 3 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Возрожден во ВСЮР Изюмские гусары одно время состояли в 1-м конном полку, с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-гусарского полка, где в июле 1919 г. были представлены 3 эскадронами (в октябре 1919 г. Изюмский дивизион отдельно состоял при 1-й кавалерийской дивизии (I). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк. В эмиграции полковое объединение издавало машинописный журнал «Жизнь Изюмских гусар» (по декабрь 1965 г. — 70 номеров; редактор — ротмистр К.Н. фон Розеншильд-Паулин)

³³⁹ **Ковалевский Александр** Штабс-ротмистр 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 апреля 1919 г. в дивизионе своего полка в 1-м конном полку, в Русской Армии в эскадроне своего полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в мае 1920 г. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Ротмистр. В эмиграции.

³⁴⁰ **Нестеренко Александр Михайлович**, р 9 мая 1888 г. в Орле. Окончил Орловский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1907). Офицер 12-го драгунского полка. Подполковник 17-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Осенью 1918 г. в русских добровольческих частях в Киеве. В Вооруженных силах Юга России с весны 1919 г. (через Одессу и Принцевы острова). В Русской Армии с июня 1920 г. командир эскадрона 17-го гусарского полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Полковник. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже. Служил

в Русском Корпусе на офицерской должности. Умер от отравления газом 28 марта 1952 г (1951 г.) в провинции Кордоба (Аргентина) в руднике.

³⁴¹ **Субботин Александр Иванович**, р. в 1877 г. В службе с 1896 г., офицером с 1898 г. Полковник 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с начала 1920 г. командир дивизиона своего полка в 1-м Сводно-кавалерийском полку. В Русской Армии до лета 1920 г. командир эскадрона 17-го гусарского полка в 3-м кавалерийском полку. Ранен в июне 1920 г. у с. Аул-Белицкий.

³⁴² «Живой». Эскадренный миноносец. Один из первых кораблей белого Черноморского флота. В апреле 1919 г. выведен из Севастополя с командой из 10 морских и 10 сухопутных офицеров, а также студентов и гимназистов. Входил в состав 2-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. При эвакуации Крыма погиб во время шторма, имея на борту 250 чинов Донского офицерского резерва. Командиры: капитан 2-го ранга А.Д. Кисловский, М.А. Лазарев, лейтенант Нифонтов (октябрь 1920 г.).

³⁴³ **Добровольский Алексей**. Поручик 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем командир ординарческого эскадрона штаба Главкомандующего ВСЮР, с 14 марта 1919 г. штабс-ротмистр. В Донской армии; с 1919 г. командир 49-го Донского казачьего полка и осенью 1919 г. Донской казачьей бригады В Русской Армии в эскадроне своего полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. После эвакуации — в госпитале в Константинополе. Галлиполиец. С 1921 г. служил в пограничной страже в Югославии. Убит в споре с сербским офицером 17 февраля 1922 г. в Дьяковице (Югославия).

³⁴⁴ **Кауфман-Туркестанский Алексей Михайлович**, р. 15 ноября 1861 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын генерала от инфантерии. Окончил Пажеский корпус (1881). Офицер Кавалергардского полка, командир л.-гв. Гродненского гусарского полка. Генерал-лейтенант, начальник Оренбургской казачьей дивизии. Генерал от кавалерии в отставке. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России в распоряжении Главкомандующего. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». В эмиграции организатор и председатель Гвардейского объединения и объединения л.-гв. Гродненского гусарского полка, член Главного комитета Союза инвалидов, председатель Союза георгиевских кавалеров, председатель Союза пажей. Умер 25 июля 1934 г.

³⁴⁵ **Хакольский Иосиф Иванович**, р. в 1882 г. Окончил Тверское кавалерийское училище. Полковник 17-го гусарского полка Во ВСЮР и Русской Армии в резерве чинов до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции с 1921 г. в Белграде, и. д., с 1930 г. председатель полкового объединения (Объединение взаимопомощи Черниговских гусар) в Югославии. Убит весной 1944 г. в Белграде при бомбардировке.

³⁴⁶ **Клейн Андрей Иванович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1911). Ротмистр 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале сентября 1919 г. в Особом конном отряде Екатери-

нославской бригады Государственной стражи. Полковник. В эмиграции в США, после 1945 г. председатель полкового объединения. Умер 16 февраля 1960 г. в Нью-Йорке.

³⁴⁷ **Данилов Дмитрий Васильевич.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1910). Офицер 14-го драгунского полка. Ротмистр 17-го гусарского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне своего полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. В эмиграции в 1950-х гг. председатель полкового объединения.

³⁴⁸ **Турчанинов Георгий Александрович.** Корнет 17-го гусарского полка. Осенью 1918 г. в русских добровольческих частях в Киеве. В Вооруженных силах Юга России с января 1919 г.; к 1 апреля 1919 г. в дивизионе своего полка в 1-м конном полку, в мае командир 1-го эскадрона. Поручик, ранен и контужен 15 октября 1919 г. В Русской Армии в эскадроне своего полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. В эмиграции с 1920-х гг. в Эфиопии, инженер-агроном, в 1960-х гг. председатель полкового объединения. Ротмистр. Умер 28 января 1977 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия).

³⁴⁹ **Рубцов Иван Иванович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Ротмистр 1-го уланского полка. В августе 1918 г. в гетманской армии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с осени 1918 г. в Одессе (прибыл из Киева), в июне 1919 г. командир эскадрона в Сводно-драгунском полку, летом 1919 г. командир эскадрона в дивизионе 1-го уланского полка. В Русской Армии с апреля 1920 г. командир дивизиона 1-го уланского полка в 7-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Полковник (с сентября 1920 г.; одновременно с чином подполковника). Галлиполиец, командир эскадрона в 4-м кавалерийском полку. В эмиграции в США, в 1951 г. председатель Общества Галлиполийцев в Калифорнии.

³⁵⁰ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 6—7. Апрель—июнь 1972.

³⁵¹ 1-й уланский Петроградский полк. Возрожден в Добровольческой армии. 4 офицеров полка, встретившись в августе 1918 г. в Киеве, решили отправиться в Добровольческую армию, где был возрожден полк и куда стеклись рассеянные по другим частям офицеры. С июня 1919 г. дивизион полка (2 эскадрона) формировался в Севастополе в составе Сводно-драгунского полка. В августе 1919 г. после освобождения Одессы развернулся там в собственный полк (4 эскадрона). В январе—апреле 1920 г. в составе отдельной бригады генерала Сахно-Устимовича конного отряда генерала Морозова защищал Перекопский перешеек. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка (3 эскадрона) входил в 7-й кавалерийский полк. За время войны в полк были приняты 7 офицеров кавалерии и 5 пехоты. В Галлиполи прибыло около 90 человек, в т. ч. 8 офицеров. Кроме того, 2 офицера полка были расстреляны в Киеве в январе 1918 г. (всего расстреляно более 10 офицеров полка), 1 воевал с 1918 г. в Кубанских частях, 4 — в армии адмирала Колчака. Командиры: полковник Н.С. Папчинский (июнь—август 1919 г.), полковник К.К. Розеншильд-Паулин (август 1919 г.), полковник Г.М. Лермонтов (август

1919-го — 16 апреля 1920 г.), ротмистр (полковник) И.И. Рубцов (август 1919 г. врид, 16 апреля—ноябрь 1920 г.).

³⁵² Речь идет о подполковнике Владимире Васильевиче Соколове.

³⁵³ **Ошанин**. Ротмистр 1-го уланского полка. В белых войсках Восточного фронта; на 9 мая 1919 г. и в январе 1920 г. командир Симбирского уланского полка 1-й кавалерийской дивизии. Полковник. В эмиграции в Китае (в Харбине), перешел в советское подданство и служил на КВЖД, после 1929 г. вернулся в СССР, но снова бежал в Китай. Умер в Харбине.

³⁵⁴ **Аргольд Готфрид Эрнестович** (1-й). Штабс-ротмистр 1-го уланского полка. В белых войсках Восточного фронта. Полковник. В эмиграции в Китае, владелец школы верховой езды.

³⁵⁵ **Аргольд Валентин Эрнестович** (2-й), р. 8 мая 1890 г. в Петрограде. Корнет 1-го уланского полка. В белых войсках Восточного фронта в конных частях в Сибирской армии; в 1920 г. окончил академию Генштаба, начальник штаба Азиатской конной дивизии. Штабс-капитан. В эмиграции в Китае, к 1941 г. в Шанхае. После 1949 г. — в США. Член Общества Ветеранов. Ротмистр. Умер 21 февраля 1969 г. в Сан-Франциско (США).

³⁵⁶ **Папчинский Николай Сергеевич**. Полковник 1-го уланского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918 г. в Одессе (прибыл из Киева); с лета 1919 г. командир дивизиона 1-го уланского полка, с сентября 1919 г. в Офицерском резерве, с ноября 1919 г. командир Сводно-драгунского полка в Войсках Новороссийской области. В эмиграции в Югославии. Умер в 1955 г. в Белой Церкви (Югославия).

³⁵⁷ **Марков Николай Сергеевич** (1-й). Поручик 1-го уланского полка. В Добровольческой армии осенью 1918 г. в Одессе (прибыл из Киева). Во ВСЮР и Русской Армии в дивизионе своего полка (в июне 1920 г. штабс-ротмистр) до эвакуации Крыма. Ротмистр. В эмиграции в Чехословакии. Умер 26 марта 1967 г. в Праге.

³⁵⁸ **Бермонт Павел Рафаилович** (князь Авалов Павел Михайлович), р. 17 марта 1884 г. Сын капельмейстера Сибирского стрелкового полка. Произведен в офицеры за боевое отличие. Штабс-ротмистр. Георгиевский кавалер. В августе 1918 г. начальник контрразведки Южной армии в Киеве; летом 1918 г. начальник вербовочного пункта той же армии на Украине, осенью 1918 г. начальник добровольческого отряда на Украине, с февраля 1919 г. формировал «Партизанский конно-пулеметной отряд» в Германии, затем командующий Западной Добровольческой армией в Прибалтике. Генерал-майор. После неудачного наступления на Ригу отошел в Германию. В эмиграции в Германии, в Югославии, с 1944 г. в США. Умер 27 декабря 1973 г. в Нью-Пальце (США).

³⁵⁹ **Иванов Николай Иудович**, р. 22 июля 1851 г. Сын солдата сверхсрочной службы. Окончил 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1869). Офицер л.-гв. 3-й и л.-гв. 2-й артиллерийских бригад. Генерал от артиллерии, до марта 1916 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, затем состоял при Ставке, в начале 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа. Георгиевский кавалер. С 1917 г. жил в Новочеркасске. С 11 октября 1918 г. по 29 января

1919 г. командующий Южной армией. Умер от тифа 29 января 1919 г. в Одессе.

³⁶⁰ **Гершельман Василий Сергеевич.** Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Организатор и командир (18 декабря 1917-го — 26 марта 1918 г.) 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в резерве чинов, с августа 1918 г. командир Запасного кавалерийского полка. В конце 1918 г. прислан в Крым для формирования Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, командир того же дивизиона. Убит 20 февраля (6 марта) 1919 г. в Аскания-Нова.

³⁶¹ **Корвин-Круковский Алексей Владимирович,** р. 23 сентября 1872 г. Из дворян Нижегородской губ. Окончил Нижегородский дворянский институт (1890), Казанское пехотное юнкерское училище (1894), Офицерскую стрелковую школу (1913). Полковник, командир 6-го Финляндского стрелкового полка. В июле 1917 г. начальник карательного отряда в Царицыне. В Добровольческой армии с декабря 1917 г.; с января 1918 г. глава офицерской организации в Царицыне, с января 1918 г. комендант штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза армии. С февраля до 2 сентября 1918 г. комендант штаба армии, затем комендант главной квартиры Главнокомандующего, с 5 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с ноября 1918 г. командующий добровольческими частями в Крыму, с 19 ноября 1918 г. начальник гарнизона Симферополя и начальник Крымской (с января 1919 г. 4-й) пехотной дивизии, с 13 июля 1919 г. член военно-полевого суда над генералом Марксом. С 28 мая 1919 г. в резерве чинов при штабе ВСЮР, в декабре 1919-го — феврале 1920 г. военный комендант Новороссийска. В Русской Армии начальник 4-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии, один из организаторов Союза Инвалидов, создатель Союза русских эмигрантов и объединения Казанского военного училища, начальник военной коллегии Лиги русских офицеров и солдат запаса. Генерал-лейтенант. Умер в 1943 г. в Белграде.

³⁶² **Сводно-драгунский полк.** Создан во ВСЮР. В апреле 1919 г. насчитывал 74 офицера и 841 солдата. 19 июня 1919 г. сформирован из дивизиона Крымского конного полка и кадра бывших 3-го Новороссийского и 15-го Переяславского драгунских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (1). В июне 1919 г. при нем формировался также дивизион 1-го уланского Петроградского полка. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 3-го Новороссийского, 15-го Переяславского драгунских и Крымского конного полков (свыше 850 человек). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 350 сабель и 3 пулемета. 20 сентября в него влиты: Отдельный конный дивизион ротмистра Двойченко (7-й — 9-й эскадроны) и эскадрон 7-го уланского Ольвиопольского полка (10-й эскадрон). В сентябрь—октябре 1919 г. входил в состав отряда генерала Розеншильда-Паулина войск Новороссийской области. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (1), действующей против банд Махно. Командиры: полковник Д.И. Туган-Мирза-Барановский (до 10 августа 1919 г.), полковник Г.М. Лермонтов (сентябрь—октябрь 1919 г.).

³⁶³ **Туган-Мирза-Барановский Давид Иванович.** Сын генерал-майора. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1902), Академию Генштаба. Полковник л.-гв. Конной артиллерии, начальник штаба Гвардейской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. командир дивизиона Крымского конного полка, до 10 августа 1919 г. командир Сводно-драгунского полка, с октября 1919 г. начальник Днестровского отряда войск Новороссийской обл. В Русской Армии с мая 1920 г. командир 2-го Туземного конного полка, с июля 1920 г. начальник штаба инспектора конницы до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. С 1921 г. начальник штаба Кубанского корпуса. Генерал-майор. В эмиграции после 1934 г. во Франции, к 1938 г. в Варшаве, председатель отдела объединения л.-гв. Конной артиллерии. Умер в 1943 г. в Польше.

³⁶⁴ **Меньшиков Николай Иванович,** р. около 1893 г. Штабс-ротмистр 1-го уланского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. командир эскадрона в дивизионе 1-го уланского полка. Ротмистр (с сентября 1920 г.). Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-Паша». В эмиграции в 1959—1964 гг. член правления Союза Императорской конницы и конной артиллерии в Аргентине. Умер 3 мая 1980 г.

³⁶⁵ **Пеленкин Глеб Викторович.** Штабс-ротмистр 2-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; с лета 1919 г. в дивизионе 1-го уланского полка, с 5 ноября 1919 г. в штабе войск Новороссийской области. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 4 июня 1937 г. в Париже.

³⁶⁶ **Васильевский Анатолий Николаевич.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1917). Корнет. В Добровольческой армии и ВСЮР; в феврале—марте 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе полковника Гершельмана, затем в Сводно-кавалерийском полку, с лета 1919 г. в дивизионе 1-го уланского полка, в июне 1920 г. поручик. Штабс-ротмистр (с сентября 1920 г.). В эмиграции в США. Умер 3 мая 1968 г. в штате Коннектикут.

³⁶⁷ **Кеденко Георгий Андреевич.** Поручик 1-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с августа 1919 г. в дивизионе 1-го уланского полка, летом 1920 г. штабс-ротмистр в 7-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ротмистр (с сентября 1920 г.). Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции.

³⁶⁸ **Келеповский Алексей Дмитриевич,** р. в 1894 г. Окончил Одесский кадетский корпус (1911), Николаевское кавалерийское училище (1913). Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1919 г. командир эскадрона в дивизионе 1-го уланского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции. Полковник. Умер после 1938 г.

³⁶⁹ **Карклин Василий Павлович.** Капитан. В Вооруженных силах Юга России; в августе 1919 г. командир бронепоезда у Одессы. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции протодиакон. Умер 11 апреля 1969 г. в Аргентине.

³⁷⁰ **Фон Розеншильд-Паулин Анатолий Николаевич**, р. 10 декабря 1860 г. Окончил Полоцкую военную гимназию, Павловское военное училище (1879), Академию Генштаба (1887). Офицер л.-гв. 4-го стрелкового батальона. Генерал-лейтенант, начальник 29-й пехотной дивизии (с 1915 г. в плену). Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России с августа 1919 г. из подполья в Одессе; сформировал батальона из членов своей организации, с которым участвовал в освобождении города от большевиков, с 10 августа 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области, с 8 октября 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области, с 1 ноября 1919 г. в штабе войск Новороссийской области, начальник Днепровского отряда, затем группы войск Киевской области, на 25 марта 1920 г. в Феодосии. В эмиграции в Югославии. Умер 22 ноября 1929 г. в Новом Саду (Югославия).

³⁷¹ **Жуковский Николай Архипович**. Поручик 1-го уланского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с осени 1919 г. в эскадроне 1-го уланского полка, в апреле 1920 г. штабс-ротмистр, начальник хозяйственной части дивизиона 1-го уланского полка. В эмиграции во Франции. Ротмистр. Умер 1 мая 1972 г. в Париже.

³⁷² **Смирнский Петр Николаевич**. Штабс-ротмистр 1-го драгунского полка. С 1919 г. член военной организации «Национального центра». Во ВСЮР и Русской Армии; с осени 1919 г. в эскадроне 1-го уланского полка. Убит в начале июня 1920 г. у д. Христовки.

³⁷³ Лейб-гвардии Атаманский полк. Возрожден в Донской армии. Офицерами полка в мае 1918 г. был укомплектован состав 2-го полка Молодой армии, который вскоре получил прежнее наименование и старый штандарт. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии (I и II). Командир — генерал-майор М.Г. Хрипунов. Полковое объединение в эмиграции — «Общество Атаманцев» (Париж). Почетные председатели: Вел.Кн. Борис Владимирович, генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов; почетные вице-председатели: генерал П.Н. Краснов и генерал-майор Т.В. Михайлов; председатель и командир кадра — полковник К.М. Греков, генерал-майор Т.В. Михайлов; вице-председатели: генерал Черевков, генерал-майор М.Г. Хрипунов (командир дивизиона), генерал-майор Б.М. Матвеев; заместитель командира дивизиона, секретарь — полковник В.М. Миронов, казначей и комендант Атаманского Дома — полковник Г.А. Иванов, представитель в Югославии — войсковой старшина А.А. Воинов., заведующий музеем — полковник Л.В. Васильев, секретарь и хранитель музея (в Иври) — подъесаул Н.Н. Туроверов; казначей — полковник А.В. Михайлов. В 1931—1938 гг. издавало в Париже ежегодный журнал «Вестник Общества Атаманцев». На 1951 г. насчитывало 31 человек.

³⁷⁴ **Устимович Юрий Константинович** (Сахно-Устимович), р. в 1873 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1894). Офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка, командир 8-го гусарского полка. Генерал-майор, командир бригад 2-й и 8-й кавалерийских дивизий. В Вооруженных силах Юга России; с 9 сентября 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области, с января 1920 г. командир Отдельной кавалерийской бригады при обороне Крыма, на 25 марта 1920 г. в Джанкое. В эмиграции общественный деятель, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в 1969 г.

³⁷⁵ 52-й пехотный Виленский полк. Возрожден во ВСЮР. Офицерский кадр полка (стоявшего до войны в Крыму) формировался с конца 1918 г. в Симферополе в составе Сводного полка 13-й пехотной дивизии (в сентябре—октябре 1919 г. его кадр входил в состав 2-го Сводного полка этой дивизии). При разворачивании из этого полка 13-й пехотной дивизии стал самостоятельным полком. 16 апреля 1920 г. с вливанием в него остатков 1-го и 2-го Алексеевских полков получил наименование Виленский генерала Алексеева пехотный полк. На 1 августа 1920 г. насчитывал 92 солдата при 4 пулеметах.

³⁷⁶ **Файвишевич Петр Борисович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1910). Ротмистр 1-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России в ординарческом эскадроне, с марта 1920 г. в эскадроне 1-го уланского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе.

³⁷⁷ **Скальский Владимир Евгеньевич**, р. в 1891 г. Штабс-ротмистр 1-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1920 г. в эскадроне 1-го уланского полка. В эмиграции. Умер в 1970 г.

³⁷⁸ **Гарнич-Гарницкий**. Штабс-ротмистр 1-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России вне полка, с февраля 1920 г. в эскадроне 1-го уланского полка, В Русской Армии летом 1920 г. командир дивизиона в 7-м кавалерийском полку, с октября 1920 г. командир эскадрона. Ротмистр. Эвакуирован на корабле «Решид-паша».

³⁷⁹ **Писарев Петр Константинович**, р. 17 декабря 1874 г. на Дону. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Иловлинской. Окончил Атаманское техническое училище, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с января 1918 г. в партизанском отряде полковника Краснянского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона и помощник командира Партизанского полка, с июня 1918 г. командир Партизанского (затем Алексеевского) полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с 15 декабря 1918 г. командир бригады 2-й дивизии, с 19 января 1919 г. командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской армии, с 10 апреля 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, с 27 июня 1919 г. начальник 6-й пехотной дивизии, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса и начальник гарнизона Царицына, с 9 сентября начальник Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. Прибыл в Крым во главе остатков Донских и Кубанских казачьих частей, избежавших капитуляции на Кавказском побережье. С начала апреля 1920 г. комендант крепости и градоначальник Севастополя, с 24 апреля 1920 г. командир Сводного корпуса, с 7 июля 1920 г. — конного корпуса, с 1 августа 1920 г. — 1-го армейского корпуса Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с августа 1919 г.). В эмиграции в Греции, в 1920—1921 гг. представитель Донского атамана, с 1921 г. в Югославии, затем во Франции, с 1937 г. председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шель (Франция).

³⁸⁰ **Абрамов Федор Федорович**, р. 23 декабря 1870 г. Из дворян Области Войска Донского (казак ст. Митякинской). Окончил Полтавский кадетс-

кий корпус, Александровское военное училище (не окончил), Николаевское инженерное училище (1891), Академию Генштаба (1898). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с января 1918 г., до 11 февраля 1918 г. командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с 10 мая 1918 г. начальник 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919-го по 24 марта 1920 г. инспектор кавалерии Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 г. командир Донского корпуса, с 10 октября 1920 г. — командующий 2-й армией Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 26 августа 1918 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 декабря 1920 г. — командир Донского корпуса и помощник Главнокомандующего. В эмиграции с 8 сентября 1921 г. в Болгарии (11 октября 1922 г. — 1924 г. в Югославии), с 1 сентября 1924-го по 22 сентября 1937 г. начальник 3-го отдела РОВС, с января 1930 г. помощник председателя РОВС, с 22 сентября 1937 г. по 23 марта 1938 г. начальник РОВС. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 г. в Германии, с 1948 г. в США. На ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. Умер 8 марта 1963 г. в Лейквуде (США).

³⁸¹ **Клочков Иван Васильевич**. Полковник. В Донской армии; врид командира 2-й сводной Донской конной бригады, командир бригады 2-го Донского корпуса. В Русской Армии с августа 1920 г. командир 2-й бригады 2-й Донской конной дивизии. Тяжело ранен. Генерал-майор (29 марта 1920 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца 1 сентября 1921 г. В эмиграции в Болгарии, агент «Союза возвращенцев». Вернулся в СССР.

³⁸² **Витковский Владимир Константинович**, р. 21 апреля 1885 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полковника Дроздовского, летом 1918 г. командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), с 24 июня 1918 г. командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии, с 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии с 2 августа 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920 г.). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель генерала Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества Галлиполийцев в Ницце (Франция), на ноябрь 1951 г. представитель объединения л.-гв. Кексгольмского полка в США, в 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18—19 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

³⁸³ **Тухшерер Владимир**. Прапорщик запаса. Штабс-ротмистр 18-го гусарского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с июля 1920 г. в дивизионе 1-го

уланского полка (позже переведен в полк), в 7-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец.

³⁸⁴ **Гусельщиков Адриан Константинович**, р. 26 мая 1871 г. в ст. Гундоровской. Из дворян Области Войска Донского, сын офицера. Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1900), офицером с 1901 г. Войсковой старшина, помощник командира 52-го Донского казачьего полка. В Донской армии; руководитель восстания в ст. Гундоровской. С 4 апреля 1918 г. начальник обороны Гундоровско-Митякинского района, с 26 мая 1918 г. командир сформированного им Гундоровского полка, командующий войсками Хоперского округа и района, с 1918 г. полковник, с 1 октября 1918 г. генерал-майор, начальник Северного отряда, затем в феврале 1919 г. 6-й Донской дивизии, с весны 1919 г. начальник 8-й Донской конной дивизии, осенью 1919 г. командир 2-го Донского корпуса, с 22 ноября 1919 г. командир 3-го Донского корпуса, с декабря 1919 г. командир 4-го Донского корпуса, в феврале 1920 г. командир 3-го Донского корпуса, с марта 1920 г. начальник 3-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с февраля 1919 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос: с декабря 1920 г. начальник 2-й Донской казачьей дивизии. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, затем во Франции. Умер 21 февраля 1936 г. в Виши (Франция).

³⁸⁵ **Марков Василий Сергеевич (2-й)**. Поручик 1-го уланского полка. В августе 1918 г. прибыл из Киева в Южную армию, где прикомандирован к 1-му конному полку, через месяц перешел в Донскую армию (в 4-м Донском казачьем полку), с августа 1919 г. в дивизионе 1-го уланского полка в Одессе, с июня 1920 г. штабс-ротмистр. Ротмистр (с сентября 1920 г.). Галлиполиец. Подполковник. В эмиграции в Чехословакии, майор чехословацкой армии. Умер после 1972 г.

³⁸⁶ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 9. Октябрь 1972.

³⁸⁷ **Потапов Анатолий Иванович**. Окончил Александровское военное училище (1910). Офицер 175-го пехотного полка. Ротмистр 1-го уланского полка. В сентябре 1918 г. в Донской армии. Полковник. В эмиграции с 1921 г. (По ошибочным данным, в сентябре—октябре 1918 г. погиб по пути в Киев от банд Григорьева.)

³⁸⁸ **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала, казак ст. Каргинской Области Войска Донского. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерскую кавалерийскую школу. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. С 25 октября 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Зимой 1917/18 г. скрывался в с. Константиновская. С 3 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г. войсковой атаман ВВД, генерал от кавалерии (26 августа 1918 г.). В Северо-Западной армии с 22 июля 1919 г.; до 9 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, затем начальник отдела пропаганды, в январе 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, с марта 1920 г. под Мюнхеном, к ноябрю 1920 г. в Берлине, с 22 нояб-

ря 1921 г. в Сантени (Франция), с апреля 1936 г. в Далевице, под Берлином. На декабрь 1924 г. почетный вице-председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. С 31 марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Казнен в Москве 17 января 1947 г.

³⁸⁹ **Афанасьев Сергей Иванович.** Окончил 5-ю Одесскую гимназию. В Вооруженных силах Юга России; в сентябре—октябре 1919 г. в дивизионе 1-го уланского полка. Младший унтер-офицер. Во ВСЮР и Русской Армии. Награжден Георг. крестом 4-й ст. Поручик. В эмиграции; во время Второй мировой войны адъютант генерала Туркула. После 1945 г. в США. Умер 6 апреля 1988 г. в Санта-Барбаре (США).

³⁹⁰ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 27—28. Октябрь—декабрь 1975 г.

³⁹¹ Неточность. Имеется в виду 2-й лейб-драгунский Псковский полк.

³⁹² **Пузицкий Антон Алексеевич,** р. в 1878 г. в Волынской губ. Окончил Офицерскую стрелковую школу, Академию Генштаба. Подполковник 4-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части. С 1918 г. в гетманской армии; полковник, 30 сентября 1918 г. назначен командиром 1-го Серожупанного полка, затем к апрелю 1919 г. в армии УНР, с 1921 г. генерал, начальник 2-й дивизии. В эмиграции в 1921—1923 гг. в Польше. Умер в 1945 г.

³⁹³ Поручик Тимофеев воевал в белых войсках Восточного фронта в Ачинском конно-партизанском отряде. Умер в эмиграции после 1931 г.

³⁹⁴ Впервые опубликовано: Часовой. № 56. Март 1931.

³⁹⁵ 14-й уланский Ямбургский полк. Возрожден во ВСЮР. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (III). Кроме того, в Сибири возродился в виде Ачинского конно-партизанского отряда. Через ряды полка за Великую и Гражданскую войну прошло 85 офицеров. В эмиграции кадр полка находился в Югославии (Скопле) и входил в состав IV отдела РОВС. Командир и председатель объединения — полковник М.Н. Мураховский. На май 1937 г. полковое объединение насчитывало 23 офицера.

³⁹⁶ **Фрейберг Эрик Георгиевич.** Штабс-ротмистр 14-го уланского полка, летчик-наблюдатель, адъютант 5-го истребительного авиаотряда. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. организовал и возглавил Ачинский добровольческий партизанский отряд под Красноярском (впоследствии Ачинский конно-партизанский отряд). С лета—осени 1918 г. командир полка, ротмистр, затем представитель Семенова. Полковник. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. В эмиграции к 1923 г. в Аугсбурге, с 1932 г. начальник канцелярии унтер-офицерских курсов в Ницце. Умер после 1960 г. в Ницце (Франция).

³⁹⁷ **Анненков Борис Владимирович,** р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 г. действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом.

С 28 июля 1918 г. войсковой старшина, с середины 1919 г. на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор. В эмиграции с весны 1920 г. в Китае. В 1925 г. выдан большевикам. Расстрелян 24 августа 1927 г. (25 августа 1926 г.) в Семипалатинске.

³⁹⁸ **Красильников Иван Николаевич**, р. в 1880 г. Есаул. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. начальник отряда, освободившего Иркутск; войсковой старшина. В ноябре 1918 г. командир партизанского отряда в Сибири, участник Омского переворота, с ноября 1918 г. полковник. В сентябре 1919 г. командир партизанской бригады (отдельной Егерской бригады Сибирского казачьего войска), затем начальник Северного фронта против партизан в Енисейской губ. Генерал-майор (с 17 августа 1919 г.).

³⁹⁹ **Семенов Григорий Михайлович** (Семенов-Мерлин), р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. — походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. В 1945 г. захвачен большевиками. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

⁴⁰⁰ **Капель Владимир Оскарович**, р. в 1881 г. в Белеве. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), Академию Генштаба (1913). Генштаба подполковник. Начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. во главе отряда особого назначения («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Капель»), в июне—сентябре 1918 г. полковник, командир Самарского отряда, с 20 августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 ноября 1918 г. командир Сводного корпуса, генерал-майор, с 3 января 1919 г. — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 г. — Волжской группы 3-й армии, с 4 ноября 1919 г. командующий 3-й армией и

Московской группой армий, с 9 декабря 1919 г — главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Награжден орд Св. Георгия 3-й (12 сентября 1919 г) и 4-й (22 июня 1919 г.) ст. Умер 26 января 1920 г. у раз. Урей.

⁴⁰¹ **Белов Петр А.** (Виттекопф Ганс Альфредович). Окончил Академию Генштаба. Старший адъютант штаба 27-го армейского корпуса, 9-й кавалерийской дивизии. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 2-го по 12 июня 1918 г. начальник штаба Омского военного округа, с 13 июня 1918 г. начальник штаба Сибирской армии, с 23 февраля 1919 г. начальник штаба 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, с апреля по 23 мая 1919 г. командующий Южной группой войск Западной армии, с 23 мая по 21 сентября 1919 г. командующий Южной армией, на 14 ноября 1919 г. главный начальник по разгрузке Омска и Сибирской магистрали (магазинов). Генерал-майор (15 августа 1918 г.). В 1921 г. начальник партизанского отряда в Западной Сибири. В эмиграции в Харбине.

⁴⁰² **Пепеляев Анатолий Николаевич**, р. в 1891 г. Сын офицера. Подполковник 42-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. глава офицерской организации в Томске, с 13 июня 1918 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с августа 1918 г. полковник, с 10 сентября 1918 г. генерал-майор, с 25 апреля 1919 г. командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 г. командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 г. командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии Генерал-лейтенант. Взят в плен в 1923 г. Расстрелян большевиками 14 января 1938 г.

⁴⁰³ 1-й Сибирский кадетский корпус. Восстановлен на Восточном фронте. До 30 июля 1919 г. находился в Омске, затем переведен во Владивосток на Русский Остров. Дал выпуски в мае 1919 г., январе 1920 г., мае 1921 г. и в мае 1922 г. Выпуск 1919 г. целиком пошел на комплектование Томского военного училища, 1921-го и 1922 гг. — во Владивостокское (Корниловское) военное училище и на флот. При эвакуации Приморья (за исключением младших кадет и большинства преподавателей) в составе 38 человек персонала и около 180 кадет вывезен в Шанхай, где дал выпуски 1923-го (43 человека) и 1924 гг. (36 человек). В 1924 г. вывезен в Югославию, где влит в 1-й Русский кадетский корпус. В Гражданской войне погибло 47 его кадет и еще 8 — в партизанских отрядах в СССР после ее окончания. В эмиграции Общество Сибиряков-Александровцев в Белграде издавало журнал «Кадет Сибиряк-Александровец» (вышло 2 номера по 16 листов). Директоры: генерал-майор В.Д. Нарбут, генерал-майор Е.В. Руссет

⁴⁰⁴ **Эллерц-Усов Александр Васильевич** Полковник, командир 58-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с января 1918 г. член Иркутской военной организации, с 30 января начальник отряда, с 11 мая командующий подпольным Восточно-Сибирским военным округом. С 17 июля по 25 декабря 1918 г. главный начальник Иркутского военного округа, одновременно с 10 сентября по 18 декабря 1918 г. командир 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 23 июля 1919 г. командир 5-го

Стерлитамакского армейского корпуса Южной армии. Генерал-майор (с 18 сентября 1918 г.).

⁴⁰⁵ Сибирская армия (1918 г.). Формировалась с 26 мая 1918 г. в Ново-николаевске после свержения большевистской власти Временным Сибирским правительством на базе штаба Западно-Сибирского военного округа. С 13 июня 1918 г. — Западно-Сибирская отдельная армия, 27 июня 1918 г. переименована в Сибирскую армию. Штаб ее координировал действия всех белых сил в Сибири и на Дальнем Востоке. К началу июня насчитывала 4 тысячи человек, к 18 июня армия — 6047 человек (в т. ч. 4332 штыка, 1215 сабель и 500 невооруженных), в конце июня — 7,6 тысячи человек при 19 орудиях и 30 пулеметах. К середине июля в армии было 23,4 тысячи человек, к 31 июля — 6970 офицеров и 28 229 добровольцев, к 8 августа — более 40 тысяч человек (в т. ч. около 10 тысяч офицеров, а остальные — добровольцы). К 20 сентября в армию было призвано еще 166 тысяч человек, и она уже больше не напоминала Добровольческую. Боевой состав ее к 1 сентября 1918 г. достиг 60,2 тысячи человек (по другим данным, в сентябре имелось 37,6 тысячи человек, 70 орудий, 184 пулемета), а к 1 октября она насчитывала 10,7 тысячи офицеров при 59,9 тысячи вооруженных и 113,9 тысячи невооруженных солдат.

С 12 июня состояла из Средне-Сибирского и Степного корпусов и Западно-Сибирского отряда. На 26 августа, после реорганизации, армия состояла из 3 (еще Уральский), с 10 сентября — из 5 корпусов, за каждым из которых были закреплены определенные районы Сибири: 1-й Средне-Сибирский (Томская и Алтайская губ.), 2-й Степной (Тобольская губ., Акмолинская и Семипалатинская обл., казачьи земли Алтайской губ.), 3-й Уральский (Пермская губ., Златоустовский уезд Уфимской губ., Челябинский, Троицкий и Верхне-Уральский уезды Оренбургской губ.), 4-й Восточно-Сибирский (Иркутская, Енисейская губ., Забайкальская и Якутская обл.) и 5-й Приамурский (Амурская, Приморская, Камчатская и казачьи земли Забайкальской обл.). 4 октября 1918 г. из кадровых бригад корпусов были сформированы 1-я и 2-я кадровые дивизии (по 4 полка, арtdивизиону и инженерной роте). Вела боевые действия в Сибири, Приуралье и Семиречье. Расформирована 24 декабря 1918 г., штаб ее обращен на формирование штаба Сибирской отдельной армии (нового формирования). Командующие: полковник (генерал-майор) А. Н. Гришин-Алмазов (13 июня — 5 сентября 1918 г.), генерал-майор П. П. Иванов-Ринов (5 сентября — 13 декабря 1918 г.), генерал-майор А. Ф. Матковский (с 15 декабря 1918 г.). Начштаба: полковник П. А. Белов (12 июня — 15 ноября 1918 г.), генерал-майор И. И. Козлов (врид 16 ноября — 30 декабря 1918 г.).

⁴⁰⁶ Читинское атамана Семенова военное училище. Создано на Восточном фронте. Открыто 14 ноября 1918 г. Читинская военная школа, 17 апреля 1919 г. — училище. Второй прием состоялся в мае—июне 1919 г. (200 человек), третий — в январе 1920 г. Первый выпуск был произведен 1 февраля, второй — 11 сентября 1920 г. В апреле насчитывало около 600 юнкеров. В июле эвакуировано на ст. Даурия и 1 октября расформировано, а его личный состав поступил на формирование Сводного при Ставке Главнокоман-

дующего полка (личный конвой атамана Семенова) и оставшиеся в живых 55 человек были произведены 8 сентября 1921 г. — младший курс в подпоручики, общеобразовательный — в прапорщики. Всего училище выпустило 597 офицеров. Начальник — полковник М.М. Лихачев. Помощник — полковник Дмитриев. Инспектор классов — полковник В.И. Хилковский.

⁴⁰⁷ Князь Н.В. Голицын служил в дивизионе 16-го уланского полка во время Гражданской войны. В эмиграции жил во Франции.

⁴⁰⁸ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 44. Ноябрь 1974.

⁴⁰⁹ 16-й уланский Новоархангельский полк. Возрожден во ВСЮР. Новоархангельские уланы с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-уланского полка, где в июле 1919 г. были представлены эскадронам, затем был развернут собственный полк. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й, а с 8 августа 1920 г. — в 3-й кавалерийский полк.

⁴¹⁰ 17-й уланский Новомиргородский полк. 3 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка входил в состав Сводно-уланского полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й, а с 8 августа 1920 г. — в 3-й кавалерийский полк.

⁴¹¹ Сводно-уланский полк. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра уланских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 2 эскадрона 13-го Владимирского и по 1 эскадрону 3-го Смоленского, 15-го Татарского и 16-го Новоархангельского уланских полков, а затем также эскадрон 19-го драгунского Архангелогородского полка (?). На 5 октября 1919 г. насчитывал 310 штыков и 95 сабель при 6 пулеметах. Командир — полковник Г.И. Апрельев.

⁴¹² **Апрелев Георгий (Юрий) Петрович**, р. 1 марта 1889 г. Окончил Пажеский корпус (1908), Академию Генштаба (1913). Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (Генштаба капитан). В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Тяжело ранен; в мае 1918 г. в штабе армии, в июне 1918 г. адъютант генерала Деникина. Ранен во 2-м Кубанском походе 23 июня 1918 г., затем при штабе Добровольческой армии; с 14 ноября 1918 г. в эскадроне своего полка; в 1919-м (июль, сентябрь—октябрь) — марте 1920 г. командир Сводно-уланского полка, с января 1920 г. командир 2-го Сводно-кавалерийского полка. Полковник. Эвакуирован в марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии (на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка), на Дальнем Востоке (к 1932 г. в Шанхае) и во Франции; на ноябрь 1951 г. представитель в Гвардейском объединении от 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Директор кадетского корпуса в Версале. Умер 10 января 1964 г. в Париже.

⁴¹³ Сводно-гусарский полк. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра гусарских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 3 эскадрона 11-го Изюмского, 2 эскадрона 17-го Черниговского и 1 эскадрон лейб-гвардии Гродненского гусарских полков. Последний в январе 1920 г. передан в Сводно-гвар-

дейский кавалерийский полк. Командиры: полковник Нелидов (до 18 июня 1919 г.; умер), полковник Б.А. Гаевский (с 25 октября 1919 г.).

⁴¹⁴ **Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.** Возрожден во ВСЮР. Гродненские гусары с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-гусарского полка, где в июле 1919 г. были представлены эскадронам. С 30 декабря 1919 г. взвод и эскадрон полка входил в Сводную кавалерийскую бригаду, с начала января 1920 г. — в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии (II), а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. составил половину 7-го эскадрона Гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 9 офицеров (3 расстреляно, 3 убито и 3 умерло от болезней). Командир — полковник В.Н. Адрианов (до 13 сентября 1920 г.; убит). Полковое объединение в эмиграции (Париж): председатели: генерал-лейтенант Н.Н. Головин, генерал А.М. Кауфман-Туркестанский, полковник князь М.П. Аргутинский-Долгоруков; секретари: штабс-ротмистр К.С. Гриневич, штабс-ротмистр В.П. фон Дервиз; хранитель музея — штабс-ротмистр И.И. Палеолог; представитель в Югославии — полковник Н.Е. Кривский, в США — штабс-ротмистр князь А.М. Кантакузен. На 1951 г. насчитывало 20 человек.

⁴¹⁵ **Аленич Михаил Евграфович**, р. в 1866 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г. Офицер гвардейского запасного кавалерийского полка, командир 18-го гусарского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Конного полка и 2-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 18 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 25 марта 1919 г. запасный член Особой комиссии, весной 1919 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии, с 30 мая 1919 г. командир 1-й бригады Сводно-горской конной дивизии, с октября 1919 г. командир 2-й бригады, в ноябре—декабре 1919 г. командир 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, в марте 1920 г. командир 2-й бригады Сводно-кавалерийской дивизии. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Спарта» на о. Халки. В эмиграции в Румынии. Умер 19 декабря 1938 г. в Аккермане (Бессарабия).

⁴¹⁶ **Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии.** Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра полков 12-й кавалерийской дивизии Императорской армии, сведенных 13 марта 1919 г. в Сводный дивизион той же дивизии и выделенных из состава 2-го конного полка. Входил в состав 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 12-го драгунского Стародубовского, 12-го уланского Белгородского и 12-го гусарского Ахтырского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 396 штыков и 161 саблю. Командир — полковник Г.Н. Псиол (с 13 марта 1919 г.).

⁴¹⁷ **Кадьян Михаил Петрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1905). Полковник 16-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. командир дивизиона своего полка в Сводно-уланском полку.

⁴¹⁸ **Кирсанов Сергей Дмитриевич**, р. в 1891 г. Окончил Тверское кавалерийское училище (1912). Офицер 6-го уланского полка. Ротмистр 16-го уланского полка. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка в Сводно-уланском

полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США, к 1956 г. член отдела Общества Галлиполийцев в США. Умер 16—17 августа 1963 г. в Нью-Йорке.

⁴¹⁹ **Кублицкий Константин Александрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1905). Ротмистр (с 1915 г.) 16-го уланского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в ноябре 1919 г. сформировал и возглавил 16-й уланский полк. Полковник.

⁴²⁰ **Крамарев Федор Иванович,** р. в 1901 г. Окончил гимназию. Во ВСЮР и Русской Армии доброволец в эскадроне 2-го драгунского полка. Корнет (с лета 1920 г.). В эмиграции в Югославии. Умер 23 декабря 1937 г. во Вршаце (Югославия).

⁴²¹ Впервые опубликовано: Часовой. № 196. Август 1937.

⁴²² **Маркевич Георгий.** Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1920 г. в эскадроне 2-го драгунского полка в 3-м кавалерийском полку. Ротмистр. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца.

⁴²³ **Ерофеев Борис Васильевич.** Из казаков ВВД. Офицер с 1914 г. Штабс-ротмистр 12-го гусарского полка. В Донской армии с 1917 г. в отряде Чернецова. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Во ВСЮР командир эскадрона своего полка, в Русской Армии летом 1920 г. ротмистр в эскадроне 12-го гусарского полка в 3-м кавалерийском полку. Подполковник. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Поэт. Убит 3 сентября 1920 г. на Днепре у с. Марьевка Херсонской губ.

⁴²⁴ 2-й драгунский Псковский полк. Возрожден во ВСЮР. 2 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Затем эскадрон полка входил в состав 1-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк.

⁴²⁵ **Кох Сергей Эдмундович,** р. в Курской губ. В Вооруженных силах Юга России; с сентября 1919 г. в эскадроне 9-го драгунского полка в Сводном полку 9-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован на корабле «Решид-Паша». В эмиграции во Франции. Поручик. Умер после 1984 г. в Париже.

⁴²⁶ Впервые опубликовано: Часовой. № 114—115. Октябрь 1933.

⁴²⁷ **Ревшин Александр Петрович,** р. 11 декабря 1870 г. в Харьковской губ. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус (1889), Николаевское кавалерийское училище (1891), Академию Генштаба (1904). Генерал-майор, командир Крымского конного полка и начальник штаба 9-й кавалерийской дивизии. В декабре 1917 г. начальник «украинизированной» дивизии, летом 1918 г. в гетманской армии; 20 июля 1918 г. назначен начальником административного управления канцелярии военного министерства, 26 октября 1918 г. уволен со службы по прошению, затем начальник 3-й конной дивизии, командующий Особым корпусом в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Во ВСЮР и Русской Армии; с 26 января 1919 г. в резерве чинов при штабе войск Юго-Западного края, затем инспектор формирования чеченских частей, с мая 1919-го по февраль 1920 г. начальник Че-

ченской конной дивизии, в сентябре 1919 г. командир отряда, действующего против банд Махно, на 5 ноября 1919 г. командующий группой войск особого назначения, в декабре 1919-го — начале 1920 г командир Сводно-Чеченского конного полка, в Крыму начальник 3-й конной дивизии. Взят в плен 27 мая 1920 г. в с. Ново-Михайловка.

⁴²⁸ **Фальц Даниил-Георгий Густавович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1912). Ротмистр 9-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в сентябре 1919 г. командир эскадрона своего полка в Сводном полку 9-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии в эскадроне своего полка в 6-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Подполковник. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи Полковник.

⁴²⁹ **Столыпин Аркадий Александрович,** р. 26 сентября 1894 г. в Москве. Окончил 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Пажеский корпус (1915). Поручик 17-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 г.). Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Сербию 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. Тяжело ранен, до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле «Румянцев». Ротмистр. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1944 г. в Австрии, с 1945 г. в Швейцарии. Умер 8 сентября 1990 г. в Монтре (Швейцария).

⁴³⁰ Впервые опубликовано: Русское прошлое. Кн. 3. СПб., 1992

⁴³¹ Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 2 февраля 1919 г. (формирование проходило при Иногородском полку). С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса (II). С 19 июня 1919 г. входил в состав 3-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 16-го Тверского, 17-го Нижегородского и 18-го Северского драгунских полков. В сентябре—октябре 1919 г. сведен в Сводно-Кавказский кавалерийский дивизион. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Командир — полковник А.В. Попов. (май—октябрь 1919 г.).

⁴³² 17-й драгунский Нижегородский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Дивизион полка (в июле 1919 г. — 2 эскадрона) входил в состав Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. дивизион полка входил в Кавказский кавалерийский полк. С начала 1919 г. в нем воевало 26 коренных офицеров полка и 4 прикомандированных. Полковое объединение в эмиграции (входило в РОВС) — «Союз офицеров Нижегородского драгунского полка» (Париж): председатель — полковник князь К.А. Туманов, секретарь — полковник князь Н.С. Трубецкой.

⁴³³ 18-й драгунский Северский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Дивизион полка (в июле 1919 г. — 2 эскадрона) входил в состав Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. дивизион полка входил в Кавказ-

ский кавалерийский полк. С начала 1919 г. в нем воевало 5 коренных офицеров полка и 1 прикомандированный. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение Северских драгун» (Белград, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС). Руководитель — генерал-майор М.А. Кобиев, адъютант — корнет Б.Н. Эрн. Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Туганов. После 1945 г. — в США, на 1967 г. насчитывало 7 человек.

⁴³⁴ 16-й драгунский Тверской полк. Возрожден в Добровольческой армии. Дивизион полка (в июле 1919 г. — 2 эскадрона) входил в состав Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. дивизион полка входил в Кавказский кавалерийский полк. С начала 1919 г. в нем воевало 10 коренных офицеров полка и 2 прикомандированных. Полковое объединение в эмиграции (входило в РОВС) — «Союз Тверских драгун» (Париж): председатель — полковник З.Г. Натиев, секретарь — штабс-ротмистр А.В. Щигровский.

⁴³⁵ 15-й драгунский Переяславский полк. Возрожден во ВСЮР. С начала 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сформировав свой эскадрон, воевало 6 офицеров полка. С 19 июня 1919 г. дивизион полка входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. переяславские драгуны были представлены 2 эскадронами. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник П.А. Лызлов.

⁴³⁶ князь **Львов Сергей Александрович**, р. 27 сентября 1885 г. Подполковник 17-го драгунского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле—декабре 1919 г. командир Нижегородского эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

⁴³⁷ **Тускаев Константин**. Окончил Тверское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле—декабре 1919 г. командир эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Бредовского похода. Ротмистр (с 30 сентября 1919 г.). Умер от туберкулеза в Польше в начале 1920 г.

⁴³⁸ Князь **Абашидзе Георгий (Юрий) Дмитриевич**. Штабс-ротмистр 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной—осенью 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Эвакуирован в Сербию. 21 июля — 1 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. Ротмистр. Умер 10 июня 1921 г. в Галлиполи.

⁴³⁹ Барон **Фиркс Дмитрий**. Поручик 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1919-м — начале 1920 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 г.).

⁴⁴⁰ **Маклаков Алексей Николаевич**. Учился в Училище правопедения (1917) (не окончил; 2-й класс). Корнет 17-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в апреле 1919-го — 1920 г. в дивизионе своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. Поручик. В эмиграции во Франции; в

1940 г. вывезен в Германию. Пропадал без вести в 1945 г. в Берлине (расстрелян советскими войсками в госпитале).

⁴⁴¹ **Старосельский Иван Гивич.** Окончил Пажеский корпус (1917). Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле—декабре 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в начале 1920 г. переведен в л.-гв. Конный полк. Поручик (20 августа 1919 г.). Эвакуирован. 21 июля — 1 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. В эмиграции во Франции. Умер 30 августа 1929 г. в Париже.

⁴⁴² **Старосельский Николай Гивич,** р. в 1901 г. Окончил Пажеский корпус (1917). Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле—декабре 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В Русской Армии в конвое Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции на Восточном побережье США. Умер 23 марта 1978 г. в Филадельфии.

⁴⁴³ **Граф Шамборант Борис Александрович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище. Корнет 17-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в апреле 1919-го — летом 1920 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 18 августа 1939 г. в Париже.

⁴⁴⁴ **Маклаков Леонид Николаевич.** Учащийся Александровского лицея (4-й класс). Вольноопределяющийся. В Вооруженных силах Юга России; в апреле 1919-го — 1920 г. в эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Сербию. 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. В эмиграции служил в Иностранном легионе в Африке. Умер после 1929 г.

⁴⁴⁵ **Граф Мусин-Пушкин Алексей Владимирович.** Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Тяжело ранен в мае 1919 г. в Керчи и в полк не вернулся. Поручик (с 20 августа 1919 г.). В эмиграции в США. Умер 27 января 1966 г. в Нью-Йорке.

⁴⁴⁶ **Граф Шамборант Лев Александрович,** р. в 1892 г. Штабс-ротмистр 17-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919-м — летом 1920 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Ротмистр. Эвакуирован на корабле «Румянцев».

⁴⁴⁷ **Князь Лобанов-Ростовский Никита Иванович,** р. в 1898 г. Поручик 17-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в апреле—декабре 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 22 августа 1921 г. в Париже.

⁴⁴⁸ **Кишинский Сергей Петрович.** Окончил Александровский лицей (1915). Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле—декабре 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Поручик. В эмиграции в Кишиневе. Умер после 1929 г. (по ошибочным данным, убит в начале 1920 г. румынами на Днестре).

⁴⁴⁹ Имеется в виду поручик князь Юрий Николаевич Гагарин (р. в 1896 г.).

⁴⁵⁰ **Беднягин Алексей Петрович.** Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем во 2-м Сводном полку Кубанского казачьего войска, с 27 января 1919 г. хорунжий. В Вооруженных силах Юга России в эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Бредовского похода. Корнет. К 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. После 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁴⁵¹ **Люфт Георгий Георгиевич.** В Добровольческой армии и ВСЮР; в июне—декабре 1919 г. вахмистр в эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. Корнет.

⁴⁵² **Карцов Тарас Николаевич (Карцев).** Окончил Пажеский корпус (1914). Офицер, адъютант 16-го драгунского полка В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Ротмистр. В эмиграции в Алжире. Умер 5 октября 1977 г. в Ницце (Франция).

⁴⁵³ **Юзвинский Георгий Николаевич.** В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне 16-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, с 20 августа 1919 г. корнет. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 18 октября 1933 г. в Париже.

⁴⁵⁴ **Ермолов Леонид Николаевич.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1908) (офицером с 1910 г.). Штабс-ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Ротмистр (с 20 августа 1919 г.). Возвратился в Крым?

⁴⁵⁵ **Иванов Павел Владимирович,** р. в 1888 г. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1912). Ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Подполковник. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в Южной Америке. Умер 18 августа 1973 г. в Асунсьоне (Парагвай).

⁴⁵⁶ **Харитов Х.П.** Штабс-ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 28 декабря 1938 г. в Париже.

⁴⁵⁷ **Червинов Игорь Владимирович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Во ВСЮР в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Югославии, Франции, Марокко. Умер 3 ноября 1932 г. в Старосельцах (Польша).

⁴⁵⁸ Имеется в виду князь Давид Агафонович Вахвахов.

⁴⁵⁹ Полковник Всеволод Николаевич Щастливцев в мае 1919 г. командовал Сводным полком Кавказской кавалерийской дивизии в Крыму.

⁴⁶⁰ Речь идет о ротмистре Борисе Александровиче Лельевре.

⁴⁶¹ **Балашев Николай Михайлович.** Корнет 15-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России в Сводном полку Кавказской кавалерийской

дивизии. Участник Бредовского похода. К 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁴⁶² Впервые опубликовано: Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк. Сан-Франциско, 1978. Этот труд был составлен на основе воспоминаний 14 офицеров полка В.Т. Юрицыным, В.А. Эммануэлем и Г.А. Люстихом.

⁴⁶³ **Двойченко Владимир Аврамович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Ротмистр Крымского конного полка. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы — Дон: командир эскадрона конного дивизиона. В Добровольческой армии и ВСЮР; осенью 1919 г. командир Таврического конного дивизиона Чеченской конной дивизии. Полковник. В эмиграции доброволец армии генерала Франко, в 1937—1939 гг. сержант испанской армии. Умер от рака до 1941 г. в Сантадере.

⁴⁶⁴ Дроздовский поход Яссы — Дон. Поход отряда русских добровольцев с Румынского фронта на соединение с Добровольческой армией. Отряд начал формироваться 15 декабря 1917 г. в Яссах (где размещался штаб фронта и куда стекалось много офицеров, покинувших свои разложившиеся части) начальником 14-й пехотной дивизии полковником М.Г. Дроздовским при поддержке офицеров штаба фронта капитана Федорова и полковника Давыдова. Первое время бригада существовала неофициально: штаб фронта лишь закрывал глаза на ее деятельность, но 24 января 1918 г. генерал Щербачев решился открыто поддержать формирование добровольческих частей. Решено было сформировать 2-ю бригаду в Кишиневе и 3-ю в Болграде. Рядовые офицеры, знающие о формировании лишь случайно, ждали приказа, исходящего от непосредственного начальника, однако, несмотря на настояния М.Г. Дроздовского, Щербачев не решился отдать приказ по фронту, предписывающий офицерам явиться в Яссы. Однако после оставления Добровольческой армией Ростова связь со штабом фронта прервалась, и генерал Щербачев, не считая возможным рисковать, издал приказ о расформировании добровольческих частей, освобождающий всех записавшихся от подписки. 2-я бригада генерала Белозора в Кишиневе (около 1000 человек) была распущена, но Дроздовский отказался подчиниться и, пробившись сквозь заслоны румынских войск, пытавшихся разоружить отряд, со своей бригадой и присоединившимися к ней офицерами 2-й бригады (60 человек) и других частей 26 февраля 1918 г. вышел в поход на Дон. Командир 2-го Балтийского морского полка в Измаиле полковник Жебрак, собрав всех своих офицеров, выступил на соединение с Дроздовским. Отряд состоял из следующих частей: стрелковый полк (генерал В.В. Семенов), конный дивизион (штабс-ротмистр Б.А. Гаевский) из двух эскадронов (штабс-ротмистр Аникиев и ротмистр Двойченко), конно-горная батарея (капитан Колзаков), легкая батарея (полковник Ползиков), гаубичный взвод (подполковник Медведев), броневой отряд (капитан Ковалевский), техническая часть, лазарет и обоз. Начальником штаба отряда был полковник М. Войналович, его помощником — подполковник Лесли, начальником артиллерии — генерал-лейтенант Невадовский. Отряд насчитывал 1050 человек, из которых $\frac{2}{3}$ (667 человек) были офицерами (почти все молодые — штаб-офицеров, кроме штабных, было всего 6 человек), 14 — военными чиновниками, 12 — сестрами милосердия.

Пройдя с боями 1200 верст, отряд 21 апреля 1918 г. взял Ростов и соединился с восставшими казаками, 24 апреля освободив вместе с ними Новочеркасск. В Новочеркасске в результате активной записи добровольцев через 10 дней Офицерский полк развернулся из одного батальона в три, а численность отряда возросла до 3 тысяч человек. 27 мая отряд полковника Дроздовского торжественно соединился с Добровольческой армией и был преобразован в 3-ю пехотную дивизию. Приказом Главнокомандующего от 25 ноября 1918 г. за № 191 для участников похода была установлена особая медаль. «Медаль устанавливается серебряная, матового цвета, овальной формы и имеет ушка два скрещенных серебряных же меча. По окраинам медали на лицевой стороне располагаются две ветки: справа дубовая, как символ непоколебимого решения, и слева лавровая, символизирующая решение, увенчавшееся успехом. На поле этой же стороны медали изображен выпуклый рисунок: Россия в виде женщины в древнерусском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссозданию Единой, Неделимой, Великой России. Фон рисунка — восходящее солнце».

⁴⁶⁵ **Семичев Дмитрий Глебович.** Окончил Пажеский корпус (1913). Корнет Крымского конного полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Штабс-ротмистр.

⁴⁶⁶ **Бако Григорий Александрович,** р. 7 февраля 1874 г. Окончил Тверское кавалерийское училище. Полковник Крымского конного полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. командир русско-татарской бригады в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918-го — феврале 1919 г. командир дивизиона Крымского конного полка, помощник командира Крымского конного полка (с мая 1920 г. Туземного конного полка), в июле 1920 г. ушел из полка. Галиполиец. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Крымского конного полка в Курбевау. Умер 22 февраля 1951 г. в Аньере (Франция).

⁴⁶⁷ **Петропольский Митрофан Михайлович.** Полковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир 1-го Крымско-татарского полка. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. помощник командира в дивизионе Крымского конного полка, на 8 ноября 1919 г. командир Крымского конного полка (с мая 1920 г. — 2-го Туземного конного полка), в июле 1920 г. ушел из полка. В эмиграции в Югославии. Умер 1 февраля 1937 г. в Панчеве (Югославия).

⁴⁶⁸ **Зотов Евгений Алексеевич.** Подполковник Крымского конного полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. во 2-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. начальник пулеметной команды дивизиона Крымского конного полка, с июня 1919 г. командир эскадрона. В Русской Армии с мая 1920 г. командир дивизиона (в составе 2-го Туземного конного полка). Полковник. В эмиграции. Умер после 1934 г.

⁴⁶⁹ **Мартыно Эммануил Феодосьевич.** Подполковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. помощник командира 1-го Крымско-татарско-

го полка в боях в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г.; помощник командира дивизиона Крымского конного полка, в 1919 г. ушел из Крымского конного полка по болезни. Полковник.

⁴⁷⁰ **Рыбасов Александр Павлович.** Подполковник Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. командир эскадрона в дивизионе Крымского конного полка, с мая 1919 г. в Чеченской конной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г., январе 1920 г. командир 2-го Чеченского конного полка. Полковник (с декабря 1918 г.).

⁴⁷¹ **Нарвойш Иван Казимирович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1903). Подполковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в боях с большевиками в составе 1-го Крымско-татарского полка в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в 1919 г. ушел из полка по болезни. Полковник.

⁴⁷² **Баженев Константин Павлович,** р. 2 апреля 1879 г. Ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях в Крыму. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии; в декабре 1918 г. командир эскадрона в дивизионе Крымского конного полка, служил в полку до июля 1920 г. Полковник (с января 1919 г.). В эмиграции во Франции. Делегат Зарубежного съезда 1926 г. Умер 15 марта 1949 г.

⁴⁷³ **Юрицын Василий Тимофеевич.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Офицер 15-го уланского полка. Ротмистр Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. В Русской Армии; в июле 1920 г. ушел из полка. В эмиграции в США. Умер в 1977 г. в Лейквуде (США).

⁴⁷⁴ **Лесеневич Петр Николаевич.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1908). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка (ротмистр), с июля 1919 г. командир эскадрона (в мае 1920 г. подполковник). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. В эмиграции после 1934 г. во Франции. Умер 17 мая 1966 г. в Лондоне.

⁴⁷⁵ **Глазер Людвиг Карлович.** Окончил Тверское кавалерийское училище (1910). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 2-го Крымско-татарского полка в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г., адъютант дивизиона Крымского конного полка, с июля 1919 г. командир эскадрона. Ротмистр (с сентября 1919 г.).

⁴⁷⁶ **Ван-Воорендейк Виктор Яковлевич.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в октябре 1919 г. командир запасного эскадрона. Умер от тифа в феврале 1920 г. в Крыму.

⁴⁷⁷ **Каблуков Константин Александрович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1912). Офицер 8-го гусарского полка. Штабс-рот-

мистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. начальник команды связи 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. начальник команды связи в дивизионе Крымского конного полка. Убит 9 мая 1919 г. у Аджи-Мушкая в Крыму.

⁴⁷⁸ **Лихвенцов Александр Иванович**, р. в 1890 г. Окончил Кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913). Офицер 8-го гусарского полка. Штабс-ротмистр Крымского конного полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в январе 1920 г. командир эскадрона. Участник Бредовского похода, в августе 1920 г. вернулся из Польши в Крым. Ротмистр. В эмиграции после 1934 г. во Франции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США. Умер 3 февраля 1961 г. в Нью-Йорке.

⁴⁷⁹ **Муфтий-Заде Селим Мирза**. Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В январе 1918 г. участник боев под Симферополем. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в 1919 г. ушел из полка по болезни, в начале 1920 г. в Симферополе. Штабс-ротмистр В эмиграции во Франции. Умер после 1934 г.

⁴⁸⁰ **Росницкий Павел Платонович**, р. в Курске. Сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1913). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в 1919 г. по болезни ушел из полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма; адъютант сводного 1-го Алексеевского конного дивизиона. Ротмистр (с января 1920 г.). Умер 29 августа 1921 г. в Галлиполи.

⁴⁸¹ **Люстих Антон Е.** Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, с июня 1919 г. начальник команды связи. В Русской Армии в июле 1920 г. ушел из полка.

⁴⁸² **Эммануэль Владимир Александрович**. Окончил Одесский кадетский корпус (1914), Пажеский корпус (1914). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Ранен. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в январе 1920 г. адъютант того же полка, с января 1920 г. штабс-ротмистр. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В августе 1920 г. командир эскадрона в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец, с ноября 1920 г. командир конного дивизиона. Ротмистр (с 1921 г.). С 1921 г. в пограничной страже в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — на Восточном побережье США. Умер 4 января 1983 г. в Вайнленде (США).

⁴⁸³ **Бехтольд Конрад Яковлевич**. Прапорщик запаса. Поручик Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка.

⁴⁸⁴ **Апанасенко Василий Ефремович.** Прапорщик запаса. Поручик Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Штабс-ротмистр (с января 1920 г.). Умер от тифа в феврале 1920 г. в Крыму.

⁴⁸⁵ **Шлее Николай Фердинандович.** Прапорщик запаса (призван в 1915 г.). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. начальник обоза 2-го разряда 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка.

⁴⁸⁶ **Одель Александр Александрович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1915). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. во 2-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Штабс-ротмистр (с января 1920 г.). Умер от тифа в марте 1920 г. в Крыму.

⁴⁸⁷ **Воблый Владимир Иванович.** Прапорщик запаса (призван в 1915 г.). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Штабс-ротмистр. Галиполиец (был в команде Галиполийского порта). Умер в эмиграции.

⁴⁸⁸ **Решко Алексей Константинович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Поручик Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. В Русской Армии в дивизионе Крымского конного полка 2-го Туземного конного полка. Штабс-ротмистр. Убит 9 августа 1920 г.

⁴⁸⁹ князь **Кудашев Георгий Владимирович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1915). Поручик Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Штабс-ротмистр.

⁴⁹⁰ **Лесеневич Георгий (Григорий) Николаевич.** Окончил Школу прапорщиков (1915). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр. Галиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. В эмиграции после 1934 г. во Франции.

⁴⁹¹ князь **Кудашев Евгений Владимирович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1915). Поручик Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на шхуне «Орлик». Штабс-ротмистр (ротмистр). В эмиграции в Югославии. Умер 31 марта 1924 г. в санатории Вурберг (Югославия).

⁴⁹² **Петерс Леонид Иванович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму.

В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Поручик. Умер от ран 9 мая 1919 г. у Аджы-Мушкая в Крыму.

⁴⁹³ **Волошкевич Петр Пантелеймонович.** Подполковник (с 1911 г.) Крымского конного полка. Полковник в отставке. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Умер от тифа в феврале 1920 г. в Крыму.

⁴⁹⁴ **Фон Кюгельген Николай Павлович.** Полковник 10-го гусарского полка, командир Текинского конного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в Русской Армии до 12 июня 1920 г. командир отдельного Симферопольского конного дивизиона.

⁴⁹⁵ Текинский конный полк. Нес охрану Быховской тюрьмы, где содержались руководители Корниловского выступления в августе 1917 г. В ноябре 1917 г. преданный генералу А.Г. Корнилову полк вышел с ним из Быхова с намерением пробиться на Дон (24 офицера, около 400 всадников и 2 офицера Георгиевского батальона). После отделения 1-го эскадрона (попавшего в минскую тюрьму) насчитывал 19 офицеров. После боя 27 ноября у разьезда Песчаники под Унечей с имевшим бронепоезд красным отрядом часть полка (3 офицера и 264 всадника) попала в плен и была помещена в брянскую тюрьму, а остальные, разделившись на два отряда, пробились на запад. Корнилов следовал с одним из них (11 офицеров и 32 всадника) до пос. Погар, откуда пробирался на Дон в одиночку. В Киеве полк был расформирован. 10 офицеров и взвод всадников сражались с января 1918 г. в Добровольческой армии. В 1-м Кубанском походе текинцы составляли конвой командующего (генерала Корнилова). Командиры: полковник Н.П. фон Кюгельген (до декабря 1917 г.), полковник Григорьев (февраль—апрель 1918 г.).

⁴⁹⁶ **Волоцкой Алексей Павлович,** р. в 1874 г. В службе с 1892 г., офицером с 1894 г. Полковник 12-го гусарского полка. В 1918 г. в гетманской армии; в ноябре 1918 г. командир эскадрона 3-го драгунского полка в Екатеринославе. Участник Екатеринославского похода. В Добровольческой армии; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». В эмиграции. Умер после 1921 г.

⁴⁹⁷ Крымско-Азовская добровольческая армия. Образована во ВСЮР 10 января 1919 г. (в результате деления Добровольческой армии на нее и Кавказскую Добровольческую) на базе Крымско-Азовского корпуса. В мае 1919 г. туда входили 5-я пехотная и Сводная конная (Сводно-кирасирский, 2-й конный, 2-й Таманский казачий, Гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион, Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии и Гвардейская конно-артиллерийская батарея) дивизии. 22 мая 1919 г. преобразована в 3-й армейский корпус. Командующий — генерал-лейтенант А.А. Боровский. Начштаба — генерал-лейтенант Н.Д. Пархомов (до 12 мая 1919 г.).

⁴⁹⁸ **Боровский Александр Александрович,** р. 6 июня 1875 г. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), Академию Генштаба (1903). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Геор-

гиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с 17 марта 1918 г. командир Офицерского полка. С июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 7 января по 31 мая 1919 г. командующий Крымско-Азовской добровольческой армией, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, с октября 1919 г. командующий войсками Закаспийской обл., затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.). Уволен от службы 29 октября 1919 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии. Умер 14 декабря 1938 г. в Нише или 22 апреля 1939 г. в Скопле (Югославия).

⁴⁹⁹ **Кульшин.** Поручик 3-го драгунского полка. Во ВСЮР в кавалерийских частях, в апреле 1919 г. в прикомандировании к дивизиону Крымского конного полка (в феврале 1920 г. переведен в полк). В Русской Армии в мае 1920 г. командир эскадрона. Штабс-ротмистр (сентябрь 1920 г.). Убит 28 октября 1920 г. на Перекопе.

⁵⁰⁰ Чеченская конная дивизия. Сформирована во ВСЮР 1 июня 1919 г. Входила в состав войск Новороссийской области. Осенью 1919 г. в нее входили: 1-й (полковник И.М. Кучевский, с 17 сентября 1919 г.), 2-й (полковник А.П. Рыбасов), 3-й (полковник А.Г. Борисов) и 4-й (ротмистр И.Н. Тарасевич, врид до марта 1920 г.) Чеченские конные полки и Кумыкский конный полк. Осенью при дивизии сформирована нештатная конная батарея. К 5 октября 1919 г. все Чеченские полки отбыли в тыловой район Добровольческой армии, а Кумыкский находился в составе Кавказской армии. Расформирована 15 марта 1920 г. Начальники: полковник Н.Ф. О'Рем (с 30 марта 1919 г.), генерал-майор А.П. Ревшин (июнь 1919 г. — февраль 1920 г.), полковник Н.А. Попов (25 февраля — 1 марта 1920 г.). Начштаба — капитан А.И. Ветлищев. Командиры бригад: полковник Н.Ф. О'Рем, полковник А.Г. Борисов.

⁵⁰¹ **Давыдов Борис.** Окончил Тверское кавалерийское училище (1910). Ротмистр 18-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в июне 1919 г. начальник пулеметной команды дивизиона Крымского конного полка, в июле 1920 г. ушел из Крымского конного полка.

⁵⁰² **Добропольский Сергей Константинович,** р. в 1867 г. Из дворян, сын майора. В службе с 1885 г., офицером с 1887 г. Генерал-лейтенант, командир 10-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в резерве чинов при штабе командующего войсками Юго-Западного края, с 1 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 28 мая до 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, до 10 июля 1919 г. также врид командира 3-го армейского корпуса, с 26 июня по 12 июля 1919 г. одновременно и. д. главноначальствующего Таврической губернией, с 2 августа 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР с возложением особого поручения в Черноморской губернии, до 15 октября 1919 г. командующий войсками Черноморского побережья. В эмиграции. Вернулся в СССР.

⁵⁰³ **Владимиров Степан Дмитриевич**, р. в 1875 г. Окончил Тверское кавалерийское училище (1896). Полковник 3-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в июле 1919 г. командир дивизиона своего полка в Сводно-драгунском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии и Германии. Умер 22 апреля 1956 г. в Дорнштадте (Германия).

⁵⁰⁴ «Генерал Корнилов» (до 18 июня 1919 г. — «Кагул»). Крейсер. Один из первых кораблей белого Черноморского флота. В апреле 1919 г. уведен из Севастополя в Новороссийск (экипаж состоял из 42 морских офицеров, 19 инженер-механиков, 2 врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, в т. ч. 30 кубанских казаков, вместо положенных 570 человек). В апреле—мае 1919 г. участвовал в обороне Ак-Манайских позиций в Крыму, в августе играл ведущую роль в десантной операции по занятию Одессы. Входил в состав 1-го отряда судов. С июля 1920 г. в составе 3-го отряда судов. С ноября 1920 г. — в составе 1-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командиры: капитан 1-го ранга В. Лебедев (27 марта — 3 мая 1919 г.), капитан 1-го ранга П.П. Остелецкий (с 3 мая, август 1919 г.), капитан 1-го ранга В.А. Потапьев (с сентября 1919 г.). Старшие офицеры: капитан 2-го ранга В.А. Потапьев, капитан 2-го ранга Афанасьев. Старший инженер-механик — старший лейтенант М.М. Любимов.

⁵⁰⁵ «Поспешный». Эскадренный миноносец Черноморского флота. В боевом составе флота с 21 июля 1919 г. Команда переведена на эсминце «Дерзкий». Командир — капитан 2-го ранга Н. Гутан (с 27 марта 1919 г.).

⁵⁰⁶ Имеется в виду генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Безрадецкий (р. в 1853 г., в службе с 1870 г., офицером с 1872 г.).

⁵⁰⁷ **Апухтин Константин Валерианович**, р. 6 марта 1881 г. Окончил Пажеский корпус (1902), Академию Генштаба (1911), Офицерскую кавалерийскую школу. Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества и Крымского конного полков. Георгиевский кавалер. Подковник, командир 17-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России с августа 1919 г. из подполья в Одессе; начальник штаба гарнизона города и начальник штаба десантного отряда, занявшего Одессу, в октябре 1919 г. временно, на 6 ноября 1919 г. командир 2-го Таманского полка Кубанского казачьего войска Днестровского отряда войск Новороссийской области, командир Сводной конной бригады, Отдельной Боярской группы войск, начальник штаба отряда генерала Оссовского, начальник штаба 5-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода, начальник штаба Отдельной кавалерийской дивизии. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской Армии командир Запасного кавалерийского полка до эвакуации Крыма. В феврале 1921 г. командир Запасного кавалерийского дивизиона в Галлиполи. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже; на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии. С 1924 г. в КИАФ, с 1928 г. генерал-майор, с 1929 г. генерал-лейтенант, заведующий делами КИАФ, с 1941 г. представитель Русского Корпуса в Югославии. Умер в 1945 г. в Югославии.

⁵⁰⁸ **Ватель Сергей Антонович**, р. в 1894 г. Поручик 6-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в дивизионе Крымско-

го конного полка (в июле переведен в полк). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Штабс-ротмистр. В эмиграции после 1934 г. во Франции. Умер в 1980 г.

⁵⁰⁹ **Глинястый Николай Михайлович**, р. в Екатеринославской губ. Корнет 6-го Заамурского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г. в дивизионе Крымского конного полка (в августе 1919 г. переведен в полк). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на корабле «Модиг» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. С 1921 г. в пограничной страже в Югославии. Ротмистр. Служил в Русском Корпусе. Пропал без вести в 1944—1945 гг.

⁵¹⁰ Корнет Александров был убит 28 октября 1920 г. на Перекопе.

⁵¹¹ Корнет Веригин был убит 28 октября 1920 г. на Перекопе.

⁵¹² 4-я артиллерийская бригада. Сформирована во ВСЮР 4 апреля 1919 г. на базе артиллерии 4-й пехотной дивизии. Входила в состав той же дивизии. Основой ее послужила артиллерия Екатеринославского отряда, пришедшего в Крым в конце декабря 1918 г. Включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й дивизионы и отдельную батарею. 27 августа 1919 г. были сформированы и включены по одной в каждый дивизион 9-я, 10-я, 11-я и 12-я батареи. На 20 сентября 1919 г. имела 26 легких орудий и 1 гаубицу. На 1 октября 1919 г. насчитывала 1503 человека, в т. ч. 373 офицера и 13 чиновников. 3 ноября 1919 г. в ее составе создан Сводный дивизион 14-й артиллерийской бригады (полковник Кованько; 1-я батарея — капитан Унтилов, 2-я — полковник Рождественский). Расформирована 14 декабря 1919 г. Командир — генерал-майор М.С. Росляков (до 14 декабря 1919 г.). Командиры дивизионов: полковник Гудима (1-й), полковник В.В. Занфирев (2-й; с 8 февраля 1919 г.), генерал-майор Жуков (8 февраля — 14 декабря 1919 г.), генерал-майор Сивицкий (с 8 февраля 1919 г.). Командиры батарей: полковник Куколевский (12-й, с 11 октября 1919 г.), полковник Перковский (9-й, с 11 октября 1919 г.), полковник Подеский (11-й, с 11 октября 1919 г.), полковник Кованько (3-й, октябрь 1919 г.), полковник Ясевич (3-й, с 3 ноября 1919 г.).

⁵¹³ **Стоякин Павел Захарович**, р. в 1884 г. Сын подполковника. Окончил Оренбургский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Полковник 113-й артиллерийской бригады. В Вооруженных силах Юга России; с 26 августа 1919 г., октябрь—ноябрь 1919 г. командир 8-й батареи 4-й артиллерийской бригады, на 6 ноября 1919 г. в Днестровском отряде, в октябре—декабре 1919 г. в нештатной запасной батарее Войск Новороссийской области. Эвакуирован в 1920 г. из Одессы на пароходе «Грегори». В эмиграции в США. Умер 8 июня 1960 г. в Нью-Джерси (США).

⁵¹⁴ Ротмистр барон фон дер Пален летом 1918 г. был командиром Пограничного дивизиона Крымского правительства, затем организатором Симферопольского офицерского полка.

⁵¹⁵ 2-й Таманский полк Кубанского казачьего войска. Возрожден в Добровольческой армии. 19 января 1919 г. включен в состав 4-й пехотной дивизии Крымско-Азовской Добровольческой армии. С 22 мая 1919 г. прикомандирован к Отдельной кавалерийской бригаде 3-го армейского корпуса (II). Участвовал в Бредовском походе. Командиры: полковник Чернов (27 ноября

1918-го — 28 января 1919 г.), полковник Б.И. Закрепа (с 28 января 1919 г.), войсковой старшина С.Н. Додонов (до 13 октября 1919 г.).

⁵¹⁶ **Додонов Сергей Николаевич**, р. в 1886 г. Из казаков ст. Николаевской Амурского казачьего войска. В Донской армии и ВСЮР; с октября 1919 г. войсковой старшина, командир 2-го Таманского полка Кубанского казачьего войска; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 3-го Сводно-кубанского полка в Югославии. Полковник, в 1931 г. командир 3-й Полтавской сотни. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США. Умер 10 ноября 1958 г. в Рэд-Банке (США).

⁵¹⁷ Корнет Кибальченко был убит 28 октября 1920 г. на Перекопе.

⁵¹⁸ **Лесеневич Борис Николаевич**. Офицер Крымского конного полка. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919 г. в дивизионе своего полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галипополиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Поручик. В эмиграции. Умер после 1934 г. во Франции.

⁵¹⁹ Корнет Кокораки умер от тифа в декабре 1919 г.

⁵²⁰ **Гвоздаков Сергей Семенович**, р. в 1871 г. В службе с 1888 г., офицером с 1893 г. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир Сводного Крымского пехотного полка, с 13 июля 1919 г. командир Симферопольского офицерского полка, на 6 ноября 1919 г. — Днестровского отряда, с 30 ноября 1919 г. начальник Казатинского отряда войск Новороссийской области. Участник Бредовского похода. Умер от тифа 24 февраля 1920 г. в Калюсике (Польша).

⁵²¹ Симферопольский офицерский полк. Начал формироваться штабс-капитаном Орловым на добровольческой основе в Симферополе осенью 1918 г. в составе Крымско-Азовской Добровольческой армии. Официально создан 5 ноября 1918 г. из двух рот (более 200 человек) как Симферопольский офицерский батальон (в основном из офицеров — местных уроженцев), одновременно по две роты было сформировано в Ялте (2-й батальон; капитан Б. Гаттенбергер) и Севастополе (3-й батальон; капитан Коттер). С прибытием ялтинских рот в середине декабря 1918 г. развернут в полк (3 батальона). Вошел в состав Крымской (с 19 января 1919 г. 4-й пехотной) дивизии. С 11 апреля по 22 мая 1919 г. был временно перестроен в Отдельный Симферопольский офицерский батальон (3-й батальон после боев на Перекопе действовал отдельно от полка, и 12 августа 1919 г. в Херсоне был сформирован новый 3-й батальон). К 22 мая 1919 г. насчитывал 575 человек, к июлю — 1225, на 7 сентября — 1475. В боях против банд Махно с 22 августа по 14 сентября 1919 г. потерял 635 человека — 208 убито (87 офицеров), 416 ранено (178 офицеров) и 11 пропало (5 офицеров). На 20 сентября 1919 г. имел 591 штык и 11 пулеметов. На 1 октября 1919 г. насчитывал 1470 человек, в т. ч. 621 офицер (из них 464 на солдатских должностях) и 37 чиновников. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым (2 августа 1920 г.) насчитывал 426 человек (в т. ч. 96 офицеров и 23 чиновника), на фронт прибыл в составе 260 человек (в т. ч. 6 штаб- и 98 обер-офицеров и 13 чиновников). 23 августа 1920 г. остатки полка влились в 49-й пехотный полк, составив в нем 2-й и 3-й батальоны и офицер-

скую роту, а 50 офицеров переведены в 52-й пехотный полк. В Галиполии чины полка составили 1-й взвод 7-й роты Алексеевского пехотного полка. Командиры: штабс-капитан Н. Орлов (ноябрь—декабрь 1918 г.), полковник П.Г. Морилов (декабрь 1918 г. — 11 апреля 1919 г.), полковник С.С. Гвоздаков (11 апреля 1919 г. или 13 июля 1919 г. — 24 февраля 1920 г., умер), полковник Н.Н. Робачевский (врио; ноябрь — 24 декабря 1919 г.), полковник А.П. Решетинский (24 февраля — 23 августа 1920 г.). Командиры батальонов: штабс-капитан Н. Орлов, штабс-капитан П. Турчанинов, капитан Стольников, капитан Б.П. Гаттенбергер, капитан Коттер, полковник Н.Н. Робачевский, полковник М.В. Гротто-Слепиковский.

⁵²² Сводный полк 14-й пехотной дивизии. Сформирован во ВСЮР на базе офицерского кадра полков этой дивизии Императорской армии осенью 1919 г. как Отдельный сводный пехотный батальон Днестровского отряда (с 8 октября — Отдельный сводный батальон 14-й пехотной дивизии). 23 октября 1919 г. развернут в полк. Входил в состав 4-й пехотной дивизии, действовал в составе Днестровского отряда. 2 марта 1920 г. влит в Олонецкий полк. Командир — полковник Н.А. Зеленецкий (с 8 октября, ноябрь 1919 г.).

⁵²³ **Дрига Григорий Г.** Офицер пехоты. В Вооруженных силах Юга России в дивизионе Крымского конного полка, с лета 1919 г. корнет. В Русской Армии с 28 октября 1920 г. командир эскадрона того же полка. В эмиграции в США. Штабс-ротмистр. Умер после декабря 1976 г.

⁵²⁴ 2-й Лабинский полк Кубанского казачьего войска. Возрожден в Добровольческой армии (приказ от 5 ноября 1918 г.). С 14 декабря 1918 г. входил в состав 3-й Кубанской казачьей дивизии, с 6 марта 1919 г. — в отряде генерала Виноградова. На 26 мая — 14 июня насчитывал 907 человек. К 5 октября 1919 г. — в Отдельной казачьей бригаде, с которой участвовал в Бредовском походе и был интернирован в Польше. Командиры: полковник (генерал-майор) А.В. Шимкевич (3 января — 8 августа 1919 г.), полковник Рада (с 8 августа 1919 г.), полковник Ерохин (октябрь 1919 г.).

⁵²⁵ **Мезерницкий Мстислав Владимирович**, р. в 1895 г. Из дворян, сын офицера. Окончил 1-е Санкт-Петербургское реальное училище, Владимирское военное училище (1915). Поручик (штабс-капитан), командир роты л.-гв. Вольнского полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Петрограде. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г. (7-й доброволец); командир роты в Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку, затем создатель офицерской организации на Северном Кавказе. Участник взятия Ставрополя в июле 1918 г., затем командир пластунского батальона, партизанского отряда и конного дивизиона. Весной 1919 г. капитан (есаул) Кубанского казачьего войска, в октябре 1919-го — начале 1920 г. начальник конвоя командира 3-го армейского корпуса генерала Слащева, с весны 1920 г. командир 8-го кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. В эмиграции, вернулся в СССР в ноябре 1921 г. с генералом Слащевым.

⁵²⁶ **Батурский Сергей Федорович.** Полковник артиллерии. С 1918 г. в гетманской армии; с 7 сентября 1918 г. командир 9-го тяжелого артиллерийского полка, 17 октября 1918 г. назначен командиром 7-го горного артилле-

рийского полка, уволен с должности 20 ноября 1918 г. В Вооруженных силах Юга России; с 8 октября 1919 г., на 2—6 ноября 1919 г. командир отдельной конно-горной батареи Днестровского отряда войск Новороссийской области. В Русской Армии в Управлении финансов до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор».

⁵²⁷ **Перевалов Константин Михайлович**, р. 31 декабря 1876 г. в Киевской губ. Сын личного дворянина Минской губ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1896), академию Генштаба (1903). Подполковник, командир батареи 11-й артиллерийской бригады. В 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина, 17 октября 1918 г. назначен помощником командира 1-го легкого артиллерийского полка. В Вооруженных силах Юга России с 8 января 1919 г. штаб-офицер для поручений по артиллерийской части в штабе Крымско-Азовской армии, 1 июня — 1 декабря 1919 г. штаб-офицер для поручений в штабе 3-го армейского корпуса и войск Новороссийской области. Полковник (с 1918 г.).

⁵²⁸ **Скляр Николаи Васильевич**, р. в 1875 г. Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 2-го Волгского полка Терского казачьего войска. В Вооруженных силах Юга России; командир Терской конной бригады, в августе 1919 г. начальник Отдельной казачьей бригады из 42-го Донского казачьего и 2-го Лабинского полков на Украине, в январе 1920 г. начальник конной группы войск Новороссийской области. Участник Бредовского похода, в январе—марте 1920 г. начальник колонны, начальник конницы отряда генерала Бредова. Генерал-майор. Умер от тифа в мае 1920 г. в лагере Дембия в Кракове (Польша).

⁵²⁹ Бредовский поход. Поход частей Войск Новороссийской области из района Одессы в Польшу в начале 1920 г. 24 января 1920 г. директивой командующего войсками Новороссийской области генерал-лейтенанта Н.Н. Шиллинга все войска Правобережной Украины, кроме гарнизона Одессы, были подчинены командующему одной из групп войск области генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову (начштаба — генерал-майор Б.А. Штейфон). Его главные силы сосредоточивались у Тирасполя, части 2-го армейского корпуса генерала М.Н. Промтова (фактически — 5-я пехотная дивизия, а также группа генерала Склярова и отряд полковника Саликова) — у с. Маяки и группа генерала Васильева — у Овидиополя, откуда должны были перейти в Румынию, где, соединившись в Тульче, ждать эвакуации в Крым. Однако вследствие отказа Румынии пропустить русские войска части генерала Бредова в ночь на 30 января начали движение на север вдоль Днестра (между железной дорогой Одесса — Жмеринка и Днестром). Отряд Бредова сопровождал обоз с 7 тысячами больных и беженцев. Через 14 дней тяжелого похода части Бредова вышли 12 февраля 1920 г. к Н. Ушице, где встретились с польскими войсками. Некоторое время они занимали самостоятельный участок фронта, а в конце февраля были разоружены и отправлены в Польшу, где размещены в лагерях (Пикулице под Перемышлем, Дембия под Краковом и в Цжакуве). В августе—сентябре 1920 г. переброшены в Крым. 25 февраля 1922 г. для участников похода был установлен особый знак: бе-

лый крест на национальной ленте с опущенным книзу серебряным мечом, по обе стороны которого цифры «19» и «20» и надпись на обороте «Верные долгу» славянской вязью.

⁵³⁰ Есаул Пастернак жил в эмиграции во Франции (к 1924 г. в Париже).

⁵³¹ **Калинг Константин Давидович**, р. в 1862 г. В службе с 1882 г., офицером с 1884 г. Полковник, командир 2-го полевого жандармского эскадрона в Варшаве. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919 г. в Крымском конном полку. Взят в плен в январе 1920 г. в Одессе и умер в лагере.

⁵³² **Моллер Александр Николаевич**, р. в 1885 г. Полковник, командир л.-гв. Финляндского полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; весной—летом 1918 г. начальник отряда Северного отряда войск Хоперского района, до 26 августа 1918 г. командир л.-гв. Финляндского полка; до 28 марта 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, затем в распоряжении дежурного генерала штаба Донской армии, с 2 сентября 1919 г. командир 1-го Сводно-гвардейского пехотного полка, затем в своем полку 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 23 сентября и с 12 октября 1919 г. командир 2-го Сводно-гвардейского полка и 1-й бригады Гвардейской пехотной дивизии, в ноябре—декабре 1919 г. командовал группой из гвардейских частей, с 13 февраля 1920 г. командир остатков 2-го Сводно-гвардейского полка. Участник Бредовского похода. Генерал-майор. В эмиграции с 1921 г., член Морского клуба в Константинополе, затем в Германии. Умер в мае 1945 г. под Данцигом.

⁵³³ **Тихановский Владимир Александрович**. Окончил Пажееский корпус 1902 (1903). Офицер 1-го драгунского и 6-го запасного кавалерийского полков. Подполковник Крымского конного полка. В Северо-Западной армии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с января 1920 г. в эскадроне Крымского конного полка, с мая 1920 г. командир эскадрона (в составе 2-го Туземного конного полка). Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Полковник. В эмиграции. Умер 8 февраля 1940 г. во Франции.

⁵³⁴ **Дмитриев Семен Васильевич**. Сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1915). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В Вооруженных силах Юга России; в эскадроне 10-го уланского полка, с января 1920 г. — Крымского конного полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, командир сводного взвода крымцев в 4-м кавалерийском полку. Ротмистр. С 1921 г. в пограничной страже в Югославии. В эмиграции после 1934 г. там же, после 1945 г. в США. Умер после декабря 1976 г.

⁵³⁵ 13-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го армейского корпуса (II). Ее ядром послужил Сводный полк 13-й пехотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 800 штыков. В Русской Армии с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 494 солдата при 35 пулеметах. На 16 апреля 1920 г. включала 49-й Брестский, 50-й Белостокский (1-я бригада), 51-й Литовский и 52-й Виленский (2-я бригада) пехотные полки, 13-ю артиллерийскую бри-

гаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 5-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Виленский дивизион. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 1530 штыков и сабель. В эмиграции было создано «Объединение чинов 13-й пехотной дивизии»: находилось в Париже, входило в РОВС, председатель — генерал-майор Г.Б. Андугадзе.

⁵³⁶ 34-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го армейского корпуса (II). Ее ядром послужили пехотные части Екатеринославского отряда, пришедшие в Крым в конце декабря 1918 г. и вошедшие в состав 4-й пехотной дивизии как Сводный полк 34-й пехотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 1200 штыков. В Русской Армии с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 245 офицеров и 3103 солдата при 18 орудиях и 101 пулемете. На 16 апреля 1920 г. включала 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский (1-я бригада), 135-й Керчь-Еникальский и 136-й Таганрогский (2-я бригада) пехотные полки, 34-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 7-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Симферопольский дивизион. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 750 штыков и сабель. Начальник — генерал-майор князь Н.П. Стокасымо (с 21 января 1920 г.). Командир бригады — генерал-майор Г.А. Дубяго (с апреля 1920 г.).

⁵³⁷ Чеченский конный полк (Чеченский сводный полк, 1-й Чеченский полк). Создан во ВСЮР в начале 1920 г. из чеченцев, служивших в 1-м, 2-м и 4-м полках Чеченской конной дивизии. Входил в состав 3-го армейского корпуса. С 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), 28 апреля 1920 г. влит в 1-й Туземный конный полк. Командир — полковник Е.Е. Якобсон.

⁵³⁸ Антонов Леонид Григорьевич, р. в 1871 г. Подполковник Крымского конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с весны 1920 г. командир формируемого Татарского конного полка до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин».

⁵³⁹ Мартынов Михаил Петрович. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1904). Полковник Крымского конного полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в Чеченской конной дивизии. В Русской Армии с мая 1920 г. в эскадроне Крымского конного полка. В эмиграции во Франции. Умер 13 октября 1938 г. в Биянкуре (Франция).

⁵⁴⁰ Петерс Николай Иванович. Окончил Суворовский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1911). Офицер 12-го драгунского полка (до 1913 г.). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в Чеченской конной дивизии. В Русской Армии с весны 1920 г. в Татарском конном полку, с мая 1920 г. в дивизионе Крымского конного полка до эва-

куации Крыма. Ротмистр. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. В эмиграции после 1934 г. в Турции, Бельгии, США, с 1949 г. в Нью-Йорке. Умер 1 ноября 1966 г. в Санта-Барбаре (США).

⁵⁴¹ **Дурилин Александр Александрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в 1-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в Чеченской конной дивизии, с января 1920 г. командир эскадрона 2-го Чеченского конного полка, с весны 1920 г. в Татарском конном полку. Штабс-ротмистр. В Русской Армии с мая 1920 г. командир эскадрона Крымского конного полка. Ротмистр. Умер от ран в августе 1920 г.

⁵⁴² **Думбадзе Григорий Иванович (2-й).** Обучался в Одесском кадетском корпусе (выпуск 1915 г.; не окончил), Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Прапорщик 5-го Заамурского конного полка. Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1919 г. в Чеченской конной дивизии, с января 1920 г. командир эскадрона 2-го Чеченского конного полка. Штабс-ротмистр. В Русской Армии с весны 1920 г. в Татарском конном полку, с мая 1920 г. в дивизионе Крымского конного полка. Ротмистр. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. Убит 2 октября 1944 г. под Якубовцем на Дунае.

⁵⁴³ **Лешков.** Подпрапорщик Крымского конного полка. В Вооруженных силах Юга России 1919 г. в Чеченской конной дивизии. В Русской Армии с весны 1920 г. в Татарском конном полку, с мая 1920 г. в эскадроне Крымского конного полка до эвакуации Крыма. Корнет (с 1919 г.). Галлиполиец. В эмиграции с 1921 г. на службе в жандармерии в Югославии.

⁵⁴⁴ 4-й уланский Харьковский полк. 4 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Возрожден во ВСЮР. 3 эскадрона полка входили в состав Чеченской конной дивизии. С 28 апреля 1920 г. дивизион и эскадрон полка входили во 2-й Туземный конный (с 8 августа 1920 г. 9-й кавалерийский), а с 22 августа 1920 г. — в 4-й кавалерийский полк. Командир — полковник Невзоров.

⁵⁴⁵ **Невзоров Алексей Сергеевич,** р. в 1888 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1906). Полковник 4-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в Чеченской конной дивизии, в июле 1919 г. помощник командира 1-го Чеченского конного полка. В Русской Армии командир 1-го Чеченского конного полка, с марта 1920 г. командир Туземного конного полка, в мае 1920 г. командир дивизиона 4-го уланского полка во 2-м Туземном конном полку, с июля 1920 г. командир 2-го Туземного конного полка, затем в Харьковском уланском дивизионе в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг».

⁵⁴⁶ 2-й Туземный конный полк. Сформирован 28 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму в составе дивизиона Крымского конного, эскадрона Татарского конного и дивизиона 4-го уланского Харьковского полков. Входил в состав Туземной бригады 3-й конной дивизии, с 7 июля 1920 г. — 2-й Отдельной сводной конной бригады, с 8 августа 1920 г. переименован в 9-й кавале-

рийский полк. На 1 августа 1920 г. насчитывал 54 офицера и 930 солдат при 26 пулеметах. Командиры: полковник Д.И. Туган-Мирза-Барановский, полковник А.С. Невзоров (с начала июля).

⁵⁴⁷ 1-й Туземный конный полк. Сформирован 28 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму из кавказских горцев: Сводной бригады Кабардинской дивизии, Осетинского конного дивизиона, Туземного и Чеченского конных полков. Входил в состав Туземной бригады 3-й конной дивизии, с 7 июля 1920 г. — 2-й Отдельной сводной конной бригады, с 8 августа 1920 г. — 1-й Отдельной кавалерийской бригады. На 1 августа 1920 г. насчитывал 29 офицеров и 913 солдат при 26 пулеметах. 22 августа 1920 г. после расформирования бригады был спешен, а лошади переданы в 1-ю кавалерийскую дивизию (III). Командиры: полковник А.Г. Борисов, полковник Н.Ф. О'Рем.

⁵⁴⁸ 1-я Отдельная кавалерийская бригада. Сформирована 7 июля 1920 г. в Русской Армии как 2-я Отдельная сводная конная бригада из частей бывшей 3-й конной дивизии. Входила во 2-й армейский корпус (II). Состав: 8-й кавалерийский, 1-й и 2-й Туземные конные полки и 5-й конно-артиллерийский дивизион (1-я и 2-я Кавказские конные батареи). На 1 августа 1920 г. насчитывала (штаб, 1-й и 2-й Туземные полки и дивизион 13-й артбригады) 196 офицеров и 2270 солдат при 57 пулеметах. 10 августа 1920 г. переименована в 1-ю Отдельную кавалерийскую бригаду. При этом в нее был включен 7-й кавалерийский полк, 2-й Туземный переименован в 9-й кавалерийский, а 1-й Туземный полк спешен с передачей лошадей в 7-й кавалерийский полк. Расформирована 22 августа 1920 г.

⁵⁴⁹ Отдельная Терско-Астраханская казачья бригада. Сформирована в апреле 1920 г. в Крыму из остатков терских и астраханских казачьих частей. С 28 апреля как Терско-Астраханская бригада (неотдельная) входила в состав 3-й конной дивизии, с 7 июля — отдельная бригада. Летом 1920 г. входила в состав Группы войск особого назначения, участвовавшей в Кубанском десанте. С 4 сентября 1920 г., действуя отдельно в составе Русской Армии, включала 1-й Терский, 1-й и 2-й Астраханские казачьи полки, Терско-Астраханский казачий конно-артиллерийский дивизион, Отдельный запасный Астраханский казачий дивизион и Отдельную Терскую запасную казачью сотню.

⁵⁵⁰ **Савельев Николай Борисович.** Офицер пехоты. В Вооруженных силах Юга России в кавалерийских частях, затем в прикомандировании к дивизиону Крымского конного полка (в феврале 1920 г. переведен в полк), с лета 1919 г. корнет. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Поручик. В эмиграции с 1921 г. в пограничной страже в Югославии. Умер 7 марта 1975 г. в Югославии.

⁵⁵¹ **Апанасенко Георгий П.** Офицер пехоты. Во ВСЮР в кавалерийских частях, затем в прикомандировании к дивизиону Крымского конного полка (в феврале 1920 г. переведен в полк). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Решид-Паша». Корнет (с лета 1919 г.). В эмиграции после 1934 г. во Франции, затем в Бельгии, с 1953 г. в Брюсселе.

⁵⁵² **Скачков Сергей Петрович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1908). Полковник 4-го уланского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле 1920 г. во 2-м Туземном конном полку, с августа 1920 г. коман-

дир того же полка, затем в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг».

⁵⁵³ **Алкалаев-Калагеоргий Павел Христианович**, р. в 1873 г. Полковник 4-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в феврале 1920 г. в Чеченской конной дивизии. В Русской Армии в июле 1920 г. во 2-м Туземном конном полку, затем в Харьковском уланском дивизионе в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг».

⁵⁵⁴ **Машкин Николай Николаевич**. Окончил Суворовский кадетский корпус (8-й выпуск), Тверское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр 4-го уланского полка. В Русской Армии с июля 1920 г. адъютант 2-го Туземного конного полка, затем в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США, к 1951 г. член Общества Галлиполийцев в Калифорнии, председатель кадетского объединения в Лос-Анджелесе. Умер 9 июля 1977 г. в Спокане (США).

⁵⁵⁵ Имеется в виду полковник Константин Николаевич Греков (окончил Николаевское кавалерийское училище в 1903 г.).

⁵⁵⁶ **Петрункевич Иван Михайлович**. Корнет. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в начале 1920 г. в Татарском конном полку, с мая 1920 г. в эскадроне Крымского конного полка (в июле 1920 г. переведен в полк), с августа 1920 г. командир эскадрона. Галлиполиец. Штабс-ротмистр. В эмиграции с 1921 г. в пограничной страже в Югославии, затем в Чехословакии. После 1945 г. — в США. Умер после декабря 1976 г.

⁵⁵⁷ Корнет Станишевский в эмиграции с 1921 г. служил в пограничной страже в Югославии, во время Второй мировой войны служил в Русском Корпусе, где пропал без вести.

⁵⁵⁸ Корнет Томашевский также пропал без вести в Русском Корпусе.

⁵⁵⁹ Ротмистр Шумилин жил в эмиграции во Франции, умер после 1934 г.

⁵⁶⁰ **Шинкаренко Николай Всеволодович** (Шинкаренко-Брусилев), р. в 1890 г. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1909). Подполковник 12-го уланского полка. Георгиевский кавалер. Чернецовец. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. командир эскадрона во 2-м конном полку, с середины 1918 г. командир полка, с 1919 г. начальник Кабардинской конной дивизии. В Русской Армии в июне 1920 г. командир 2-й Отдельной конной бригады, затем начальник Туземной дивизии. Генерал-майор (к июню 1920 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции доброволец армии генерала Франко. Лейтенант испанской армии, в 1939 г. тяжело ранен. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 21 декабря 1969 г. в Сан-Себастьяне (Испания).

⁵⁶¹ **Жуковский Василий Константинович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 4-го уланского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в августе 1920 г. командир эскадрона 2-го Туземного конного полка.

⁵⁶² **Фон Ланг Ростислав Вячеславович**, р. в 1892 г. Окончил Тверское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр 4-го уланского полка.

В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м конном полку (установлено старшинство в чине штабс-ротмистра с 20 августа 1919 г.), в начале 1919 г. в прикомандировании к дивизиону Крымского конного полка. В Русской Армии в августе 1920 г. командир эскадрона харьковских улан 2-го Туземного конного полка, затем в Харьковском уланском дивизионе в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». В эмиграции в США. Ротмистр. Умер 30 апреля 1964 г. в Нью-Йорке.

⁵⁶³ 9-й кавалерийский полк. Сформирован в Русской Армии в Крыму 8 августа 1920 г. из 2-го Туземного конного полка. Входил в состав 1-й Отдельной кавалерийской бригады. Включал дивизионы 4-го уланского Харьковско-го и Крымского конного полков. Расформирован 22 августа 1920 г.

⁵⁶⁴ **Фостиков Михаил Архипович**, р. в 1886 г. Из казаков ст. Баталпашинской Кубанской обл., сын вахмистра, внук офицера. Окончил Ставропольскую гимназию, Александровское военное училище (1907), академию Генштаба (1917). Войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 г. полковник. Летом 1919 г. командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, в сентябре—декабре 1919 г. командир 1-го Кубанского полка, с 10 декабря 1919 г. до 9 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; с 1919 г. генерал-майор. 10 раз ранен. В марте 1920 г. командующий повстанческой «Армией Возрождения России» на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант. Был на о. Лемнос. Командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер 29 июля 1966 г. в Белграде.

⁵⁶⁵ **Эммануэль Александр Николаевич**, р. в 1872 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1891). Офицер 7-го уланского полка. Полковник Крымского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в резерве чинов; на 1 октября 1919 г. командир Святокрестовского отряда Войск Северного Кавказа, с 8 октября 1919 г. начальник Осетинской конной дивизии, в марте 1920 г. отступил в Грузию, затем в Крым. В Русской Армии командир конного дивизиона 34-й пехотной дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, командир Сводного дивизиона 1-го Алексеевского конного полка. В эмиграции в Югославии. Умер 26 апреля 1923 г. в Птуе (Югославия).

⁵⁶⁶ **Гернгросс Борис Владимирович**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище, академию Генштаба. Полковник, командир 14-го гусарского полка. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части, в 1918 г. в гетманской армии; с 24 сентября 1918 г. начальник Елисаветградского кавалерийского училища. Во ВСЮР и Русской Армии; с 10 января 1920 г. командир 14-го гусарского полка, затем в штабе 2-й кавалерийской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец, командир 3-го кавалерийского полка, затем 2-й кавалерийской бригады. В эмиграции в Югославии, председатель полкового объединения в Горице, к 1931 г. командир 2-й бригады Кавалерийской дивизии, преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде. Умер после 1939 г. в Белграде.

⁵⁶⁷ **Ивановский Евгений Леонидович**, р. в 1878 г. Сын офицера. Окончил реальное училище в Белостоке, Михайловское артиллерийское училище (1900), академию Генштаба (1909). Полковник, командир батареи Кавказского конно-горного дивизиона. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии с 24 ноября 1918 г.; начальник штаба Горской конной дивизии, начальник штаба укрепленного района Перекопа, начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец, начальник штаба 2-й кавалерийской бригады. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже. С 1 сентября 1928 г. по 1 сентября 1929 г. воспитатель, командир роты и преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем Первого русского кадетского корпуса. В 1931 г. возглавлял группу Общества Галлиполийцев в Белой Церкви. Служил в Русском Корпусе. Директор Келлербергской гимназии, инспектор русской гимназии. После 1945 г. — в США, член Общества Ветеранов. Умер 12 ноября 1967 г. в Сан-Франциско (США).

⁵⁶⁸ **Собакин-Фадеев Сергей Александрович**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Подполковник 3-го уланского полка. Во ВСЮР и Русской Армии командир подразделений своего полка. Полковник. Галлиполиец, командир эскадрона в 4-м кавалерийском полку. С 1921 г. в пограничной страже в Югославии. Умер 21 марта 1962 г. в Мариборе (Югославия).

⁵⁶⁹ **Княжевич Николай Антонинович**, р. 19 января 1871 г. Окончил Александровский лицей (1891), сдал офицерский экзамен при Павловском военном училище (1892). Офицер л.-гв. Гусарского полка, командир Крымского конного полка. Генерал-майор, одесский градоначальник (с 1916 г. таврический губернатор). Георгиевский кавалер. На май 1920 г., 1 июня 1921 г. в эмиграции в Югославии (прибыл в 1918—1919 гг.), 1921 г. в русском комитете в Венгрии. В эмиграции во Франции глава объединения Крымского конного полка. Генерал-лейтенант. Умер 4 марта 1950 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁵⁷⁰ **Янушевский Анатолий Иосифович**. Во ВСЮР и Русской Армии доброволец в эскадроне Крымского конного полка, затем юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. во 2-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе.

⁵⁷¹ **Соколовский Григорий Евгеньевич**, р. в 1901 г. Вольноопределяющийся. В Вооруженных силах Юга России в администрации Одесского военного порта. Эвакуирован из Одессы на корабле «Румянцев». В Русской Армии в эскадроне Крымского конного полка, затем юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. во 2-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет. В эмиграции после 1934 г. во Франции.

⁵⁷² Корнет Сергей Николаевич Бородзич умер 1 сентября 1977 г. в Мосане (Франция).

⁵⁷³ Корнет Владимир Андреевич Андреевский (р. в 1904 г.) умер 23 января 1966 г. в Лидсе (Англия).

⁵⁷⁴ Корнет Владимир Иванович Григорьев умер 29 апреля 1926 г. в Любляне (Югославия).

⁵⁷⁵ Корнет Анатолий Владимирович Келлер умер 16 мая 1972 г. во Франции.

⁵⁷⁶ **Третьяков Василий Авенирович**, р. в 1898 г. Во ВСЮР и Русской Армии; младший унтер-офицер из вольноопределяющихся в дивизионе Крымского конного полка до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, в 1921—1922 гг. служил в пограничной страже. Окончил Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви (1923). Корнет. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в Южной Америке. Умер 6 марта 1974 г. в Макуто (Венесуэла).

⁵⁷⁷ **Арсеньев Алексей Алексеевич**. Окончил Санкт-Петербургский университет, Николаевское кавалерийское училище (1916). Корнет Кабардинского конного полка Туземной конной дивизии. В феврале 1918 г. в Нальчике в ожидании прихода Добровольческой армии; участник восстания летом 1918 г. на Тереке, командир взвода, затем при представителе Добровольческой армии в Терской области. В эмиграции в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. После 1945 г. — в США. Умер 8 июля 1964 г. в Санта-Барбаре (США).

⁵⁷⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 117. Июль 1972.

⁵⁷⁹ **Хан эриванский Керим**. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1907). Офицер 17-го драгунского и л.-гв. Кирасирского Ее Величества полков. Ротмистр Кабардинского конного полка.

⁵⁸⁰ **Граф Воронцов-Дашков Илларион Илларионович**, р. 24 мая 1877 г. в Царском Селе. В службе с 1896 г., офицером с 1898 г. Полковник л.-гв. Гусарского полка, командир Кабардинского конного полка. В Добровольческой армии. Осенью 1918-го — в январе 1919 г. в Кисловодске для связи с Бичераховым, получив от него деньги для Серебрякова-Даутокова на организацию Терского восстания; с 25 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе армии и Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. — в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, с 10 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии; в феврале 1919 г. на Кубани, с 1 июня 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, в марте 1920 г. в представительстве ВСЮР в Батуме. 6 мая 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Шилка». В эмиграции во Франции. Умер 20 апреля 1932 г. в Париже.

⁵⁸¹ **Старосельский Всеволод Дмитриевич**, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Офицер гвардейской кавалерии. Полковник, командир Кабардинского конного полка. С 1919 г. до декабря 1920 г. начальник Персидской казачьей дивизии.

⁵⁸² **Князь Даддани Иван (Мушни) Константинович**, р. в 1874 г. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся. Поручик 17-го драгунского и Кабардинского конного полков. Участник восстания в Грузии в 1920-х годах. Расстрелян большевиками в 1924 г.

⁵⁸³ **Анзоров Мудар Кайсунович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище 1903 (1904). Офицер 18-го драгунского полка. Подполковник Татарского конного полка, с февраля 1918 г. командир Кабардинского конного

полка. Георгиевский кавалер. Остался в Кабарде ожидать прихода Добровольческой армии; в 1918 г. участник восстания в Кабарде, затем командир отряда в Кабардинской конной дивизии (полковник), в апреле — осенью 1919 г. командир 1-й бригады Кабардинской конной дивизии и врид начальника дивизии, на 5 октября 1919 г. начальник той же дивизии. Генерал-майор (9 апреля 1919 г.). Дважды ранен. В эмиграции весной 1927 г. в Сирии.

⁵⁸⁴ **Бутлеров Юрий (Георгий) Михайлович**, р. в 1889 г. Из дворян, внук известного химика. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию. Офицер из вольноопределяющихся (1914). Поручик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В феврале 1918 г. член подпольной офицерской организации в Кисловодске, весной 1918 г. в Кисловодске со Шкуро затем в Добровольческой армии. В Вооруженных силах Юга России в батарее своей бригады. Штабс-капитан. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 г. из Новороссиска на корабле «Херсон». В Русской Армии командир дивизиона в 8-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Есаул. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Константинополе, с 1932 г. во Франции (капитан), затем в Парагвае, с 1936 г. командир полка в парагвайской армии, майор, в 1959 г. подполковник, затем полковник. Умер 3 апреля 1962 г. в Асунсьоне.

⁵⁸⁵ **Алексеев Николай Н.** Окончил Школу прапорщиков флота (1917). Мичман военного времени Гвардейского Экипажа. В Добровольческой армии; в январе—феврале 1918 г. увел бронепоезд из Минвод, затем остался в этом районе, в феврале 1918 г. в организации в Кисловодске.

⁵⁸⁶ **Левшин Дмитрий Федорович**, р. 19 мая 1876 г. Из дворян. Окончил Пажеский корпус (1896). Офицер Кавалергардского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Гусарского полка, генерал для поручений при главном начальнике снабжений Юго-Западного фронта. В Добровольческой армии и ВСЮР; с конца 1917 г. по февраль 1918 г. представитель армии в Кисловодске, в июле 1918 г. участник Терского восстания, осенью 1918 г. представитель Добровольческой армии в Терской области и Дагестане. В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. и в 1931 г. председатель объединения л.-гв. Гусарского полка Варенн-Сент-Илер (Франция). Умер 4 марта 1947 г. в Париже.

⁵⁸⁷ **Мистулов Хаджи Омар Арсланбекович**, р. в 1883 г. в ст. Черноярской Терской обл. Окончил Темир-Хан-Шуринское реальное училище, Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр 1-го Кабардинского конного полка. Весной 1918 г. участвовал в подготовке восстания на Тереке. В Добровольческой армии и ВСЮР в своем полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Терско-Астраханского казачьего полка в Болгарии. Войсковой старшина. В эмиграции во Франции. Полковник. Умер 21 апреля 1930 г. в Ницце (Франция).

⁵⁸⁸ **Даутоков-Серебряков Заур-Бек**. Из казаков ст. Луковской Терской обл. Окончил Оренбургское военное училище (1912). Штабс-ротмистр Кабардинского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918 г. организатор восстания в Кабарде, в июне 1918 г. начальник кабардинского отряда в Терском восстании, в августе 1918 г. сформировал и возглавил Кабардинский сводный отряд, с ноября 1918 г. ротмистр, командир Кабардин-

ского конного полка, Кабардинской конной бригады, затем в распоряжении правителя Кабарды, с 6 июня 1919 г. ротмистр и полковник, затем командир 2-й бригады Кабардинской дивизии. Генерал-майор. Убит 24 августа 1919 г. под Камышином.

⁵⁸⁹ Князь **Бекович-Черкасский Федор Николаевич**, р. 14 мая 1870 г. в с. Бековичево в Малой Кабарде. Окончил гимназию в Ставрополе (1891), Елисаветградское кавалерийское училище (1894), Офицерскую кавалерийскую школу (1903). Генерал-майор, командир л.-гв. Кирасирского Его Величества полка и 2-й бригады 1-й Кавказской Туземной кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1917 г. формировал горские части на Кавказе, в 1918 г. командир Кабардинских частей, с конца 1918 г. (с февраля 1919 г.) правитель Кабарды, с 8 декабря 1918 г. командир 2-й бригады Черкесской конной дивизии, с 17 марта 1919 г., на 5 октября 1919 г. начальник Кабардинской конной дивизии. Генерал-майор (31 марта 1919 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции с 1921 г., член Национального комитета освобождения горских народов Северного Кавказа в Константинополе, затем во Франции, на декабрь 1924 г. почетный председатель, на ноябрь 1951 г. председатель объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, монархист-легитимист, в 1941—1945 гг. руководитель «Русского Национального Движения» в Париже. Умер 16 ноября 1953 г. в Париже.

⁵⁹⁰ **Гаджемуков Василий**. В Добровольческой армии. Доброволец-рядовой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку. Офицер.

⁵⁹¹ Впервые опубликовано: *Гаджемукова В. Черкесы и большевики // Донская Волна. № 21, 1918. Печатается по изданию: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь—март 1968.*

⁵⁹² **Покровский Виктор Леонидович**, р. в 1889 г. Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В Добровольческой армии; в январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, с июля 1918-го по 3 января 1919 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии. С января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, в январе — августе 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, с 2 ноября 1919 г. по 8 марта (21 января) 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. Эвакуирован на корабле «Силамет». В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

⁵⁹³ **Султан Крым-Гирей**. Полковник, командир Черкесского конного полка. В Добровольческой армии; в январе 1918 г. командир сотни в отряде полковника Покровского, в январе—марте 1918 г. командир отряда на Кубани. Убит большевиками около 28 марта 1918 г. в с. Княземихайловском Туапсинского округа.

⁵⁹⁴ **Галасв Петр**, р. в 1879 г. Из осетин ст. Ново-Осетинской Терской обл. Сын войскового старшины. Окончил Владикавказское реальное училище, Новочеркасское военное училище (1900). Войсковой старшина 2-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. организатор и командир первого добровольческого отряда на Кубани. Убит 22 января 1918 г. у ст. Энем.

⁵⁹⁵ **Султан Келеч-Гирей**. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в марте 1918 г. командир Черкесского конного полка, затем командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. начальник Черкесской конной дивизии. Генерал-майор. В эмиграции. Во время Второй мировой войны в кавказских национальных частях германской армии. Казнен в Москве 19 января 1947 г.

⁵⁹⁶ **Добровольский Никита Титович**. Штабс-ротмистр, журналист (Ник. Туземцев). В Добровольческой армии; с февраля 1918 г. начальник пулеметной команды Черкесского конного полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В 1918—1919 гг. редактор «Народной Газеты» на Дону, в начале 1920 г. соредатор «Вестника Верховного Круга» в Екатеринодаре.

⁵⁹⁷ **Султан Мурад-Гирей**. Поручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку. Убит 25 июня 1918 г. у Новопокровской.

⁵⁹⁸ **Марков Сергей Леонидович**, р. в 1878 г. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1895), Константиновское артиллерийское училище (1898), Академию Генштаба (1904). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с 24 декабря 1917 г. начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с января 1918 г. начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир Сводно-офицерского полка, с апреля 1918 г. командир 1-й Отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 г. у ст. Шабалиевка.

⁵⁹⁹ **Султан Кадыр-Гирей**. Ротмистр гусарского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку; с 11 декабря 1918 г. командир 3-го Черкесского конного полка. Тяжело ранен 5 января 1920 г. Полковник (к 11 декабря 1918 г.).

⁶⁰⁰ **Адрианов Андрей Александрович**. Ротмистр л.-гв. Гродненского гусарского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку; с 11 декабря 1918 г. командир 2-го Черкесского конного полка. Полковник. В эмиграции в Болгарии. Умер 17 февраля 1922 г. в Софии.

⁶⁰¹ **Натырбов Ислам-Гирей**. Корнет. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й сотни в Черкесском конном полку. Во ВСЮР в 1-м Черкесском конном полку, 14 марта 1919 г. установлено старшинство в чине и произведен в поручики, с 23 марта 1919 г. штабс-ротмистр. Ротмистр. В эмиграции в США, с 1932 г. в Нью-Йорке.

⁶⁰² Султан Сагат-Гирей. Штабс-ротмистр. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку. В июне 1918 г. командир сотни в том же полку. Ротмистр.

⁶⁰³ Скопинский Александр Александрович, р. в августе 1901 г. Училище правоведения (1917) (не окончил; 7-й класс). Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В июле—декабре 1918 г. в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Участник Бредовского похода. В Русской Армии в 3-м Марковском полку, был ранен, затем в 7-м кавалерийском полку. Галлиполиец. Поручик. Служил в Русском Корпусе (унтер-офицер). Умер 22 марта 1988 г. в Мельбурне.

⁶⁰⁴ Впервые опубликовано: Наши вести. № 396. Сентябрь 1984.

⁶⁰⁵ Флоринский Павел Сергеевич, р. в 1888 г. Из дворян Херсонской губ. Присяжный поверенный, мировой судья. В Русской Армии следователь полкового суда в 7-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев».

⁶⁰⁶ Марковский полк (1-й офицерский полк, 1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. — 1-й генерала Маркова пехотный полк). Сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пулеметах. В середине марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в т. ч. Сводно-офицерский полк около 800), под Екатеринодаром — 800, после штурма — 400 человек (по 40—100 в роте), на 13 апреля — до 600, в мае — около 500. Во время похода в полк было влито несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получил наименование 1-й Офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я — из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными (по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался 1-й офицерский генерала Маркова полк.

В августе 1918 г. из полка (около 800 человек) были выделены на формирование своих частей гвардейцы, гренадеры, моряки, поляки (в Польский отряд), офицеры для пластуных батальонов, 100 человек в особую роту при Ставке — всего до 400 человек. После пополнения насчитывал свыше 3000 человек. Переформирован в 3 батальона по 4 роты (по более чем 200 штыков, в т. ч. 7-я и 9-я чисто офицерские по 250 штыков). В конце октября после боев у Армавира в полку было 1500 штыков (по 40—120 в роте), столько же — в середине ноября (роты по 100 штыков, офицерские — свыше 200), в конце месяца — 2000. В середине января 1919 г. в полку было до 800 штыков (по 50—80 в роте, в офицерских — по 150), в конце месяца —

до 1500, в начале апреля — до 550 (по 10—35 в роту). В это время офицерские роты наполовину состояли из солдат. На 1 октября 1919 г в полку было около 3000 человек, на 5 октября 1919 г. его боевой состав насчитывал 882 штыка при 20 пулеметах, в середине октября — около 1200 штыков. С 14 октября 1919 г. входил 1-м полком в состав Марковской дивизии. На 12 декабря 1919 г. имел 800 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крым насчитывал около 450 штыков при 15 пулеметах (3 батальона по 3—4 роты), в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 400 штыков. Полк вынес на себе основную тяжесть боев, особенно в 1918 г., и провел через свои ряды десятки тысяч людей. Для чинов полка в эмиграции был установлен нагрудный знак в виде черного мальтийского креста с белой узкой каймой, в центре — черный прямоугольник с пересекающимися по диагонали линиями, окруженный серебряным терновым венком; на концах креста даты: «12», «фев», «19», «18».

Командиры: генерал-лейтенант С.А. Марков (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-майор А.А. Боровский (середина марта — 20 апреля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (20—21 апреля 1918 г.), полковник князь И.К. Хованский (21—27 апреля 1918 г.), полковник Н.С. Тимановский (27 апреля — октябрь 1918 г.), генерал-майор Н.Н. Ходаковский (октябрь 1918 г.), полковник Наркевич (врио, октябрь — 19 ноября 1918 г.), полковник В.И. Гейдеман (19—27 ноября 1918 г.), полковник А.Н. Сальников (27 ноября 1918 г. — март 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (март 1919 г. — середина февраля 1920 г.), полковник Трусов (врио, март 1919 г.), полковник И.П. Докукин (врио, 14—21 ноября 1919 г.), полковник Д.А. Слоновский (врио, 21 ноября — 18 декабря 1919 г.), капитан (полковник) Д.А. Марченко (22 декабря 1919 г. — начало октября и с 21 октября 1920 г.), подполковник Г.А. Лебедев (октябрь 1920 г.; убит), капитан В. Коломацкий (врио, октябрь 1920 г.)

⁶⁰⁷ **Волков Александр Леонидович.** Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1913). Офицер 4-го гренадерского полка. В Вооруженных силах Юга России; к январю 1920 г. в Сводно-гренадерской дивизии. Подполковник. В эмиграции во Франции, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер после 1975 г.

⁶⁰⁸ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 45—46. Май—ноябрь 1975.

⁶⁰⁹ **Кочкин Борис Петрович.** Окончил Алексеевское военное училище. Полковник 12-го гренадерского полка, командир 25-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; командир роты Марковского полка, с 7 ноября 1918 г. начальник Сводно-гренадерской команды 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 24 ноября 1918 г. командир организованного им Сводного гренадерского батальона, с сентября 1919 г. командир Сводного полка 1-й гренадерской дивизии, с 23 октября 1919 г. командир 2-й бригады Сводно-гренадерской дивизии с февраля 1920 г. командир Сводного гренадерского батальона; летом—осенью 1920 г. формировал Гренадерский батальон. В Рус-

ской Армии до эвакуации Крыма. Командир Особого беженского батальона. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты во Франции. Генерал-майор (18 апреля 1920 г.). В эмиграции в Германии. Умер в 1956 г. в Ольденбурге (Германия).

⁶¹⁰ 6-я пехотная дивизия (I). Сформирована во ВСЮР 12 апреля 1919 г. из частей расформированных Астраханского корпуса и Саратовской отдельной бригады как 6-я дивизия (с 21 мая 1919 г. — пехотная). После реформирования корпусов вошла в состав 1-го Кубанского корпуса. Включала Сводные Астраханский и Саратовский пехотный полки, Гренадерский сводный пехотный полк (позже — 1-й и 2-й Сводно-гренадерские полки), Саратовский конный дивизион, 6-ю артиллерийскую бригаду и 6-ю отдельную инженерную роту (из инженерных частей Астраханского корпуса и Саратовской отдельной инженерной роты). 9 сентября 1919 г. была преобразована в Сводно-гренадерскую дивизию. Начальники: генерал-майор Патрикеев (убит 17 мая 1919 г.), генерал-майор М.К. Чичинадзе. Начштаба — полковник А.В. Алатырцев (до 22 июля 1919 г.), полковник Яковлев (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: 1-й — генерал-майор М.К. Чичинадзе (с 22 июля 1919 г.), 2-й — полковник В.К. Макин (с 22 июля 1919 г.).

⁶¹¹ 6-я артиллерийская бригада. Сформирована во ВСЮР 12 апреля 1919 г. из артиллерийских частей Астраханского корпуса и Саратовской отдельной бригады. Входила в состав 6-й пехотной дивизии (I). Включала: 1-й — 1-я и 2-я легкие батареи (из состава Саратовского артиллерийского дивизиона) и 2-й — 3-я и Сводно-гренадерская легкие батареи (из легкой батареи Астраханского корпуса и Сводно-гренадерской батареи) дивизионы. 18 августа Сводно-гренадерская батарея развернута в дивизион (5-я и 6-я батареи). 9 сентября 1919 г. была преобразована в Сводную гренадерскую артиллерийскую бригаду. Командиры батарей: полковник Шамшев, полковник Фихтнер.

⁶¹² Сводно-гренадерская дивизия. Сформирована в Добровольческой армии на базе офицерского кадра гренадерских полков Императорской армии. Гренадеры первоначально были ротой в Марковском полку, а в Южной Армии — 2-м батальоном 2-го Сводно-гренадерского полка. Затем осенью 1918 г. при Марковском полку был сформирован гренадерский батальон (полковник Б.П. Кочкин), включенный 19 ноября 1918 г. в состав 1-й дивизии как Сводный гренадерский батальон (28 февраля 1919 г. выделен из дивизии). 21 февраля 1919 г. он развернулся в Гренадерский сводный пехотный полк (приказ 14 апреля 1919 г.) из 16 рот (по одной от каждого из прежних полков), вошедший в 6-ю пехотную дивизию (командир — полковник Б.П. Кочкин). 28 июня 1919 г. в ее составе были образованы 1-й и 2-й Сводно-гренадерские полки. Во 2-й входили офицеры Кавказской гренадерской дивизии Императорской армии (31 человек), и он был переименован в Сводный полк Кавказской гренадерской дивизии (в конце 1918-го — начале 1919 г. почти все офицеры русской национальности полков дивизии покинули Грузию и вступили в Добровольческую армию). 9 сентября 1919 г. 6-я пехотная дивизия была преобразована в Сводно-гренадерскую в составе 4 (от каждой гренадерской дивизии Императорской армии) Сводно-гренадерских полков, запасного батальона,

Сводной гренадерской артиллерийской бригады и Гренадерской отдельной инженерной роты (сформирована 1 мая 1919 г.). В октябре 1919 г. входила в 1-й Кубанский корпус. К 5 октября 1919 г. насчитывала 1149 штыков, 178 сабель, 30 пулеметов и 17 орудий. Прославилась в боях под Царицыном. При отступлении в январе 1920 г. на ст. Абганерово понесла огромные потери, 22 февраля, попав в окружение, погибли почти все ее оставшиеся офицеры. 10 марта 1920 г. дивизия сведена в Отдельный Сводный гренадерский батальон. К 4 марта 1920 г. гренадер, сведенных полковником Кочкиным в батальон, осталось 45 человек, которые были влиты в Дроздовский полк, а другие остатки дивизии влиты в Алексеевский полк, образован батальон, полностью погибший в Кубанском десанте в августе 1920 г. Начальники: генерал-лейтенант П.К. Писарев (1919 г.), генерал-майор М.К. Чичинадзе (убит), генерал-майор М.Н. Виноградов (1920 г.). Начштаба: полковник Скоблев (до осени 1919 г.). Командиры бригад: генерал-майор М.К. Чичинадзе, полковник В.К. Манакин (до осени 1919 г.), полковник Б.П. Кочкин (2-й с 23 октября 1919 г.).

⁶¹³ **Чичинадзе Михаил Константинович**, р. в 1870 г. В службе с 1889 г., офицером с 1893 г. Полковник 8-го гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 23 сентября 1918 г.; с 2 ноября 1918 г. командир стрелкового полка 1-й конной дивизии (утвержден в должности 3 января 1919 г.), с 22 июля 1919 г. командир 1-й бригады 6-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. командир 1-й бригады Сводно-гренадерской дивизии, на 5 октября 1919 г. врид начальника, затем начальник той же дивизии. Генерал-майор (с 23 мая 1919 г.). Убит 24 декабря 1919 г. (январь 1920 г.) на ст. Абганерово.

⁶¹⁴ **Кривошей Александр Юрьевич (Георгиевич)**, р. 28 мая 1863 г. Из дворян Черниговской губ., сын офицера. Окончил Санкт-Петербургскую военную прогимназию, Виленское военное училище (1884). Подполковник, командир батальона 4-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР на тыловых должностях. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В Галлиполи зачислен в Алексеевский полк. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Югославии. В эмиграции к 1930 г. в Болгарии. Полковник. Умер 15 декабря 1937 г. в с. Княжево (Болгария).

⁶¹⁵ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 18. Ноябрь 1961.

⁶¹⁶ **Виноградов Михаил Николаевич**, р. 14 октября 1868 г. Окончил Воронежский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Академию Генштаба. Генерал-майор, командир бригады 115-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем командир отряда своего имени, с 28 мая 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 10 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, в начале 1920 г. начальник Сводно-гренадерской дивизии. В Русской Армии в резерве чинов при Военном управлении, с 24 июня 1920 г. начальник гарнизона Мелитополя, затем в отделе дежурного генерала штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии, с 1950 г. в Бельгии. Умер в сентябре 1960 г.

⁶¹⁷ Алексеевский полк (Партизанский полк, с сентября—ноября 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. — Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк). Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен — бывшие партизанские отряды полковника Красноярского, есаула Лазарева и полковника Чернецова (главным образом из донских партизан — учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полковником Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма — 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. — 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя генерала Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Алексеевской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1118 штыков при 28 пулеметах. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Геническа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. Полк понес огромные потери в десанте у Геническа. При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось не больше роты. В Галиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные Алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, разделенный по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, внизу — дата «1917». Командиры: генерал-лейтенант А.П. Богаевский (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-лейтенант Б.Н. Казанович (середина марта — начало июня 1918 г.), полковник (генерал-майор) П.К. Писарев (начало июня — 15 декабря 1918 г.), полковник Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полковник князь А.А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), капитан (полковник) П.Г. Бузун (лето 1919 г. — ноябрь 1920 г.).

⁶¹⁸ **Попов Константин Сергеевич**, р. в 1893 г. Георгиевский кавалер. Окончил Тифлисское военное училище (1913). Штабс-капитан 13-го гренадерского полка, курсовой офицер Тифлисского военного училища. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в Сводно-гренадерском батальоне, в начале 1919 г. курсовой офицер Кубанского Алексеевского военного училища, до 1 апреля 1919 г. в роте своего Сводно-гренадерского полка, затем помощник командира в 1-й роте 2-го Сводно-гренадерского полка, с 10 сентября 1919 г. командир батальона, с 1 октября 1919 г. командир батальона в Сводном полку Кавказской гренадерской дивизии. Эвакуирован из

Новороссийска на Кипр. Капитан. В эмиграции во Франции, член правления Союза Инвалидов. Военный историк. Умер 20(24) марта 1962 г. в Монморанси (Франция).

⁶¹⁹ Впервые опубликовано: *Попов К.* Воспоминания Кавказского гренадера. Белград, 1925.

⁶²⁰ 13-й гренадерский Эриванский полк. Почти все офицеры полка, к началу 1919 г. покинув Грузию, участвовали в Белом движении. Возрожден в Добровольческой армии в декабре 1918 г. как рота в Сводно-гренадерском полку, а затем батальон в составе Сводного полка Кавказской гренадерской дивизии. Полк потерял в Белом движении 25 офицеров (в мировую войну — 29). В эмиграции полковое объединение — «Союз эриванцев» в 1931—1932 гг. издавало в Париже на ротаторе журнал «Летопись эриванцев за рубежом» (4—8 страниц, редактор — полковник П. Брюнелли) и выпустило сборники «Эриванская летопись» (1933 г., 32 страницы) и «Летопись временных лет» (1942-й и 1946 гг., 20 и 32 страницы; редактор — полковник П. Брюнелли и полковник В. Шидельский).

⁶²¹ Имеется в виду генерал-майор Евгений Евгеньевич Вышинский (р. в 1873 г., офицером с 1893 г.).

⁶²² **Пильберг Густав Карлович.** Полковник, командир 13-го гренадерского полка. В Добровольческой армии с сентября 1918 г.; в октябре 1918 г. в 1-м батальоне и в Сводно-гренадерской команде 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 2 октября 1918 г. под Армавиром. Летом 1919 г. командир 2-го Сводно-гренадерского полка, с октября 1919 г. командир Сводного полка Кавказской гренадерской дивизии. Застрелился 22 ноября 1920 г. в Ростове.

⁶²³ **Шатилов Владимир Павлович,** р. в 1855 г. Генерал-лейтеннт, начальник Кавказской гренадерской дивизии. Осенью 1918 г. в Тифлисе; с 10 октября 1918 г. в Тифлисском центре Добровольческой армии (утвержден 2 февраля 1919 г.). Во ВСЮР комендант Екатеринослава, с 3 ноября 1919 г. в резерве чинов Добровольческой армии.

⁶²⁴ Корниловский ударный полк (1-й Корниловский ударный полк). Создан приказом по 8-й армии (генерала А.Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. сменная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии,

с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. — 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. — 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером. Для чинов корниловских частей установлен серебряный штампованный жетон (копия голубой нарукавной нашивки, носившейся на левом рукаве у плеча) — формы гербового щита, в середине которого — череп со скрещенными костями, над ним — дуговая надпись «корниловцы», внизу — скрещенные мечи рукоятью вниз, между рукоятями — пылающая граната и ниже даты «1917—18». Нагрудный знак представлял собой черный равнобедренный крест с белой каймой, наложенный на серебряный терновый венец, под которым — серебряный с золотой рукоятью меч (слева снизу вверх, рукоятью вниз), в центре — голубой щит, подобный жетону, но мечи опущены вниз и дата отсутствует (все изображения — золоченые) Командиры: полковник М.О. Неженцев (до 31 марта 1918 г.), полковник А.П. Кутепов (31 марта — 12 июня 1918 г.), полковник В.И. Индейкин (12 июня — 31 октября 1918 г.), полковник Н.В. Скоблин (31 октября 1918 г. — лето 1919 г.), полковник М.А. Пешня (лето — 14 октября 1919 г.), полковник К.П. Гордиенко (с 14 октября 1919 г.), штабс-капитан (подполковник) В.В. Челядинов (врид, январь, август 1920 г.), поручик (капитан) М. Дашкевич (врид, январь — февраль, июль — 21 августа 1920 г.), штабс-капитан (подполковник) Д. Ширковский (врио, февраль 1920 г.).

⁶²⁵ **Иванов Илларион Иванович**, р. в 1878 г. В службе с 1894 г, офицером с 1896 г. Полковник 15-го гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. начальник хозяйственной части Сводно-гренадерского батальона, в 1919 г. помощник командира 2-го Сводно-гренадерского полка, с 7 сентября 1919 г. командир того же полка. Убит в ноябре 1920 г. у Пичужинских хуторов на Волге.

⁶²⁶ **Силаев Борис Викторович**. Из дворян, сын полковника. Подпоручик 13-го гренадерского полка. В Добровольческой армии с лета 1918 г; с октября 1918 г. в Сводно-гренадерской команде 1-го Офицерского (Марковского) полка, в январе 1919 г. в Сводно-гренадерском батальоне, затем младший офицер в 1-й роте 2-го Сводно-гренадерского полка. Умер от ран в конце декабря 1920 г. в Ростове.

⁶²⁷ **Линьков Александр Иванович**. Подпоручик 13-го гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. в Сводно-гренадерской команде 1-го Офицерского (Марковского) полка, в январе 1919 г. в Сводно-гренадерском батальоне (в 4-й роте), затем младший офицер пулеметной команды 2-го Сводно-гренадерского полка. Поручик.

⁶²⁸ **Купцов Александр Никифорович**, р. в 1869 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Офицер 13-го гренадерского полка. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 18 января 1919 г. начальник гарнизона Армавира. В эмиграции.

⁶²⁹ Это была 1-я Киевская Софийская школа прапорщиков.

⁶³⁰ Автор путает судьбу этой школы с другими учебными заведениями.

3-я Киевская школа прапорщиков. Одна из первых частей Добровольческой армии. Переведенная в начале ноября 1917 г. из Киева, она (состояла из 2 рот) стояла гарнизоном в Таганроге. Насчитывала 400 человек 17 января 1918 г. при большевистском восстании в Таганроге погибло более 300 офицеров (в т. ч. других частей) и юнкеров, а остальные юнкера (141 человек) были перебиты 22-го при выходе из города после перемирия. До 50 офицеров и юнкеров было брошено в доменную печь на металлургическом заводе, кроме того, после изгнания большевиков в мае было обнаружено около 100 трупов. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской остатки школы вошли в состав Сводно-офицерского полка и Особого юнкерского батальона. Начальник — полковник Мастыка. Командиры рот: подполковник Дедюра, подполковник Макаревич.

Киевское Константиновское военное училище. Принимало участие в боях с большевиками в Киеве 25 октября — 1 ноября 1917 г. (убито 2 офицера и 40 юнкеров, ранено 2 и 60). Прибыло в Екатеринодар 13 ноября 1917 г. в составе 25 офицеров и 131 юнкера во главе с генералом Калачевым. Большинство их (около 100 офицеров и юнкеров) погибло в Кубанских походах. Участвовало в боях на Кубани с 21 января 1918 г., в 1-м и 2-м Кубанских походах (с 2 марта 1918 г. полусотня 3-й сотни 1-го Кубанского стрелкового полка). К 3 августа 1918 г. в нем осталось 11 офицеров и 14 юнкеров. Прием по полному курсу был открыт в Симферополе 1 января 1919 г. (67-й выпуск), а 3 сентября 1919 г. — еще один (68-й выпуск). 6 августа 1919 г. переведено в Феодосию. 26 декабря 1919 г. — 28 апреля 1920 г. обороняло Перекопский перешеек, 30 июля — 28 августа 1920 г. участвовало в Кубанском десанте. В училище был 21 офицер. При выступлении на фронт 27 декабря 1919 г. в батальоне училища было 16 офицеров, 336 юнкеров и 27 солдат, на 30 июля 1920 г. к началу десанта на Кубань — 2 генерала, 5 штаб- и 20 обер-офицеров, 2 врача, 377 юнкеров и 44 солдата, на момент эвакуации — 4 генерала, 15 штаб- и 16 обер-офицеров, 2 чиновника, 342 юнкера и 3 солдата. 15 января 1920 г. в бою на Перекопе училище потеряло 87 человек (в т. ч. 3 офицера и 29 юнкеров убито), в Кубанском десанте в августе 1920 г. было убито 2 офицера и 25 (или 38) юнкеров, ранено — 9 и 101 и без вести пропали 4 юнкера и 5 солдат. Всего с января 1919 г. училище потеряло убитыми 4 офицера и 64 юнкера и ранеными — 9 и 142 соответственно. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 187 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. За 5 лет сделало 3 полных (двулетних) и 2 ускоренных выпуска — всего 343 офицера. В Галлиполи 5 декабря 1920 г. были произведены в офицеры 114 юнкеров его 67-го выпуска (первого набора в Белой армии), 4 июня 1922 г. — 109 человек 68-го выпуска, в 1923 г. — юнкера 69-го выпуска. После преобразования армии в РОВС до 30-х годов представляла собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса (III) (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 148 человек, в т. ч. 133 офицера Начальники: генерал-майор Н.Х. Калачев (1 января 1919 г. — 4 апреля

1920 г.), генерал-майор М.П. Чеглов, генерал-майор Е.К. Российский (середина 1922 г. — конец 1923 г.), полковник В.И. Соколовский (1925—1931 гг.). Инспектор классов — полковник Попов (с 1 января 1919 г.). Командир батальона — полковник Сребницкий (с 1 января 1919 г.). Адьютант — капитан В.Г. Шпаковский. Начальник группы в Болгарии — генерал-майор П.Д. Черноглазов. В 1926 г. в Париже основано Объединение Киевлян-Константиновцев и Общества взаимопомощи Киевлян-Константиновцев во Франции и Югославии, существовавшие до Второй мировой войны. Общество взаимопомощи Киевского Константиновского училища насчитывало к 1930 г. более 200 человек.

Кубанское генерала Алексева военное училище. Создано в 1917 г. из школы прапорщиков казачьих войск в Екатеринодаре. Участвовало в 1-м Кубанском походе (в него был влит взвод Николаевского кавалерийского училища). Возродилось в Добровольческой армии после 2-го Кубанского похода. Занятия возобновились 15 мая 1919 г. 8 ноября 1919 г. присвоено имя генерала Алексева. Летом 1920 г. в нем числилось 23 офицера, 3 чиновника, 2 врача, 307 юнкеров и 47 казаков. Училище потеряло убитыми в Кубанском десанте 2 офицера, врача и 27 юнкеров, ранеными — 4 офицера и 52 юнкера. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 113 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. Эвакуировано на о. Лемнос, где при нем существовала (до 1922 г.) офицерская школа для офицеров, произведенных за боевые отличия (полковник Зершиков). Училище сделало последний выпуск 1 сентября 1922 г. в Болгарии. После преобразования армии в РОВС до 30-х годов представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе Кубанской казачьей дивизии (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). С Лемноса убыло в числе 618 человек (177 офицеров, 263 юнкера, 178 казаков), осенью 1925 г. насчитывало 632 человека, в т. ч. 412 офицеров. Начальники: полковник Ермоленко (1917 г. — 26 января 1919 г.), генерал-майор Ф.И. Корольков (27 января 1919-го — 7 мая 1920 г.), генерал-майор А.Д. Болтунов (8 мая 1920-го — 20 февраля 1921 г.), генерал-майор О.И. Лебедев (с 21 февраля 1921 г., 1925 г.). Инспектор классов — генерал-лейтенант Л.М. Болховитинов, помощник начальника — полковник Р.К. фон Дрейлинг, адъютанты — полковник Б.Г. Милашевич, войсковой старшина К.К. Зродловский, священник — отец Д. Трухманов. Командир дивизиона — полковник В.К. Зродловский, конной сотни — полковник В.А. Деревлев, полубатарей — полковник Л.И. Пруденский. Начальники групп: полковник Н.Г. Пастернаков (Лион), полковник Н.С. Кириченко (Тараскон), полковник Б.Г. Милашевич (Болгария), хорунжий К.В. Романовский (Чехословакия), сотник К.К. Абрамов (Германия). При училище к 1931 г. существовала Екатеринодарская сотня (кадр полка). Командир — полковник К.И. Корсун, помощник командира — полковник Е.В. Кравченко, командир офицерской резервной сотней — войсковой старшина А.Б. Дубина. На Лемносе юнкерами издавались рукописные журналы «Барабан» (1920—1921 гг.) и «Кубанец» (1921 г., вышло 12 номеров).

⁶³¹ Братья Щербовичи-Вечор были сыновьями генерал-лейтенанта Ольгерда-Болеслава Карловича (1843—1908). Это были:

Александр Ольгердович. Подполковник. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в составе Киевского Константиновского военного училища. В начале 1919 г. командир батальона Кубанского Алексеевского военного училища. Полковник. Умер в 1925 г.

Владимир Ольгердович, р. в 1874 г. В службе с 1892 г., офицером с 1894 г. Полковник кавалерии. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Корниловском полку. Расстрелян большевиками 20 марта 1920 г. в Екатеринодаре.

Евгений Ольгердович, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Полковник Отдельного корпуса жандармов. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в составе Киевского Константиновского военного училища. В начале 1919 г. начальник Кубанского Софийского (Алексеевского) военного училища. Во ВСЮР и Русской Армии в комендантской части главной квартиры до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии. Умер в Белграде.

Сергей Ольгердович. Полковник артиллерии. В эмиграции во Франции. Умер 13 апреля 1964 г. в Монморанси (Франция).

⁶³² **Пущенко Виктор Ефимович.** Полковник, командир роты Киевской школы прапорщиков. В Добровольческой армии Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В начале 1919 г. командир роты Кубанского Алексеевского военного училища. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии.

⁶³³ **Гранитов Владимир Иванович,** р. 13 ноября 1883 г. (1885) в имении в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губ. Окончил реальное училище в Кронштадте, Алексеевское военное училище (1905). Подполковник, командир батальона 13-го гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 г.; в 1919 г. командир 1-й роты 2-го сводно-гренадерского полка, командир батальона своего полка в Сводно-гренадерской дивизии. В Русской Армии в Алексеевском полку до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Югославии окончил Межевой институт. Служил в Русском Корпусе. С 1948 г. в Аргентине. Умер 9 октября 1968 г. в Буэнос-Айресе.

⁶³⁴ **Кузнецов Александр Григорьевич,** р. в 1877 г. Окончил Киевское военное училище (1897). Капитан 13-го гренадерского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1919 г. начальник хозяйственной части 2-го сводно-гренадерского полка, с ноября 1920 г. командир Сводного полка Кавказской гренадерской дивизии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». В эмиграции во Франции, командир кадра 13-го гренадерского полка, председатель полкового объединения. Умер 23 октября 1961 г. в Париже.

⁶³⁵ **Долженков Евгений Федорович.** Подпоручик 13-го гренадерского полка (был в плену). Во ВСЮР и Русской Армии в батальоне л.-гв. Гренадерского полка до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Болгарии. Капитан.

⁶³⁶ **Гаттенбергер Борис Петрович.** Окончил Симбирский кадетский корпус (1911), Павловское военное училище (1913). Капитан 13-го гренадерского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с

ноября 1918 г. в добровольческих частях в Ялте, осенью 1918 г. начальник милиции Ялты, сформировал на ее основе Офицерскую роту (затем Симферопольского офицерского полка), с ноября 1918 г. командир 2-го батальона в Симферопольском офицерском полку. Застрелился в окружении 14 сентября 1919 г. на р. Синюхе.

⁶³⁷ Речь идет об одной из частей бывшей Астраханской армии (см. выше).

⁶³⁸ **Манакин Виктор Константинович.** Окончил Михайловское артиллерийское училище, Академию Генштаба. Офицер л.-тв. 1-й артиллерийской бригады. Подполковник Кавказской гренадерской дивизии и 1-го Ударного полка. Георгиевский кавалер. Участник боев ударных батальонов с большевиками под Белгородом и Унечей в декабре 1917 г. В Донской армии; в апреле—мае 1918 г. начальник штаба Северного отряда, на 26 июня 1918 г. начальник штаба Донецкого района, в сентябре 1918 г. начальник штаба Северо-Восточного фронта; осенью 1918 г. участвовал в формировании Южной армии, губернатор Саратовской губ.; с 22 июля 1919 г. командир 2-й бригады 6-й пехотной дивизии, в сентябре 1919 г. командир 2-й бригады Сводно-гренадерской дивизии, с 23 октября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Полковник (с 12 мая 1918 г.). В эмиграции в 1932 г. в Югославии, затем в США. Умер 29 февраля 1964 г. в Вашингтоне.

⁶³⁹ **Щеголев Владимир.** Полковник В Добровольческой армии и ВСЮР; с 12 января 1919 г. командир 1-й батареи 1-го конно-артиллерийского дивизиона, с 13 апреля 1919 г. командир того же дивизиона. В Русской Армии на октябрь 1920 г. инспектор конной артиллерии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (15 октября 1919 г.). В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1931 г. возглавлял группу конно-артиллерийского дивизиона.

⁶⁴⁰ Сводный Саратовский пехотный полк. Сформирован во ВСЮР 15 марта 1919 г. из частей Саратовского корпуса. В него были сведены кадры 5-го стрелкового Саратовского, 42-го пехотного Якутского, 187-го пехотного Аварского полков, Саратовская рота, Офицерская рота и сотня Белого Орла. Входил в состав Саратовской отдельной бригады, с 12 апреля 1919 г. — 6-й пехотной дивизии. 23 августа 1919 г. под Царицыном сдался в плен, перебив офицеров. Остатки полка и его учебная команда влиты ротой во 2-й Сводно-гренадерский полк.

⁶⁴¹ **Запольский Всеволод Федорович.** Окончил Академию Генштаба. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР в мае 1919 г. командир 8 пластунского батальона, в августе—октябре 1919 г. командир 4-го Кубанского пластунского батальона в Кавказской армии, на 5 октября 1919 г. командир 2-й Кубанской пластунской бригады, затем генерал-квартирмейстер штаба генерала Покровского. Генерал-майор (с 1919 г.). Убит в 1920 г. под Туапсе.

⁶⁴² 4-я Кубанская казачья дивизия. Сформирована во ВСЮР 29 июля 1919 г. Состав: 2-й Уманский, 2-й Запорожский, 2-й Кавказский, 2-й Екатеринодарский Кубанского казачьего войска полки. В октябре 1919 г. вошла во 2-й Кубанский корпус. К 5 октября 1919 г. (временно при 4-м конном корпусе) с 4-м Кубанским казачьим конно-артиллерийским дивизио-

ном (6-я и 9-я Кубанские казачьи конные батареи по 2 орудия) насчитывала 703 штыка, 351 саблю, 21 пулемет и 4 орудия. В нее входил также и стрелковый полк (сформирован 20 июля 1919 г.; к осени 1919 г. 703 штыка, 9 пулеметов). Расформирована 6 мая 1920 г. Начальник — генерал-майор Г.Я. Косинов (с 10 декабря 1919 г.). Начштаба — полковник Ильин (до 11 ноября 1919 г.). Командиры бригад: полковник В.И. Рудько (до 23 октября 1919 г.), полковник М.А. Скворцов (с 23 октября 1919 г.).

⁶⁴³ **Скворцов Михаил Алексеевич**, р. 18 января 1887 г. Из казаков ст. Суворовской Кубанской обл. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Подъесаул Собственного Е.И.В. конвоя. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; в начале 1918 г. в отряде полковника Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в конвое Кубанского атамана и 1-м Офицерском конном полку. С 23 июля 1918 г. и с 10 января 1919 г. командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 9 июня 1919 г. командир бригады 4-й Кубанской казачьей дивизии, с 22 июня 1919 г. начальник той же дивизии, с сентября 1919 г. врио командующего 2-м Кубанским казачьим корпусом. Генерал-майор. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Владимир». Осенью 1925 г. в составе 3-го Сводно-кубанского казачьего полка в Югославии. В эмиграции там же; на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии, 1933 г. член правления Союза Первопоходников. Служил в Русском Корпусе (командир батальона). После 1945 г. — в США. Умер 19 апреля 1967 г. в Лос-Анджелесе (или Голливуде).

⁶⁴⁴ 2-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован в июне 1918 г. как 4-й Сводный Кубанский полк. 18 января 1919 г. переименован во 2-й Кавказский. Был в составе 2-й пехотной дивизии. С 29 июля 1919 г. входил в состав 4-й Кубанской казачьей дивизии. Насчитывал 64 сабли, 1 пулемет. Командиры: полковник Яновский (до 3 сентября 1918 г.), войсковой старшина Рутецкий (с 29 августа 1918 г.), войсковой старшина Закрепа (с 23 октября 1919 г.).

⁶⁴⁵ 2-й Уманский полк Кубанского казачьего войска. Возрожден в Добровольческой армии в июле 1918 г. В 1918 г. входил в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии (1), осенью 1919 г. — 4-й Кубанской казачьей дивизии. Насчитывал 109 сабель, 4 пулемета. Командиры: полковник Л.В. Шимкевич (до 3 января 1919 г.), полковник Буряк (10 января — октябрь 1919 г.).

⁶⁴⁶ **Икишев Сергей Михеевич**, р. в 1874 г. Сын коллежского асессора. Офицер с 1894 г. Полковник 22-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, инспектор артиллерии армии, с 12 февраля 1918 г. командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, летом (август) 1919 г. заместитель начальника 6-й пехотной (затем Сводно-гренадерской) дивизии, затем командир Сводно-гренадерской артиллерийской бригады, с 15 апреля 1920 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В апреле 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона в Югославии. В эмиграции там же. Умер в Белграде.

⁶⁴⁷ Сводный полк Кавказской гренадерской дивизии. Сформирован во ВСЮР 28 июня 1919 г. из Сводно-гренадерского полка как 2-й гренадерский сводный полк в составе 6-й пехотной дивизии. Включал один батальон 4-ротного состава (по числу полков Кавказской гренадерской дивизии), имел знамя и серебряные трубы Мингрельского гренадерского полка. Количественно преобладали офицеры Эриванского гренадерского полка. Поскольку в полку служил 31 офицер Кавказской гренадерской дивизии Императорской армии (31 человек), он в сентябре 1919 г. был переименован в Сводный полк этой дивизии. С сентября 1919 г. входил в состав Сводно-гренадерской дивизии. В 1919 г. имел 400—500 штыков, но к концу января 1920 г. сократился до 60 и 11 февраля 1920 г. был окончательно уничтожен у Горькой Балки, спаслось лишь 16 офицеров. Командиры: полковник Г.К. Пильберг (с 5 августа 1919 г.), полковник И.И. Иванов (7 сентября — ноябрь 1919 г.; убит), полковник Кузнецов (ноябрь 1919-го — 11 февраля 1920 г.). Командиры батальонов: полковник Талише, штабс-капитан К. Попов, подполковник К.П. Гофсет (убит), полковник Чудинов (убит). Командиры рот: полковник В.И. Гранитов, штабс-капитан Засыпкин, поручик Резаков, штабс-капитан Лепин. Начальник пулеметной команды — поручик Братшау, начальник команды связи — капитан Гаврилов.

⁶⁴⁸ **Фихтнер Петр Львович.** Полковник артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-й артиллерийской бригаде, с 24 апреля 1919 г. командир Сводно-гренадерской батареи 6-й артиллерийской бригады, с сентября 1919 г. командир 5-й батареи Сводно-гренадерской артиллерийской бригады.

⁶⁴⁹ **Орлов Николай Иванович.** Окончил Симферопольскую гимназию, Варшавский ветеринарный институт (не окончил). Штабс-капитан 60-го пехотного полка. В декабре 1917 г. командир офицерской роты Крыма, летом 1918 г. председатель Общества взаимопомощи офицеров в Симферополе, сформировал Симферопольский офицерский батальон, затем командир 1-го батальона Симферопольского офицерского полка. Весной 1920 г. поднял мятеж против командования в Крыму. Расстрелян красными в Симферополе вместе с братом Борисом в декабре 1920 г.

⁶⁵⁰ **Павлов Борис Арсеньевич** (псевд. Пылин), р. в 1906 г. в Твери. Из дворян Тверской губ., сын преподавателя гимназии. Кадет 2-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с осени 1919 г. (поступил в Ливнах) доброволец Алексеевского полка, разведчик, в августе 1920 г. участник десанта на Кубань, затем как малолетний отправлен в кадетский корпус, кадет интерната при Константиновском военном училище до эвакуации Крыма. Награжден Георг. крестом 4-й ст. Эвакуирован из Севастополя на транспорт «Корнилов». В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1926), Люблянский университет. Горный инженер. После 1945 г. — в США, член Общества Ветеранов, кадетского объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 февраля 1994 г. в Монтеррее или Кармеле (Калифорния).

⁶⁵¹ Впервые опубликовано: Пылин Б. Первые четырнадцать лет. Калифорния, 1972.

⁶⁵² **Горяинов Иван Никитич.** Хорунжий. В эмиграции в Германии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в октябре 1984 г. в Гамбурге.

⁶⁵³ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 124. Сентябрь 1973.

⁶⁵⁴ 13-й пехотный Белозерский полк. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. — 9-й, затем 4-й (II) пехотных дивизий. Сформирован 23 марта 1919 г. при Дроздовском полку, к 11 марта 1919 г. имел всего 76 человек (4 роты, в двух из них было по 11 человек), в апреле 1919 г. он имел 62 штыка, летом в нем было около 100 офицеров и две офицерские роты. Из Харькова полк выступил в количестве около 800 штыков и 15 пулеметов, к моменту штурма Чернигова он имел 2000 штыков, 200 сабель и 600 человек в запасном батальоне. За три месяца летних боев 1919 г. полк потерял 4000 человек. В полку солдатский состав на 80—90% состоял из пленных красноармейцев или мобилизованных и бежавших от красных, от Харькова до Бредовского похода полк пропустил через свои ряды более 10 тысяч человек. Осенью от потерь полк уменьшился до 215 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит в 1-й Марковский полк. Командиры: генерал-майор Будянский (7 апреля — май 1919 г.), полковник Чертков (май 1919 г.), полковник Радченко, полковник Б.А. Штейфон.

⁶⁵⁵ 3-я пехотная дивизия. Сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. как 3-я дивизия (с 21 мая 1919 г. — пехотная). Состав: 2-й офицерский стрелковый, 2-й офицерский конный (с 1 июля также Самурский) полки, 3-я инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, Конно-горная и Гаубичная батареи. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле 1918 г. за 10 дней боев дивизия потеряла 30% состава, с 16 августа за месяц боев — около 1800 человек, т. е. более 75% своего состава. 11 ноября 1918 г. ей были переданы 1-й и 2-й стрелковые полки расформированной 4-й дивизии. С 15 ноября 1918 г. входила в состав 2-го армейского корпуса, с 27 декабря 1918 г. — Крымско-Азовского корпуса (в это время включала также Ингерманландский конный дивизион, Чехословацкий пехотный батальон, Петропавловский, Александровский и Романовский отряды, 3-й легкой и 3-й парковый арддивизионы, запасный батальон, 3-й авиаотряд, Чугуевский и Белгородский конные отряды). 17 января 1919 г. в ее состав был передан Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии. С 15 мая 1919 г. включена в состав 1-го армейского корпуса. Летом и на 5 октября 1919 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Дроздовские и Самурский полки, запасный батальон (полковник Еньков; на 5 октября 1919 г. 850 штыков, 4 пулемета), 3-ю артиллерийскую бригаду, 3-й запасный артиллерийский дивизион и 3-ю инженерную роту, до 1 сентября 1919 г. — также Сводно-стрелковый и Белозерский полки. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 5945 штыков при 142 пулеметах. 14 октября 1919 г. преобразована в Дроздовскую дивизию. Начальники: полковник (генерал-майор) М.Г. Дроздовский (июнь — 31 октября 1918 г.), генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский (врид, 19 ноября 1918 г. — январь 1919 г.), генерал-майор В.К. Витковский (с января 1919 г.). Начштаба: полковник Чайковский (6 сентября — 8 октября 1918 г.), полковник Ерофеев

(с 19 ноября 1918 г.), полковник Н.А. Коренев (6 декабря 1918 г. — 28 апреля 1919 г.), полковник Б.А. Штейфон (весна 1919 г.), полковник Ф.Э. Бредов (с 22 июля 1919 г.). Начальники артиллерии: генерал-майор В.Ф. Кирей (до 8 ноября 1918 г.), полковник В.А. Мальцов (с 11 ноября 1918 г.). Командиры бригад: генерал-майор Смирнов (до 22 ноября 1918 г.), полковник В.К. Витковский (с 24 ноября 1918 г.), генерал-майор Н.Н. Ходаковский (до 21 марта 1919 г.).

⁶⁵⁶ **Бредов Федор Эмильевич**, р. 22 апреля 1884 г. в Ивангороде. Окончил 1-й кадетский корпус (1901), Павловское военное училище (1903), академию Генштаба (1909). Подполковник л.-гв. Финляндского полка, начальник штаба 63-й пехотной дивизии, и.д. начальника 58-й пехотной дивизии (с 1915 г. в плену), вернулся в 1918 г. В Вооруженных силах Юга России с 1 февраля 1919 г.; летом 1919 г. в штабе Войск Юго-Западного края (Одесса), с 22 июля 1919 г., сентябрь—октябрь 1919 г. начальник штаба 3-й пехотной и Дроздовской дивизий (полковник), с августа 1920 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. В Галлиполи начальник штаба 1-й пехотной дивизии, с апреля 1922 г. в Болгарии. Генерал-майор (с апреля—июня 1922 г.). Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США, председатель объединения л.-гв. Финляндского полка. Умер 15 марта 1959 г. в Сан-Франциско (США).

⁶⁵⁷ Сводный полк 31-й пехотной дивизии. Ячейка полка (из офицерского кадра полков этой дивизии Императорской армии) формировалась при 13-м пехотном Белозерском полку. Сводный батальон 31-й пехотной дивизии был сформирован летом 1919 г. в Харькове и временно придан этому полку, 23 сентября развернут в полк. В сентябре—октябре 1919 г. батальон (полк) состоял при 1-м армейском корпусе, 14 октября 1919 г. на базе его были развернуты 1-й и 2-й Сводные полки 31-й пехотной дивизии.

⁶⁵⁸ 4-я пехотная дивизия (II). Сформирована во ВСЮР в конце 1919 г. на базе офицерского кадра полков одноименной дивизии Императорской армии. Включала 13-й пехотный Белозерский, 14-й пехотный Олонецкий, 16-й пехотный Ладожский полки, на 2 марта 1920 г. в ней состояли Белозерский, Олонецкий и Симферопольский офицерский полки и Сводный артиллерийский дивизион (2 батареи). Расформирована 6 апреля 1920 г. Начальники: полковник Б.А. Штейфон (врио), генерал-майор В.К. Шевченко. Начштаба — полковник Лебедев.

⁶⁵⁹ Дроздовская дивизия (Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия, с апреля 1920 г. Стрелковая генерала Дроздовского дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе созданной 30 июля Офицерской стрелковой генерала Дроздовского бригады 3-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Дроздовских полков, запасного батальона, Дроздовской инженерной роты и Дроздовской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I). В середине октября 1919 г. насчитывала свыше 3000 штыков и 500 сабель в конном полку. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион. Отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым

Дроздовские части насчитывали 3260 штыков и сабель. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери (например, в десанте на Хорлы дивизия потеряла 575 человек, 14 августа 1920 г. у Андебурга — 100 человек). Общие потери дроздовцев исчисляются в 15 тысяч убитых и 35 тысяч раненых. Среди убитых свыше 4,5 тысячи офицеров. В Галлиполи сведена в Дроздовский стрелковый полк. Дроздовские части носили малиновые фуражки с белым околышем и малиновые с белой выпушкой погоны с желтой буквой «Д». Начальники: генерал-майоры В.К. Витковский, К.А. Кельнер (июль—август 1920 г.), А.В. Туркул (август — 28 октября 1920 г.), В.Г. Харжевский (с 28 октября 1920 г.). Начштаба — полковник Ф.Е. Бредов.

⁶⁰ Войска Киевской обл. Созданы во ВСЮР 7 сентября 1919 г. Основу их составлял переданный из Добровольческой армии к 5 октября 1919 г. 2-й армейский корпус, 9-я пехотная дивизия и 2-я Терская пластунская бригада. В них входили также Осетинский стрелковый батальон, 3-й Осетинский конный полк, Волчанский партизанский отряд, 8-я отдельная телеграфная рота и 6-й автомобильный батальон. Им были приданы 3-й отряд танков, 3-й бронепоездной дивизион, отдельный бронепоезд «Баян», 2-й отряд 1-го бронепоездного дивизиона, 2-й авиадивизион и 1-й отряд 1-го авиадивизиона. В составе войск области воевали и малочисленные офицерские дружины, составленные из пожилых офицеров местных городов, в частности Роменская и Нежинская офицерские дружины в несколько десятков человек, а также Киевский офицерский полк — более значительного состава. На 5 октября 1919 г. насчитывали всего 8551 штыков и 331 сабель при 220 пулеметах и 74 орудиях. Расформированы 29 декабря 1919 г. Командующий — генерал от кавалерии А.М. Драгомиров. Помощник командующего — генерал от инфантерии В.Е. Флуг. Начштаба — генерал-лейтенант М.Н. Вахрушев. Генерал-квартирмейстер — генерал-майор А.Н. Шуберский. Дежурный генерал — полковник Базилевич (с 3 ноября 1919 г.). Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант М.И. Репьев (с 13 ноября 1919 г.). Начальник снабжений — генерал-майор В.П. Бреслер.

⁶¹ **Драгомиров Абрам Михайлович**, р. 21 сентября 1868 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерала от инфантерии. Окончил Пажеский корпус (1887), Академию Генштаба (1893). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С августа 1918 г. помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918 г. по сентябрь 1919 г. одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 11 сентября 1919 г., декабрь 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Киевской обл. С 8 марта 1919 г. заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сентября 1920 г. председатель кавалерской думы. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 г. генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 г. во Франции, руководитель особой работы РОВС, председатель Общества офицеров Генерального штаба. В годы Второй мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества Ветеранов. Умер 9 декабря 1955 г. в Ганьи (Франция).

⁶⁶² **Штейфон Борис Александрович**, р в 1881 г. в Харькове. Из мещан Окончил Харьковское реальное училище, Чугуевское военное училище (1902), академию Генштаба (1911). Георгиевский кавалер. Полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С 5 апреля 1918 г. в Харьковском центре Добровольческой армии (утвержден 2 февраля 1919 г.), летом 1918 г. начальник штаба Южной армии. Осенью 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, затем в начале 1919 г. командир Белозерского и Архангелогородского полков, начальник штаба Полтавского отряда, с декабря 1919 г. начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован 30 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба Гавнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Стегед». Галлиполиец, комендант города и лагеря Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, начальник штаба и командир Русского Корпуса. Умер 30 апреля 1945 г. в Загребе (Югославия).

⁶⁶³ Впервые опубликовано: *Штейфон Б.* Кризис добровольчества Белград, 1928.

⁶⁶⁴ **Черниоловский Павел Онуфриевич**, р. в 1862 г. В службе с 1879 г., офицером с 1883 г. Генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России; в июне 1919 г. помощник командира Белозерского полка. Убит в начале 1920 г. в Бредовском походе.

⁶⁶⁵ **Глоба Иосиф Иванович**. Подпоручик В Вооруженных силах Юга России; в июне—сентябре 1919 г. адъютант Белозерского полка. Участник Бредовского похода. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии. Капитан.

⁶⁶⁶ 16-й пехотный Ладожский полк. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, 9-й и 4-й (II) пехотных дивизий. Ячейка полка формировалась при 13-м пехотном Белозерском полку.

⁶⁶⁷ Сводно-стрелковый полк. Сформирован во ВСЮР 21 июля 1919 г. в составе 3-й пехотной дивизии на базе офицерского кадра стрелковых полков. С 1 сентября 1919 г. входил в состав 9-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1674 штыка при 7 пулеметах. В Генической операции потерял 150 человек. К началу февраля 1920 г. в полку оставалось около 250 человек. 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на укомплектование 13-й пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. восстановлен и входил в состав 2-й бригады 6-й пехотной дивизии. Командир — полковник Г.К. Гравицкий (с 10 августа 1919 г.).

⁶⁶⁸ Дроздовский полк (2-й офицерский полк, 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с 22 августа 1919 г. 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 1-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован в начале мая 1918 г. в Новочеркаске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полковника Дроздовского. После соединения последнего с Добровольческой армией получил наименование 2-го офицерского и вошла в 3-ю пехотную дивизию, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. После смерти М.Г. Дроздовского получил его имя, и с

4 января 1919 г. именовался 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. С 14 октября 1919 г. входил в состав Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1352 штыка при 45 пулеметах, в начале августа 1920 г. — свыше 1000 штыков, на 21 сентября — свыше 1500. Нес тяжелые потери. В начале 2-го Кубанского похода в бою под Белой Глиной в ночь на 23 июня 1918 г. потерял около 400 человек, в т. ч. до 80 офицеров убитыми. 28 января 1919 г. к северу от Бахмута погибла Дроздовская офицерская рота, убито 37 офицеров. 9 января 1920 г. полк потерял около 70 человек, при взятии Ростова 9 февраля — около 220, 31 июля под Гейдельбергом — более 300 человек. Для чинов дроздовских частей в эмиграции установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, верхний и правый концы которого малиновые, а левый и нижний — белые, в середине — буква «Д» славянской вязи, сверху надпись «ЯССЫ», внизу дата «1917». Командиры: генерал-майор В.В. Семенов (до 21 апреля 1918 г.), полковник М.А. Жебрак-Русанович (22 апреля — 23 июня 1918 г.), полковник В.К. Витковский (24 июня 1918 г. — январь 1919 г.), полковник К.А. Кельнер (с 18 января 1919 г.), полковник В.А. Руммель (до 11 октября 1919 г.), полковник А.В. Туркул (11 октября 1919 г. — август 1920 г.), полковник В. Мельников (август — 23 сентября 1920 г.), полковник (генерал-майор) Н.В. Чеснаков (с 23 сентября 1920 г.).

⁶⁶⁹ **Макаров Павел.** Прапорщик 134-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 18 июня 1919 г. штабс-капитан. До 2 декабря 1919 г. адъютант командующего Добровольческой армией. Капитан. В 1920 г. участник восстания в Крыму, затем в Красной армии. В дальнейшем была выдвинута версия (не соответствующая действительности), что он был изначально заслан в Белую армию.

⁶⁷⁰ Молодая армия. Части Донской армии, формировавшиеся из не служивших ранее молодых казаков 19—20 лет. Формирование ее началось 4 мая 1918 г. — сразу же после избрания войсковым атаманом П.Н. Краснова, и было завершено в августе 1918 г. Состав: 1-я, 2-я и 3-я Донские конные дивизии, 1-я Донская пластунская бригада, 1-й Донской саперный батальон, Донские самолетный и броне-автомобильный дивизионы и химический взвод, позже — 4-я Донская пограничная дивизия. Армия не представляла собой оперативного объединения, ее части действовали раздельно, а с 12 мая 1919 г. в основном вошли в состав 3-го Донского отдельного корпуса.

⁶⁷¹ 2-й Дроздовский полк (2-й офицерский генерала Дроздовского полк, 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. 2-й стрелковый генерала Дроздовского полк). Сформирован 27 июля 1919 г. на базе офицерского кадра Дроздовского полка как 4-й офицерский и 22 августа переименован во 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского. Входил в состав 3-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1309 штыков при 55 пулеметах. В начале августа 1920 г. состоял из 300 штыков, на 21 сентября в полку было около 900 штыков. Командиры: полковник А.В. Туркул (сентябрь—11 октяб-

ря 1919 г.), полковник В.А. Руммель (октябрь 1919 г.), полковник М.А. Звягин, полковник В.С. Титов (январь 1920 г.), подполковник Елецкий, капитан (полковник) В.Г. Харжевский (6 декабря 1919 г. — октябрь 1920 г.).

⁶⁷² **Манштейн Владимир Владимирович.** Из дворян, сын полковника. Штабс-капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м офицерском (Дроздовском) полку; в октябре 1919 г. — летом 1920 г. командир 3-го Дроздовского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 22 июня 1920 г.). Галиполиец. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Марковскому полку в Болгарии. Покончил самоубийством 19 сентября 1928 г. в Софии.

⁶⁷³ Речь идет о штабс-капитане Николае Григорьевиче Крапивянском (1889—1948).

⁶⁷⁴ **Дроздовский Михаил Гордеевич,** р. в Киеве 7 октября 1881 г. Из дворян, сын генерала. Окончил Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), Академию Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Вольнского полка. Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте (1-я отдельная бригада русских добровольцев), с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон и 27 мая 1918 г. соединился с Добровольческой армией. В Добровольческой армии начальник 3-й дивизии. Генерал-майор (12 ноября 1918 г.). Ранен 31 октября 1918 г. под Ставрополем. Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

⁶⁷⁵ **Чернопыцкий Василий Григорьевич.** Сын офицера. Окончил Виленское военное училище (1914). Офицер 42-го пехотного полка. Летом 1918 г. участвовал в отправке офицеров в Южную армию, осенью 1918 г. на бронепоезде в отряде графа Келлера в Киеве. В Вооруженных силах Юга России; с начала 1919 г. в роте своего полка в добровольческих частях в Одессе, адъютант полка, с весны 1919 г. в пулеметной команде полка, с августа 1919 г. оперативный адъютант. Участник Бредовского похода. Подполковник. В эмиграции во Франции, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 13 ноября 1983 г. в Марвелле (Франция).

⁶⁷⁶ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 126. Январь 1974.

⁶⁷⁷ 42-й пехотный Якутский полк. Возрожден во ВСЮР 18 мая 1919 г. Офицеры полка еще летом 1918 г. пытались сформировать свою роту в Южной и Донской армиях; осуществить свое намерение им удалось в начале 1919 г. в Одессе. Этот полк (у гетмана — 2-й Вольнский кадровый полк) пришел в Одессу из 1-го Вольнского гетманского корпуса, и его кадр вошел в состав Одесской бригады. Состоял из 2 батальонов (3-й был сформирован летом 1919 г. в Киеве из военнопленных). Входил в состав 7-й пехотной дивизии. С 3 сентября на его основе образована Остерско-Козелецкая группа. 2 марта 1920 г. включен в состав 4-й стрелковой дивизии. После Бредовского похода и пребывания в Польше в августе 1920 г. чины полка были влиты в 49-й пехотный Брестский полк, а одна рота — в 3-й Марковский полк. Часть кадра полка воевала в составе Саратовского корпуса и 15 марта 1919 г. вошла в состав Саратовской отдельной бригады. Командиры: полковник Антонович (до весны 1919 г.), полковник Н.А. Петров, генерал-майор Ф.П. Бернис (с 18 июня 1919 г.), полков-

ник Любомиров (октябрь 1919 г.), полковник Иваненко, полковник Дехтерев (ноябрь—декабрь 1919 г.).

⁶⁷⁸ **Антонович Николай Владимирович**, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1897 г. Полковник, командир 42-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. в Балте занимался отправкой офицеров в Южную армию; в конце 1918-го — начале 1919 г. комендант Одессы от Добровольческой армии; до весны 1919 г. командир 42-го пехотного полка. Генерал-майор. Эвакуирован до осени 1920 г. из Новороссийска.

⁶⁷⁹ Речь идет о так называемой Русской народной армии. Она формировалась летом 1918 г. на севере Донской области как при непосредственном участии гетмана П.П. Скоропадского (ей из украинской казны были переданы значительные суммы). Комплектовалась из крестьян Саратовской губ. 30 сентября 1918 г. приказом Донского атамана была преобразована в Саратовский корпус и включена вместе с частями Южной армии и Астраханской армии в состав Особой Южной армии. Корпус действовал в составе Донской армии на царцидском направлении. Реально в нем было сформировано лишь несколько отдельных «полков» крайне малой численности, представлявших кадры некоторых полков Императорской армии (42-го Якутского, 187-го Аварского и др.), несколько отдельных сотен, рот и эскадронов, а также Технический батальон. Части корпуса, действовавшие на воронежском направлении, понесли большие потери. 15 марта 1919 г. Саратовский корпус был переформирован в Саратовскую отдельную бригаду, а позже его части вошли в состав 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

⁶⁸⁰ **Богинский Всеволод Петрович**, р. в 1862 г. Окончил Александровский кадетский корпус (1880), офицером с 1882 г. Генерал-майор, начальник 11-й пехотной дивизии, интендант Одесского военного округа. 1918 г. в гетманской армии; 20 ноября 1918 г. назначен на должность председателя суда 9-й дивизии с зачислением по военно-судебному ведомству. Осенью 1918 г. командир бронепоезда в отряде графа Келлера в Киеве. В эмиграции в Болгарии. Умер 23 мая 1933 г. в Софии.

⁶⁸¹ **Карпов Александр**. Подполковник, курсовой офицер Одесского военного училища. 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина, 29 ноября 1918 г. назначен в штат Одесской военной школы. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1919 г. в добровольческих частях в Одессе. Генерал-майор. Убит.

⁶⁸² **Почекаев Лев Николаевич**, р. в 1887 г. Подполковник. Участник похода Яссы — Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. начальник колонны в Северной Таврии, с лета 1919 г. командир 42-го пехотного полка. Полковник. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак».

⁶⁸³ **Бернис Федор Петрович (Бьернис)**, р. в 1876 г. в усадьбе Беранты Сагалынской вол. Курляндской губ. Окончил реальное училище в Митаве, Виленское военное училище. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с

18 июня 1919 г. командир 42-го пехотного полка, с 3 сентября 1919 г. одновременно начальник Остерско-Козелецкой группы. В эмиграции с 1921 г. в Латвии. Умер 9 февраля 1931 г. в Двинске.

⁶⁸⁴ **Любомиров Николай Иванович**, р. в 1886 г. Окончил Виленское военное училище (1911). Георгиевский кавалер. Подполковник 295-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в октябре 1918 г. начальник пулеметной команды 1-го Ставропольского офицерского полка, с января 1919 г. помощник командира 1-го отдельного Осетинского батальона, летом 1919 г. помощник командира 42-го пехотного полка, в августе 1919 г. командир того же полка. Полковник (с декабря 1918 г.). 15 ноября 1919 г. тяжело ранен и эвакуирован через Киев, Одессу и Ялту в Варну. В эмиграции в Софии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. во Франции. Умер 9 сентября 1972 г. в Канах (Франция).

⁶⁸⁵ Сводно-гвардейская пехотная дивизия. Сформирована (выделена) 12 октября 1919 г. из гвардейских частей 5-й пехотной дивизии — развернута из Сводно-гвардейской бригады в составе двух бригад. Включала Сводный полк 1-й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк 2-й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк 3-й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк Гвардейской стрелковой дивизии, запасный батальон, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду, Отдельный артиллерийский дивизион (полковник Шпигель), Отдельную гвардейскую тяжелую гаубичную батарею (полковник Казачинский) и Гвардейскую отдельную инженерную роту (полковник Бельи). Ее бригады и части действовали раздельно на Киевском и Черниговском направлениях в составе различных отрядов и объединений, только в январе 1920 г. соединившись в районе Одессы. К 20 января 1920 г. насчитывала около 1000 человек. 2 марта 1920 г. сведена в Отдельную гвардейскую бригаду: 1-й и 2-й сводные гвардейские полки и Сводный гвардейский артиллерийский дивизион (полковник Г.В. Сакс; 3 батареи) в составе 2-го армейского корпуса. Участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польше. В августе 1920 г. перебросена в Крым, где была переформирована в Сводно-гвардейский полк (II). Начальники дивизии: генерал-майор барон Н.И. Штапельберг (с 12 октября 1919 г.), генерал-майор Есимантовский (с 20 января, с 2 марта 1920 г.), генерал-майор М.Н. Скалон (с 29 января 1920 г.). Начальник штаба — полковник Думский (с 12 октября 1919 г.). Командиры бригад (12 октября 1919 г. — февраль 1920 г.) — генерал-майор А.Н. фон Моллер (1-я), полковник К.А. Цабель (2-я).

⁶⁸⁶ 49-й пехотный Брестский полк. Возрожден во ВСЮР. Офицерский кадр полка (стоявшего до войны в Крыму) формировался с конца 1918 г. в Симферополе в составе Сводного полка 13-й пехотной дивизии (в сентябре—октябре 1919 г. его кадр входил в состав 1-го сводного полка этой дивизии). При разворачивании из этого полка 13-й пехотной дивизии стал самостоятельным полком. На 1 августа 1920 г. насчитывал 96 солдат при 6 пулеметах. 23 августа 1920 г. в него были влиты Симферопольский офицерский полк, составив 2-й и 3-й батальоны и офицерскую роту, а также 42-й пехотный Якутский полк. В Галлиполи составил 7-ю роту Алексеевского пехотного полка. Командиры: подполковник Л. Руссов, полковник Хаджи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сумские гусары в Гражданской войне	11
Л. Шишков. 4-й гусарский Мариупольский Императрицы Елисаветы Петровны полк. Участие в Гражданской войне	57
Н. Станюкович. Александрийские гусары в Гражданской войне (эпизоды)	95
С. Топорков. Александрийцы у города Святой Крест 12 января 1920 года	101
Д. Франк. Из рассказов старого кавалериста. Дети — Белые воины	107
А. Аристов. Киевские гусары	110
С. Ряснянский. 10-й гусарский Ингерманландский полк	116
Ю. Слезкин. Ингерманландский гусарский полк в Гражданской войне	125
Ю. Слезкин. Летопись пережитых годов	129
Г. Куторга. Черниговские гусары в Гражданскую войну	162
И. Рубцов. Петроградские уланы в Гражданской войне на Юге России. 1918—1920 годы	167
В. Марков. Письмо в редакцию журнала «Первопоходник»	195
С. Афанасьев. Лихой налет улан 1-го уланского Петроградского полка	197
Тимофеев. История Ачинского конно-партизанского отряда	204
Князь Н. Голицын. Конная атака новоархангельских улан в октябре 1919 года	205
Ф. Крамарев. Эпизоды Гражданской войны. Производство	208
С. Кох. Встреча с махновцами	210
А. Столыгин. В Добровольческой армии	213
Крымцы Ее Величества в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России и в Русской Армии. 1918—1920 годы	229
А. Арсеньев. Воспоминания о службе в Кабардинском конном полку	303

СОДЕРЖАНИЕ

В. <i>Гаджемук</i> ов. Закубанские черкесы в первых двух Кубанских походах 1918 года	318
А. <i>Скопинский</i> . В Крыму	320
А. <i>Волков</i> . Гренадеры в Гражданской войне	323
А. <i>Кривошей</i> . Краткая история гренадерских частей в Гражданскую войну	326
К. <i>Попов</i> . Воспоминания кавказского гренандера	328
Б. <i>Павлов</i> . Гибель Гренадерского батальона в десанте на Кубань	378
И. <i>Горяйнов</i> . 13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк в Гражданскую войну	381
Б. <i>Штейфон</i> . Командование Белозерским полком	383
В. <i>Чернопьисский</i> . 42-й пехотный Якутский полк в Гражданской войне	431
Комментарии	439

ISBN 5-227-01764-6

Научно-просветительное издание

ВОЗРОЖДЕННЫЕ ПОЛКИ РУССКОЙ АРМИИ В БЕЛОЙ БОРЬБЕ НА ЮГЕ РОССИИ

Составление, научная редакция, предисловие и комментарий
д.и.н. Сергея Владимировича Волкова

Ответственный редактор *В.А. Благово*

Редактор *Т.С. Ковалева*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *И.С. Соловьева*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 06.03.2002

Формат 60×90 1/16. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0

Уч.-изд. л. 41,82 + 0,5 альбома = 42,35

Тираж 3 000 экз. Заказ № 664

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14